

КЭТРИН
КУРТУ

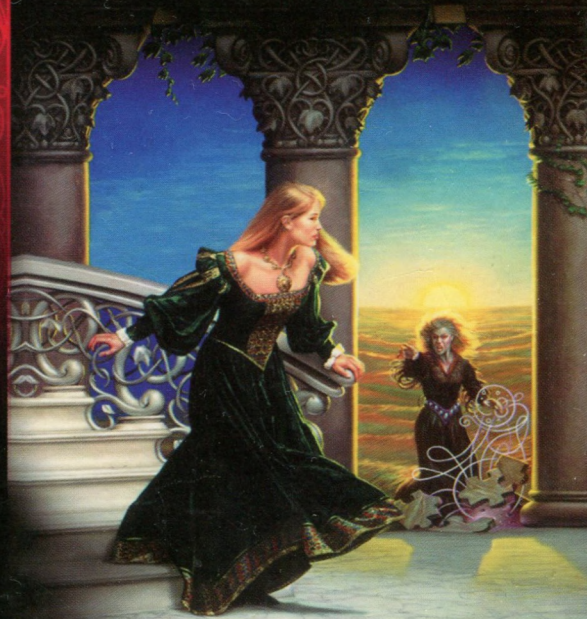
Камбер-еретик

Камбер-еретик

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

КЭТРИН
КУРТУ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

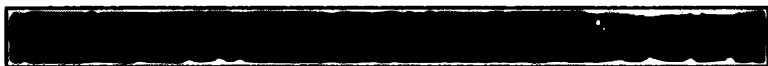
KATHERINE
KUIRTZ

Camber the Heretic

КЭТРИН

КУРТЦ

Камбер-еретик

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Северо-Запад Пресс
Санкт-Петербург

2001

ББК 84 (7США)

К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz
CAMBER THE HERETIC
1980

Серийное оформление А. Кудрявцева

Иллюстрации В. Асадуллина

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и «Права и переводы».

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Куртц К.

К93 Камбер-еретик: Роман / Пер. с англ. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Северо-Запад Пресс», 2001. — 592 с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-006491-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-049-9 («Северо-Запад Пресс»)

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокошачьих и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

© Katherine Kurtz, 1980

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2001

© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2001

**КАМБЕР
ЕРЕТИК**

ПРОЛОГ

**Но вы — род избранный,
царственное священство,
народ святой, люди, взятые в удел,
дабы возвещать совершенства
Призвавшего вас из тьмы
в чудный Свой свет.¹**

Это был совершенно обычный с виду пергамент, исписанный четким, убористым почерком придворного писца, с большой восковой печатью внизу. Ничего особенного на первый взгляд, скучная официальная бумага, — однако когда человек, державший ее в руках, перечитал текст во второй раз, то заулыбался во весь рот. Скрытый смысл текста дошел до него.

— Мердок, я потрясен. Это настоящее сокровище, все, о чем мы только могли мечтать. Но король никогда не подпишет!

Тот, к кому он обращался, отозвался высоким, гнусавым голосом:

— Он уже подписал. — Взяв пергамент, он передал его третьему из присутствующих. — Вчера я подложил

¹ 1-е Петра 2:9

его в пачку рутинных деловых бумаг. То, что вы видите сейчас, — это лишь копия.

Младший из троих, тридцатидвухлетний барон Ран Хортнесский, внимательно вчитывался в текст документа, не пропуская ничего, с дотошностью, совершенно не подходившей для военного. Кряжистый и мускулистый, с неизменной волчьей усмешкой, заслужившей ему прозвище Ран Безжалостный как у друзей, так и у врагов, барон был восходящей звездой гвиннедского войска.

— Келлен, конечно же, этой бумаги не видел, — Ран не столько спрашивал, сколько утверждал.

Мердок надменно кивнул, складывая на животе руки, похожие на паучьи лапы.

— Разумеется, — согласился он. — И не увидит. Пусть наш драгоценный канцлер и дальше пребывает в уверенности, что королевское завещание осталось неизменным с тех пор, как мы засвидетельствовали его прошлой осенью. Тем более, что данный документ никоим образом не меняет само завещание, а просто вносит изменения в порядок действий Регентского совета. Так что совершенно незачем обнародовать его, пока король не умер. Да приберет его Господь скоро и безболезненно, — добавил он с лицемерным почтением.

Ран недобро хмыкнул, однако первый из собеседников даже не улыбнулся. Он задумчиво покосился на Мердока.

— А что, знает ли кто-нибудь, когда должен вернуться епископ Келлен? — поинтересовался он.

— Очень скоро, и мне это не по душе, — отозвался тот. — Король намерен послать за ним Джебедию, а наш славный глава геральдической палаты не склонен медлить. Полагаю, если не помешает непогода, завтра он будет уже в Грекоте, а стало быть, Келлен вернется в Валорет уже к началу февраля. Я надеялся, что до весны епископ не высунет носа из своих владений, однако ... — Он выразительно повел плечами. —

По крайней мере, это будет в последний раз. Королю недолго осталось.

— Так его болезнь настолько серьезна?

— Я думал, он не переживет и крещенский сочельник, — равнодушно отозвался Мердок, — но Целитель Райс помогает душе его не расстаться с телом, и проклятому Дерини это удастся на славу! Будь они все неладны!

В комнате повисло тяжелое молчание — все размышляли о смерти короля и о том, что она должна принести им лично. Наконец Мердок свернул пергамент и перевязал алой тесьмой, затем, окинув взглядом сообщников, постучал свертком по ладони.

— Ладно, мне пора. Нужно положить бумагу в тайник, но прежде я хочу показать ее Хьюберту. Кто-нибудь пойдет со мной?

— С удовольствием, — откликнулся Ран.

После их ухода граф Таммарон Фиц-Артур, Третий Лорд Верховного Совета Гвиннеда, погрузился в глубокие раздумья. Если все пойдет по плану, то очень скоро он займет пост королевского канцлера.

* * *

Прошло еще несколько дней, и на заснеженной дороге, что вела в Валорет, появился эскорт, сопровождавший Дерини Камбера Мак-Рори. Лошади утопали в сугробах, а ветер уносил прочь все звуки.

Камбер, ныне известный всем как епископ Элистер Келлен, бывший главный викарий могущественного Ордена святого Михаила, а ныне канцлер Гвиннеда, получил королевское послание незадолго до рассвета. Ему совсем не понравилось, что его вытащили в такую рань из теплой постели, но он сменил гнев на милость, когда узнал в новоприбывшем своего старинного приятеля Джебедию Алькарского, магистра Ордена Святого Михаила и главу геральдической пала-

ты. Вместе они прошли в кабинет епископа и там ознакомились с кратким посланием, таким обычным для короля Синхила.

Король болен, говорилось там, и ждет канцлера в столице. Состояние его внушает опасения, но Целитель обещал, что правитель не умрет, пока его верный друг Элистер не вернется в Валорет ... а возможно, протянет и еще какое-то время.

В письме был категоричный приказ епископу немедленно отправляться в путь, однако причины такой спешности Синхил не доверил даже пергаменту, который вез сам магистр михайлинцев. Элистеру просто предписывалось покинуть Грекоту сразу же после Крещения.

Может статься, затеплилась надежда в сердце Камбера, король вовсе не так плох, как сам говорит, и дело лишь в том, что он наконец решился исполнить то, чего Элистер Келлен добивался от него все эти десять лет?..

Епископ Грекотский немедленно отдал необходимые распоряжения своей свите, и едва рассвело, невзирая на метель, двинулся в путь, направляясь в столицу. Они останавливались как можно реже, лишь чтобы сменить лошадей, да глотнуть чего-нибудь согревающего, вознамерившись достичь Валорета уже к ночи. По дороге у Камбера было достаточно свободного времени для раздумий, чтобы гадать о том, что могло исполниться, если бы все было иначе ...

Если бы Синхил не был при смерти ... Если бы безжалостный недуг дал им отсрочку еще хоть на несколько лет ... Если бы король был моложе, когда взошел на престол ... Нелегко человеку, когда ему уже за сорок, стать родоначальником правящей династии, и совсем мало надежды увидеть, как расцветет его род.

Первенец Синхила был отравлен врагами королевства еще до того, как тот принял корону. Ныне близнецам, его старшим сыновьям, шел лишь

двенадцатый год, — еще два года до совершеннолетия ... бесконечно далеко. Младшему мальчику всего десять лет. Мать их скончалась девять лет назад при родах, а малютка-сын, последний в роду, пережил ее лишь на пару месяцев. После совершеннолетия близнецов должно пройти еще несколько лет, прежде чем Алрой, законный наследник трона, сможет стать полноправным правителем; а до тех пор во главе королевства будет стоять Регентский совет.

Это внушало Камберу справедливые опасения. Прошло тринадцать лет с того дня, как он, при поддержке своих детей и товарищей, возвел на трон Гвиннеда Синхила Халдейна. Тот отнюдь не стремился к власти, и их всех ждали нелегкие времена, однако теперь они казались едва ли не отдыхом, по сравнению с тем, что надвигалось впереди. Членов будущего Регентского совета король назначал, мало считаясь с советами и пожеланиями своего канцлера — и теперь Камберу предстояло пожинать плоды. Регенты, все до единого, с нетерпением ожидали смерти государя, строил козни, стремился укрепить свое влияние на юных принцев, подорвать хрупкое равновесие между людьми и Дерини, хотя самые разумные представители обеих рас без устали твердили о том, как необходим мир и будущему наследнику, и всему народу Гвиннеда. Но их не слушали, а Синхил не замечал угрозы.

А теперь враги Дерини были как никогда близки к цели. Если Райс не ошибся, то Синхил уйдет в мир иной еще в этом году, причем это может случиться в любой миг, и отсрочить неизбежное нет никакой возможности. Регенты тут же захватят власть над юным Алроем, лишат власти всех верных трону Дерини, забыв о прошлых заслугах на службе королевству и его государю. За этим неизбежно последуют гонения, преследования и наконец кровавые погромы. Такое случилось и прежде, в иных местах, в иные времена. Теперь, похоже, пришел и их черед.

Но пока что Камбер, спеша в Валорет на зов короля, не терял веры в будущее. Он не чувствовал груза своих семидесяти лет (на вид, ему можно было смело дать лет на десять меньше, а по живости характера он и вовсе тянул не больше, чем на пятьдесят). Пока Синхил еще жив, остается надежда достичь цели, которую Камбер и его дети поставили перед собой четырнадцать лет назад, впервые ступив на сей полный превратностей путь. В ту пору, чтобы возвести на престол бывшего монаха, они передали ему могущество Дерини, хотя впоследствии Синхил никогда не прибегал к этой силе. Однако ныне ему настал час передать эту магию, или то, что от нее осталось, своим сыновьям. Дай бог, чтобы принцы сумели распорядиться своей силой с большей мудростью и бесстрашием, чем их отец.

Камбер отнюдь не был уверен, что сумеет воплотить свой замысел, ибо времени оставалось все меньше, а он пока ни на шаг не приблизился к цели. Однако он должен был попытаться.

ГЛАВА 1

Самый могущественный пришел исцелять, и он получит королевскую благодарность.¹

Райс Турин, один из самых уважаемых Целителей во всех Одиннадцати королевствах, в волнении расхаживал по спальне графа Эборского, пытаясь решить, что еще он может предпринять. На постели перед ним бился и метался в непрерывных мучениях его пациент. Каштановая борода и волосы промокли от пота, хотя за окном вечерело, стоял январь месяц, и в комнате было холодно.

Это Синхил отправил Райса сюда, в Эбор, едва услышал о болезни графа. Отдавая приказ Целителю немедленно отправляться, он был сам не свой, задыхался, с трудом подыскивая слова от волнения. Лишь когда Райс заверил его, что немедленно тронется в путь, он успокоился, ибо не мог довериться ни одному другому лекарю. Не дай Бог, граф умирает?!

Стоило лишь подумать об этом, как Целителю делалось не по себе; однако все же он задержался с отъездом, несмотря на волнение короля, а точнее, именно из-за этого. Хотя Синхил заметно приободрился, узнав,

¹ Екклесиаст 38:2

что скоро вернется из Грекоты Элистер Келлен, но Райсу не хотелось надолго оставлять своего царственного пациента. Пусть до столицы ему будет всего несколько часов пути – но и это слишком много, если он срочно понадобится во дворце.

На исцеление короля не было никакой надежды. Самое большее, на что мог надеяться Райс, это облегчить правителю последние дни и часы жизни. Полностью же изгнать болезнь было не под силу ни ему, ни кому-либо еще из Целителей. Ни он сам, ни король не питали иллюзий на этот счет.

И все же, когда пришло известие о недомогании графа, Синхил не испытывал сомнений. Назначенный два года назад смотрителем западных границ, Грегори Эборский, знаменитый Дерини-алхимик, был преданным слугой и другом короля. Так что у Райса просто не было иного выбора...

Однако сейчас, рядом с Грегори, Целитель вынужден был расписаться в полной своей беспомощности. Они с графом были давними знакомыми, ибо последний вот уже пять лет состоял с тайном обществе Дерини, именуемом Советом Камбера. На таком названии настоял архиепископ Джеффрай, также член общества, для которого имя Камбера было своего рода символом тех высоких целей, к которым стремились они все. В Совет входили также Райс, Ивейн, Джорем и Джебедия, равно как и сам Камбер, о чем, впрочем, не догадывались ни Джеффрай, ни Грегори.

Все восемь лет своего существования Совет Камбера во многом определял политику менее могущественных деринийских кланов и влиял на сохранение мира между Дерини и людьми. Неустанные изыскания леди Ивейн вместе с отцом, а ныне с епископом Элистером возвращали неоценимые, доселе неведомые знания предков. Грекота, где обосновался Камбер, стала источником магической информации. А Грегори, граф Эборский, был частью всего дела.

Но теперь он был во власти лихорадки, от которой то ли не мог, то ли не желал избавиться. Ни помощь королевского Целителя, ни магия Дерини не могли одолеть могущественные силы, порождавшие мучительные корчи. Даже старший сын и наследник Грегори, вдумчивый юноша, овладевший навыками в применении могущества Дерини, был не в силах прорвать круг страданий. Пол перед камином был усыпан осколками глиняной посуды и стекла, и слуги не осмеливались прибирать черепки — немое свидетельство возможного сумасшествия высшего лорда-Дерини.

Погрузившись в размышления, Райс остановился у цветного витража, счастливо избежавшего разрушения, и, положив обе руки на нагретое солнцем стекло, подивился, что граф пощадил окна. Сразу по прибытии он и Ивейн, его жена, работающая с ним тринадцать лет, попытались помочь страдальцу и предотвратить дальнейшее распространение болезни. Вдвоем они были достаточно физически сильны, чтобы он не смог преодолеть их защиты и, оставаясь в беспамятстве, угрожать их сознанию.

Однако, когда к больному прикасались, начинались такие конвульсии, что входить в контакт на требуемое время было небезопасно. В бреду могла вернуться мания разрушения, к тому же припадки не приносили облегчения.

Раны графа было довольно просто обнаружить. Судя по излому руки, она была вывихнута в плече, вероятно, раздроблена, хотя точно этого нельзя было определить до тщательного обследования.

Значит, причиной столь буйного поведения Грегори было нечто иное, возможно, тяжелое ранение головы, однако ни его сын, ни его лакей не припоминали, что бы во время происшествия он ушиб голову.

Сощурив карие, с янтарными крапинками глаза, Райс поглядел сквозь красно-синее окно. Сокрушенно вздыхая, он пригладил взлохмаченные рыжие волосы и подошел к жене. Ивейн сидела у камина, небрежно набросив меховой дорожный плащ, и молча наблюдала за мужем и его страждущим пациентом.

— Что ты намерен предпринять? — спросила она, увидев, что он присел рядом с лекарской сумкой и копается внутри. Райс покачал головой и снова вздохнул.

— Для начала, стоит попытаться его успокоить. Возможно, придется даже разрушить опоры, возведенные сознанием. Хотя, по правде говоря, мне этого не хочется. Он мог бы оказать большую помощь. Но мы не можем позволить ему крушить здесь все, пока мы работаем.

Он извлек пергаментный пакетик с зеленой печатью, прочитал написанный на нем текст, закрыл сумку и выпрямился.

— Сначала попробуем это, — он аккуратно сломал восковую печать. — Как думаешь, лошадь могла ударить его в голову? Налей, пожалуйста, немного вина в чашку, чтобы смешать с порошком. Чем скорее он проглотит это, тем лучше.

Кивнув, Ивейн Мак-Рори Турин, единственная дочь святого Камбера Кулдского, грациозно поднялась, подошла к низкому столику у камина и, сбросив плащ, опустилась на колени. Несмотря на свои тридцать пять лет и то, что была матерью троих детей, она выглядела много моложе. Ее дорожное платье облегло каждый изгиб фигуры; серо-сизый цвет, как никакой другой, подчеркивал голубизну глаз. Волосы, пламенеющие золотом, были аккуратно собраны на затылке, чтобы в дороге их не спутало ветром, но одна прядь, выбившись возле прелестного ушка, придавала лицу еще большую свежесть.

Она налила ровно половину чаши из стоявшего на столе графина и с задумчивым видом протянула мужу. Райс всыпал порошок. Находясь вместе, они всегда понимали друг друга с полуслова.

— Думаю, ты прав, — сказала она, помешивая содержимое чаши и наблюдая, как лекарство растворяется в вине. — Без сомнения, ему от буйства становится только хуже. А если он снова начнет швырять что попало, тогда я просто не знаю, долго ли эта комната выдержит.

Райс понюхал вино и кисло улыбнулся.

— Не доверяешь моему зелью, любовь моя? Гарантирую, от этого кризис минует.

— Сначала придется заставить его принять снадобье, — возразила Ивейн. — Как ты предполагаешь это проделать?

— А в этом и состоит секрет Целителя! — Он сорвал свою лекарскую мантию, бросил поверх ее плаща, подошел к двери и распахнул ее.

— Джесс, зайди, пожалуйста, и прихвати парочку слуг... Прежде чем он коснется меня, я успею дать снотворное. Не бойся, я не причиню ему боли и не позволю повредить себе самому.

В комнату осторожно заглянул и вошел рослый, смуглый юноша в сопровождении трех слуг в белоголубых ливреях. Джесс, который ездил в Валорет за Райсом, был молод, молчалив, основателен и всем своим существом выражал исключительное почтение к хозяину. И он, и его подчиненные исподтишка поглядывали на огромную кровать, посреди которой метался граф, и не решались приблизиться к ложу.

Райс за руку подвел Джесса к постели, подбадривая уверениями.

— Это вовсе не так трудно, как кажется, — говорил он беззаботно. — С ним будет все в порядке, с вами — тоже. Ничего худого не случится. Итак, молодые люди, я хочу, чтобы вы крепко держали его за

ноги и поврежденную руку, как только я дам команду. Если нужно, сядьте на него, но пусть лежит смирно. Если мое лекарство не попадет внутрь, оно не поможет вашему хозяину. Джесс, я хочу, чтобы ты помогал мне держать его голову. Ты его умиряешь, а я забочусь о том, чтобы он открыл рот и Ивейн влила снадобье. Сумеете справиться?

На лице Джесса читались сомнение и легкий испуг.

— Вы уверены, что он не начнет снова бросаться? Мне-то все равно, заденет меня или нет, но прислуга...

— Об этом позаботимся мы с Ивейн, — ответил Райс и жестом пригласил челядь приблизиться.

Троица неохотно повиновалась и боязливо сбилась в кучку возле кровати, распределяя между собой обязанности. Райс и Ивейн с чашей наготове заняли позицию в изголовье. Прошла минута, один из слуг тайком перекрестился перед грядущей битвой. Затем по знаку Райса все разом бросились на Грегори.

Поднялась суматоха. Грегори выгнул спину, отбрасывая натиск, кровать ходила ходуном. Райс, пытаясь разжать челюсти графа, услышал, как за его спиной что-то грохнуло об пол, но не обратил внимания: главное — усмирить буйство и бред. Когда Ивейн удалось влить в открытый рот смесь вина со снотворным, Грегори издал дикий нечеловеческий крик. Райс умелым прикосновением вызвал глотательное движение: одно, второе, третье, и с приемом лекарства наконец было покончено.

Отпустив голову Грегори, Райс дал слугам знак отойти на безопасное расстояние, а сам вместе с Ивейн и Джессом продолжил борьбу с буйной яростью графа. Плошка и кувшин с водой пронеслись по комнате и рухнули на пол с грохотом. Затем в воздух взлетели два меча и ударились о противоположную стену, едва не зацепив голову Джесса.

Наконец болезненно-белесые глаза графа затянуло поволокой, голова перестала дергаться из

стороны в сторону — снотворное давало себя знать. Он простонал несколько раз, очевидно, все еще сопротивляясь, но было ясно, что сражение проиграно. Когда в конце концов граф успокоился, Джесс глубоко вздохнул с невыразимым облегчением, передернул плечами и прижал руки к груди, стараясь унять нервную дрожь.

— Я сказал ему: «Не ездите на этом жеребце», — с усилием шептал он, по большей части обращаясь к самому себе. — Это — зверь, убийца. Отличная у него родословная или нет, его нужно уничтожить!

— Джесс, что конкретно произошло? Ты был там? — спросил Райс, понемногу расслабляясь. — Не знаешь, он наскочил на что-то или ушибся при падении?

Юноша снова задрожал и закрыл глаза, словно это могло защитить его от воспоминаний.

— Я был там, но лучше бы не был. Жеребец с силой ударил его о забор, а потом, думаю, лягнул, хотя и не уверен. Все произошло так быстро.

— Граф был без сознания? — поспешил с вопросом Райс.

— Да. Или просто оглушен. В первую минуту хозяину казалось, что у него только вывих, он вроде пришел в себя. Но когда его подняли, началось то, что вы видели сейчас. Вскоре после этого вещи начали летать по комнате. Наш домашний Целитель отлучился на несколько дней, поэтому я послал за вами.

— Понятно, — сказал Райс. — Я уверен, что у него перелом и вывих. С психикой, судя по всему, придется поработать. В любом случае с ним теперь вполне можно справиться, поглядим, что удастся сделать. Если хочешь, можешь подождать снаружи.

Кивнув, Джесс проглотил слюну, неловко попятился к выходу, у порога наконец развернулся и исчез вслед за тремя удалцами. Райс с трудом сдержал улыбку, выждал, пока дверь затворилась за ними, и положил руку на плечо Ивейн.

— Ну что, любовь моя, попробуем еще раз? — почти весело спросил он.

Ивейн встала у изголовья и прижала руки к вискам больного. Райс расположился напротив, слева от кровати. На этот раз прикосновение успокоило Грегори, очень скоро он впал в тихий, глубокий сон, еще более крепкий от выпитого снотворного. Успокоение наполняло комнату, заставляя забыть о недавних страданиях человека, голову которого она сжимала руками и чье сознание удерживала, ожидая прикосновения мужа.

Райс чувствовал, как меняется атмосфера, — Ивейн была готова. Облегченно вздохнув, он расстегнул на Грегори тунику, освободил поврежденное плечо и, легко касаясь, провел рукой по суставу и ключице. Используя все магические чувства для определения размера повреждений, он обследовал задетые мышечные волокна и нервные каналы, оголил места вывиха и перелома ключицы и, прежде чем соединить сломанную кость и восстановить ее, вправил вывих.

Теперь место обычного лекаря занял Целитель-Дерини. Полностью сконцентрировавшись, Райс закрыл глаза. Жизненные силы неукротимым потоком хлынули по энергетическим каналам его тела, — все было так же, как и всегда, но в глубине души он не переставал поражаться той удивительной силе, что была дарована ему.

Райс почувствовал, как под его руками срастаются переломы, воспаленные и порванные мышцы становятся прежними, целыми, синяки бледнеют и пропадают. Он почувствовал приток крови к поврежденной зоне, уносящий омертвевшие ткани и побуждающий рост новых клеток.

Наконец Целитель открыл глаза и позволил обычным человеческим чувствам закрепить уже известное ему. Надавил чувствительными пальцами на линию вывиха и перелома и убедился, что эта часть работы явно завершена. Скорее всего, его пациенту придется провести несколько дней без движения, тем не

менее, это весьма малая цена за повреждения, нанесенные телу. Графу Грегори грех сетовать на неудобства излечения. Теперь предстояло выявить причину психического недуга Грегори.

Когда Райс поднял голову и вновь вернулся в осязаемый мир, Ивейн завладела его вниманием.

— Думаю, я знаю, почему он был невменяем, — произнесла она, проведя пальцами руки за левым ухом Грегори. — Вот здесь у него шишка, под волосами. По-моему, след от удара. Видна небольшая царапина. Но лучше взгляни сам.

Нахмурившись, Райс провел рукой по голове, обследуя ее. Он вновь сконцентрировался, и глаза Целителя затуманились.

Спустя минуту он кивнул.

— Внутри черепа опухоль, как и снаружи. Возможно, именно это и объясняет его поведение. Посмотрим, что можно сделать.

Он снова впал в транс, глаза закрылись. На этот раз обследование и исцеление требовали больше сил. Не без труда Райс выяснил суть повреждения под черепом, углубившись в течение мыслей Грегори.

Наконец он громко выдохнул, разогнул спину и с удовольствием потянулся — исцеление состоялось!

— Да, не хотел бы я проделывать такое каждый день, но надеюсь, он выздоровеет. Можешь привести его в чувство. А после нормального, крепкого ночного сна наш пациент должен быть в порядке.

— Будет еще немного побаливать голова, — сказала Ивейн, углубив свой контроль над сознанием графа. — Ему можно будет дать вина?

— Конечно. Он еще и есть захочет. После таких мучений нужно восстановить силы.

Отойдя от постели исцеленного, Ивейн подошла к двери и приказала слугам принести еще вина, так как графин на столике у камина также стал жертвой графского буйства.

Когда Грегори наконец открыл помутневшие глаза, слуга наводил в комнате порядок, а его спасительница стояла у изголовья кровати с чашей теплого молока, придающего куда больше сил, чем вино. Поддерживая плечи и голову, Ивейн приподняла больного, поднесла чашу к его губам. Она и Райс с умилением наблюдали, как выражение непонимания на лице сменяется осознанием происходящего.

— Райс, — вымолвил граф, переводя взгляд с рыжих волос Целителя на его лицо, затем моргнул несколько раз, стараясь сопоставить факты. — Что... Как ты сюда попал? Я ехал на... О!

— Все в порядке, — кивнул Райс. — Ты начинаешь вспоминать. Конь сбросил тебя наземь, ты ушибся, хорошо, что вообще остался жив. Твой сын послал к королю за Целителем, а король отправил меня лечить тебя. — Он успокаивающе улыбнулся. — Хотя, должен заметить, ты не горел желанием исцеляться. Ты тут устроил такой кавардак... зрелище было не из приятных.

— Ты имеешь в виду, что я дрался с тобой? — Краска залила узкое лицо озадаченного и смущенного графа. — Я применил силу? Райс, я действительно сожалею. Я... — Он замер на минуту, а затем в глазах вспыхнул испуг, словно граф позабыл что-то важное, испуг рос с каждой секундой и скоро стал смесью страха и отчуждения. — Райс? Я не могу почувствовать тебя, Райс! — Словно тонущий человек, Грегори, ничего вокруг не замечая, цеплялся за руку Целителя. — Что случилось? Что ты со мной сделал? — Другую руку он в тревоге прижал к виску. — Райс, я не вижу тебя своим сознанием!

— Что?!

Мгновенно поняв, о чем речь, Райс мысленно послал запрос и содрогнулся от ужаса и изумления, осознав, что мозг этого человека был совершенно открыт для него. Исчезли обычные для Дерини защиты, которые должны были восстановиться, как только

ки на некогда огромное могущество, отличавшее такого опытного и сильного Дерини, как граф Эборский. Райс оказался внутри мозга Грегори, не встретив ни следа поистине великих сил и способностей, против которых он боролся не далее, как четверть часа назад.

Он ощутил смешанную с его собственным неверием тревогу Ивейн, когда она вошла в контакт с ним и подтвердила отсутствие сопротивления, словно Грегори Эборский был обычным человеком с самым незатейливым внутренним миром. Что могло произойти?

Тряхнув головой, чтобы прочистить ее, он сжал руками голову Грегори и осторожно прижал к подушке, пробегая пальцами по затылку, в то время как большие пальцы оставались прижатыми к влажным вискам, мозг поддерживал контакт. Граф не сопротивлялся, его глаза были полны ужаса и обвиняли, но в них не было и тени ощущения того, что Целитель проник в его мозг. Он стал беспомощен и уязвим.

Не в силах вынести этого взгляда, Райс закрыл глаза и нежно, но настойчиво надавил пальцами, возвращая пациента в спасительное бессознательное состояние, а сам продолжал обследование. Никогда раньше он не слышал о таких вещах! Дерини не теряли своего могущества. Неужели причина тому он?

— Ты знаешь, что случилось? — ясная мысль Ивейн прорвалась сквозь его удивление и смятение.

— Пока я был очень-очень глубоко, исцеляя, я, должно быть, повредил что-то в его голове, — отозвался он, только частью своего существа отвечая на вопрос Ивейн, — Останься со мной, любовь моя. Мне нужно докопаться до причины. Это должно быть там!

Закончив контакт, он заставил себя проникнуть как можно глубже, разыскивая каналы, на которые ненароком повлиял каким-то особенным образом. Несколько минут полнейшего транса, даже Ивейн не могла следовать за его мыслями, так глубоко она не осмелилась проникнуть и следила только за тем, что-

бы организм не забывал дышать, а сердце спокойно и размеренно билось.

Он опустился так глубоко, что не осознал, как нашел искомое, просто понял, что нашел, и вернул обычный ход вещей. Провел обследование, чтобы убедиться, что все действительно восстановлено, тяжело вздохнул и вынырнул на поверхность, уставший, немного озадаченный и довольный.

Когда он снял руки с головы Грегори и поднес к глазам, они тряслись. Райс позволил себе роскошь опуститься на пол рядом с кроватью и отдышаться, уронив голову на край постели.

Обойдя кровать, Ивейн стиснула его руку, гладила по щеке, старалась поймать взгляд.

— Райс, с тобой все в порядке? — требовательно спросила она и расслабилась, когда ее собственные чувства подтвердили его кивок, — Где ты был? Раньше ты никогда не забирался так глубоко.

Райс устало повел плечами и, улыбнувшись, заключил жену в объятия.

— Точно. Возможно, это наибольшая странность из тех, что я когда-либо переживал. Я все еще не понимаю, как все это вышло. Придется немного покопаться, прежде чем вытащу это на поверхность. — Помолчав, он задумчиво продолжал: — Знаешь, твой отец должен посмотреть на это. Интересно, придет ли он сюда, если послать за ним?

— А нельзя подождать до следующего заседания Совета? — спросила Ивейн. — Он не захочет оставить Синхила даже на несколько часов.

— За пару часов с Синхилом ничего не случится, — ответил Райс. — Тавис там, а если понадобится еще Целитель, так в городе есть и другие. По-моему, нам стоит все как следует проверить, прежде чем Грегори окончательно поправится и, возможно, пожелает, скрыть случившееся. Надеюсь, твой отец поможет мне выяснить, как такое могло случиться.

— Ты прав. Если кто и сумеет разобраться, так только он. Только как ты собираешься вызвать его? Открытым текстом в послании об этом вряд ли стоит писать. Представь, что будет, если Синхил прочтет, а о гонце и говорить нечего.

— Все верно. С другой стороны...

Райс просунул руку под тунику, потянул за тонкий зеленый шелковый шнур и извлек на свет серебряный медальон размером с грецкий орех. С задумчивым видом он покрутил талисман в руках, рассеянно проводя ногтем большого пальца по выбитой надписи... Итак, что же предпринять? Наконец он крепко обнял Ивейн, встал, не пряча медальон, и подал руку жене, помогая подняться.

— Любимая, будь добра, принеси мне все для письма. Епископ Грекотский — добрая душа. Если мы попросим его, он наверняка не откажется провести большого друга, графа Эборского. Обратимся к его долгу священника и епископа, а равно и друга... В самом конце, вместе с печатью, я добавлю короткое послание, которое сможет прочесть только адресат. Однако того предлог ему изобретать не понадобится — этого хватит, чтобы Синхил отпустил его сюда; а из тайного послания он сумеет понять, зачем в действительности нужен нам. Пока ты пойдешь за перьями и пергаментом, я прикажу гонцу седлать лошадь и готовиться в путь.

ГЛАВА 2

И восстанет на место его презренный, и не воздадут ему царских почестей: но он придет без шума и лестью овладеет царством.¹

Синхил Халдейн шумно и прерывисто закашлялся, прикрывая рот платком, затем подвинул фигурку лучника на инкрустированной игровой доске и уставился на партнера, сидящего в кресле напротив. Человек, которого король знал как Элистера Келлена, улыбнулся и ответным ходом передвинул всадника. Синхил нахмурился.

— Проклятье, Элистер, зачем ты пошел так? Ты же знаешь, там затаился карадот. Иногда я тебя совсем не понимаю.

Добродушно усмехаясь, Камбер поднял косматые брови и прикрыл рукой улыбку.

— Разумеется, я помню о логове карадота, сир. Но я также помню о силе моих лучников и всадников.

— Твоих лучников? Но я... Ого!

Некоторое время Синхил молчал, сосредоточенно изучая расположение фигур, затем схватил одного из своих лучников и двинул в контратаку.

Неторопливо, едва ли не равнодушно, Камбер протянул руку и переставил своего герцога на соседнюю клетку. А когда Синхил удивленно охнул, он поднял указательный палец.

— Сир, у вас есть единственный шанс выбраться из этой позиции. Сумеете понять, в чем дело, сможете даже выиграть. Если нет, лучше сдавайтесь.

— Что? — вспыхнул Синхил. — Да ты же не можешь... А, я вижу. — Он вздохнул. — Будь ты неладен, Элистер. И как это тебе удастся так здорово разбираться во всем, что ты делаешь?!

Вместо ответа Камбер пожал плечами, а Синхил наморщил лоб и, положив подбородок на руки, принялся изучать позицию на доске, задумчиво покусывая тонкий седой ус. Ему удалось подавить новый приступ кашля, но это усилие вызвало боль, скрыть которую он не сумел.

Делая вид, будто ничего не заметил, Камбер откинулся в кресле и прикрыл глаза, вертя аметистовый перстень на правой руке. Он прекрасно сознавал, что королю не удалось провести и Джорема, который молча сидел с книгой в дальнем углу комнаты, у окна. Отсюда ему не был слышен разговор короля и епископа, зато он прекрасно видел обоих.

Джорему уже сровнялось сорок лет, однако рыцарь Ордена святого Михаила ничуть не изменился с тех давних пор. Он по-прежнему носил синюю рясу священника Ордена и белый пояс рыцаря, только теперь служил личным секретарем епископа Грекотского, своего бывшего наставника по Ордену. Эта должность была отличным прикрытием — она позволяла оставаться рядом с человеком, которого вот уже тринадцать лет считали мертвым и причислили к лику святых. Все, кроме избранных, были уверены, что Камбер мертв, пал в битве при Йомейре в 905 году, защищая своего друга Элистера Келлена от принцессы Эриеллы. И только Джорем, Райс, Ивейн и надежный

Джебедия из Алкары знали, что именно Элистер, а не Камбер умер в этот день, Камбер же принял облик мертвого друга и сохранил все его знания, чтобы иметь возможность влиять на недавно коронованного короля. Секрет оберегался вот уже тринадцать лет, риск был оправдан. Синхил оказался в общем-то хорошим королем. Успех дальнейшего правления зависел, по крайней мере, частью, от того, сумеет ли Камбер сохранить свою тайну еще некоторое время.

Джорем вопрошающе поднял голову, среагировав на приступ Синхила, и застыл, прислушиваясь, что с некоторых пор стало обычным при дворе. Камбер чуть заметно кивнул ему и вновь обернулся к Синхилу. Король кашлянул и двинул своего короля-священника на архиепископа Камбера.

— Ну-ка, как тебе понравится это, Элистер?

Когда Камбер занес руку над доской для отражения атаки, в дверь настойчиво постучали. Досадливо вздохнув, Синхил возвел глаза к небу.

— Только не сейчас! — шепнул он, качая головой. — Джорем, не посмотришь, кто там? Я не могу прерывать игру как раз тогда, когда обратил его в бегство!

— Еще чего, в бегство! — беззлобно усмехнулся Камбер.

Кивнув, Джорем направился к двери. Когда дверь распахнулась, Камбер увидел высокого худощавого человека, одетого в цвета Картана, которые нельзя было не распознать. Это был граф Мердок собственной персоной, один из людей — наставников юных принцев и непримиримый противник каждого Дерини, этой расы целиком и всего, что имело к ней отношение. В случае, если король умрет прежде, чем Алрою исполнится четырнадцать, граф станет одним из регентов при наследнике, о чем Синхил с долей смущения сообщил Камберу. В ответ на вопрос о причинах такого выбора

Синхил простодушно отвечал, что Мердок человек благочестивый и воздержанный, очень под-

ходящий для этой роли. Кроме того, у Мердока сыновья лишь немногим старше близнецов.

Когда Мердок увидел у двери Джорема вместо ожидаемых королевских оруженосцев, на его мрачном лице появилось выражение чрезвычайного раздражения.

— Ваше Превосходительство, — почтительно пробормотал Джорем, отходя в сторону и кланяясь.

Мердок предпринял неудачную попытку скрыть неудовольствие и поклонился в ответ, однако этот бесцеремонный кивок трудно было назвать любезным. Он отлично знал, что отец Джорема был графом и имел знаки достоинства куда более высокие, и Джорем, если бы не сан священника, стал бы графом Кулдским сразу после отца и стоял бы рангом выше, чем будущий регент. То, что Джорем не стал графом, не имело для Мердока никакого значения. Он вообще был категорически против того, чтобы Дерини обладали какими-либо титулами и должностями.

— Отец Мак-Рори, — произнес Мердок, каждым звуком выражая недовольство. — Мне назначена аудиенция у Его Величества. Будьте так добры, доложите обо мне.

Втайне потешаясь над Мердоком, Джорем вновь церемонно поклонился с преувеличенной учтивостью, легко повернулся и направился к освещенным солнцем игрокам.

— Сир, Его Превосходительство граф Картанский.

Спасительная позиция — спиной к двери — более не защищала Синхила от визитера, король с покорностью обернулся.

— Ах, Мердок, неужели вы не можете подождать? Я как раз почти обыграл епископа Келлена в кардонет.

— Прошу прощения, государь. — Мердок, обдав Джорема полным презрения взглядом, прошел в покои и с показным благоговением склонился, чтобы поцеловать руку короля. — Я, как вы просили, намеревался ознакомить вас с успехами принцев в уче-

нии, но если сейчас неподходящее время, я приду в другой раз. Милорд канцлер ...

Оторвавшись от руки Синхила, он кивнул Камберу. В ответ Камбер галантно склонил голову, зная, что его приветливость раздражает Мердока больше, чем откровенная грубость. Мердок скривился, словно проглотил лимон, но, придвигая стул по приглашению короля присесть, вернул лицу благостное выражение.

— О нет, вовсе незачем приходить позднее, — Синхил испытывал неловкость. — Я в самом деле интересовался, и ты правильно поступил, придя сюда. Вы с наставниками удовлетворены успехами принцев?

Манерно присев, Мердок следил, как король вертит в пальцах одну из фигур. Он умело прятал раздражение, но Камбер знал: графу Картанскому очень не нравится делить внимание Синхила с другими. В его гнусавом голосе слышалась досада. Камбер в который раз удивился: что можно найти в нем, кроме прекрасной родословной? Он встречал детей Мердока, и в них не было иных достоинств, за исключением голубых кровей.

— У принца Алроя успехи заметные, сир. У Его Высочества талант к изучению языков. Епископ Хьюберт очень доволен по части чистописания. К тому же с каждым днем наследник мужает. Он будет достойным приемником Вашего Величества, хотя, конечно, мы все неустанно молимся, чтобы это случилось как можно позже.

— Да, да, продолжай.

— Разумеется, сир. Принц Райс Майкл еще очень юн, но и граф Эван, и лорд Ран уверены, что он обещает вырасти мудрым стратегом и тактиком, равно как и сильным воином. Если однажды ему придется стать королем, то за благосостояние страны можно будет не опасаться.

— О, мальчугану только десять! А что Джеван? — нетерпеливо спросил Синхил.

Мердок безраздельно завладел вниманием короля, Камбер старался оставаться бесстрастным, сидевший у окна Джорем тихонько ерзал.

Епископ чувствовал, как Джорем напрягается, чтобы коснуться его сознания. Пару раз Джорема назначали наставником к принцам, и Камбер знал, что он явно выделял увечного Джевана.

Вновь переключившись на Синхила, чувствуя короля так же хорошо, как и Джорема, Камбер заметил, что губы Синхила раздвинулись в тонкой улыбке.

— Почему ты ничего не говоришь про Джевана? — спокойно переспросил король. — С ним нелегко?

Мердок пожал плечами, изобразив удивление, и демонстративно уставился на золотое кольцо на большом пальце левой руки.

— Мечом он владеет так хорошо, насколько это ему доступно, — отвечал он с некоторым небрежением. — Граф Таммарон говорит, что верхом он ездит лучше, чем можно было предполагать. По правде говоря, даже лучше братьев, — заметил он с неохотой. — Но, черт побери, вы же знаете, сир, он не сможет надеть корону после брата! Народ не потерпит калеку на престоле, и еще, мне не нравится то, что юный лорд Тавис вбивает ему в голову. Епископ Хьюберт и я предупреждали вас о наставнике-Дерини, Ваше Величество!

— Да, да, вы в самом деле говорили, — примирительно ответил Синхил, поглядывая на решительно настроенных епископа Грекотского и Джорема. — Тем не менее Тавис О'Нилл очень толковый учитель и прекрасный Целитель. Учитывая ... недостатки Джевана, эти качества равно необходимы.

— Страдания принца Джевана не облегчит ни один Целитель, Ваше Величество, — холодно парировал Мердок. — Простите мою грубость, но вы знаете, что это правда. А вскоре этот Дерини отравит мальчика ненавистью к тем, кто оберегает и учит его. Он ненавидит Рана. Он подрывает авторитет...

— У вас есть доказательства, милорд? — вмешался Камбер мягко, но с такой настойчивостью, что Мердок замолчал на полуслове. — Сдается мне, вы обвиняете лорда Тависа в подстрекательстве, это серьезное обвинение. Если у вас нет доказательств...

— Сир! Вы позволяете усомниться в моей верности долгу? — вспыхнул Мердок, став похожим на разозленного паука. — Если его королевское величество желает окружить свою персону Дерини, позабыв о том, что случилось с семьей его величества много лет назад, то это его право. Но ваше королевское величество доверило мне ответственность воспитания наследников державы, и если я должен исполнять возложенную на меня миссию, то должен обладать и некоторым авторитетом. Детская принцев — не место для Дерини. Будь они Целители, или нет!

Камбер открыл было рот, но, глядя на Синхила, задумался над вопросом: как следует отвечать, и нужно ли это вообще?

После обвинительной речи Мердока Синхил побелел, его серые глаза жгли Камбера, будто это епископ своей рукой направил лук и послал смертельные стрелы в его прадеда-короля, увлекая страну в пучину темных лет Междуцарствия.

Камбер моментально вспомнил, по какой тонкой грани ходил он, общаясь с Синхилом, почти полтора десятка лет совместного земного существования Камбера и Элистера. За это время так и не удалось ликвидировать сомнения короля относительно Дерини — они жили в тайниках сердца, и Синхил окунался туда, спасаясь от суеты мира.

Камбер сидел, не шелохнувшись, и только память Элистера в его сознании взывала к благоразумию, требуя пренебречь грязными намеками, которые Мердок бросил, словно латную перчатку. Времена Междуцарствия минули. В глубине души Синхил понимал это. Дерини, которые теперь служили Халдей-

нам, были совсем не те, что столетие назад возвели Фестилов на престол.

Произнести это вслух должен был Синхил, а не Камбер или Элистер Келлен.

Минуту, которая длилась целую вечность, Синхил оставался неподвижен, только взгляд его серых глаз метался между Камбером и Мердоком, Камберу уже казалось, что сейчас он лопнет от напряжения...

Но тут Синхил глубоко вдохнул, как будто собираясь огласить свою волю ... однако вместо этого вновь закашлялся.

Сопровождаемый взглядом Мердока, Камбер схватил кубок со стола по соседству, наполнил вином из серебряного кувшина и, опрокидывая фигуры на доске, поднес Синхилу.

Король выпил вино в несколько приемов, перемежавшихся кашлем, но уже после первых глотков ему стало лучше, а Джорем поспешил оказать помощь по другую руку, предлагая салфетку. Пока король преодолевал напасть, Джорем торопливо подбирал попадавшие фигуры. Тем временем Камбер возложил руки на голову короля, унимая кашель. Приступ кончился, Синхил прочистил горло и сплюнул в салфетку. Когда он откинулся на спинку кресла, его лицо стало мертвенно-бледным, он комкал салфетку, скрывая ее, содержимое от посторонних глаз.

— Приношу извинения, если причинил вам неудобства, господа, — произнес он слабым, но твердым голосом. — Кажется, я немного простужен. — Он снова прочистил горло и звучно сглотнул. — Мердок, не возражаешь, если мы отложим оставшуюся часть доклада на потом? Я осведомлен о твоём отношении к Джевану и Тавису, причем уже давно. Это может подождать еще несколько дней. К тому же, прошу заметить, что недавно Тависа отослали на некоторое время, и мальчику стало хуже, он даже отказывался от пищи. При наставничестве Тависа он преуспевает, по край-

ней мере настолько, насколько ему это под силу. А то, что Тавис — Дерини, волнует меня меньше, чем несчастный вид и болезненное состояние ребенка.

— Вы его балуете, сир. В этом нет ничего хорошего.

— Я вовсе не балую Джевана. Я беру в расчет его... несчастье. Ты отлично знаешь о моих чувствах.

— Прошу прощения, сир. Я не имел в виду ничего дурного.

— Знаю.

Король с усилием протянул руку, утешительно потрепал Мердока по плечу и опустил голову, когда человек, почти равный ему годами, схватил протянутую руку и приложился к ней губами.

Камберу претило это зрелище. Удивляло, как легко обманывается Синхил. А король вполне мог разобраться в истинных чувствах Мердока, если бы только захотел, но он слишком редко использовал способности, которыми много лет назад его наделили Дерини. О, Господи, сделай так, чтобы дети Синхила не были такими слепцами!

— Еще раз прошу извинить, меня, сир, но дело — вот единственное, о чем я так пекусь, — нашептывал Мердок.

— Знаю, не беспокойся. Ты по-прежнему пользуешься моей благосклонностью.

Король подавил еще один приступ кашля, и от его лица, оттененного пурпуром одеяния, вновь отхлынула кровь.

— А теперь, пожалуйста, ступай, Мердок. Думаю, мне следует отдохнуть. Элистер, останься со мной, верный друг, хоть ты и не Целитель, но возле тебя мне легче.

— Как прикажете, сир. — Камбер подошел ближе, чтобы положить руку на плечо короля. — Граф Мердок, мой секретарь проводит вас. Несомненно, Его Величество пришлет за вами позднее. — С этими словами он переключил внимание на Синхила, на-

гнувшись к его уху. — Постарайтесь расслабиться, сир. Вдохните медленно и ровно, но не слишком глубоко, иначе снова вызовете приступ. Вот так. А теперь выдох. Пусть боль уйдет...

Мердок покидал короля в скверном расположении духа. Он не обратил внимания на предупредительность Джорема и его учтивый прощальный поклон. Закрыв за Мердоком дверь, Джорем вернулся и, весь внимание, замер подле стула, покинутого воспитателем принцев. Камбер выпрямился через несколько минут и взглядом велел Джорему присесть. Тем временем Синхил открыл глаза.

— Вам лучше, сир?

— Да, спасибо, — прошептал Синхил. — Помогает. Действительно помогает. Мне следовало бы знать, что нельзя так сильно волноваться. Больше не буду дышать так глубоко, иначе снова начну кашлять.

Подняв бровь, Камбер нагнулся и поднял оброненную королем салфетку. По ней расплзлось буро-красное пятно. Синхил мягким движением отобрал находку у епископа и свернул, пряча злополучное пятно. Джорем открыл рот, но Синхил покачал головой, предваряя вопросы, и аккуратно отложил салфетку в сторону.

— Я знаю, Джорем, тебе не нужно особых объяснений, — прошептал он убедительно и умиротворенно. — Я очень болен. Только Райс и я знаем, насколько серьезно. Мне хотелось бы поговорить с вами о Джеване. Поверьте, я вполне доверяю Тавису. Он прекрасный молодой Целитель. Но...

Короткий отрывистый стук прервал его на полуслове, и Камбер перевел взгляд на дверь. Он ощутил присутствие разума за порогом, но видел, что Синхил этого не чувствует.

— Кажется, разговор не состоится, — безнадежно произнес Синхил. — Ладно. Джорем, посмотри, кто там.

Камбер уже знал, что в дверь войдет лорд Джебедея Алкарский.

— Прошу меня извинить, сир. — Вошедший отдал королю поклон. — Элистер, один из людей графа Эборского только что доставил письмо. Он что-то говорил о несчастном случае во время прогулки верхом.

Седеющий глава геральдической палаты был облачен в выдавший виды синий охотничий костюм. По раскрасневшимся щекам и пятнам грязи на одежде было ясно: он только что упражнялся со своей новой охотничьей собакой во дворе замка, но рука в перчатке сжимала чистый пергаментный свиток, скрепленный ярко-зеленой печатью Целителя.

Король резко подался вперед.

— С ним все в порядке? Что случилось? Утром я отправил к графу Райса и Ивейн.

Джебедея пожал плечами и подал свиток, очевидно, он впервые слышал о происшествии. Камбер сорвал печать и развернул жесткий лист. Он пробежал скупые строки послания, написанные четким почерком Ивейн, но в несравненном стиле Райса, затем свернул бумагу и засунул за широкой пояс, улыбнувшись скупой улыбкой Элистера.

— Похоже, с нашим другом все будет в порядке, сир.

— Хвала Господу!

— Райс пишет, что у Грегори случилась путаница с памятью, но все травмы залечены. Однако граф не уверен в выздоровлении и просит меня приехать, чтобы совершить над ним последнее причастие.

— Последнее причастие? — с жаром переспросил Синхил и едва не закашлялся.

— Поверьте, сир, — успокаивал Камбер, — для беспокойства нет повода. Думаю, Грегори преувеличивает, он просто хочет оправдаться за падение с лошади. И все же он страдает, а ваши нынешние дела совсем не плохи. Вы разрешите съездить к нему? К но-

чи я вернусь, если до того вам понадобится Целитель, Джебедея приведет Тависа.

— Последнее причастие! — с сомнением в голосе повторил Синхил. — Я умираю, а он требует последнего причастия! О, поезжай проведать его, Элистер. Но скажи графу, что я жду его при Дворе для объяснений, как только он снова сможет сесть в седло.

— Непременно так и сделаю, сир, — отвечал Камбер на причитания Синхила, — Прощайте, сир, Джебедея. Нам надо скорее отправляться в путь, Джорем, если хотим вернуться до темноты.

После ухода Камбера и Джорема Синхил несколько секунд сидел молча, его серые глаза смотрели в пространство, куда-то поверх игрального столика, затем он подозвал Джебедея.

— Джеб, я попрошу тебя кое-что сделать для меня.

— Я готов, сир. А что именно?

— Я хочу, чтобы ты отправился в детскую к моим сыновьям. Если удастся, разговори их наставников, в особенности, лорда Тависа. Ты ведь Дерини. Возможно, он послушает тебя. Постарайся втолковать ему, что очень важно уметь уживаться с Мердоком и другими. Похоже, Мердоку не по нраву его влияние на Джевана.

— Насколько я знаю, у Джевана учение идет хорошо, сир, — осторожно заметил Джебедея. — Он все лучше владеет оружием. Конечно, у него не будет той, что у братьев, твердости в ногах, но это он восполняет другим. И, откровенно говоря, Джеван намного сообразительнее Алроя. Как жаль, что лучшие качества близнецов нельзя соединить.

— Да, было бы счастьем, если бы ребенок родился один, — тоскливо вздохнул Синхил. — Не могу понять, почему все сложилось столь странным образом? Их мать так мечтала подарить мне еще одного наследника, упокой Господь ее душу ... Но ты ведь сделаешь это для меня, Джеб? Мне осталось так недолго ... Я боюсь оставлять мальчиков совсем без поддержки!

В коридоре Камбер подтолкнул сына к нише в стене и, укрывшись там от посторонних взоров, внимательно огляделся по сторонам, предупредив вопрос Джорема взглядом и резким кивком. Вынув письмо Райса из-за пояса, он снова пробежал глазами по строчкам, задумчиво провел пальцами по печати вниз.

— Здесь кроется нечто большее, Джорем. Это не причуда Грегори. Меня не вызвали бы без определенной причины. Известно, как болен Синхил. Да и Райс не стал бы сочинять такое послание от чужого имени.

— Мне тоже показалось, что это на него не похоже, — ответил Джорем. — Может, что-нибудь на печати?

— Кажется, да, — пробормотал Камбер, поднося лист ближе к глазам и тщательно рассматривая его. — Приглядывай тут пока.

Пока Джорем сторожил коридор, Камбер прижал чувствительные кончики пальцев к печати и закрыл глаза. Дыша все глубже и медленнее, он ввел себя в состояние транса, в котором способен был проникнуть в сущность любого сокрытого послания. Несколько мгновений ему понадобилось, чтобы уловить истинный смысл того, что желал сообщить ему Райс, и наконец он со вздохом открыл глаза. Джорем обернулся к отцу:

— Что такое? Плохие новости?

— Пока не знаю, — вымолвил Камбер озадаченно. — Не могу поручиться, что все понял правильно, смысл послания довольно темен. Но оно, и правда, от Райса. Он утверждает, будто сумел лишить Грегори всех способностей Дерини!

ГЛАВА 3

**Он, любивший своего сына,
часто давал ему почувствовать
силу розг, чтобы перед смертью
радоваться, глядя на него.¹**

Только к вечеру Джебедии наконец удалось добраться до покоев, которые до сих пор по привычке именовались королевской детской, хотя сами венценосные отпрыски давно уже не считали себя детьми. Он хотел прийти пораньше, когда принцы сядут за ужин, чтобы не нарушать привычного распорядка их жизни, однако неотложные дела навалились на Джебедию, стоило ему лишь покинуть апартаменты Синхила, и он добрых несколько часов был вынужден с ними разбираться. По его глубокому убеждению, ни одна из этих проблем не была слишком срочной, как ни старались просители убедить его в обратном, — такое впечатление, будто его попросту старались занять делами, чтобы удержать подальше от принцев, но подобный вывод Джебедия отнес на счет чересчур разгравшегося воображения. Мердоку, Рану и Уоту хватало собственных проблем и без этого

Как бы то ни было, когда он вошел в детскую, там воцарилась тишина: судя по всему, его не ждали. В

¹ Екклесиаст 30:1

просторной игровой зале, где горели два огромных камина, сидел за книгами наследный принц Алрой. Хотя сейчас было не время для занятий, его наставник латыни, отец Валериан, грозно возвышался над мальчиком, повторяя правильный перевод какого-то римского сочинения по военному делу. Похоже, нынче Алрой не приготовил уроков и теперь нес заслуженное наказание.

При виде Джебедии, принц несмело улыбнулся: болезненный, слабый подросток считал главу геральдической палаты своим кумиром. Отец Валериан немедленно хлопнул ивовой розгой по пергаменту, заставляя мальчика вернуться к занятиям. Джебедии показалось, что если бы не его присутствие, то удар пришелся бы не по книге, а прямо по пальцам ребенка, и хотя сам он был сторонником строгой дисциплины, невольно посочувствовал Алрою.

Зато Райс Майкл, как видно, сегодня отличился, так что ему позволили играть в золе у камина с солдатыками и лучниками. Теперь он объяснял развертывание и передвижение войск какому-то сверстнику. Райс Майкл был оживлен и в хорошем настроении. Быстрота и точность, с которыми принц развертывал диспозицию, заставили Джебедию поднять брови в удивлении. Это была известная битва при Рорау. Слова и жесты указывали на то, что Райс понимает смысл маневров. У парня определенно были способности к военному искусству.

Чтобы отыскать третьего принца, потребовалось значительно больше усилий, Джебедия не видел его в зале, но спрашивать не стал. Судя по обращению с Алроем, излишний интерес к его брату мог дорого обойтись тому.

Он прошелся, оглядывая группы мальчиков и их наставников, и наконец обнаружил Джевана — тот сидел на скамеечке в оконном алькове в дальнем углу комнаты, перед окном, выходящим в заснеженный сад. Огромное дерево за окном отбрасывало паутину теней на мальчика и молодого человека, сидев-

шего на коленях у его ног. Джебедия видел юношу со спины, но по темно-рыжим волосам и зеленой рясе Целителя он угадал в нем Тависа О'Нилла, того самого, который был нужен Джебедии.

Пара не замечала приближения. Только когда он поднялся на две ступеньки и вошел в альков, Джеван поднял голову и нахмурился. Теперь причина странной позы Тависа стала понятна Джебедии: правая, увечная нога мальчика была в руках молодого человека, а специально сделанный для него ботинок отложен в сторону, чтобы не мешать Целителю. Тавис осторожно массировал ступню, полуприкрыв глаза в трансе, он был сейчас исключительно в роли Целителя. Но гримасы, мелькавшие на лице Джевана, говорили: что-то идет не так.

Не желая прерывать Целителя, Джебедия осторожно приблизился, но и тогда не смог разобрать, что именно проделывал Тавис.

— Что-то беспокоит, Ваше Высочество? — спросил он тихим голосом.

Джеван покраснел, Тавис вздрогнул, но быстро справился, прикрыв искалеченную ступню руками, это движение не ускользнуло от глаз Джебедии. Тавис не повернулся к пришедшему.

— Милорд, — произнес он мягко. — Что привело вас в королевскую детскую?

— У меня дело к их высочествам, — ответил Джебедия. — Причем весьма важное. А что вы делаете?

— Наставники его высочества не слишком-то щепетильны во время своих поучений, милорд, — Тавис говорил, так и не обернувшись. — А утренние занятия особенно жестоки.

— Жестоки?

Тавис развернулся, не поднимаясь с колен, его лицо было бледно от гнева.

— Да, жестоки! Сегодня утром его заставили отшагать пять миль по снегу в кольчуге, с ме-

чом и щитом взрослого. И он прошел, — произнес он зло и гордо, — ненамного отстав от братьев. Но вот цена этой прогулки. Большую часть боли я уже снял...

Произнося эту речь, он, покачиваясь, поднялся на ноги и с вызовом взглянул на Джебедию. Глава геральдической палаты едва не вздрогнул, слушая Тависа, и не без труда вернул ясность гневному взору.

Правая ступня мальчика была устрашающе исцарапана, но кровоподтеков не было видно. Кожа на толстой, уродливой лодыжке была стерта. Другая ступня тоже была растерта и покраснела. На подоконнике, рядом с Тависом, Джебедия увидел ванночку с водой, мокрые полотенца и стеклянный флакон, содержимое которого напоминало мазь.

— Кто несет ответственность за это? — спросил Джебедия убийственно ровным голосом.

— Это был ...

— Не важно, — вмешался Джеван, обрывая Тависа прежде, чем прозвучало имя. — Если я собираюсь стать воином, я должен быть выносливым. Должен поспевать за остальными и быть способным руководить ими. Я докажу, что гожусь на это.

— Демонстрация силы мышц — не важнейшее качество в числе необходимых вождю, мой принц, — произнес Джебедия. Желание непременно наказать виновного уменьшалось и гасло в нем. — С чего вы это взяли?

Джеван напрягся, его нижняя губа дрожала от возмущения.

— Если я хочу взойти на престол вслед за Алроем, я должен быть сильным. Думаете, кто-нибудь потерпит слабака на троне? Гвиннеду нужен король-воин.

— Гвиннеду нужен мудрый король, — возразил Джебедия. — Прекрасно, если он будет еще и воином, но это вовсе не обязательно. Ваш отец не воин, но он царствует.

— Мой отец, — мальчик насмешливо фыркнул. — Да, он не воин. Лучше бы ему оставаться

тем, кем был прежде. Но нет, он отрекся от обетов, перестал быть монахом и стал монархом, и Господь не простил его. Если бы все было иначе, я не нес бы на себе следы божьего гнева!

Он вырвал ногу из рук Тависа, попытался спрятать ее за другой и отвернулся, глотая слезы гнева. Пораженный услышанным, Джебедия обернулся к Тавису за объяснениями.

— Милорд, вы забили ему голову этим сумасбродством?

— Не я учу его истории и религии, милорд, — горько ответил Тавис. — Пожалуйста, оставьте нас. Неужели того расстройтва, что вы причинили Его Высочеству, вам мало?

Джебедия не нашелся с ответом. Когда Тавис взял искалеченного принца на руки, чтобы унести его прочь от любопытных глаз, смотревших изо всех углов, Джебедия почувствовал себя чудовищем. Глядя им вслед, он думал, как объяснить случившееся Синхилу и, что еще важнее, Камберу.

* * *

Однако мысли Камбера в это время были далеки от принцев и Валорета. Поднимаясь вместе с Джоремом вверх по лестнице, ведущей в замковый холл, он перебирал в памяти то небольшое, что знал о ситуации, из-за которой Райс вызвал его.

Очень странно, что Райс обратился за помощью, — Камбер не мог обучить его ничему из мастерства Целителя, которым Райс уже давно владел в совершенстве. Камбера считали знатоком в иных областях, а Элистер вообще не обладал каким-либо значительным даром. Так что человек, который сейчас отвечал на приветствия многочисленной прислуги графа Эборского, мало чем мог быть полезен Райсу-Целителю с огромными Деринийскими дарованиями.

И все же это открытие, если Райсу действительно удалось каким-то образом забрать у Грегори могущество Дерини, представляло огромный интерес как для Камбера, так и для той его части, что была Элистером. Это может затронуть всех Дерини. Никогда раньше Камбер не слышал ничего подобного, кроме, разве что, тех случаев, когда травмы головы были так тяжелы, что нарушались функции и других систем. При этом нормальная работа организма уже не восстанавливалась, и больной умирал. В книгах также не встречались описания подобных явлений, хотя они с Ивейн много лет работали над очень старыми документами-хрониками. Порой они повествовали о весьма удивительных событиях, но в древних манускриптах ни слова не было о возможности лишений способностей Дерини.

Вслед за провожатым они поднялись по винтовой лестнице на два этажа и прошли узкой галереей, завершившейся холлом. Обитая железом дверь в конце следующего коридора была приоткрыта.

За сводчатым дверным проемом были видны в отдалении увешанная гобеленами кровать графа, неподвижно сидящая подле нее фигура в зеленом — Райс, и Ивейн, массирующая мужу виски. Когда Камбер и Джорем вошли, Райс расплылся в улыбке и поднялся поприветствовать их.

— Я рад, что вы приехали вместе! — произнес он, кладя руки им на плечи. — Спасибо, что привез их, Джесс. Если что-нибудь понадобится, мы позовем тебя.

Когда Джесс почтительно откланялся и закрыл за собой дверь, был установлен контакт, и почти мгновенно все узнали то, что иначе потребовало бы долгих разговоров. Ивейн тоже участвовала в контакте, порывисто и нежно приветствовав отца и брата. Когда их сознание вернулось на обыденный уровень, Райс подвел их к постели Грегори.

— Ты уверен, что граф сейчас в порядке? — спросил Камбер шепотом.

— Все, как обычно. Мне только пришлось погрузить его в сон, чтобы мы могли свободно поговорить. Я знаю, что снова могу в точности воспроизвести эффект. Нам даже не потребуется будить его. Не думаю, чтобы потом он вспомнил что-нибудь. Грегори был в сознании всего несколько секунд, но тогда еще не оправился от шока. Хочешь, чтобы я показал, что делал?

— Сейчас? Его защиты проницаемы?

— Для нас четверых — да. Хочешь считать мысли?

— Именно.

Придвинувшись ближе к кровати, Камбер расстегнул тяжелый дорожный плащ, спасавший от любого мороза, кинул его Джорему, подул на пальцы и потерял руки, прежде чем коснуться висков Грегори. Его пальцы легко проскользнули в негустые рыжие пряди и получили доступ к мыслям. Грегори еле слышно вздохнул и, казалось, расслабился еще больше.

Камбер забрался глубоко, обследуя пути, на которых обычно располагались каналы способностей Дери-ни, высоко оценил четкую организацию этого разума: его, казалось, ничто не могло расстроить, пусть даже на короткое время. Прервав ментальный контакт, он обернулся к Райсу.

— Мне кажется, с ним все в порядке. Совершенно оправился и уже не похож на беспомощного больного, который нуждается в лечении. Итак, что ты с ним сделал?

Райс вздохнул, не решаясь начать, с опаской придвинулся и взял в руки голову Грегори.

— Лучше не сопровождай меня, когда я буду в контакте, по крайней мере на этот раз. Просто постой рядом...

— Отлично.

Когда Райс закрыл глаза и погрузился в глубокий транс, Камбер наблюдал за ним, ничего не предпринимая, хотя его так и подмывало последовать за Целителем, но он уважал его мнение и ни за что

не стал бы этого делать. Спустя мгновение Райс открыл глаза и сделал шаг назад.

— Посмотри теперь, — сказал он, слегка улыбаясь. — Даже хотя ты приблизительно знаешь, чего ожидать, тебя ожидает сюрприз.

— В самом деле?

С недоверием подняв косматые брови, Камбер снова положил руки на виски графа, вступил в контакт ... И не обнаружил ни защиты, ни сопротивления ... Ничего, что отличает разум Дерини! Он быстро взглянул на Райса и Ивейн, они улыбались, робкие и озадаченные. Не отпуская сознание Грегори, он знаком подозвал Джорема, приглашая и его к обследованию. Присутствие сына сразу добавило знаний о сознании, с которым сейчас работал Камбер.

Поддерживаемый крепкой рукой и разумом Джорема, он позволил себе впасть в еще большее отрешение и погрузился к исходным признакам способностей Дерини, пытаясь выявить хотя бы их. Он чувствовал, как недоверие Джорема смешивается с его собственным, и внезапный испуг, когда мысль о том, что такая операция может угрожать любому Дерини, одновременно пришла на ум им обоим. Хвала Господу, что Целители связаны этическим кодексом! Какое могучее оружие один Дерини может применить против другого!

Камбер не осмелился развивать эту мысль. Вынырнув на поверхность, он знаком приказал Райсу вступить с ним в контакт, применить свое могущество и вернуть то, что отнял, а сам приготовился наблюдать вместе с Джоремом. Он почувствовал, как Райс устанавливает контакт и углубляется в мозг, чтобы полностью контролировать сознание Грегори, уловил момент, когда Целитель начал действовать ...

Нервная дрожь, мягкий, но настойчивый толчок — и разум Грегори внезапно снова стал таким, каким и был, все еще сонным и подконтрольным, но с прежними способностями и высокой организа-

цией. Когда все трое вышли из контакта, Камбер покачал головой, в высшей степени потрясенный тем, чему стал свидетелем, затем растерянно поглядел на зятя. Кажалось, он еще не обрел дара речи. Молчание нарушил Райс.

— Ты ведь не верил мне, правда? — спросил Целитель, возобновляя лечебный сон Грегори и отпуская его. — Пойдемте в другую комнату. Ему необходим отдых.

Камбер молча последовал за ним, мысленно перебирая впечатления. Когда они расположились у камина в соседней комнате, заговорил Джорем.

— Итак, ты понимаешь, как это происходит?

Райс положил сцепленные руки на колени и покачал головой.

— Думаю, это одна из способностей Целителя, Джорем. В первый раз это получилось неумышленно, во время работы на очень глубоком уровне сознания, и пока я вновь туда не забрался, восстановление не удавалось. Похоже, здесь используется та же энергия, что и в обычной практике Целителей.

— Это труднее проделать? — спросил Камбер.

— Нет, это ... совсем по-другому. Подозреваю, нужно время, чтобы разобраться и узнать об этом побольше. Но, по-моему, не стоит этим заниматься. Что хорошего в том, чтобы отнимать силу? Надеясь магией — пожалуйста, это другое дело.

Придвигаясь к огню, Джорем фыркнул.

— Хм, не могу сказать, чтобы Синхилу это помогло. К тому же я бы не сильно мучился, если бы Имре или Эриелла утратили свое могущество. Это предотвратило бы множество глупых смертей.

— Верно, — согласился Райс. — Однако Имре с Эриеллой не были нашими друзьями, это совсем другое дело. С Грегори все вышло легко. Во сне он позволил сделать то, что я считал нужным. О таком вряд ли попросишь врага. Я даже не знаю, смогу ли проделать то же при полном сознании.

— Ты хочешь сказать — если бы Грегори был здоров, тебе не удалось бы это выполнить? — спросил Камбер.

— Вероятно, он не совершил бы своего открытия, — вмешалась Ивейн.

— Она права, — согласился Райс. — И запомните, мы знаем о возможностях мысленного общения благодаря работе Совета. В противном случае они так и не были бы открыты. — Он пожал плечами. — Но здесь не место для дискуссий. Я даже не хочу посвящать в случившееся Грегори, пока не обдумаю все хорошенько.

Камбер кивнул.

— Мудрое решение. Как ты думаешь, он скоро сможет снова сесть на лошадь, если учитывать его состояние? Синхил думает, что Грегори слишком уж большое значение придает своей болезни.

Он засмеялся, вспомнив переживания короля.

— У него, похоже, сложилось такое впечатление, будто Грегори просто прячется от него, и теперь он срочно требует своего слугу.

— Могу себе представить, — засмеялся Райс. — С другой стороны, — продолжал он более серьезно, — мне вовсе не хочется, чтобы Синхилу взбрело в голову взобраться на лошадь и прискакать сюда, в его-то состоянии.

— О, не думаю, чтобы он ... — начал было Камбер.

— Он сделает так, и ты знаешь это! — с улыбкой возразил Райс. — Он один из двух самых упрямых людей, которых я знаю.

— Думаю, первый — это я, — улыбнулся Камбер. — Что ж, возможно, ты прав.

Мысленно переключившись на Синхила, он стал серьезным.

— Определенно, прогулка не пойдет ему на пользу. Мне вовсе не нравится его кашель.

Он был бы рад ошибиться и с надеждой взглянул на Райса, но Целитель не спешил развеять страх

48 Камбера.

— Сколько у него осталось в запасе, Райс? — спросил он едва слышно.

— Это вопрос недель, — ответил Райс. — Самое большее — месяц. Не думаю, что он переживет Пасху.

У Камбера мороз пробежал по коже: *несколько недель!*

Самое большее — месяц!

Вспоминая их последний разговор, он понял, что Синхил знает об этом. Синхил готовится к смерти и начал разговор о том, что опасается за сыновей, когда они получили послание Райса.

А сейчас Синхил остался один в Валорете. То есть не один — с ним Джебедея, и, если потребуются, Тавис сумеет выполнить работу Целителя — но Джебедея не сможет справиться с тем обрядом, что должен предшествовать смерти короля, а Тависа ни в коем случае нельзя посвящать в эту тайну!

— Нам срочно нужно возвращаться, — выдохнул Камбер и потянулся за плащом. — Долго вам еще нужно оставаться с Грегори?

Он застыл в ожидании, пока Джорем также накинет плащ и затянет завязки на шее.

Райс и Ивейн поднялись с места, встревоженные реакцией Камбера.

— Сперва нам следует убедиться, что после болезни у Грегори нет никаких опасных последствий, — ответил Целитель. — Теперь он на пути к выздоровлению, так что мы переночуем здесь, а утром сможем уехать.

— Это слишком долго! — пробормотал Камбер. — Господи, зачем только я оставил Синхила одного! А вдруг он ...

— Отец, он не умрет сегодня ночью! — заверила Ивейн, стараясь объяснить Камберу, что его растущее волнение беспочвенно. — Если днем ему не стало хуже, значит, время еще есть.

Тяжко вздохнув, Камбер покачал головой и прижал руки к груди.

— Простите меня. Я знаю, что вы правы. И все-таки я должен ехать. Путь нам предстоит неблизкий. Возвращайтесь, как можно скорее. И да благословит вас Бог!

ГЛАВА 4

**Не судите человека до смерти,
ибо повторится он в детях своих.¹**

В Эборе они задержались дольше, чем хотелось бы. Слуги успели накормить и вычистить лошадей Камбера и Джорема, пока те пребывали в графских покоях. Но уехать немедленно им не позволил молодой хозяин поместья, жаждущий послушать столичные новости. Он также велел подать гостям легкий ужин.

Полчаса ушло на досужую болтовню, и когда наконец Камбер и его свита тронулись в путь, длинные серые тени легли на дорогу, а небо стало отливать свинцом, предвещая ненастье. Значит, оставшуюся часть пути им не будет светить, отражаясь в сугробах, луна. Если снегопад не начнется еще пару часов, они поспеют во дворец до вечернего богослужения. Но что если закружит пурга? Об этом лучше было и не думать.

Однако пока что погода держалась. Какое-то время они шли ровным галопом: впереди Камбер с Джоремом, за ними – четверо стражников, попарно. Затем Камбер придержал коня и перешел на рысь, чтобы дать животным отдохнуть. До его ушей донеслось, как один

¹ Екклесиаст 11:28

из стражников спрашивает у напарника: и как это старик выдерживает такую скачку?! Сержант Гатри одернул болтуна, и Камбер сдержал улыбку, заметив, что сержант направил лошадь в его сторону.

— Ваше преосвященство, мы и дальше поедем этой дорогой?

— Что за странный вопрос, Гатри? — Камбер с интересом поглядел на стражника. — Это кратчайший путь в Валорет. Ты ведь знаешь, я хочу как можно скорее вернуться к королю.

— Ну, конечно, ваше преосвященство. — Сержант почтительно поклонился в седле. — Парни просто хотели спросить, знаете ли вы, что впереди есть еще одна дорога, она едва ли на полчаса длиннее, зато ведет мимо Долбана. Они могли бы посетить тамошнюю церковь и помолиться о здравии короля.

Долбан.

Одно лишь упоминание этого места вызвало рой воспоминаний, и Камбер подавил невольную дрожь. Он не мог не заметить, что и Джорем содрогнулся от дурных предчувствий. Меньше всего ему хотелось бы заезжать в Долбан.

Там, в Долбане был первый из храмов, построенных Квероном Киневаном и Слугами святого Камбера. Именно там двенадцать лет назад прошла церемония канонизации, и считавшийся мертвым Камбер Куддский был причислен к лику святых. Было объявлено, что за содеянное им во имя народа, короля и Господа он достоин поклонения как пример того, что и Дерини может быть возвышен в суждении людей.

После Долбана отстроились другие храмы: Ханфелл, Уоррингем, Верхний Вермелиор и дюжина других мест, названия которых Камбер не желал запоминать. Святой Камбер был объявлен Защитником человечества, Взрастителем королей и Покровителем магии Дерини, хотя последнее упоминалось не столь часто:

52 при дворе умирающего Синхила Дерини были

не в чести. И все недоверие основывалось на пустой лжи — это Камбер знал лучше других.

— Ваше преосвященство, — прервал сержант ход его мыслей. — С вами все в порядке?

— Да, да, в порядке. Я просто подумал о Камбере. Я действительно...

Он запнулся на полуслове, когда стук копыт и резкие взрывы хохота прервали тишину сумерек. Судя по звукам, из-за поворота приближалась по крайней мере дюжина всадников на рысях. Он понял, что Джорем уже оценил неожиданную ситуацию; было очевидно, что в возможной схватке противник имеет преимущество.

Камбер направил своего серого коня в сторону и знаком велел Джорему и страже делать то же самое; они продолжали ехать, не меняя направления. В данных обстоятельствах было разумным показать, что у них столько же прав находиться здесь, сколько и у тех, кто скакал навстречу. Главным было избежать стычки. Они должны вернуться к Синхилу!

Выскочив из-за поворота, встречные всадники разом оказались в поле зрения, перешли на галоп и растянулись по дороге длинной цепочкой. Они не были солдатами, на это указывала яркая, разноцветная одежда и отсутствие дисциплины.

Большинство было в шляпах с плюмажем и драгоценными камнями или яркими лентами, что превращало головной убор в некое подобие короны пэров.

Неверный лунный свет вспыхивал блесками в мехах и бархате плащей, перчаток, седел. У каждого на поясе висело оружие. Некоторые устрашающе размахивали мечами.

Их приближение сопровождалось взрывами отрывистого хохота. Гогот стал громче, а непристойности еще солонее, когда буяны заметили горстку мрачных людей, едущих навстречу. Они мгновенно окружили Камбера и его спутников. Великолепные лоша-

ди под неизвестными всадниками принялись теснить своих менее породистых сородичей и стражу, отчего кони Камбера и Джорема протестующе запрядали ушами.

— Уступите дорогу, милорды! — воскликнул Джорем, освобождая руку из-под плаща и опуская на рукоять оружия. — Мы не затеваем ссоры с вами. Соблюдайте Королевский мир!

— Вы только поглядите, да ведь это одинокий рыцарь Ордена святого Михаила! — крикнул один из повес, что встретило одобрительный смех его товарищей.

— Рыцарь, старик и несколько жалких охранников желают сразиться со всеми нами? — крикнул другой. — Давай-ка сбросим их с лошадей, и пусть себе бредут пешком, точно ничтожные простолюдины.

Джорем и четверо стражников разом вытащили мечи. Оружие было приготовлено. Камбер не протянул руки к мечу, болтавшемуся у колена, он отпустил повод и спокойно сидел в седле, мрачно, но без внешних признаков тревоги оглядывая всадников.

Один из забияк толкнул локтем соседа и указал на фигуру в черном плаще. Тот долгим взглядом посмотрел на Камбера и взял поводья. Смешки и завывания разом стихли.

— Держитесь, ребята. Старик думает смутить Дерини пристальным взглядом. Что скажешь, старик? Почему бы нам не прокатиться вместе?

Камбер не шелохнулся, вместо ответа он сделал свои защиты видимыми. Серебристая оболочка, ясно указывавшая на принадлежность к Дерини, заблестела в сумерках, вызвав смущенный ропот в рядах буянов. Некоторые из них стыдливо прятали мечи и старались слиться с придорожной тенью, однако большинство так и не двинулись с места, горя все той же враждебностью. Кое-кто проявил свои собственные защиты, но предводитель отказался последовать их примеру.

Он с вызовом посмотрел на Камбера.

— Понятно, — пробормотал вожак.

— В самом деле? А я уверен в обратном, — произнес Камбер недовольно. — Тот факт, что я, как и вы, Дерини, ничего не меняет. Вам должно быть стыдно не от того, что мы одной расы. Вы собирались схватиться с теми, кто куда меньше вас числом, хотя мы не сделали вам ничего плохого. Вы думаете, что его королевское величество старается защитить страну и дороги только для того, чтобы его же собственные подданные потешались над его трудами?

— Королевский закон? Закон для людей, — бросил один из всадников, его презрительный, полный горечи жест повторили товарищи, в то время как сам он продолжал. — Наши предки правили этой землей и охраняли ее границы. Нас уважали и почитали по заслугам. А нынешний король-человек отдал все наши привилегии своим льстецам-людям!

— То, что вы делаете, им только на руку! — воскликнул Камбер. — Неужели вы не видите, что даете своим врагам как раз то, чего они добиваются!

Рука предводителя всадников крепче сжала повод, его глаза блеснули холодом стали.

— Как ты смеешь говорить с нами в подобном тоне? Кто ты такой?

— Какая разница? — Камбер жестом предотвратил гневный протест Джорема. — Вы причиняете нашей расе столько же вреда, сколько те самые льстецы, которых вы призываете ненавидеть! Такому человеку, как Мердок Картанский, не нужно других аргументов, кроме ваших действий, в подтверждение его лжи.

Обвинительная речь была встречена шепотом недовольства, какой-то наглец направил лошадь на Камбера и попытался ухватить его за плащ, чтобы свалить с коня. Ловкий, неуловимый маневр предотвратил эту попытку, отчего сам ниспровергатель, промахнувшись, лишь чисто случайно не оказался на земле. Своим резким движением Камбер нечаянно отки-

нул полу плаща, обнажив символ власти из золотых букв "X" и изукрашенный драгоценными камнями епископский крест. Увидев знаки высокого достоинства, всадники ахнули:

— Боже, да это сам канцлер!

Стоявший рядом с Камбером Джорем облегченно вздохнул и опустил меч, хотя и не убрал его в ножны. Четыре стражника стояли, готовые к бою, чувствуя, что победа может достаться им, и все же не зная, чем закончится столкновение. Еще несколько мгновений напряжение сохранялось. Его разрядил вожак задир. Он поднес руку к шляпе, отдавая честь Камберу, и с легкой насмешкой, но почтительно склонил голову.

— Прошу прощения, ваше преосвященство, мы допустили ошибку.

— Я тоже так думаю! — пробурчал Джорем, становясь на всякий случай между конями Камбера и предводителя.

Но отповедь Камбера и его сановное положение явно отбили у юных лордов охоту связываться с этой шестеркой. По команде явно обескураженные всадники-Дерини построились, объехали Камбера и его свиту и поскакали к Эбору, растворяясь в сгущавшихся сумерках. Джорем и стражники собрались нагнать их, это читалось по их возмущенным лицам, но Камбер поднял руку.

— Нет!

Джорем бросил прощальный уничтожающий взгляд в направлении исчезнувших забияк и, раздосадованный, со звоном всадил меч в ножны.

— Негодяи, — пробормотал священник. Сержант Гатри был еще смелее.

— Как они посмели? Что они о себе мнят? — кипятился он. — Ваше преосвященство, вы должны были позволить нам догнать их!

— И чего бы вы этим добились? — спросил

56 Камбер. — Вы отличные солдаты, но противни-

ков было больше, мы на чужой территории, уже сгустился мрак — эти три фактора против вас. Более того, все они были Дерини, а вы, за исключением Джорема, нет.

— Его преосвященство прав, Гатри, — неохотно согласился Джорем. — Хотя я с большим удовольствием задал бы им трепку. — Он повернулся к Камберу, снова бесстрастный, как и подобает служителю Ордена святого Михаила и секретарю канцлера-епископа. — Как вы полагаете, ваше преосвященство, не лучше ли при данных обстоятельствах объехать Долбан стороной? Король должен узнать об этом инциденте как можно скорее...

Если придется, слова Джорема отлично объяснят несостоявшийся визит — такой вариант и Камберу, и Джорему нравился больше, чем неизбежное беспокойство от посещения главного храма святого Камбера. После нескольких стычек во времена канонизации Камбера Кверон Киневан стал человеком, которого они хотели видеть меньше всего. Но, к несчастью, тот же самый довод диктовал необходимость задержки, делал ее прямо-таки неизбежной. Кверон Киневан, аббат храма святого Камбера Долбанского, был обязан следить за соблюдением Королевского мира на прилегавших к аббатству дорогах, и именно его, а не короля, следовало первым предупредить о шайке воинственных Дерини.

Камбер напомнил об этом спутникам, прежде чем пуститься в тряский галоп по снежной и тускло освещенной дороге. Они не проехали еще и мили в направлении Долбана, когда увидели приметы бесчинств молодых Дерини.

Грязный снег в несколько дюймов теперь достигал колен лошадей. Копыта ступали в месиво, путники замедлили шаг. Осторожно двигаясь дальше, они за поворотом наткнулись на кучку одетых в ливреи мужчин без лошадей, однако их высокие сапоги со шпорами говорили о том, что в путь они пустились отнюдь не пешими.

Все двенадцать схватились за мечи, но остались на месте, как черные пятна среди серого изрытого копытами снега. На обочине, под надежным прикрытием голых ветвей одинокого дерева, молодой человек в некогда красивом дорожном костюме успокаивал плачущую женщину. Ничем не покрытые светлые волосы женщины растрепались, она плакала в объятьях юноши и теребила грязную одежду. Более зрелый мужчина с тонзурой и в облачении священника беспомощно озирался по сторонам, заламывая руки.

— Оставайтесь на месте! — выкрикнул один из слуг. Угрожающе размахивая мечом, он вышел вперед, — Если вы вернулись, чтобы опять досаждать госпоже, тогда прежде вам придется убить нас!

Камбер тотчас сдал на несколько шагов назад, поднял правую руку, показывая, что безоружен, и распахнул плащ, открыв грудь.

— Мы не причиним вам никакого вреда, — произнес он, пытаясь разглядеть цвета ливреи на слугах и узнать, кто их господин. — Я Элистер Келлен, епископ Грекотский. Вы наткнулись на всадников, которые потом усаkali в том направлении? — Он махнул рукой в сторону Эбора.

— Келлен? — воскликнул юноша, резко отстранив женщину и передав ее на попечение священника, подошел к Камберу, положив руку на рукоять меча. — Черт побери, это еще один Дерини! Неужели ваши негодяи причинили недостаточно вреда? Погодите, я расскажу брату, что произошло!

— Прошу прощения, милорд, по-моему, мы незнакомы. Вы...

— Манфред, барон Марлорский. Мой брат — епископ Хьюберт Мак-Иннис, и когда он узнает о том, что здесь произошло, они дорого заплатят, поверьте!

— Я вполне согласен с вами, милорд, — прерывая тираду Манфреда, произнес Камбер, хотя он не повышал голоса. — Происшедшее порадовало

меня не больше вашего, я как раз еду к аббату в Долбан, чтобы сообщить об этом. Мы тоже наткнулись...

— Мне совершенно безразличны ваши проблемы, — перебил Манфред. — Что же до вашего дражайшего аббата, то я не жду справедливости от Дерини, возглавляющего к тому же культ поклонения Дерини-святому!

— Кроме своих обетов священника и Целителя, аббат — доверенное лицо короля в делах церкви, — отчеканил Камбер, несмотря на свое намерение молчать и не обижать брата Хьюберта Мак-Инниса. — Я уверен, что аббат Кверон отнесется к вам с той же мерой справедливости, что и любой преданный слуга короны. То, что напавшие на вас были Дерини, заставляет меня с двойным нетерпением ожидать торжества справедливости. Миледи баронесса?

Он демонстративно оставил барона и медленной поступью двинулся к женщине, грязь чавкала под копытами коня.

— Миледи, я весьма сожалею о случившемся и не стал бы напоминать вам об пережитых неприятностях, однако я обязан выяснить, какой именно ущерб вам причинили.

У женщины, прекратившей плакать при обращении к ней, вновь началась истерика.

Священник привлек ее к себе, глядя по голове, словно обиженного ребенка.

— Они... не церемонились с ней, Ваше Преосвященство, — сказал он, запинаясь, — но они и не... надругались над ней. Они... сорвали с нее платье и... бросили на землю. Но они отпустили ее, — добавил он озадаченно. — Это была игра в надругательство. Они, похоже, не собирались причинить боли, а просто делали это ради забавы.

— Ради забавы! — Это открытие распалило барона Манфреда, он бросился к даме и священнику. — Нет, отче, не называйте это игрой! Они чудовищно оскорбили меня и мою жену. И заплатят за это!

— Заплатят, милорд, — подтвердил Камбер. — Я немедленно сообщу должностным лицам. Как я понял, вы остались без лошадей?

— Разве вы видите каких-нибудь лошадей, кроме своих, глупец? — в гневе прорычал Манфред, так стиснув рукоять меча, что рука его побелела. — Мы остались без лошадей, темнеет, и, кажется, будет буря, а вы лепечете что-то насчет...

— Как только доберусь до аббатства, пришлю лошадей и охрану для вас, — успокоительно проговорил Камбер и жестом велел своим людям приблизиться. — А пока я оставляю вам двоих своих людей и четырех коней. Гатри, вы с Кэлебом останетесь здесь до прибытия людей аббата, а потом присоединитесь к нам. Торин и Лью, оставьте лошадей и садитесь позади меня и Джорема. До Долбана совсем недалеко.

* * *

Когда они приблизились к воротам аббатства, луна только что взошла над вершинами покрытых инеем деревьев. Факелы освещали фигуры одетых в рясы стражников на башне. Головни сыпали искрами и шипели, в сгущавшемся тумане они казались огненными шарами.

С тех пор как Кверон Киневан и рьяный Гьюэр Арлиссский купили почти разрушенную усадьбу, перестроили ее и превратили в крепость, Долбан внешне почти не изменился, хотя утверждали, что внутри уже ничто не напоминало о былом скромном поместье.

Ни Камберу, ни Джорему не приходилось бывать в храме, впрочем, они и не стремились к этому, зато Лью в аббатстве хорошо знали. Он от ворот прокричал со своей и, получив отзыв с башни, держался по-свойски. В темноте отворились ворота, пропуская двух лошадей и четырех всадников. Когда они спешили во дворе,

Камбера и Джорема тоже узнали. В то время как несколько братьев приняли и увели лоша-

дей, на ступенях храма стали скапливаться облаченные в серое мужчины и женщины. Камбер плотнее закутался в плащ, размышления о том, верно ли он поступил, приехав сюда, продолжали беспокоить его.

Он не сознавал, что его собственный дом тесно связан с культом Камбера, и чувствовал себя не в своей тарелке. Он отпустил своих стражников в храм и напряженно ждал, когда маленький худощавый человек в серой рясе проберется между застывшими фигурами братьев и сестер и приблизится к ним. Выражение лица этого человека было бесстрастно, двигался он быстро и изящно.

Возможно, близкие ему и смогли бы угадать скрытое волнение, но было очевидно, что ни епископа Гречотского, ни Джорема, сына святого Камбера, он не боялся.

— Епископ Келлен, отец Мак-Рори, вы оказали нам честь своим визитом. — Он преклонил колено, чтобы поцеловать кольцо епископа на руке Камбера, и поклонился Джорему. — Брат Мика сказал, что вы сидели по двое на лошади. Что-нибудь случилось? Что с королем?

Знакомая косица стала длиннее на ладонь за двенадцать лет и превратилась из рыже-каштановой в седую, но каких-то других признаков старения Кверона Киневана заметно не было. Лучистые глаза смотрели с тем же упорством, что и тогда в Валорете, когда Кверон и его Орден впервые предстали перед Советом епископов со своей петицией.

— О нет, сегодня утром, когда мы видели короля в последний раз, он чувствовал себя прекрасно, отче, — ответил Камбер, стараясь поддерживать такой же мало-значительный официальный тон, как и у Кверона. — На дороге стряслась беда, в нее попали мы сами и люди, которых мы встретили позже. Я оставил с ними двоих своих охранников и лошадей до тех пор, пока вы не пришлете подмогу. Ведь вы несете ответственность за дорожные патрули в этих местах?

— Да, ваше преосвященство, днем. Но ночью, и особенно зимой, за дорогами не смотрят. Что это за беда?

Одернув пояс, на котором висел меч, Джорем показал за ворота.

— Шайка молодых дворян-Дерини, сэр, скорее всего это младшие сыновья знати. Их десятка полтора, и все ищут приключений. Сначала они приняли нас за людей и собирались поиздеваться, но потом узнали его преосвященство...

Кверон прищелкнул языком и задумчиво покачал головой.

— Печальная история. Приношу извинения, отче. И вам в особенности, ваше преосвященство. А что это за другие люди, о которых вы упомянули?

— Барон Манфред, брат епископа Мак-Инниса, его жена, капеллан и человек десять-двенадцать слуг, — ответил Камбер. — Они озлоблены, но большого вреда им не причинили, их лошади в суматохе убежали. Я сказал, что вы пришлете свежих лошадей и охрану, чтобы проводить их до места назначения. — Он вздохнул. — Думаю, вас вряд ли стоит предупреждать о реакции Мак-Инниса на случившееся.

— Конечно. Простите, я на минуту.

Камбер кивнул. Кверон повернулся к монахам и отдал короткие приказания. Несколько братьев тотчас же побежали к конюшням. Сделав еще несколько распоряжений, Кверон вернулся к Камберу и поклонился. Вторая группа монахов встречала первую, вернувшуюся с лошадьми и оружием.

— Ваше Преосвященство, за бароном и его людьми немедленно двинется спасательная партия, а другие братья займутся шайкой, если она все еще бродит по окрестностям. Мне сообщили, что такого рода инциденты происходят слишком часто на дорогах вокруг столицы. Мне жаль, что нашу расу вынуждают к таким поступкам.

— И тем не менее этим займуться, можете быть уверены. А пока вы останетесь, чтобы осмотреть наш храм, не так ли? — Он испытующе смотрел то на Камбера, то на Джорема. — Отец Мак-Рори, я хорошо понимаю ваше нежелание приезжать сюда, но наш храм — это храм святого причастия, равно как и вашего отца — святого. К тому же ваши люди вернутся с дороги не скоро. Вы, конечно же, не покинете нас так быстро.

Камбер какое-то мгновение колебался, но услышал покорный вздох Джорема и понял, что он сам сознает невозможность отказа — жестокой обиды для Кверона и многочисленных братьев и сестер, терпеливо ожидающих на заднем дворе. Епископ Грекоты был не вправе отказываться от посещения храма, кроме тех случаев, когда на это имелись очень веские причины. Элистеру Келлену не могло прийти в голову так пренебречь своим долгом.

— Хорошо, отец Кверон, — спокойно ответил Камбер. — Мы не можем остаться надолго, так как очень спешим к королю, но свое почтение обители мы засвидетельствуем. И только ради Джорема я прошу об одолжении. Можем ли мы не ходить в храм, а молиться уединенно?

— Разумеется, Ваше Преосвященство, — с поклоном ответил Кверон и, развернувшись, рукой подал знак одному из монахов, затем долгим сочувственным взглядом посмотрел на младшего из двоих клириков. — Бедный Джорем, — пробормотал он, — после стольких лет вы так и не смогли признать его святость, не так ли?

Джорем с трудом сглотнул, пряча глаза от пронизательного взгляда Кверона-Целителя, а Камбер вспомнил, как его заставили отвечать на вопросы Кверона, но это было в другом месте и в другие времена, тогда легенда о святом Камбере была еще устным преданием.

— Очень трудно быть сыном святого, отец Кверон. Если бы вы только знали, как трудно.

— Но...

— Пожалуйста, отец Кверон, — вмешался Камбер, почувствовав, что если он не остановит их, разговор затянется. Он обнял Джорема за плечи и подтолкнул его к двери. — Когда мы выйдем, я встречу с вашими людьми и благословлю их... — Это произнесла та часть его рассудка, что была Элистером. — А теперь, сын мой, зайдем сюда, — сказал он, направляя Джорема к плоской, обитой металлом двери.

Очень скоро они остались одни в тишине, стоя с тыльной стороны нефа, спиной к дверям, их ноздри наполнял знакомый запах ладана. Камбер слышал, как в дальнем конце церкви хлопнула дверь, и решил, что это ушли его стражники.

На долю секунды все здесь показалось обманчиво знакомым. Камбер не представлял себе точно, что он здесь увидит, но определенно не был готов к тому, что видел сейчас. Не было чрезмерной пышности убранства, столь обычной для главных храмов какого-нибудь святого, помпезной крикливости, многочисленных свечей, статуй и всей атмосферы нарочитой религиозности.

Для начала, церковь выглядела несколько необычно, возможно, потому что была перестроена из обычного здания. Обычная базилика, узкая и длинная, с непременной двойной колоннадой и боковым приделом, за исключением южного транспта. Южная стена была когда-то наружной стеной здания, она не имела окон и по большей части пустовала. Только красно-золотистые мозаичные панно, изображавшие четырнадцать остановок на крестном пути, оживляли глухую стену.

Зато северная стена представляла полную противоположность. За колоннадой размещался придел с алтарем и молельнями, был частично виден и поперечный неф-трансепт. Камбер и Джорем прошли по боковому проходу между скамьями, миновали круглый мозаичный баптистерий, изображавший голубей и тростник, часовню богородицы и расположенный в

трансепте алтарь четырех великих Архангелов. В их честь перед алтарем горели лампы четырех цветов.

В самом конце нефа, в святилище, находился алтарь святого Камбера. Неясно освещенная статуя святого была поставлена левее простого, но обширного алтаря и жертвенника из розового мрамора. Статуя покровителя обители, куда больше человеческого роста, была высечена из бледно-серого камня, отливавшего серебром в мерцании толстой свечи у ее ног. В протянутых руках святого покоилась точная копия короны Гвиннеда с узором из переплетенных крестов и листьев. Холодные тона составляли резкий контраст с чудесным нежно-розовым цветом самого алтаря. Более светлый розовый мрамор, вделанный в дымчатые стены, ограждал алтарь. Мрамор казался еще теплее в свете лампы Присутствия, помещавшейся под красным абажуром. Дароносица на алтаре под Крестом Распятия, омываемая розовым светим, сияла, точно солнце.

Когда они подошли, Камбер тихо вздохнул, сейчас он хотел заставить себя позабыть обо всем и ничего не видеть, кроме этой дароносицы. Он опустился на колени и машинально перекрестился. Придерживаясь канонического порядка молитв в священном присутствии, он закрыл глаза, чтобы не видеть статуи. Он страстно желал, чтобы излившаяся на него благодать хоть частично передалась сыну, стоявшему на коленях слева от него.

Но когда молитва была закончена, не оставалось ничего другого, как открыть глаза и взглянуть на фигуру, которую весь мир знал под именем святого Камбера. И снова вернулось раздражение от нелепой идеализации представлений о нем и огромного моря лжи, в котором он жил.

Какое непомерное самомнение может позволить всему этому продолжаться! Его до сих пор не ударило молнией, не поразил небесный гнев, но он не верил, что существует в мире цена, которой можно купить все то, что он совершил.

Да, его намерения всегда были чисты, и борьба еще не была окончена. Камберу и его детям удалось сохранить идеалы, за которые они боролись, и помог в этом возведенный ими на престол Синхил.

Конечно, были и неудачи, не последней в их списке стала безвременная кончина Элистера в поединке с Эриеллой. Дворяне из расы людей, наводнившие дворец после реставрации Синхила, получили слишком большое влияние при дворе, на что ни Камбер, ни его друзья не рассчитывали.

Но доверительные отношения Синхила и Камбера сохранялись вот уже пятнадцать лет и компенсировали это, хотя Синхил и не подозревал, что именно с Камбером, а не с Элистером он был так тесно связан последние годы. Если подвести черту, то влияние на короля стоило цены, которую заплатил Камбер.

А цена эта была уже совершенно другой историей. Мир принимал его под именем Элистера Келлена, епископа Грекоты и канцлера Гвиннеда, но он-то отлично знал, что эта часть его жизни была откровенно фальшива. Он достиг епископства законным путем — прежде чем принять от прежнего архиепископа Энскома епископство, Камбер принял духовный сан. Он никогда не преступал букву закона церкви, хотя иногда был вынужден обходить его, но сколько раз был нарушен сам дух закона, сосчитать было невозможно.

И в довершение всего, как ни гнал он от себя эту удручающую мысль, он, живой Камбер, был вынужден играть жалкую бессловесную роль в комедии, которую делали из его собственной канонизации, и не мог сопротивляться. Он сразу бы потерял все, за что боролся сам, за что боролись его друзья.

А что будет с теми, кто уверовал в святого Камбера? В каком-то смысле чувства верующих беспокоили его больше, чем необходимость сознаться в своем перевоплощении в Элистера, — этот шаг он рано или поздно сделает... Но и люди, и Дерини, верящие

в святого Камбера и приписывавшие его заступничеству чудеса, воплощают его облик во множестве храмов и часовен по всей стране, чтобы и дальше покровитель с небес оберегал их.

В сотый раз он задавался одним и тем же вопросом: могут ли чудеса состоять из одной только веры? Он, Дерини, отлично знал, как важна вера для эффекта исцеления, для того, чтобы повернуть ход событий в нужное русло. Многим вера в святого Камбера давала силу и покой. А если она приносила плоды, то как некто по имени Камбер мог осмелиться утверждать, что такая вера не нужна?

Поддавив вздох, Камбер оглянулся на Джорема и очень удивился, увидев, как восторженно его сын смотрит на статую. С самого начала Джорем был против перевоплощения, но когда не оставалось выбора, он неохотно согласился помочь. И в облике Элистера он видел своего отца и все эти годы был рядом с ним, защищая и епископа Грекоты, и имя отца ото всех нападок.

Камбер был поражен тому, как посещение церкви взволновало Джорема, — вид этой статуи, само здание, понимание того, что он значил для стольких людей. В то же мгновение Джорем обернулся и открыто посмотрел в глаза отцу, не препятствуя тому войти в его сознание. Когда были преодолены границы обычного восприятия, они узнали самые сокровенные мысли друг друга о Камбере и его канонизации, но откровение только упрочило связь отца и сына.

Теперь в Джореме не осталось ничего от бывлой горечи, которая, соединяя в себе страх и гнев, мешала достичь внутреннего равновесия. Джорем принял неизбежную необходимость существующего положения и вынужденную твердость человека, стоящего сейчас на коленях рядом с ним.

В этот миг как будто гора упала с души Камбера, хотя одновременно он понял, что никогда,

до самой смерти не расстанется с чувством вины, неопределенностью и опасениями. Вместе они делали все, что было в их силах, чтобы не дать Тьме одолеть Свет, — а этого вполне достаточно для смертных.

С улыбкой Камбер коснулся руки сына, и тот помог отцу подняться. Прежде чем отправиться в столицу к Синхилу, они рука об руку вернулись обратно, чтобы поговорить с Квероном и его камберианцами.

Но больше никогда никакая статуя не встанет между отцом и сыном.

ГЛАВА 5

**Ибо видение относится еще
к определенному времени
и говорит о конце и не обманет:
и хотя бы и замедлило, жди его,
ибо непременно сбудется,
не отменится.**

Когда они наконец вышли во двор, озаренный светом факелов, Кверон Киневан заметно оживился. Пока гости молились в уединении храма, он собрал перед входом всех обитателей аббатства, и теперь, стоило епископу показаться в дверях, все они разом опустили на колени.

Теперь, среди монахов, волнение оставило Камбера. Он обратился с любезными речами к сестрам и братьям, благословил обитель и их труды, и наконец попросил, чтобы им подали лошадей и кликнули Гатри и Келеба. Рассыпающийся в благодарностях Кверон сам поддержал ему стремя, когда епископ садился в седло.

Вскоре Камбер с сыном вновь оказались на пути к Валорету. Дорогу им освещала луна, а также свет факелов, которые несли шестеро монахов, отправленные Квероном сопровождать сиятельных гостей до столи-

цы. Кавалькада прибыла в Валорет вскоре после вечернего богослужения,

Король еще бодрствовал. Путешественников у входа встретил старший паж, который поспешил проводить ночных гостей к правителю. Синхил ждал их в личной часовне, соединенной с его апартаментами. Одетый в теплый красный ночной халат и отороченную мехом шапочку, он стоял на коленях у складного алтаря. Когда паж наконец вышел и закрыл за собой дверь, он поднял голову и обернулся к вошедшим.

— Элистер! Вы как раз вовремя! Грегори...

— С ним все в порядке, сир, — заверил Камбер. — Через несколько дней он уже сможет сидеть в седле. Я передал ему ваше послание. Но не он виноват в нашей задержке.

— Неужели?

Камбер позволил Джорему снять с себя влажный плащ и принялся стягивать с одеревеневших на морозе пальцев пристывшие перчатки.

— К несчастью, нет. На обратной дороге, неподалеку от Долбана, мы повстречали брата епископа Хьюберта и его сноху. Зовут Манфред и сдается мне, что вы услышите о нем гораздо раньше, чем того желаете.

— Почему?

— Очевидно, на него и его жену напала шайка... гм... юных лордов-Дерини, — кратко ответил Камбер. — Немногим раньше нам с Джоремом тоже пришлось столкнуться с ними, но они сбежали, узнав, кто мы такие.

Синхил пристукнул кулаком по перилам алтаря и произнес:

— Слепцы! Как могу я сдерживать возмущение против Дерини, если они сами чинят беспорядки. Господь видит, мы не хотим повторения истории с Найфордом. Ты хочешь, чтобы один из храмов Ордена святого Михаила сожгли? Или Грекоту? Или святого Нета? А может, и сам Валорет?

Камбер вздохнул и сел на указанный Синхилом стул. Королю не нужно было ничего больше говорить о Найфорде. Прошлым летом взбунтовавшиеся крестьяне под предводительством горстки разъяренных юношей-дворян из расы людей полностью разрушили город Найфорда, а большинство его жителей безжалостно убили. Толчком к мятежу послужил один из многих инцидентов на Долбанской дороге, случившийся по чьей-то безответственности.

Найфорда лежал в месте слияния Арианы и Лендоры, там, где двадцать лет назад Имре Фестил заложил свою злосчастную столицу. Недостроенный дворец и окружавшие его административные здания после падения Фестилов были заброшены. Эту землю заселил совсем другой народ — люди и Дерини, составившие со временем единую процветающую нацию. Сюда же переселилась школа Целителей и несколько других Деринийских общин, включая и ту, что основала церковь и начальную школу святого Камбера.

Развивалась морская торговля, это было предопределено самой природой — Найфорда имел обширную, отлично защищенную гавань в самом устье Арианы. Монахи из Ордена святого Михаила организовали обслуживание судов, нанимаясь в качестве лоцманов на корабли, плывущие на север в Ремут, на запад — в Хланнед, на восток — в Муриин и в воды их родного моря.

Ловкие Деринийские предприниматели возвели процветающий речной порт на руинах предыдущей, куда менее удачной затеи Дерини. Менее изобретательные соседи из расы людей чувствовали досаду и зависть, переходящую в слепую ненависть и все более жестокие гонения на Дерини со стороны священников и высокопоставленных дворян. Симптомы неприятия Дерини были заметны и в Гвиннеде, но нигде, кроме Найфорда, оно не было так явно. Рознь между людьми и Дерини углублялась, упрочивалась вспышками самодовольства Дерини, которые и так куда больше

преуспевали в торговых и финансовых операциях. Недовольство людей росло. Поселить столько Дерини на таком ограниченном пространстве было большой ошибкой. В тот год выдалось особенно жаркое лето, воздух становился все горячее, духота все нестерпимее, а многие умы бурлили от негодования... Огонь насилия полыхнул от случайной искры.

Найфорд горел весь день и всю ночь, но прежде неистовствующие люди убили всех Дерини и их сторонников, которых только смогли отыскать. После того как разграбили все корабельные грузы, суда, принадлежавшие или управляемые Дерини, были сожжены прямо на причалах. Лавки Дерини были разворованы и разгромлены, а их владельцы убиты.

Забив насмерть и перерезав всех учеников и наставников, люди по камням разнесли школу. После кощунственного убийства братьев и сестер Ордена святого Камбера Найфордского (большинство из которых даже не были Дерини) церковь и школу осквернили и подожгли. Огонь быстро распространялся, охватывая группы убитых, дым пожаров неделю отравлял воздух.

Камбер сидел, опустив глаза. Конфликт тлел, бесчисленные столкновения дворян-людей и Дерини продолжались. Почти ежедневно Камбера донимали этой проблемой, и, кажется, он истощил свое влияние на короля в разборах затянувшейся распри. Синхилу удавалось поддерживать равновесие и порядок в общении между расами только внешне, но и это было благом. Королевские министры-люди были не так разумны. Камбер вздохнул и снова поднял глаза на короля, и в тот момент вся усталость прожитых лет тяжким бременем легла на его плечи.

— Сир, я, безусловно, не мог спорить с историей, — произнес он мягко. — Эти юные смутьяны играют на руку своим злейшим врагам, но они не понимают этого. Они видят только то, что им нет места среди людей.

— Это не так.

— Я знаю. Но они так думают. Они считают Королевские законы законами людей. Они не видят в них места для Дерини.

— Лучше бы, черт побери, они увидели, иначе скоро этого места действительно не станет, а может быть, и драгоценных Дерини! Ты же знаешь, я не могу вечно сдерживать остальных дворян. И мои сыновья...

Он смолк и отвернулся от них. После секундной паузы Джорем вопрошающе посмотрел на Камбера — следует ли удалиться — и, получив согласие Камбера, поклонился, прижимая к груди плащ, лежащий на сгибе руки.

— Если я вам больше не нужен, сир, я вас покину. Мне нужно посмотреть, как разместили монахов, которые сопровождали нас из Долбана.

— Нет, Джорем, останься... пожалуйста. По правде говоря, то, что я собираюсь сказать, в большей степени касается тебя, а не Элистера. Кроме того, я знаю, что ты сделаешь так, как я попрошу. А насчет Элистера я не уверен.

Удивленный, Джорем взглянул на Камбера. Происходящее казалось странной мистификацией. Устало потерев глаза, Синхил закрыл лицо руками, Камбер заерзал на стуле, пытаясь сообразить: о чем может просить король? Что он может не выполнить. Джорем освободился от плаща и положил его в одну влажную кучу с отцовским. Синхил поднял голову и так долго смотрел на распятие, висевшее над алтарем, что Камберу и Джорему стало немного не по себе.

— Сир, что-нибудь случилось? — прошептал наконец Камбер.

Синхил слегка покачал головой и успокаивающе коснулся руки Камбера.

— Нет, и не называй меня «сир», старый друг. То, о чем мы должны поговорить, не имеет ничего общего с королями и епископами. — Он обра-

тился к Джорему. — С тех пор как мы с последний раз говорили об этом, прошло почти четырнадцать лет, но пришло время, и я должен прервать свое молчание. Я долго думал об этом и должен признаться, что у меня накопилось множество горьких мыслей о тебе... и о твоём отце.

На этих словах он умолк и окунулся в какой-то неведомый мир, где боль воспоминаний и разочарований все еще жгла и мучила его, затем снова поднял глаза на Джорема.

— Но это уже в прошлом. Я думал, что понимаю причины его поступков, до этого дня ненавидел эти причины, и я не могу отрицать, что конец был... желанен... для Гвиннеда.

Неподвижно сидя на стуле, Камбер почувствовал напряжение сына, когда тот встал ближе к нему. Он почувствовал руку Джорема на плече. Джорем настороженно смотрел на короля.

— Сир, вы знаете, что охранять эту землю и ее короля всегда было нашим желанием, и я надеюсь, вам не нужно говорить о том, что ничего враждебного в наших намерениях не было.

— Я знаю, Джорем. Если бы я поверил в обратное, то ни ты, ни один из тех, кто имеет хоть малейшее отношение к тому, что было в прошлом, не остался бы в живых. Боюсь, что с годами я научился не только страдать, но и быть безжалостным королем. Никто не может сказать, что мои враги преуспевали в эти годы перемен.

Камбер посмотрел на ноги, зная, что не было смысла называть наиболее коварных, скрытых противников, которых Синхилу не удалось подчинить себе, — людей, которые сейчас держали в руках будущее могущества Гвиннеда, которые несли ответственность за наследников Синхила и готовились в регенты, чтобы властвовать в стране вплоть до совершеннолетия наследника.

Синхил вздохнул, и Камбер понял, что тот прочел его мысли, хотя король и не пытался вступить в контакт. Он никогда этого не делал.

С помощью Джорема Синхил, пошатываясь, поднялся на ноги. Его раздражение готово было вот-вот прорваться. Камбер тоже поднялся. Он знал, однако, что эта тема не станет поводом к ссоре. Король уже все для себя решил.

— Спасибо, что не споришь со мной, — сказал Синхил неожиданно мягко. — У меня не так много времени, и все оно должно быть потрачено на то, что действительно является для меня сейчас самым важным. — Он обратился к Джорему. — Я вынужден напомнить тебе, Джорем, о том, что произошло со мной четырнадцать лет назад в потаенной часовне Ордена святого Михаила. — Он сглотнул слюну, от чего гримаса боли мелькнула на его лице, на мгновение отвел взгляд, затем продолжал. — Тогда я... ненавидел вас за это... ненавидел всех вас. Использование могущества, которым вы меня наделили, пугает меня и по сей день.

Он сцепил пальцы и, стараясь успокоиться, вздохнул.

— Но у этого могущества есть и другие стороны, которые, по-моему, должны быть подвластны королю, наверное, самое важное из всего этого — способность считывать мысли других людей, даже если они желают солгать. Это... и способ защиты от колдовских чар и от других опасностей. Я редко прибегал к магии, но хотел бы, чтобы после моей смерти у сыновей была возможность ее использовать.

Выражение лица Джорема не менялось во время всей речи короля, но Камбер почувствовал его растущее напряжение, и сам с нетерпением ждал, когда же Синхил выскажет просьбу. Приближался момент, о наступлении которого они молились и не имели права упустить. Камбер и Джорем безмолвно сговорились, как дальше вести дело, чтобы достичь цели.

Дыхание Джорема стало медленным, он взвешивал каждое слово, с которым обращался к королю.

— Вы знаете, о чем говорите, сир? — спросил он осторожно. — То, чего вы просите, — возможно, но на это уйдет слишком много энергии. Это требует вашего непосредственного участия.

— Я знаю, — прошептал Синхил. — Но в любом случае я так хочу. Я не стану обрекать своих сыновей на неведение. Когда рядом не будет отца, кто присмотрит за ними? Кто оградит от страданий?

— Сир, но есть и другая сторона дела, — продолжал Джорем с запинкой. — Когда мы помогали вам принять могущество, мой отец был жив, и нас было четверо: Райс, Ивейн, я и он. Если я правильно понял, говоря об этом при его преосвященстве, вы хотите, чтобы он занял место моего отца?

Синхил исподволь взглянул на Камбера.

— Ведь ты сделаешь это, старый друг? Я знаю, что ты думаешь об участии в таких делах, но ты осведомлен о случившемся той ночью. Ты охранял дверь снаружи. Я помню, как прошел мимо тебя, сурового и мрачного, в доспехах, с мечом наголо, ты пропустил нас в часовню. Не возьмешь ли ты в руки меч ради меня еще раз, только теперь уже внутри священного круга?

— Сир, я...

— Нет, не называй меня «сир». Говори со мной как с Синхилом, твоим другом, который нуждается в твоей помощи, а не с тем жалким, окруженным врагами человеком, который носит корону Валорета. Скажи, что Элистер как другу поможет Синхилу сделать то, что должно быть сделано, чтобы его сыновья выжили, когда человек и король Синхил умрет. Не будем говорить недомолвками. Я скоро умру, Элистер. Ты старше меня на несколько лет и, конечно, думал о смерти. Она приходит ко всем, и все мы должны быть готовы встретиться с ней. А король обязан думать об этом больше, чем простой человек.

Камбер со вздохом опустил голову, для него напускное нежелание Элистера было удобно.

— Как друг я не могу отказать тебе, Синхил, — вымолвил он. — То, о чем ты просишь, я сделаю наилучшим образом, и неважно, чего мне это стоит. — Он протянул Синхилу руки ладонями вверх, а Синхил накрыл их своими.

— Благодарю тебя.

Камбер прослезился, он соединил руки короля и в поклоне припал к ним лбом, выражая покорность, затем обернулся к алтарю и опустился на колени, закрыв лицо руками. Синхил наблюдал за ним, удивленный глубиной чувств своего друга, и обратился к Джорему.

— Думаю, надо все подготовить, Джорем, — сказал король. — Ты позаботишься об этом?

— Конечно, сир. Вы выбрали время и место? Райсу и Ивейн пришлось задержаться на ночь у графа Грегори, но завтра к полудню они будут здесь.

Синхил озабоченно кивнул, он снова перевел взгляд на коленопреклоненного Камбера.

— Вот и отлично.

— В таком случае вы намечаете это на завтрашнюю ночь? — спросил Джорем.

Синхил снова кивнул, не отрывая глаз от Камбера.

— И где это произойдет? — настаивал Джорем. — Я не советую ту часовню, где вы проходили ритуал. Это по-прежнему один из центров Ордена святого Михаила. Нам могут помешать.

— Здесь, в моей личной часовне, — пробормотал Синхил. — Она подойдет, не так ли? — Он наконец снова обернулся к Джорему. В его серых глазах читался вопрос.

— Разумеется, сир, — ответил Джорем с поклоном и направился к выходу. — Мы с сестрой и Райсом подготовим все необходимое. Вы позволите привлечь Джебедию? Нам будет нужен охранник.

— Так и сделай.

Когда Джорем вышел, затворив дверь, Синхил опустился на колени рядом с Камбером и присоединился к его молитве, не понимая, что та часть его друга, с которой обобщается, была внешней оболочкой совершенно другого человека, которого он давно считал мертвым, — человека, вовсе не напуганного просьбой короля и уже строящего планы о том, как должно пройти долгожданное событие и как наилучшим образом передать могущество семьи Халдейнов наследникам династии.

Камбер пробыл с королем еще около часа. Пока они молились, Джорем приводил в действие план, который они с отцом уже давно составили и который теперь стал реальностью.

Отослав гонца к Райсу и Ивейн, он передал приказание Джебедии явиться в покои канцлера, чтобы там объявить королевскую волю об участии Джеба в предстоящем ритуале.

Глава геральдической палаты должен был быть подготовлен к тому, что будет уволен, если Синхил не доживет до следующей ночи. Регентский совет в большинстве состоит из людей, амбициозные регенты не станут церемониться с Дерини.

Одна мысль о том, что командование вооруженными силами будет отдано в руки не-Дерини и настроенных против Дерини лордов, вызывала у верховного наставника Ордена святого Михаила ночные кошмары. Многие ключевые посты занимали воспитанные в Ордене люди, они могли сдержать наиболее реакционных дворян, но Джорема это не успокаивало.

Сейчас они с Джебедией обсуждали пункты завещания Синхила, касавшиеся армии, и когда за несколько часов до рассвета Камбер наконец присоединился к ним, все трое говорили, с трудом сдерживая волнение. Камбер сообщил, что королю в конце концов удалось забыться в тревожном сне, но его состояние было тяжелее, чем они думали. Если он переживет то, что решил совершить, это будет настоящим чудом.

Прежде чем план был обсужден и все трое разошлись спать, соборные колокола отзвонили к заутрене в серой предутренней мгле.

* * *

Рассвет не ослабил крепкого мороза, сковавшего землю. В то утро не отбивали Первый и Третий колокол на соборной башне — едва рассвело, над равниной Валорета пронеслась ледяная буря, прервав всякое движение и оставив за собой только серебристо-белую тишину.

Райс и Ивейн, вместе с гонцом Джорема и эскортом, четыре часа не могли выехать из Эбора. Волновались, прислушивались к ветру и ждали до тех пор, пока начальник охраны не счел, что уже достаточно безопасно и можно трогаться. Дорога была предательски скользкой, каждое оледеневшее дерево, куст и пучок травы угрожали своими остриями и зверю, и человеку. Они в конце концов доехали до города (много позже, чем их ждали), промерзшие до костей под негнущимися заиндевелыми плащами.

Усталые лошади брели последнюю милю от городских ворот к замку по мощенной булыжником улице, дрожа от усталости и холода. Животных не спасали даже специальные толстые попоны. От порезов о снежный наст и неоднократных падений ноги лошадей почти до колен покрывала корка замерзшей крови, а красные следы на снегу отмечали каждый шаг. На замковый двор они вошли, опустив голову и прерывисто дыша. Райс спешил и, пошатываясь на затекших ногах, помог жене сойти на землю.

Джорем ждал их на лестнице, облаченный в плащ Ордена Михаила, взволнованный и уставший. Он сообщил, что епископ Келлен ждет их прибытия. Пospешив в комнаты епископа, они нашли его у потрескивающего камина перед грудой тушеного мяса,

кувшином горячего вина с пряностями и ворохом меховой одежды — все это предназначалось озябшим путешественникам, Камбер выглядел уставшим, но бодрился.

Пока они не поели горячего и не перестали дрожать, он не позволил им раскрыть рта, обрисовав картину событий предыдущей ночи. К концу весьма краткого рассказа Райс отставил пустую тарелку и принял бокал из рук Джорема. Целитель выпил вино большими глотками и рассеянно вернул бокал, сосредоточив все свое внимание на Камбере. Сидя рядом с ним, Ивейн разделялась с хлебом, намазанным толстым слоем масла и меда, и облизывала липкие, сладкие пальцы, которые не были больше красными и негнушима-ся.

— Как настроение Синхила? — спросил Райс. Камбер вздохнул и сцепил пальцы — это была их общая с Элистером привычка.

— Я бы сказал, что он примирился с необходимостью. Конечно, ты лучше меня сможешь оценить его физическое состояние. Он слаб, знает об этом и догадывается о цене, которую, возможно, придется заплатить за это. Не думаю, что он надеется пережить эту ночь, и все же это больше не беспокоит его. Страх ушел.

— Страх ушел, — прошептала Ивейн. — Если бы мы все смогли вот так. Когда его не станет...

Она вздрогнула, но не от холода, и Райс машинально повернулся, взял ее руку и, успокаивая, пожал.

— Что ж, — продолжила она, — мы не достигли такого состояния духа, не так ли? Мы все знали, что этот день обязательно наступит. Просто обидно, что он пришел так быстро. Отец, он дал тебе понять, какое выбрал место, или держит это при себе?

— Он хочет, чтобы это произошло в его личной часовне, — ответил Камбер, — и нам поручил сделать все необходимые приготовления. Сегодня

утром я напомнил ему самые важные детали, но он сам будет распоряжаться порядком ритуала. Он сказал об этом.

— А ему можно доверить это? — спросил Джорем. — Он намеренно пользовался своим могуществом как можно меньше. Что будет, если он не выдержит нагрузки?

— Тогда должны быть готовы вступить мы, — сказал Камбер. — Но он не должен знать об этом, потому что это действительно огромная нагрузка. Возможно, он еще удивит нас. Во всяком случае, пусть как можно дольше верит, что он ведет ритуал.

Ивейн кивнула и посмотрела на брата.

— Джорем, какие сделаны приготовления? Часовня уже готова?

— Не совсем. После утренней мессы я приказал слугам все там вымыть. И ждал вашего прибытия, чтобы начать более серьезную подготовку. Если вы уже отдохнули, мы можем начать, когда захотите.

— Отлично. Ты избавил нас от многих забот.

Она поднялась, освободилась от мехов, в которые завернулась перед едой, и коснулась руки мужа.

— Райс, тебе нужно помочь с мальчиками, или мы с Джоремом можем приступать к своим обязанностям?

Райс покачал головой.

— Я справлюсь. Сначала проведу Синхила: надо убедиться, что он набирается сил. Джорем, когда закончишь помогать Ивейн, встречай меня у детской сразу после того, как отслужат вечерню.

— Хорошо. Кстати, а как насчет Тависа О'Нилла? Он так много времени проводит с принцем Джеваном и не отходит от него.

Вздыхнув, Райс положил руку на карман.

— Я спрошу об этом Синхила, но в крайнем случае мое снотворное лишит его способности действовать точно так же, как и других слуг. Однако прежде чем я пойду усыплять Дерини и принцев, я на-

мерен встретиться с Его Величеством, чтобы убедиться, что он хочет этого.

* * *

Несколькими минутами позже слуга торжественно ввел Райса в королевские апартаменты, поклонился и немедленно удалился. Синхил находился в спальне, полулежал, удобно устроившись на гряде подушек. Он изучал ветхий религиозный манускрипт. Несколько свечей на полу отбрасывали теплые блики на его лицо.

Услышав деликатный стук Райса, он поднял глаза с таким выражением лица, словно его внезапно заставили вернуться из иного, более спокойного мира. Когда он взглянул на Целителя, в его серых глазах отразились огни свечей и пламя в камине.

— Райс! Как я рад тебя видеть!

Подавляя приступ кашля, он привстал, но Райс, протестуяще покачав головой, быстро пересек комнату и опустился рядом с ним на колени, чтобы поцеловать холодную руку.

— Пожалуйста, сир, не тревожьтесь. Вам нужен покой.

Синхил покачал головой, на губах появилась улыбка искренней привязанности, которую он так редко выказывал.

— Когда все кончится, мой юный друг, появится достаточно времени для отдыха — целая вечность покоя. А пока священные слова этой рукописи — мое самое лучшее утешение. Они и твое присутствие. С Элистером было бы тоже неплохо, но он занят приготовлениями, о чем ты, без сомнения, уже знаешь. Это он послал тебя ко мне?

— Да, — прошептал Райс, опуская глаза. — Мне очень жаль, что на моем месте сейчас не он. Я знаю, какое утешение он приносит вам, а вы ему. — Он позволил себе встретить взгляд серых глаз короля,

и в голос вернулась обычная живость. — Ну, а теперь позвольте посмотреть, все ли с вами в порядке. Несмотря на всю вашу с Элистером мудрость, вас давно пора осмотреть Целителю, сами знаете.

— Это я хорошо знаю, — вздохнул Синхил, глядя на огонь. — Но боюсь, ты останешься мною недоволен ...

Он выпустил манускрипт, и тонкий пергамент с шелестом свернулся сам собой. Райс отложил свиток в сторону. Он не ожидал, что Синхил будет так слаб. Работа на всю ночь едва ли была ему под силу.

— Позвольте помочь, Синхил, — прошептал Райс и с молчаливого согласия повел руки по его плечам. — Расслабьтесь и дайте мне посмотреть, что можно сделать.

Король ничем не выразил своего протеста, и Райс теперь провел по плечам Синхила со спины, поддерживая его голову. Он почувствовал, как напряженные мышцы расслабляются, и перед глубоким осмотром принял сознание Целителя.

Сначала он подумал, что король собирается противостать ему. Податливым от прикосновений стало только тело, а мозг поначалу не реагировал. Только через несколько секунд он почувствовал, как течение мыслей замедлилось, но все же продолжается, ощутил, как с сознания снимаются защиты.

Несколько мгновений глубокого осмотра подтвердили приговор Синхила самому себе. Легкие короля были очень слабы, да и общее состояние незавидное. И Райс ничего не мог сделать. Целитель уже бесполезен. Разве что ослабить истощение и придать умирающему сил на его последние дни и часы?

Райс углубился в себя, черпая всю избыточную энергию, которую удавалось освободить, и наполняя ей старческое тело. Он расслабился и оцепенел, давая себе передышку. Затем, снова вернулся к действительности. Но, когда он поднял голову, король уже открыл глаза. Взгляд Синхила был светел и немного дерзок — он не желал покоя.

— Почему вы не хотите отдохнуть? — спросил Райс с упреком, грустно покачав головой.

Синхил покачал головой в ответ.

— Я же говорил тебе, что для этого будет предостаточно времени. — Он подобрал свиток. — Успокойся, Райс, Ты сделал, что считал нужным. Можешь идти. Думаю, ты увидишься с моими сыновьями до наступления ночи.

Полный чувств, Райс в течение нескольких секунд смотрел на короля, крепко сжал зубы, затем достал из мешочка у пояса пергаментный пакетик с зеленой печатью.

— Если вы имеете в виду вот это, то да. Я должен был увериться, что таково и впрямь ваше желание.

— Снотворное?

— Смешанное с другими порошками. На детей это подействует лучше, чем тот... метод, который мы использовали, когда наделяли вас могуществом.

— А что там, кроме снотворного? — прошептал Синхил, отводя глаза. — Скажи мне. Они мои сыновья. У меня есть право знать это.

— Разве ученые названия скажут что-нибудь?

— Да! — настаивал Синхил, его серые глаза смотрели на Райса с упрямством, какого Целитель не ожидал. — Я кое-что читал. Я желаю знать!

Слегка вздрогнув, Райс протянул пакетик на ладони и ответил на взгляд Синхила.

— Лапчатка ползучая и опиум в качестве снотворного. Волчий яд, совсем немного, для ясновидения. И еще один порошок, известный только Целителям. Я не стану называть его вам, но обещаю: не будет никакого вреда. Снадобье сделает их мозг восприимчивым к тому, что должно быть совершено. В ту ночь вам давали тот же самый порошок, хотя вы, возможно, и не помните.

Глаза короля затуманились, он обратился к своей памяти, вновь переживая ту ночь, когда

более молодой Синхил стоял в магическом круге и смотрел, как ему готовят зелье. Райс понял тогда, что королю кажется колдовством поток белого порошка, падающий из пальцев Камбера на поверхность заговоренного вина, которое Синхилу предстояло выпить.

Синхил заморгал и тряхнул головой, возвратившись из прошлого. Слегка вздрогнув, король посмотрел на огонь.

— В таком случае, это снадобье Дерини?

— Да.

— Но оно действует на людей и Дерини одинаково?

— Не совсем. Если порошок не активировать, он действует как успокоительное; мягкое, но эффективное. Я собирался дать его под видом средства от простуды. Я слышал, что последнюю неделю Алрой кашлял, так что можно предположить, что и другим мальчикам нездоровилось; прием лекарства будет вполне оправдан. К тому же, если другие захотят попробовать его, их всего лишь потянет в сон.

— Скажи, что действуешь от моего имени, что я беспокоюсь о состоянии здоровья сыновей, — мягко произнес Синхил. — А если слуги спят в комнатах мальчиков, дай им тоже твоего средства.

— Понятно, — сказал Райс. — А что делать с Тависом? Джебедия говорит, что в последние дни они с Джеваном неразлучны.

— Ты — Целитель и его наставник, — коротко ответил Синхил. — Ты можешь управлять им?

— Я могу попробовать. Но он — Целитель. Если он проверит «лекарство», то заподозрит неладное. Он поймет, что это не лекарство от простуды.

Синхил, размышляя, отвернулся к камину.

— В таком случае он тоже должен выпить. А ты, на всякий случай, должен стереть воспоминания. Ты — Целитель. Я передаю это в твои руки, Райс.

— Хорошо. Но неужели нет средства, которое заставит вас отдохнуть? — спросил он.

— Абсолютно...

Глубоко вздохнув, Райс собирался уходить, но заметил, что Синхил встает на ноги.

Райс помог ему подняться, отвел его к окну, за которым было видно, как небо на западе меркнет. Обернул меховую накидку вокруг слабых плеч, чтобы уберечь короля от холода, тянувшего сквозь свинцовые переплеты окна.

— Это будет мой последний закат, — с тоской сказал Синхил, когда Райс раздвинул шторы и пейзаж за окном открылся перед ними целиком. — Хотелось бы менее мрачной картины, но лучше уж такая, чем никакой.

Райс предпочел не отвечать. Проглотив подступивший к горлу комок, он низко поклонился, коснувшись руки короля, затем развернулся и покинул спальню.

... В детской его встретила атмосфера полного покоя, такая далекая от бурных переживаний, владевших Целителем все последнее время. Зажженные свечи разгоняли мрак сгущавшихся сумерек. Принцы заканчивали омовение, готовясь к ужину и сну.

Прошлым летом мальчики переросли своих нянек, и преданных королю крепких дам сменил целый отряд слуг-дворян.

Слуги в большинстве своем были едва старше своих подопечных. Они следили за одеждой, сервировкой стола, помогали своим юным хозяевам обучиться манерам, подобающим принцам. Близкое соседство такого количества мальчиков и подростков неизбежно вызывало шумные разногласия.

Устроившись у камина в главной комнате дневных занятий, сонный и зевающий принц Алрой держал в руках чашку теплого молока, смешанного с вином. Лакей расчесывал черные волосы. Старший принц уже переоделся ко сну — длинная белая ночная рубашка выглядывала из-под отороченной мехом шерстяной накидки малинового цвета. Комнатные туфли принца украшали вышитые львы — символы ди-

настии Халдейнов. Худенькие плечи мальчика окутывал мех.

Из-за узорчатой ширмы в дальнем углу комнаты раздавался звонкий голосок младшего сына Синхила — Райса Майкла, явно недовольного тем, что его голова и руки запутались в ночной рубашке, а слуга никак не освободит его. Упомянутый слуга, худощавый юноша приятной наружности, немногим старше своего молодого хозяина, с усмешкой пытался вытащить руки принца из полотняной тюрьмы, действуя довольно грубо и непочтительно. С Алроем или серьезным Джеваном он не позволил бы себе такого.

Что же касается Джевана, то пришлось поискать, прежде чем он обнаружил калеку сидящим у ближайшего окна. Тавис О'Нилл находился рядом, в жаровне у ног принца тлели древесные угли. Глаза его были закрыты, руки лежали на коленях ладонями вверх, прикрытые руками Тависа. Эта пара была вне происходящего вокруг. Райс, не сходя с места, оценил, насколько высок уровень энергии, окружающей их, и понял, что Тавис проводит исцеление своего подопечного.

В тот момент Алрой обнаружил Райса и, отставив чашу, улыбнулся, взгляд его серых глаз был светел и немного болезнен.

— Лорд Райс! — воскликнул он, но закашлялся от болезни и от волнения.

В ответ раздался восторженный визг из-за ширмы, и маленькое существо в рубашке до пят бросилось в объятия Целителя, едва не сбив того с ног.

— Лорд Райс! Вы пришли, чтобы поужинать с нами?

Райс крепко обнял своего тезку и взъерошил темные волосы.

— Благодарю, я уже поужинал. А теперь вернитесь к слуге и оденьтесь, прежде чем успеете подхватить простуду, как и ваш брат.

Райс Майкла безропотно подчинился, и Райс подошел к Алрою, который заметно поскуучнел

при последних словах Райса. Слегка коснувшись лба наследника, он проверил температуру.

— Как себя чувствуете, Ваше Высочество? — просто спросил он. — Ваш отец сообщил мне, что последнюю неделю вы были нездоровы.

Алрой побледнел, осторожно улыбнулся и прочистил горло, стараясь заглушить подступающий кашель.

— Мне лучше, лорд Райс. Иногда я подолгу кашляю, но прошлой зимой было хуже.

— Я чувствую, вас немного лихорадит.

— Это от огня, — заспорил Алрой, отодвигаясь от камина. — Мне лучше. Правда лучше.

Улыбнувшись, Райс взял принца за руку и использовал способности Целителя, затем, покачив головой, отпустил руку.

— Да, прошлой зимой было хуже, — согласился он. — Но все же вы нездоровы. Думаю, вам всем нужно пораньше лечь спать и принять средство от простуды.

— О, Райс...

— Нет, непременно, — мягко, но настойчиво возразил Райс. — Уверю вас, оно безвкусно. Я кое-что вам скажу. Мы сделаем это особым образом. — Он взглянул на слугу Алроя. — Гэвин, пока их высочества будут ужинать, принеси из погреба кувшин фианнского вина. Вам всем положено отведать его. Король разрешил это.

Довольная ухмылка Гэвина озарила комнату.

— Иду прямо сейчас, милорд. Чтобы отведать такого вина, я готов выпить любое лекарство!

— Как раз сейчас тебе представился случай, — улыбнулся Райс, поворачивая юношу к двери. — Пойди и принеси. Да захвати и чарки, пусть полакомятся все.

— А вы уверены, что это не какая-то гадость? — с сомнением спросил Райс Майкл.

Райс-старший весело засмеялся.

— Обещаю. А теперь рассказывайте. Как продвигаются твои занятия, тезка? Можешь сесть мне на колени и дать полный отчет.

Обрадованный Райс Майкл последовал приглашению и протараторил длинный перечень того, что постиг в науках со времени последнего визита Целителя. Райс слышал, как в соседней комнате готовили стол к ужину, слышал голоса ставящих тарелки и раскладывающих еду слуг. Через несколько минут ужин был сервирован. Два мальчика тут же бросились к столу, за ними последовал Джеван. Проходя мимо старшего Целителя, принц подозрительно оглядел его. Когда дети Синхила произнесли молитву и приступили к еде, Райс вернулся в общую залу и направился к Тавису. Молодой Целитель оставался у окна, демонстративно безразличный.

— Джеван болен? — пробормотал Райс. Тавис чуть заметно покачал головой.

— Нет, не болен. Хотя и не здоров. Каждый день я наделяю его энергией.

— Похвально. Но это приносит не только пользу. Ты ведь не всегда будешь рядом, чтобы поддержать его.

— Я знаю. — Тавис смотрел в сторону, стараясь скрыть боль во взгляде.

— Тавис, — мягко произнес Райс, — ты знаешь, что уготовано этим детям. Синхил умирает, и Алрой смеет его, вероятно, не достигнув совершеннолетия.

— Алрой — наследник по праву.

— Но он и самый слабый, — продолжал Райс. — Не знаю, нужно ли это говорить, но Целители обязаны знать реальное положение вещей, даже если это тайна для других. Алрой может умереть совсем юным, не дав Гвиннеду наследника. В этом случае корона перейдет к Джевану. Ты делаешь его зависимым от себя. Как вынесет он нагрузку, если тебя не станет?

— Я никогда не оставляю его! — с вызовом прошептал Тавис, — Никто больше не заботится о нем. Они думают, что телесное увечье делает и разум неполноценным. Но в один прекрасный день Джеван покажет себя. Вот чего я хочу для него, Райс.

— Если Господь захочет, чтобы он стал королем, я тоже будут ждать этого. Но ты не должен так настойчиво опекать его, иначе задушишь, не дав подрасти.

— Это не я его задушу, о нет, не я! — дерзко ответил Тавис, хотя голоса не повысил.

С этими словами молодой Целитель взял манускрипт, лежавший на скамье рядом, и углубился в него, не замечая Райса.

Тот постоял немного и отправился от нечего делать рассматривать письменные упражнения принцев, лежащие на столе у камина. У них с Тависом с самого начала не сложились нормальные отношения.

Как раз тогда, когда мальчики закончили ужин и перешли в залу в сопровождении слуг, юный Гэвин вернулся с вином. Теперь все с интересом наблюдали за тем, как Райс извлек из кошелька у пояса сложенный пергаментный пакетик и бросил его на стол.

— Итак, возблагодарим Всевышнего, что средство против простуды попадет в самое чудесное фианнское вино, лучше которого во всех погребях вашего отца не найти. — Церемонным жестом он откупорил флакон зеленого стекла, понюхал содержимое и в восхищении закатил глаза, когда аромат достиг его ноздрей.

— О, бесподобно! Должен вам сказать, я тысячу раз убеждал его величество, что это отнюдь не портит неустоявшиеся вкусы. Не выставляйте меня лжецом.

Все, кроме Джевана, на лице которого появилась только гримаса, засмеялись. Райс взял пакетик, сломал печать и аккуратно всыпал порошок в вино.

— Вот бокалы, милорд, — заявил Гэвин, нетерпеливо ставя их на стол, в то время как Райс взбалтывал содержимое.

— Хорошо. Ты принес с избытком. Всем хватит, — произнес Райс, наполовину наполняя бокалы целебным напитком. — Это сладкое вино, но не крепкое — один из сортов настоящего фианнского. А теперь по-
пробуйте.

Слугам второго приглашения не требовалось, однако они не смели взяться за чарки прежде своих молодых господ. Райс Майкл поднес свой бокал к носу, понюхал вино точно так же, как Райс, чуть пригубил и выпил залпом. Алрой пробовал более осмотрительно, но и он проглотил все до капельки.

Только Джеван не желал пить вино и, прежде чем отведать его, вопрошающе посмотрел на Тависа.

Как и остальные участники предстоящего ночью ритуала, Райс после обеда ничего не ел и не пил, но пожалел, что не оставил себе немного чистого вина, следя за колебаниями Джевана. Наконец принц отбросил сомнения.

Райс не заметил, как выпили слуги, и только пустые чарки и хмельные улыбки выдавали их деятельное участие в лечебной процедуре. Когда бокалы были убраны на поднос, Райс улыбнулся и хлопнул в ладоши, приказывая укладываться. Он предусмотрительно последовал за принцами в спальню и пожелал доброй ночи. Тем временем Тавис поднялся со своего места к флакону с остатками вина. Когда Райс вернулся в залу, слуги клевали носами, готовя себе постели. Тавис поджидал его и весь кипел от негодования.

— Ты лгал, — прошептал он. — Это было не средство против простуды, — обличал Тавис, тыча пальцем во флакон, его глаза, словно два бледных аквамарина, горели гневом. — Ты усыпил их. Там было достаточно лапчатки ползучей, чтобы они не проснулись до завтра. Я чувствовал это! Чего ты хочешь?

Готовя свое сознание и тело к столкновению, которого, похоже, не избежать, Райс изображал из себя самую невинность и будто ненароком сместился, заняв позицию между Тависом и дверью.

— Чего хочу? — искреннее удивление было изображено мастерски. — Я только выполняю желание его величества и забочусь, чтобы его дети хорошо почивали ночью.

— Скорее всего, почтили с миром, — пробормотал Тавис, обмакнув кончик пальца в капли на дне бокала, и попробовал жидкость. — Ты не против, если я спрошу у его величества, действительно ли... Что это? Волчий яд и мер... Райс, да как ты мог?!

Сработали защиты Тависа, и разум Целителя скрылся за незыблемой преградой. Райс знал, что не сможет ее преодолеть без применения силы.

Поэтому прежде чем юноша успел среагировать, он с ходу двинул кулаком в солнечное сплетение, и Тавис скорчился на полу, протестуя хрипя что-то.

— Боюсь, что у меня не было выбора, мой юный друг, — прошептал Райс, поднося флакон с вином к губам Тависа. Тот глотал воздух и пытался освободиться.

Он заставил Тависа выпить не менее доброй чарки. Глотки перемежались приступами удушья, взрывами негодования и страха. Затем ошалевший от боли молодой Целитель был приведен в полусидячее положение. Райс поставил флакон обратно на стол и с удовольствием наблюдал, как восстанавливается дыхание и начинается действие снотворного.

— Прости, что пришлось ударить тебя, Тавис, — прошептал он, положив руку на его лоб. — Тебе было необходимо выпить это, раз уж ты имел несчастье оказаться здесь сегодня вечером. Я сомневаюсь, что ты согласился бы сделать это добровольно.

— Но зачем? — выдохнул Тавис. — О, Господи, Райс, ты дал им м-м-мерашу! — Язык его словно распух во рту и отказывался повиноваться. — И... и ангалон, мераша и а-а-ан-галон, а ведь они не Дерини!

— Это сделано по приказу его величества и с его полного согласия, — ответил Райс. — Кроме этого, я ничего не могу сказать. Но даже если бы и мог, ты все равно ничего не вспомнил бы... Не так ли?

Взгляд Тависа стал отчужденным, глаза бежали, снадобье действовало, и Райс без труда мог следовать течению спутанных мыслей Тависа. Тот от-

чаянно пытался проанализировать свое беспомощное состояние, но его защиты быстро таяли. В конце концов Райс взял рассудок под контроль, погружая его в забытие. Тавис еще сопротивлялся, какая-то часть его сознания возмущалась, однако после короткой борьбы он сдался, полностью попав под контроль Райса.

Осторожно стерев последние события, Райс поместил в его мозг новые воспоминания, объясняющие теперешний сон, затем поднял спящего Тависа и отнес на кучу мехов у камина. Пристроив его среди подушек и накрыв мехом, он вложил свиток в расслабленную руку Тависа и в последний раз проверил, насколько глубоок сон. Затем, вылив остатки вина в подставку для оружия, он сполоснул бутыль и бокалы водой, во флакон налил вино, оставшееся от ужина, и всыпал туда другой порошок — на этот раз обыкновенное снотворное. Получившееся зелье он разлил по бокалам и снова выплеснул содержимое в подставку для оружия. Теперь даже капли на дне бокалов не выдадут происходившего здесь.

Наконец он приблизился к стенному шкафу в углу спальни мальчиков, отыскал в завитках резьбы нужный выступ и с силой нажал. Стенка шкафа сдвинулась в сторону, давая дорогу заскучавшему Джорему. Тот сидел на каменном полу, завернувшись в плащ рыцаря Ордена святого Михаила. Узкий проход у него за спиной уходил в темноту.

— Как же ты долго возился, — шепнул он, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль с плаща. — Я чуть не превратился тут в зачочневшую статую. Все спят?

Райс кивнул.

— Извини за задержку. Как я и боялся, Тавис вмешался, так что мне пришлось усыплять и его, и слуг. Но утром он ничего не вспомнит. Ладно, пойдем. Начать лучше с близнецов.

ГЛАВА 6

**Но радей о пребывающем
в тебе даровании, которое
дано тебе по пророчеству
с возложением рук священства.¹**

Синхил Халдейн со стороны, дабы не мешать приготовлениям, наблюдал за тем, как преобразается его часовня. Долгие годы служившая ему убежищем, теперь, после обрядов, проведенных Джоремом и Ивейн, она стала какой-то чужой и незнакомой. Это странное ощущение не оставляло короля все последние часы, ни за книгой, ни даже во время молитвы.

В течение дня они по очереди навещались к нему. Первым появился Элистер, вскоре после третьего колокола, когда Синхил пробудился после недолгого отдыха. Самому епископу, похоже, передохнуть так и не удалось – всю ночь они вместе молились и расстались лишь ближе к заутрене.

Следом за Элистером заглянул Джорем, Райс, потом Ивейн, а затем и Джебедея. Этот Дерини был мало похож на большинство своих сородичей и, по мнению короля, заслуживал куда лучшего отношения со стороны людей. Прирожденный воин, не утративший одна-

ко мягкости и способности к состраданию, Джебедея не сомневался, что после кончины монарха регенты сместят его со всех постов. Синхил, как мог, постарался разубедить его, но едва ли это ему удалось.

В последнем обряде Джебедея не будет принимать непосредственного участия, ибо должен нести стражу перед входом в покои, так что они с королем простились при встрече ... навсегда. Из всех визитов этот был самым печальным.

Самого короля, в отличие от друзей и приближенных, скорый приход смерти почти не страшил. В былые времена, стоило ему подумать о своем недуге, о его неотвратимости, и Синхил буквально цепенел от ужаса. Но теперь он с полным спокойствием сознавал, что нынче его земному пути придет конец. Тревоги не было. Вот если бы еще удалось завершить последнее дело, что осталось ему в этом бренном мире!

Куда лучше добровольно пойти на смерть, отдав последние силы сыновьям, чем уныло тянуть время, слабя день ото дня, не имея сил подняться и чувствуя, как с каждым вздохом нарастает боль и уходит жизнь.

Так он сказал Элистеру утром, на своей последней исповеди, и получил отпущение грехов. Затем с помощью Элистера отслужил последнюю мессу, благоговейно облачившись в столь любимую им старую ризу. Месса совершалась тайно — Синхил лишился сана священника в тот день, когда давно умерший архиепископ объявил его наследным принцем. То, что Синхилу возвращен сан и он продолжает служение Богу, было секретом, о котором знал только Элистер, — и эту тайну они унесут с собой в могилу.

Потом Синхил принял причастие; совершенные обряды придавали ему силы весь оставшийся день. Позже, в свое время, Элистер совершит над ним последнее причастие, а дальше будет покой. Он с радостью встретит успокоение от этой жизни, которую так долго его вынуждали вести.

Вздохнув, он оглядел часовню. Темноту разгоняли только лампада и единственная тонкая восковая свеча на маленьком столике посреди комнаты. Когда слуги закончили генеральную уборку, Ивейн и Райс убрали все, кроме тяжелого алтаря у восточной стены и толстого келдишского ковра, который прикрывал плиты перед алтарем. Ковер они сдвинули в центр комнаты, принесли еще один, меньшего размера, и положили в северо-восточном углу часовни. Затем Джорем скрылся в проеме слева от алтаря, спустя мгновение отверстие в стене исчезло. Ивейн, Элистер и Джебедия продолжали приготовления.

Теперь в самых важных точках комнаты стояли свечи под золотым, красным, голубым и зеленым абажурами, похожие на те, что горели во время ритуала посвящения Синхила.

Покровы на алтаре были заменены новыми, свечи тоже. Все совершалось в едином размеренном ритме. От женщины, епископа и рыцаря Ордена святого Михаила как будто исходила благодать, и Синхил, наблюдавший из-за дверей, почувствовал, как она коснулась его.

Мимо прошел Джебедия, и король отметил перемены в его облике: начищенная кольчуга позвякивала при каждом шаге, белый пояс рыцаря четко выделялся на темно-синем фоне мантии Ордена, надетой поверх доспехов. Старый воин нес меч Синхила, вокруг драгоценных ножен был свернут парадный пояс, тоже сверкавший дорогими камнями.

Джебедия почтительно поклонился королю, но не замедлил шага. Он пересек часовню, поклонился перед алтарем, затем, преклонив колено, передал меч в протянутые руки Элистера. Элистер поклонился с мечом, положил его на алтарь, зажег от лампады тонкую восковую свечку, а от нее зажег свечи на алтаре. Затем опустился на колени на ступеньках алтаря и склонил седую голову в молитве.

Джебедия еще раз поклонился, поднявшись с колен, и затем покинул часовню так же стремительно, как и вошел в нее. Когда рыцарь скрылся за дверью, Синхил остро ощутил горечь утраты. Он знал, что больше никогда не увидит Джебедию.

Послышались тихие звуки — звяканье металла по стеклу. В центре комнаты Ивейн раскладывала на столе ритуальные предметы: кадьницу, тонкий серебряный кинжал, который Синхил, кажется, видел несколько раз у нее на поясе. Пламя свечи отражалось в лезвии яркими бликами.

Под столом, скрытые от Синхила белой скатертью, спускавшейся до самого пола, лежали лекарская сумка Райса, две серьги из скрученной золотой проволоки, не подходящие в пару, и три небольших листа пергамента.

Король написал их собственноручно сегодня днем, это была его последняя воля, обращенная к наследникам. Слов было немного. Кроме самой жизни, ему нечего было оставить сыновьям. И все же, кровь от крови его и плоть от плоти его, они получают в наследство и нечто большее.

Движение слева от него, в тени, привлекло Синхила, он снова удивился, обнаружив в стене проем, которого не было секунду назад. Райса и Джорема осветило сияние бледного огненного с зеленым отливом шара, который медленно плыл над головой Райса. Они прошли в часовню, и Джорем мягко опустил на ковер хрупкое, закутанное в меха тело. Изуродованная нога, выглядывавшая наружу, указывала, что это Джеван.

Спящего Алроя Райс уложил возле маленького стола, развернул меховое покрывало, в которое был закутан ребенок, и отдал Джорему.

Тот снова исчез в стене, однако на этот раз проем не закрылся за ним. Райс возложил руки на лоб Алроя и закрыл глаза, а Ивейн достала из-под стола лекарскую сумку.

Теперь Синхил должен был подойти. Пересекая комнату и расстегивая на ходу застежку, удерживавшую в ухе серьгу с огромным рубином, он неотрывно следил, как Целитель натирает мочку правого уха наследника чем-то с резким запахом. Он чихнул, опускаясь на колени рядом с сыном. Король, как зачарованный, смотрел на блестящую иглу, пронзившую бледную мочку уха. Никакой реакции на происходящее не отразилось на лице мальчика. Целитель вынул иглу и вытер выступившие капельки крови. Затем Райс протянул руку за камнем.

Когда много лет назад Райс и Камбер вручили рубин Синхилу, они называли его Глазом Цыгана. Он был отсечен от камня, упавшего с небес в день Рождества. Как говорила легенда, волхвы, мудрецы с востока, которые знали, что это камень царей, принесли его младенцу Иисусу.

Еще одна утрата, подумал Синхил, снимая рубин; он никогда не расставался с ним все эти годы. Это был один из ключей к могуществу, которым Дерини наделили его той ночью много лет назад. Глядя на то, как Райс вдевает серьгу сыну, Синхил верил, что камень будет защищать мальчика так же, как защищал его.

Он моргнул и осознал, что Райс уже стоит на коленях возле спящего Джевана, игла снова сверкнула в свете принесенной Ивейн свечи. Король с трудом поднимаясь на ноги, но когда он подошел, Райс уже вставил скрученную золотую проволоку, которая станет оправой Глаза Цыгана, если Алрой умрет, не оставив наследников.

Появился Джорем со спящим Райсом Майклом на руках, и таинственный проем с едва слышным шорохом закрылся.

Когда священник положил младшего принца подле его брата Джевана, Райс склонился над своим тезкой, а Джорем знаком попросил короля присоединиться к нему. Вздохнув, Синхил медленно пе-

ресек комнату и вместе со священником подошел к столу.

— Думаю, мы почти готовы, сир, — тихо сказал Джорем, опускаясь на колени рядом с Алроем. — Пока мы не начали, у вас есть какие-нибудь просьбы?

Синхил посмотрел на Элистера, все еще стоявшего у алтаря.

— Нет, мне ничего не нужно. Но Элистер? Он спросится?

На мгновение привлекательное лицо Джорема озабрилось мягкой улыбкой.

— Вам не нужно бояться за отца Элистера, — произнес он. — Он умный человек и к тому же работал с нами прежде; нам понравилось. Он знает, что надо делать, и примирился со своим участием больше, чем кажется на первый взгляд. Все будет хорошо.

— Да я и не сомневался, — пробормотал Синхил, кладя руку Джорему на плечо. — Элистер, — позвал он, немного повысив голос, — не подойдешь ли к нам?

Он видел, как приподнялась седая голова, видел, как руки с узловатыми пальцами скользнули по бедрам, прикрытым сутаной. Епископ встал и повернулся к нему, его лицо в глубоких морщинах казалось умиротворенным, на нем не было беспокойства.

— Я готов, друг мой. — Епископ, прежде чем подойти к ним, повернулся, чтобы взять с алтаря меч. — Ты спокоен, Синхил?

— Спокоен. — Он посмотрел, как его друг опустил меч на пол, и подавил в себе вновь появившееся дурное предчувствие. — Да, я спокоен, — выдохнул он.

На этих словах Ивейн и Райс вернулись в центр круга и опустились на колени рядом с Алроем. Синхил видел, как Райс закрыл глаза и глубоко вдохнул, концентрируясь, потом Райс положил руку на лоб Алроя и стал чего-то выжидать. В этот же момент Джорем глубоко вдохнул и погрузился в транс. Синхил знал, что они устанавливают связь, которая по-

зволит держать Адроя под контролем все время, что уйдет на их манипуляции. Подоженный Ивейн древесный уголь тлел в кадьнице за их спинами, а сама Ивейн шла со своей свечкой к той, что стояла у ступеней алтаря, прикрытая янтарным стеклом. Когда под абажуром зажегся огонек, она обратилась с молитвой к архангелу Рафаилу — охранителю восточной четверти.

Синхил заметил, что Элистер внимательно следит за ней, когда она пошла на юг к свече архангела Михаила под стеклянным колпаком рубинового цвета. Видимо, Элистер был рад, что обряд наконец-то начинается. Пламя вспыхнуло над свечой; сначала почти белое, оно менялось от золотистого до цвета старого вина. Ивейн уже зажигала свечу архангела Гавриила, и стекло абажура превращало огонь в лазурный свет.

Райс и Джорем уже оставили Адроя, и мальчик медленно открыл глаза, глядя на незнакомую обстановку, которую не вспомнит утром и вообще не вспомнит до тех пор, пока не придет пора передавать дар своему сыну. Широко раскрытые глаза заволочла легкая пелена. Сейчас бодрствовал только очень глубокий уровень сознания. Мальчик не ведал страха и не мог принимать решения, как во всякое другое время. Когда он сел с помощью Джорема и Райса, Синхил понял, что Адрой знает о его присутствии. Но когда мальчика поставили у стола, он понял и то, что отцу в мыслях сына отведено совсем немного места.

Теперь Ивейн зажгла последнюю свечу, прикрытую зеленым колпаком, свечу Уриила — Темного Архангела. Она оставалась у северной свечи до тех пор, пока Райс не проверил контроль Джорема за его подопечным и не перешел к двум другим мальчикам. Когда он вышел за ворота, прежде слегка коснувшись губами ее губ, Ивейн пошла на восток. Круг замкнулся.

Джорем поджидал ее в восточной четверти. С курившимся в руках ладаном он пошел по определившемуся сестрой кругу, читая псалом пасты-

ря. Эхо его слов отражалось от границы круга, и дымок ладана стлался по ней, делая видимой. Как и в тот единственный раз, когда Синхил видел их за работой, сейчас ему показалось, что в этот миг границы круга стали слабо поблескивать.

Джорем прошел между Синхилом и наблюдавшим снаружи Райсом, и Синхил почувствовал, он был уверен в этом, как между ними возникло Нечто. Это чувство сохранилось, когда Джорем завершил круг и вернулся в центр, чтобы окурить благовониями стоящих в круге: самого Синхила, хотя он и не был Целителем, стоявшего в восточной части, Ивейн, так же, как и много лет назад, стоящую на западе, неумолимого Элистера — на севере, там, где когда-то стоял Камбер. Алроя тоже окурили благовониями. Синхилу было очень интересно узнать, чувствует ли мальчик хоть что-нибудь из того, что чувствовал он сам в ту ночь много лет назад.

Джорем подошел к Элистеру, поклонился и отдал кадильницу, чтобы тот окурил его самого. Когда Элистер с привычной ловкостью помахивал кадилом, Джорем стоял, склонив голову, а потом с поклоном принял кадильницу и поставил на стол.

Сделав это, Джорем опустился на колени и протянул меч Синхила, наполовину выдвинув его из украшенных драгоценными камнями ножен, и рукоятью вперед протянул Синхилу, преклонив голову.

Синхил знал, что ему следует делать. Он весь напрягся, когда пальцы сомкнулись на знакомой рукояти, он ровным уверенным движением обнажил клинок. Прошлой ночью они с Элистером освятили его, и их слова добавились к словам благословения, произнесенного в день коронации Синхила. Когда он поднял меч к глазам и величаво двинулся к восточной свече, ему почудилось: воздух сгустился и колеблется от каждого шага. Теперь не осталось и тени сомнения — меч стал средоточием волшебства.

Свеча в восточной четверти разливала ровный золотистый свет. Он поднял меч, приветствуя приход того, кому была зажжена лампада на алтаре. Незыблемый свет разлился по его телу, наполняя мозг. Синхил на одном дыхании прочел короткую молитву, чтобы придать себе решимости. В минуту потрясения он выронил меч, и тот вонзился в пол рядом с восточной свечой. Выдернув застрявшее оружие, король начал обход магического круга в третий и последний раз.

Он не знал, что нужно говорить, да и не хотел знать. Слова шли из тайников сердца. Те, к кому он обращался, поймут его намерения. Синхил с удивлением чувствовал, как уверенно и крепко сжимает меч его рука, каким твердым и решительным стал его голос.

— Святой Рафаил, Целитель, Повелитель ветра и бури, да будем мы хранимы, исцелены душой и телом в эту ночь.

Он приблизился к красной свече на юге и преклонил голову в знак покорности, когда острие оружия проплывало перед ней.

— Святой Михаил, Защитник, Хранитель Эдема, защити нас в час нужды.

Синхил продолжал путь, чувствуя плотное силовое поле, и радовался, потому что он тоже был источником этой энергии. Теперь он оказался на западе, синяя свеча горела здесь — цвета одеяний Богородицы. И снова наклонил он голову, снова шевельнулись губы, взывая к Западному Стражу, а его меч продолжал скользить вдоль границы священного круга.

— О, святой Гавриил, Небесный вестник, донеси слова нашей молитвы до Пресвятой Богородицы.

На севере зеленое пламя свечи зловещим блеском отразилось от его меча.

— Святой Уриил, Темный ангел, если должен, приди с миром, и пусть все наши страхи умрут здесь.

Еще полдюжины шагов, и все было кончено.

102 Синхил вернулся к востоку, последним ударом

замкнул круг и во второй раз поднял клинок в знак приветствия. Опустив внезапно потяжелевший меч, он обернулся, посмотрев на остальных, отошел влево и положил меч у северо-восточной арки круга. Затем машинально вернулся поближе к сыну и обернулся к алтарю, приводя в порядок и успокаивая возбужденные мысли.

Он сделал это! Начало было положено.

Мгновение спустя раздался глубокий вздох Ивейн, и он стал жадно впитывать слова заклинания, которое она уже произносила много лет назад.

— Мы стоим вне земли, время не касается нас. Мы слиты воедино, как наши предки завещали нам. Именем благоверных апостолов твоих Матфея, Марка, Луки и Иоанна, с помощью Сил Света и Тьмы, мы призываем тебя, о Всевышний, охрани нас и избави от всех напастей. Так было и есть да пребудет вовеки.

— Аминь, — прошептал Синхил, чувствуя свою нерасторжимую связь с ними, хотя в течение стольких лет он избегал думать об этом.

Он осенил себя крестным знамением и закрыл глаза в безмолвной молитве. Но даже замкнувшись в себе, Синхил слышал мягкий шорох риз — его друзья продолжали обряд. До короля донесся запах благовоний — Ивейн оказалась по правую руку от него с каминойницей в руке. Он тут же почувствовал присутствие Элистера и Джорема слева от себя и повернулся к ним.

Пламя свечи блеснуло перед его глазами, отраженное от лезвия кинжала, которым Элистер проводил по краю глиняной чаши, покрытой белой глазурью. Синхил нервно схватил сына за плечи и повернул, чтобы тот не видел ножа, хотя отлично знал: Алрой ничего не вспомнит. Едва осознавая, что делает, король стянул с левой руки тяжелое золотое кольцо с гранатами. Крупный средний камень был окружен мелкими, ловившими своими гранями огни свечей и превращавшими их в сотни ярких светящихся точек, которые весело плясали на темном одеянии Синхила. Передавая

кольцо Джорему, он поймал удивленный взгляд сына Камбера.

— Когда меня не станет и он наденет это кольцо, его могущество станет полным. Но он не должен знать о нем до тех пор, пока действительно не появится необходимость. Даже убедившись в существовании этого могущества, он должен понимать, что обрел его только благодаря своему священному праву, потому что он — король.

— Веское обоснование, — кивнул Джорем. Он показал на чашу и пергамент в руках Элистера. — Мы выбрали для обряда воду, а не вино. Для вас вино было действительно, но теперь мы сочли, что для детей лучше использовать воду. Она вполне годится, если вы не предпочитаете вино.

Синхил отрицательно покачал головой — он помнил то вино: темное и горькое, дрожащее от заключенных в нем сил. С тяжким вздохом он взял послушные руки сына в свои и заглянул в затуманенные глаза.

— Прости мне, сын, то, что я собираюсь с тобой сделать, — тихо произнес он. — То, что я должен сделать, я делаю для твоего блага и для блага твоего народа. Знаю, что ты не можешь понять этого сейчас, как не можешь понять, что с тобой происходит, но я хочу, чтобы ты знал хотя бы в глубине души: я очень тебя люблю и никогда не допущу, чтобы тебе было плохо.

Синхил нежно погладил большими пальцами две маленькие руки, так доверчиво лежавшие в его ладонях, затем поднес правую к губам и поцеловал. Когда он взглянул на лист пергамента, который держал Джорем, в глазах стоял туман, но ему не было нужды читать написанное.

— Я объявляю мою волю, — без запинки произнес он слова псалтири. — Господь сказал мне, сын мой, в этот день я породил тебя. Попроси, и я дам тебе язычество в наследство и самые далекие земли во вла-

Он снова заглянул в глаза мальчика, надеясь, что отыщет в них проблески сознания, затем выпустил левую руку ребенка, взял у Элистера кинжал и проверил его острие большим пальцем.

— Алрой Беренд Брион Халдейн, наследный принц Гвиннеда, посвети свою жизнь служению народу своему, — произнес он, сжав большой палец правой руки Алроя.

Двумя быстрыми движениями он проткнул острием палец мальчика и повернул лезвие к себе. Алрой не вздрогнул, а только глядел сонным взглядом, как его кровоточащий палец, а затем и палец отца прижимали к пергаменту и к кольцу. Элистер вытер обе раны льняной лентой и повесил ее на левую руку. Джорем положил бумагу на угли.

Синхил смотрел, как дымок горящего пергамента клубится у границы магического круга. Только когда пергамент превратился в кучку пепла, он шевельнулся, размял большим и указательным пальцами щепотку пепла и высыпал на поверхность воды в чаше Элистера.

— Воздай правосудие королю, о Господи, и справедливость Твою сыну короля, — сказал он.

Синхил взял у Джорема помеченное кровью кольцо и опустил его в воду, к удивлению остальных, он совершил обряд крови, но на этом не должен останавливаться. Синхил знал: необходимо суметь сделать все, что он собирался. Решимость придавала ему сил.

Когда вновь стали рядом Джорем по левую руку, а Элистер по правую, он бестрепетно принял чашу из рук Элистера и, обернувшись к алтарю, слегка приподнял ее, приветствуя присутствие Высших Сил.

— О, Господи, святы деяния Твои. С дрожью и смирением предстает мы пред Тобой с нашими мольбами. Благослови и защити нас в том, что должны мы совершить этой ночью.

Он повернулся к сыну, опустил чашу и накрыл ее рукой.

— Пошли своего Архангела Рафаила, о Господи, чтобы дыханием своим освятил эту воду, дабы пьющие ее могли по праву владеть Воздухом. Аминь.

Стук его сердца раздавался в тишине магического круга. Дрожа всем телом, он поддерживал чашу двумя руками и почувствовал, как на белой глазури дна шевельнулось и задрожало, кольцо.

Легкий ток воздуха всколыхнул складки одежды Синхила, поиграл волосами, принес запах благовоний и, все ускоряясь, завертелся в круге. Когда ветерок превратился в вихрь, Синхил заметил в глазах сына дикий взгляд, ветер прибивал одежды к телу, бросал волосы в лицо.

У Ивейн с головы сдуло капюшон, волосы рассыпались каскадом, а на ковер попадали блестящие золотые шпильки. Волосы метались, точно живые, образуя нимбы над головами Джорема и Элистера — пшеничный и серо-стальной, но они стояли неподвижно, скрестив руки на груди, спокойные и непоколебимые, хотя Синхил успел заметить, как на краткий миг епископ прикрыл глаза.

Прежде чем кто-нибудь успел защититься от вихря, буря прекратилась. Последний порыв подхватил струю дыма и превратился в крошечный смерч над чашей, которую все еще держал Синхил. Он знал, что все взгляды устремлены на него, Дерини удивлены его осмысленным поведением и уверенностью. И в то же время он чувствовал их молчаливое согласие и готовность следовать за ним сколь угодно далеко.

Между тем во время бури в магическом круге он не отваживался дышать. Сейчас он видел только маленький смерч над чашей. Воронка вихря коснулась поверхности воды, подняв рябь, затем все стихло.

Когда вода в чаше успокоилась и единственным движением в круге оставалась дрожь в его руках, Синхил закрыл глаза и передал чашу Джореми, Джоре-
рем, несколько не смущенный происходящим,

торжественно поклонился, и непомерная глубина открылась в его серых глазах, глядевших из-под капюшона. Поднеся чашу к Адрю, он накрыл ее точно так же, как раньше делал Синхил.

— О, Господи, священные деяния Твои. Молим Тебя, пошли архангела огня, благословенного Михаила, чтобы вода эта зажглась Твоей любовью и стала священна, чтобы все, кто пьет ее, могли управлять Огнем. Аминь.

Еще одно мгновение Джорем держал руку над чашей, затем отвел ее немного в сторону, хотя по-прежнему прикрывал большую часть поверхности. В открывшемся пространстве блеснуло пламя, превратившееся в огненный шар величиной с яйцо, Шар поднялся вверх на ладонь и повис. Пламя ревело, точно в кузнице, наполняя круг своей силой.

Выждав немного, Джорем стал осторожно опускать руку и, казалось, прижимать огненный шар к поверхности воды. Над чашей с шипением взвился пар, но через мгновение все стихло — пламя превратилось в холодный огонь, который едва заметным голубым пятнышком проплыл над водой и, скользя за край, пропал.

Джорем повернулся к сестре и осторожно, с почтением передал чашу. Грациозным движением она откинула назад взлохмаченные ветром волосы, приняла драгоценную ношу и поднесла ее к груди, вглядываясь в воду.

Затем Ивейн подняла чашу высоко над головой и, пристально глядя на нее, начала молитву.

— О, Господи, священные деяния Твои. Позволь Своему архангелу Гавриилу, Властелину бурных вод, обрушить на эту чашу дождь Твоей мудрости, чтобы те, кто пьют из нее, могли по праву повелевать Водой. Аминь.

Воцарилась тишина; и в воздухе появилось свечение. Потом молния сверкнула над головами, послышались раскаты грома, и над чашей возникло маленькое темное облако.

Синхил тяжело вздохнул, решимость вдруг оставила его, но остальные не двинулись с места, и ему пришлось последовать их примеру. Лицо Ивейн пылало, а ее голубые глаза устремились на то, что она вызвала.

Снова пророкотал гром, но теперь тише и не так угрожающе. Облако пролилось дождем. Почти все капли упали в чашу, лишь несколько — на участников обряда. Когда дождевая капля коснулась щеки Синхила, он отшатнулся, преодолевая мучительное желание перекреститься, но дождь прекратился почти так же внезапно, как и начался. Чаша в руках Ивейн снова была просто чашей. По стенкам стекали капли и падали на дорогой келдишский ковер. Ивейн с поклоном передала чашу Элистеру.

Когда Элистер заглянул в магический сосуд и поднял его к лицу, глядя туда, где несколькими секундами раньше висело облако, Синхил снова тяжело вздохнул.

— О, Господи, священны деяния Твои. Позволь Уриилу, Твоему посланнику Тьмы и Смерти, наполнить эту чашу силой и секретами Земли, чтобы все, кто пьет из нее, по праву смогли управлять Землей.

Элистер произнес: «Аминь», и в то же мгновение чаша в руках епископа задрожала, кольцо со звоном билось о стенки, вода забулрилась с такой силой, что грозила вот-вот выплеснуться через край. Сначала Синхил подумал, что это неверные руки Элистера, как прежде его собственные, сотрясают чашу, но нечто совсем иное порождало тряску и грохот.

Толчки усиливались, даже пол под ногами заходил ходуном, и Синхил испугался; что попадают свечи на алтаре. Но тут же почувствовал под ногами неколебимую твердь. Все успокоилось в магическом круге. Элистер поднял чашу еще выше и в знак благодарности той Силе, что побывала в его руках, поклонился. Потом опустил чашу и взглянул на Синхила.

— Чаша готова, сир, — произнес он тихим голосом. — Остальное в ваших руках.

Медленно и спокойно окончательно победивший страх Синхил принял чашу, прижал ее к груди и, склонившись над ней, мысленно прочел последнюю простую молитву. Стоявший перед ним Алрой дрожал всем телом, но не издал ни звука, не сделал ни одного движения, но Синхил читал ужас в глазах мальчика. Он держал чашу между собой и сыном, в его руках уже не было дрожи.

— Алрой, ты мой сын и наследник. Выпей. С этой тайной ты получишь могущество, которое является твоим священным правом будущего короля этого государства, если это однажды случится.

Медленно руки мальчика поднялись к отцовским, поднесли чашу к губам... И он сделал глоток, второй, третий... Когда чашу забрали и передали Джорему, Алрой повел плечами, закрыл глаза и задрожал еще больше — сила проникла в него. Холодный и бесстрастный, Синхил положил руки на голову мальчика и вступил с ним в контакт, уже не встречая преград, — чаша сделала свое дело.

Проникая все глубже, он будил в Алрое способности Халдейнов, закрепляя непреодолимые преграды, которые будут поддерживать принца и помогать пользоваться способностями на протяжении всей жизни.

Мальчик вскрикнул — это был крик боли и страха, но Синхил не отступился. Алрой вновь поддался воле отца и снова застонал, когда последняя преграда была установлена. Синхил не ослаблял поток энергии до тех пор, пока вся работа не была выполнена. Потом он притянул мальчика к себе и прижал черноволосую голову к груди, обнимая и поддерживая сына, снова погружившегося в забытие. Король не пытался скрыть слезы, катившиеся по его бледным щекам.

— Сир? — прошептал Элистер.

— Погоди.

Синхил не отпускал мальчика, стирая воспоминания обо всем случившемся, снимая остав-

шиеся толчки боли. Наконец он еще крепче обнял маленькое податливое тело и без труда поднял его.

— Теперь он будет спать, — Синхил шептал, утирая слезы рукавом. — Без необходимости он ничего не вспомнит. И до тех пор ничего не узнает про эту ночь, пока ему не придется сделать то же самое со своим сыном.

Со вздохом зарылся лицом в черных волосах мальчика, теперь его голос звучал совсем глухо.

— Элистер, ты откроешь врата? Я отнесу его к Райсу. Боюсь, и мои силы на исходе. Помогите.

Епископ быстро направился в северо-западную часть за мечом Халдейнов. А Синхил добрался до границы магического круга, опираясь на руки Джорема и Ивейн, его покачивало. Врата уже были открыты, Элистер с мечом в руке стоял рядом, а Райс сам вбежал в круг и склонился над Алроем, лежащим на руках отца.

Синхил вручил мальчика Целителю, вышел из круга и опустился на колени, заставляя себя дышать медленно, но не слишком глубоко, потому что менее всего сейчас ему нужен был приступ кашля.

Он подождал, пока Райс, уложив Алроя, проверит его самочувствие, и знаком велел Джорему внести в круг Джевана. Когда Джорем пересек границу, Райс уже вернулся к королю и вопросительно взглянул на него.

— Ну, как вы, Синхил?

— Если ты мне поможешь, я продолжу то, что должен совершить. Но мне нужна твоя сила, Райс.

— Что вы имеете в виду?

Синхил закрыл глаза.

— У Дерини есть заклинание, которое отгоняет усталость. Я слышал об этом, но никогда им не пользовался. — Он помолчал. — Ты можешь сделать это для меня?

— Слишком опасно, вы сами знаете это! В вашем состоянии...

— Состояние мое таково, что я все равно умру,

110 ру, но если не получу помощи, то так и не за-

кончу того, что начал, — мягко возразил Синхил. — Ну же, Райс. Ты и так знаешь, что я при смерти. Позволь мне хотя бы довершить обряд, чем я уйду в мир иной. Не имеет значения, покину я этот круг живым или нет. Важно только наше общее дело — но оно останется незаконченным, если ты мне не поможешь.

Целитель посмотрел на короля сочувственно и с пониманием, стиснув его руку.

— Хорошо, мой господин, я помогу вам. Опустите все защиты и позвольте проникнуть в ваш разум. Обещаю, я дам вам силы завершить обряд, и вы не почувствуете боли.

ГЛАВА 7

**И возвратится прах в землю,
чем он и был; а дух возвратится
к Богу, Который дал его.¹**

Синхил склонил голову и, глубоко вздохнув, Райс, не смыкая глаз, вошел в состояние транса. Левой рукой он провел по шее короля, чуть нажав большим пальцем за правым ухом; другая рука легла монарху на лицо, заставляя усталые веки опуститься. Несколько мгновений ушло на то, чтобы сконцентрироваться – затем Целитель вошел в контакт с сознанием Синхила. Его разум требовал полного подчинения; ответные сигналы были замедленно-вялыми и перемежались волнами боли.

Камбер с Джоремом, застыв на границе круга, внимательно наблюдали за ними, а Ивейн тем временем устраивала поудобнее спящего Джевана. Мысленно, Камбер послал Райсу вопрос о состоянии короля, но тот, вместо ответа, лишь обернулся, печально качая головой. Ясно было, что Синхил не доживет до утра.

Только что он сам вынес себе смертный приговор, Райс это понимал, точно также, как и Камбер. Конечно, с помощью Деринийского заклинания правитель получит достаточно сил, чтобы довести до конца обряд,

но затем последует неизбежный упадок сил, а этого королю уже не вынести. Сам Синхил сознавал это не хуже остальных, но, казалось, совершенно не испытывал сомнений. И теперь Райс, Целитель, давший обет всеми силами продлевать человеческое существование, должен был открыть врата смерти. И все же он шел на это.

Без тени колебаний, он вновь покинул реальный мир, уводя следом Синхила, изгоняя боль и усталость, вливая в него новые силы. Бесспорно, он был способен и на большее, даже частичным целительством еще немного оттянуть неизбежный конец, однако сейчас лечение, напротив, ослабило бы правителя и не позволило довершить начатое этой ночью. Когда король закончит с Джеваном, Райс сможет провести еще один сеанс, и это придаст ему силы, но это граница, которую ни Целитель, ни король не смогут переступить. Когда последняя, третья часть обряда будет завершена, никто не сможет поручиться, что Синхил останется в живых.

Не торопясь и не слишком нажимая, он делал то, что должен, затем вышел из контакта, отнял руки и открыл глаза. В течение следующих нескольких секунд Синхил не шелохнулся, но когда снова взглянул на Райса, его прежнюю усталость как рукой сняло. Легкая улыбка тронула губы, спрятанные в седой бороде, когда он опробовал возможности своего обновленного тела, улыбка становилась все шире и шире.

— Действительно, Целители творят чудеса, — сказал он, глаза светились признательностью. — Каким же я был дураком, что сомневался. Спасибо, друг мой. Этой ночью ты оказал великую услугу мне и Гвиннеду.

Когда он поднялся на ноги и направился в магический круг, Джорем и Камбер встали по сторонам ворот и с поклоном пропустили его внутрь. И снова Райс и Камбер обменялись взглядами. Наставник Дерини коснулся концом меча Халдейнов одной стороны ворот и перечеркнул невидимое пространство ворот, вновь закрывая их.

Райс осмотрел Алроя и Райса Майкла. Первый был все еще без сознания, хотя уже понемногу приходил в себя, второй все еще спал в счастливом неведении о том, что его ожидало. Сквозь дымку великих сил, охранявших круг, он нечетко видел происходящее за магической чертой, но за передвижениями он мог следить по темным теням.

Он видел, как тень, бывшая Камбером, снова принесла нож, как Синхил принял нож и надсек большой палец Джевана, стоявшего без малейшей попытки к сопротивлению. Джорем протянул пергамент и, чашу с водой, и Синхил выдавил по капле крови мальчика на каждый из предметов.

Когда в кадильнице загорелся пергамент и поднялся дым, Райс не уловил его запаха. Звуки, долетавшие из круга, были приглушены, казалось, они доносятся из другого мира, совершенно не связанного с тем, в котором Райс стоял сейчас на коленях.

Мы стоим вне земли, время не касается нас... — вспомнил он.

Он знал, что это происходит именно так. Прежде он сам много раз бывал внутри круга. Ему был внове магический ритуал. Вот уже много лет он был тесно связан с семьей Мак-Рори. Но никогда прежде Райс не наблюдал за происходившим в круге извне. Ощущение было несколько неприятным. За стенами часовни замок жил обычной ночной жизнью, но здесь, внутри, казалось, будто все звуки застыли в воздухе. Магический круг, точно огромная губка, поглощал звук и свет, притупляя восприятие.

Совершенно замороженный, он медленно поднялся на ноги — приближался самый ответственный момент обращения Джевана. Райс знал, что находившимся сейчас внутри круга нет нужды повторять четырехкратное обращение к Богу, как они делали это раньше. Это был дополнительный обряд, приобщавший Джевана к волшебству через капли его крови, упавшие в

чашу, делавший его наследником тех сил, против которых не мог противостоять ни один смертный. Выпив из чаши, Джеван собирал в себя силы, которыми двенадцать лет назад Райс, Камбер и Ивейн почти насильственно наделили его отца, наделялся волей Синхила, который правил церемонией и был ее инициатором.

А если случится так, что Алрой умрет, не оставив наследника, Джеван получит власть над этой силой, надев кольцо отца. Кольцо это все еще покоилось на дне чаши, наполненной волшебством пепла и крови трех Халдейнов и высшей магией.

Трижды отпил Джеван из чаши, и Синхил вернул ее Джорему, затем положил руки на голову сына. Когда королевская воля была исполнена, тело мальчика напруглось.

В течение долгого времени никто в круге не шевелился, кроме легкой тонкой фигурки Джевана, слабо пытавшегося бороться с вливавшейся в него силой. Синхил крепко прижал его к груди, торопливо гладил сына, пытаясь успокоить, наконец поднял голову, и Джорем подхватил бившегося в судорогах мальчика. Синхил устало опустился на колени, опираясь руками о пол.

В то же мгновение Камбер подошел к линии круга, поднял меч и прорубил в границе еще одни ворота. Как только это было сделано, Райс бросился внутрь, на секунду задержался перед Джеваном, чтобы потрогать лоб впавшего в беспамятство мальчика и проверить его состояние, затем упал на колени подле совершенно измотанного Синхила.

Поддерживая короля за плечи, Райс сжал его запястье, страшаясь того, что обнаружит. Веки Синхила едва приподнялись.

— Ведь я сделал это, не так ли? — с трудом выговорил он, борясь с приступом кашля. — Помоги мне закончить, Райс. Раньше я никогда не просил тебя о таких важных вещах ...

Райсу казалось, что в его объятиях тело Синхила делается все легче и податливее, он прекрасно знал; король расходует огромное количество энергии, но уже ничто не может заставить его остановиться и спасти себе жизнь. Райс нащупал на горле Синхила пульс — угрожающе быстрые и слабые удары — и скользнул рукой по затылку — Синхила лихорадило, огонь его жизни горел слишком ярко, такого он не мог выдержать долго.

— Знаю, друг мой, — пробормотал Райс, заключая Синхила в объятия для Исцеления. — Позвольте мне сделать мою работу. Вы пройдете через то, что вам необходимо. Обещаю. Расслабьтесь и позвольте мне принять вашу боль.

Синхил полностью раскрылся, его защиты на этот раз исчезли быстрее. Решительно и настойчиво Райс проник так глубоко, что исцеляющее прикосновение соединило их, ослабляя боль Синхила и изгоняя усталость. Теперь у короля не было дороги назад — он получал подкрепление сил за счет необратимых разрушений.

Еще несколько минут целительная энергия разливалась в мозг и в теле Синхила, ослабляя боль. Райс направлял потоки, не позволяя себе думать о том, что будет после, он вообще не позволял себе думать. Когда Синхила не станет, появится уйма времени на раздумье...

С мечом Синхила в руках Камбер ждал у открытых ворот и следил за течением мыслей и чувств Райса, сочувствуя Целителю, сочувствуя Синхилу, который отлично знал цену за исполнение своих желаний.

Ничто не нарушало покоя в магическом круге. Даже дыхание Синхила, подчиненного Райсу, не было слышно. Остальные вышли из круга и сидели с детьми. До тех пор пока Райс не сможет вернуться к обязанностям зрителя, Джорем и Ивейн будут приглядывать за мальчиком. Время от времени Ивейн посматривала на мужа, но и она, и Джорем оставались на месте, пока Райс не вышел из контакта и не помог

подняться Синхилу, вновь дееспособному, но уже отрешенному.

Ивейн и Джорем тоже встали, и сын Камбера взял спящего Райса Майкла на руки. Райс покинул круг, а Ивейн и Джорем вошли внутрь. Райс только задержался, чтобы удостовериться, что его тезка будет способен понять, чего от него хотят.

Когда он снова занял место между мальчиками, над которыми обряд был совершен, Камбер слегка поклонился и вновь замкнул круг, затем положил оружие у черты и, взяв со стола кинжал, медленно направился к Синхилу, чтобы встать справа от него.

Тихо разговаривая с младшим принцем, Джорем наполовину разбудил его. Райсу Майклу удалось встать при поддержке Джорема. Ни разу в течение ночи Синхил не был так бесстрастен, как теперь, и Камбер еще раз убедился, что конец его близок, но король собрал все силы и сделает необходимое. Райс блокировал последние сигналы опасности, чтобы он мог без помех закончить начатое, и Синхил был благодарен за это. Мягко улыбнувшись в знак согласия с выбором короля, Камбер на мгновение положил руку на его плечо, и ему открылись все чувства Синхила.

Потом Ивейн заняла свое место позади Райса Майкла, держа в руках кадьлицу с курящимися благоговениями, а Джорем принес чашу и лист пергамента, третий по счету.

В последний раз знакомый ритуал шел своим чередом до тех пор, пока Синхил не перешел к самой ответственной части. Стоя перед алтарем с поднятой в обеих руках чашей, он на мгновение замер, откинув голову назад и закрыв глаза в молитве. Затем чаша стала опускаться, а король повернулся к Райсу Майклу.

Камбер, внимательно следивший за этим, заметил, как сын мгновенно ответил отцу доверием и решительностью, составлявшими резкий контраст со страхом остальных. Внезапно он понял, что

именно в младшем сыне Синхила, плохо это или хорошо, заключается будущее Гвиннеда. В минуты прозрения, которые были так редки в его жизни, он увидел возмужавшего Райса Майкла, сидевшего на троне Гвиннеда, а рядом с ним — темноволосую девушку с королевской короной на голове. В девушке было что-то знакомое, хотя Камбер не мог понять, что. Кроме того, его внимание привлек возраст короля — тому было на вид не больше пятнадцати-шестнадцати лет, однако он выглядел достаточно взрослым, чтобы править, не оглядываясь на регентов, которые, вероятно, извели его старших братьев.

Но что случилось со старшими братьями? Если предчувствие не обмануло Камбера, Алрою и Джевану судьбой предназначено умереть молодыми и не оставить после себя наследников. Если эти два короля умрут друг за другом, что ждет Гвиннед впереди? Три монарших смерти за шесть лет!

Видение исчезло так же быстро, как и возникло, и глядя, как Синхил протягивает чашу Райсу Майклу, Камбер размышлял, было ли оно лишь плодом его фантазии или на самом деле вызвано даром предвидения. В это время принц поднял руки и медленно опустил на отцовские. Несмотря на то, что мальчик двигался неровно, как бы толчками, — жесты затормаживало действие снотворного и контроль чужой силы над его сознанием — в действиях чувствовалась не только воля других, но и собственное желание маленького Райса. Когда чашу поднесли к его губам, принц наклонился и без колебания выпил содержимое. Три глотками он осушил чашу, и кольцо с легким звоном покатилося по гладкому дну.

Мальчик стоял, уронив руки и немного покачиваясь, в то время как его отец отдал чашу и подошел вплотную. Камбер почувствовал, как в воздухе между отцом и сыном возникло напряженное поле, едва не разрядившееся вспышкой, когда Синхил

коснулся головы сына. В воздухе вокруг них послышался треск искр. Камбер заморгал и провел рукой по глазам, пытаясь прояснить затуманенный взор. Это не помогло.

Удивление читалось на лицах Ивейн и Джорема, при виде происходящего между Синхилом и сыном они невольно отступили назад. Впрочем, и Камберу хотелось отойти подальше. Он не мог решить, что стало причиной такого поворота событий, но как бы там ни было, ему стало не по себе от участия в них. Поддаваясь внутреннему побуждению, он шагнул прочь. Он пятился, пока мог без ощущения неудобства переносить влияние энергии Синхила и его сына.

Скоро все кончилось. Он увидел, как закачался Райс Майкл, когда контакт был прерван, и Синхил убрал руки с его головы. Тут же Джорем поспешил подхватить ребенка, и тот упал в крепкие руки священника. Синхил, совершенно истощенный, простер трясущиеся руки к Камберу.

— Элистер, ты нужен мне!

Слабый, но решительный голос разорвал тишину круга, и не успел Синхил моргнуть, как Камбер оказался подле него. Когда король поворачивал голову, чтобы посмотреть на Камбера, ноги его подогнулись, и он удивился, почему вдруг тело отказывается подчиняться его воле, Камбер помог Синхилу опуститься на пол и знаком велел Ивейн положить голову слабеющего короля себе на колени, а сам вновь поднялся и направился в северо-восточный сектор за мечом. Райс ждал вне круга, а Джорем с истощенным Райсом Майклом на руках подошел как раз тогда, когда Камбер, поцеловав священное оружие и коснувшись им пола, прорезал ворота.

Райс немедленно бросился к Синхилу, а Джорем положил бесчувственного мальчика рядом со старшими братьями. Камбер оставался у границы круга с мечом в руках.

— Джорем, нам потребуются священное мирро и дароносица. Мирро вон там, слева от алтаря. — Он повернулся лицом к центру круга. — Ивейн, позаботься о близнецах. Райс справится один.

Ивейн без возражений покинула круг и присела возле спящих детей. Джорем открыл указанный отцом шкаф и принес ему обтянутую черной кожей коробочку и покрывало, чтобы подложить Синхилу под голову. Затем он вернулся к алтарю и, прежде чем открыть дверцу дарохранильницы, опустился на колени. Когда святые дары достали из святилища, Камбер опустился на колени и склонил голову. Джорем вернулся в круг и поставил дарохранильницу на маленький столик. Священник приблизился к нему, и Камбер поднялся.

— Мне уйти? — спросил Джорем, переводя взгляд на распростертого рядом с Райсом Синхила. Камбер покачал головой.

— Нет, думаю, ему потребуется твоя помощь при совершении последнего обряда. — Он отдал меч Джорему и взял священные притирания. — Жди здесь, а когда я скажу, что пришло время, закрой ворота.

Затем он быстро подошел к Райсу и опустился на колени, положив обтянутую кожей коробочку на пол. Целитель тяжело вздохнул и устало поднял голову, убирая руки со лба короля. Синхил, казалось, отдыхает, глаза были закрыты, и только бледное лицо резко выделялось на фоне темного меха.

— Я сделал все, что мог, — пробормотал Райс. — Теперь все в твоих руках.

— Благодарю. Тебе лучше уйти и присоединиться к Ивейн. — Когда Райс направился к выходу, он повысил голос: — Джорем, замкни круг и присоединяйся к нам.

После причастия Синхил стал дышать легче и, подняв глаза на Камбера, тихо и умиротворенно вздохнул. Оставляя их наедине, Джорем удалился к закрытым воротам и стоял там, повернувшись к ним спи-

ной и положив голову на рукоять меча. Камбер

посмотрел на сына, затем вновь обратился к Синхилу. На епископе была все та же узкая пурпурная епитрахиль, впервые надетая во время принятия сана. Синхил поднял слабую руку и нежно погладил ткань.

— Все кончено, старый друг, — прошептал король. Его рука искала руку Камбера, и тот крепко пожал ее. — Хорошо, что ты рядом, — продолжал король. — Без тебя я не смог бы совершить обряд.

— Думаю, вы должны быть благодарны Райсу, а не мне, — мягко возразил Камбер. — И себе тоже — вы вовремя поняли, что это необходимо.

— Действительно вовремя. — Синхил искал взгляда Камбера. — Элистер, мои сыновья смогут стать достойными преемниками? Они ведь еще дети. Что если ты не ошибался насчет Мердока и остальных? Я доверял им, но, может быть, не следовало. Элистер, что...

— Отдохните, мой господин, — пробормотал Камбер, качая головой. — Вы сделали все, что могли и считали нужным. Всевышний распорядится будущим ваших детей.

Синхил вдруг закашлялся, задрожал, и его рука в руке Камбера напряглась.

— Здесь холодно, Элистер. — Он закрыл глаза. — У меня такое чувство, словно тело стало чужим. Так... так приходит смерть?

— Иногда, — прошептал Камбер, вспоминая совсем другую смерть, с которой он столкнулся, когда умиравший Элистер Келлен должен был возродиться к жизни в ту страшную ночь много лет назад. — Говорят, что для тех, кто встречает смерть спокойно, — это момент великой радости, и переход в мир иной легок и почти желанен.

— О да, это правда! — с трепетом произнес Синхил, изо всех сил стараясь не потерять взгляд друга. — О, Элистер, иди со мной и посмотри! Я войду в прекрасное царство!

— Нет, Синхил, это не мое время! Не могу... 121

— Да нет же, не бойся. Я не дам тебе зайти так далеко, откуда не будет возврата. Я не отниму тебя у моих сыновей. Милый друг, но разве мы с тобой не делили чудеса? Позволь мне разделить с тобой и это, прошу!

Устало кивнув, Камбер закрыл глаза, остановил течение мыслей и открыл знакомую связь, которую часть его существа, бывшая теперь Элистером, установила с королем много лет назад. Он почувствовал присутствие Синхила в себе, но это было совсем иное, чем прежде. А затем его мозг стал осознавать то, что он мог определить как звук, хотя это было совершенно иным — светом, эхом отдаленного перезвона множества маленьких колокольчиков, поющих невыразимо чарующую мелодию.

Небесная музыка, гадал Элистер, или, может быть, голоса небесных владык, или и то, и другое, либо ни то, ни другое ...

Закружился молочно-опаловый вихрь, затем пришло чувство раздвоения, и он стал видеть Синхила как бы снизу, хотя прекрасно сознавал, что его глаза по-прежнему закрыты.

Он видел, как следы прожитых лет исчезают с лица Синхила. Видел, как обостряется внутреннее зрение, сбрасывает покровы, открывая правду. Король с трепетом обнаруживал в том, кто был для него Элистером Келленом и стоял рядом последние двенадцать лет, совсем другие черты.

— Камбер? — осторожно спросил он без страха, возмущения и злобы.

— И Элистер, — последовал смиренный ответ. И с этими словами Камбер открыл Синхилу всю историю, без утайки, — в неземном царстве, где они пребывали, невозможно было скрыть истину. По-видимому, прошло время, но нельзя сказать, сколько — тут и время было другим — и история была рассказана, Синхил смотрел с полным одобрением, потом поднялся

122 и подал руку Камберу. Тот сжал ее и встал на

ноги. Когда они обнялись, Камберу почудилось, что его пальцы коснулись легкого оперения на плечах короля.

Частью своего существа Камбер сознавал, что стоит на коленях над телом умирающего, стиснув его руку, но еще один Камбер шел сейчас рука об руку с Синхилом навстречу лучистому свету, который лился откуда-то извне, оттуда, где стоял Джорем — темный силуэт в ослепительном сиянии, опирающийся на меч.

Но между Джоремом и светом лежала серебряная граница круга. Внезапно до Камбёра дошло, что Синхил не может переступить этой линии. Все еще держась за руки, они остановились возле Джорема.

— Ты должен помочь мне преодолеть это, Камбер-Элистер. Дальше ты не пойдешь, но я должен. Пришло время. Они ждут меня.

Камбер похолодел, горечь утраты наполнила его, но его второе внутреннее «я», тот Камбер, что стоял рядом с Синхилом, согласно кивнул, высвободил руку и сделал несколько шагов назад, к центру круга. Там было его тело, склонившееся над телом Синхила, и Камбер-второй осторожно воссоединился со своей земной оболочкой.

Открыв глаза, он вздрогнул. Подле него лежал Синхил, лицо его светилось благодатью, дыхания не было. У границы круга неподвижно стоял Джорем, склоненный над мечом. Скорее всего он и не подозревал о том, что происходило у него за спиной. Камбер не мог видеть душу Синхила телесным зрением, но когда закрыл глаза, увидел, как тот, кто был его королем, указывает на Джорема и магические врата.

— Джорем, открой, — мягко произнес Камбер, снова открыв глаза и глядя на сына.

Тот от удивления вздрогнул и вопросительно воззрился на отца, но Камбер, предупреждая вопросы, повторил просьбу.

— Отвори врата. И в знак почтения преклони колена перед тем, кто пройдет через них.

Не переставая удивляться, Джорем взглянул на тело Синхила, смущенно поклонился и повернулся к магической черте. Приветственно подняв меч, он опустил его слева от себя, описал острием полукружие в незримой границе и повторил это движение в обратном направлении, обозначив сводчатый проем немного выше человеческого роста.

Камбер смутно различал Ивейн и Райса, сидевших снаружи и внимательно смотревших на врата, но почувствовал их удивление, когда Джорем, открыв выход, преклонил колена и отсалютовал мечом.

Камбер закрыл глаза, в последний раз обращая свой внутренний взор на уходящего владыку Гвиннеда.

Тот поднял руку в прощальном привет, потом переступил черту и вышел из круга. Сияние обволакивало его, меняя знакомые Камберу черты. Он увидел рядом с удаляющимся Синхилом двух мальчиков, похожих на него, какую-то красивую женщину с пшеничными волосами и другие образы, которые было не распознать в сиянии.

Дуновение воздуха и шелест крыльев возвестили приближение Хранителей магического круга. И они явились. Существа, похожие на бесплотные, резко очерченные тени, исполненные могущества, безмерного, но не несущего угрозы.

Первое — огромное, могучее, с черно-зелеными крыльями, закрывало своей тенью северный угол комнаты.

Второе — сверкающее, словно само солнце, едва не ослепило Камбера. Оно появилось перед алтарем, выскользнув из-под золотистого стекла восточной свечи, или возникло из бликов света, отраженного гранями дарохранительницы.

Третье принеслось на огненных крыльях с рычанием преисподней. Языки пламени взметнулись над головой. Синхила, но тот бестрепетно продолжал

И, наконец, четвертое существо предстало серебристо-голубым, переливающимся, словно волна.

Неосязаемый, беззвучный и все же оглушающий вал титанической силы обрушился на Камбера, заполняя каждую клеточку его существа. Стены круга начали сами собой распадаться на куски, будто неведомая музыка зазвучала на высокой ноте, и магическая преграда не смогла выстоять перед этим звуком. Ему явственно слышался этот звук, и Камбер понял, что единственным его спасением от неизлечимого безумия были и остаются святы дары, и сейчас они были рядом, на ритуальном столе.

Тем временем осколки купола продолжали падать на ковер и плиты, а Синхил и его спутники начали таить, точно островки снега весной, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, пока наконец не осталось ничего, кроме блестящих лучиков, сложившихся в яркую радугу.

А потом исчезли и они.

ГЛАВА 8

**Еще скажу: наследник,
доколе в детстве, ничем
не отличается от раба,
хотя и господин всего;
он подчинен попечителям и
домоправителям до срока,
отцом назначенного.¹**

Внезапно чары пали. Камбер, тело которого вдруг напомнило о необходимости дышать, содрогнулся, судорожно втянул в себя воздух и распахнул глаза. Оглушенный, не веря собственным глазам, он поймал на себе вопросительный, недоумевающий взор Джорема; Ивейн тщетно озиралась по сторонам в поисках хоть каких-то следов установленного ими недавно магического круга. Райс ухаживал за своими юными подопечными, но было очевидно, что и он также заметил, что произошло нечто совершенно необычайное, даже по меркам Дерини. Так что сейчас все его внимание было сосредоточено на Камбере и на короле.

— Отец? — прошептала Ивейн.

— Что произошло? С тобой все в порядке? — воскликнул Райс.

— Он мертв? — в свою очередь спросил Джорем, отложив в сторону меч и подойдя поближе к отцу.

— Надеюсь, в свете того, чему мне только что довелось стать свидетелем, все это праздные вопросы, — отозвался Камбер мягко, затем высвободился из объятий Синхила и дружески потрепал сына по плечу, прежде чем сложить руки короля на груди. — Но, сдается мне, каждый из нас видел что-то свое. Ивейн?

Медленно поднявшись на ноги, молодая женщина приблизилась к тому месту, где была прочерчена граница магического круга, и испытующе коснулась рукой, словно ожидая подтверждения того, что твердили ей прочие чувства.

— Это было невероятно. Никогда не видела ничего подобного, — отозвалась она дрогнувшим от волнения голосом. — Такое впечатление, будто круг внезапно сделался стеклянным, и что-то ударило его со всех сторон разом ... только осколки не посыпались на пол, а как будто бы стекли вниз от купола. Как ты это сделал?

— И больше ты ничего, кроме этого, не видела?

— А было что-то еще?

— Ясно. Райс?

Целитель покачал головой, не покидая мирно спящих детей.

— Только то же самое, что описала Ивейн. Это ты разбил круг?

Со вздохом Камбер, подобно Райсу, тряхнул головой.

— Нет. И если я расскажу вам, что, как мне показалось, я видел, боюсь, вы никогда не поверите. Скорее всего, решите, будто я пил из кубка вместе с мальчиками, и мне явились видения. Нет, не перебивайте. — Он вскинул руку, заметив, что они хотят возразить. — Сейчас нет времени обсуждать все это. У нас много работы. Король умер, и новому королю следует

сообщить об этом. И нам надо навести порядок и все вернуть на место, чтобы никто не догадался, что в действительности случилось этой ночью.

— Понятно, — отозвался Райс, поднял на руки спящего Алроя, укутанного в теплые меха. — Давай, мы вдвоем отнесем ребятшек в спальню, а вы с Джебедией пока приведете тут все в божеский вид. Хорошо?

Камбер кивнул, легонько потрепав дочь по руке, чтобы ее приободрить.

— Мы справимся. Ивейн, когда сможешь Райсу с мальчиками, возвращайся лучше сразу в свои покои — только постарайся, чтобы никто тебя не заметил, — и оставайся там, пока во дворце не поднимется такой переполох, что разбудил бы и мертвого. Тогда можешь выходить спокойно, никто ничего не заподозрит, все равно все поднимутся ... Я понимаю, ты бы предпочла оставаться тут с нами, но это может показаться подозрительным. А ты, Джорем, можешь потом вернуться сюда вместе с Райсом: у вас найдутся уважительные причины, по которым вы, якобы, оставались с Синхилом до самого конца.

После всего, что произошло этой ночью, им и в голову не пришло допытывать его расспросами. Райс, держа на руках Алроя, двинулся к проходу, открывшемуся в стене часовни, а Ивейн подошла к отцу, скользнула губами по его щеке, затем подхватила Райса Майкла и последовала за мужем.

Джорем не шевелился, пока они оба не скрылись из виду. Коленопреклоненный, склонив голову и погрузившись в созерцание, он застыл у тела короля. Наконец он поднялся и взял на руки последнего из принцев, закутав его в меховую накидку.

— У меня есть один вопрос, — пробормотал он, уже в дверях тайного хода, стоя вполоборота к Камберу.

— Ладно. Один вопрос.

— Перед самым концом ... он узнал правду

128 насчет тебя и Элистера.

Камбер медленно перевел взор на лицо мертвого короля, и в глазах зашипало от непрошенных слез.

— Да. Узнал.

— И он принял это? — настойчиво продолжал Джорем.

— Ты же сказал, один вопрос, — Камбер мягко улыбнулся. — Ну, хорошо, сын. Он принял это. Готов поклясться, что до нынешней ночи он ничего не знал, но мы втроем — он, я и Элистер — решили все мирным путем. Мне очень хотелось бы, чтобы и ты присутствовал при этом.

— Очень важно, что вы оба были при этом, — прошептал Джорем, стараясь сдерживать себя. — Это оправдывает многолетнюю ложь. — Он глотал слезы, качая головой. — Я лучше пойду.

Камбер, не вставая с колен, смотрел вслед сыну, потом напомнил себе о неотложных делах. Вздохнув, он взялся за дароносицу, чтобы с поклоном убрать ее на алтарь, как вдруг едва не вскрикнул — в его памяти ожила картина разрушения купола.

О, Господи! Как смог он выдержать это? Камбер вспомнил огромную силу энергии, освобожденной в рассыпающемся круге, и удивился, каким чудом ему удалось остаться, в живых.

Его охватила дрожь, которую помог унять холод металла дарохранильницы, обжигавший руки. В изумлении он посмотрел на маленький рубиновый крест на крышке и внезапно понял, что его левая рука, сжимавшая священный сосуд, не чувствует ничего, кроме холода.

Камбер снова опустился на колени, поднял крышку и отложил в сторону. В сверкавшей чаще лежал хлеб причастия, точно такой совсем недавно он подавал Синхилу, Камбер наугад вынул один из полудюжины кусочков и внимательно разглядел его.

Непосвященный назвал бы его простым куском хлеба. Мука и вода, и в этой простой пище

было заключено самое великое таинство его религии, нечто, чего не мог постичь и чему не находил объяснения его мозг, но он верил воплощению в хлебе тела Христова всем сердцем и душой.

Плоть Господа защитила его сегодня ночью? Может, так оно и было, в самом деле. Синхил увел его за грань дозволенного, даже своим возвышенным сознанием не поняв, как близко трепетали крылья ангела смерти.

Или еще просто не пришло время Камбера? Есть ли у Всевышнего, у Господа, что присутствует и в этом священном хлебе, зажатом в его руке, есть ли у Господа земная работа для него?

Камбер не надеялся получить ответы на свои вопросы этой ночью. Прочел горячую молитву и встряхнулся, словно сбрасывая думы. Потом накрыл, дарохранильницу крышкой и вернул на привычное место, не забыв прибрать и коробочку со священными маслами.

Затем запер уже остывшую кадилъницу и серебряный кинжал Ивейн в шкафу у северной стены, туда же убрал и глиняную чашу. Прежде он поднес ее к алтарю и вынул из влажного пепла на дне гранатовое королевское кольцо.

Тщательно обтерев его полкой сутаны, Камбер надел кольцо на палец Синхила, вложил меч в ножны и отнес его вместе с лекарской сумкой Райса в королевскую спальню. Оружие повесил в изголовье постели, а сумку бросил на ковер возле кровати. Наконец он вернулся за Синхилом.

Подняв его, подивился легкости — тело было почти невесомо, как паутина или пух. Опустив Синхила на кровать, он заботливо прикрыл его до пояса и сложил руки крестом на груди. Покончив с этим, Камбер устал подошел к двери, взялся за запертый засов и прижался лбом к холодной и гладкой дубовой двери.

Джебедия снаружи уловил его присутствие и ожидал самого худшего. Он проскользнул в едва приот-

130 крившуюся дверь и поглядел на Камбера.

— Он умер, — беззвучно вымолвил Джебедия и прочел подтверждение своим словам на усталом лице Камбера.

— Да, его миссия завершена, и он обрел покой, — ответил Камбер тихо.

Джебедия перекрестился мгновенно потяжелевшей рукой.

— Да упокой, Господь, его душу. Я надеялся, что вы с Райсом ошибаетесь, и у него осталось еще немного времени.

— Мы все надеялись. Только бы его труды не пропали даром. Я не завидую нашей жизни в ближайшие годы.

— Да. — Джебедия тяжело вздохнул, печально свесив седую голову. — Полагаю, нам пора известить других регентов, — наконец произнес он, поднимая глаза. — Принцев привести немедленно или подождать до утра?

— Сейчас. И если Мердок или кто другой попытается отказаться, напомни, что ты пока еще глава геральдической палаты. — Он пожал плечами. — По крайней мере, до первого заседания Регентского совета. А после него, подозреваю, многие наши сородичи останутся без работы.

— Не беспокойтесь, — горячо прошептал Джебедия, обняв Камбера за плечи, в то время как мысленно он повторял: не беспокойся, Камбер. — Я попридержу наших друзей-регентов, по крайней мере, некоторое время. А пока я здесь, надо ли чем-нибудь помочь?

Камберу не было нужды отвечать словами. Устало улыбнувшись, он окунулся в волну живительных сил, которыми от души делился его друг. Наконец он глубоко вздохнул и взял руки Джебедии в свои.

— Да, Джеб. Для тебя тоже найдется работа. Откладывать больше нельзя.

Кивнув в ответ, Джебедия направился к винтовой лестнице. Когда он вышел, Камбер закрыл дверь и вернулся в часовню. Прежде чем вернуться к

размышлениям над тем, чему он стал свидетелем этой ночью, ему предстояло еще многое сделать.

* * *

В другом крыле замка трое усталых Дерини с принцами Халдейнами на руках стояли в конце узкого холодного коридора. Один из них через потайной глазок заглянул в детскую. Полный покой. Даже напрягая все способности Дерини, они не обнаружили ни одного признака пробуждения.

Открыв доступ в стенной шкаф при помощи специального механизма, Райс через плечо обернулся к жене и шурину.

— Все тихо, но двигаться будем быстро и бесшумно. Прежде чем уйти, надо позаботиться о трех слугах и Тависе.

Райс потушил маленький зеленый фонарь, освещавший до этого их путь, и открыл дверцу шкафа, маскировавшую выход в коридор. Они вошли и направились к пустым постелям под легкое посапывание одного из слуг.

— Поспи еще немного, маленький король, — шепнул Райс, укладывая Алроя в постель, и пригладил его темные волосы.

Мальчик заплакал во сне и повернулся на бок, а Райс плотно закутал его в мех. Пока Ивейн и Джорем укладывали двух других принцев и проверяли, чтобы у них не осталось лишних воспоминаний о событиях нынешней ночи, Райс переходил от одного слуги к другому, касаясь их и чуть подправляя память.

Возле Тависа О'Нилла он задержался чуть дольше, проверив все с большей тщательностью, — Тавис был не ребенок и не просто человек. Райс в последний раз оглядел комнату, убедился, что все в порядке, а затем подошел к наружной двери, нацеливая свои магические таланты на поиск опасности извне.

Путь был свободен, и Райс жестом и поцелуем отправил Ивейн в ее комнаты и открыл дверь. Когда он вышел из спальни, Джорем уже ждал в коридоре; увидев, что дверь вновь аккуратно закрыта, шурин зажег фонарь. Более не задерживаясь, они двинулись к апартаментам Синхила.

Райс и Джорем обнаружили, что часовня вновь приняла свой обычный вид. Камбер стоял на коленях над телом Синхила, расprostертым на огромной кровати. На Камбере был богато расшитый короткий плащ из темно-красного бархата. По всей спальне горели свечи, в камине потрескивал огонь.

— Все сделано, — тихо заверил Райс и встал по другую сторону кровати, глядя на Камбера. — О сегодняшней ночи они ничего не вспомнят, а нетвердость в ногах объяснится внезапным горем и поздним часом. Ты послал Джебедию?

Камбер кивнул.

— Скоро он приведет их всех. И да поможет нам Бог, Райс. Испытания только начинаются. Надеюсь, мы правильно поступили, позволив ему передать магические способности детям.

— Я тоже на это надеюсь, — прошептал Джорем.

* * *

Прежде чем все собрались, прошло около четверти часа, хотя казалось, будто время тянется вдвое медленнее. Трое мужчин стояли на коленях, каждый наедине со своими мыслями, когда ночную тишину нарушил все возрастающий шум. Сначала в большом холле внизу слышались приглушенные шаги, потом раздался стук копыт в замковом дворе, ударили кафедральные колокола за стенами замка.

Первым явился бывший слуга Синхила Сорл, недавно посвященный в рыцари, за ним — духовник короля из людей, отец Альфред. Обиженный, 133

что его не позвали раньше, он опустился на колени и стал читать молитвы по усопшему.

Внизу, у винтовой лестницы, собралась замковая челядь, получившая повод к множеству новых страхов, сплетен и слухов и жаждущая поглазеть на появление нового короля. Прежде чем гофмейстер, как было предписано ритуалом, трижды постучал в закрытую дверь, шум среди челяди известил собравшихся в спальне о приближении нового владыки Гвиннеда.

— Лорды регенты с его высочеством наследным принцем Алроем и их высочествами принцами Джеваном и Райсом Майклом. Дорогу принцам. — Голос гофмейстера прорезал холод наступающего утра.

Мердок с лукавым и почти хищным лицом возглавлял процессию, его рука покровительственно лежала на плече ссутулившегося, сонного Алроя. Мальчик, казалось, был только удивлен, хлопал глазами и зевал.

По другую руку принца Ран Хортнесский, облаченный в длинную мантию, отороченную мехом, всегда такой уравновешенный и безразличный, с трудом сохранял спокойствие. Граф Таммарон, самый старший после Камбера регент, огромной невыразительной тенью следовал за Раном, возвышаясь над ним на целую голову.

Тучный епископ Хьюберт, четвертый регент, кружил позади Алроя, его голубые глаза и обрамленное светлыми волосами ангелоподобное лицо скрывали лицемерную душу под красной сутаной духовной особы. Предупредительно внимательный к детским капризам и чудачествам, Хьюберт сумел расположить к себе принцев. Пожалуй, они любили его больше, чем остальных регентов, и это было крупной неудачей — Хьюберт Мак-Иннис вовсе не был тем прекрасным человеком, каким умел казаться.

Джебедия замыкал процессию, он шел, обнимая двух других мальчиков за плечи. Яркие глаза

134 принца Райса Майкла с любопытством разгля-

дывали окружающих, недавнее испытание не оставило на нем своих следов, но лицо Джевана было заплаканным, он с угрюмым видом цеплялся за руку бледного и обескураженного Тависа О'Нилла.

Когда Камбер выступил вперед, чтобы приветствовать нового короля, Райс послал ему сообщение о том, как он вынужден был поступить с Тависом. Камбера занимала сейчас одна, самая главная задача — провозглашение нового короля. Он не позволит регентам сразу же захватить власть.

Процессия вступила в комнату, а слуги стеснились у входа снаружи. Камбер шагнул к Алрою и опустился на колени.

— Король умер. Да здравствует король Алрой! — провозгласил он.

— Да здравствует король Алрой! — отозвались Райс, Джорем и Джебедея, также опускаясь на колени.

Регенты последовали их примеру с некоторым опозданием. Алрой замер, потом стал оглядывать спальню. Когда он наконец заставил себя посмотреть на неподвижное тело, которое раньше было его отцом, нижняя губа задрожала. Его глаза встретили взгляд Камбера. Епископ поднялся и поклонился, затем, взяв маленькую холодную руку мальчика и, согревая ее в ладонях, подвел наследника к высокой кровати.

— Ваша милость, мне очень тяжело сообщать вам о том, что ваш возлюбленный отец с миром почил. Перед смертью он получил последнее причастие. Но до этого на пороге смерти он просил, чтобы вы приняли его дар — дар, который, как венец и трон, достается вам по праву рождения.

Мальчик раскрыл рот, но прежде чем он вымолвил хотя бы слово, Камбер заставил его сделать последние шаги к постели. Склонившись над телом, он снял огненное кольцо с пальца Синхила, взял принца за левую руку и надел кольцо. Разумеется, кольцо было велико, но когда оно скользнуло на свое новое

место, мальчик задрожал, хотя никак не мог догадываться о могучих силах и своей власти над ними, заключенными в огненном кольце.

— Это подарок моего отца? — робко спросил Алрой, смущенно любуясь сверканием камней. Он не знал, что блеску им добавила его собственная кровь.

— Да, это дар вашего, отца, мой принц, — сказал Камбер. — Я знаю, оно велико вам, — продолжал он, снял кольцо и вложил в руку Алроя. Магический перстень оказывал свое действие, по крайней мере, на этого юного Халдейна. — Но вы вырастаете, или, если хотите, его размер можно уменьшить. Думаю, ваш отец хотел сделать свой дар одним из державных символов Гвиннеда. Чтобы и ваш сын надел его в день своей коронации.

Алрой робко улыбнулся и сжал кольцо в руке.

— Мне бы хотелось этого, — пробормотал он. Его лицо стало более серьезным. — Вы думаете, епископ Келлен, что у меня будет сын?

— Конечно же, будет, — начал было Камбер, но был прерван Мердоком, который подошел к мальчику, взял за руку и почти отдернул от Камбера.

— Для праздных разговоров время найдется позже, епископ Келлен. Сейчас поздно, и принцам нужно отдохнуть.

— Разумеется, милорд, — ответил Камбер с легким поклоном. — Я просто подумал, что подарок отца утешит его высочество, Не очень-то легко ребенку лишиться отца.

— Их отец считал, что Регентский совет будет решать, что лучше для мальчиков, а не один человек, — сказал Мердок, смягчив тон. — Запомните это, пожалуйста. Он легонько подтолкнул растерявшегося Алроя к Рану, который решительно положил руки на плечи принца.

— Далее, — продолжил Мердок, — довожу до
136 вашего сведения, что первое заседание Регент-

ского совета состоится завтра. О точном времени и месте вам сообщат позже. Я бы посоветовал вам хорошенько обдумать ту роль, которую вы хотите играть в новой администрации. Я уверен, что вы останетесь верны закону и обычаю, как делали это до сих пор.

— Моя единственная цель — служить короне, — ответил Камбер спокойно, хотя никак не мог понять, почему Мердок вдруг заговорил об этом. В глубине души шевельнулось беспокойство.

На сухощавом лице графа возникло некое подобие улыбки.

— Вот и прекрасно. В таком случае мы поладим. Спокойной ночи, епископ.

Повернувшись на каблуках, он вывел процессию из комнаты. Те, кто остался в спальне, обменялись невеселыми взглядами и тоже направились к дверям — Джебе-дия велел замковой челяди расходиться и вспомнить о своих обязанностях; Джорем и Райс стояли, в коридоре. Сорл исчез в соседней туалетной комнате, готовясь отдать последний долг умершему хозяину, и даже отец Альфред прервал на минуту свою литанию по усопшему, чтобы оставить епископа наедине с мертвым королем.

Печальный Камбер подошел к изголовью кровати, посмотрел на знакомое лицо и положил руку на холодные, скрещенные на остывшей груди руки Синхила.

— Спокойной ночи, мой государь, — прошептал он. — Ради ваших сыновей я постараюсь сделать все возможное, как делал прежде ради вас.

У Камбера не было сил продолжать, и ему пришлось ограничиться прощальным поклоном, в глазах его стояли слезы. Он не помнил, как добрался до своих покоев. В постель его уложил Джорем.

Закрепляя свою власть над новым королем, регенты не теряли времени. К полудню колокола на соборе и церкви отзвонили по покойному королю, гроб с его телом уже три часа стоял в главной часовне замка, расположенной неподалеку от главного холла, где обычно собирался Совет Синхила. После дневной мессы, которую архиепископ Джеффрай служил в той же часовне, юные пажи разнесли приглашения на заседание Регентского совета. Камбер задержался после службы и несколько минут молился, прося Бога указать молодому королю верную дорогу, потом, сопровождаемый Джоремом, отправился в зал Совета.

Другие регенты были уже там. Мердок, Таммарон, Ран и епископ Хьюберт собрались справа от места короля и разговаривали с графом Эваном, сыном заболевшего герцога Сигера. Другие члены регулярного Совета тоже были здесь:

Уот, констебль, архиепископ Орисс и барон Торквилл де ля Марч. Ни один из этих троих не был новичком в политике — Уот и Орисс входили в состав первого Совета Синхила, а Торквилл даже был членом Совета у Имре. Скорее всего Уоту и ОриССу предстоящие перестановки ничем не угрожали, а вот Торквилл вряд ли их переживет: в отличие от Уота и ОриССа, он — Дерини. Члены Регентского совета назначались по особому уставу, равно как и тот, кто занимал резиденцию примаса Гвиннеда (теперь им был Джеффрай Керберийский, Дерини). Все остальные назначались по выбору этой шестерки. В ней только двое — Камбер и Джеффрай — были Дерини. Грустные эти вычисления не приносили успокоения.

Алрой сидел во главе стола на резном, с высокой спинкой отцовском стуле, выглядел он несчастным и подавленным. На стул предусмотрительно положили подушку, но иллюзия высокого роста, не

добавила внушительности новому королю — он оставался всего лишь испуганным мальчиком неполных двенадцати лет от роду. Серые глаза Халдейнов двумя тенями выделялись на бледном лице, а черная туника только подчеркивала его немощь и следы недавней болезни.

Единственными украшениями Алроя были серебряный обруч на голове и огненное кольцо отца, подвешенное на изящной цепочке. «Глаз цыгана» был скрыт за спускавшимися до плеч волосами, но был на месте — Камбер точно это знал. Если кто-нибудь заметит рубин в ухе и спросит о причине его появления, Алрой «вспомнит», как несколько дней назад умирающий отец дал каждому мальчику по серьге. На столе перед Алроем лежал королевский меч в ножнах. В свете дня он выглядел обычным дорогим оружием, не похожим на инструмент волшебства в магическом круге.

Камбер подавил улыбку, спрашивая себя, могут ли другие Дерини, находящиеся в комнате, почувствовать излучаемое мечом могущество, узнать в священном мече Халдейнов орудие волшебства. С достоинством регента, канцлера и епископа Камбер, войдя в зал, занял место у кресла с противоположной от Алроя стороны стола. Мысль о том, что регенты будут произносить клятву верности над магическим мечом, позабавила его и сгладила впечатление от недружелюбных взглядов, которыми его встретили. Он почтительно поклонился.

— Мой господин. Милорды.

Мальчик нервно дернул головой, а Мердок одарил коротким надменным кивком, плохо скрывая свою неприязнь к противнику.

— Будьте любезны подождать, пока придут остальные, милорд канцлер, — сказал он.

И с этими словами повернулся к Таммарону, что-то тихо сказав ему. Камбер не мог расслышать слов, но по лицу Таммарона и усмешке Рана понял, что замечание было нелिцеприятным.

Когда Камбер, обменявшись обеспокоенными взглядами с Торквиллом и Джоремом, занял свой стул, в комнату вошел Джебедия с епископом Каем, третьим гвиннедским епископом-Дерини. Отрывисто кивнув Алрою и остальным регентам, Джебедия уселся на место справа от Камбера и положил на стол перед собой свой маршалский жезл. Епископ Кай сел справа от него. После паузы Джебедия нагнулся к Камберу и, прикрыв рот рукой, шепнул:

— Мне все это не нравится. Мердок слишком доволен. А что здесь делает Эван? Я думал, что он ухаживает за отцом.

Камбер положил локти на стол и сцепил пальцы.

— Раз он сейчас здесь, то, подозреваю, его поставят на твое место, Джеб.

— На мое место?

— А зачем же еще он пришел? Сначала я думал, что выберут герцога Сигера, но кто может поручиться, что он выздоровеет. Значит, наиболее логичный выбор — это его старший сын и наследник.

— Да, Эван, — покорно вздохнул Джебедия. — Что ж, могло быть и хуже. На этом месте мог оказаться Ран.

Камбер покачал головой.

— Слишком молод. Даже сам Ран понимает это.

— Но регентом быть не молод, — заметил Джебедия.

— Я не говорю, что понимаю принципы, по которым Синхил подбирал регентов, — ответил Камбер. — О, вот идет Джеффрай. Думаю, все, чего они хотят от первого заседания — это отставки и назначения. Подозреваю, что Совет будет недолгим.

Когда архиепископ подошел к столу и поклонился Алрою, все привстали. Но даже появление духовного главы Гвиннеда не взбодрило мальчика, хотя Джеффрай был своим человеком в покоях его отца.

Неужели они настроили его против Джеффрая? — подумал Камбер, раскланявшись с архиепископом.

Если остальные регенты затеяли большую

чистку, а именно это подозревал Камбер, то, возможно, они с Джеффраем останутся единственными Дерини в Совете. Архиепископу не позавидуешь.

— Милорды, я прошу тишины, — сказал Мердок, постучав по столу костяшками пальцев. — Милорд маршал, не изволите ли открыть заседание?

Все, кроме Алроя, встали. Джебедия отсалютовал королю своим жезлом.

— Милорды, я объявляю первое заседание Совета короля Алроя Беренда Бриона Халдейна открытым. Пусть правосудие и милосердие диктуют нам решения.

— Да будет так, — отозвался Мердок почти дерзко. Когда все снова расселись, Мердок перебрал пергаментные листы, лежавшие на столе перед ним, потом выложил из них аккуратную стопочку. Все это представление было разыграно для привлечения внимания к его персоне.

— Итак, вначале будет оглашен список регентов, — произнес Мердок, не в силах более скрывать самодовольную улыбку. — Волей короля Синхила до совершеннолетия короля Алроя регентами при нем назначаются: граф Таммарон Фиц-Артур, епископ Элистер Келлен, епископ Хьюберт Мак-Иннис, барон Ран Хортнесский и я, граф Мердок Картанский.

Он накрыл стопку бумаг обеими руками и оглядел собравшихся. Камбера кольнуло дурное предчувствие, он никак не мог понять, что задумал Мердок. Имена будущих регентов были давно известны. На этом заседании они принесут клятву верности и вступят в должность. В какую же игру пытается играть Мердок?

— Следуя обычаю, — продолжал тот, — вышеупомянутые регенты должны принести клятву верности. Однако, согласно подписанному недавно нашим возлюбленным королем Синхилом указу, установлена следующая процедура дальнейшего проведения заседания Регентского совета... — Камбер с тревогой подался вперед. Он ничего не знал об этом. — ...четверо

регентов обладают правом сместить пятого, если единогласно выскажут недоверие ему.

В устремленном на Камбера взгляде графа Картанского светился открытый вызов.

— К сожалению, должен сообщить, что граф Таммарон, епископ Хьюберт, барон Ран и я сочли епископа Элистера Келлена неспособным достойно исполнять обязанности регента в Совете нашего возлюбленного короля Адроя, вследствие чего, епископ Келлен, вы исключаетесь из состава Совета.

Ропот удивления, выражения одобрения и недовольства сменили чопорную тишину собрания, но Мердок поднял руку, требуя тишины, и продолжил речь.

— А также, руководствуясь желанием нашего покойного короля Синхила, и с согласия нашего возлюбленного короля Адроя, мы объявляем герцога Сигера Клейборнского пятым членом Регентского совета до той поры, пока здоровье герцога это позволит, либо по его собственному усмотрению, и назначаем его сына и наследника графа Эвана его преемником. Епископ Келлен, если я правильно понимаю выражение вашего лица, вы не согласны?

Камбер не удостоил ответом, а просто заглянул своими ледяными глазами в глаза человека. Он чувствовал, как сидящие вокруг люди и Дерини в растерянности цепенеют, но что это меняло? Мердок ни за что не решился бы на столь отчаянный шаг, если бы в его руках не было документа. Камбер никак не мог понять, почему Синхил согласился подписать такой документ, наверняка зная о последствиях.

— Граф Картанский всегда отличался проницательностью, — вымолвил Камбер спокойно. — Он заметил мое несогласие с неизвестным мне документом и с тем, как сей документ был использован против меня ... это делает ему честь. И конечно же, он сможет представить нам упомянутый подписанный документ и достойных свидетелей, заверивших подпись?

— Конечно, сможет, — отозвался Мердок надменно. — И если кому-нибудь придет в голову мысль уничтожить документ, должен сообщить, что это один из трех оригиналов, подписанных королем Синхилом и свидетелями: лордом Уотом и архиепископом Ориссом. Они, как известно канцлеру, не являются регентами.

Со снисходительной и ядовитой улыбкой, которая уже не покидала его лица, расплываясь все шире, Мердок передал верхний лист из стопки Ориссу и Уоту. Только взглянув на него, оба виновато кивнули Камберу и передали бумагу дальше — Джебедии, который только вздохнул, и Камберу. Тот внимательно изучал текст, решая, как мог истолковать эти написанные убористым почерком строки Синхил, если вообще задумывался над ними. Указ могли подsunуть в кипу повседневных бумаг, он наверняка прочел текст невнимательно. Документ был подписан, когда болезнь обострилась, это подтверждала дата на печатях свидетелей.

Окончив чтение документа, Камбер не знал, что произойдет дальше. Сейчас он был уверен только в одном: король собственноручно подписал бумагу. Он скорее всего не понимал, что делает, но теперь, когда Синхила не стало, никто уже не сможет узнать его намерения. Мердок выиграл на этот раз. Оставалось только узнать, как он использует свой выигрыш.

Вздохнув, Камбер передал документ Торквиллу, взглянувшему на документ. Затем лист перешел к Джефффраю, сидевшему с лицом каменной статуи, и через Рана и Таммарона вернулся к Мердоку. Человек, говорящий от имени всех регентов, снова положил пергамент в стопку документов и аккуратно сцепил свои паучьи пальцы.

— Думаю, документ не вызывает у вас сомнений, канцлер? — вкрадчиво спросил он.

— Вызывает не сомнение, а смирение, — холодно отвечал Камбер. — На нем подпись нашего покой-

ного монарха. Как преданный слуга короны я обязан повиноваться.

— Хорошо сказано, — произнес Мердок. — А теперь без отлагательства регенты Гвиннеда принесут клятву верности королю Алрою. Архиепископ Джеффрай, вы готовы?

Ничего не оставалось делать. Притихший Джеффрай, извиняясь, взглянул на Камбера, поднялся, поклонился Алрою и дождался, пока регенты встанут и возложат руки на лежащий перед наследником меч. Камбер не слушал клятву Джеффрая. Когда регенты вновь заняли свои места, он не сомневался — дальше все будет еще хуже, чем они могли предполагать.

— Наша следующая задача — пересмотреть состав старого Совета, — важно произнес Мердок. — В сложившихся обстоятельствах регенты порекомендовали его величеству вывести из него лорда-канцлера, барона Торквилла де ля Марч, господина маршала и епископа Кая Дескантора. Остальные члены Совета, по желанию его величества, сохраняют свои посты.

«Великодушно, не правда ли? — прозвучала мысль Джорема в сознании его отца. Лицо секретаря епископа Келлена по-прежнему было непроницаемо. — Вот и все Дерини, кроме архиепископа, но против Джеффрая у них ничего нет. Что собираешься делать?»

«Делать? А что я могу сделать? — ответил Камбер. — Самое большее — это сделать последнее предостережение прежде, чем уйду. Свою стратегию мы разработаем позднее.»

Трое получивших отставку Дерини оставались на своих местах и смотрели на четвертого — своего наставника, ожидая его реакции, А Камбер, для которого время словно остановилось, просто смотрел на Мердока, не мигая, не выказывая своих чувств, намеренно создавая впечатление, будто он вот-вот бросит вызов.

Все взгляды были устремлены на него, а на-

144 пражение стало почти осязаемым даже для чело-

века. Тогда он снял с шеи золотую цепь — знак власти канцлера — и поднял над головой.

И вот его цепь с монограммой династии Халдейнов — литыми буквами «Х» — лежит перед ним на столе. Пальцы Камбера тронули подвесную печать. По залу пронесся вздох огромного облегчения. Он стремительно поднялся.

— Ваше Величество, ваша мать, королева Меган, преподнесла мне эту цепь спустя несколько месяцев после вашего рождения, — мягко произнес он. — Теперь я возвращаю ее вам, как того требуют ваши регенты и обычай. Для меня было честью служить вашему покойному отцу, и я с радостью служил бы вам.

Смущенный мальчик опустил глаза, а Мердок и другие регенты, кроме Эвана, устали в стол перед Камбером, но ни один не решался прерывать его. Они давали ему выговориться и уйти с честью.

— Но регенты Вашего Величества...

— Осторожнее, — тут же предупредил Таммарон.

— Регенты Вашего Величества решили по-иному, — продолжал Камбер, не повышая голоса. — Возможно, они сочли меня слишком старым, а нынче время молодых. Все возможно. Я только хочу сказать, что мы преданно служили вашему отцу, и я надеюсь, что слуги Вашего Величества будут так же блюсти интересы короны и не требовать ничего взамен.

Он указал на троих Дерини, получивших отставку, и продолжал:

— Милорды регенты. — Камбер повернул побледневшее лицо к Совету. — Перед уходом я скажу вам лишь одно. Регентство — весьма деликатная миссия. Наш покойный король считал, что вы будете достойными наставниками его юным сыновьям. Предупреждаю вас, храните верность...

— Епископ Келлен, вы угрожаете нам? — вмешался Хьюберт, в его глазах вспыхнул злой огонек, обычно скрытый ангелоподобной внешностью.

— Угрожаю? Нет, милорд. Но предупреждаю. Все мы знаем, какие вопросы будут решаться в скором времени. Я прошу только ставить интересы державы и короля выше собственных. Среди людей и Дерини немало хороших и честных, которые все отдали за то, чтобы династия Халдейнов утвердилась. Самая большая их забота — процветание царственного дома. Мы будем наблюдать за вами, милорды.

— А мы будем наблюдать за вами! — вмешался Ран, вперив взгляд в крышку стола. — Смотрите, как бы вам не пришлось расстаться со своим приходом, епископ!

Камбер не ответил. С достоинством он обернулся к Алрою, который весь сжался, испуганный увиденным. Камбер улыбнулся мальчику, затем поклонился, прижав руку к груди, развернулся и, не торопясь, вышел из комнаты. Джорем поднялся и последовал за отцом, а Джебедея, приблизившись к Алрою, преклонил колени и с поклоном протянул королю маршалский жезл.

— Для меня было честью служить Гвиннеду, мой господин, — тихо произнес он. — Молю вас, отдайте его тому, кто защитит мир в Гвиннеде и будет в этом усерден, как я. Если когда-нибудь вам снова понадобятся мои услуги, вы только позовите меня...

Алрой молчал. Джебедея почувствовал, что пальцы мальчика схватили слоновую кость жезла. Он поднял глаза на короля и прикоснулся губами к его руке.

Он ушел сразу и не видел недоумения на лице Алроя и прощальных поклонов епископа Кая и барона Торквилла. Элистера и его секретаря Джебедея встретил за стенами зала заседаний Совета.

— Мы должны встретиться сегодня вечером, — прошептал Камбер, тронув Джебедею за рукав. — Вы с Джоремом пригласите всех. То, что сейчас случилось, требует срочного изменения наших планов.

Джебедея согласно кивнул, а Джорем увидел выходящих из зала Кая и Торквилла. Камбер обра-

— Случилось то, чего мы опасались, господа. Теперь только Джеффрай сможет защитить нас от нападков Мердока и Рана.

— А Хьюберт Мак-Иннис! — воскликнул Кай. — И это служитель Всевышнего...

— Не нужно продолжать, Кай, — предупредил Камбер, внимательно оглядываясь вокруг. — Нас могут подслушивать. Сейчас при дворе брат Мак-Инниса, у которого нет особых причин обожать Дерини.

— Да, я слышал, какие слухи ходят по замку ... — Кай немного остыл. — В любом случае мне здесь больше нечего делать. Думаю, самое разумное для меня — уехать из Валорета и спрятаться где-нибудь подальше. Не зря же меня прозвали странствующим епископом. В любом уголке страны у меня есть паства. А как поступите вы, Элистер? Вернетесь в Грекоту?

Камбер кивнул.

— По-видимому, так будет лучше всего. Только давайте не терять связь. Для каждого из нас, кто наделен верой и здравым рассудком, скоро найдется дело.

— Вероятно. Если мы останемся в живых, но, боюсь, Валорет сейчас не самое безопасное место. Передайте Джефффраю, чтобы был осторожен.

— Джеффрай? — удивился Джорем. — Ваше преосвященство, вы полагаете, ему грозит опасность?

— Опасность? Что ж, можно сказать и так. Представь, ты — Мердок и ненавидишь Дерини, а Джеффрай — единственный Дерини в королевском Совете и примас нашей церкви. Он тебе главная помеха во всех планах. Так что ты предпримешь? — Епископ Кай не строил особых иллюзий.

— Постараемся вовремя предостеречь его, — пророчил Камбер. — Торквилл, а вы? Какие у вас планы?

Барон повел плечами.

— Вернусь в свое приграничье. После стольких лет службы при дворе это кажется непривычным, но Кай прав. Здесь не место для Дерини.

И вообще, есть ли оно - это место для Дерини? — размышлял Камбер, когда они разошлись. — Теперь Совет для нас закрыт. Как же нам выжить?

ГЛАВА 9

**Горе тебе, о земля, когда царь твой
отрок и когда князья твои
едят рано!¹**

Камбер проспал до самого вечера, поскольку, хотя он не признался в том Райсу с Джоремом, он не сомкнул глаз прошлой ночью. Пробудился он, когда колокола собора звонили к вечерне. На улице давным-давно стемнело.

Не поднимаясь с постели, Камбер позволил себе потянуться и сладко зевнуть, припоминая, когда в последний раз он предавался этим скромным удовольствиям. Тут же нахлынули воспоминания о прошлой ночи, но он постарался отогнать их прочь. Сейчас были дела поважнее: следовало погрузиться в легкий транс и восстановить равновесие, а затем решить, как лучше использовать то знание, что пришло к нему прошлой ночью. Однако если с первой задачей он справился без труда, то со второй оказалось сложнее, — даже призвав на помощь наиболее объективную часть сознания, прежде принадлежавшую Элистеру, он не сумел разгадать тайного смысла всего происшедшего накануне. Уход Синхила не поддавался логическому объяснению.

¹ Екклесиаст 10:16.

Он заставил себя признать это, равно как и тот факт, что смерть короля не вызвала в нем тоски и глубокого горя. И это была отнюдь не пустая бравада. Совершенно очевидно (если о давешних событиях, вообще, можно было судить определенно), что жизнь продолжалась, и что Синхил расстался с нею по доброй воле. Когда они вместе отслужили последнюю мессу, у него был такой умиротворенный, счастливый вид... А ведь последние пятнадцать лет были совсем не спокойными, полными досады и взаимного непонимания.

Камбер жалел, что не мог быть откровенен с королем, что тому была открыта лишь часть его личности, прежде бывшая Элистером. Камбер и Элистер с годами, сосуществуя в едином сознании, все больше сближались, и, возможно, именно поэтому Синхилу оказалось так легко принять истину об этом человеке: внутренне он был готов к чему-то подобному.

Камбер со вздохом сел на постели, еще раз вздохнул и поднялся на ноги. К полуночи он был уже совершенно готов — успел умыться, одеться и перекусить; теперь следовало прибыть на Совет Камбера.

Этот Совет, получивший такое наименование по настоянию архиепископа Джеффрея семь лет назад, при его возникновении, ставил во главу угла своей деятельности те идеи, которые двигали самим Камбером и его детьми со времен реставрации династии Халдейнов. Все восемь лет, предшествовавшие возникновению Совета, Джорем, Ивейн, Райс, Джебедия и Камбер посвятили изучению наследия Дерини древности.

«История Хилдред» Магаэля, саги Парджана Хавикана вековой давности, все записи об Оринe, великое множество других работ — все это было исследовано для пополнения багажа знаний.

К исходу своего первого года, во время зимнего солнцестояния, Совет увеличил число своих членов до восьми. Были приняты Торстейн, весьма опытный Целитель, священник и философ, архиепи-

скоп Джеффрай, мудрый священнослужитель и Дерини, и Грегори Эборский, один из наиболее талантливых и опытных Дерини. Хотя Грегори не воспитывался ни в одном из Орден, его способности были безупречны. Кандидатуру графа Эборского предложил... Элистер. Камбер порой даже удивлялся, почему его второе «я» не занимает девятое кресло за столом Совета.

Лишь троем новообращенным не была известна тайна Элистера Келлена, но во всем остальном они были равны. За семь лет сотрудничества они достигли даже большего, чем полагал Камбер. Были раскрыты секреты нескольких Деринийских заклинаний, считавшиеся навсегда утерянными, и обнаружены неизвестные способности, ставшие их оружием. Они систематизировали правила поединков Дерини и способствовали основанию нескольких школ по обучению Дерини. Если преследования все-таки начнутся, останется хоть какая-то надежда, что их знания не погибнут и их раса не выродится. Наконец, члены Совета Камбера сумели удержать многих своих соплеменников от поступков, способных спровоцировать людей — противников магии и вызвать репрессии против всех Дерини.

Прошлой весной отец Торстейн умер, и пока они обсуждали возможных претендентов, обнаружилось, что «семеро плюс одно пустое место» срабатывает лучше, чем «восемь».

В конце концов они думать забыли о восьмом члене. Несколько раз Джебедия замечал, что свободное место принадлежит святому Камберу, возможно, подспудно понимая чувства Камбера живого. Эту идею подхватили Грегори и Джеффрай — рьяные сторонники культа Камбера. Они назвали пустующий стул трон, трон святого Камбера. Итак, в Совет Камбера теперь входили семеро.

И теперь один из этих семи спешил на встречу со своими единомышленниками. Накинув плащ, он направился по темному коридору к резиден-

ции Джеффрая и Порталу. Сейчас архиепископа нет, но при помощи Портала он попадет в комнаты Совета в мгновение ока.

В этот час в коридорах замка никого не было, и Камбера это радовало. Дойдя до двери Джеффрая, он проверил комнату за ней, прошелся туда-сюда по коридору, затем нагнулся к дверному замку и включил свои способности Дерини.

Сознание сосредоточилось на замке, и когда наконец тот поддался, Камбер улыбнулся, порадовавшись, что еще не утратил умения.

Он скользнул внутрь и запер дверь. Беззвучно ступая по ковру, он пробрался в спальню Джеффрая, подошел к дальней стене, откинул занавес и вошел в молельню.

Теперь его разум напрягся, воспроизводя в уме картину места назначения. Мгновение спустя он уже стущал энергию, привлекая все силы организма... И еще через миг Камбер исчез из молельни в Валорете.

Когда реальный мир перед его глазами вновь обрел четкие контуры, он увидел самого Джеффрая, стоявшего у границы Портала со свечой в руке. На архиепископе была сутана до пят из того же бархата, что и плащ Камбера, его темная коса и украшенный драгоценными камнями нагрудный крест поблескивали в пламени свечи. Когда их взгляды встретились, Джеффрай нервно кивнул.

— Мне очень жаль, что так вышло насчет опекунства, Элистер. Очень хотелось бы тебе помочь...

Камбер пожал плечами и с безразличным лицом шагнул из Портала.

— Мы недооценили Мердока. Что еще я могу сказать?

— Это не твоя вина, — пробормотал Джеффрай, покачивая головой. — Никто не знал, что так обернется.

Кстати, ты знаешь, что они назначили Таммарона канцлером?

— Я так и думал, — сухо вымолвил Камбер, глядя на двери комнаты Совета.

Там уже ждал Джебедея с Джессом, старшим сыном Грегори, и внуками Камбера — Девином и Анселем, — повзрослевшими сыновьями убитого Катана Мак-Рори. Эти трое были частыми гостями на заседаниях Совета, потому что последние несколько лет много разъезжали по стране, усмиряя банды из числа тех, что Камберу и Джорему пришлось повстречать несколько дней назад. Не один юный Дерини оказался перед лицом местного суда в Кулди и Эборе, был оштрафован, а иногда и посажен в тюрьму за свои проделки. Поэтому очень часто мнение много повидавших Джесса, Девина и Анселя помогало принимать решения. На плечах таких вот, как они, будет держаться будущее Дерини в Гвиннеде.

Когда молодые люди поклонились епископам, Камбер приветливо улыбнулся им и удивился, почему они и Джебедея ожидали снаружи, но потом сообразил: вероятно, Джорем и Ивейн ждут, станет ли он обсуждать ошеломляющее открытие Райса при юношах, не входящих в Совет. Но у Камбера на этот счет не было никаких сомнений. Он приятельски потрепал Джебедея по плечу и об руку с Джеффраем вошел в комнату Совета.

По обе стороны от входа горели факелы, окрашивая кровавыми отблесками красную медь дверей; кованый узор отбрасывал резные тени. Когда двери отворялись, рельефные фигуры на них, казалось, оживали, и тени плыли по стенам. Ивейн и Джорем были внутри, они стояли около своих кресел возле восьмиугольного стола. Здесь же был и Грегори, он рассказывал у северо-восточной стены и с выражением живейшего интереса разглядывал деревянную панель, инкрустированную слоновой костью. Такие же панели, изображающие сцены из Деринийских легенд, покрывали еще три из восьми стен в этом зале. Всю северную стену занимали огромные, до потолка двери, а три другие были простого черного камня — даже за семь лет работы

оформление не удалось завершить. Восьмиугольник стен венчал купол, отделанный аметистом.

Услышав шаги, Грегори поднял глаза и поспешил обнять старшего из вошедших.

— Элистер! — Он отступил на шаг, чтобы хорошенько разглядеть Камбера. — Мне говорили, что ты приезжал проведать меня во время болезни, но я ничего не помню. Должно быть, ты после этого решил, что я никудышный хозяин!

— Насколько я помню, ты был не в состоянии принять никого, кроме разве что ангела смерти, если бы не Райс, — сухо ответил Камбер. — Ивейн ничего не рассказывала тебе о том дне?

— Еще нет, отец Элистер, — ответила она, делая перед ним обычный реверанс. — Хотя я думаю, что сегодня он должен узнать это. Когда я оставила Райса, он отправился проведать принцев, но как только он вернется, Совет, по-моему, должен услышать его историю. Я пригласила Джесса, Девина и Ансея присоединиться. Не возражаете? Их суждения могут подсказать новые идеи.

— Возражений нет, — одобрил Камбер. — Джеффрай?

— У меня тоже, — откликнулся архиепископ.

— Значит, решено, — сказал Камбер, занимая место на севере, между Ивейн и тронм святого Камбера, Джеффрай сел по другую сторону пустого кресла. — Грегори, пригласи их, пожалуйста.

Когда Джебедея и трое молодых людей вошли, Джеб расположился прямо напротив Камбера, Джорем указал племянникам на стулья по обе стороны от себя, а Джесс уселся на стул между отцом и Ивейн. Камбер тепло улыбнулся ему и внукам.

— Добро пожаловать, господа, — сказал он, обращаясь ко всем. — Джесс, я знаю, ты нынче не ложился. А как наши молодые Мак-Рори? Пока ждем Райса, расскажите, что творится у вас в провинции.

Девин, сидевший справа от Джорема, улыбнулся своей знаменитой улыбкой, засияли не только зубы, а все прекрасное лицо с юношеским пушком над губой. Хотя он знал Камбера только как Элистера Келлена, и он, и его брат были близки с епископом.

— А мы надеялись, что это вы расскажете нам о новостях, сэр, — ответил Девин. — Ходит много слухов, и только малая их часть — правда.

— В такие времена всегда много слухов, — туманно отозвался Камбер. — Думаю, вы слышали?

Ансель, как две капли воды похожий на старшего брата, значительно кивнул.

— Сегодня днем я получил письмо от Дафида Лесли, сэр. Дафид сообщил, что король умер прошлой ночью и что сегодня Регентский совет собирался на свое первое заседание. Это в самом деле так?

— Именно так, — со злостью сказал Джеффрай, все взгляды обратились к нему. — Мердок нашел способ убрать Элистера из регентов.

— Не может быть!

Это было убийственной новостью для троих молодых людей и Грегори, который даже перестал расхаживать и, пошатываясь, подошел к своему месту.

— Да. Они выбрали герцога Сигера на его место, пока его заменяет сын. Потом они выгнали из королевского Совета всех Дерини, которых смогли. Остался я один.

Джорем фыркнул.

— Если найдут повод, они и от вас избавятся.

Тем временем Девин вновь обрел дар речи.

— Как... как им удалось выгнать епископа Элистера?

— Таинственный документ, подписанный королем, — ответил Джеффрай, почти выпевая полные сарказма слова. — О да, там была подпись Синхила, — добавил он, видя, как растет возмущение Девина, — и необходимые печати свидетелей. Увы, но подлинность неопровержима. Подделку мы смогли бы оспорить.

— А кто свидетели? — спросил Джесс.

— Орисс и Уот. Вероятно, они оба знали о содержании документа не больше короля, — ответил Джеффрай. — Это просто ужасно. Элистера выгнали, и на его место регента назначен Сигер, а на место канцлера назначен Таммарон. Маршалом вместо Джебедии стал Эван. Они не обошли вниманием и Торквилла, и епископа Кая, а меня оставили только потому, что не придумали способ от меня избавиться. Архиепископа Валоретского, Дерини он или нет, оставили, по крайней мере, на время. — Он вздохнул. — И все это правда, а не слухи. Я был там.

После его слов в комнате воцарилась мертвая тишина, которая была нарушена Райсом, появившимся в распахнутых дверях.

Заседание возобновилось. Рассказ Джеффрая позволил сразу перейти к обсуждению наиболее острых проблем. Они говорили о юном Алрое, ставшем теперь королем, о его слабом здоровье и о том, что он пока не может оправиться после кончины отца. Прежде чем прийти сюда, Райсу пришлось дать ему успокоительное и уложить в постель. Они говорили о регентах, и каждый высказал свое мнение, так что перспектива грядущих опасностей и бед предстала достаточно ясно.

Затем Совет перешел к обсуждению положения с бандами Дерини. Собственно говоря, именно по двум последним вопросам было созвано заседание. А рассказ Камбера о встрече с шайкой, которая напала на Манфреда Мак-Инниса, вывел разговор на причины поездки в Эбор и на случившееся там.

Во-первых, было высказано два взгляда — Райса и Камбера — на происшедшее, во-вторых, предстояла демонстрация опыта на Грегори, который был настроен почти враждебно и никак не хотел верить в открытие Райса.

— Просто не могу понять как можно отнять
156 у кого-нибудь его могущество, — бурчал Грегори.

ри, не в силах избавиться от чувства обиды. — Если даже поверить, что вы рылись в моем сознании — ты, Райс, Джорем и Элистер, — все равно ничего подобного не случилось с тех пор, как я был ребенком.

— Если бы не пришлось выбирать между жизнью и смертью, я бы никогда... — начал было Райс.

— О, я знаю, — нетерпеливо прервал его Грегори. — И я не зол на тебя за это. Иначе меня бы не было здесь. Просто... черт бы все это побрал, Райс! У меня нет той прекрасной выучки Ордена святого Гавриила, что у тебя, или дисциплины Джорема и Элистера, воспитанных в Ордене святого Михаила, и все же моими учителями были несколько замечательных мужчин... и женщин, — добавил он, кивнув на Ивейн. — Я готов поклясться всем, чем угодно, что смог бы обнаружить такие провалы в памяти. Это меня раздражает!

— Я с тобой полностью согласен, — произнес Райс спокойно. — Если тебе от этого станет немного лучше, я думаю, что частично причиной твоей амнезии стала травма головы. Потеря памяти и ориентировки во времени, вызванная несчастным случаем, — обычное дело. Кто-то в конце концов вспомнит, а кто-то и нет. Если добавить к этому, что тебя пришлось успокаивать...

Он пожал плечами.

— Единственное, что меня все еще удивляет, так это то, как легко удалось забрать и восстановить твои способности. Пришлось затратить много энергии (ни одно магическое действие не обходится без этого), но не больше, чем на любую другую манипуляцию Целителя. Жаль, что отца Торстейна больше нет с нами. Хотелось бы, чтобы другой Целитель смог увидеть это и сравнить ощущения.

Поглаживая золотую пластинку, вделанную в крышку стола, Джеффрай задумчиво качал головой.

— К счастью, Торстейн был не единственным Целителем, с которым можно общаться, — сказал архиепископ. — Хотя, откровенно говоря, я сомне-

ваюсь, чтобы Торстейн, даже если бы постарался, смог бы воспроизвести то, что ты сделал случайно.

— Лучше спросить у Грегори, действительно ли он случайно потерял могущество, — вставил Джорем.

— Ну, хорошо, сдаюсь. Должен признаться, все это кажется мне очень таинственным, я немного напуган, — согласился Джеффрай. — Я думал, что в Ордене святого Гавриила — там на это есть большие мастера — мне приходилось встречаться со всеми видами тайн. За последние семь лет Ивейн и Элистер познакомили меня с мудростью древних, чьи записи Элистер и Джорем все еще находят в Грекоте. И все-таки я не готов к такому повороту событий. Лишение Дерини их могущества идет вразрез с тем, во что мы верим, и чему нас учили.

— Вы произнесли речь, точь-в-точь как проповедник, милорд архиепископ, — с улыбкой сказал Райс. — Почему это невозможно? В определенных обстоятельствах мы способны наделять могуществом. Почему, в таком случае, кажется невероятным, что его можно забирать?

— Это разные вещи, и ты знаешь об этом, — с упреком сказал Джеффрай. — Наделять людей могуществом и отнимать его у Дерини.

— Я согласна, — произнесла Ивейн, не обращая внимания на то, что разговор слушают Девин, Ансель и Джесс. — Наделение Синхила могуществом было волшебством, основанным на его собственных способностях. А то, что Райс сделал с Грегори, было совершенно иным.

— Действительно! — воскликнул Джорем. — Райс принимал участие в обеих процедурах. Может быть, именно благодаря ему нам удалось передать Синхилу могущество. Мы вынуждены признать, что и в этом случае все дело именно в нем.

Девин, стрелявший глазами то на Джесса, то на брата, больше не мог молчать.

— Погодите минуту! Значит вы трое надели-

158 ли магическими способностями Синхила?

— Вот именно, — ответила Ивейн, — только секрет никогда не покидал этих стен. Но правильнее было бы сказать, что мы обнаружили у Синхила некоторые способности и только помогли им развиваться. — Она взглянула на Райса. — Мы никогда не думали, что Целитель, его личность так влияют на результат. Я, например, считаю, что с Синхилом это было не важно. Но только Целитель способен сделать то, что сделал Райс с Грегори. Я не смогла бы.

— Давайте проверим, — предложил Джебедея. — Пусть Райс попробует наделить могуществом Дерини любого человека. Ты никогда не брался за такое, Райс?

Райс отрицательно покачал головой.

— Нет, и не думаю, что это сработает.

— Почему нет?

— Потому что, по-моему, Синхил и его династия — это нечто особенное. Возможно, есть и другие, но я с ними не встречался. Что же касается существования какой-либо связи со способностью исцелять, то, откровенно говоря, такое не приходило мне в голову, и я не думаю, чтобы это имело какое-то значение. Исцеляя, я чувствую, как энергия покидает меня, но с Синхилом я этого не чувствовал. Кроме того, то же самое было проделано с сыновьями Синхила прошлой ночью, но я не участвовал в этом. Почти все время я находился вне круга.

Постучав пальцами по столу, Джеффрай попросил их внимания.

— Я думаю, это спорный вопрос — наделение могуществом. Райс, ты можешь провести эксперимент на нескольких избранных людях, но, по-моему, ничего не выйдет. Теперь вернемся к Грегори. Как думаешь, долго он оставался бы просто человеком, если бы ты не восстановил его способности?

Райс задумчиво покачал головой.

— Возможно, способности Дерини вернулись бы сами собой, но кто возьмется утверждать это

наверняка. Основываясь на наших более чем скромных знаниях, вынужден признать: вероятнее всего, он оставался бы не-Дерини, пока над ним не совершили бы обратного действия. Без посторонней помощи граф Грегори, потерявший память, даже не пытался бы вновь стать Дерини.

— Это ужасно! — прошептала Ивейн, не в силах скрыть дрожь. — Представьте, может случиться, что через двадцать-тридцать лет не останется ни одного Дерини. Нет, люди не научатся тому, что делает Райс, но если они смогут заставить хотя бы нескольких Дерини... Это ужасно. Но логично.

— Подожди минуту. Только минуту! — заторопился Камбер. — Райс, я верно расслышал насчет возвращения силы без вмешательства со стороны?

— Я сказал, что это возможно, — осторожно ответил Райс. — Всякое возможно.

— В таком случае, мы можем говорить о... о блокировании, а не о потере способностей, — пробормотал Камбер, и его густые брови почти соединились у переносицы. — Если бы они были потеряны, их бы не стало совсем. Тогда их можно было бы вернуть, только пройдя через нечто, подобное тому, что испытал Синхил. С Грегори этого не делали. Райс работал просто как Целитель. Никакого волшебства.

На узком лице Грегори появилось выражение сомнения.

— Но если мое могущество было только блокировано, почему его нельзя было обнаружить? Мне кажется, что такой опытный Дерини, как Райс...

— Нет, подожди, — вмешался Камбер, — В этом-то и вся прелесть. Это было блокирование, в данном случае, это слово самое точное, но на таком глубоком уровне, что другой Дерини не может обнаружить этого, если не знает, где искать. И это можно выгодно использовать.

— Быть Дерини и не быть им, — произнес
160 Джорем. — Ты называешь это выгодным?

— Да, если человек не может доказать, Дерини ты или нет, — парировал Камбер. — Если начнутся преследования, это будет очень полезно.

— Не знаю, — с сомнением сказал Грегори. — Если начнутся преследования, я использую все мои способности, чтобы защитить семью.

— Как бы ты ни готовился к обороне, — убеждал Камбер, — неужели ты думаешь, что в армии не хватит солдат, чтобы добраться до тебя? Если за тобой будут гоняться люди с мечами, ты найдешь время, чтобы использовать свои способности для защиты? Почему-то этого и не понимает большинство людей. Им кажется, что огромные армии Дерини пойдут на них войной и с помощью своих темных магических сил возьмут в плен ...

— А разве Фестилы не сделали этого? — насмешливо поинтересовалась Ивейн.

— Это был молниеносный удар из центра, и ты знаешь это, — ответил Камбер, — точно так же, как и свержение Имре. Дело в том, что если доходит до чисто физического превосходства, люди выигрывают. Чем больше мы будем использовать наше могущество против людей даже в праведной защите, тем больше поводов будет у них обвинять нас и заявлять, что нам служат демоны, злые духи и силы тьмы.

Джеффрай тяжело покачал головой.

— Хорошо, хорошо. Я вижу, к чему ты клонишь, Элистер. И я согласен, что будет просто прекрасно, если люди не смогут обнаруживать Дерини. Но я не уверен, что талант Райса может сделать Дерини незаметным, это еще следует доказать. Так же, как и я, ты отлично знаешь, что существует множество порошков, которые действуют только на Дерини или только на людей, или на людей и Дерини по-разному. Итак, если способности Дерини будут блокированы, эти снадобья подействуют на нас иначе. Мы можем это ут-верждать?

Райс пожал плечами и покачал головой.

— Трудно сказать. То, что я давал Грегори, не может служить доказательством. В работе с ним сказывалось влияние слишком многих обстоятельств. Однако возникает еще один вопрос. Те порошки, что ты имел в виду, действительно применяются во врачевании, но в прошлом они использовались для выявления Дерини и их последующей нейтрализации. Мне говорили, что у королевских тюремщиков имеется полученный из мераши состав для того, чтобы развязывать языки узникам-Дерини. Они научились этому от Дерини, которые были тюремными надзирателями при Имре. Вот наглядный пример того, как давняя неосторожность кого-то из нашей расы помогает ее уничтожению. Мы должны избежать этой опасности. То, что мы узнали, не должно попасть в ненадежные руки.

— Конечно, ведь и среди наших всегда находились свои иуды, не так ли? — мягко произнес Джебедия. И Камбер понял, что тот вспомнил одного из братьев Ордена святого Михаила и мертвого принца, который почил в крошечном склепе под крепостью Ордена.

— Ну, так как же насчет действия порошков на тех, у кого способности блокированы? — продолжал Джебедия. — Будут они вести себя как люди или как Дерини? Райс, ты единственный Целитель среди нас. Что скажешь?

— Думаю, нам придется это выяснять, — ответил Райс. — И если порошки подействуют как обычно, будет головная боль и другие болезненные ощущения. Джеб, кажется, ты хочешь стать добровольцем?

Джебедия уныло усмехнулся.

— Нет, но придется. Сделаю все, что нужно.

— Спасибо. Ивейн, радость моя, не желаешь ли освежить воспоминания о действии мераши? А ты, Джорем?

Джорем кивнул в знак согласия. Ивейн по-

— Я подчиняюсь твоим желаниям, мой господин и любовь моя, я готова вспомнить о мераше, — добавила она. — И все-таки, мне кажется, мы не должны упускать главное. Изучать результаты — это, конечно, прекрасно, но нам необходимо выяснить причину. Мы даже не знаем, можешь ли ты проделать это с другими. Может, вся причина в Грегори!

— Послушайте!.. — Грегори начал распаляться.

— Нет, она абсолютно права, — сказал Камбер, подавшись вперед и оглядывая их. — Возможно, все дело в тебе, Грегори. Хотя, судя по тому, что я видел, я не склонен так думать. Но прежде чем мы отыщем причину, и тем более после того, мы должны решить для себя, как талант Райса в экстренной ситуации может быть использован с выгодой. Если речь идет о блокировании способностей, то можно ли сделать так, чтобы их нельзя было применить, обнаружить или вспомнить о них. Джеффрай, раз уж ты воспитывался как Целитель, тебе первое слово.

— Я сделаю все, что в моих силах. Я знаком с несколькими превосходными Целителями, которые...

— Нет, еще не время, — прервала его Ивейн, покачав головой и подняв руку. — Мне кажется, что пока мы должны строго сохранять этот секрет, как тайну исповеди. Если хоть слово вырвется наружу, если люди вобьют себе в голову, что Дерини нельзя выявить никаким способом, начнется такая резня, что Найфорта покажется невинной детской игрой.

На несколько секунд тяжелая, ужасная тишина повисла в воздухе. В конце концов Джебедия закашлялся, ерзая на стуле и комкая рубаху на груди. Прежде чем начать говорить, он вздохнул, и в этом вздохе воплотились опасения всех сидящих за столом.

— Ивейн права, но возможно, она перегибает палку, — сказал Джебедия. — Новый талант Райса не тема для обсуждения. Конечно, опасность существует, — он торопился отсечь возражения. — У од-

ного моего родственника поместье расположено недалеко от Найфорда, так что я знаю, на что это было похоже.

— Тогда тем более, с чем ты не согласен?

Джебедея покачал головой.

— Мои возражения заключаются в том, что каждый из нас обошел стороной настоящую причину этого заседания, распространяясь о новом таланте Райса. Подумайте об этом. Что важнее с практической точки зрения: новый, неизвестный талант, который может стать опасным, если кто-то узнает о нем и если он окажется в ненадежных руках, или те самые юные бездельники, которые и сейчас разъезжают по дорогам и сеют ненависть к нам, нападая на людей, многие из которых делаются нашими вполне реальными врагами.

— Он прав, — вынужден был признать Камбер. — Это, естественно, возвращает нас к первопричине нашей встречи. Грегори, ты и Джесс дольше всех ездили по дорогам. Ваши предложения?

Грегори посмотрел на сына, тот пожал плечами. Несмотря на то, что он был самым юным из присутствовавших и до этого момента не сказал ни слова, именно он возглавлял патрулирование дорог Эбора, потому что его отец часто бывал занят другими делами. Опыт делал его зрелым не по его шестнадцати годам.

— Трудно быть точным, ваша милость. Обычно жертвы не узнают нападавших. Не думаю, чтобы вы разглядели кого-нибудь из ваших забияк.

— Нет, но если еще раз увижу, то обязательно узнаю. Поэтому я немедленно сообщу все тебе, а Джорем поделится с Девином и Анселем. Это поможет?

— По-моему, да, — вступил Ансель. — Основной нашей проблемой всегда было опознание. Но свидетельство Дерини против Дерини весит куда больше, чем свидетельство человека против Дерини. Ты так не думаешь, Джесс?

— Конечно. О тех вещах, что вы обсуждали ранее, я знаю не слишком много, ваша милость, но о местных дворянах, которые разъезжают по дорогам Долбана и Эбора, я знаю достаточно. Если вы сможете опознать обидчиков, Мак-Рори и я найдем предлог, чтобы заманить и захватить их. Тогда они, по крайней мере, на некоторое время прекратят рыскать по округе.

— Мне это кажется прекрасным планом, — согласился Камбер. — Если к нему нечего добавить, Джорем и я проинструктируем наших юных друзей. Джеб, этого довольно, чтобы удовлетворить твои возражения? Думаю, сегодня больше ничего обсуждать не будем, у нас у всех был очень длинный день ...

Все согласно закивали и загомонили, затем разошлись. В комнате осталось только пять человек. Впрочем, Камбер был уверен, что Грегори будет ожидать снаружи, а возможно, и Джебедея. Затем Джорем сел между своими племянниками и вошел в контакт с ними — это было обычным делом. Камбер обратился к Джессу.

— Итак, Джесс, у тебя есть какие-нибудь особые пожелания насчет того, как лучше установить контакт мозга с новым человеком? По-моему, раньше мы с тобой не работали вместе, не так ли?

— На оба вопроса ответ — нет, сударь, — пробормотал Джесс, доверчиво глядя на Камбера. — Но мой отец учил меня кое-чему, может быть, это поможет. Я знаю, что вы работали с ним.

Камбер улыбнулся и встал, знаком попросив юношу оставаться на месте.

— Тогда должно быть проще. — Он положил руку на плечо Джесса и встал позади. — День был длинным, я устал, так что пусть это будет легкий, хороший контакт. Как только будешь готов, я передам тебе все, что видел. — Он положил обе руки на плечи Джесса, большими пальцами массируя упругие шейные мышцы. — Сосредоточься, расслабься... — прошептал

он, чувствуя, как Джесс глубоко вдохнул, приготовившись принять информацию. — Прекрасно, должен сказать, это будет довольно приятно. Снова вдохни и выдохни...

С этими словами он опустился сразу на два уровня и обнаружил, что сознание мальчика подготовлено так хорошо, как только можно желать. Он закрыл глаза, зная, что и Джесс уже не видит окружающие предметы. Руки Камбера по-прежнему лежали на плечах юноши. Телесное соприкосновение уже не требовалось, просто сохранять позу было легче, чем изменить.

Защиты Джесса отступили с привычной легкостью. Именно этого и ожидал Камбер, зная Грегори. В мгновение ока его впечатления о происшествии на дороге у Долбана передались Джессу. Минуту спустя Камбер вернулся к обычному восприятию и увидел, что Джесс повернулся к нему лицом. На губах мальчика играла довольная, удивленная улыбка, словно он и сам не ожидал легкости контакта.

— Хорошо исполнено, парень, — пробормотал Камбер, одобрительно пожав плечо Джесса и снова усаживаясь. — Сразу видно, кто твой отец. Ты узнал кого-нибудь из этих юных негодяев?

— Конечно, ваша милость. Утром я пошлю людей на их поиски и вместе с графом Девинем и лордом Анселем проверю сам. Благодарю вас, сударь.

— Спасибо тебе, Джесс.

Он наблюдал за юношей, когда тот встал и пошел к отцу, потом обернулся и увидел, что Джорем тоже смотрит на Джесса. Девин и Ансель уже ушли, и на губах Джорема играла легкая усмешка.

— Просто удивительно. Я бы сказал, что Джесс стал для тебя приятным сюрпризом, — сказал Джорем.

— Это ты верно заметил, просто удивительно ... — Камбер потянулся, зевнул и встал. — Или я становлюсь старым, или молодое поколение слишком хорошо обучено. Этот Джесс гладкий, словно шелк,

даже лучше Грегори. От одной мысли, на что он стал бы похож, пройдя воспитание в Ордене Михаила или Гавриила, меня пробивает дрожь.

— Как мы тебя испортили, — произнес Джорем. — Не припомню, чтобы ты говорил такие вещи до вступления в Орден.

Камбер улыбнулся и, обняв сына за плечи, направился с ним к двери, убедился, что за ней никого, кроме Джебедии, нет, и только после этого ответил;

— Ты абсолютно прав. А теперь давай вернемся в Валорет и немного поспим. Одному Господу известно, что эти кровожадные регенты припасли для нас на завтрашний день.

ГЛАВА 10

**Но сейчас тебя и дом твой
будут оплакивать.¹**

Вечером следующего дня Ивейн с Райсом прибыли в покои Камбера, чтобы отужинать с епископом и его секретарем; Райс прихватил с собой и лекарский саквояж. Похороны Синхила были назначены на будущую неделю, и двор пребывал в глубоком трауре, так что в главном зале дворца не накрывали столов для совместных обедов, и обитатели замка трапезничали порознь и, в большинстве своем, весьма скромно.

Гроб с телом короля стоял в дворцовой часовне под охраной отборной стражи и избранных дворян, назначенных регентами. Юных принцев ежедневно приводили помолиться у гроба отца, и им даже дозволяли постоять в почетном карауле, если рядом был кто-то из регентов. Остальное время мальчишки проводили в уединении, которое нарушали лишь недолгие парадные церемонии Алроя с гофмейстерами и регентами. Сумрачным зимним дням эти тягостные обязанности лишь добавляли тоски и уныния.

Таким же невеселым было и настроение Камбера, его детей и Джебедии. Наскоро поужинав, они вновь принялись обсуждать открытие Райса. Решено было, что именно на Джебедии они первым испытают новые возможности, так как он единственный не присутствовал при излечении Грегори. Смущенного Джебедию усадили на стул у камина, Райс встал рядом, Ивейн — чуть позади него, а Камбер с Джоремом уселись напротив. Потирая замерзшие руки, Целитель задумчиво покосился на Джебедию.

— Я пока не стану рассказывать тебе ничего лишнего, — мягко начал он. — С тобой я работал едва ли больше, чем с Грегори, так что начнем мы с того же самого, что и с ним. Расслабься, представь, что перед тобой — обычный Целитель. Готов?

— Как всегда, — отозвался Джебедия, откинулся на спинку стула и прикрыл глаза.

Бросив последний взгляд на Камбера, Райс обхватил руками голову Джебедия с обеих сторон, запустив пальцы в темные седеющие волосы, а большие пальцы прижав к вискам. Джебедия не шелохнулся, только дрожь век выдавала его напряжение. Не давая ему времени разволноваться, Райс внедрился в сознание, миновав прочные защиты, следуя знакомыми путями Целителя и время от времени останавливаясь.

Он еще немного помедлил, а затем проник чуть глубже и почувствовал, что в тот же миг пропали все защиты и способности Джебедия. Осознав, что с ним произошло, Джебедия вздрогнул, открыл глаза, а Райс со сдавленным криком обернулся к Камберу.

— Боже, сработало! — взволнованно прошептал он, отступив от Джебедии, чтобы взглянуть со стороны. — Я был уверен, что именно так и случится, но в глубине души все-таки сомневался. Джеб, с тобой все в порядке?

Джебедия, широко раскрыв глаза, поднес дрожащую руку к виску, провел ей по щеке, и она упала на колени.

— Черт возьми, это самая странная вещь из тех, что мне приходилось испытывать!

— Моя помощь не требуется? — спросил Райс. — Ты уверен, что все в порядке?

Джебедия кивнул.

— Нет, сейчас не надо. Если ты собираешься изучить это, то обязательно нужно, чтобы было на ком это делать. — Он покачал головой. — У меня такое чувство, будто мой разум в ловушке. — Он посмотрел на дверь и снова покачал головой. — Я не могу узнать, что творится за дверью. Ни одно мое чувство, кроме зрения, не может сообщить о вашем присутствии. Матерь Божья, неужели это и значит быть человеком?

— Думаю, да, — с трудом выговорил Райс. — Кто-нибудь из вас хочет проникнуть в его мозг? Я могу ошибаться, но, по-моему, эффект тот же самый, что и с Грегори.

Вместе они читали по разуму Джебедии, который стоически переносил все прикосновения и исследования. Кроме сознания того, что когда-то обладал могуществом, им ничего не удалось обнаружить. А когда Райс блокировал память, и это знание исчезло. Камбер, проникший так далеко, как только сумел, не находил никаких специфических признаков Дерини. Если бы он не знал Джебедию, он не поверил бы, что это не просто человек.

Райс восстановил память старого воина — им нужна была его собственная оценка, однако способности пока не были возвращены. У Райса не осталось никаких сомнений, что он может это сделать. Он открыл свою лекарскую сумку и стал из пакетиков насыпать в маленькие бокалы с вином различные порошки, аккуратно перемешивая содержимое.

Самым важным была мераша, потому что именно мераша была известна людям как средство, обладающее особым действием на Дерини. Даже большая
170 доза на людей действовала просто как успокаи-

тельное, но даже самой малой щепотки было довольно, чтобы на несколько часов совершенно расстроить способности Дерини, нарушить координацию движений и строгую организацию ума. Всем этим мераша была печально известна. Для начала они решили дать Джебедии умеренную дозу, на которую мог рассчитывать любой Дерини, если попадал во власть тюремщиков-людей.

Когда Райс предложил ему один из бокалов, на лице Джебедии появилось выражение тоскливой покорности. Как и все воспитанные по обычаю Дерини, он испытывал на себе подобные порошки и прекрасно знал их действие, но сейчас все могло быть иначе.

— Хочешь, чтобы я выпил все? — спросил Джебедия, подозрительно заглянув в бокал. — Определенно, этого слишком много.

— Я взял много вина. Оно отобьет вкус порошка. Ну, давай же, пей.

Джебедия выпил лекарство, по привычке сморщился, но потом изумленно поднял бровь.

— Послушай, действительно отбило вкус. — Он вернул бокал Райсу. — А ты уверен, что мераша там была?

Глядя на Джебедию, Райс тоже поднял бровь.

— По крайней мере с твоими вкусовыми ощущениями все в порядке, — сказал он, протягивая руку за следующим бокалом. — Попробуй вот это. В первый раз действительно ничего не было, на случай, если ты станешь реагировать на одно название.

Джебедия пожал плечами и поднял второй бокал, Камбер следил за ним еще пристальнее, зная, что именно в этом, а не в первом бокале не было порошка. Джебедия осушил второй бокал так же быстро, как и первый, снова покачал головой и вернул его Райсу.

— И в этом вкуса не чувствуется. И вообще ни одного обычного признака какого-либо зелья. Дрожи в руках нет, зрение нормальное, не тошнит... — Он улыбнулся. — Похоже, твой талант способен нейтрализовать действие мераша, только цель не оп-

равдывает средства. Я изо всех сил стараюсь бодриться, но если ты скажешь, что не можешь сделать все по-старому, я разорву тебя на куски.

— Я сумею вернуть все обратно, — твердо сказал Райс и задумчиво поднял брови. — Кроме телесных, у тебя нет других ощущений? — спросил он, положив руку на лоб Джебедея и проникая в те области, на которых обычно сказывалось действие порошка. Даже глубокий контроль не помог обнаружить признаки влияния мераши на организм пациента.

Спустя несколько секунд Джебедея покачал головой.

— Все, что я чувствую, это прикосновение твоей руки.

— Я так и думал. Ивейн? Еще кто-нибудь?

Все остальные по очереди убедились в правильности суждений Райса. Вздыхнув, Целитель снова положил руки на виски Джебедеи и углубился до определяющей точки.

— Соберись, если можешь. Прошло достаточно времени, чтобы снадобье подействовало. Сейчас ты ощутишь его. Думаю, тебя ожидает удар посильнее, чем камнем из катапульты.

Джебедея дернулся от боли — способности были возвращены, а Райс попытался хоть немного облегчить его мучения. Когда остальные трое вошли в контакт, подтвердилось полное восстановление всех качеств Дерини и влияние мераши на них. Знаком Райс попросил Ивейн передать ему со стола еще один бокал, поднес его к бледным губам рыцаря и велел выпить. Лекарство не сможет нейтрализовать действие мераши — тут поможет лишь время и крепкий сон, — но, по крайней мере, оно спасет от тошноты и ужасной головной боли.

Райс снова применил блокирование, на сей раз уже не спрашивая Джебедею. Это помогло тому выпить содержимое третьего бокала. Он откинулся

на спинку стула, опустошенный, но, по мере того как противоядие оказывало действие, его лицу возвращался нормальный цвет. Спустя несколько минут Райс снова снял блокирование, сохраняя строгий контроль над боковыми точками, на этот раз удар оказался терпимым. Джебедея вздрогнул, закрыл глаза и, застонав едва слышно, стал тереть лоб рукой, но теперь ему стало немного полегче. Спустя еще несколько минут он смог открыть глаза и посмотреть на друзей.

— Было очень плохо? — мягко спросил Райс.

Джебедея удалось слабо улыбнуться.

— И сейчас тоже, мой друг, но уже терпимее. О, Господи, неужели они действительно дают такую дозу в тюрьмах? — Чтобы выговорить эти слова, ему потребовалась вся сила воли.

— Так мне говорили, — ответил Райс. — Когда я во второй раз блокировал способности, это помогло?

Джебедея на мгновение задумался.

— Думаю, да. Хотя трудно сказать наверняка. Тогда я почти ничего не соображал, так что не могу быть уверен. Боже, уж лучше получить рану в сражении, чем пройти через это еще раз!

— Думаю, ни в том, ни в другом необходимости не будет, — сказал Райс. — Хочу, чтобы ты знал: я очень благодарен тебе за то, что ты перенес эту пытку. Хочешь отдохнуть немного?

— Ни на что другое я сейчас не годен, — ответил Джебедея, задумчиво покачав головой. — Просто погрузи меня в сон. Может быть, когда я проснусь, все это покажется обычным кошмаром.

— Твой доктор согласен с диагнозом и средством лечения. — Райс улыбнулся, взял Джебедию под руку, когда тот подался вперед, чтобы встать, и знаком велел Джорему поддержать рыцаря с другой стороны. — Сейчас мы отведем тебя в комнату Джорема и уложим спать, Утром ты будешь чувствовать себя намного лучше.

— Хорошо бы, — пробормотал Джебедея, нетвердо ступая между ними. — Если будет хуже, я просто умру.

Пока они помогали Джебедеи устроиться, Камбер взглянул на Ивейн. То, чему он стал свидетелем, потрясло его больше, чем хотелось бы. С уверенностью, выработанной за годы совместной работы с Целителем, он знал — следующей на очереди будет его дочь. Она тоже знала — это говорили ее глаза. Камбер подошел, крепко обнял дочь и отпустил только тогда, когда Райс и Джорем вернулись.

С притворной улыбкой Ивейн заняла освобожденный Джебедеей стул. Райс взял со стола бокал и задумчиво посмотрел на него, затем, на что-то решившись, он передал бокал Джорему и сел на стул рядом с женой.

— Прежде чем ты выпьешь это, я должен убедиться, что лекарство подействует на тебя так же, как и на Джеба. — Он слегка сжал ее виски. — Если можешь, сопротивляйся как можно меньше, нет, как можно больше, — поправился он. — О, Боже, определяющая точка не защищена, как обычно! Я не могу проникнуть привычными путями, но эта точка совершенно открыта. Ты чувствуешь, что я подобрался к ней?

Она выдохнула:

— Нет.

Райс взглянул на Камбера и Джорема.

— Вы хотите следить за тем, что я делаю? Думаю, операция пройдет почти так же, как было с Грегори.

Камбер положил ладонь на руку Райса и почувствовал, что Джорем делает то же самое. Ведомые Райсом, они проникли в разные уровни сознания, блуждая в поисках незащищенных путей. Камбер сам ни за что не смог бы добраться до этой точки, да и Джорем тоже. Способность тонко различать уровни, которой менее одаренные Дерини не обладали, была преимуществом Целителей. Камберу было важно знать, только ли Целитель может влиять на эту точку.

В который раз он сожалел, что талант Целителя не был и его даром.

— Вот так ты будешь себя чувствовать, — мягко произнес Райс, глядя Ивейн в глаза.

Камбер почувствовал, как что-то сдвинулось, и все было уже сделано. Ивейн удивленно заморгала, стараясь быстро оценить ситуацию, как ее всегда учили, но, кроме обычного человеческого зрения и слуха, ничто не посылало сигналов сознанию. Она была слепа!

Ивейн обратилась к Райсу, руки которого по-прежнему сжимали ее голову.

— На меня это тоже подействовало. — Она старалась заглянуть ему в глаза. Сейчас ничего, кроме этих глаз, Ивейн не видела, хотя они привыкли общаться в прямом мысленном контакте.

Райс вернул ей обычные способности Дерини, наклонился и крепко поцеловал в губы. У него щемило сердце.

На мгновение Ивейн прижалась к мужу, но потом отпрянула и глубоко вздохнула. Увидев, что она кивнула, Райс взял у Джорема бокал и передал жене.

— Ты уверена, что хочешь это сделать?

— Нет. Мераша мне не нравится, но то, что я пережила, понравилось мне еще меньше. Давайте скорее разберемся с этим, и пусть все будет позади.

Она осушила бокал, широко раскрыла глаза и покачала головой, потом откинулась на спинку стула и еще раз глубоко вздохнула.

— У меня остался ужасный привкус, — спустя несколько секунд с трудом выговорила она. — Язык костенеет, в глазах мелькает и двоится.

— Обычная реакция, — ответил Райс: профессионал вновь взял в нем верх, когда он сжал запястье Ивейн. — Сейчас действие немного медленнее, чем это было с Джебедией, реакция будет усиливаться.

Она, морщась, закрыла глаза. Райс положил свободную руку на ее лоб.

— Расслабься, любовь моя. Я знаю, что становится хуже. Вдохни глубоко и растворись во вдохе. Присоединяйтесь ко мне. — Райс повернулся к остальным. — Теперь действие зелья вошло в полную силу. Ее защиты разрушены. Способности Дерини я не блокировал, но воспользоваться ими практически невозможно. Если бы она попыталась, что-нибудь, может, и получилось бы, но совсем не то, что надо. Самоконтроля больше нет. Это классическая картина действия мераши, такое нам всем приходилось испытывать. А теперь я воздействую и поверну этот рычажок...

Как только он произнес последнее слово, веки Ивейн вздрогнули, и она посмотрела вокруг. В ее взгляде больше не было страдания. Не было и следов могущества Дерини. Они исследовали ее мозг, а она оглядывалась вокруг, удивленная исчезновением действия мераши, которое так мучило ее только мгновение назад. Когда все убедились в исчезновении способностей Дерини, Райс поднес к губам жены еще один бокал и дал выпить. Затем проводил ее в соседнюю комнату и уложил в постель Камбера, не снимая блокирования, куда не убедился, что второй бокал сделал свое дело. Вернувшись, он нашел Камбера и Джорема сидящими у камина и, не говоря ни слова, сел на стул между ними. Словно опомнившись, правой рукой Райс коснулся лба Джорема. Прежде чем тот смог отреагировать, Райс передвинул и тут же вернул в обратное положение тот самый загадочный рычажок, оставив Джорема изумляться и качать головой.

— Так я и думал, — сказал Райс, глядя на пламя камина и потирая глаза. — Я начинаю уставать. Помому, это похоже на передачу энергии при исцелении. Но, очевидно, этап подготовки отсутствует. Это тоже необходимо было узнать. Джорем, ты не испытал каких-нибудь побочных ощущений?

— Была... чернота на какую-то долю секунды.

176 — Джорем сглотнул. — Райс, ты пугаешь меня!

— Знаю. Я сам себя боюсь. — Райс глубоко вздохнул и посмотрел на Камбера. — Думаю, нашим следующим шагом в познании должна стать проверка того, как это влияет на нашу способность изменять облик. Если влияет, наше открытие становится особенно опасным для тебя. Вдруг не только я могу манипулировать способностями Дерини.

Камбер был убежден, что странное явление может принести многие неприятности и беды, но от последних слов Райса невольно напрягся и пристально посмотрел на зятя.

— Есть только один способ выяснить это? — спросил он ровным голосом. — Давай. Я готов.

Камбер почувствовал прикосновение руки Райса ко лбу и, когда контакт был установлен, закрыл глаза, зная, по крайней мере, хоть что-то из того, что должно произойти. В это мгновение способности Дерини повиновались ему.

А потом наступила темнота, словно кто-то выключил свет и окутал сознание тяжелым непроницаемым шерстяным полотном. Камберу пришлось открыть глаза, чтобы увидеть Райса. Он очень удивился, что, как и секунду назад, тот сидит на стуле. Он знал, где находится и что случилось, но не мог вспомнить свои ощущения, он знал только, что что-то было утеряно.

Его внешность не давала повода для беспокойства. Камбер видел, как внимательно разглядывают его Райс и Джорем, догадывался, что, должно быть, они исследуют его разум, но ничего не чувствовал. Мгновение спустя Райс улыбнулся и кивнул, коснувшись кончиком пальца его виска, и его сознание снова вернулось. Чувствуя легкое головокружение, Камбер тряхнул головой.

— Кажется, я так и остался Элистером, — после короткой паузы прошептал он.

— Именно, — согласился Райс. — Как это ни странно, твое опасное второе «я» осталось скрытым, хотя если кто-нибудь захотел бы поискать его,

то, возможно, докопался бы. Теперь, по крайней мере, мы знаем, что я могу сделать это с каждым. И мы знаем, как действует мераша. А теперь осталось испробовать только поддюжины порошков и посмотреть, как они действуют на Дерини с блокированными способностями. Думаю, нам предстоит тяжелая неделя, не говоря уже о том, что добровольцев у меня нет.

Ни Камбер, ни Джорем не стали оспаривать это утверждение.

* * *

Всю оставшуюся неделю продолжались эксперименты. Порошки Райса были сначала испытаны на Грегори и Джессе, затем на Девине и Анселе, а потом их попробовали Джеффри и Джебедия. К празднику святого Тейло, на который были назначены похороны Синхила, все они нуждались в передышке, хотя бы на время церемонии.

Похороны Синхила прошли с огромной пышностью и достоинством. На них регенты немало позаимствовали у церкви и в казне. За последние тридцать лет Гвиннеду не случалось видеть погребение царствовавшего монарха. Синхил не был ни очень хорошим, ни обожаемым королем, но он был человеком и Халдейном, он сверг с престола Имре и не дал его сестре вернуть трон Фестилам. Никто не мог отрицать, то были благие деяния, и народ был по крайней мере благодарен Синхилу за это.

Но, несмотря на их своеобразную признательность, они не понимали его. Не любили за набожность, которая заставляла Синхила страстно желать возвращения духовного сана и отдаления от дел государства, которое досталось ему ценой огромных усилий. Зато все понимали, что Синхил, не будучи необыкновенным или особенно мудрым королем, проявлял подлинную

178 заботу о благосостоянии своего народа, хотя по-

рой и не знал, как лучше править или выбирать себе советчиков. Он был много лучше ребенка, наследующего престол Гвиннеда.

Ясно было, что по крайней мере два следующих года страной будут править регенты. Среди соотечественников-людей их персоны были популярны, но все-таки они были только людьми, а народу было прекрасно известно, как трудно устоять от искушения и не воспользоваться своим положением при дворе, чтобы получить звания и земли. Нет, регенты — это нечто совсем иное, чем монарх на престоле.

И все же народ не могла не трогать беззащитная прелесть трех принцев. Никто о них толком ничего не знал — всю жизнь отец тщательно оберегал детей от толпы, — но, по слухам, наследник и младший принц были умными прелестными мальчиками, хотя первый был слаб здоровьем.

О среднем сыне, увечном принце Джеване, носившем печать Божьей кары, особенно не распространялись. Кое-кто сочувствовал мальчику, но не было ни одного человека, который пожалел бы, что именно Алроя, а не Джевана коронуют в мае, в день двенадцатилетия близнецов. Хотя закон этого и не запрещал, считалось, что калеке не пристало сидеть на троне Гвиннеда.

Но все могло перемениться, с легкой руки регентов. Правда, ходили слухи, будто днем и ночью с мальчиком должен находиться Целитель. Возможно, он умрет и этим прекратит смятение в умах. Если спросить об этом регентов, то, ответив они по чести, пришлось бы признаться, что печальный исход в видах государственных был рациональным решением. Райс Майкл был на полтора года младше Алроя и Джевана, и до его совершеннолетия было еще далеко.

Первым появлением принцев на людях после смерти Синхила, если не считать кратких визитов в часовню, было участие в погребальном шествии — они шли за гробом отца. От замка, где тело

умершего короля находилось всю последнюю неделю, процессия двинулась по узким извилистым улочкам и в конце концов достигла собора Всех Святых.

Алрой с золотым обручем наследника на голове, блестящем в черных волосах, шел, не глядя по сторонам, с высоко поднятой головой, бледный и суровый. За последнюю неделю он получил множество наставлений. Его черные одежды приличествовали случаю, но на груди и спине помещался ярко расцвеченный герб Халдейнов — знак, отличающий наследника. Братья шли за ним, так же одетые в черное.

Джеван хромал меньше обычного, удивляя тех, кто его раньше не видел и поверил слухам о чудовищном увечии. Он держался так же холодно и царственно, как и его брат. Городские зеваки никак не могли знать об утренних манипуляциях Тависа, смягчавших боль, причиняемую ходьбой, не знали они и цены этой прогулки, которая будет заплачена сегодня ночью. Сейчас Джеван был настоящим принцем, и никто не должен был в этом усомниться.

Рядом с братом уверенно вышагивал Райс Майкла, похожий на эльфа. Его так и подмывало улыбнуться и помахать толпе рукой.

Далее следовали регенты, все, кроме епископа Хьюберта, который помогал в устройстве церемонии погребения и уже ждал в соборе с остальными прелатами. Они шли четверо в ряд, облаченные в траурные одеяния, переполненные сознанием собственной значимости для будущего Гвиннеда.

Погребальную мессу по Синхилу служили архиепископ Джеффрей и епископы Келлен и Мак-Иннис — дружившие с королем, но не между собой. Служба была наилучшим прощанием с набожным королем. В соборе теснились люди и Дерини. Когда месса окончилась, тело Синхила опустили в усыпальницу под полом собора, рядом с могилами королей династии

180 Фестилов, которые когда-то правили Гвиннедом.

Регенты объявили, что позднее гроб Синхила будет перевезен в Ремут и присоединен к праху предков Синхила, а двор вернется в прежнюю столицу Халдейнов, как только будет сделан необходимый ремонт. Регенты позаботились даже о могилах отца Синхила — Алроя, известного как Ройстон, и деда — Эйдана, известного под именем Даниеля Тряпичника.

Это заявление представляло новую власть в выгодном свете. Проявление набожности и уважения к прошлому нашло отклик у людей и Дерини. С переездом в старую столицу связывали будущее процветание династии Халдейнов и надежды на мудрость новых правителей. Начало регентства, казалось, дает к этому повод.

В первые недели после похорон Синхила регенты очень заботились о том, чтобы ни одним неосторожным поступком не разрушить ловко созданное ими представление.

Пока двор носил траур, регенты занимались приготовлениями к предстоящей в мае коронации Алроя, утверждая свою стратегию на месяцы и годы вперед. Совет избавился ото всех Дерини, кроме единственного — архиепископа. Теперь главной задачей регентов стало выдворение Дерини из замка, устранение их влияния на принцев.

Для начала мальчиков расселили по отдельным комнатам. Расположенные в одном крыле, они разделялись комнатами прислуги и самих регентов. Уроки проводились как обычно, только нагрузка стала еще больше, а учителя строже. Очень часто Алрой отсутствовал на занятиях, все так же проходивших в детской. Регенты сочли, что он сможет научиться большему, путешествуя по своему королевству и осматривая владения. На самом деле все это было частью программы, рассчитанной на его изоляцию и все возрастающую зависимость от регентов.

Чтобы избежать гнева Джевана, Тавису позволили остаться при дворе, но, по слухам, дни

его были сочтены. Он был одним из тех Дерини, которые пришлось не по вкусу регентам, и знал это.

Для Дерини, уволенных со своих постов, как, например, для Камбера, недели конца февраля и начала марта стали временем приготовлений к новым занятиям и новой жизни. Многие, предвидевшие свою отставку, заранее занимались тем же. Архиепископ Джеффрай просил Камбера участвовать в церемонии коронации Алроя, дав повод задержаться в столице и, возможно, выяснить кое-что из планов регентов, но рано или поздно отъезд был неизбежен, и Камбер это понимал. К счастью, у него все еще была Грекота. По крайней мере, в Грекоте он сможет действовать без опаски.

Камбер делил время между молитвой и размышлениями о судьбах своего народа, не забывая оказывать услуги и демонстрировать всяческую приязнь тем, кто оставался при дворе. Используя свои связи, он постарался разузнать как можно больше о тех людях, в чьи жадные руки попало будущее Гвиннеда.

Словно всего этого ему было мало, Камбер еще и приглядывал за борьбой Девина и Анселя против шаек, бесчинствующих на дорогах и все более досаждавших путникам. Не без помощи Джорема личности некоторых были установлены.

Девин, граф Кудский, поймал и повесил двоих своих подданных за изнасилование и убийство жены фермера из Чилдермаса. На дорогах стали появляться и банды людей. Время от времени между ними и Дерини возникали жестокие стычки. Полагали, что именно такая шайка людей спалила монастырскую школу в Барвике, учениками которой были преимущественно Дерини. В Эборе тоже было неспокойно. Из тех, кто нападал на Камбера и Джорема, полдюжины были опознаны Джессом и его отцом, всех поймали и водворили за решетку. В первую же ночь юных бездельников едва не захватила и не повесила взбешенная толпа людей. Спасти заключенных солдатам Грегора

ри удалось ценой жизни четырех Дерини и двух людей. Пленников поместили в более безопасные камеры, но Грегори сомневался, что продержит их долго. Отцы юношей требовали освобождения узников, раз граф Эборский не может обеспечить их безопасность. Кроме того, в сущности, эти злодеи были просто-напросто мальчишками.

Перед лицом таких потрясений Камбер выдвинул идею, для решения которой талант Райса был просто необходим. На разработку общего принципа у него ушли недели, не меньше времени были потрачено на всестороннее обсуждение с Райсом, Ивейн и Джоремом. С Джебедией они целые сутки обсуждали военные и религиозные стороны дела и спорили о том, что может помешать исполнению планов.

В конце концов Камбер убедился, что это ужасная идея, что есть только тень надежды на ее осуществление, но другого пути попросту не было. Его необходимость диктовало реальное положение их расы, избранный путь мог обеспечить выживание Дерини. Он был рассчитан так тонко, что выход из игры одного из исполнителей плана ставил под сомнение не только всю затею, но и само существование Совета.

Все же это было лучше, чем ничего. К тому же существовала надежда, что до исполнения этого отчаянного замысла дело не дойдет, но все приготовления надлежало сделать. Если план будет не нужен, их легко можно свернуть.

— Я знаю, все это рискованно, — произнес Камбер сразу после того, как они с Джебедией изложили суть идеи Совету, собравшемуся за огромным столом слоновой кости. — Но, по крайней мере, план дает шанс выжить некоторым представителям нашей расы, особенно самым обычным Дерини без выучки и положения, которые не знают наших методов защиты.

— Сомневаюсь, — Джеффрай покачал головой. — Во-первых, мне не нравится, что идея бу-

дет преподнесена под прикрытием церкви. Существует уже достаточно религиозных мистификаций, и нет нужды выдумывать еще одну.

— Согласен, — сказал Камбер. И если бы ты только знал, сколько, подумал он. — Но ты не станешь отрицать, что это отличноекрытие.

— Да, я полагаю, — Джеффрай вздохнул, по меньшей мере, в четвертый раз за вечер. — Но это не единственное мое возражение.

Камбер улыбнулся.

— Я на это и не надеялся.

— Я серьезно! — обиделся Джеффрай. — Кроме сомнительных теологических аспектов твоего предложения, весь план висит на возможности обучения других Дерини тому, что может делать Райс. А что если они не смогут? Если так, представь, что с Райсом что-то случится. Ведь мы не знаем, могут ли способности возвращаться сами по себе. Это будет означать такую же верную смерть нашего народа, как и от меча людей или пламени костра.

— Может быть, способности Дерини можно передать детям, даже если могущество их родителей блокировано, — спокойно сказала Ивейн. — Может быть, дети так и останутся Дерини?

— А может, и нет! — резко вмешался Грегори. — У тебя есть дети, Ивейн. Хочешь, испытаем на них?

Ивейн отрицательно покачала головой, а Джебедия вздохнул и пожал плечами.

— Возможно, нам придется воспользоваться и этим, Грегори. Существует еще и вероятность, правда, ничтожная, что наши страхи относительно преследований никогда не сбудутся или гонения будут не такими жестокими.

— Да, а еще вероятно, что змеи могут летать! — глобокомысленно продолжил Грегори. — Давай дальше, Джеб, тебе лучше знать. Скольких твоих офице-

ров перевели на другие должности и заменили

на фаворитов регентов еще до того, как ты был лишен звания маршала? Скольких наших друзей и знакомых выгнали, а на их места назначили людей, о которых мы никогда раньше не слышали, но у которых были рекомендации регентов? И, наконец, есть наши же с вами соплеменники, которые просто-таки призывают регентов начать на нас охоту, те, которых Джесс, я и твои племянники, Ивейн, стараются поймать, пока они не спровоцировали еще более кровавую бойню, чем при Найфорде.

— Но банды, орудующие на дорогах, не несут ответственности за случай в Найфорде, — возразила Ивейн. — Кроме того, я думала, что с ними уже справились. Ты сам так говорил.

До предела возбужденный, Грегори положил руки на стол и перевел взгляд на хрустальный шар, висевший над центром стола.

— Моя дорогая девочка, как ты можешь быть столь наивной? Это же малая толика! Слезинка в безбрежном море! Если бы не осталось больше банд, если бы нападения прекратились немедленно, прямо нынче вечером, все равно было бы уже поздно! Ты говоришь, что преследований может и не быть? А я говорю, что они уже начались и увеличиваются понемногу исподволь. С нашими чудесными, лицемерными, всей душой ненавидящими Дерини регентами, когда остается еще два года до совершеннолетия нового короля или его близнеца, если Адрой не проживет долго или больше трех лет, если Райс Майкл взойдет на престол до своего совершеннолетия, можно заключать пари на то, что станет только хуже! Единственные вопросы, которые меня интересуют, — это насколько хуже и как скоро. — Он резко откинулся на спинку стула. — Прошу прощения. Это долго накапливалось. Но именно это я чувствую.

Потрясенные, все молчали, уставившись на Грегори. Камбер прочистил горло и оглядел свой Совет внимательным взглядом. Они заслужили эту

гневную речь за то, что были так далеки от реальности, так долго надеялись на удачу... Но, возможно, было еще не поздно...

— Твои предупреждения приняты к сведению, — произнес Камбер, теперь мысля как Элистер. — Вероятно, всем нам следовало обратить побольше внимания на серьезное положение вещей. Мы понимали, что происходит, но, думаю, только после смерти Синхила это стало принимать угрожающие масштабы. Мы не можем более рассчитывать на его влияние, защищавшее нас хотя бы немного. Остались бесцеремонные, алчные регенты, следующий шаг которых предугадать невозможно, однако их настроение совершенно ясно: они не любят Дерини! Думаю, до коронации мы должны решить, что собираемся предпринять для защиты своего народа и каждого Дерини в отдельности. И, откровенно говоря, у меня вся надежда на талант Райса.

Все согласно закивали, и даже Грегори промолчал, не возразив. Камбер взглянул на Райса, за ним — остальные... Целитель пристально разглядывал свои руки, лежавшие на столе ладонями вниз, красивые, изящные руки с тонкими пальцами и короткими ухоженными ногтями. Райс чувствовал внимание окружающих, но не прервал изучения своих рук. Когда он заговорил, его голос был едва слышен.

— Вам интересно знать, почему я так внимательно изучаю свои руки, — мягко произнес он, не поднимая глаз. — Для этого есть причина. Это руки Целителя, предназначенные для служения человечеству — людям и Дерини одинаково. Много лет назад я поклялся в этом клятвой Целителя. Очень часто в этих руках я держал жизнь, иногда и ваши жизни. Теперь же оказывается, что в них находятся жизни целого народа. Вас не удивляет, что мне очень тяжело? Грегори, сегодня ты у нас пророк, наша Неста, предсказавшая падение Каэрисса.

Только вот Несте никто не верил, а она оказалась права. Надеюсь, что ты не прав. — Наконец

он поднял глаза и устремил взгляд на Грегори. — Но даже если прав, я не готов к этой битве. Думаю, и другие тоже не готовы, иначе мы не собрались бы здесь в поисках чуда. Ты нужен нам, Грегори. Нам нужна твоя сила, да, ты нужен нам, чтобы, как и сегодня, предупредить нас, когда мы уйдем в сторону от главной цели.

— Я с вами, — угрюмо сказал Грегори, и его светло-голубые глаза вспыхнули. — Я никогда не говорил, что собираюсь уйти или что сомневаюсь в вас. Просто... черт бы все это побрал! Я солдат! Я не понимаю поэзии. Разговаривай со мной так, чтобы мне было понятно!

— Хорошо, — отрубил Райс. — Хочешь быть военным, я тоже могу им стать. Факт: мы установили, что специальные порошки, доступные людям, безвредны для Дерини с блокированными способностями. Это означает, что Дерини можно спрятать под самым носом у ищеек, и если никто не знает, что они были Дерини, их никогда не найдут. Для тех, чья принадлежность к нашей расе была известна, это означает переселение. Но об этом потом. Следующий факт: к несчастью или к счастью (зависит от точки зрения), мой талант скорее всего является исключительным преимуществом Целителя. Возникает вопрос: можно ли обучить этому других Целителей, или я единственный в своем роде? И могут ли все Целители делать это или только несколько? Маленькое отступление. Джеффрай, ты предлагал познакомить меня с другими Целителями. По-моему, ты имел в виду членов Ордена святого Гавриила?

— Именно.

— Отлично. Не забывай о том, что нам придется рассказать им краткую предысторию, включая и некоторые сведения о Совете. Так о ком ты говорил?

— Во-первых, это отец Эмрис, — ответил Джеффрай. — Нигде не найти лучшего Целителя, чем наставник Целителей. Хотя много лет назад он отказался войти в Совет, думаю, нам не следует опасаться за

его благоразумие. Я бы доверил Эмрису свою душу и, между прочим, однажды уже сделал это.

Легким смехом встретил Райс задумчивую улыбку Джеффрая.

— Я знаю, о чем ты. Так и думал, что ты назовешь его, и сам собирался это сделать. Под началом Эмриса я обучался совсем недолго, и тем не менее уважаю и почитаю его. Хотя у меня есть некоторые сомнения насчет его возраста. Кажется, наставнику около восьмидесяти?

— Может, и больше. Но у него прекрасное здоровье. И уж если кого-нибудь можно обучить твоему умению, так его в первую очередь, К тому же он поможет обучить остальных.

— Существенное замечание. Прекрасно. Кто еще?

— Кверон Киневан, — ответил Джеффрай. — Я не видел его уже несколько лет, и все же он один из самых лучших Целителей, которых я знаю. Некоторые из вас должны помнить его выступление в синоде, канонизировавшем святого Камбера. Извини, Джорем, что пришлось затронуть это, но его речь была просто великолепна.

— Я знаю, — прошептал Джорем.

— Знаете, где он сейчас? — продолжал Джеффрай. — Кажется, вы говорили, что несколько недель назад встретили его в Долбане?

Когда Джеффрай заговорил о способностях Кверона, Джорем опустил глаза, и Камбер понял, что сын вспомнил свою леденящую кровь встречу с Целителем в синоде, на которую намекнул Джеффрай. Тогда Джорем едва не уступил безжалостному напору и не раскрылся перед Квероном, чуть не выдав тайну перевоплощения отца. Элистеру Келлену тоже едва удалось уклониться от настойчивого Кверона. Отец и сын до сих пор испытывали страх, вспоминая тогдашние встречи с Квероном, и его способность рас-

188 крыть любой обман не казалась им излишне

преувеличенной. Если Кверон станет изучать талант Райса, Джорем будет вне опасности, а вот Райс, возможно, окажется в затруднительном положении. Ни Камбер, ни его родные не желали, чтобы Кверон поддерживал слишком глубокий контакт с теми, кто знал правду о Камбере.

Не решаясь заговорить первым, Камбер взглянул на Джорема и уловил посланную им мысль, тревожную, гневную и все же сдержанную. Он наблюдал, как Джорем, глубоко вздохнув, осторожно поднял глаза на Джеффрая.

— Простите, сэр. У меня слишком яркие воспоминания о Квероне. Время немного залечило раны. Да, мы видели Кверона в Долбане. Мы даже посетили храм.

— Правда? — на узком лице Грегори был написан восторг, смешанный с удивлением. Несмотря на все старания Элистера, он оставался ревностным почитателем святого Камбера. — Джорем, ты не представляешь себе, как я рад это слышать. Я знал, что так в конце концов и случится. Твой отец, причисленный к лику святых...

— Его отец, причисленный к лику святых, — мягко прервал его Камбер, покачивая головой и стараясь улыбнуться, — все еще является для Джорема деликатной темой разговора, и ты знаешь об этом; Грегори. Не вернуться ли к делу? — Он снова повернулся к Джефффраю. — Понимаешь, я знаю Кверона лишь по нескольким встречам, по большей части в синоде. Он обладает впечатляющими способностями Дерини. Но я не Целитель и не могу судить об этих его талантах. Расскажи об этом подробнее. Вы вместе воспитывались в гавриилитском Ордене. Ты знаешь о его возможностях больше, чем кто-либо из нас.

Джефффрай откинулся на спинку стула и оглядел их, постукивая по зубам своим перстнем архиепископа.

— Я уже говорил, Элистер, что не встречал никого лучше, — заговорил наконец архиепи-

скоп. — Когда-то, еще до того, как я стал епископом и оставил Орден, мы были очень близки. В его лучшие годы все Целители выглядели учениками-первогодками в сравнении с Квероном. В те времена вы не нашли бы более опытного Целителя, чем он, вне этих стен, конечно, — закончил он, кивнув на Райса.

— А теперь? — спросил Райс. — Никаких пустых комплиментов, Джеффрай, Я должен знать. По его собственному признанию, он не обременял себя ролью Целителя вне своей общины. Это может иметь значение, а может и не иметь.

— Это одна из причин, почему я назвал Эмриса первым, — ответил Джеффрай, — хотя я не думаю, чтобы Кверон что-то утратил. Я видел, как он делает то, что заставляло меня изменить представление о многом. Он всегда был мечтателем, идеалистом. Доказательство тому — уход из Ордена для служения святому Камберу. Ты, напротив, обеими ногами твердо стоишь на земле. Но тоже не страшишься окунуться в неизвестность. Как, например, с новым умением Целителя. Хотя я и нечасто был свидетелем твоей работы, но все-таки думаю, что ты под стать Кверону. — Он помолчал. — Нужны другие сравнения?

— Нет, спасибо, — ответил Райс.

— Хорошо. Итак, — сказал Джеффрай с легкой усмешкой, — я предлагаю вам продолжить вместе с Эмрисом и Квероном. По-моему, Элистер тоже необходим, раз он наблюдал за твоей работой больше всех, пригодятся и остальные, кроме разве что твоей жены. И еще, с Квероном скорее всего поладил бы еще один священник и тот, кто каким-то образом связан со святым Камбером, — добавил он, явно имея в виду Джорема. — Но я вовсе не настаиваю.

Тайная радость Камбера, вызванная последними словами Джеффрая, почти пересилила нежелание встречаться с Квероном. По крайней мере ему как

контакт с Квероном, как Райсу. А так как Кверон впервые увидел Элистера Келлена только после перевоплощения Камбера, а прежнего Камбера не знал вовсе, секрет мог быть сохранен. Однако и он, и Райс могут стать уязвимыми в контакте при демонстрации нового умения Райса Кверону. С ним нужно будет вести себя так, чтобы у не в меру проникательного святого отца даже мыслей не возникло заглядывать в сознание Райса поглубже.

— Хорошо. Тогда решено, — сказала Ивейн и положила руки на стол. — Думаю, вам нужно тщательнее обсудить смысл будущей работы наших Целителей, если, конечно, таланту Райса можно обучить. Мы это обходили стороной, избегали самого главного, но теперь настало время. Элистер?

Камбер медленно кивнул.

— Хорошо. Идея нравится мне не больше вашего, но она выглядит самой безвредной. В истории есть такие примеры. Случаи исчезновения народа и его последующего возрождения известны еще с библейских времен. Иоанн Креститель не был ни первым, ни последним проповедником этой идеи.

— Действительно, — подтвердил Джеффрай. — Но здесь другой замысел — самоуничтожение Дерини, чтобы спрятать нашу расу и не исчезнуть в самом деле. Что ни говори, это ход гения, Райс.

Райс пожал плечами.

— Ну не знаю насчет гения. Мне все еще немного не по себе. Но это может сработать.

— Это работает, — сказала Ивейн. — И чтобы заставить это работать, нам потребуется прикрытие — человек, чьи мотивы не будут вызывать подозрений ни у нас, ни у тех, кто будет под его началом.

— И у тебя есть отличная кандидатура, — догадался Джеффрай, улыбка тронула уголки его рта. — Ах, Ивейн, дитя мое, вижу, ты в полной мере унаследовала легендарную двуличность своего отца.

— Будем считать, что это был комплимент. Помому, вы предвзяты, — парировала она с двусмысленной улыбкой. Джеффрай кивнул.

— Пусть так. Ну и кто же этот сосуд добродетелей, который подходит на роль вопиющего в пустыне.

— Его зовут Реван. Кое-кто из вас уже встречал его.

— Реван? — Брови Грегори удивленно поползли вверх. — Это...

— Да, да, тот самый.

— Кто это — Реван?

Ивейн опустила глаза, с неохотой вспоминая о прошлом.

— Во времена правления Имре некий лорд Раннульф, Дерини, был найден убитым в одной из деревень моего отца. Хотя в убийстве обвинили виллимитов, Имре велел казнить пятьдесят крестьян. Мой брат Катан попытался вмешаться, и ему была подарена одна жизнь на выбор. Он выбрал тринадцатилетнего Ревана. После убийства Катана я взяла Ревана к себе и проследила за продолжением его обучения. Последние пять лет он был наставником младших детей.

— И ты думаешь, что он подходит для нашей цели? — спросил Джеффрай. — С его связями с Дерини?

Джебедея поднял бровь, собираясь возразить.

— А вам не приходило в голову, что именно те самые связи с Дерини могут стать отличным прикрытием? Те, кто следит за подобными вещами, вспомнят его участие в деле Раннульфа и его мнимые связи с виллимитами. Кстати, говорят, что виллимиты опять набирают силу. Мои люди докладывали, что целая община виллимитов живет на холмах недалеко от аббатства святого Лиама. Если мы пристроим туда Ревана, то сможем хорошо замаскироваться. Виллимиты ненавидят Дерини, хотя среди них есть и Дерини-ренегаты, которые используются для считывания мыслей.

— Ренегаты? — Джеффрай задумался. — Если
192 у Ревана будут считывать мысли, его личина

должна быть безупречна. Интересно, неужели виллимиты действительно так ненавидят Дерини? Представим себе, что Ревану не удастся убедить их в своей истории.

Джорем скрестил руки на груди и насупился.

— О нет, он убедит. Он обладает всеми признаками пророка-мессии. Когда Катан отыскал его, он был учеником плотника, при ходьбе он немного прихрамывает, как принц Джеван ...

— Достаточно! — прервала его Ивейн. — Я знаю, что ты не одобряешь этот план, и знаю, почему. Но раз у тебя нет лучших предложений, я буду благодарна, если ты оставишь и свой трепет, и благонравные замечания при себе!

Рассерженный и смущенный, Джебедея хлопнул рукой о стол слоновой кости.

— Прекратите это! Вы оба! Это оскорбляет...

— Это тебя не касается, Джеб! — прервал его Джорем. — Не мешай. Ивейн, мне начинают надоедать твои...

— Дети! — Камбер резко поднялся. За словом было скрыто родительское недовольство, а голос подчеркивал негодование Элистера. Джорем и Ивейн застыли, прикусив языки, удивляясь сами себе.

— Приношу извинения, отец Элистер, Джорем, Джеб, — пробормотала Ивейн, не глядя ни на брата, ни на отца. Джорем тоже опустил голову.

— Ивейн, Джеб, прошу меня простить. Но вы же знаете, что я чувствую в подобных ситуациях. Элистер, мне очень жаль, что пришлось втянуть тебя в это ...

— Я понимаю, сын мой, — пробормотал Камбер, снова садясь, обрадованный, что инцидент был так быстро исчерпан, хотя ему по-прежнему была хорошо заметна враждебность Джорема. — Мы поговорим об этом позже. А теперь не должны ли мы вернуться к теме разговора? Грегори, Джеффрай, все, кроме вас, более или менее знакомы с Реваном, мы считаем, что он подходит для этой роли. Даже у Джоре-

ма нет возражений. Эта роль не доставит ему неприятностей? Как вы считаете?

Грегори посмотрел на Джеффрая, и архиепископ кивнул.

— По-моему, вы слишком многого требуете от этого молодого человека, — сказал Джеффрай. — Сколько, вы сказали, ему лет?

— Двадцать шесть или двадцать семь, — ответила Ивейн.

— Грегори, а что ты думаешь? — спросил Джеффрай. — Свое мнение я пока оставляю при себе.

Грегори пожал плечами.

— А не слишком ли он молод для того, что задумал Элистер? Хотя когда Господь начал свою миссию, он был лишь немногим старше. Кроме того, мало кто заподозрит молодого человека, что ему могли доверить столь серьезную миссию.

— Именно так, — согласился Райс. — Всем известно, насколько Реван привязан к Ивейн и ко мне, и это тоже придет ему на пользу, когда он начнет действовать.

— И все же ему потребуются помощники, — спокойно заметил Джеффрай.

— Что ты имеешь в виду?

— Я хочу сказать, что пока из всех нас только ты один обладаешь этим умением. А вдруг выяснится, что этому нельзя обучить. Что тогда?

— Тогда мне придется сыграть роль помощника Ревана и действовать самому, правильно? — сказал Райс. — Придумаем разумное объяснение... что якобы я внезапно утратил свой дар, или еще что-нибудь в этом роде... Но думаю, что все обойдется. Видит Бог, я не гожусь на роль мессии.

— Вот и Камбер так считал, — пробормотал Джорем, — и посмотрите, что случилось с ним.

— А что?

— Ладно, будет вам. Мне кажется, Райс, из тебя выйдет превосходный Иоанн Креститель. Бу-

дешь скитаться по пустыням, питаюсь медом и акридами. Черт побери, как же все это рискованно!

— Да, рискованно, — подхватил Джеффрай. — Но разве будет лучше, чтобы люди уничтожили нас только за то, что мы Дерини? Если у тебя нет других предложений, мы будем благодарны, если ты оставишь все прочие возражения при себе. Ивейн и Райс, мне кажется, вам следует побеседовать с Реваном как можно скорее. Если он согласится взяться за это дело, то должен успеть подготовиться, пока мы придумываем правдоподобное объяснение его появлению у виллимитов. Кстати, а кто-нибудь задумывался над тем, что будет, если он откажется?

Ивейн вздохнула.

— Он не откажется. Так же, как и у нас, у него нет иного выбора. В конце недели мы отправимся прямо в Шилл.

— Вот и славно. А пока я придумаю, как Райсу и Элистеру встретиться с Эмрисом и Квероном.

ГЛАВА 11

**А говорят:
кого хочет он учить ведению?
и кого вразумлять проповедню?
отнятых от грудного молока,
отлученных от сосцов матери?**¹

Нрошло несколько дней, и погожим зимним днем Ивейн с Райсом отправились в свою усадьбу в Шилле – якобы желая навестить детей. Покуда Райс занимался с отпрысками, Ивейн, сославшись на усталость с дороги и недомогание, осталась дома вместе с Реваном.

Они вышли в заснеженный сад. Реван хромал меньше обычного, и все же он с благодарностью принял предложение Ивейн присесть на скамью. Неподалеку семилетняя Ресил демонстрировала отцу, как хорошо она объездила гнедую лошадку, которую родители подарили ей на день Богоявления. Тайгу было всего шесть, и ему не позволяли пока самому сидеть в седле, его держал на руках Райс, и когда отцовский конь переходил на рысь, мальчик вскрикивал от восторга. Здесь не было только старшего, Эйдана, но сейчас он гостил в Труриле, неподалеку от Кулди, у своего кузена Адриа-

на Мак-Лина, внука сестры Камбера Айслин и отца второго Камбера, которого, во избежание путаницы, все именовали Камлином, и который был на год старше Эйдана. Первенца своего Ивейн видела лишь по праздникам и безмерно тосковала вдали от него.

С печальным вздохом она вновь обернулась к Ревану, рассеянно вертевшему пергаментный свиток в узких, испачканных чернилами пальцах. Скорее всего, поэма или песнь его собственного сочинения, но спросить напрямую Ивейн не решилась. Спасенный Катаном хромой ученик плотника за эти годы стал книжником и поэтом, и мысль о том, что их планы означают крушение всех надежд этого одаренного юноши, наполнила горечью сердце Ивейн. Но выбора не было.

— Как успехи детей, Реван? — спросила она, стараясь немного оттянуть неизбежное.

Реван улыбнулся, откинув с лица прядь светло-каштановых волос. Как и большинство молодых мужчин, он носил волосы до плеч.

— Лорд Тиэг еще мал для серьезного обучения, миледи, — просто сказал он, — хотя подает большие надежды. Больше всех меня радует леди Райсил. Если она продолжит учение всерьез, то преуспеет в науках, как вы.

Польщенная Ивейн сняла с плаща сухую веточку и стала машинально вертеть ее в пальцах.

— Наследственность, — с улыбкой произнесла она, — Вся в деда. — Она внимательно разглядывала веточку, словно никогда прежде не видела ничего подобного. Ивейн искала нужные слова.

— Реван, ты долгие годы служишь моей семье. Тебе нравится эта работа?

Он улыбнулся своей обычной легкой, лучезарной улыбкой и застенчиво опустил глаза.

— Вы же знаете, миледи, что да. Вы и лорд Райс всегда были очень добры ко мне. Дети стали мне такими же родными, как братья и сестры, кото-

рых мне так и не довелось увидеть. Откровенно говоря, мне... иногда мне нравится думать, что я для вас нечто большее, чем просто наставник ваших детей, что я часть семьи, скромный бедный родственник. — Он отважился взглянуть на нее. — Вы не сердитесь на меня?

— Сержусь? Нет, конечно! Ты и есть часть нашей семьи. Зная, что ты здесь, нам с Райсом не нужно беспокоиться — наши дети в хороших руках.

Он был польщен, но промолчал, и Ивейн решила, что откладывать больше нельзя.

— Реван, мы с Райсом приехали не только затем, чтобы повидать детей. И я вполне здорова. Я хотела поговорить с тобой о твоей работе у нас и спросить, не захочешь ли ты послужить нам несколько иначе. Задача будет намного труднее тех, что тебе приходилось выполнять до того времени. Если бы мы не считали тебя членом семьи, я не отважилась бы просить об этом.

— Что это за служба, миледи? — пробормотал Реван. Его лицо внезапно стало более серьезным, а веселые искорки в глазах потухли. Отложив свой свиток, он с волнением ждал ответа.

— У нас — у меня и Райса — есть проблема. — Она разломала веточку, которую все еще держала в руках, и бросила половинку на землю. — Нет, в наших отношениях все нормально, — добавила она, поймав встревоженный взгляд Ревана. — Наши души, сердца и тела соединяют узы брака. Более близкого союза в этой жизни нельзя представить.

При этих словах Реван облегченно вздохнул, и Ивейн вдруг осознала, насколько этот молодой человек обожествляет Райса и поклоняется ей. Ивейн не без труда заставила себя вернуться к разговору.

— Это имеет отношение к Райсу как к Целителю, — продолжала она, скобля веточку ногтем большого пальца. — Несколько недель назад Райс обнаружил одну очень любопытную особенность Целителя, и мы решили, что она может послужить на пользу Де-

рини. Но это очень странное явление. С его помощью Целитель может блокировать способности Дерини так, что их нельзя ни использовать, ни выявить, ни даже вспомнить, что они были. Насколько нам известно, до настоящего времени никто не мог проделать такое.

Ивейн искоса взглянула на него, и Реван недоверчиво покачал головой, хотя в его светло-карих глазах ясно читалось замешательство.

— Но зачем вам нужно отнимать способности Дерини, миледи? Наделять ими — возможно, но отнимать их? Я не понимаю.

— Сначала и мы не понимали. Но... — Она со вздохом поднялась и стала ходить перед скамейкой, знаком велел Ревану оставаться на месте. — Реван, ты, конечно, осведомлен о чувствах людей к Дерини, особенно после смерти короля.

— Некоторых людей, миледи, — признал он, безразлично пожав плечами. — Но со мной и слугами Шилла совсем другой случай.

— Но многие люди относятся к нам именно так, — возразила Ивейн. — И что еще более существенно, таковы чувства регентов. Кто может предугадать официальную политику по отношению к Дерини в будущем, если в течение следующих двух лет юный король обречен находиться во власти таких, как Мердок, Ран и этот жалкий епископ Хьюберт. Вспомни, когда свергли Имре, с ним пала и власть Дерини. Дерини получили места в новом правительстве только потому, что Синхил испытывал к ним личную симпатию. У регентов нет симпатий, а только воспоминания о том, как Дерини поступили с людьми во времена Междоуцарствия.

— Но архиепископ Джеффрай все еще входит в состав Регентского совета, а ведь он — Дерини, — сказал Реван.

— Но это не по воле регентов. Сейчас Джеффрай в Совете, потому что он обязан там быть. Будь то обычный королевский совет или Регентский, ар-

хиепископ Валоретский и примас Гвиннеда обладает неоспоримым правом заседать в его составе. Но стоит подвернуться удобному случаю, Джеффрая сместят. А другие Дерини — епископ Келлен, граф Джебедия и сам Райс — уже потеряли должности при дворе. После коронации мы все должны покинуть Валорет. Мы опасаемся, что это только начало, и потеря постов может стать прелюдией к потере жизней. Будет еще один Найфорта.

Медленно кивая, Реван нахмурился.

— Я понял, что вы имеете в виду. — Он помолчал. — Но какое отношение все это имеет к блокированию способностей Дерини? Мне кажется, что Дерини, наоборот, захотят только усилить свое могущество, чтобы защищаться, конечно, если ваши опасения сбудутся.

— Так действительно можно подумать, — признала Ивейн, обрадованная и немного испуганная тем, что Реван так хорошо понимает ее. — Но ты же знаешь, что всему на свете есть предел. И когда могуществу Дерини противостоит дюжина мечей, стрел и копий, зло только умножает зло. Это не лучшая защита.

— В таком случае, *отсутствие* волшебства — хорошая защита? — спросил Реван, по большей части обращаясь к самому себе.

— Только не тогда, когда кого-то уже знают как Дерини и могут доказать это. Но я прошу принять во внимание, что если даже другой Дерини не может определить расу кого-то и если сам не помнит, что когда-то был Дерини, то отсутствие волшебства *может* стать хорошей защитой.

Пока Реван обдумывал все это, Ивейн снова села и приказала сердцу, готовому вырваться из груди, успокоиться.

Несколько мгновений спустя Реван поднял голову и посмотрел вдаль, за луг. Невдалеке от дубовой рощи Райс с дочерью вели своих лошадей под уздцы, а Тиэг гордо восседал в седле. Реван быстро отвел взгляд, но Ивейн успела заметить, что он начал

смутно догадываться о том, что она собиралась разлучить его с детьми.

— Миледи, вы еще не сказали, что это коснется меня и детей.

Она вздохнула.

— Эйдан у кузена в безопасности. Райсил и Тиэг останутся здесь, но придется нанять другого учителя. Если появится необходимость, они отправятся в Орден к моему брату.

— Понятно.

— Что же касается тебя, то мы подумали, что ты сможешь помочь нам использовать открытие Райса для защиты по крайней мере некоторых из нас. Ты станешь пророком, кем-то вроде Иоанна Предтечи, последователем святого Виллима. Мы устроим так, будто ты отнимаешь у Дерини могущество, чтобы уберечь от зла, о котором проповедуют виллимиты. На самом деле ты будешь работать с Целителем, который будет блокировать могущество Дерини. Ты привлечешь к этому как можно больше малоизвестных Дерини, особенно женщин и детей. Потом они смогут поселиться в безопасных местах и начать новую жизнь, расставшись с клеймом Дерини, пока не минует угроза и не появится возможность восстановить их способности.

После окончания ее речи Реван покачал головой.

— Это невозможно! Такое никогда не сработает! Я служу Дерини всю свою жизнь. Кто поверит этому? Кто поверит *мне*?!

Когда Ивейн обрисовала дальнейшие детали их плана, Реван покорился.

— Думаю, это *может* сработать, миледи, — сказал он, через силу выговаривая слова. — И вы действительно считаете, что я смогу это сделать?

— Вот именно.

Реван сглотнул слюну, неловко опустился на колени, взял руку Ивейн и с благодарностью прижал к губам.

— В таком случае, я, как всегда, в вашей воле, миледи, — прошептал он.

— Спасибо тебе, Реван, — произнесла она, слегка касаясь его головы. — А теперь сядем рядом и продолжим беседу. Нужно хорошенько подготовиться.

Когда он поднялся и сел, не выпуская ее руки, взгляд его блуждал.

— Расслабься, Реван, и позволь мне проникнуть в твой разум, как мы делали раньше, И для твоей же безопасности не вспоминай ничего, из того, о чем узнаешь, кроме тех случаев, когда ты будешь со мной или с Райсом.

* * *

Поздним вечером того же дня Ивейн и Райс вернулись в Валорет, довольные разговором с Реваном — оружием исполнения их плана, хотя сердца щемило от жалости к юноше. Они сообщили об этом на Совете Камбера и привели в действие остальные части плана.

А в Шилле Реван внезапно вспыхнул неодолимой страстью к деревенской девушке Файнелле, которая тут же таинственным образом заболела. Несмотря на все старания Райса, вызванного Реваном, ее состояние ухудшалось.

Райс старательно лечил молодую женщину, Ивейн помогала ему, а Реван, который объявил о своем намерении жениться на Файнелле, не находил себе места. Несмотря ни на что, Райс мало чем мог помочь Файнелле. В тот день, когда гроб Файнеллы опустили в землю — бедная девушка умерла за день до своей помолвки, — Реван переменялся.

— Вы могли спасти ее, — кричал он, стоя перед несколькими дюжинами гостей, приглашенных Райсом и Ивейн по случаю Сретения. — Вы позволили ей умереть, вы, Дерини, — чудовища! Вы могли спасти ее, но позволили умереть! Вы убили ее!

Сорвав значок слуги Райса Турина, он бросил его к ногам своего хозяина и, рыдая, выбежал из зала. Ивейн стала сбивчиво объяснять гостям, среди которых были и люди, и Дерини, что все было не так, как сказал Реван, что с ухудшением состояния Файнеллы он сам все более был не в себе, но настроение и обед были испорчены. Несостоявшийся праздник закончился очень рано, едва со стола убрали посуду.

В течение следующей недели новость об этом происшествии распространилась при дворе, потому что среди прочих Ивейн были приглашены незнатные и неименитые придворные — наиболее ловкие и энергичные разносчики слухов. К Благовещению история в разных вариантах выглядела так:

Райс намеренно довел суженую Ревана до смерти, возможно, из-за ревности.

Райс не хотел, чтобы Реван оставил службу после женитьбы на Файнелле и завел собственную семью.

Райсу точно была нужна сама Файнелла, но девушка предпочла Ревана, вот почему он уморил ее.

В конце концов разве Райс не был Дерини? Разве епископ Хьюберт не предупреждал на проповеди, что Дерини коварны, что даже кажущиеся на первый взгляд достойными доверия оказываются похожими на Имре?

К коронации заговорили о Реване. К середине мая стало известно, что он объявился в общине неовиллимитов в холмах восточное Валорета. По слухам, новые братья принимали его как блаженного. Дни напролет он проводил на вершине горы, беседуя с глыбой медного купороса, в еде был умерен, говорил мало. Никто не сомневался в том, что его действия — это не просто бред больного, доведенного до сумасшествия. В своем новом брате виллимиты видели искру божьего огня, зажатую против Дерини.

Епископ Хьюберт, услышав новости, произнес в королевской часовне проповедь об обра-

щении язычника Савла на пути в Дамаск в святого Павла. Хьюберт недвусмысленно пожелал, чтобы каждый человек, находящийся на службе у Дерини, молил Всевышнего даровать ему такое обращение.

Пока Реван находился у виллимитов, готовясь стать гласом благочестия среди диких нравов, его на время забытые союзники готовили к исполнению свою часть плана. Джеффрай старался получше организовать непростую встречу Райса, Эмриса и Кверона.

Местом для нее он избрал монастырь святого Неота, принадлежавшего Ордену Гавриила, где настоятелем был отец Эмрис. При жизни нескольких поколений этот монастырь пользовался славой центра деринийского обучения и воспитания Целителей. В монастыре был древний церковный Портал, возведенный деринийским духовенством несколько веков назад. Доступ в него был открыт не только Райсу и Камберу, которые собирались вернуться из Грекоты, но и Джефффраю, который до этого должен был провести переговоры с Эмрисом, а через него — и с Квероном.

В большинстве соборов и главных культовых строений, так или иначе связанных с Дерини, имелся по крайней мере один Портал, хотя нынешние обитатели этих строений могли и не знать о существовании такового.

Воспользовавшись сетью Порталов, доступ к которым был открыт любому священнику-Дерини, Джефффрай в мгновение ока перенесся из своей часовни в Валорете в ризницу церкви аббатства святого Неота, как раз в тот час, когда ожидал застать Эмриса одного. Каждую ночь члены Ордена проводили бдения в своем знаменитом храме святого Гавриила и Богородицы, расположившись в часовне, в которую пускали не только братьев и послушников, но и мирян. Эмрис участвовал в бдениях по ночам с субботы на воскресенье и, как Джефффрай выяснил впоследствии, не изменил своей многолетней традиции.

Как Джеффрай и надеялся, он нашел Эмриса перед храмом Богородицы. После приветствия несколько минут прошло в молчании, прежде чем архиепископ изложил цель своего визита, установив контакт, они возобновили былую дружескую связь. Изложение фактов было сжатым, Джеффрай объяснил, что прибыл сюда по важному делу Совета, которое требует встречи Райса с Квероном и Эмрисом. Из чего отец-настоятель сделал вывод, что встреча может быть посвящена не только делам Совета, но и вопросам исцеления.

Побоявшись нежелательных вопросов, которые могут возникнуть после визита примаса Гвиннеда в главный деринийский храм, Джеффрай постарался скрыть свое прибытие от посторонних. Оставшись единственным Дерини в составе Регентского совета, Джеффрай и так ходил по лезвию бритвы, а его визит мог дать регентам новый повод для подозрений. Кроме того, ему пока не хотелось открывать Кверону свое участие в Камберианском Совете, и связаться с ним архиепископ поручил отцу Эмрису.

Из-за того, что в Долбане не было собственного Портала, пришлось посылать гонцов, и на подготовку встречи ушло несколько недель. К тому же поначалу Кверон заупрямился, и, прежде чем Эмрису удалось заставить его приехать, пришлось вносить изменения в первоначальный план. В конце концов Кверон согласился и приехал в назначенный день, но то, что Элистер Келлен, не бывший Целителем, тоже будет присутствовать, вызывало у него подозрения и раздражало. Эмрис не мог разрядить ситуацию, потому что сам не знал, зачем понадобилось Райсу приглашать не-Целителя, и не имел права распространяться о Совете Камбера. Эмрис не спрашивал, а Джеффрай не открывал причину присутствия Элистера.

Назначенный день начался ярким и чистым рассветом. Прозрачный воздух этого чудесного утра благоухал букетом запахов, разносящихся из

цветущих садов Камбера. После мессы и легкого завтрака Камбер и Райс в безмолвии поднялись на сто двадцать семь ступеней башни королевы Шинед. Поставленный перед необходимостью давать инструкции Эмрису, своему бывшему наставнику, а также почти легендарному Кверону, Райс очень волновался. Таким Камбер его еще никогда не видел.

Выйдя в открытую галерею, на яркий дневной свет, они невольно прищурились, а вновь нырнув под крышу, остановились, чтобы глаза привыкли к неяркому освещению комнаты. Райс встал настороже, четко рисуясь в дверном проеме на фоне апрельского неба, в то время как Камбер опустился на колени в северо-восточном углу, чтобы обследовать одну из плит пола.

— Хотелось бы мне знать, как тебе это удастся, — сказал Райс, когда Камбер встал и поправил белый пояс на своей сутане епископа. — В теории я отлично разбираюсь, но не доверяю Порталу, он несет меня, а я его не чувствую.

Камбер тихонько засмеялся, встал на открывшийся прямоугольник и протянул руки к Райсу.

— Я могу почувствовать его. Именно это имеет значение сегодня утром? Впрочем, я знаю, что тебе не по душе. Не нравится, что, перемещаясь от одного Портала к другому, ты не контролируешь ситуацию. — Положив руки на плечи Райса и поставив его перед собой, он улыбнулся. — Все Целители одинаковы. Вы всегда хотите быть победителями.

— Необоснованное утверждение! — воскликнул Райс в негодовании, которое, однако, заставило его солгать. — Иногда, — добавил он, глубоко вздохнув, — очень даже хорошо, когда кто-то берет над тобой верх. — Он посмотрел на Камбера, снова глубоко вздохнул. — Послушай, это будет очень трудно, и не только для меня, — мягко сказал он. — Ты не Целитель, а они самые лучшие. Ты уверен, что хочешь рискнуть...

— Нет, вовсе не уверен. Но я не оставляю тебя одного, Райс. Я рискну, кстати, уже не в первый раз.

— Да, не в первый.

— Тогда не волнуйся. Они больше не твои учителя. Ты знаешь то, что не известно им, и неважно, насколько они преуспели в другом. Запомни это.

— Постараюсь.

Улыбнувшись, Камбер снова обнял Целителя за плечи, глубоко вдохнул и выдохнул, сгущая энергию вокруг, и вызвал в сознании образ желаемой точки пространства.

В то же мгновение они очутились в темноте перед маленьким алтарем слоновой кости, в комнате горела одна-единственная свеча на стене. Из темноты выступили Эмрис и Кверон.

— Отец Эмрис, отец Кверон, — пробормотал Камбер, подбирая тон, соответствующий бесстрастному выражению лица Эмриса, и слегка поклонился.

— Добро пожаловать в монастырь святого Неота, ваша милость, — мягко вымолвил Эмрис, его холодная рука поднесла руку Камбера к губам, чтобы поцеловать аметистовый перстень епископа. — Лорд Райс, рад видеть вас снова после стольких лет.

В полумраке комнаты старый Целитель был похож на призрак, а его косичка была едва заметна на белом облачении. Почти бесцветные глаза, точно иней при свете заходящего солнца, поблескивали на худом, аскетическом лице. И только знак Целителя слева на груди нарушал игру оттенков белого на белом фоне.

На Квероне, как и в прошлую встречу с Камбером, была серая сутана его обители, но ради торжественного случая он надел зеленую мантию Целителя, хотя и не такую яркую, как у Райса. Пока Целители довольно церемонно приветствовали друг друга, Камбер заметил, что Кверон нервничает не меньше молодого коллеги; им, видимо, будет нелегко общаться друг с другом. Он был рад, что хотя бы спокойствие Эм-

риса сглаживает всеобщее волнение. Эмрис улыбался и подталкивал их к двери ризницы.

— Идемте, милорды. Для беседы я выбрал более безопасное место, — сказал он, отперев дверь и отворяя ее почти прозрачной рукой. — Я подумал, что раз епископ Келлен никогда раньше не бывал здесь, перед работой мы устроим ему небольшую экскурсию по монастырю. Что-нибудь не так, Райс? — Он обернулся к Райсу, которому было явно не по себе.

— У нас очень серьезное дело...

— И ты думаешь, что сейчас твое состояние как раз подходит для него? — спросил Эмрис, отечески погладив Райса по руке. — Ты весь напряжен, сын мой. Где та дисциплина, которой я учил тебя? Конечно, прошло столько лет, но ты не мог забыть все, чему научился. Об этом можно судить хотя бы по твоей репутации.

Вовремя приведенному в чувство и немного смущенному оттого, что все происходило на глазах Кверона, Райсу удалось выдать из себя извинение. Ощутив некоторую симпатию к аббату, Камбер позволил себе слегка улыбнуться. Он уже заметил, что Кверон, воспользовавшись срывом Райса, попытался скрыть свою собственную неловкость. Служитель святого Камбера чувствовал неприятное давление от присутствия мало знакомых людей. Кажется, он был вовсе не таким уж опасным собеседником, каким они его себе воображали.

— Благодарю тебя за эти слова, отец Эмрис, — произнес Камбер с сухим смешком. — С тех пор, как Райс явился ко мне прошлой ночью, я все время пытался заставить его расслабиться, хотя и с меньшим успехом, чем вы с отцом Квероном.

Он намеренно не обратил внимания на колкий взгляд аббата из Долбана и беспечно продолжал, будто ничего не заметив:

— Суть в том, что, как вы, должно быть,

208 знаете, мои познания в искусстве исцеления

очень невелики, хотя я много слышал об этом от Райса. Пока я здесь, мне будет интересно понаблюдать за вами. Если же ваша братия сочтет единственной целью моего визита знакомство с вашей обителью, тем лучше.

— Именно так я и сказал себе, — отозвался на это Эмрис, взглянув на Кверона и слегка наклонив голову. — Если ваша милость согласится последовать за мной, я покажу вам кое-что интересное. Кверон, Райс, — он обратился к ним как учитель к своенравным ученикам. — Когда мы приступим к серьезной беседе, надеюсь, вы будете лучше держать себя в руках.

Не промолвив больше ни слова, он вывел Камбера из ризницы, бледной рукой поддерживая его под локоть и указывая на изумительной работы мозаику с ликом архангела Гавриила, украшавшую стену коридора.

Обменявшись осторожными взглядами, Райс и Кверон, уже более уравновешенные, последовали за первой парой.

ГЛАВА 12

Покажи нам новые чудеса.¹

Нокинув ризницу, Эмрис свернул в узкий коридор налево; они миновали молельню, где, судя по сдержанному гулу голосов, сейчас шло богослужение. У восточного края апсиды, прямо за алтарем, они задержались на пару мгновений, и Эмрис предложил Камберу заглянуть в щелку в резном ставне.

Ослепительная белизна – таково было его первое впечатление. Хоры, неф, та часть трансепта, что была доступна взору, все было отделано белым мрамором или алебастром. Даже деревянные сиденья на хорах и скамьи в нефе были выкрашены белой краской. В этой монастырской церкви неф и хоры не были разделены, так что Камбер мог охватить взором все пространство от высоких западных дверей до синего с золотом витража окон. Справа от входа на знаменитую монастырскую колокольню лазурью лучилась часовня Божьей Матери, где члены Ордена стояли всенощную.

В этот момент какая-то фигура в белом одеянии вышла из часовни и направилась по проходу нефа. Человек миновал ряды скамей в богато расшитыми подушками для коленопреклонения, поднялся на хоры и присоединился к дюжине братьев, молившихся там. У

всех монахов поверх скинутых капюшонов виднелись косички, указывающие на принадлежность к Ордену Святого Гавриила, а на левом плече, как и у Эмриса, красовался знак священника-Целителя — раскрытая ладонь на зеленом фоне, с белой восьмиконечной звездой; тогда как на плаще у Райса рука была белой, а звезда — зеленой.

Вновь появившийся на хорах собрат как будто подал сигнал остальным, монахи поднялись и затянули на два голоса:

«Adsum, Domine...»
Я здесь, Господи...
Ты даровал мне милостью
Своей способность исцелять.
Я здесь, Господи...
Ты наградил меня взором.
дабы читать в душах людей.
Я здесь, Господи ...
Ты даровал мне власть над волею других.
О, Боже, дай мне мудрости и сил
воспользоваться дарами Твоими.
Тебе, Господи, всецело послужить...

Это был древний, широко известный гимн Adsum, Domine. Он содержал основы этических правил, которые определяли жизнь Целителей мирских и духовных с тех самых пор, как среди Дерини появились первые Целители. Во второй раз за всю жизнь Камбер слышал его исполнение, хотя слова читал тысячу раз и знал их наизусть. Даже красивый баритон Райса мог передать лишь малую толику того, что звучало в гимне.

Гармония голосов Целителей-священников проникла в самое существо Камбера. Он слушал и размышлял над тем, что одних делает Целителями, а другие, лишённые этого неведомого свойства, остаются простыми смертными.

Певцы дошли до ектеньи, и Камбер отвлекаясь, вспоминая, как пел Райс, перед глазами воз-

ник священный круг в башне в Шилле. Это было в ту ночь, когда Ивейн родила второго сына. Еще до рождения ребенка они знали, что Тиэг так же, как и его отец, будет Целителем.

В ту ночь Камбер, Ивейн, Джорем и Джебедия слушали, как Райс, держа на руках младенца, пел ему ту же песню. Он посвящал своего сына служению искусству Целителя и Древним Силам, которых они призывали в свидетели.

Голос воспоминаний Камбера слился с голосами монахов Эмриса, когда зазвучало «*Dominus lucis*»:

«Dominus lucis me dixit, Ecce...»

Светлый Господь даровал откровение мне:
Ты избранный, Мой сын, Мой дар живущим.
До звезды дневной, до чрева матери
Мой знак отметил тебя вовеки.
Ты длань моя исцеляющая над миром.
Орудие жизни и силы целительной.
Хранитель темных тайн земли и неба.
Тебе дары я приношу, во имя любви Своей.
Будь же спасителем для человека и зверя.
Огнем очистительным от всякой скверны.
Источником грез, утоляющих боль.
В сердце храни ты Мои дары.
И да узришь ты лишь то,
Что даруют тебе с открытой душою.
Руками священными исцели разбитое.
Душою освященною даруй Мой покой ...

Певцы дошли до заключительного антифона, Камбер почувствовал, что Райс стоит рядом, плечом к плечу. Зять наверняка тоже вспоминал тот вечер, не переставая удивляться сокровенному смыслу песнопения. К горлу подступил комок, а к глазам — слезы. Но прежде чем он сумел взять себя в руки, Эмрис понимающе коснулся его руки и слегка подтолкнул его — пора двигаться дальше.

Он внезапно ясно понял, что аббат разделяет

его чувства, всколыхнувшиеся под магическим

воздействием гимна, но Эмрис не мог проникнуть в мозг Камбера, закрытого ото всех, кроме Райса.

Благодарный Камбер последовал за аббатом, отвлекая себя разглядыванием седой косицы, болтающейся впереди, умиряя печаль и вбирая в себя спокойствие, исходившее от Эмриса. Его удивило, что шагавших следом Райса и Кверона тоже окружает почти осязаемое умиротворение.

Когда они выходили через боковую дверь, в воздухе, наполненном ароматами благовоний, разносились слова последней части гимна.

Я пред Тобою, Господи...
Все свои дары я приношу к Твоим ногам.
Я пред Тобою, Господи ...
Ты Создатель единый всего сущего.
Ты несотворенный, Кто правит светом и тенью.
Дарующий жизнь, и сам есть Дар Жизни.
Я пред Тобою, Господи...
Все существо моей покорно Твоей воле.
Я пред Тобою, Господи...
В служении Твоем, силой наделен
разить иль исцелять.
Путь укажи и охрани, Господи,
слугу Твоего от искушения.
Да будет честь моя безупречна, а Дар незапятнан ...

Они вступили в узкую аркаду, которая соединяла поперечный неф с круглым строением, вероятно, зданием капитула. Однажды Джорем сравнил этот капитул с разрушенным храмом, который они обнаружили при раскопках в Грекоте. Камбера заинтересовала постройка, и Эмрис, чтобы удовлетворить любопытство гостя, свернул в другую галерею. Прежде чем попасть внутрь, гости вышли во внутренний двор монастыря и получили общее представление о его планировке.

Здание капитула располагалось по соседству с храмом, который братия именovala часовней. Такой громадной часовни Камбер прежде никогда

не видел, но здание капитула было еще более монументально и возвышалось над остальными монастырскими постройками. В свете утреннего солнца его небесно-голубой, словно фаянсовый, купол сверкал первозданной чистотой. И на часовне Камбер смог насчитать шесть, нет, семь куполов, хотя знал, что по крайней мере еще четыре не видны. Значит, всего их было двенадцать — священное число.

При ближайшем рассмотрении стали различимы детали — золотой оттиск креста Ордена, четырьмя концами касавшийся солнечного диска. Этот мотив и другие были традиционны и повторялись на тяжелых бронзовых дверях здания капитула. Ощущение близости прошлого укрепило Камбера в мысли, что истоки гавриилитов, как и самих Дерини, много древнее, чем принято считать. Хотя это не стало широкой темой для дискуссий, особенно среди наиболее ортодоксальных священников, те, кто занимался изучением древности, отлично знали, что в основу волшебства Дерини, кроме христианского, легло множество верований.

Но о символах они потолкуют наедине с Райсом. Камбер чувствовал его живой интерес и получил предупреждение зятя, когда Целитель узнал, что Камбер внимательно разглядывал здание, — оно было небезопасным объектом исследований.

Поэтому, когда Эмрис давал свои пояснения, в лице Элистера Келлена не было ничего, кроме вежливого интереса. Время от времени он кивал, слушая о местоположении жилых комнат, трапезной и кухни.

Комнаты монахов размещались вдоль восточной стены на первом этаже и выше. Однако, в отличие от других монастырей, представляли собой не дортуары, а отдельные кельи. Здесь считалось, что уединение необходимо для упорядоченности мыслей и дисциплины духа. Эмрис объяснил, что ученики спят в трапезных в здании капитула. Там же находились классные комнаты и кабинеты для подготовки Целителей.

Эмрис знал наверняка, что епископ Келлен непременно захочет зайти внутрь, но как на грех именно сегодня был день уборки, проводившейся два раза в месяц, и это могло испортить впечатление.

Подойдя к тяжелым дверям, Камбер разглядел вырезанные на них сцены и символы и хорошенько запомнил увиденное.

Изображая безразличие, он только похвалил мастерство исполнения, однако не мог не почувствовать, что и Райс был тоже очарован зрелищем, и они вошли внутрь.

Если внешний вид монастыря завораживал своей таинственностью, то внутренность капитула просто потрясала. Это было не наслаждение и не восторг, а нечто иное. Вошедший вдруг словно окунался в прохладный сосуд из золота и аквамарина. Эмрис пояснил, что цвета символизируют архангела Гавриила, у него синий цвет и его стихия — вода. Придавая всему оттенок неба, в помещение проникал холодный голубой свет, дополняя гармонию дома архангела Гавриила. Свет лился через застекленное отверстие в куполе, который также, как и снаружи, был покрыт голубыми изразцами, только вместо крестов и солнечных дисков на нем были восьмиконечные звезды. Солнечные лучи касались белых мраморных плит пола и превращались в нежно-золотые.

В самом центре помещения находился полированный куб медного купороса высотой до пояса, вокруг глыбы на коленях стояли монахи, опираясь о пол руками и зажав сутаны между ногами. Некоторые двигались между тремя рядами деревянных скамей, окропляя резную поверхность пахучим кедровым маслом и натирая дерево.

Запах масла вызвал у Камбера, точнее у той его части, что была Элистером, мучительные воспоминания, стремительно унося в другое место и время, когда его существование и вера были свежее и лег-

че... Но тут же он снова очутился в монастыре святого Неота. У куба творилось что-то странное...

Что бы это ни было, он сразу же понял, что и Райс почувствовал, — ощущение было неуловимо знакомое, но когда Целитель был в монастыре в последний раз еще послушником, то еще не умел распознавать этого. Мысленно подбодрив Райса, разум Камбера устремился к кубу, хотя с виду он просто наблюдал за монахами и слушал тихие объяснения Эмриса.

Скоро он понял, что затруднительная неясность вызвана неожиданным присутствием силы, которая была о его защиты. Голубой монолит гавриилиты, очевидно, использовали в медитациях, а Камбера как михайлинца учили сосредотачиваться на пламени или мече святого Михаила.

Куб излучал энергию, не сулившую, однако, ни хорошего, ни плохого. Камня, особенно если он у гавриилитов, можно было не опасаться. Почему-то в его памяти всплыл черный с белым жертвенник, найденный при раскопках в Грекоте. Интересно, была ли между ними какая-то связь, подумал он.

Облегченно вздохнув, он заморгал и полностью вернулся к действительности, все еще чувствуя запах кедрового масла.

— Ваше Преосвященство, все в порядке? — осторожно осведомился старый Целитель.

Камбер заметил, что Эмрис, не скрывая любопытства, смотрит на него, однако по его бледному лицу ничего нельзя было прочесть. Некоторые монахи исподтишка поглядывали на гостя, догадываясь о его сане по лиловому плащу и белому поясу.

Покачав головой, Камбер отметил, что запах кедра побуждает его к размышлениям.

— Да, святой отец. Просто воспоминания о юности. В Челтхеме мы тоже использовали кедровое масло, чтобы натирать им деревянную поверхность. Я вспомнил о временах, когда был послушником.

— О, — Эмрис понимающе кивнул. — Странно, не правда ли, как с годами мы все чаще обращаемся к своей молодости? Я не обучался ни в Ордене святого Михаила, ни в Ордене святого Гавриила, и подобные воспоминания у меня вызывает запах сандалового масла. Хотя, по-моему, кедр все-таки лучше. Мы считаем, что этот запах отпугивает моль. А теперь пойдемте дальше. Не будем отвлекать братьев. Те из нас, кто помоложе, непременно работают физически. Здесь все одинаковы — священник, Целитель, послушник, подмастерье и ученик. А как принято в михайлинском Ордене?

Продолжая свой обход капитула и жилых строений, Камбер рассказал, что устав его Ордена почти полностью совпадает с порядками гавриилитов. Они пустились в дискуссию о философских аспектах различия двух Орденов. Камбер не стал развивать тему о различии традиций обучения, как бы вскользь затронутую Эмрисом, ему особенно не хотелось делать этого здесь, перед Квероном. Чем больше он узнавал о гавриилитах, тем яснее становилось, как мало он знал о них и особенно об их аббате. Он решил позже расспросить об этом Ивейн. Может быть, ее объяснения восполнят пробел.

По пути они наткнулись на группу мальчиков, сидевших во внутреннем дворе под деревом. На них были гладкие белые туники учеников. Моложавый мужчина в сутане, с косицей гавриилита, читал им лекцию. Слов было не разобрать — Эмрис не подвел своих спутников ближе. Камбер поинтересовался, было ли это специально.

— Эти мальчики — одни из тех десяти-двенадцатилетних отроков, что проходят общий курс обучения, — пробормотал Эмрис. — Здесь они всего около четырех месяцев. Отец Тивар обучает их искусству владения оружием, но пока не позволяет ни одному дотрагиваться до него. Прежде всего они должны

привыкнуть видеть движения противника внутренним зрением, пусть даже этот противник — Дерини. Но ведь ваши михайлинцы обучаются по тому же принципу?

— Да, вы правы.

Мальчики, подчиняясь какому-то неизвестному знаку, встали и, разделившись на пары, начали свои каждодневные упражнения с закрытыми глазами, нападая друг на друга и отступая, защищаясь от выпадов противника руками. Камберу и самому случалось проделывать подобное в юности, а вместе со своим двойником Элистером они ценили такие тренировки даже больше, чем каждый в отдельности.

— О да, я припоминаю это, хотя в Челтхеме это было немного по-другому, — добавил он. — Вы помните, сколько было синяков, когда скорость упражнений увеличивалась? Кстати, Целители тоже обучаются военному делу?

— Я нет, но со многими дело обстоит именно так. — Эмрис улыбнулся. — Если хотите, я покажу вам обучение Целителей. Уверен, что Райсу это очень знакомо.

Они свернули с дорожки и снова остановились, на этот раз у решетчатой двери, закрывавшей вход в коридор. За ней на складной кровати, головой к двери, недвижимо лежал мальчик лет двенадцати-четырнадцати. У головы мальчика спиной к ним сидел Целитель Ордена. Красивые, без морщин руки почти касались висков ребенка. До слуха Камбера донеслись тихие, баюкающие слова:

— Вот так, Симонн. Расслабь каждую мышцу. Ты знаешь, как. Хорошо. А теперь сконцентрируйся и слушай, как кровь течет по жилам. Почувствуй, как бьется сердце, а теперь — как оно толкает кровь. Оно бьется немного быстрее, чем нужно, но если действительно захочешь, ты можешь замедлить его биение. Попробуй... Нет, сын мой, ты слишком усердствуешь. Не заставляй себя, позволь этому случиться. Так, теперь сделай глубокий вдох, выдохни. Еще раз. Теперь

получается. Вот так. С этого начинается любой Целитель — научись контролировать собственное тело, прежде чем сможешь контролировать чужое. Хорошо. А теперь погрузись глубже... Еще... Еще...

Слушая Целителя, Камбер понял, что под влиянием увиденного Райс вспоминает другого мальчика, который лежал на такой же кровати и точно так же учился управлять своим телом.

Они постояли еще немного. А потом в другом коридоре Эмрис вновь остановил их и толкнул дверь внутрь. За дверным проемом открылся полумрак комнаты, освещенной единственным подсвечником, который стоял на низком шкафчике с выдвижными ящичками. Войдя в комнату, Камбер быстро огляделся.

Стены украшали драпировки темно-синего, почти черного цвета. Потолок был обит плотной тканью, поглощавшей звук. Почти в центре стояла узкая кушетка со стульями по обе стороны. Камбер догадался, что обычно эта комната, используется для медитаций или работы в паре. Слева был холодный камин, отгороженный экраном, а прямо напротив входа — окно для вентиляции, сейчас закрытое.

Под ногами лежал темно-синий келдишский ковер, поглощающий взгляд и звук. Его ровный тон совершенно не раздражал. Камбер даже не услышал, как закрылась вторая дверь, и Эмрис присоединился к ним.

— Нельзя отрицать, что сан аббата дает определенные преимущества, — заговорил старик; его бледное лицо и белое одеяние резко выделялись на темном фоне обстановки комнаты. — Это мой личный кабинет для медитаций и исцелений. Райс, по-моему, тебе хотелось бы, чтобы во время разговора нас не прерывали?

— Да, конечно.

Слегка наклонив голову, Эмрис вдохнул полной грудью, поднес руки к голове, и его глаза на мгновение закрылись, когда он повернул ладони внутрь.

Когда аббат выдохнул, Камбер почувствовал,

что вокруг них строится защитный энергетический круг.

Удивляясь легкости, с которой Эмрис это проделывает, Камбер отодвинул свои защиты, чтобы они не мешали защитам круга, и, когда Эмрис опустил руки и сел на кушетку рядом с Квероном, придвинул свой стул поближе. Райс устало опустился на соседний.

— Милорды, теперь мы защищены от звуков извне и проникновения в наш разум. Райс, я знаю, что ты назначил эту встречу?

— Подождите немного, — Кверон оглядел их с плохо скрытым раздражением. — Эмрис, вы этого не говорили. Кто такой Райс, чтобы назначать встречу нам четверым? А если это касается искусства Целителя, зачем здесь присутствует епископ Келлен? — Он взглянул на Камбера. — Я не хотел обидеть вас, но в нашем деле есть тонкости, которыми мы обычно не делимся с посторонними, даже с Дерини.

Райс вздохнул и облизнул губы. Когда он повернулся к старшему Целителю, Камбер уловил скрытое волнение зятя, хотя даже Кверон не мог поколебать его самоконтроль.

— Ваши последние слова верны, отец Кверон, — Райс глубоко вздохнул. — Я просил об этой встрече не как Целитель — Целителей. Ее причина должна быть сохранена в тайне, отец Элистер уже поклялся в этом. Вы и отец Эмрис должны поступить аналогично, в противном случае я не могу продолжать. Вы даете слово?

Кверон на мгновение застыл, и только его карие глаза раскрылись еще шире.

Потом он посмотрел на кивнувшего Эмриса, снова обернулся к Райсу и в знак согласия едва заметно качнул головой.

— Благодарю, — прошептал Райс. Камбер знал, что он успокаивал себя, прежде чем начать говорить.

— Отец Кверон, вы знаете что-нибудь о Совете

Чтобы взять себя в руки, Кверон выдержал паузу и глубоко вдохнул.

— В таком случае он существует! — прошептал служитель святого Камбера. — Я мечтал все эти годы, но...

Его поразило то, что Эмриса слова Райса ничуть не удивили.

— Эмрис, вы знали об этом?

— О существовании Совета Камбера? Да.

— Так вы входите в его состав?

— Назовем меня *amicus concilium* — другом-советчиком, — ответил старик со слабой улыбкой.

— Но вы *знали* о нем! И не сказали мне!

— Вы не спрашивали, — ответил Эмрис. — Позвольте вас заверить, что очевидное теперь членство Райса в Совете ограничивает мои знания об этом. Меня попросили (я не стану говорить, кто) привести вас на встречу с Райсом и епископом Келленом. Я так и поступил.

— Понятно. — Кверон переварил услышанное и посмотрел на Камбера.

— А вы, ваша милость? Вы тоже входите в состав Совета? Понятно, что Райс должен быть его членом, потому что он муж дочери святого Камбера. Но вы, ведь вы не поддерживали идею его канонизации. Или во время февральского визита в храм вы с Джоремом лицемерили?

— Так же, как и вы, епископ Келлен здесь по желанию Совета, — ответил Райс, даже не дав Камберу времени, чтобы найти подобающий ответ. — Он — беспристрастный, хотя и заинтересованный участник нашей встречи. Он кое-что знает о том, что я собираюсь вам сообщить.

— И это?..

— Я открыл новую способность Целителя.

— О, — прошептал Эмрис.

Вопросительно подняв брови, Кверон перевел взгляд с Райса на Камбера, затем на Эмриса и снова на Райса.

— Новую способность Целителя? Какого рода? И почему это такая тайна? Эмрис, вы точно ничего об этом не знаете?

Эмрис отрицательно покачал головой.

— Не больше вашего, сын мой. Но, как я понял, Райс собирается рассказать нам об этом, иначе мы не были бы здесь. Райс?

— Сударь, я бы предпочел показать, а не рассказать, — осторожно произнес Райс. — Если вы помните, однажды отец Кверон поступил аналогично при дворе, собравшемся решать вопрос о канонизации моего покойного тестя. Я надеюсь обучить этому и других Целителей, поэтому, если отец Кверон не возражает, я покажу на нем.

На этих словах Кверон вздрогнул, заерзал на стуле, беспокойно глядя на Эмриса.

— Эмрис, вы позволите?

— Это совершенно безопасно, — мгновенно отозвался Райс на слова, в которых сквозил испуг. — Сродни тому, что вы делали с Гвейром. Я прошу только, чтобы вы полностью положились на меня и позволили сделать все необходимое, чтобы получить нужный эффект. Отец Элистер может засвидетельствовать, что мои действия не причинят необратимых повреждений. Я даю вам слово Целителя. Кроме того, это совершенно безболезненно, в худшем случае немного страшновато. Я также предоставляю вам то, чего обычно при такой работе не даю, — знание того, что я делал. Вы сможете проследить и восстановление обычных свойств.

— Из ваших уст это звучит зловеще, — произнес Кверон довольно резко. Он снова посмотрел на Эмриса, но поддержки не получил и обернулся к Камберу.

— Ваша милость, я бы ни за что не поверил, что лицо вашего положения участвует в каком-либо сомнительном предприятии, но я не уверен, что вы понимаете этику Целителей. По вашей просьбе я уча-

— В противном случае меня бы здесь не было, — честно ответил Камбер.

— Эмрис?

Аббат пожал плечами.

— Вам решать, Кверон. Очевидно, что Райс остерегается вашей силы, и все-таки он выбрал вас в качестве наиболее подходящего объекта демонстрации. Вы знаете качество его выучки и репутацию. Вы знаете и то, что я буду наблюдать за опытом. Просьба необычна, но решение за вами. Со своей стороны скажу, что полностью доверяю этим двоим.

— Понятно. — Кверон взвесил все сказанное и вздохнул. — Кажется, если я не соглашусь, то ничего нового не узнаю. Что нужно делать, Райс? Хочу предупредить, что после стольких лет в обители святого Камбера, в основном среди людей, я почти разучился полагаться на волю других, особенно если не знаю, чего ожидать.

Несмотря на собственное волнение, Райс не мог удержаться от смешка и встал на ноги. Камбер подозревал, что смущение Кверона немного забавляет и его.

— Мне очень жаль, но я не уверен, что ваша осведомленность не исказит результаты. Я хочу, чтобы все получилось с первого раза. Вам будет удобнее сидя или лежа?

— Благодарю, я лучше посижу, — пробормотал Кверон, с тоской наблюдая за Райсом, когда тот направился к кушетке.

— Как пожелаете. Очень важно, чтобы вы расслабились, — сказал он. — В первый раз, когда мне пришлось это делать, мой пациент был в бессознательном состоянии, его пришлось предварительно успокоить. Потом же все объекты моего исследования шли на опыт добровольно. Они не были Целителями. Не знаю, имеет ли это значение, но я хочу быть уверен, что вы не запаникуете и не закроете передо мной защиты.

— Давайте же! — раздраженно начал Кверон.
— Я могу контролировать себя!

— Не сомневаюсь, — согласился Райс. — Откройтесь мне. Сосредоточьтесь и расслабьтесь.

Он положил руки Кверону на плечи и почувствовал напряжение мышц под пальцами. Райс ничего не сказал, однако, когда Кверон сделал глубокий вдох и выдохнул, он почувствовал, как напряжение начинает понемногу спадать. Кверон еще больше расслабился, когда Эмрис взял его за левое запястье.

— Теперь лучше, — оценил Райс, чувствуя, что начинает устанавливаться связь. — Почему бы нам всем не вдохнуть несколько раз и не сконцентрироваться? Элистер, если хотите, садитесь рядом со мной и присоединяйтесь. Вы наблюдали за этим и прежде, так что, если возникнут проблемы, у вас будет преимущество. Кверон, Эмрис, вы согласны?

Теперь, когда Райс приступил к делу, душевное равновесие быстро возвращалось к нему — он был только Целителем, даже при обращении, сам не замечая, опускал титулы. Положив руку на предплечье Целителя, Камбер вступил в контакт.

«Добро пожаловать», — послал ему свою мысль Райс.

— Хорошо, а теперь опустимся глубже. Кверон, что бы вы ни почувствовали, не сопротивляйтесь. Вот так. Глубоко вдохните и опуститесь на следующий уровень.

Веки Кверона задрожали, потом закрылись — контакт состоялся. Мозг Кверона был готов к соприкосновению с другим мозгом. Райс стал нащупывать известный только ему рычажок. Когда наконец он коснулся его, результат был столь внезапным, что даже Камбер едва уследил за этим.

Перед тремя Дерини была полностью открыта личность их мудрого и талантливого соплеменника, все его многие способности. Но в следующий момент их не стало, и Кверон превратился в обычного человека.

Камбер одновременно отдернул руку и вышел из контакта, наблюдая, как Кверон заморгал и замер, охваченный паническим страхом. Потом с

видимым усилием заставил себя поднять голову и весь обратился в немой, мучительный вопрос. Эмрис был ошеломлен не меньше, Камбер впервые увидел старого аббата растерянным.

— Господи, что вы со мной сделали? — воскликнул Кверон и задрожал, начиная понимать, что именно с ним сотворил Райс.

Не в силах собраться с мыслями, он сжал виски, покачал головой и затих, словно в нем не осталось ничего, что могло бы совладать с беспомощностью. Подчиняясь внутреннему желанию, Эмрис обнял его и, все еще не веря, уставился на Райса.

— Ты забрал все его могущество! — прошептал Эмрис, в его голосе звучали упрек и испуг. — Один из самых могущественных Целителей, которых я учил, а ты сделал его человеком, слепцом! Ты можешь *исправить* это?

— Конечно.

— Тогда сделай это. Немедленно!

Обычно мягкий голос Эмриса приказывал, и Камбер почувствовал, что Райс удивлен и смущен реакцией аббата. Не колеблясь, Райс сжал виски Кверона, Эмрис был весь внимание и мысленно поторапливал Целителя.

— Погружайтесь глубже, — скомандовал Райс, на мгновение останавливаясь, чтобы дождаться, пока Камбер снова вступит в контакт. — Теперь, Кверон, поймите, что с вами случилось.

В течение долей секунды воспоминания переносились с более глубоких уровней на поверхностные. Райс знал, что стоявший позади Эмрис неотступно следует за ним, в присутствии старого аббата была не дружеская поддержка, а скорее угроза.

— А теперь я верну вас в обычное состояние, сохранив все воспоминания. Расслабьтесь.

Камбер, не переставая удивляться, наблюдал, как Райс что-то тронул в сознании Кверона и

вернул на прежнее место, и, когда Камбер чуть запоздал с выходом из контакта, возвращенные защиты Кверона едва не вытолкнули его силой. В первые секунды Кверон, как и всякий опытный Дерини, образование которого началось в очень юном возрасте, просто восстанавливал баланс. Это было обычной процедурой после любого опасного волшебства.

Некоторое время никто не шевелился и не осмеливался произнести ни слова. Потом Кверон едва слышно вздохнул и покачал головой.

— Если об этом станет известно, моя репутация рухнула. — Он провел все еще дрожащей рукой по побледневшему лицу.

— С вами все в порядке? — спросил Эмрис.

— Да, все хорошо.

— Уверены?

— Да. Если после *этого* можно быть в чем-то уверенным.

Его пробрала дрожь, он обернулся к Камберу.

— А вы, Элистер... Надеюсь, вы извините мою фамильярность?

— Разумеется.

— Благодарю. Должен признать, что, несмотря на все сюрпризы, которые мне пришлось только что пережить, я приятно удивлен вашим... присутствием. У других не-Целителей редко встретишь такую уверенность. Я удивлен, почему вас считают человеком, неохотно использующим могущество. Или это удобная ширма для вашего членства в Камберианском Совете, а может, вы просто привыкли работать с такими, как Райс?

Камберу удалось удержать на лице улыбку Элистера, которая вот-вот готова была стать совершенно неподобающей епископу ухмылкой. Кверон подбирал слова осторожно, но тут таился скрытый комплимент и отчасти — правда.

— Скажем так, работая с Райсом, его прекрасной женой и моим секретарем Джоремом,

я многому научился, — просто ответил он. — Что же касается Совета, я действительно его член. И, как вы догадываетесь, Совету очень нужны вы с отцом Эмрисом, особенно если сможете обучиться тому, что сейчас показал Райс.

Морщины прорезали лоб Кверона.

— Вы, я имею в виду Совет, вы видите практическое применение нейтрализации способностей Дерини?

— Нам кажется, что это скорее блокирование, чем нейтрализация, — ответил Райс. — Конечно, это крайний случай, но подумайте: когда начнутся преследования, блокируя разум наших братьев, мы сделаем так, что никто не узнает об их деринийском происхождении. Если это *действительно* блокирование, способности могут передаваться детям даже в том случае, если могущество родителей не будет восстановлено по какой-либо причине. Разумеется, лучшим выходом было бы предотвратить гонения, но в нынешней политической обстановке на это нельзя рассчитывать.

Кверон кивал: очевидно, спокойствие вернулось к нему.

— Боюсь, вы правы. Но неужели вы всерьез полагаете, что мы с Эмрисом сможем обучиться этому без специальной подготовки? Прежде я никогда не слышал о таком.

— Я тоже, так что мы оба в этой области первопродукты.

Эмрис, до этой минуты хранивший молчание, наконец удостоверился, что с Квероном все в порядке. Он недоверчиво покачал головой и скрестил руки на груди.

— Мне не очень нравится эта идея, Райс. Совет на самом деле одобрил твой план?

— Они считают, что этим следует заняться, — ответил Райс, снова обращаясь к Кверону. — Ну как, вы не против, чтобы повторить это? Теперь Эмрис проследит с моей стороны, а не с вашей.

Кверон раскрыл рот, чтобы заговорить, и судорожно глотнул — булькающий звук утонул в складках драпировок.

— Вы мастер выбивать людей из колеи, не так ли? — буркнул он, стараясь скрыть невольную дрожь. — Вы понимаете, о чем просите? Нет, не отвечайте. Вы правы, я должен предоставить Эмрису возможность хорошенько разобраться в этом. Нам *обоим* не о чем тревожиться.

Райс улыбнулся и посмотрел на Камбера.

— Гордость Целителя. Держу пари, что сейчас он хочет этого меньше всего на свете и все же сделает это. Благодарю вас, Кверон.

— Вовсе не обязательно делать это сейчас ради меня, — сказал Эмрис, кладя руку Кверону на плечо. — Почему бы не дать ему день-другой, чтобы разобраться во всем. Один Бог знает, как это было тяжело.

— Если разобраться, не так уж и тяжело. Прежде чем узнать, как это было сделано, мне нужно подумать, — сказал Кверон. — Райс, пока я не потерял самообладание, повторите это. Мне остаться на месте?

— Лучше перейдите на кушетку, — ответил Райс, и Камбер уступил место Кверону. — Ложитесь и на этот раз устройтесь поудобнее. Я постараюсь действовать медленнее, чтобы Эмрис смог разобраться.

— Но не слишком медленно, ожидание мучительно, — с нервной улыбкой произнес Кверон, устраиваясь на кушетке. Райс сел слева от него. — Элистер, — продолжал Кверон, — почему бы вам не сесть справа, чтобы не дать мне впасть в истерику, пока Эмрис изучает меня, точно засушенного жука... — В голосе слышалось напряжение, и Камбер понял, что Кверон намеренно бравирует, пытаясь расслабиться. — Эмрис, постарайтесь выяснить, что делает Райс.

Эмрис не без сомнений занял место между Райсом и изголовьем кушетки и положил невесомую ру-

228 ку на плечо молодого Целителя. Камбер соеди-

нил свою руку с правой рукой Кверона и стал наблюдать, как Райс, внутренне собираясь, несколько раз вдохнул. Следуя за ним, Камбер приблизился к защитам Кверона и почувствовал, как под влиянием Целителя они вибрируют.

— Прекрасно, — пробормотал Райс, сжимая голову Кверона. Большие пальцы лежали на висках, а остальные он запустил в бронзовые волосы своего пациента. — Хорошо. А теперь покажем Эмрису, что мы делали раньше, согласны? Глубоко вдохните, выдохните, и пусть с выдохом уйдут ваши защиты. Теперь вы знаете, что случится, и что это вполне безопасно. Не напрягайтесь. Вот так. Вы будете знать, что происходит, и сможете описать свои чувства Эмрису, когда все закончится. Вот так, — продолжал он, когда Кверон закрыл глаза. — Эмрис, следуйте за мной и следите, что я сделаю, смотрите внимательно, иначе пропустите. Внимание.

Камберу показалось, что на этот раз Райс проделал все даже быстрее; мгновение — и способности Кверона были заблокированы. Веки задрожали, но не открылись. Райс быстро взглянул на Эмриса.

На бледном лице старого Целителя была написана такая глубокая сосредоточенность, какой Камбер прежде никогда не видел.

Райс отнял руки, давая Эмрису большую свободу исследования. Кверон открыл глаза и несмело встретил взгляд Эмриса, теперь он был в состоянии контролировать свой страх. Райс полностью вышел из контакта, а Эмрис в конце концов опустил на колени возле кушетки и обернулся, качая головой.

— Боюсь, что снова пропустил самое главное. Это просто невозможно. Не могу поверить. Он даже не сопротивлялся, когда я читал по его памяти и чувствам. Невероятно.

— Должно быть, это просто ужасно, — согласился Райс.

— Проник в его мозг и сдвинул что-то, — сказал Эмрис, своими бледными бесцветными глазами ища встречи с золотистыми глазами Райса. — А ты сам понимаешь, как это получается?

— Не очень, — признался Райс. — За мной следили моя жена, Элистер и еще кое-кто, но среди них не было Целителей. Они советовали со стороны. Я надеялся, что вы сможете проследить мои действия. — Он вздохнул. — Эмрис, если вы с Квероном не сможете научиться этому, никого нельзя будет обучить. Может быть, для Целителей это то же, что и для простых Дерини — искусство исцеления.

— Не будем делать поспешных выводов, сын мой. Никто не говорил о том, что не может научиться этому, — ответил Эмрис, как показалось Камберу, слегка раздраженно. — Просто я не был достаточно внимателен, а у Кверона вообще не было возможности наблюдать. — Он поглядел на лежащего, который ловил каждое слово разговора. — Сними блокирование, и посмотрим еще раз. Элистер, вы тоже. Точка зрения михайлинца может оказаться весьма полезной. Я могу пропустить нечто вполне очевидное.

Снова опуская руки на голову Кверона, Райс собрался и, сопровождаемый Эмрисом и Камбером, двинулся в ту область мозга, где происходило блокирование.

Он ободряюще улыбнулся Кверону, стараясь наилучшим образом соблюдать то, что считал врачебным тактом. Он работал в сознании Кверона легко, как в мозгу ребенка. От мощных способностей Целителя не осталось и следа.

Затем, как и прежде, он тронул это не поддающееся описанию нечто, и Кверон вновь стал таким, как раньше. Эмрис и Камбер только переглянулись.

— Проклятье, я, кажется, опять все пропустил, — прошептал Эмрис скорее про себя. — Не сделаешь ли снова?

Райс исполнил его просьбу. Повторив свои действия еще несколько раз, он показал блокирование на Эмрисе. Он старался действовать как можно медленнее, помогая участникам опыта проследить и попытаться научиться тому, что он совершал. Он повторял операцию, варьируя методы. Единственным условием была необходимость физического контакта между ним и его пациентом, но именно так выполнялась и всякая иная работа Целителя. Касание руками было неотъемлемой составной частью его действий.

Он показал это еще на двоих послушниках, стирая потом их воспоминания о случившемся. По предложению Эмриса и с вынужденного согласия Кверона, Райс проделал это на полностью бессознательном Квероне, как было с Грегори в первый раз. Камбера эти опыты не коснулись, Райс объяснил, что должен остаться хотя бы один, не испытывавший на себе загадочный феномен, да и Элистер к тому же не Целитель. Они согласились.

И все-таки многочисленные эксперименты не дали ничего.

— Что же, мне остается сделать единственный вывод, — наконец был вынужден признать Эмрис, когда они подкрепляли силы вином. — Возможно, это твой уникальный дар, Райс. Мы пытались научиться, но ты намного опередил своих учителей. Честно говоря, я даже не знаю, что сказать.

Утомленный, Райс потянулся и стал вращать головой, разминая затекшие мышцы шеи. Близился вечер, а они лишь сейчас впервые прервали свои занятия, чтобы выпить вина и съесть по кусочку жесткого желтого сыра, нарезанного Камбером. Позади осталось несколько часов бесплодной, тяжелой работы.

— Увы, может статься, что вся наша идея не заслуживает внимания, — заметил Райс, откусывая сыр. — Если только я один способен на блокирование, нам придется пересмотреть всю концепцию. Как-то в шутку я сказал, что, если не останется иного выбо-

ра, я сыграю роль религиозного фанатика. Сцена для спектакля уже готова, независимо оттого, кто будет исполнителем, но, не скрою, я бы предпочел подыскать себе замену.

— Не ты один, мы все были бы рады найти другой путь, — ответил Камбер, протягивая сыр Кверону, а затем Эмрису. — Ладно, придется поразмыслить, как нам теперь быть.

ГЛАВА 13

Чужестранцы ополчились против него и своею клеветой заставили уйти в пустыню.¹

Увы, но решить проблему Совет не сумел. Реван, прижившийся среди виллимитов, вполне подготовил сцену для появления Целителя с талантами Райса. Ивейн с Джоремом снабжали его достаточной информацией, чтобы никто не заподозрил неладного. Теперь оставалось только ждать, не отыщется ли еще кто-нибудь с тем же даром, что у Райса, или ему все же придется взять на себя роль мессии. Хотя в их душах по-прежнему теплилась теперь уже совсем слабая надежда, что ситуация изменится настолько, что им вообще не будет нужды переходить к решительным действиям.

Прошло четыре месяца со дня похорон Синхила и коронации Алроя, и все это время Дерини держались тише воды, ниже травы, однако о людях нельзя было сказать того же самого. Новые правители-регентс действовали скрытно, подобно камберианцам, но от этого не менее эффективно, и явно умышляли недоброе против всех своих недругов. К большому облегчению Кам-

¹ Екклесиаст 45:18

бера и его соратников, до открытого насилия пока дело не дошло, и жизнь по-прежнему текла мирно, но в воздухе определенно пахло грозой, и для Дерини это не сулило ничего доброго.

Прежде всего, огромные перемены произошли в войсках Гвиннеда. Регенты не могли не отдавать себе отчета, насколько опасно для них держать в армии офицеров, обучавшихся в Ордене Святого Михаила, как людей, так и Дерини. До сих пор они составляли костяк войска и могли стать главным очагом сопротивления режиму регентов, так что для тех было жизненно важно произвести чистку армии.

Жесточайшей проверке подверглись все, невзирая на ранги и чины, после чего испытанных офицеров Джебедии сменили необученные юнцы, люди все до единого.

Беспомощный и разъяренный, Джебедия был вынужден наблюдать, как армию превращают в слепое орудие, которое в любой момент могут направить против его собственного народа. Все что ему оставалось, это пытаться пристроить куда-то на службу бывших подчиненных.

А это было непростой задачей. Политическая обстановка, нагнетаемая регентами, отнюдь не подходила тем, кто родился и воспитывался как воин. У большинства Деринийских дворян было предостаточно своих слуг обеих рас, и они отказывались принимать новых, особенно в свете явно усиливающегося недоброжелательства к Дерини со стороны королевского двора. Некоторым даже пришлось распустить людей, ибо они были больше не в состоянии выплачивать огромные суммы на содержание собственного войска.

Что же касается дворян-людей, то они все с большей неохотой нанимали уволенных регентами вояк. Если прежде михайлинское военное обучение считалось инструментом воспитания превосходных солдат, тактиков и стратегов, то теперь оно все больше

ассоциировалось со старыми временами правления Дерини.

К счастью для Гвиннеда, Орден святого Михаила воспитывал в учениках дисциплину и ответственность так, что в отличие от дворян непристроенные воспитанники Ордена не скакали бесцельно по дорогам и не разоряли страну. Большинство действительных членов Ордена просто вернулось на военную базу в Аргоде или в другие места, чтобы быть наготове или обучать военным искусствам.

Возникли небольшие тайные организации, хранящие традиции воспитания Дерини и михайлинцев, готовые стать островками сопротивления, если случится самое худшее.

Джебедия решил, что это только вопрос времени: Орден будет подавлен так же жестоко, как в последние годы правления Имре. По крайней мере до совершеннолетия Алроя и лишения регентов власти михайлинцы должны действовать так же осторожно, как и Дерини, а Дерини-михайлинцы — вдвойне осторожно.

Для тех же, кто только воспитывался в Ордене, но не получал его покровительства и защиты, выбор был и того уже, особенно для тех, на чьих плечах лежало бремя заботы о семье. В результате многие офицеры Джебедии просто сгнули, увозя свои семьи с собой в Торент, Форсинн, Хланнед и в другие дальние земли, где о Дерини остались более теплые воспоминания или где их никто не знал. Уходили и Дерини, и люди, навсегда уезжали из Гвиннеда лучшие умы поколения. Джебедия больно переживал такие исчезновения, и все же, трезво оценивая ситуацию, знал, что не может заставить их остаться. В чужих краях, по крайней мере, у них будет шанс на выживание.

Начавшиеся сразу после смерти Синхила перемены в самом Гвиннеде продолжались. Дерини из числа слуг и придворных, которых даже при Синхиле было не слишком много, получили расчет, а их

места заняли люди. Райс и Ивейн, самые талантливые из личных слуг Синхила, стали первыми, кого уволили под лицемерным предлогом предоставления отдыха за многие годы преданной и беспорочной службы. Милостивая форма отставки никого не обманула. Если обыкновенные Дерини последовательно удалялись от двора как нежелательные, то дочь и зять деринийского святого могли вызывать только чувство ненависти.

Райс и Ивейн покинули свои покои во дворце, которые они занимали последние двенадцать лет, и временно поселились в Валорете в доме Райса, который тот купил еще в свою бытность молодым Целителем и все эти годы использовал как гостиницу для учеников-Целителей. Время от времени они навещали Шилл, чтобы проведать младших детей и встретиться с новым наставником. Там в одну из прекрасных ночей в середине мая они зачали четвертого ребенка — девочку, которая должна была появиться на свет в начале следующего года.

Пока Камбер жил во дворце архиепископа при соборе, Райс и Ивейн не хотели возвращаться в Шилл совсем, а Камбер не мог уехать до коронации, назначенной на конец мая.

На место королевского врача, оставленное Райсом, регенты назначили двоих людей. Они решили, что люди могут справляться с простудами и другими болезнями короля не хуже Дерини, а деринийское волшебство вообще противоречит научной медицине. Вот в уходе за больными — массажах, притираниях и прочем — Целители большие мастера, поэтому Тависа О'Нилла регенты не тронули.

Не то, чтобы он нравился им. Ведь, в конце концов, он тоже был Дерини. Но имея дело со вспышками раздражения принца Джевана, когда при нем упоминалось о возможной отставке Тависа, и с приступами, вызванными этими вспышками, регенты отложили этот вопрос до коронации. В этот день Джеван

должен появиться во всем великолепии принца, быть достойным царственного брата.

Кроме того, Тавис был одним из самых безобидных Дерини. Сколько его помнили, он никогда не выказывал ничего, кроме таланта Целителя. Если бы не эта особенность, он был бы похож на человека. И, как вынужден был признать епископ Хьюберт, хотя настроения Тависа и следовало считать сомнительными, беря во внимание его деринийское происхождение, волшебство свое он применял только в благих целях. Итак, Тавис оставался, но под наблюдением.

Так же под присмотром находился и архиепископ Джеффрай. Оставаться при дворе его вынуждали обстоятельства. Однако помощники архиепископа, люди и Дерини, и даже незначительные при дворе персоны уже предупреждали его об осторожности — регенты были настроены, ни больше ни меньше, на его смертельную болезнь или несчастный случай с летальным исходом, потому что смерть могла сделать то, чего они сделать не смогли, — вычеркнуть его из состава Регентского совета.

Но, несмотря на их горячее желание, Джеффрай процветал и продолжал информировать Камберианский совет о новых планах регентов, по крайней мере тех, что выносились на общее обсуждение, а не вынашивались четверкой правителей втайне.

Одна из тем обсуждалась угрожающе часто, хотя пока ничего серьезного это не предвещало, — регенты все больше получали известий о тех самых разбойных бандах, с одной из которых Камберу и Джорему пришлось столкнуться неподалеку от Долбана. Именно об этом обстоятельстве регенты не имели ни малейшего представления, но зато знали о происшествии с братом Хьюберта. К счастью, Манфред мог пожаловаться лишь на хулиганство и непристойное поведение нападавших, но только Богу было известно, что принесет с собой лето, когда сумятица после коронации

уляжется и жизнь потечет по новому руслу, зажатая берегами правил. Регенты уже начали принимать необходимые для этого меры.

Проблема не была нова для Дерини, хотя неожиданным был ее масштаб. Младшие сыновья всегда оставались не у дел и обычно шли в священники или в солдаты, а иногда, если фортуна улыбалась, они получали наследство, превращаясь в прожигателей жизни. Изредка кому-нибудь удавалось выслужить титул, но такие случаи были уникальны, особенно в мирное время.

Под разными предложениями регентам удалось изменить соотношение людей и Дерини среди придворных. Три месяца назад тех и других было примерно поровну, теперь из каждого четырех только один был Дерини. Те из них, кто оказался не у дел, с недоумением обнаружили, что лишаются надежд на продолжение карьеры и немалой доли своих доходов в виде королевского жалования.

Оставались их обязанности феодальных сеньоров: сбор церковной десятины и других налогов, сторожевая служба... Но и тут перспектива была удручающая. В конце лета регенты собирались ужесточить налогообложение, это сулило всем новые тяготы. Совет регентов уже предупредил землевладельцев, Дерини и людей, о том, что решение принято.

Такое не могло понравиться Дерини. Менее осторожными из недовольных были младшие сыновья, объединявшиеся в банды из-за нехватки средств, а то и просто от скуки бесчинствующие на дорогах.

Таких не в меру порывистых молодых людей, сбившихся в дюжину шаек, было около сотни. У большинства из них сохранились достаточно прочные связи со своими титулованными семьями, чтобы не слишком-то страшиться наказания. Да и кто были те шерифы и констебли, противостоявшие сыновьям графов и баронов? Они не имели большой власти над родовитыми буянами, как ни добивались ее.

Все чаще в эти месяцы перед коронацией Алроя Джеффрай делился своими страхами с Камберианским советом, все чаще Девин, Ансель и Джесс отвечали, что они делают все возможное. Но трое юношей во главе с Грегори просто не могли оказаться одновременно в десятке мест, даже разделяя свои небольшие отряды. Еще меньше можно было сделать от имени Совета без опасности выдать его существование, а об этом не должен был знать ни один человек.

* * *

Алрой Беренд Брион Халдейн был коронован, когда ему исполнилось двенадцать лет. В день возведения на престол нового короля долгая, унылая зима сменилась весной. У его отца был строгий и консервативный королевский двор, но регенты решили, что для юного короля Алроя это не подходит. После официальной части церемонии подготовили развлечения для короля и его братьев, Среди прочих забав были турнир и великолепная ярмарка. В ожидании их сама коронация казалась просто пыткой, но принцы ради грядущих удовольствий готовы были все стерпеть.

День для них начался рано. Алроя и его братьев поднимали для утренних молитв и ванны — но не для завтрака — и разделили, чтобы Алрой в последний раз перед церемонией выслушал наставления. Пока слуги одевали его в белое и золотое для коронации, мальчику пришлось наизусть повторять свои сегодняшние речи, чем епископ Хьюберт остался доволен — он в течение последнего месяца зубрежкой доводил детей до изнеможения.

С безразличием, но точно по тексту, Алрой повторял заученные слова. Слишком печально, как сообщил потом Хьюберт регентам. Мальчик спросил епископа, сможет ли он стать хорошим и мудрым королем. Разумеется, Хьюберт заверил его, что смо-

жет, особенно если будет слушаться наставлений своих советников. Тем не менее епископу вопрос не понравился. Пока регенты у власти, мальчик не должен воображать себя настоящим королем.

Процессия покинула замковый двор, возглавляемая войском дворцовой стражи в форме Гвиннеда и пэрами королевства, которые смогли приехать в Валорет, их было около пятидесяти, людей и Дерини, хотя последние присутствовали в меньшем количестве, чем Камбер рассчитывал. Среди них был Девин, рядом с ним ехал Ансель. Граф Грегори приехал с сыновьями, а барон Торквилл де ла Марч, только что вернувшийся из своих восточных владений, выглядел так, словно ему не терпелось немедленно уехать обратно.

Как заметил Камбер, когда процессия приблизилась к ступеням собора, где стояли он, Джеффрай и епископ Хьюберт, большинство свиты составляли люди. Многие самые могущественные и влиятельные Дерини просто не приехали!

С упавшим сердцем Камбер поправил ризу на плечах — ризу, много лет назад подаренную Синхилом, — и стал наблюдать, как участники церемонии сходят с коней и направляются в собор. Отсутствие некоторых Камбер предугадывал заранее, а кое-кто, как Ивейн и Райс, не участвовал в процессии и был уже внутри. Но такого жалкого зрелища он предвидеть не мог, это была просто пощечина регентам со стороны представителей его расы. Он горячо молился, чтобы регенты были слишком заняты, чтобы обратить на это внимание, но знал, что молитва не поможет. Регенты заметят. Если не Мердок, так обязательно Таммарон или Ран. Или Хьюберт.

Камбер искоса взглянул на тучного Хьюберта, расположившегося напротив Джеффрая, и увидел, что епископ-регент уже заметил. Он обиженно надул маленькие розовые губки и повернул ангельское личико, чтобы продиктовать несколько слов сек-

ретарю, стоявшему справа от него. Лист, на котором писал секретарь, был наполовину виден.

«Джорем, что пишет тот человек?» — мысленно спросил Камбер сына, стоявшего за ним и Джефффраем и лучше видевшего лист.

«Имена, — ответил Джорем. — Он составляет список присутствующих на процессии. Хочешь пари, что внутри тоже записывают тех, кто уже там?»

«Не надо пари, — возразил Камбер. — Ивейн и Райс уже на месте?»

«Да.»

«Слава Богу, — подумал Камбер. — Иди и проверь. Если регенты составляют списки, нам лучше сделать то же самое, чтобы можно было предупредить тех, кто не пришел. Я понимаю их раздражение, но в таком случае они могли бы быть менее принципиальны.»

«Отец Эмрис внутри с гавриилитами, — сообщил Джорем. — Мне попросить его составить список? Ему не придется записывать, я могу связаться с ним, не вызывая подозрений.»

Камбер кивнул; вспоминая, что у аббата Ордена святого Гавриила была изумительная память. Знаком он попросил сына нагнуться к нему.

— Джорем, ты не принесешь мне воды? — спросил он скорее ради тех, кто мог подслушивать. — Такой старый человек, как я, не может простоять всю церемонию, не выпив чего-нибудь холодненького.

— Разумеется, ваша милость, — с поклоном ответил Джорем; торжественность, написанная на его лице, скрывала минутную веселость.

Он поспешил, чтобы слиться с толпой дворян внутри, когда королевская процессия, сопровождаемая звуками фанфар и барабанной дробью, остановилась на площади перед собором. Первыми на гнедых лошадях, ведомых графами Грориком и Сигером, ехали братья короля, одетые в пурпур, с серебряными обручами принцев на головах. За ними Эван нес меч

Гвиннеда, а в руках Мердока был королевский штандарт.

За ними следовал король. Сидя с непокрытой головой на рослом, абсолютно белом жеребце, он казался юным и беззащитным.

Коня вел под уздцы граф Таммарон, сдерживая горделивую поступь животного. По другую сторону королевского коня вышагивал Ран Хортнесский, едва пряча торжествующую улыбку.

Солнечный свет ярко играл на богатых одеждах регентов и самого короля, сверкал на золоте и серебре украшений, тонул в обилии вышивки, какое могли себе позволить только короли и священники.

Когда одяние короля было осмотрено в последний раз и белую мантию уложили красиво ниспадающими складками, рядом с королем встали четыре графских сына, защитив его от солнца балдахином из золотой ткани. Когда двери собора раскрылись, чтобы впустить процессию, хор запел традиционный для коронаций гимн:

«Я возрадовался, когда мне сказали: войдем в храм Господень!»

Процессия двинулась по нефу: сначала монахи из хора в красных сутанах, затем дюжина мальчиков в белых ризах с капюшонами и пурпурными поясами, у каждого в серебряном подсвечнике тонкая свеча.

Следующим шел монах с кадиллом, оставляя после себя сладковатое облачко благовоний, в котором, казалось, сам по себе плывет изящно украшенный крест примаса Гвиннеда (за легким туманом благовоний почти не было видно юного диакона, несущего его). Сопровождаемый капелланом и вторым диаконом, за крестом следовал архиепископ Джеффрай, далее архиепископ Ремутский Орисс со свитой. Оба епископа были в белых с золотым ризах, обильно украшенных вышивкой и аппликацией. А инкрустированные драгоценными камнями митры, богатством равные

короне, и епископские посохи утверждали их пастырскую власть над душами своих чад.

Затем шествовал король со свитой. Слева и справа от Алроя, под балдахин, шли Камбер и Хьюберт, Правила требовали, чтобы Алрой держал обоих епископов за руки, но в последнюю минуту мальчик отказался выполнить это условие, отговорившись тем, что он устанет постоянно держаться за руки. Камбер догадывался, что на самом деле причиной отказа было то, что Алрой не знал, кому может довериться, поэтому решил не доверять никому.

Сейчас мальчик спокойно шел между ними, не касаясь их и не позволяя им касаться его. Голова была высоко поднята, а подбородок упрямо замер в том положении, в каком Камбер не однажды видел подбородок его отца. Может быть, Алрой и не был тем беззащитным мальчиком, каким казался.

За королем следовали другие епископы, а за ними отец Альфред, духовник мальчиков. Далее шли четверо мирских регентов с королевскими регалиями в руках: Эван нес меч в ножнах, Мердок сменил штандарт, который пронес до собора, на скипетр, Ран — огненное кольцо на маленьком серебряном подносе, а Таммарон — копию короны Гвиннеда с переплетенными листьями и крестами, специально уменьшенную для Алроя. Замыкали процессию графы Грорик и Сигер, сопровождавшие принцев Джевана и Райса Майкла.

Прежде чем подняться на хоры и расположиться на указанных местах, каждый участник процессии останавливался у ступеней храма для поклона. Алрой опустил-ся на колени справа от жертвенника, рядом с трон, который скоро будет принадлежать ему, а Хьюберт и Камбер, сопровождаемые епископами, остановились у тронов архиепископов, стоящих в левой части хоров.

Пока звучал гимн, двое архиепископов, обнажив головы, читали молитвы, а затем пошли за Алроем. Когда юного короля вели к алтарю, было

видно, как по его телу пробегала дрожь. В тяжелом одеянии и мантии мальчик выглядел совсем маленьким и хрупким.

Камбер был уверен, что Джеффрай, как и его предшественник Энском, тринадцать лет назад короновавший Синхила, в этой части церемонии будет следовать законам Дерини и людей в равной степени. Обычаи требовали, чтобы в самом начале коронации король был представлен четырем частям государства и, возможно, четырем ветрам, чтобы слово монарха долетало до самых отдаленных уголков королевства. Поэтому, обращаясь к четырем основным точкам храма, архиепископ возглашал имя нового короля. Так было испокон веков.

Образованные Дерини знали и тайный смысл этого действия: нового короля представляли властелинам четырех стихий — Архангелам, к которым Дерини обращались за помощью в своем волшебстве. Это обращение за помощью и ритуал окуливания храма благовоениями охраняли восходящего на престол от темных сил.

Чем же было помазание нового короля, как не волшебством? Странно, что многие люди просто не замечали магического смысла своей религии.

Даже если Ориссу это было неизвестно, Джеффрай точно знал. Взяв Алроя за правую руку (с другой стороны уже расположился Орисс), Джеффрай повел его к восточной стене храма, где у подножья алтаря и начинались подобные церемонии. Подойдя, все трое приветственно подняли руки, а Джеффрай произнес традиционные слова.

— Приветствуйте Алроя Беренда Бриона, нашего законного короля! Согласны ли вы служить ему верой и правдой и почитать его?

— Да благословит Господь короля Алроя! — закричали собравшиеся, и только некоторые Дерини знали, что принимают участие в том самом вол-

шебстве, уничтожить которое позднее поклянутся регенты.

Архиепископ повел юного короля на юг, как и прежде, поднимая руки и произнося те же слова.

— Да благословит Господь короля Алроя! — снова закричали собравшиеся.

Повторяя слова по древнему обычаю, они перешли на запад, а оттуда на север. Когда в северном углу замерло последнее эхо возгласов, архиепископы отвели короля обратно.

Там, на аналое, лежало раскрытое Евангелие, а рядом с ним — написанный каллиграфическим почерком и красиво оформленный документ. С поклоном отпустив руку Алроя, Джеффрай полуобернулся к толпе собравшихся и спросил:

— Король Алрой, готов ли ты принести торжественную клятву?

— Да, — ответил мальчик так тихо, что даже Камбер, стоявший от него в нескольких шагах, с трудом расслышал ответ.

Джеффрай положил руку мальчика на раскрытое Евангелие, взял документ и начал читать:

— Алрой Беренд Брион Халдейн, перед людьми и Богом объявленный законным наследником нашего покойного короля Синхила, клянешься ли ты охранять мир Гвиннеда и править его народом в соответствии с древними законами и обычаями?

— Клянусь, — пробормотал Алрой.

— Клянешься ли ты милосердно вершить правосудие и чтить закон?

— Клянусь, — повторил Алрой.

— Клянешься ли ты, что Зло будет наказано, а законы Господни восторжествуют?

— Клянусь.

— Пусть лорды регенты выйдут вперед, — сказал Джеффрай, оборачиваясь к ним и встречая их приближение легким поклоном.

Орисс, сложив руки, встал рядом с Камбером, а регенты расположились на ступенях по обе стороны от короля.

— Мердок Картанский, Таммарон Фиц-Артур, Ран Хортнесский, Эван Рэндаллский, действующий от имени и с согласия своего отца Сигера, и Хьюберт Мак-Иннис, будучи назначенными нашим покойным королем Синхилом опекунами нашего юного короля до его совершеннолетия, подтверждаете ли вы клятву, данную нашим королем, и клянетесь ли вы быть верными слугами и преданными регентами короны Гвиннеда?

— Клянемся, — в один голос ответили регенты. Архиепископ подал Алрою свиток и проследил, как мальчик аккуратным детским почерком выводит в конце листа «*Alroi Rex*». Когда регенты поставили свои подписи и печати на документе, а Джеффрай, Орисс и Камбер засвидетельствовали его, Алрой положил свою маленькую руку на Евангелие и без всяких подсказок повернулся к собравшимся.

— Я исполню свое обещание и ни на шаг не отступлю от клятвы, и да поможет мне Бог, — произнес он громко.

Приподнялся на цыпочки, чтобы поцеловать книгу, дождался, пока регенты сделают то же самое, спустился со ступеней алтаря, встал на колени и освободился от мантии и верхней одежды. Когда юный король в простой, похожей на подрысник рубахе распростерся перед алтарем, епископы и священники опустили на колени рядом с ним, а хористы запели «*Приди, Творец*» — песнопение, сочиненное несколько веков назад и исполняемое на коронациях и рукоположении епископов и священников.

Veni, Creator Spiritus, mentes tuorum visita, imple superna gratia, quae tu creasti pectora...

Слова молитвы звучали до тех пор, пока

246 Джеффрай и его помощники окуривали лада-

ном алтарь и Алроя. Потом монахи запели, предваряя главный момент церемонии:

Священник Задох и пророк Натан помазали его на царствие в Гигоне...

С окончанием песни Камбер и Хьюберт поставили Алроя на колени. Под сенью принесенного балдахина архиепископы Джеффрай и Орисс начали миропомазание.

— Да останется на голове твоей след этого священного масла, которым благословляли королей, священников и епископов, — сказал Джеффрай, оставляя на черных волосах мальчика масляный след в виде креста.

— Да останется на груди твоей след от этого священного масла, — продолжал он, рисуя знак через открытый ворот рубахи.

— Да останется на руках твоих след от этого священного масла, — он нарисовал символ на дрожащих ладонях мальчика. — Подобно Соломону, миропомазанному на царствие священником Задохом и пророком Натаном, да будешь ты миропомазан, благословен и посвящен служению своему народу, который Господь наш Бог отдал тебе, чтобы ты правил от Его имени. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Алроя подняли и обрядили в одежды короля: золотую тунику, белый пояс, украшенный драгоценностями, пурпурную мантию, отороченную мехом, расшитую золотом и самоцветными камнями.

На каблуки прицепили золотые шпоры и вручили королевский меч. На палец надели огненное кольцо, специально уменьшенное для Алроя, однако свое тайное назначение гранатовый перстень уже выполнил. Скипетр, тонкий жезл слоновой кости, инкрустированный золотом, ему дали только подержать, чтобы мальчик смог почувствовать его тяжесть, а потом положили у трона.

Наконец Алрой торжественно опустился на колени у ног архиепископа, Джеффрай поднял

корону над головой мальчика, глядя на переплетение золотых и серебряных листьев и крестов.

— Мы взываем к Тебе, о Господи. Благослови эту корону, а с ней и Твоего слугу, Алроя, на чью голову возлагается сегодня эта корона в знак его королевского величия. Да будет он милостию Твоей добродетелен. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Под звуки фанфар и крики: «Да будет милость Господня с королем!» Алрой был наречен королем Гвиннеда.

Сразу после этого епископы, духовенство и дворяне, предводительствуемые братьями Алроя, выступили вперед, чтобы оказать почести, выразить покорность и получить королевское благословение. А регенты с торжествующими улыбками наблюдали за всем этим. Была отслужена месса, во время которой король сам раздавал хлеб и вино причастия, а затем процессия во главе с очень уставшим юным королем вышла из собора.

С возвращением в замок день для короля не заканчивался — предстоял традиционный пир. Несмотря на то, что колокола уже собирали паству к вечерне, когда процессия вступила на двор замка, несмотря на то, что голова Алроя раскалывалась от тяжести короны и голода, у него почти не было времени, чтобы передохнуть.

Час перед трапезой ушел на то, чтобы, освободившись от тяжелой одежды и короны, погрузиться в сон, который с помощью Тависа стал как бы дольше. С двумя другими мальчиками Тавис поступил точно так же и разбудил только тогда, когда регенты уже не могли больше ждать. Целитель убедил регентов, что детям необходимо сначала основательно подкрепиться, но большего для питомцев не добился. Ему оставалось только наблюдать со стороны и, если потребуется, быть готовым оказать помощь. Если король уснет за столом, вечернее пиршество закончится. Были известны случаи, когда более зрелые монархи засыпали над тарелками.

Встречаемые радостными криками дворян и звуками труб, король и его братья вышли в зал в сопровождении свиты. Алрой как хозяин пиршества сел посередине стола. По сравнению с отцовским тронем, возвышавшимся на помосте, мальчик казался просто гномом. Трон окружали регенты и их жены в мехах, драгоценностях и со знаками своего фамильного и придворного достоинства. Джеван и Райс Майкл сидели по разным концам высокого стола, тоже окруженные придворными, которых больше занимал собственный престиж, чем самочувствие двух детей, вынужденных слишком рано стать взрослыми. Не считая слуг и пажей, прислуживавших за столом, у братьев короля не было сверстников в огромном зале. Тот вечер стал первым, но отнюдь не последним уроком одиночества королевской судьбы.

Однако, несмотря ни на что, вечер не был лишен прелестей даже для мальчиков, хотя, если бы им удалось отдохнуть подольше, их настроение было бы значительно лучше. Еда, обильная и экзотическая, подавалась под мадригалы и музыкальный аккомпанемент, блюда, прежде чем поставить на стол, проносили через весь зал для увеселения гостей. Подавали жареную дичь и сельдей, осетров в лавандовой воде, отчего казалось, будто они все еще плавают; фазанов, фаршированных голубиным и лебединым мясом; огромные торты и мясные пироги; угрей, сваренных в вине, и прекрасно зажаренного павлина, поданного к столу в своем переливчатом, радужном оперении. Здесь был даже халдейский лев, сделанный из золотистого марципана и жженого сахара, с вишнями вместо глаз. Алрою достался кончик хвоста и ухо этого чудесного льва.

Развлечения были интересны в равной мере и детям, и взрослым — выступления акробатов, арфистов и трубачей. Алрой был очарован пантомимой, изображавшей победу его отца над ненавистным Дерини Имре, хотя ему никогда не доведется узнать, как

вывернули регенты эту историю, чтобы показать, что Имре пал от своего же меча, а не пошел на смерть по собственной воле, используя свои способности, предпочитая смерть жизни в плену у Синхила и Дерини — его сторонников. Если не считать самого Имре и Эриеллы, Дерини в пантомиме вообще не появлялись.

Несмотря на старания Тависа, копившаяся весь день усталость очень скоро начала сказываться на мальчиках. Поощряемые взрослыми, дети могли пить столько вина, сколько хотели, и сначала Райс Майкл, а потом и Алрой принялись клевать носами.

Слуга ненавязчиво предложил Алрою чашу для ополаскивания пальцев, Алрой пристыжено поблагодарил, но к тому времени Джеван тоже начал зевать, а Райс Майкл, покачиваясь, сполз со стула и устроился спать под столом. Казалось, никто из гостей не заметил этого.

Зато Тавис отлично все видел. Расположившись в галерее, окружавшей зал, он в течение всего пиршества сверху наблюдал за мальчиками и ждал, когда наступит решительный момент. Во время особенно шумного танца он спустился вниз в сопровождении двух слуг. Пока слуги занимались Джеваном и Алроем, Тавис вытащил из-под стола спящего Райса Майкла.

Таммарон заметил, что они уходят, и одобрительно помахал Тавису, его собственные сыновья в это время уже давно находились в постели. Кроме Таммарона, никто даже не оглянулся в сторону принцев. После танца Мердок и Ран, лениво развалясь в креслах, затянули подхваченную хором дворян непристойную балладу, одну из тех, что можно услышать в винных погребках по всему Валорету. В углу Эван и его братья Грорик и Сигер затеяли игру на деньги с четырьмя другими мужчинами. От выпитого вина лицо Хьюберта покраснело, а сам он сделался совершенно невменяем (к большому, неудовольствию жен остальных регентов и служанок, которым случалось чересчур близко подходить к его преосвященству).

Джефффраю, одному из немногих присутствующих Дерини, и горстке других представителей обеих рас, сумевших остаться относительно трезвыми, оставалось только качать головами и удивляться, как им удастся пережить следующие несколько лет, если Гвиннед будет находиться в руках таких вот людей.

К счастью для принцев, следующий день прошел намного легче. Во-первых, он начался позже обычного. К назначенному часу в полдень регенты только еще начали отходить от ночного пиршества, следующий час ушел на сборы мальчиков.

Первое предложенное им развлечение было прелюдией к целой серии увеселений, рассчитанных на то, чтобы порадовать десятилетнего и двенадцатилетних мальчиков и не давать государственным мыслям утомлять их юные головки. Для этой цели регенты привлекли собственных детей и сверстников принцев из своей родни, а Хьюберт привел детей брата. Никого абсолютно не интересовало, во сколько обойдутся развлечения.

Главным среди всех увеселений были выступления труппы кукольников и танцоров-систрионов, которые изобразили несколько сказок гвиннедского фольклора под аккомпанемент пестро одетого трубадура, выступления жонглеров и юной арфистки, ровесницы близнецов. Она так хорошо пела и играла, что мальчишки, захваченные в плен чудесной мелодией, начали всерьез подумывать, чтобы оставить ее во дворце, хотя ни один из них не был достаточно взрослым или опытным, чтобы знать, что с ней можно делать, кроме как слушать песни. На смену арфистке явились танцоры, которые исполнили танец с мечами под свирели и барабаны и сначала напугали десятилетнего Райса Майкла мельканием своих мечей, таких же древних, как сама история страны.

Еще одним развлечением стало знакомство с бродячим зверинцем, который представляли на ярмарке, открывшейся в городе на следующий

день. Никогда прежде мальчикам не доводилось видеть таких зверей: танцующего медведя, который страшно рычал и ревел, когда его заставляли выступать, несколько странных серых зверей с горбами на спинах, пару настоящих львов, точно таких же, как на гербе Халдейнов, привезенных издалека и содержащихся в клетках с толстыми прутьями. В подарок от владельца зверинца, маленького шустрого человечка, мальчики получили трех прекрасных жеребят-однолеток, сейчас они были черными, как смоль, но было обещано, что к тому времени, когда молодые хозяева станут достаточно взрослыми, чтобы сделать из них боевых скакунов, их окрас превратится в чистейший белый.

Восторгу мальчиков не было границ, и в ту ночь они спали нормальным сном немного уставших детей.

Второй день отметили еще более знаменательные события. Первой королевской обязанностью (и очень приятной, так что братья надеялись, что она получит продолжение) стал визит на открытие ярмарки, объявленной в честь восшествия на престол нового короля. Адрой лично присутствовал на торжественном открытии, взволнованно прислушиваясь к речи гофмейстера, огласившего официальный указ и от имени короля Адроя повелевшего всем жителям, находившимся в границах ярмарки, блюсти королевский порядок. Королевская процессия двигалась по ярмарке, сопровождаемая звуками трубы и барабана, а перед ней вышагивал одетый в ливрею паж и нес на шесте позолоченную латную рукавицу — символ покровительства. Король и его братья раздавали черни медные деньги, новенькие, с портретом Адроя, а в ответ получали великое множество безделушек и маленьких подарков, которые регенты разрешили принимать.

Однако времени на задержки не было, король должен был посетить еще турнир в его честь, который открывался после обеда. Поэтому пришлось покинуть ярмарку задолго до того, как было удовле-

творено детское любопытство. Синхил никогда не одобрял подобного легкомыслия, и мальчикам не разрешалось посещать ни ярмарки, ни рынки. На турнирах они были всегда только зрителями, хотя обучались верховой езде и приемам турнирных состязаний. Турниры были введены только в самом конце правления короля Блейна, отца Имре, с единственной целью — тренировать воинов в мирное время. Теперь все достижения военного искусства показывались для забавы.

Поэтому участие в турнире детей особенно привлекало принцев. После церемонии открытия состоялись состязания взрослых наездников, а потом ровесников Алроя и Джевана.

Король подхватил легкую простуду, и поэтому ему не разрешили садиться на лошадь, однако пообещали, что позволят завтра, если его здоровье поправится. Зато Джеван с таким мастерством держался в седле, накидывая обручи на столб, что удивил зрителей; как ездок он был не хуже любого другого, а длинное верхнее платье скрывало правый ботинок. Он даже завоевал второе место в состязании с шестом, за что был пожалован венком полевых цветов из рук графини Картанской, жены Мердока.

В состязании с пажами своего возраста Райс Майкл тоже блеснул мастерством, сумев накинуть на шест столько колец, что ему пришлось выдавать дополнительные.

За него публика особенно переживала, потому что лучезарная улыбка очень быстро сделала его всеобщим любимцем. С наступлением ночи все трое вновь заснули здоровым сном уставших мальчиков.

На третий день ограничения были еще менее строгими. Королевское присутствие требовалось на продолжавшемся турнире, и Алрою разрешили участвовать в состязаниях. Его братья сумели уговорить благоразумного графа Таммарона, который был мягок и со своими детьми, и получить разрешение посе-

тить ярмарку в сопровождении Тависа и небольшой охраны.

Мальчики были так возбуждены, а их энтузиазм так заразителен, что Тавису пришлось уступить и разрешить им переодеться в платье пажей, чтобы на ярмарке их приняли за обычных мальчиков. Поверх своей собственной туники со знаками Целителя и слуги короля он накинул короткую серую накидку — день был теплым, а событие не официальным.

Даже стражники прониклись духом приключений и надели поверх доспехов поношенные простые плащи, чтобы скрыть форму королевской охраны.

Джеван и Райс Майкл получили возможность поиграть в свободу. Кое-кто из стражников захватил с собой своих детей, и принцам было легко вообразить себя пажами в компании мальчиков-горожан.

Весь день напролет они носились по ярмарке, заглядывая в лавочки и палатки, со страхом наблюдая за огнедышащим человеком и фокусником, вынимавшим из волос женщины живые цветы.

Они смотрели, как плетут корзины из гладкой, вкусно пахнущей лозы, раскрывая рты от удивления, когда под умелыми женскими руками росли на глазах стенки корзин.

В середине дня пекарь все еще продавал пирожные и зачерствевшие коричневые хлебцы, так непохожие на тот мягкий белый хлеб, к которому они привыкли дома. У лотка сыровара оба выпили пахучего пенистого молока, которое со вчерашнего дня хранилось в кувшинах, закопанных в землю, и потому оставалось холодным.

А еще засахаренные фрукты, которые можно было жадно съесть, и пахучие травы, чтобы положить их в пояса и больше не обращать внимания на менее приятные запахи такого огромного скопления людей, как, например, у лавки мясника, которую мальчики избегали, как только узнали, что там творится.

Насильственная смерть, пусть даже животных, все еще пугала их.

В палатке оружейника Райс Майкл нашел кинжал сделанный как раз по его детской руке, и в конце концов заставил Тависа купить понравившееся оружие.

Выбор Джевана пал на нечто более изящное. Задержавшись на некоторое время у палатки шорника, чтобы подобрать кинжалу Райса Майкла подходящие ножны, старший брат наткнулся на тонкую белую шкуру теленка в ладонь шириной и длиной с него самого. Сначала он не обратил на шкуру никакого внимания, просто дважды обернул ее вокруг руки и продолжал помогать брату в его поисках, и вскоре они отыскивали кожаные плетеные ножны.

Но когда Райс и один из стражников сэр Пайдур стали прицениваться, Джеван задумчиво погладил шкуру и отвел в сторону другого стражника, сэра Джейсона. В течение следующих нескольких минут эти двое о чем-то разговаривали по секрету, Тавис так и не смог понять, о чем шла речь. Но когда Райс Майкл заплатил за ножны цену, на которой они с хозяином сошлись, Джеван, не торгуясь, заплатил запрошенную цену и с мрачной решимостью уложил свою покупку в кошель у пояса. Только полчаса спустя Джейсон улучил момент, когда оба принца наблюдали за работой стеклодува, и рассказал Тавису, что купленная Джеваном шкура должна была стать рыцарским поясом. Джейсон, пользовавшийся репутацией мастера по работе с кожей и прирожденного рыцаря, не мог рассказать мальчику о тщетности его мечты: если он не станет королем, ему ни за что не получить звания рыцаря из-за своей искаленной ноги.

Кроме слов благодарности Джейсону за его рассказ, Тавис не сказал ни слова. Его сердце болело за принца — мальчик навсегда останется для людей тем, чей благородный дух неоспорим, но кто вечно будет нести отметину судьбы. Уже не в первый раз

он пожелал, чтобы его дар Целителя сделал Джевана настоящим принцем. Он и был таковым во всем, если не считать физического увечья.

В тот день мальчики нашли и другие сокровища, хотя им и не разрешили купить все. Для своего царственного брата они выбрали плетъ для верховой езды. Ее рукоять украшали таинственные узоры далекого Торента. Райс Майкл уверял, что плетъ составит чудесную пару с недоуздом р'кассанского жеребенка, которого Алрою подарили два дня назад.

Для старой госпожи Лирели, которая в предыдущие годы была главной няней мальчиков и все еще заботилась о порядке в комнатах, они купили ленту небесно-голубого цвета, в тон ее мантии. А Ботольфу, ухаживавшему за лошадьми, они решили преподнести батистовую рубашку с вышивкой на воротнике и манжетах в стиле его родного Форсинна.

Каждый из четырех стражников получил по кожаному кошельку, у них на глазах украшенному его значком или ярко раскрашенному. А Тавису мальчики купили кожаную охотничью кепку зеленого цвета Целителей. Польщенный Тавис будет носить эту кепку до конца своих дней.

Но все же они большей частью только смотрели и дивились товарам ярмарки. В приключениях и свободе день прошел почти незаметно, и мальчики несколько раз сожалели, что Алроя не было вместе с ними.

Один случай чуть не испортил веселья, хотя ничего серьезного не произошло.

После полудня, когда мальчикам пришлось на время прервать свою беспрестанную беготню по ярмарке, чтобы поесть сыра и фруктов, Тавис расстегнул правый специальный ботинок Джевана, пока тот грыз яблоко, устроившись на пустой винной бочке.

Целитель присел на корточки, массируя ступню мальчика и незримо передавая энергию, но его

256 едва не сбила с ног группа проходивших мимо

богато одетых молодых людей, в которых Тавис узнал Дерини.

Один из них зацепил его, Тавис взмахнул руками, чтобы не упасть, плащ на нем распахнулся. От этого движения открылись знаки Целителя и королевского слуги, и Тавис почувствовал, как в сознании одного из прохожих вспыхнуло презрение и тут же исчезло. Незнакомец подавил эмоции и завернулся в плащ, прежде чем Целитель обрел равновесие и решил, как ему поступить.

Тавис успел увидеть только мелькающие спины, и они слились с толпой. Он попытался найти их при помощи своих деринийских способностей, чтобы выяснить, почему тот молодой человек так отреагировал на вид его значка, но не сумел. Должно быть, у них были очень надежные защиты. Случайные прохожие скрылись в толпе, и ни обычным зрением, ни ментальным усилием их было невозможно отыскать.

Молодой Целитель в задумчивости застегнул ботинок Джевана, радуясь, что мальчик не обратил внимания на инцидент. Возможно, ничего необычного в нем не было. На ярмарке полно народу, и их толкнули не впервые. Так, Робер несколько раз одергивал грубиянов... Тут молодого человека отвлекла от размышлений совершенно удивительная девушка, танцующая возле одной из палаток ниже по проходу.

Вскоре уже Тавис и думать забыл о происшествии и, взяв Джевана за руку, двинулся следом за стражей. Энергия мальчиков была через край, нужно было постоянно приглядывать, чтобы они не ушли, не поддались новому искушению возле какой-нибудь палатки или лотка. Впрочем, самого Тависа тоже привлекало многое.

Когда солнце стало клониться к закату, они отправились обратно в замок, следуя узенькими улочками и аллеями. Единственной заботой Тависа было скорее уложить в постель двух уставших, спав-

ших на ходу принцев. Джеван, чья больная нога наконец дала о себе знать, довольный и сонный, ехал на плечах Пайдура, самого крепкого из стражников, а Райс Майкл, по-прежнему оживленный, продолжал заглядывать в боковые улочки и магазины, сопровождаемый Джейсоном, Робером и Корундом.

Повсюду по улицам бродили толпы веселящихся людей, некоторые по случаю карнавала были в масках. К одной из проходивших мимо групп, горланившей походную песню, присоединился Пайдур. Тавис и сам не заметил, как оказался в гуще разношерстной публики ... как вдруг, внезапно кто-то схватил его за руку и толкнул в сторону, в темную боковую аллею.

— Дерини не смеют помогать врагам! — услышал он шепот над самым ухом. Потом кто-то ударил его по затылку, и молодой человек потерял сознание.

ГЛАВА 14

**Исторгну чародеяния из руки твоей,
и гадающих по облакам
не будет у тебя.¹**

И он напрягся, дернулся, но его держали так крепко, что он не мог даже упасть. В голове все смешалось, он чувствовал лишь, что его тащат куда-то по аллее. Похитители все, как один, были в масках, а стража осталась там, на улице, с принцами.

— Так что же нам делать с Дерини, который помогает врагам? — слышав вопрос, Тавис попытался рвануться и прочесть мысли негодяев — но тут же ощутил, как те ставят ментальные барьеры. Значит, его похитили Дерини! Он хотел позвать на помощь, но тщетно. Кто-то крепко зажимал ему рот рукой, а голову притиснули к чьей-то груди в бархатном камзоле.

Его по-прежнему волокли вперед по аллее, но Тавис не оставлял попыток проникнуть в сознание похитителей; однако его вновь ударили по голове, и теперь он мог лишь стараться сохранить собственный рассудок.

— Вот Дерини, который больше не сможет помогать врагам! — повторил голос.

Тавис услышал, как клинок выходит из ножен — скрежет стали о сталь.

¹ Микей 5:12

С улицы наконец послышались крики, однако пленник не обольщался надеждой: стражники не посмеют бросить своих царственных подопечных, а значит, помощь опоздает.

И все же, даже смирившись в глубине души с поражением, он сделал последнюю попытку высвободиться, но противников было слишком много, и они были сильны, а он и драться-то толком никогда не умел!

С внезапным ужасом он почувствовал, как кто-то дернул и прижал к стене его левую руку. Это было даже страшнее, чем мысль о неминуемой гибели – обнаженный меч, мерцающий в кровавом свете факелов над его запястьем ...

О, Господи, нет! Только не рука!

В иступлении его тело забилося, он снова пытался закричать, напрягся и рванулся из последней силы. Но те, что, держали его, были сильнее, их руки сдавливали тело, как стальные тиски. Тавис в ужасе издал звук, похожий на бульканье.

Если твоя рука искушает тебя, отруби ее! — звучало в мозгу.

Он почувствовал, как сталь с чудовищной силой обрушивается на кисть. Его вывернуло наизнанку при виде отделяющихся костей и мяса. Но это было не все, удар частью пришелся по стене и не довершил дела. Когда Тависа вырвало, до его сознания донеслись еще два удара и он увидел, как при каждом оглушительном толчке сердца из его отрубленной руки бьет черная кровь. Голоса королевской стражи раздавались все ближе, но было слишком поздно.

Его голову отпустили, и он закричал что было силы, захлебываясь в крике оттого, что до сих пор жив, а не убит. Человек в маске, скрывающей все, кроме глаз, поднес к нему факел, и Тавис на всю оставшуюся жизнь запомнил эти глаза.

Последнее, что он помнил, прежде чем лишиться чувств, это тошнотворный, притор-

но-сладкий запах паленого мяса и мучительную боль в кисти, которой у него больше не было.

Когда стражникам удалось пробиться сквозь толпу, похитители мелькали в противоположном ее конце. Двое из охраны погнались было за ними, но товарищи окликнули их — не осмелились оставить своих господ, да и Тавис нуждался в помощи.

Погоня была бесцельной, и руки Тависа спасти все равно не могла, стражники вернулись и нашли принца Джевана на коленях подле лежавшего без сознания Целителя в окружении все увеличивающейся толпы зевак. Мальчик сжал раненую руку, пытаясь остановить кровь, которая струилась между тоненьких пальцев. Другой рукой принц пытался нащупать артерию, чтобы зажать ее. Он действовал умело, хорошо помня теорию, но ему не хватало сил.

Стражники не стали медлить. Пока один побежал за повозкой и конными констеблями, второй принялся разгонять толпу, а еще двое остались присматривать за Тависом.

Они ловко перетянули руку Тависа там, где Джеван пытался остановить кровь, оторвали принца от раны и перевязали так туго, как только смогли. Райс Майкл, как громом пораженный, стоял у забрызганной кровью стены и наконец истерически разрыдался. Когда его уводили подальше от кровавой сцены, ему пришлось переступить через лежащую на земле отрубленную руку.

Джеван безмолвно ожидал повозку, стараясь не путаться под ногами. Пока стражники укладывали Тависа в повозку, он молча поднял отрубленную кисть и аккуратно завернул ее в оторванный от собственной рубашки рукав. На пути к замку он прижимал ее к груди, надеясь своим теплом удержать в ней жизнь, чтобы другой Целитель смог приживить ее. Сэр Джейсон хотел взять сверток у мальчика, но тот одарил его таким взглядом, что отбил охоту к следующим

попыткам. Не вытирал он и крови Тависа на своих руках.

Найти другого Целителя сразу не удалось. Райс выехал из замка, выяснилось, что он живет в другом конце города, так что за ним пришлось посылать. По пути завернули к дворцу архиепископа, хотели узнать у Джеффрея, нет ли поблизости Целителей. Секретарь архиепископа порекомендовал нескольких, а потом вспомнил, что Райс Турин уехал на прогулку с епископом Келленом, но скоро должен вернуться.

Потом стражники решили, что под прикрытием замковых стен можно без опаски разделиться. Так и сделали. После чего Робер и Корунд одолжили в конюшнях архиепископа лошадей, поехали навстречу Райсу, а Джейсон и Пайдур отвезли Тависа во дворец и по суровому требованию Джевана уложили его в комнате рядом с покоем принцев.

Потом собрали королевских лекарей, они делали все, что могли, но ведь они были только людьми. Чтобы предотвратить заражение крови, рану прижгли каленым железом, уничтожив всякую возможность восстановить изувеченную руку.

Тавис оказался не единственным пациентом. У Райса Майкла началась такая истерика, что его пришлось уложить в постель с изрядной дозой снотворного. Они бы сделали то же самое и с Джеваном, но старший принц этого не позволил. С королевским высокомерием, которое оценили бы регенты, он настоял, чтобы ему разрешили дожидаться результатов лечения друга, и даже угрозы не заставили его покинуть комнату.

Вскоре с турнира вернулись Алрой и регенты, и им вкратце поведали о случившемся. Регенты высказали приличествующие сожаления, но Мердок сразу же внушил себе, что нападение было направлено против принцев и являлось частью Деринийского заговора. А епископ Хьюберт заметил, что это очень похоже на бессердечных Дерини — нападать на себе по-

добных и увечить их, что, кстати, было хорошим способом избавления от неудобных.

Пришло известие, что нашли Целителя, и сейчас он в пути. Алрой просил оставить его вместе с братом-близнецом, но регенты и слышать об этом не хотели. У короля был трудный день, и он должен беречься от простуды, которую недавно перенес.

Поэтому Алроя так же уложили в постель с успокоительным. Когда Мердок попытался заставить Джевана сделать то же самое, то был встречен таким холодным упорством, что даже обычно непреклонный Ран смягчился, предположив, что принцу лучше оставаться у постели, пока состояние Целителя не улучшится.

Мердок уступил только тогда, когда увидел, что кровь Тависа смыли с рук принца. Джевану разрешили сидеть за дверью комнаты Тависа, завернули в теплое одеяло, а потом перестали обращать на него внимание. Хьюберт остался с врачами, а другие регенты спустились вниз ужинать. Джевану казалось, будто время остановилось.

Наконец из города прибыл Целитель, некий лорд Ориэль, еще безбородый юноша, только недавно прошедший последнее испытание в монастыре святого Нета. Но, несмотря на свое неоспоримое мастерство, он мало чем мог помочь своему собрату Целителю, он только погрузил Тависа в глубокий сон и постарался облегчить боль от прижиганий.

Даже если бы рану Тависа не обработали так грубо, хотя именно это спасло ему жизнь, все равно прошло слишком много времени, чтобы приживлять кисть, столь ревностно охраняемую Джеваном.

— Работа мясника, — заметил Хьюберт, прежде чем уйти, когда Ориэль искоса взглянул на завернутый в рукав обрубок.

Ориэль дал Тавису успокоительное, чтобы тот наверняка не проснулся, пока Ориэль и королевские лекари будут готовить его к дальнейшей работе

Целителя. Вскоре прибыли весь испачканный Райс, Ивейн и епископ Келлен, чтобы проследить за приготовлениями Ориэля, лучше закрыть рану и приступить к долгому процессу исцеления, чтобы в конце концов Тавис смог работать крюком, как рукой.

Королевские лекари с радостью отдали все в руки Райса. Хирургия не была их любимым занятием, особенно в данном случае, и их беспокоила необходимость работать с незнакомым Целителем. Прибытие Райса было отличным предлогом откланяться и оставить пациента заботам Дерини. Так они и сделали, однако прежде чем удалиться, проверили спящих Алроя и Райса Майкла и еще раз попытались уложить Джевана в постель.

Но Джеван не обращал на их уговоры ни малейшего внимания и рвался в комнату к Ориэлю и Райсу. Только приход отца Альфреда, духовника детей, предотвратил еще одну сцену с его стороны. Камбер, вместе с Джоремом ждавший снаружи, где он никому не мешал, мог только одобрить уговоры Альфреда и пообещал замолвить за него слово перед Джеффраем. Менее всего Райс нуждался в присутствии принца, готового крушить все подряд. Сейчас Целители только начали свою работу.

Тем временем Райс настраивался на довольно печальные обязанности. Смыв с рук грязь и осмотрев пациента, он вошел в контакт с Ориэлем и выяснил намерения юноши. Он обнаружил, что Ориэль неопытен, но одарен творческим воображением, с таким будет легко работать. После краткого обмена информацией и методами действия они сели подле пациента.

Пока Ивейн следила за жизненно важными центрами в организме Тависа и поддерживала его сон, не удовлетворяясь действием снотворного (это удивило Ориэля, ведь Ивейн не была Целителем), Райс контролировал зону действий Ориэля. Он также останавливал кровотечение, закреплял мышцы, сухо-

жилия и связки, закрывал важнейшие нервные окончания. Ориэль удалил осколки кости, сгладил ее конец и нарастил новые ткани и кожу там, где когда-то была кисть Целителя.

Покончив с этим, они забинтовали культю и вертикально закрепили левую руку Тависа, поставив ее на локоть и привязав к придвинутому стулу. Чтобы увечье не смущало глаз, стул накрыли легким полотенцем. Тавис должен привыкнуть к своему новому облику.

По состоянию заживленной раны они понимали, что этой ночью исцеление не закончится. Организм должен сам изменить течение крови, а до тех пор сохраняется опасность того, что кровь прорвет заживленную рану и повторную операцию придется делать еще более ослабленному пациенту.

Ориэль еще некоторое время наблюдал за состоянием пациента и перенимал опыт старшего Целителя. После короткого обсуждения было решено, что раненым займется Райс. После пробуждения Тавису придется приучать себя к тому, что отныне он — однорукий Целитель. Лучше, если в эти минуты рядом с ним будет знакомый ему человек.

Около полуночи Ориэль покинул комнату, и взволнованный Джеван проскользнул внутрь. Мальчик очень устал, под серыми глазами обозначились круги. На лице остались грязные потеки от слез. Приближаясь к кровати, он так сильно хромал, как никогда прежде Райсу не случалось видеть.

— Он жив? — прошептал Джеван так, как будто пугаясь звуков собственного голоса.

— Конечно, жив, — улыбнулся Райс. — Вы ведь не думали, что мы позволим ему умереть? Убить Целителя — трудная задача.

— Наверное, — мальчик устался под ноги. — А вы... вы вернули ему руку? — спросил он печально. — Я завернул ее так плотно, как только смог, и старался сохранить ее тепло...

Райс медленно опустился на колени перед мальчиком, взял его тонкие руки и попытался заглянуть в глаза.

— Боюсь, Джеван, это было невозможно. Мы умеем исцелять многое, но всему есть пределы. Можете рассказать, как это случилось? Стражники сказали, что на вас напали.

Джеван яростно выдернул свои руки из рук Райса, подошел к кровати, коснулся пальцев на невредимой руке Тависа, глотая выступившие на глазах слезы.

— Я ехал на плечах Пайдур, — заговорил он, запинаясь. — Вокруг все смеялись и пели. На некоторых были маски по случаю карнавала. — Он шмыгнул носом и продолжал более уверенно. — Внезапно Тавис куда-то делся. Я стал оглядываться и увидел, как двое мужчин держат его за руки, тащат в аллею. На них были темные плащи и маски. Там были и еще люди, но они не держали его. Я видел, как один из них ударил его по голове, — продолжал он с дрожью в голосе, — тогда я закричал и показал на них. Пайдур увидел, что случилось, и опустил меня на землю. — Джеван постарался справиться с собой. — Подбежали другие стражники, но что было дальше, я не видел. Отовсюду бежали и кричали люди. Мне удалось прорваться сквозь толпу, но было слишком поздно. Т-тавис лежал на земле, а вокруг была кровь, стражники стали преследовать людей. Я пытался остановить кровь, но у меня н-не хватило сил. Потом вернулся Пайдур и помог мне, а я... нашел кисть и завернул ее в рукав. — Он вздрогнул и уныло опустил плечи. — Но все оказалось бессмысленно, не так ли?

Камбера, стоявшего рядом, удивил и напугал рассказ мальчика.

— Мой бедный малыш, вы заблуждаетесь, — пробормотал он. — Если бы вы не зажимали рану, он бы мог умереть от потери крови еще до того, как подоспел Пайдур. Возможно, вы спасли ему жизнь.

Мальчик не поднял глаз, а только отступил на шаг и проглотил подступивший к горлу комок. Слеза скатилась по грязной щеке и упала на руку Тависа. Лежавший в беспамятстве Целитель не очнулся, но Ивейн подошла и обняла ребенка за плечи.

— Я не пойду в постель, — испугался Джеван и сразу напрягся. — Не сейчас.

Ивейн мягко улыбнулась, придвинула стул с прямой спинкой к изголовью кровати и предложила принцу сесть.

— Вам вовсе не обязательно идти спать, Джеван. Вы больше не ребенок. Сегодня вы доказали это. Оставайтесь вместе с нами. Ваши хорошие мысли и молитвы помогут исцелить его быстрее. В этом отношении каждый немного Целитель.

— Правда? — прошептал Джеван, ободренный последним утверждением и тем, что признана его зрелость.

— Конечно, — ответила Ивейн. Она принесла одеяло и укутала сидящего Джевана, мягко поглаживая по волосам и стараясь контролировать его сознание.

Очень скоро Ивейн поняла, что не может установить контакт. В разум принца не удавалось проникнуть. Она осознавала его как некую область отгороженного сознания.

Ивейн передала свое удивление и ощущения — или неощущения — другим. Ей не хотелось действовать усерднее из-за боязни быть обнаруженной.

«Должно быть, Синхил отдал ему защиты, — заключил Камбер, узнав о заминке дочери. — Как, вполне вероятно, и другим. Интересно, он понимал, что делает?»

Райс придвинулся к постели, чтобы снова осмотреть своего пациента, а тем временем послал мысль:

«По крайней мере, мы узнали об этом в не критической ситуации. В будущем это доставит немало осложнений. Вполне логичный поступок, но я бы хотел, чтобы Синхил не делал этого.»

«А как быть с Джеваном! — спросила Ивейн. — Он очень устал, но не позволит себе пойти спать.»

«Пока не нужно обращать на это внимания, — ответил Джорем. — Как ты сказала, он устал. К тому времени, когда Тавис очнется, он может заснуть сам. Не стоит пытаться бороться, этим мы только настроим его против себя.»

«Джорем прав, — вмешался Камбер. — Но сила не единственный способ усыпить принца. Смотрите.»

Он зевнул, придвинул другой стул и сел на него с таким видом, словно сам сейчас заснет.

— Ивейн права, — сказал он вслух, глубоко вздохнув и закрыв глаза. — По-моему, нам всем нужно немного отдохнуть. Когда Тавис проснется, ему потребуется наша помощь. И если мы отдохнем, то сможем лучше помочь ему.

Остальные последовали его примеру, а Камбер скрыл улыбку, еще раз зевнув, и увидел, что Джеван тоже начал зевать, а его веки стали опускаться все ниже и ниже.

Вскоре Джеван уже спал, а Ивейн и Джорем дремали на стульях рядом с кроватью, в то время как Камбер и Райс дежурили. Прошло несколько часов, прежде чем Тавис наконец-то с еле слышным стоном повернул голову.

— Райс? — тихонько позвал он.

Целитель смешивал травы с новой порцией снотворного, но мгновенно вернулся к постели и положил пальцы на запястье здоровой руки.

— Он начинает приходить в себя. Хороший знак. Я уже стал бояться, что он потерял слишком много крови.

Камбер положил руку на лоб лежавшего в бесспамятстве Целителя, едва не отшатнулся от того, что обнаружил.

— Боюсь, что кровь — это самое меньшее из того, что он потерял, — мягко сказал он. — Райс,

ты уверен, что он готов принять случившееся? Может быть, лучше усыпить его снова. Несмотря на то, что вы с Ориэлем сделали, есть такой вид исцеления, который подвластен только его собственному телу, разуму и времени.

Тавис снова застонал, и Райс положил руки на его виски. Ивейн проснулась и встала у изголовья кровати.

— Он должен узнать о случившемся, Элистер, — сосредоточенно ответил Райс. — Для Целителя это чем скорее, тем лучше. Тавис, ты меня слышишь? Тавис, это я, Райс. Открой глаза, Тавис. С тобой все в порядке. Ты будешь жить. Открой глаза и дай мне знать, что ты понимаешь.

Тавис медленно подчинился, растущая боль прорывалась сквозь контроль Райса и введенные наркотики. Его взгляд задержался на лице Целителя, потом обратился к Джорему, стоявшему позади, к Ивейн у кровати и Камберу рядом с ней. Потом Тавис попытался шевельнуть левой рукой, Камбер остановил его, крепко схватив поврежденную руку ниже локтя. Райс отвернул искаженное болью лицо Тависа от искаченной руки.

— Не смотри. Еще рано, — велел он.

— Как долго... — он с трудом глотнул и повторил: — Как долго ты здесь, Райс?

Райс сжал плечо Тависа и печально покачал головой.

— Боюсь, мой друг, не слишком долго. Я был на прогулке с епископом Келленом. Сначала за тобой ухаживали королевские лекари, а потом один молодой Целитель по имени Ориэль. На то, чтобы отыскать его, ушло время. К тому времени, когда я сюда приехал... — Он вздохнул и склонил голову. — Тавис, было слишком поздно, ни один Целитель не смог бы тебе помочь. В этом нет вины Ориэля. И даже вины лекарей. Они сделали все, что могли. По крайней мере спасли тебе жизнь.

— Они спасли мне жизнь, — эхом повторил Тавис, поворачиваясь налево и безучастно глядя

на стул с наброшенным полотенцем, — но не мою руку. Ради чего они утруждали себя? Что толку в одноруком Целителе?

— То же, что и в Целителе с двумя руками, — растерянно начал было Райс.

— Нет! — воскликнул Тавис. — Не будет равновесия, неужели ты не понимаешь! Я калека, дефек...

— Тавис!

— Нет! Выслушай меня! Даже в священном писании...

— Тавис!

— В священном писании говорится: «И возложат они *руки* на больных, которые исцелятся». *Руки*, а не руку! И *Adsum* подтверждает это. *Cum tabinus consecratus* — священными руками соединишь ты разбитое воедино...

— В *Adsum* также говорится: «*Tires manus sanatic mea* — ты есть моя исцеляющая рука в этом мире», — прервал его Райс. — Все твои аргументы и жалость к себе напрасны. В священном писании ничего нет о том, что для исцеления необходимы *обе* руки. Иисус протянул *руку*, чтобы исцелить прокаженного...

— Нет... — закричал Тавис почти в истерике.

— Тавис, прекрати! — резко сказал Райс. — Перестань убиваться о том, чего у тебя *нет*, и подумай, что у тебя *есть*. Ты все еще Целитель! Сегодняшний случай не повлиял на твой разум, а только на руку!

— Только на мою руку!

Тавис засмеялся смехом, похожим на всхлипы. Истерику прервал новый приступ боли. Райс положил руку на лоб Тависа и постарался уменьшить страдания, покачал головой и поднес другую руку к виску пациента.

Новый баланс? Возможно. Но никто *не* говорит, что новому балансу нельзя обучиться, но сейчас было неподходящее время давать Тавису уроки. Теперь Райс должен использовать все свои возможности, чтобы успокоить больного и не отдать его во

власть боли. Покалеченный Целитель осторожно открыл глаза. Райс вздохнул и мрачно осмотрел собравшихся.

— Тавис, мы должны знать, кто это сделал.

— Не знаю.

— Но ты хотя бы знаешь, за что? — спросил Джорем.
— Тебе не показалось, что они охотились за принцами?

— Нет, — прошептал Тавис, глотая еще один всхлип.
— Они охотились за мной.

— За тобой?

— Но почему? — выдохнула Ивейн.

— *Если твоя рука искушает тебя, отруби ее*, сказал один из них, и еще: *Дерини не должен помогать врагу*.

Джорем нахмурился.

— Дьявол, что он хотел этим сказать — *Дерини не должен помогать врагу*? Тавис, ведь они не были Дерини, не так ли?

Тавис дернул головой, воспоминания вызвали конвульсии. Он вскрикнул.

Райс отреагировал моментально и постарался облегчить боль. Ответ обескураживал, каждый из четверых думал об этом. Ивейн вдруг побледнела и едва не упала без чувств. Джорем поспешил поддержать сестру, но даже его прочные защиты не могли оградить ее от Тависа. Энергия, вызванная его воспоминаниями, волнами расходилась по комнате, наконец Ивейн повернулась и, покачиваясь, вышла из комнаты. Джорем последовал за ней.

Секунду Райс смотрел ей вслед, но потом снова вернулся к своему пациенту. J

— Надо было удалить ее раньше, — тревожно прошептал он, поглаживая лоб Тависа и облегчая боль. — Наша дочка будет Целителем, как и ее отец.

— Целителем, — прошептал Камбер. — Но Целители-женщины...

— Встречаются очень редко. Знаю. На сегодняшний день я могу назвать четырех, еще жи-

вущих. Ивейн стало плохо, потому что ребенок уже чувствует боль других и порывается облегчить ее, хотя и не обладает пока достаточной для этого силой. — Быстрая улыбка озарила его лицо. — К тому же, чего еще можно ожидать от ребенка моего и дочери Камбера Кулдского? .

— Но Тиэг...

— Тиэг — мальчик. Очевидно, мужчины менее зависимы от своего дара, хотя, когда Ивейн ждала его, у нее тоже были приступы резкой боли — пару раз. Эта малявка...

Он посмотрел на дверь, выражение его лица сменилось озабоченностью — Тавис застонал в бреду, и Райс снова переключился на него.

— Все в порядке, Тавис, — успокаивал он, целиком отдаваясь своему ремеслу. — Я помогу тебе избавиться от боли. Позволь ей уйти. Я буду принимать ее за тебя, и отец Элистер тоже.

Под его руками Тавис успокоился, и Райс погрузился глубже, приглашая Камбера следовать за ним, устраняя наконец физические страдания и погружая измученный мозг в лечебный сон. Выйдя из транса, Райс увидел, что Камбер тяжело склонился над кроватью, бледный и напряженный. После нескольких глубоких вздохов Райс успокоился и потянулся к Камберу рукой и мыслью.

«С тобой все в порядке?»

— Все будет хорошо. — Камбер глубоко вздохнул и покачал головой. — О, Господи, как ужасно! Наши же собратья сделали это с ним!

— Да. Если бы он хуже владел собой, эта мысль убила бы его.

— Мы можем чем-нибудь помочь?

Райс пожал плечами и покачал головой.

— Не знаю. Он не особенно прислушивается к моим словам после того, что я сделал с ним в ту

272 ночь, когда умер Синхил. Я блокировал память,

но эмоции после того случая у Тависа остались. Он обижен, сам не зная, почему. От тебя тоже отчужден — слишком уж влиятельная персона. Кроме того, ты не Целитель.

— Кто дальше?

— Только не Ориэль. Он довольно умелый Целитель с большими способностями, но у него нет жизненного опыта, хотя временами я начинаю желать, чтобы и у нас его не было.

— Воистину, так!

— Полагаю, Кверон лучше всего, — сказал Райс после минутного раздумья. — А может, отец Эмрис еще лучше. По-моему, Тавис учился у Эмриса некоторое время. Если сегодня ночью мы пошлем сообщение, то завтра к полудню они должны приехать. Думаю, что с этим не стоит тянуть. В любую минуту его состояние может критически ухудшиться, я имею в виду физическое состояние.

— Совершенно с тобой согласен, — сказал Камбер. Он было направился к двери, но вдруг остановился.

— Как ты полагаешь, сейчас его можно оставить одного?

Целитель положил руку на лоб Тависа, кивнул и повернулся к спавшему Джевану.

— Мне кажется, ему лучше всего было бы проспать до утра. Да и Джевану тоже. — Он тронул лоб принца и пожал плечами. — Черт возьми, будь я проклят, если хоть что-то понимаю в том, как работают его защиты. Должно быть, Синхил смыслил в этом больше, чем мы думали.

Райс склонился над принцем и подоткнул одеяло.

— Бедный парнишка. У него был тяжелый день. Пусть останется спать здесь. Пошли. Я хочу поскорее отправить послания Эмрису и Кверону.

Они вышли из комнаты, и дверь за ними закрылась. И только тогда черноволосый подросток поднял голову, настороженно озираясь по сторонам.

ГЛАВА 15

**Не постыжусь я защитить друга
и не спрячусь от него.¹**

Джеван осторожно огляделся в комнате, щурясь на огонек свечи, убедился, что никого посторонних не осталось, но не шелохнулся. Лучше подождать еще немного, вдруг они вернутся.

Станный разговор он подслушал, пока они думали, что он крепко спит. Он и впрямь подремал немного, но когда лечили Тависа, пробудился. Он слышал, как ушли Ивейн с Джоремом, слышал разговор о ребенке Ивейн, который должен стать Целителем.

Джеван сел в постели, стараясь припомнить что-то еще ... сперва была долгая тишина, а потом говорили эти двое, Целитель и епископ.

«Наши сородичи, — так сказал епископ Элистер. — Это сделали наши сородичи!» Их тревожило, сумеет ли Тавис совладать со своими чувствами.

Наши сородичи ... неужели они вели речь о Дерини? Джеван никак не мог понять. Как могли Дерини так обойтись с Тависом?!

Одна эта мысль внушала ужас. Если Дерини сделали такое с его другом, то, возможно, правы были лорды

регенты, когда говорили о коварстве этого племени. Те, кто сотворил такое с Тависом, достойны самой жестокой кары!

Несколько минут он сидел, изобретая пытки для злодеев, которые нападают на улице на людей и отрубают им руки, — затем посмотрел на своего друга.

Райс что-то говорил о той ночи, когда умер отец. Мол, он что-то сделал тогда с Тависом, и теперь тот перестал его слушаться.

Как он там сказал? Райс «заблокировал воспоминания», но не смог «блокировать эмоции». И теперь Тавис затаил на Райса обиду. Что же произошло той ночью?

Задумчиво наморщив лоб, Джеван постарался восстановить в памяти те давние события. Но прошло уже столько времени, все было словно окутано дымкой... Кажется, после ужина Райс зашел их проведать и принес им средство от простуды. Его пили все, даже слуги.

Боже, а что, если это было не просто лекарство?! Помнится, его тогда сразу потянуло в сон, и братьев тоже. Райс говорил, что так приказал их отец. Почему отец пожелал, чтобы они крепко заснули?

И вообще, знал ли отец об этом? Может быть, Райс лгал!

От этой мысли он вздрогнул и попытался найти мотив, но ничего не вышло. Ему не сделали ничего плохого, не так ли? Если Райс и подмешал яд, он не сработал.

Он покачал головой, потер глаза и постарался повторить все снова. И сбился. Очевидно, Райс каким-то образом участвовал в странных происшествиях, но, кажется, никому не причинил вреда. И все же Тавис не доверял ему больше. Райс в ночь смерти отца сделал что-то с Тависом. Джеван никак не мог ясно вспомнить события той ночи.

Как раз перед тем, как выйти из комнаты, они говорили что-то о защитах, и о том, что отец Джевана понимал больше, чем они думали.

Какие защиты? Каких знаний Райс и Элистер не ожидали от его отца?

Он посмотрел на Тависа и сполз со стула. Целитель мирно отдыхал, бледный, но расслабленный. Однако после слов Райса принц не был уверен, что сон этот был безопасным. Может, стоит рассказать Тавису. Если Райс пытался причинить Тавису боль, правильно ли доверять ему исцеление? Теперь Тавис покалечен и беззащитен.

Он приблизился к кровати, пристально глядя в лицо друга, и наконец осторожно протянул руку, чтобы коснуться руки Целителя. Тавис не шелохнулся. Джеван подтащил стул, сел и снова взял друга за руку. Он долго сидел и смотрел на спящего, не выпуская руки и пытаясь повторить то, что Тавис так много раз проделывал с ним, передавая ему силу. Потом он задремал и, очнувшись, увидел, что Тавис смотрит на него.

— Тавис? — прошептал он.

Рука Целителя слабо сжалась, а опухшие губы растянулись в изумленной улыбке.

— Мой принц, — выдохнул Тавис. — Как вы сюда попали?

— Они думали, что я сплю, — ответил Джеван, подавшись вперед. — Они сказали, что ты проспешь до завтра. Почему ты не спишь?

Глаза Тависа забегали — он искал ответ. Но потом посмотрел на их руки — одна в другой — и снова мальчику в лицо.

— Разве вы не звали меня, мой принц? Я помню, был далеко, очень далеко, — он отвел взгляд от Джевана. — Мне казалось, я потерял вас, а потом услышал, как вы зовете меня по имени, и понял, что должен возвратиться.

Испуганный Джеван посмотрел на Целителя, даже не осмеливаясь поверить в то, о чем догадывался.

— Ты... слышал, как я тебя зову?

— Да...

— Но я... я звал тебя только мысленно, — прошептал он. — Я старался передать тебе силы так же, как ты делал это со мной. Это была детская мечта. Я думал...

— Детская... мечта, — с запинкой повторил Тавис. Машинально он потянулся к Джевану левой рукой, но тут же вспомнил, что потерял ее и как это случилось. Оцепенев, он видел кусок ткани, скрывавшей то, что было его рукой, и спинку стула, к которой это было привязано. Почти бессознательно он хотел выдернуть здоровую руку и откинуть одеяло.

— Нет, — прошептал принц, вцепившись еще крепче. — Не надо смотреть. Я должен спросить тебя кое о чем. Это важно.

— Важнее случившегося?

— Не знаю, — взгляд Джевана скользнул по их соединенным рукам. — Тавис, что сделал с тобой лорд Райс в ночь смерти моего отца?

Удивленный, Тавис посмотрел на мальчика. Его губы медленно разжались, а рука напряглась.

— Что... заставляет тебя думать, что он мне что-то сделал?

— Он так сказал, — прошептал Джеван. — Он думал, что я сплю, но я просто притворялся. Он сказал, что «блокировал память», но не смог блокировать что-то еще. По-моему, это были эмоции. Он сказал, что ты обижен на него из-за этого, но не помнишь, почему.

Вспоминая, Тавис нахмурился.

— Он блокировал мою память. Не понимаю... Я помню, что в ту ночь он пришел к вам в комнату и дал вам троим лекарство. Ваш брат болел всю неделю...

— Правильно, — согласился Джеван. — Я и мои братья заснули почти мгновенно. А следующее, что я помню, это как лорд Джебедия будил нас, потому что лорды регенты хотели сообщить, что отец умер. Ты все еще спал и, не хотел вставать.

— Да, это я помню. Откровенно говоря, я вообще-то немного помню о той ночи, но я ни-

когда об этом не задумывался. — Он внимательно посмотрел на Джевана. — Думаете, Райс в этом виноват?

Джеван пожал плечами.

— Он говорил, что сделал что-то. Он думал, что я сплю. Он думал, что слушает один епископ Элистер. Если бы это не было правдой, зачем ему рассказывать это епископу?

— Не знаю, — сказал Тавис, озадаченно качая головой. — Не имею ни малейшего представления о теме их разговора. О, Господи, меня слишком сильно накачали наркотиками, чтобы можно было трезво рассуждать.

— Что случилось? Ты не можешь сохранить защиты на месте?

Пораженный, Тавис снова посмотрел на Джевана, выражение боли на лице почти полностью сменилось изумлением.

— Что вы знаете о защитах?

— Ну я... Райс сказал, что они у меня есть, но он не может понять, почему. — Мальчик судорожно глотнул, ошеломленный реакцией друга. — Он сказал... он сказал, что мой отец понимал намного больше, чем они предполагали. Что он имел в виду? Что понимал мой отец, что это за защиты, которые, по словам Райса, у меня есть?

— Хотел бы я знать, — пробормотал Тавис. Он медленно освободил свою руку и поднял к лицу мальчика. Джеван ничего не понимал, но наклонился, чтобы Тавису было удобнее.

— О, Господи, как болит голова! — прошептал Тавис. — Постарайтесь расслабиться, словно перед исцелением. Вас это не затруднит. По правде говоря, ужасно боюсь, что ничего не получится. Но давайте попробуем.

Джеван послушно закрыл глаза и перестал думать, почти мгновенно почувствовав утешительное прикосновение Тависа.

Он кивнул, расслабляясь еще больше, но

278 удивленно открыл глаза, когда Целитель убрал

руку. Тавис, сжимавший и разжимавший пальцы правой руки, казалось, успокоился.

— По крайней мере, я не полностью бесполезен, — с облегчением произнес он. — В моем теперешнем состоянии это чудесно. Сейчас попробуем что-нибудь еще. Я хочу, чтобы вы представили, будто я не Тавис, а кто-то другой, скажем, Райс, и я пытаюсь усыпить вас. Теперь используйте воображение и остановите меня.

— Хорошо.

Тавис снова потянулся рукой ко лбу мальчика, встречая каменный взгляд, хотя еще мгновение назад он был теплым. Джеван напрягся, представляя даже, что видит лицо Райса, а не Тависа.

Теперь от утешительного прикосновения не осталось ничего — только тяжелый взгляд серых глаз, устремленных в бледно-голубые. Тавис не мог выдержать слишком долго, но и краткого соприкосновения было достаточно, чтобы узнать нужное ему. Со вздохом он опустил руку на грудь.

— Мои поздравления, у вас есть защиты, хотя я не могу сказать, откуда они взялись, никогда прежде я не видел человека с защитами. Когда я пытался читать по вашему мозгу, что вы чувствовали?

Джеван покачал головой.

— Ничего. Ты же сказал не пускать тебя.

— И вы ничего не чувствовали?

— Да нет же. А что, должен был?

— Если бы я знал, — прошептал Тавис. — Для начала, у вас не должно быть защит. Но они есть, и я не имею ни малейшего представления, должны ли вы замечать давление на них. Если бы вы были Дерини, я бы смог ответить на некоторые вопросы. Но вы не Дерини. Если бы я только знал, кто вы такой!

Ошеломленный, Джеван проглотил слюну и снова схватил Тависа за руку.

— Со мной... со мной что-то не так? — спросил он очень тихо.

Тавис приподнялся, удивленно глядя на Джевана.

— Не так? Нет, не думаю. По правде говоря, если Райс действительно что-то со мной сделал, вы можете мне выяснить это. Не сейчас, конечно. Но, в любом случае, он не может заставить вас сделать то, чего вы не хотите.

— И тебя тоже, — сердито прошептал Джеван. — О, Тавис, он боится, что тебе будет трудно привыкнуть к тому, что случилось, поэтому он приведет других Целителей.

— Других Целителей, — прошептал Тавис. Джеван кивнул.

— Да. Двух отцов — отца Эмриса и отца Кверона, так, по-моему, он сказал. — Тавис присвистнул.

— Эмрис и Кверон? Такие могущественные Целители ради меня. Некоторое время Эмрис был моим учителем, а о Квероне я слышал.

Он замолчал, глядя в потолок, пока Джеван, которому надоела пауза, не дернул его за руку, которую все еще держал.

— Тавис, а что если они заодно с Райсом? Не для того, чтобы помочь тебе, а сделать то же, что Райс той ночью.

После короткой заминки Тавис ответил:

— В таком случае, мы приходим к заключению, что мне больше не нужны Целители, не так ли? — сказал он. — Вы хотите мне помочь?

— А я смогу, имея защиты?

— Именно потому, что у вас есть эти защиты, мой принц, — прошептал Тавис. — Предупреждаю, от этого вы очень устанете, но мне действительно необходима ваша энергия. Я не причиню вам зла. Я бы никогда этого не сделал.

— Я верю тебе, Тавис, — ответил мальчик, — Мне все равно, что ты Дерини. Ты совсем другой.

— Надеюсь на это, мой принц, — пробормотал он. — Я надеюсь.

Подняв голову, он огляделся, снова откинулся на подушку и отпустил руку мальчика.

— Пододвиньте стул ближе, чтобы было удобнее.

Мальчик подчинился, придвинув стул вплотную к кровати. Он принес одеяло и постелил на стул, а сам за-
вернулся во второе, чтобы спастись от холода комнаты.

— Вот так, — пробормотал Тавис, попросив мальчика положить голову на край постели. — Опуститесь еще немного, чтобы я смог коснуться вашей головы. А теперь дайте вашу руку и устройтесь поудобнее. Вам ничто не должно мешать.

Джеван примостился, заткнув одеялом щель между стулом и кроватью. Заняв наконец удобную позицию, он взял руку Целителя и прижал ее к щеке.

— Прекрасно, — прошептал Тавис, теперь его голос был почти не слышен. — А теперь откройтесь мне, как будто я собираюсь вас исцелять. Я попытаюсь забрать у вас энергию, как вы обычно забирали ее у меня. У вас в голове должно появиться чувство легкого давления, точно что-то проходит через все тело и выходит через голову, но бояться нечего, я начну, когда вы почти заснете. Вот так. Позвольте мне вести нас обоих. Усните, вы в безопасности.

Голос Тависа замер, и Джеван почувствовал, как прикосновение Целителя постепенно овладевает его телом. Он привычно ощутил приближение дремотного состояния. Почувствовал, как энергия теплой волной всколыхнулась и забилась под черепом, и это вовсе не было неприятно.

В полусне в его сознании задвигались странные картины: он стоит в мрачной комнате, окруженный людьми, которые должны быть знакомыми, но он не узнает их. Тут и его отец, он подносит загадочно поблескивающую чашу к его губам. А потом все перемешалось, точно в калейдоскопе, — свет, звуки, ощущение вращения, но от этого не было страшно, просто очень непонятно.

Рука Тависа успокоительно потрепала его по щеке, и он вцепился в нее покрепче. А потом все пропало, Джеван заснул по-настоящему, и когда он проснется, то ничего не вспомнит.

* * *

Райс и Камбер застали ту же картину полчаса спустя, но приняли за обычный сон. Камбер взял спящего мальчика и перенес его в собственную комнату, Райс остался приглядывать за больным.

Тавис мирно спал, Райс не стал беспокоить его и сел на оставшийся у постели стул Джевана. Вернулся Камбер, но Райс заверил, что в течение следующих часов делать нечего и можно поспать. Камбер подчинился, захватив с собой Джорема и Ивейн во дворец архиепископа, где брат подыскал сестре временное пристанище в нижнем этаже, в одной из комнат монахинь. До рассвета все проспали сном смертельно уставших людей.

Тавис проснулся с первым светом, вызвав недоумение Райса. К своей радости, Райс заметил, что после сна больной посвежел (по правде говоря, он выглядел лучше, чем Райс мог надеяться), но когда Целитель положил прохладные пальцы на запястье пациента, то почувствовал, как мгновенно закрылись защиты Тависа. Райс буркнул «доброе утро» и, спросив разрешения, осмотрел его. Тавис был настроен почти враждебно. Райс удивился, но не решился показать удивление. Сейчас менее всего Тавис нуждался в дополнениях к ноющей ране и душевному упадку.

— Ну что ж, сон снова сотворил чудо, — сказал Райс, закончив общий осмотр. — Острая боль тебе теперь не грозит. Как себя чувствуешь?

Тавис медленно повернул голову, чтобы посмотреть на Райса. Его худое лицо ничего не выражало.

— А как я должен себя чувствовать? Я, Целитель, потерявший руку.

Голос был безразличным и ровным, и Райс решил, что это эмоциональный спад.

— Ты должен переживать потерю. Но у тебя осталась жизнь, ты все еще Дерини и Целитель. Без сомнения, есть еще множество занятий, которые тебе под силу.

— Правда? Возможно, ты прав.

Райс не знал, как продолжить разговор. Он откинул покров над поврежденной рукой, и стал отвязывать ее от спинки стула. От вида забинтованного обрубка, который был слишком мал, чтобы походить на руку, Тавис побледнел, задрожал и отвернулся.

Быстрыми движениями Райс разматывал бинты, намереваясь только сменить их и, возможно, чуть-чуть поработать, но когда последний слой был снят, Райс замер. На ткани остались только засохшие пятна крови, не было ни одного свежего. Раны, которая должна была только начать подживать, не было. Культия была совершенно гладкой, лишь там, где старая кожа соединялась с новой, виднелись бледные шрамы.

Не переставая удивляться, Целитель потребовал теплой воды, очистил покалеченную руку от остатков запекшейся крови и вымыл ее, по ходу проверяя свои впечатления. Кожа была здоровой и гладкой, такой же, как и на остальной части руки. Ему с трудом верилось, что повреждение было получено только вчера. Райс перебинтовал запястье.

— Тавис, тебе что-нибудь об этом известно? — мягко спросил он.

Тавис не повернулся.

— Что-нибудь о чем?

— Об этом, — ответил Райс, немного крепче сжав больную руку Тависа, чтобы обратить на себя внимание. — Она исцелена. Я предполагал, что даже у Целителей на это уйдут дни или недели. Сегодня тебе можно ставить крюк.

Тавис уткнулся в подушку.

— Я не буду ходить с крюком, — глухо проговорил он.

— Нет? — Райс пожал плечами. — Решай сам. Сейчас можно не торопиться. Я хочу знать, что произошло. Может быть, ночью приходил другой Целитель? Или... — Перед глазами встала картина и Тависа и Джевана, сидевших рядом, и тут же исчезла. — Господи, Тавис, это не Джеван сделал?

Тавис медленно повернул лицо к Райсу, избегая смотреть на свою руку.

— Что ты этим хочешь сказать? Что он мог сделать? Джеван — человек. Кроме того, я бы ни за что не причинил ему вреда, и ты это знаешь.

— Я... не знаю, — задумчиво произнес Райс. — Но я... мы нашли его спящим у твоей постели, и твоя рука была прижата к его щеке. Он тебе ни о чем не говорил?

— Я был без сознания, — прошептал Тавис, уставившись в потолок. — Должно быть, он хотел облегчить мои страдания.

— Понятно. — Тавис, конечно, беспокоился, но не слишком сильно. Поразмыслив минуту, Райс принялся прилаживать больную руку к «лечебному» стулу, чтобы снова закрепить.

— Что бы он ни сделал, это пошло тебе на пользу. Хочешь немного поесть?

Тавис не ответил, и Райс, пожав плечами, направился к двери.

— Тебе следует поесть. Я скоро вернусь. А пока распоряжайся временем по своему усмотрению и привыкай к новой жизни.

Как ты это узнал — горько вопрошал Тавис, но только мысленно, когда дверь за Целителем уже закрылась.

Несколько минут он разглядывал дверь, но потом отказался от этого занятия — слишком утомительно.

Раздосадованный, он вертелся на подушке и неожиданно замер, когда его взгляд упал на то, че-

го он так тщательно избегал с тех пор, как проснулся. Слева от него, привязанная к спинке стула, была его рука, бинты слегка прикрывали то место, где прежде начиналась ладонь. В вертикальном положении ее удерживала только одна петля.

Тавис медленно потянулся правой рукой через тело, коснулся этой петли и перевел взгляд на бинты. Чтобы не поперхнуться, он проглотил слюну и заставил себя не отводить взгляда.

Наедине с самим собой, безо всякой напускной гордости, придававшей храбрости, и без воли, побуждавшей быть решительнее, он начал по-настоящему чувствовать горечь потери, чего не позволял себе прошлой ночью. В своем тогдашнем состоянии Тавис убеждал себя, что все было лишь дурным сном и, когда он проснется, кисть будет на месте.

Но его страшный сон продолжался, и никогда он не проснется полноценным человеком. Кисти не было. Еще долгое время придется жить, осознавая это.

Еще мгновение Тавис медлил, глотая слезы злости. А потом его рука уже теребила лоскут, поддерживающий раненую руку. Освободившись, он бережно опустил обрубок на грудь.

Некоторое время молодой Целитель лежал с закрытыми глазами, прижимая покалеченную руку и готовя себя к встрече с ожидавшим его. Тавис постепенно разбирался в ощущениях поврежденной области. В руке дрогнула мышца, и показалось, что ощущается движение пальца, однако он отлично знал, что такого уже не будет.

Отныне этой руке могут служить только воображаемые пальцы.

При этой мысли мышцы снова дернулись так, словно воображаемые пальцы сжались в кулак. Чувство было таким реальным, что Тавис открыл глаза, и его непреодолимо потянуло посмотреть на забинтованный обрубок.

Подкатил приступ тошноты. Несколько секунд Тавис в ужасе и оцепенении смотрел на бинты, заставляя себя вглядеться в каждую складку чистой ткани. Потом он скользнул рукой по бинтам и одним быстрым движением снял их.

Отвращение охватило его, но силой воли он заставил себя не отводить взгляд и исследовать каждую деталь.

Это не заняло много времени. Тавис сбросил маску холодного, бесстрастного Целителя и зарыдал, свернувшись калачиком на правом боку, прижимая воображаемую кисть к груди, и оплакивая свою невосполнимую потерю.

Вскоре вернулся Райс с завтраком, нашел Тависа спящим в той же позе и все понял. Ему было жаль собрата, он оставил еду рядом с кроватью и вышел. Пока не прибыли Эмрис и Кверон, больной может отдыхать. В настоящий момент сон был лучшим лекарством для Тависа О'Нилла.

* * *

Сон, кажется, сотворил еще одно чудо. Когда Райс снова заглянул к Тавису около полудня, то увидел, что поднос с едой почти пуст, а его пациент беседует со слугой, пришедшим убрать остатки завтрака. Вернувшись немного позже с Камбером и двумя Целителями Ордена святого Гавриила, он нашел больного сидящим на кровати. Когда они вошли, увечная рука Тависа была скрыта одеялом, и он выглядел совершенно здоровым и отдохнувшим. Вернулся даже здоровый цвет лица, что было невероятно при большой потере крови.

— Ты прав, он выглядит хорошо, — сказал Эмрис, вошедший в комнату последним. — Как ты себя чувствуешь, Тавис? Сын мой, я очень огорчился, услышав о твоём несчастье. Это отец Кверон Киневан, по-моему, вы не встречались.

Равнодушно, но все же с теплотой Тавис оглядел обложенного в белое Эмриса и едва кивнул Кверону.

— Добрый день, отец Эмрис, ваша милость, отец Кверон, я наслышан о вас. Меня удивляет, что Райс потревожил таких занятых господ из-за моего небольшого затруднения.

— Небольшого затруднения? — повторил Эмрис. — Мне говорили как раз обратное. — Он и Кверон встали по обе стороны кровати. — Можно осмотреть руку? Нам сказали, что ты чудесным образом исцелился.

Тавис напрягся, слегка подергивая рукой под одеялом, но не вынул ее, а, словно защищаясь, накрыл здоровой рукой поверх одеяла.

— Я бы не сказал, что это было чудесное исцеление, — воинственно заявил он. — Ночью со мной работали двое Целителей, как вы уже знаете. К тому же, несмотря на мою... потерю, я сам все еще остаюсь Целителем. Тело Целителя, правильным образом выученного, исцеляет себя значительно быстрее, чем другой Целитель. Отец Эмрис, вы сами учили меня этому. Вы спросили потому, что я не был хорошим учеником?

Бледный, почти прозрачный в своем белом одеянии, с бесцветными глазами на призрачном лице, Эмрис мягко опустил руку на плечо Тависа, оставив без внимания его резкий рывок в сторону.

— Нет, сын мой, ты всегда был примерным учеником. Но иногда ученик обходит учителя, и об этом мы всегда хотим узнать. Если тебе нужна наша помощь, ты, может быть, сам поможешь нам, показав, как тебе удалось добиться такого скорого заживления.

— Мы понимаем ваше стремление закрыться ото всех, — вмешался Кверон, — но в конце концов придется смириться с потерей. И лучше начинать делать это среди тех, кто вас поймет. Вы *можете* научиться компенсировать потерю.

Со злостью, которую он кое-как пытался сдержать, Тавис откинулся на подушки и, с на-

пряжением поджав губы, уставился в потолок. Через несколько минут он вздохнул и извлек левую руку из-под одеяла. Тавис безропотно следил, как Эмрис разматывает светлый шелк. Под бинтами открылась ровная, белая, точно младенческая кожа без шрамов от прижиганий. Запястье оканчивалось гладким бугорком.

— Удивительно! — Кверон чуть не ахнул. — Если бы я не видел этого собственными глазами, не поверил бы.

Кивнув, Эмрис коснулся запястья.

— Можно обследовать, Тавис? Я буду осторожен.

— Если хотите, — коротко бросил Тавис. — И не обязательно быть осторожным. Я ничего не чувствую, только иногда мне кажется, будто кисть все еще на месте и я могу пальцами коснуться предметов.

Кверон кивнул.

— Обычное ощущение после ампутации. Военные Целители часто встречают подобное. Воображаемые конечности даже болят.

Эмрис переключился на роль Целителя, прижал свою руку к руке Тависа и знаком пригласил Райса присоединиться. Райс последовал приглашению, а за ним и Кверон вошел в контакт. Через мгновение все трое открыли глаза и вышли из контакта.

— Просто удивительно, — произнес Эмрис. — Я видел подобное только у людей с врожденным отсутствием конечностей. Конец кости сгладился, а мышцы перераспределились, словно так и надо. Тебе также удалось каким-то образом — и не спрашивай нас, каким — почти восстановить объем крови. — Он обратился к Райсу. — Ты уверен, что потеря крови была значительной?

Райс пожал плечами.

— Нет, не уверен, я не видел его в момент ранения и в первые часы после этого. Но его состояние минувшей ночью указывало на большую потерю крови. Того, что мы наблюдаем сейчас, я не могу объяснить.

Озадаченный, Эмрис снова повернулся к Та-

— А *ты* можешь объяснить это? — спросил старик. Тавис отрицательно покачал головой. — В таком случае, ты позволишь мне осмотреть тебя на более глубоких уровнях? Твои защиты почему-то очень прочны, Тавис. В этом нет нужды со мной, твоим старым учителем. Я надеюсь, ты понимаешь.

— Я... не могу, сэр, — прошептал Тавис, отворачиваясь. — И, пожалуйста, не заставляйте меня.

— Но я не пони...

— Тогда поймите это: они пытались сломить мои защиты! — воскликнул он, прижимая покалеченную руку к груди, а затем пряча обе под одеяло. — Они пытались одолеть мой мозг! *Представители моего же народа* отрубили мне руку! Они сказали, что я помогаю врагу! Разве Джеван похож на врага?

Вряд ли можно было что-то ответить на это. Извинившись, Эмрис и Кверон, сопровождаемые Райсом и молчаливым Камбером, вышли за дверь. Возвращаясь в комнаты Камбера во дворце архиепископа, четверо мужчин не стали разговаривать.

В тот вечер они несколько часов кряду обсуждали состояние Тависа О'Нилла с Ивейн и Джоремом.

— Он словно затворился в самом себе, — сказал Райс. — От его горечи мне делается не по себе. Не знаю, что предпринять.

— Хотелось бы мне, чтобы я не знал, что делать, — после длинной паузы сказал Кверон. — Когда я преподавал в монастыре святого Неота, мне пришлось встретиться с подобным. Помните, Эмрис? У нас был очень одаренный послушник-Целитель. Его звали Ульрик.

Эмрис кивнул, вздохнул и печально покачал головой, слушая продолжение рассказа.

— Ив один прекрасный день он начал просто буйствовать. Вызвал наставника Послушников на дуэль и, несмотря на отсутствие опыта, убил его! А ведь тот был специалистом высшего ранга, Целителем и талантливym практикующим врачом!

— Но как бы там ни было, Ульрик тоже выставлал очень прочные защиты до того, как сошел с ума, так что проникнуть в его мозг не было никакой возможности. Он называл нас дьяволами и богохульниками и старался возмутить обитателей аббатства. Прямо во внутреннем дворе Эмрис пустил ему в сердце стрелу, в противном случае пришлось бы совсем туго. Он восстал против себе подобных.

— Вы думаете, Тавис способен на такое? — после тяжелого молчания спросила Ивейн. — Он всегда казался таким мягким.

Кверон медленно покачал головой.

— Не знаю, моя дорогая. И не уверен, что хочу это выяснять. Райс, может быть, нам имеет смысл испробовать вашу маленькую уловку на Тависе? Блокировать его способности и держать в руках?

— Это противоречит нашей этике, — ответил Райс. — Кроме того, может быть, уже слишком поздно. Мы установили, и вы *знаете*, что никогда он не согласится сотрудничать. Его защиты как-то странно вибрируют; я не уверен, что хотел бы попробовать и получить ответный удар. В голове этого человека творится нечто весьма странное.

— Нам что, просто сдаться? — спросил Камбер. — Райс, он потенциально очень опасен, и не только для себя, но и для нас, как единственный Дерини на службе короля. Если он разочаруется в нас и примет сторону регентов, то с Тависом они смогут отслеживать Дерини по всей стране.

— В том случае, если никого нельзя научить блокировать способности Дерини, — произнес Райс.

— Но кого ты собираешься учить? Вот в чем вопрос, Эмрис. Кверон, видит Бог, ты старался, но что если этому нельзя научиться? Райс, ты действительно хочешь пойти и работать с Реваном? Ты готов к необходимым жертвам? Уверен, что результат будет стоить усилий? Кроме того, разговор идет о немногих Де-

рини, защищенных таким образом. И не обязательно самых лучших, потому что лучшие должны быть готовы передать наше наследие детям!

Удивленный Кверон откинулся на спинку стула и посмотрел на Камбера. Всегда спокойный Эмрис с сомнением покачал головой.

— Элистер, Элистер, не разочаровывайте нас! Вы, который всегда был сосудом спокойствия и мужества. Неужели вы действительно думаете, что никто больше не сможет научиться этому?

Камбер опустил голову на ладони и устало покачал головой.

— Не знаю. Прошу прощения, Эмрис. Именно за это каждый из нас по-своему боролся в течение долгих лет, а теперь с каждым днем ситуация, вместо того, чтобы становиться лучше, только ухудшается. По-моему, я поднял серьезный вопрос: если нам придется блокировать лучших, чтобы спасти лучшее, кто же тогда станет учить наших детей? Помышляя о том, что все это может сработать, мы ничем не отличаемся от вашего сумасшедшего Ульрика.

Взволнованный, Райс коснулся плеча Камбера и одновременно послал ему сообщение:

«Мужайся! Не следует так себя вести перед Эмрисом и Квероном! Или ты хочешь рассказать им все?»

Удивленный, Камбер внутренне подобрался и медленно поднял глаза на Райса. Видит Бог, он не собирался ничего рассказывать. Они считали Камбера давно умершим и причисленным к лику святых, лучше пусть остается все по-прежнему. Но Райс был прав. Если он не возьмет себя в руки, он в конце концов выдаст себя помимо воли.

— Прошу прощения, — прошептал он, снова склоняя голову. — О, Господи, укрепи меня в моей вере! Возможно, это и сработает. Может быть, другой Целитель? Как насчет Ориэля? Райс, он не мог способствовать выздоровлению Тависа?

Они обсудили эту возможность, однако работавший с Ориэлем Райс не обнаружил в нем никаких особенных талантов. Он также не мог бы вернуться незамеченным.

О своих догадках относительно принца Джевана, его нечеловеческого могущества, скорее всего полученного от Синхила, и участии мальчика в исцелении Тависа Райс и Камбер не сказали.

* * *

Джеван терзался смутными подозрениями о последней ночи своего отца, его интересовала странная связь между ним и Тависом. Однако в разговоре с братьями в тот вечер он не упомянул об этом. Когда он ужинал с Тависом, он и с ним не заговорил о той ночи, как бы следуя молчаливому соглашению.

Только перед вечерней молитвой Джеван, присоединившись к Алрою и Райсу Майклу, чтобы рассказать о состоянии Тависа, перевел разговор на их воспоминания о ночи смерти их отца. Алрой не припомнил ничего интересного для Джевана, а Райс Майкл, будучи чрезвычайно занятым со своими солдатами, не мог долго участвовать в разговоре. Алрой беспокоился о Тависе, и новость о том, что Целителю лучше, действительно обрадовала его, но о нападении он считал лучшим не вспоминать.

— Нам необходимо об этом поговорить, — шептал Джеван, увлекая брата в стенную нишу. — На него напали Дерини! Дерини отрубили ему руку, руку Целителя, Алрой! *Моего Целителя!* А если бы он был твоим другом? Тогда бы ты принял меры!

— Что я могу сделать?

— Ты король! Прикажи их арестовать!

— Но, Джеван, я даже не знаю, кто они! Кроме того, я просто ношу титул короля. Если регенты не согласны, я ничего не могу.

— Тогда заставь их согласиться! — резко возразил Джеван. — Послушай, ты сам рассказывал мне, на Совете докладывали о бандах Дерини, которые разъезжают по дорогам и нападают на людей. Те, кто атаковал нас, могли быть из их числа. Они были одеты, как дворяне. На этот раз они покалечили личного слугу короля. Я и Райс Майкл тоже могли быть убиты или покалечены! Ты можешь что-нибудь сделать?

Алрой вздохнул и кисло посмотрел на своего близнеца.

— Джеван, ты все усложняешь. Ты, как и я, просто мальчик. Нам не под силу изменить мир.

— Ты не просто мальчик, ты король! — отрезал Джеван. — И если ты позволишь подобному продолжаться, то в следующий раз они могут напасть на *тебя*! По крайней мере хотя бы попроси регентов что-то сделать. Они ненавидят Дерини. Они с большой охотой поймут нескольких, чтобы Тавис их опознал. Он обязательно узнает.

Алрой выпрямился и посмотрел на брата.

— Точно?

— Конечно.

— А ты уверен, что он скажет нам об этом? — спросил Алрой. — В конце концов, он тоже Дерини. Согласится ли он выдать своих же сородичей?

Джеван стиснул зубы.

— Он узнает тех, кто покалечил его, — едва слышно произнес он. — Поверь мне!

Алрой надолго задумался, потом медленно кивнул.

— Ладно. Я попрошу их. Но не жди чудес. Они не слишком-то любят Тависа. Они позволили ему остаться, только чтобы ты не закатывал скандалов по этому поводу.

— Если они не сделают этого, то я такой скандал устрою, что никому мало не покажется, — пробормотал Джеван. — Мне нужны те люди, которые так с ним обошлись, брат! И прежде чем они умрут, **293**

я хочу, чтобы они страдали так же, как страдал из-за них Тавис. Они на своем опыте узнают, что никому не дозволено шутить шутки со слугами королевского Дома Халдейнов!

ГЛАВА 16

Определенная гармония установилась в них.¹

Через несколько дней Совет Камбера собрался в полном составе, приглашены были также Эмрис, Кверон, Девин и Ансель. Обсуждали лишь один вопрос — что делать с Тависом.

— И все-таки мне кажется, что вы преувеличиваете, никакой угрозы нет, — говорил Грегори. — Тавис О'Нилл — отличный Целитель и близкий друг принца Джевана. Он защищает мальчика от регентов. Пусть он пока не на нашей стороне, но во дворце больше не осталось Дерини. Если нам понадобится помощь, я уверен, мы можем рассчитывать на него.

— Уверен? — переспросил Камбер. — Но на чем основана эта уверенность, вот в чем вопрос. Прошла неделя с того дня, как на него напали, но Тавис по-прежнему ставит барьеры в сознании, не позволяя нам читать его мысли. Не применив силу, мы не сможем пробить его защиту, а это окончательно сломит его.

— Может, прибегнуть к наркотикам? — предложил Райс. — Если нам так необходимо узнать его планы, я найду способ подсыпать ему нужное зелье.

¹ Соломон 19:18

— Было бы неплохо, но, боюсь, это неосуществимо. — Камбер покачал головой. — Он нам не доверяет. А скоро он совсем оправится физически, и уж тогда с ним и подавно будет не совладать. У кого-нибудь есть еще идеи?

— По мне, так вы все заняты чепухой, — вспыхнул Грегори. — Тавис не предатель, он невинная жертва, и я не вижу причин для беспокойства. Или вы чего-то не договариваете?..

Ивейн, понимая, что разговор принимает опасный оборот, со вздохом покачала головой и решила вмешаться:

— Мы не спорим, что он жертва, Грегори. Но он дружен с принцами, особенно с Джеваном. А сегодня мы узнали, что кто-то из них — вероятно, Элрой, хотя, возможно, тут не обошлось и без Джевана, — уговорил регентов начать облавы на банды Дерини. Джеффрай, расскажи нам еще раз, что было сегодня на Совете.

Джеффрай утвердительно кивнул.

— Ивейн права. Короля сегодня не было, и с этой идеей выступил Таммарон. Теперь регенты утверждают, будто нападавшие охотились за двумя принцами, но, не добравшись до детей, взялись за Тависа. Они утверждают, что Тавис поможет опознать нападавших, что, вне всякого сомнения, он и сделает. Если бы я прошел через все это в столь же юном возрасте, что и Тавис, я бы, не колеблясь, захотел отомстить.

Джебедия, всю последнюю неделю проведенный в михайлинском военном лагере в Аргоде, водил указательным пальцем по завиткам золотой инкрустации на крышке стола.

— По-моему, кто-то должен получше приглядывать за Тависом. Плохо, что всех моих людей выгнали из охраны. Готов поспорить, что этим летом обитатели замка переберутся в Ремут, тогда правильно подобраный охранник извещал бы нас о ситуации.

— Человек? — спросила Ивейн. — Да, для этого необходим именно человек, потому что Дерини Тавис быстро выявит при малейшем подозрении.

Джебедия задумчиво кивал.

— Верно. Но если мы найдем человека и обеспечим ему хорошую защиту от разоблачения, то наша обратная связь будет невозможна. — Он вздохнул, задумался на мгновение, затем снова поднял голову. — Райс, а как насчет нашей маленькой уловки? Ведь можно послать Дерини с блокированными способностями.

Джорем поднял бровь.

— Та же проблема. Если все его способности будут блокированы, чем он будет отличаться от человека? Мы бы смогли наблюдать за ним отсюда, если бы он помнил, что за ним собирались наблюдать, но в таком случае и Тавис может узнать об этом.

Девин поднял руку.

— Может, стоит рискнуть. У Тависа О'Нилла забот хватает и без того, чтобы проверять каждого стражника в замке. А поэтому можно послать Дерини с блокированными способностями. А затем, когда он приобретет репутацию надежного человека, его снова можно разблокировать.

Камбер кивнул.

— Это мне нравится. У тебя острый ум, Девин. — Он обвел взглядом остальных. — Разумеется, следующий вопрос: где найти подходящего кандидата? Он должен быть неизвестен при дворе, но регенты должны доверять ему. Это значительно сужает выбор.

— Вот именно, — согласился Джеффрай. — Эмрис, Кверон, ваши предложения? Кверон, из слуг святого Камбера никто не подходит?

Кверон покачал головой.

— Среди нас очень мало Дерини, ваша милость. А военную выучку прошли еще меньше. Хотя, по-моему, идея выбрать такого кандидата из монастыря заслуживает внимания. — Он повернулся к Эмри-

су. — Может быть, кто-нибудь из гавриилитских послушников, Эмрис? Или вы, Джебедея? Еще лучше. Как насчет молодого михайлинца?

Настал черед Джебедеи покачать головой.

— Те, кто получил соответствующее обучение, еще недавно занимали довольно высокие посты. Нет, нам нужен хорошо выученный Дерини со стороны.

— Я подхожу?

Это сказал Девин, и все оглянулись на него. Ивейн испуганно трясла головой, не желая слушать, но Девин поднял руку и оглядел собравшихся.

— Послушайте. Логика безупречна. У меня военное образование, я связан с Советом, я...

— И куда бы ты ни пошел, всюду узнают тебя, граф Кулдский, — вмешался Камбер. — Нет, не хочу даже слышать об этом.

— Простите, епископ Элистер, — мягко произнес Девин, — но вы не совсем правы. Дядя Джорем, разве вы не рассказывали мне как-то, что после смерти моего отца дед преобразил двух слуг в вас и Райса, чтобы они могли спасти принца Синхила?

Грегори лихо присвистнул, за столом раздались вздохи, и Джорем медленно кивнул. Камбер, ценою больших усилий сдерживавший испуг, видел, как на виске его сына задергалась жилка,

— Разве вы не рассказывали мне об этом, дядя? — повторил Девин.

Джорем взял себя в руки, ослабил мертвую хватку, с которой он вцепился в стол, и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться.

— Да, рассказывал.

— А вы, дядя Райс, — продолжал Девин. — Вы были там. Вы тоже испытали это. Я уверен, что тетя Ивейн знает, как это делается. — Он поочередно посмотрел на них, стараясь предугадать их реакцию.

— Разве вы не видите? Это превосходное решение. Один из вас изменяет мой облик, а Райс

временно блокирует способности. Вы даёте мне фальшивое свидетельство, что я новый солдат-человек, принятый в охрану. Нет, даже ещё лучше, вы задерживаете только что принятого стражника, а я занимаю его место. Потом, когда я войду в доверие, Райс снимает блокирование и я регулярно посылаю отчеты по заранее установленной связи, возможно, через Джеффрея. Я уже говорил, это превосходное решение.

Юноша решительно оглядел всех, а Грегори посмотрел на Джорема.

— Ты можешь это сделать?

— Нет.

— Джорем! — упрекнула его Ивейн. — Ну конечно, ты можешь.

— Но не буду. Это слишком опасно, — ответил он упрямо. — Я знаю, что сейчас это необходимо. — *И в другое время тоже*, про себя добавил он. — Но пока это очень опасно. Что если его обнаружат? Он ведь и твой племянник, Ивейн.

— Знаю.

Ивейн спокойно посмотрела на мужа. В глубине души она понимала: ее отец потрясен, он снова не в состоянии уклониться от неотвратимого.

— Райс, твое мнение? Блокированный и с измененной внешностью Девин подходит для этого? Если хочешь, остальным я займусь сама.

Райс вздохнул, зная, что Камбер против, но не нашёл причин для отказа.

— Я смогу заблокировать его. Мне было бы спокойнее, если бы кто-то ещё мог делать это, на случай, если со мной что-то случится. Но должен согласиться, Девин кажется единственным, кто подходит для этого дела, оно в самом деле нужное. С тех пор как мы заговорили об этом, я пытался что-нибудь придумать, но, к сожалению, не нашел иного способа приглядывать за Тависом, принцами и ещё более внимательно за регентами. Если хочет, пусть попробует.

— А вдруг у него ничего не получится, тогда его кровь будет на твоих руках? — резко спросил Джорем. — Можем мы себе позволить так рисковать одним из нас?

— Наши руки и без того в крови, — сказала Ивейн, вспомнив о многих и многих, кто умер. — И если потребуется еще, так пусть это будет кровь лучших, чем риск тех, кто обладает меньшими способностями.

— Да будет так, — прошептал Джеффрай.

— Тогда мы решили? — спросила Ивейн. — Я согласилась, Райс тоже, и Джеффрай, и Девин, конечно. Джорем говорит «нет». Слово за тобой, Грегори.

— Да.

— Отец Элистер?

Камбер почувствовал ее печаль и готовность покориться и понял, что она была права. Он степенно кивнул, не решаясь встретиться взглядом с сыном. Он знал, что дочь одобряет его, затем повернулся к Джебе-дии.

— А ты?

— Он прав. Никого больше нет. Я говорю «да».

— Да будет так, — пробормотала Ивейн. — Мне очень жаль, брат, — прибавила она, когда Джорем, по-нури-в голову, закусил губу.

Нарушить длительное молчание отважился Девин.

— Итак, решено. Когда мне начинать?

— Через неделю примерно, — быстро ответил Джебе-дия. — Нам придется найти офицеров охраны, которые знают нашего подопечного, потом тебе придется просмотреть документы охраны, чтобы получить представление о дворцовой службе. Это немного отличается от жизни графа. Я думаю, это займет по крайней мере неделю. Ивейн, Райс, вы согласны?

Оба одновременно кивнули.

— Нам нужно отработать блокирование и подготовить передачу Девину чужой памяти, — сказал

300 Райс. — После окончания проверки ему нужно

будет появиться там, где я смогу снять блокирование и восстановить его память. Там, куда охрана может пойти в свободное время. Уверен, что Ивейн захочет несколько раз повторить процесс перемены облика.

* * *

Спустя две недели они были готовы. Неделя ушла на то, чтобы Девин привык к манере поведения солдата, потому что теперь он играл роль воина, стоявшего рангом куда ниже, чем граф. А вторую неделю он работал с Ивейн и Райсом, учился полностью расслабляться, что было совершенно необходимо для достижения приемлемого результата. В это время Джебедея искал офицеров, которые смогли бы помочь Девину в его новой роли. Солдат, которого должен был подменить граф Куддский, тоже был найден — некий Эйдиард Ключевский, стройный молодой человек, примерно одного с Девиним сложения. Юноша только недавно был принят на службу и еще не значился в списках, предоставляемых ко двору. В назначенный вечер весь Совет, за исключением Джебедеи, собрался в кииле как раз под залом заседаний.

Термин кииль обозначал часовню или храм, а этот *кииль* считался очень древним еще во времена первых Халдейнов, которые три века назад основали то, что впоследствии стало Гвиннедом. Это помещение и те, что над ним, были надежно спрятаны под высокогорным плато в горах Рэндалла. Древнее деринийское братство, известное под именем эйрсидов, заявило свои права на *кииль* и собиралось там, где теперь сидели члены Совета, но, не успев обустроить свою обитель, братья пропали, и никто не знал, куда.

Теперь и кииль, и комната Совета были доступны только через Портал. Существование этих сооружений было открыто чисто случайно. О нем вскользь упоминалось в одном из манускриптов, которые-

ми Ивейн по-прежнему занималась в свободное время. После этого прошло немало времени, прежде чем удалось разыскать описанный Портал и рискнуть воспользоваться им.

В конце, концов они все-таки решились. Открытие частично завершенной комнаты Совета и киалля давало тайное место встреч и святилище для совершения ритуальных обрядов. Здесь единомышленники Камбера были в безопасности.

Массивные тяжелые стены киалля образовывали круг вместо восьмиугольника комнаты Совета. Двенадцать грубо обтесанных каменных колонн располагались по всей окружности, пространства между ними хватало, чтобы мог пройти человек. Единственная бронзовая дверь с северной стороны открывалась как раз в такой промежуток. Четыре бронзовые подставки поддерживали факелы, разгонявшие дымный мрак четырех секторов комнаты и отбрасывавшие дрожащие тени на колонны и стены. Пожалуй, единственной завершенной частью комнаты был потолок, отделанный геометрическими фигурами из серо-голубого камня, слабо поблескивавшими в свете факелов.

В центре помещался серо-черный помост из известняка, первая из семи ступеней которого начиналась в пяди от тяжелой громады колонн. Точно посередине помоста лежала глыба белого мрамора с плоскими гранями, почти кубической формы. Вокруг этого монолита стояли на коленях Ивейн, Райс и Девин, выглядевший очень напряженным. Эти трое в последний раз прикасались к тому, что они знали как Главного хранителя. Теперь все его составляющие были у края помоста, требовался только толчок.

Остальные ждали, стоя между колоннами, Джеффри и Грегори — в восточном и южном секторе, Камбер и Джорем — около двери на севере (однако Джорем все еще не мог смириться с тем, что должно было произойти). Когда трое на помосте стали рас-

ставлять компоненты Главного хранителя по местам, дверь распахнулась, чтобы пропустить Джебедию и юношу со значком королевской охраны Гвиннеда, шагающего словно во сне. Джебедия закрыл за собой дверь, повернулся к Камберу и Джорему, держа руку в перчатке на плече своего спутника.

— Ты же знаешь, Джорем, что это необходимо, — сказал он.

— Так утверждаете вы.

— Но ты не веришь? — Джорем пожал плечами.

— Просто мне кажется, что мы снова ввязываемся в обман.

— Однако с прежними ты смирился, — пробормотал Камбер.

— То было совсем другое дело.

— Как понять, *другое*?

— Это просто случилось. И в том не было преднамеренности. А это жестоко. Ваша жертва не может возразить. А раньше участие было сознательным решением.

Камбер задумчиво кивнул.

— Правда, но Кринан и Вульфер согласились помогать нам. Ивейн сама выбрала свое занятие. А с Элистером это не имеет никакого значения. — Он посмотрел на Эйдиярда, его невидящие глаза и квелое лицо, потом снова перевел взгляд на Джорема.

— Но этого юношу не спрашивали. Это беспокоит тебя?

— Да.

— То, что мы делаем, не причинит ему вреда. Мы просто изолируем его. Это будет очень почетное заключение.

— Вся его жизнь пойдет прахом, особенно в случае неудачи, — возразил Джорем. — Даже если мы изменим решение и отзовем Девина прежде, чем что-то случится, военная карьера этого человека рухнет. Вам ни за что не удастся выполнить обратный размен так, чтобы он вернулся на прежнее место.

— Не удастся, — согласился Джебедея. — Но мы можем поставить его на другое место. А даже если и нет, что ж, солдаты не всегда занимаются своим прямым делом. Так будет и с ним.

— Ему не предоставляли право выбора, — сказал Джорем.

— Нет, не предоставляли. Но так нужно.

Джорем ничего не сказал в ответ, а просто скрестил руки на груди и безо всякого интереса проводил глазами Джебедею. Тот поднялся вместе с Эйдиярдом на семь ступеней помоста и передал контроль над ним Ивейн. Потом Джебедея вернулся, чтобы присоединиться к Камберу и Джорему, Райс на помосте поднял руки и произнес слова, вызвавшие к жизни Главного хранителя.

«Primus, Secundus, Tertius, et Quartus, fiat lux!»

По всему периметру помоста засверкали искры, превращавшиеся в бело-голубой свет звезды в пространстве, обозначенном четырьмя кубами — составляющими Главного хранителя. Ивейн слегка коснулась висков Эйдиярда и погрузила его в еще более глубокий транс. Через несколько секунд он закачался и упал бы, если бы Райс не поддержал его. Ивейн опустила руки и посмотрела на Девина, который до этого времени наблюдал за происходящим в напряженном молчании.

— Он ничего не узнает. А теперь поменяйся с ним одеждой.

Под серо-стальной верхней одеждой, которую Девин снял, на нем оказались простая туника и штаны, которые обычно носят солдаты. Они с Райсом стали молча снимать с Эйдиярда его боевые доспехи, тишину комнаты нарушало только тихое позвякивание скрепленных кожей латных пластинок и пряжек. Когда стражник остался в той же одежде, что и Девин, Девин облачился в доспехи Эйдиярда.

Облегающие кожаные бриджи темно-коричневого цвета, кожаная куртка, кольчуга с метал-

лическими пластинами величиной с ладонь, защищающая плечи, торс и доходящая до середины бедер, поверх всего пурпурная накидка с вышитым на плече львом Халдейнов.

Потом он обулся в тяжелые сапоги до колен, прицепил стальные шпоры, пояс коричневой кожи с плоским мечом и, наконец, пристегнул выдавший виды кинжал и заткнул за пояс перчатки. Плащ и шлем Эйдиярда были оставлены за пределами круга Главного хранителя.

— Посмотрим, — сказала Ивейн, пока Райс помогал племяннику застегнуть последнюю пряжку, — Встань рядом с ним. Да, сходство велико до странности, даже без изменения облика. Что ж, тем лучше для нас.

Девин поправил кольчугу на плече и попытался почесаться сквозь доспехи.

— Рад, что вам нравится, — он говорил, морщась. — Хотя мне бы хотелось, чтобы перевоплощение было не таким полным. В куртке полно вшей.

— Добро пожаловать в жизнь обыкновенного солдата, — улыбнулся Райс. Он весело посмотрел на Ивейн. — Мы готовы?

— Вполне.

Она мягко взяла Эйдиярда за руку и ввела его в центр круга, направляя его к глыбе белого мрамора. Потом она повернулась к Девину и пригласила его встать рядом с человеком, в которого он должен был превратиться. С глубоким вздохом Девин повиновался.

— Ты понимаешь, насколько важно, чтобы ты полностью открылся?

— Понимаю.

— Отлично, — ответила Ивейн, обмениваясь взглядами с Райсом, вставшим подле Девина. — Чем больше ты откроешься мне, тем легче будет изменить твой облик. Это очень важно, потому что в первые недели, пока твои способности будут блокированы, ты не сможешь стабилизировать свой образ. — Она

положила руки на его плечи. — А теперь глубоко вдохни, и давай начнем. Вот так. Еще раз.

Девин подчинился, погружаясь в знакомое ему бессознательное состояние. Сначала трудностей не возникало, он уходил все глубже и глубже, мягко ведомый Ивейн, но почувствовал, что достигает таких глубин, когда не так-то легко было оставаться открытым, даже после недельной подготовки.

Девин вдохнул, на выдохе преодолел еще один уровень и смутно почувствовал, что руки Райса мягко скользят по его затылку, что Целитель уводит его еще глубже, а потом обычное сознание перестало служить Девину.

Однако его внутреннее зрение расширилось с каждым вдохом, а тело расслаблялось и становилось более восприимчивым.

Дыхание больше не подчинялось Девину, да это было и не важно — Райс следил за этим. Он даже сомневался, продолжало бы его сердце биться, если бы не руки Целителя.

Теперь все его существо было заключено меж двух этих рук, которые сейчас касались его лба. С этим новым прикосновением что-то как будто встало на место. Если бы он захотел прервать контакт, то вряд ли сумел бы, да он и не пытался.

Ивейн убрала руки, и Девин ясно почувствовал, что и Эйдиярд подготовлен. Он стоял на грани полного беспамятства, удерживаемый в равновесии руками Райса, и снова перед его внутренним взором мелькнула Ивейн.

Держись, — прошептала она мысленно, когда остановилась между ним и Эйдиярдом.

Потом в него стала вливаться энергия, и Девин полностью открылся для нее. Он почувствовал, как покалывало руки и ноги, все тело, словно сотни крошечных насекомых копошились в нем, но, как ни странно, это не было неприятно. У Девина появилось

чувство раздвоенности — ощущение покалывания вроде бы было, а вроде и нет.

Внезапно все закончилось. Его тело снова принадлежало ему, и непонятное ощущение пропало. Когда Ивейн отстранилась от него, Девин почувствовал, что выныривает на поверхность из глубины. От стремительного возвращения сознания его слегка покачивало. Руки Райса поддерживали его, а мозг Целителя, удалялся по мере того, как восстанавливалось нормальное состояние организма. Девин открыл глаза. Ивейн смотрела на него, довольно улыбаясь, одна ее рука лежала на плече все еще бесчувственного Эйдиярда.

Райс повернулся к северной границе круга Главного хранителя и открыл Джебедии ворота. Ивейн положила одежду Девина на плечо Эйдиярда и повернула его к Джебедии. Когда тот вывел юношу, Райс опять замкнул круг, а Ивейн повернулась к Девину.

По ее глазам он видел, что изменился. Судя по движению за кругом, которое различалось сквозь защитную дымку, остальные находились под впечатлением только что совершенного. Девину вдруг захотелось посмотреться в зеркало, но тут же стало неловко от этой пустой мысли.

Чтобы узнать, как он теперь выглядел, не нужно было зеркала. За последнюю неделю с помощью Ивейн он не раз менял облик. Кроме того, самое трудное было еще впереди. Это было поистине страшное превращение, хотя он знал, что не вспомнит о нем. Всю последнюю неделю они работали над блокированием множество раз, и каждый раз Райс позволял сохранить память о случившемся. Но на этот раз он ничего не будет помнить о своем настоящем облике и имени. Даже для Дерини он будет всего лишь стражником-человеком, нанятым в охрану принцев.

Перед ним стоял Райс и улыбался той улыбкой, которой должны улыбаться Целители, если предстоит очень трудное или необычное исцеление,

правда, кроме улыбки, ничто сейчас не имело к исцелению отношения. Несколько следующих недель граф Девин не будет существовать. Был ли он уверен, что хочет пройти через это?

Все понимали: его жертвенный порыв был следствием импульса, и потому мотивы поступка Девина и вероятность выполнения им опасной миссии не раз тщательно взвешивались. Особенно возражали против его участия в этом деле отец Элистер и Джорем. Но в конце концов стало ясно, что нет более подходящей кандидатуры, а дело не терпит отлагательства. Успокаивая вздохом свои бурные переживания, Девин криво улыбнулся Райсу и протянул ему руки. Райс сжал их, и, не говоря ни слова, они вступили в четко отработанный за две недели контакт.

Руки Ивейн лежали на его плечах, и Девин знал, что теперь она наблюдала за ним подобно тому, как Райс наблюдал в начале работы. Ему сразу же удалось уйти на достаточную глубину, но потом он забрался еще, глубже, полностью полагаясь на Райса, шедшего совершенно другими путями, чем Ивейн.

Теперь контроль Целителя, не грубый, но неодолимый, управлял его организмом. Последней мыслью графа Девина в момент операции блокирования было то, что он умирает, но это было уже не важно. Он был готов провести в сомнамбулическом состоянии хоть целую вечность, уступив всего себя Райсу и Ивейн. Его жизнь была в их руках.

В это время Райс коснулся критической точки и почувствовал ответный толчок в мозгу — блокирование было установлено. Он начал осторожный выход из контакта.

Ивейн сняла контроль с организма и просто поддерживала готового рухнуть на мрамор преображенного Девина. Пока она разрушала круг Главного хранителя, Райс продолжал внедрять в голову лежащего юноши сознание солдата Эйдиярда.

Когда Райс наконец поднял глаза, Девин-Эйдиярд безмятежно спал под его руками. Выйдя из контакта и оглядевшись, он глубоко вздохнул.

— Это все, что я могу сделать, думаю, он выдержит считывание мыслей. Если хотите, можете проверить. Вы его не разбудите.

Последовавшие приглашению Целителя согласно кивали головами. Только Камбер и Джорем не участвовали в проверке — Камбер не нуждался в этом, а Джорем не хотел. Джебедия тоже уверился в успехе преобразования, встал и перчаткой почистил колени своего костюма для верховой езды.

— Итак, все сделано. Я отведу Девина к лошади Эйдиярда и отправлю к условленному месту. Там ждут несколько михайлинцев, они отвезут настоящего Эйдиярда обратно в Аргод. Они Дерини, так что проблем не возникнет.

— По-моему, отлично, — сказал Райс. — С сегодняшней ночи один из нас должен неотлучно находиться наверху в комнате Совета и наблюдать за ним, готовый в случае опасности увезти Девина и известить Джеффрай. Джеффрай, с тобой будут связываться только гонцы.

Джеффрай кивнул.

— Ясно.

— Если не возражаете, я буду первым на очереди, — произнес Камбер. — Я не могу позволить себе отсутствовать днем. Отец Вилловин ревностно охраняет Грекоту, словно это его собственность. А когда не может найти меня, начинает прямо-таки беситься.

— Отличительная черта хорошего декана, — с натянутой улыбкой сказал Джеффрай. — Там ты или нет, он будет отличным стражем. Завтра буду дежурить я.

Часом позже все разошлись. А Камбер сидел за большим столом в комнате Совета и думал о том, что они сделали этой ночью.

Еще один обман, сказал Джорем без околичностей. Камбер вынужден был согласиться, все

именно так. Со времени подмены Элистера они не производили на свет такой огромной лжи.

Теперь это начиналось снова, сейчас внук Камбера был в опасности, даже толком не зная, зачем все это нужно.

Разумеется, на то были свои веские причины. Но факт оставался фактом — события сегодняшней ночи возникли из того, что случилось много лет назад, были тесно связаны с обманом Камбера, принявшего облик Элистера, чтобы сохранить влияние на королевскую династию, которую они сами вернули на трон.

Если во времена правления Синхила положение было шатким — только слепой мог этого не видеть, — то каким оно было теперь, когда на троне сидел ребенок, а алчные регенты контролировали каждый его шаг и стерегли его братьев?

Не то, чтобы дети полностью находились под влиянием регентов, в последние недели Джеван показал удивительное мужество. Его поддержка Тависа О'Нилла, совершенно неожиданная для человека, выходила за рамки просто сострадания.

Никто не мог подобраться к Джевану настолько близко, чтобы разузнать о происшествии. Но и короткого контакта Камбера и Райса с Джеваном в ночь нападения хватило, чтобы понять — в мальчике что-то изменилось, Камберу было неизвестно, было это следствием событий в ночь смерти Синхила или общения мальчика с Тависом.

Если это произошло из-за того, что они сделали с принцем, их и надо винить. Человек, обладающий защитами, поистине опасен.

Еще нужно было наблюдать за Девином, а теперь, когда Камбер возвращался в Грекоту, его и там ждала уйма дел.

Интересно, где теперь Девин? Ах, да, там, где Джебе-
дия его только что оставил, на лошади. Внутрен-

310 нее содержание Девина осталось прежним, но

оно было так глубоко спрятано, что Камберу постоянно приходилось напоминать себе, за кем он следил.

Сейчас в сознании Девина, направлявшего лошадь по главной дороге в Валорет, роились только мысли солдата. Ему нравилось его новое положение, он страстно желал служить королю и был польщен тем, что командование сочло его достойным новой должности.

Одинокого всадника посещали и другие похожие мысли, но он не знал о краткости своего пребывания в оболочке Эйдиярда и не находил ничего необычного в том, что размышляет, словно самый обычный служака.

Тем временем Камбер, частью своего сознания незаметно следивший за Девиним, с наступлением рассвета позволил себе погрузиться в раздумья о совершенно иных вещах.

ГЛАВА 17

Преданный друг — что хорошая защита, и тот, кто найдет такого друга, найдет сокровище.¹

Дни шли за днями, проходили недели; наступило и миновало летнее солнцестояние. Весь этот месяц после коронации Валорет был охвачен враждой и подозрительностью. Теперь все говорили лишь о том, что Дерини, напавшие на Тависа, на самом деле, покушались на жизнь принцев.

Лето выдалось необычайно жарким и принесло с собой вспышку холеры, которая по непонятной причине поражала людей куда чаще, нежели Дерини, и это еще более обостряло ситуацию. Смерть унесла немногих, большей частью ее жертвами пали младенцы и старики, но люди, заболев, по месяцу проводили в постели, мучимые тяжелейшими приступами, а после выздоровления на коже у них оставались рубцы — следы множества гнойников, тогда как Дерини либо вовсе не заражались, либо исцелялись недели через две, без особых последствий.

Разумеется, тут же пошли слухи, что именно Дерини повинны в эпидемии, иначе как объяснить, что они пострадали от болезни куда меньше людей. Болтали даже, будто деринийские Целители, на самом деле, не борются

ся с недугом, а наоборот, разносят его, пытаясь с помощью колдовства свергнуть новый режим. Хьюберт разразился гневной проповедью, обличая черную магию, и заявил, что, заботясь о благополучии короля, все силы положит на борьбу с деринийской заразой.

Лето подходило к концу. В начале июля Адрой с Джеваном завершили учебу, и королевский двор немедленно начал готовиться к переезду в Ремут. Реконструкция древней столицы, затеянная в последние годы правления Синхила, после его смерти пошла еще быстрее. В середине июля, когда король и двор прибыли в город, архитекторы и старшины каменщиков объявили, что по крайней мере центральная часть замка и дом у ворот вполне приспособлены для жизни в них. Они пообещали, что еще до первого снега весь старый замок будет полностью восстановлен. Регенты были уверены, что переезд в старинную крепость Халдейнов со всеми его ассоциациями со старым режимом значительно укрепит новое правление. Таким образом, прогресс во всем был впечатляющим.

Массивная, восьмиугольная центральная башня, сердце замка, превратилась в надежное укрытие от непогоды еще до прибытия короля из Валорета; коническую крышу покрыли новыми листами свинца, а на двух верхних этажах окна были застеклены прекрасным гризайлевым стеклом. Однако в башне, в отличие от апартаментов в Валорете, постоянно гуляли сквозняки от бесчисленных дымоходов и вытяжных труб туалетов. Специфические неприятности последних не ощущались, покуда ими не пользовались, и можно было наглухо закрыть эти комнаты, но чтобы выгнать из башни сырость, постоянно топились восстановленные к приезду короля камины. Толстые гобелены и ковры, привезенные из Валорета, делали комнаты более гостеприимными.

Графы Таммарон и Мердок с женами занимали верхний этаж с отдельными спальнями и

общей гостиной. Через гостиную открывался доступ на галерею под крышей, опоясывавшую верх башни и соединенную с комнатами постельничего на южной стороне здания. Галерея соединяла и с пока необитаемыми покоем в западной части башни. Первым проектом, за который строители взялись самым рьяным образом, как только Синхил приказал начать реконструкцию, было обновление надвратной башни, заброшенной во времена Фестилова. Надвратная и центральная башни сами по себе, даже без стен и системы вторичной защиты, представляли собой почти неприступную крепость.

Король и его братья разместились этажом ниже регентов, занимая отдельные спальни, но, как и прежде, пользуясь общей дневной комнатой. Комнаты Тависа, слуг и отца Альфреда, духовника мальчиков, находились на том же этаже, соединенные с апартаментами каждого принца, однако годились только для сна и хранения небольшого количества личных вещей. Под комнатами принцев располагался бывший холл в два этажа, но теперь его отдали в распоряжение поваров и телохранителей. Самый нижний этаж занимали всяческие писцы, следившие за деловыми бумагами нового короля. Три подземных этажа занимали колодец, арсенал и погреба с зерном, мукой, винами и другой провизией, достаточной на целую зиму.

Среди новых построек выделялся возведенный у северной стены и крытый черепицей огромный холл, соединенный переходом с центральной башней, для приемов и всевозможных торжеств. Во дворе были конюшни, меньший по размеру холл с комнатами для слуг и кладовыми на втором этаже, который соединялся с кухней. Замковая часовня, мастерская и кузница были почти готовы.

Во дворе располагалась тренировочная площадка для конных и пеших воинов. В Ремуте было не так просторно, как в Валорете, но старый замок по-прежнему обживался.

Пожалуй, лучшие помещения в Ремуте были в распоряжении его архиепископа, того самого Роберта Орисса, который был настоятелем короля Синхила в *Ordo Verbi Dei*. За тринадцать лет, прошедших со времени восстановления архиепископства, резиденция отстроилась и была безупречно отделана. Из ее окон духовенство наблюдало, как по приказу Синхила начинается восстановление древней столицы. Собор святого Георгия, выстроенный на фундаменте старинной церкви и приютивший в своей усыпальнице останки почти всех королей династии Халдейнов, стал первым из множества величественных зданий, задуманных для обогащения и прославления бывшей столицы Халдейнов. Резиденция архиепископа была отличным дополнением этой жемчужины архитектурного искусства.

Поняв, что житье в Ремутском замке было, в сущности, самым примитивным, Хьюберт, не теряя времени, обратился к архиепископу как одно духовное лицо к другому за одолжением. И вскоре обрел кров в роскошных и удобных апартаментах Орисса, польщенного и немного робевшего оттого, что один из регентов почтит своим августейшим присутствием его дом.

В то лето граф Эван стал герцогом Эваном — его отец, герцог Сигер, был из тех самых старцев, которых сразила холера. Вскоре после того как двор перебрался в Ремут, он и Ран, чтобы следить за армией, вернулись в Валорет, где Эван привыкал к обязанностям главнокомандующего, а Ран помогал ему.

Регентский совет распался надвое, и это ослабило влияние на короля и его братьев, зато помогло Эвану и Рану войти в близкие отношения с офицерами и солдатами Гвиннедской армии. В середине августа Совет Камбера узнал, что Эван набрал огромную партию рекрутов и разделил армию, состоявшую теперь по большей части из людей, на две части. Меньшая направлялась в Ремут под непосредственное командование Мердока, Таммарона и непосредственного

исполнителя их приказов брата Хьюберта — Манфреда, а другая часть расположилась лагерем и вела военные учения на равнине к западу от Валорета.

Никто не знал, зачем их собрали и какого противника они готовятся победить, совершая маневры и оттачивая боевые навыки, но некоторые Дерини кое-что подозревали. Эван на деле оказался лишь бездумным исполнителем политики Регентского совета, членом которого был и сам. А Ран Безжалостный мог стать только орудием дальнейшего разрушения мира и справедливости.

Однако большинство Дерини игнорировали знаки беды и утверждали, что ничего не случится.

Единственным источником информации для Алроя и его братьев об окружающем Ремут мире были отчеты Эвана и Рана, которые поступали все реже, и реже. Состояние здоровья Алроя никогда не было так хорошо, как в мягком климате равнин, и больная ступня Джевана беспокоила меньше обычного. Следуя королевским традициям, несколько раз в неделю трое мальчиков выезжали на равнину Кандор Ри, чтобы поохотиться, порыбачить или просто вместе с ветром поноситься на прекрасных чистокровных лошадях. Иногда они брали с собой соколов, но чаще всего компанию им составляли красноухие гончие, преподнесенные в подарок графом Мердоком. Они доставляли много хлопот королевскому портному, который не успевал подгонять по росту их одежду, — за лето 917 года мальчики подросли на несколько дюймов. А близнецы, которым пошел тринадцатый год, стали приобретать черты сложения юных мужчин. Во многих отношениях это было самое счастливое лето в жизни братьев.

Телесно мальчики стали много сильнее в то лето, но они не слишком повзрослели умом. Король и его братья вывозились на всевозможные торжества и церемонии, регенты регулярно приносили кипы документов, требовавших королевской подписи, но

они отговаривали его от участия в таких собраниях, где действительно принимались важные решения, кроме тех случаев, когда были уверены в нужном для них исходе. Алрой был на самом деле королем, но он был и двенадцатилетним мальчиком, напоминали они ему, и большинство государственных дел слишком сложны для его понимания. Когда он вырастет, у него появится предостаточно времени, чтобы ломать голову над подобными вещами. Мердок и Таммарон были душою всех этих увещаний.

Достаточно наслушавшись, Алрой понемногу поверил в них. Ему всегда не доставало силы воли, и неукротимый дух, вспыхнувший во время коронации, быстро сменился скукой. Лекарство для регулярного питья, прописанное ему послушным дворцовым лекарем под видом тонизирующего, делало его еще более вялым. К концу лета Алрой превратился в тихого, покорного принца, мечту всякого регента. Райс Майкла тоже оказался податливым, послушным ребенком, сохранившим, однако, веселость и беззаботность, которые всегда его отличали. И только Джеван, единственный из троих, пытался смотреть вглубь, сквозь благочестивые оболочки регентов, и очень тщательно скрывал то, что ему удавалось разглядеть.

Разумеется, первой заботой Джевана после суматохи коронации было выздоровление Тависа. Хотя его физическое состояние улучшалось самым чудесным образом, теперь, когда никакой опасности для жизни не было, он погрузился в глубокую депрессию, замкнувшись в темнице горя собственной души. Часто он вообще не вставал с постели и лежал, уставясь на стены или в потолок своей крохотной спальни. В такие минуты его царственный друг ужасно волновался, принимался читать вслух или без умолку говорил, получая лишь односложные ответы. Когда Тавис полностью выздоровел, монологи Джевана наконец-то перешли в дискуссию и совместные прогулки по замку.

Однако Тавис никогда не вспоминал о своем ремесле, и только когда в единоборстве с одним из сыновей Мердока Джеван сильно подвернул больную ногу, Целитель-калека попытался воспользоваться своими способностями. Он считал холодный компресс, предписанный королевскими лекарями, никудышным средством против опухоли. Джеван со слезами молил хотя бы попробовать облегчить боль. Любовь к юному подопечному наконец пересилила ненависть к собственной участи, и Тавис согласился.

Это и принесло настоящее выздоровление. Он почти сразу обнаружил, что отсутствие ладони не мешает установить контакт, и он не менее чувствителен, чем прежде. Энергетический баланс был другим, и все манипуляции приходилось выполнять только правой рукой, но он знал, как с этим справиться. Это открытие представило его будущее совершенно в ином свете и возвратило его дружбе с Джеваном прежнюю доверительность.

Теперь Тавису оставалось лишь привыкнуть к реакции окружающих на увечье. Поначалу он старался скрывать свою покалеченную руку под одеждой. Но, возобновив исцеления, он отказался от этого и спокойно появлялся на людях с пустым рукавом.

Однако большая часть его пациентов брезгливо отнеслась к виду и прикосновению покалеченной руки, а епископ Хьюберт сварливо ворчал, что пустой рукав неэстетичен. Чтобы не раздражать Хьюберта еще больше, Тавис попытался носить крюк, который клялся никогда не использовать, но обнаружил, что железка мешает ему как Целителю; После этого он спокойно вернулся к пустому рукаву, овладев несколькими приемами, делавшими увечие менее заметным. В те дни Джеван стал ему огромной поддержкой, настояв, чтобы Целитель вернулся к своим обязанностям как можно скорее и поделился знаниями с другими королевскими лекарями.

Ко времени выздоровления Тависа Девин уже служил в замковой охране. Девина-Эйдиярда направили в непосредственное распоряжение сэра Пайдур, который теперь возглавлял личную охрану принцев. После соответствующего обучения и экзаменов ему позволили приступить к выполнению обязанностей, которые удерживали его около принцев большую часть времени. Девин сразу показал себя превосходным наездником, воином и наставником, так что вскоре он стал лучшим другом мальчиков, и в особенности Райса Майкла.

К сожалению, близость к принцам удерживала Девина и возле Тависа, который был и главной причиной его присутствия в замке, и реальной угрозой разоблачения. Чтобы уменьшить ее, Райс наделил лже-Эйдиярда недоверием к Целителям, надеясь, что это будет удерживать его подальше от Тависа.

К несчастью, обследование Тависом мозга Эйдиярда было неизбежно, но случилось это спустя всего несколько недель после вступления нового стражника в должность, когда деринийские способности Девина были все еще заблокированы, а Тавис еще не освоился в роли Целителя.

Объезжая нового жеребца Джевана, Девин подпустил его слишком близко, и животное сильно лягнуло его в колено. Боль была ужасной. Тавис и Джеван, наблюдавшие за ним, подбежали немедленно, чтобы оказать помощь.

Однако когда Целитель осматривал огромный, уже побагровевший синяк, он не обнаружил в пациенте ничего подозрительного, только обычный страх человека, когда ему приходится иметь дело с Дерини. Объявив, что кость цела, Тавис залечил травму в несколько минут и забыл о ней. В тот же день поздно вечером Джеффри, наблюдавший за Девином, мог только облегченно вздохнуть, узнав об инциденте. Первый барьер удалось преодолеть.

Возвращение Тависа О'Нилла к привычной жизни и любимому делу не было безоблачным. Его ожидали и неприятные встречи.

По настоянию Таммарона, регенты назначили регулярный патруль, объезжавший дороги и ловивший банды представителей обеих рас. Это подливало масла в огонь утверждений, что Дерини, напавшие на Тависа, на самом деле хотели схватить принцев, и уверения Тависа в обратном ничего не меняли. С пойманными из людей имели дело регулярные выездные суды, вынося приговоры за вандализм, неумышленные повреждения или просто непристойное поведение. Дерини же Хьюберт повелел доставлять на суд в Ремут, ведь именно Дерини напали на Целителя принца Джевана. Как и предупреждал Джеффрай, Тавис получил возможность найти среди пленников своих мучителей.

Тавис, особенно поначалу, не нуждался в дополнительных приглашениях, страстно желая отомстить за нанесенное увечие. Он не хотел предавать всех Дерини в целом, но хотел выявить среди пленников тех, кому он обязан изуродованной рукой. Он прибегал к убеждения, угрозам, даже, при необходимости, к специфичным для Дерини наркотикам, чтобы пробиться сквозь защиты.

Едва узнав, что они не имели никакого отношения к нападению на него, он терял к ним всякий интерес и не утруждал себя дальнейшим погружением в их сознание для неутомимого Хьюберта, который искал любой предлог, чтобы казнить или по крайней мере засадить в тюрьму Дерини. Шли недели, и огонь мщения в Тависе поостыл, зато в Хьюберте росло раздражение.

Однажды Тавису удалось проникнуть в сознание пленного Дерини, прежде чем тот успел закрыть неприступные защиты. Его звали Дафид Лесли, он был племянником того самого Джоверта Лесли, который до своей смерти несколько лет назад был членом

рых высокопоставленных Дерини, в том числе Девина и Анселя Мак-Рори.

Но Дафид не был тем, кто отрубил Тавису руку, и даже тем, кто держал его перед мясником. Тавис не успел вытянуть из него больше ни слова — Дафид запаниковал, чувствуя, как вторгаются в его мозг, и предпочел умереть, не выдав своих друзей.

Хьюберт тщетно пытался заставить Тависа применить чтение мертвых. Епископ слышал о такой процедуре и был уверен, что Целитель со способностями должен ей владеть. То, о чем просил Хьюберт, было из области тайных знаний Дерини, а Тавис всегда имел дело только с искусством Целителя. Но даже если бы он и знал, как это делается, он все равно никак не был расположен к такому методу дознания. Кроме того, Дафид наверняка перед смертью стер память. Даже Дерини с такими навыками, о которых упомянул Хьюберт, не смог бы достичь хоть сколько-нибудь приемлемых результатов.

Хьюберт не мог понять, почему Дерини-дворянин, баловень судьбы Дафид Лесли готов ценой собственной жизни скрыть преступление другого. Дафид был лишь свидетелем чинимых обид, пожелай он назвать имена своих сообщников, его бы отпустили. Самоубийство пленного только утвердило Хьюберта в уверенности, что тот был в какой-то тайной организации.

Хьюберт для себя все уже решил, а Тавис мало что выяснил, разве только то, что после смерти Дафида уже ничего не раскопать. Однако его энтузиазм к допросам пленников Хьюберта заметно ослабел. Встреча с Дафидом являлась ему в ночных кошмарах. Просыпаясь, Тавис снова и снова возвращался к ужасному дню и ночи после ранения и к неоценимой роли Джевана, который помог ему пережить случившееся. Это напомнило ему о таинственных защитах Джевана и о том, что могло произойти в ночь смерти Синхила. По молчаливому соглашению они не обсуждали эту тему.

Джеван, вероятно, потому, что чувствовал, что для физического и душевного исцеления Тавису требуется время, а Тавис — потому, что предпочитал не думать об этом.

После смерти Дафида Тавис несколько дней провел в размышлении, решая, как начать разговор об этом со своим юным хозяином. Однако сам Джеван сделал первый шаг.

В тот день зарядил дождь, не пуская их на прогулку к холмам, поэтому они удалились в комнату Джевана, где Целитель думал показать принцу сделанную им копию с бюджетного отчета, который они обсуждали уже несколько раз, и Тавис знал, что его молодой хозяин интересуется финансами.

Джеван внимательно просмотрел первые несколько колонок, написанные убористым почерком, потом отложил свиток в сторону и посмотрел на Тависа. Из-за дверей слышался спор братьев Джевана об игре в чашки и треугольники и наставления отца Альфреда. На столе между ними горела тусклая свеча, которая должна была разогнать полумрак дождливого дня, но ее свет падал только на выступающие скулы мальчика и превращал его глаза в два бездонных озера.

— Тавис, нам нужно поговорить, — тихо сказал он.

— Разве мы не этим занимаемся? — спросил Тавис, приподняв темно-рыжую бровь.

— Ты знаешь, я не это имел в виду, — зашептал Джеван. — Что случилось в ночь смерти моего отца? Я не спрашивал раньше, потому что думал, что тебе нужно время, чтобы выздороветь. Теперь ты здоров. Я хочу знать и то, что ты со мной сделал в ночь нападения. Я хочу знать также и о моих защитах.

Тавис вздохнул и потер глаза.

— Слишком много вопросов, мой принц.

— А ты от меня не многого просил, когда лежал в Валорете при смерти?

Снова вздох. Тавис поднялся и знаком попросил мальчика подойти к окну. Они сели — Тавис у серого от дождя окна, Джеван слева от него. Тавис массажировал культию ладонью правой руки.

— По-моему, больше всего вас интересует то, что случилось с вами в ночь нападения, — спокойно сказал он. — Обычно в общении с людьми я такого себе не позволяю, но, кажется, вы именно этого и хотели. Вашу энергию я смог использовать для себя, хотя ни на минуту не переставал думать о том, как это возможно. В ту ночь вы упомянули о защитах и были правы. Они у вас действительно были и есть сейчас, похоже, вы можете опускать и поднимать их по собственному желанию. Я никогда не слышал, чтобы люди могли делать такое.

Джеван нахмурился.

— Эти защиты... Ты думаешь, они как-то связаны с ночью смерти моего отца? — спросил он после минутной задумчивости.

— Я не знаю. Возможно, у вас эти защиты уже давно, просто я об этом не знал. Я помню, что вы долго не хотели открываться мне, когда я впервые пришел в замок. Когда вы поверили мне, в вас осталось только то сопротивление, которое можно ожидать от мальчика, желающего делать то, что считает нужным, а не то, чего от него хотят взрослые.

Мимолетная улыбка озарила лицо мальчика.

— Я был для тебя сущим наказанием, Тавис?

— Только иногда, мой принц. А в ночь нападения вы были всем чем угодно, только не наказанием. — Он опустил глаза и понизил голос. — Если бы не вы, не знаю, что бы со мной стало. Безо всяких сомнений, мне бы не удалось так быстро исцелиться и душой, и телом.

— Что я сделал? — спросил Джеван.

— На час вы отдали свою душу в мои руки,
— мягко ответил Тавис. — Я просил позволения

забрать у вас немного жизненной силы и молился, что смогу заставить себя не забирать слишком много, и вы полностью отдались в мои руки... или нет, в руку. В ту ночь я мог убить вас, Джеван. Должно быть, вы чувствовали это. Но у вас не было и тени сомнения. Вы дали мне силу исцеления и жизни.

Пока Тавис говорил, глаза Джевана становились все больше и больше, он наклонился и взял руку Целителя.

— Разве не ты проделывал со мной то же самое множество раз? — тихо спросил мальчик. — Я был немного испуган, но горд что мог сделать это для тебя. И все-таки...

— И все-таки?

— И все-таки, Тавис, по-моему, люди не могут сделать такого ради Дерини. Почему же я смог?

— Я не знаю, — прошептал Тавис. — Я правда не знаю. Но мне кажется, что так было не всегда. До смерти вашего отца я готов был поклясться, что между нами были отношения пациента и Целителя.

— Что же тогда случилось, что изменило это? — спросил Джеван. — Что случилось в ту ночь, когда умер мой отец? Райс сам говорил, что сделал что-то с тобой. Мы также знаем, что в ту ночь он дал мне и моим братьям так называемое лекарство. Возможно, он и со мной что-то сделал. Как думаешь, мы сможем это выяснить?

— Не знаю, — задумчиво произнес Тавис. — Видит Бог, я старался найти что-нибудь в своей памяти, но, может быть... — Он осторожно взглянул на Джевана и сжал его руку. — Вы поможете мне, Джеван? Возможно, с вашей помощью нам удастся вернуться в ту ночь. Чем больше я думаю о том времени, тем больше убеждаюсь, что ключ к разгадке в нем.

— Что я должен делать? — спросил Джеван. — Ты же знаешь, я хочу помочь тебе. Скажи, что мне делать.

— Хорошо.

Тавис быстро повернулся на диванной подушке лицом к Джевану и поджал левую ногу.

Джеван сделал то же самое и поджал правую. Тавис мягко взял левую руку мальчика в свою правую и почувствовал, что правая рука Джевана легла на его левый локоть, закрепляя контакт. Он глубоко вдохнул и выдохнул, видя, как Джеван следует его примеру.

— Хорошо, — мягко сказал Тавис. — Я хочу, чтобы вы расслабились, как в ту ночь, когда помогли мне. Вы опять почувствуете, будто что-то тянет вас, но теперь вы должны оставаться в полном сознании. Возможно, вы начнете дремать, но не засыпайте. Постарайтесь полностью сконцентрироваться на той ночи, когда к вам пришел Райс и дал вина. Вы видите себя и своих братьев снова в Валорете ...

Тавис почувствовал, что мальчик входит в состояние транса так легко, словно делал это всю жизнь. Подюжины вдохов и выдохов — и он закрыл глаза, погрузившись так же глубоко, как в ночь нападения на Тависа, и точно следуя движению Целителя.

Тавис легко установил контакт, давая Джевану сначала почувствовать его просто как напряжение соприкосновения. Он умело вел свои мысли к событиям той ночи, ощущая, что и Джеван перемещается во времени вместе с ним. Тавис закрыл глаза, воскрешая в памяти картину событий, сплетая ее с воспоминаниями мальчика.

После ужина три принца и их слуги собираются во круг Райса, тот достает из мешочка пакет и высыпает его содержимое в кувшин со сладким фианнским вином, которое приносит один из слуг. Тавис с любопытством наблюдает за этим действием со своего места у окна, вино разлито по бокалам и выпито принцами и слугами. Потом все молятся на ночь и сонные укладываются в постели.

Теперь они читали воспоминания Тависа: Целитель подходит к столу и берет пустой кувшин, удивляется, что мог дать им Райс.

— Что это? — спрашивает Тавис.

— Я же говорил, лекарство от простуды. Так приказал король. Если хочешь, можешь попробовать.

Тавис качает головой, ставит кувшин и смотрит, как Райс идет к двери. Зевнув, Тавис подобрал свиток и направился к шкурам, лежащим у камина, почитал немного и стал засыпа... Нет!

Тавис вернулся к самому началу.

«Вернись к тому моменту, когда ты заснул, — приказал он Джевану. — Райс вернулся в общую комнату, но кувшин не был пуст!»

Джеван отзывался на мысленные вопросы. И Тавис вспомнил.

Вот он поднял кувшин, понюхал его содержимое и был потрясён.

— Ты лгал, — прошептал он.

— Да?

— Это было не средство против простуды. Ты усыпил их. Этой дозы хватит, чтобы они проспали до утра. Что ты собираешься делать?

— Собираюсь? Я просто выполняю волю Его Величества, наблюдая, чтобы ночью дети хорошо спали.

Он подозрительно дотронулся пальцем до капли на стенке одного из бокалов и поднес его к носу.

— Скорее всего отдохнули с миром. Ты не против, если я спрошу у Его Величества, действительно ли... что это? — Он не мог поверить себе. — Волчий яд и *мер*... Райс, как ты мог?..

Его защиты закрылись мгновенно. Он почувствовал, что разум Райса пытается осторожно пробраться в его сознание, и еще крепче сжал защиты, решая, как ему поступить.

Неожиданно Райс ударил его кулаком в солнечное сплетение! Когда Тавис упал на пол, хватая ртом воздух, Целитель схватил кувшин с вином, прижал сосуд к его губам и заставил выпить.

Какая боль! В груди, старающейся дышать, в
326 горле, вынужденном глотать снова и снова...

Возмущение. А теперь настоящий страх. Хотя функционирование организма начало восстанавливаться, его мысли стали путаться — зелье оказало действие.

— Прости, что пришлось ударить тебя, Тавис, — сказал Райс. — Но тебе необходимо было это выпить, раз уж ты имел несчастье оказаться здесь сегодня вечером. Я сомневаюсь, что ты сделал бы это по собственному желанию.

В голове Тависа все перемешалось, и ему удалось только выдавить из себя слова:

— Незачем? О, Господи, Райс! Ты дал им м-м-мераша! И... и ангалон. Мераша и ангалон, а ведь они даже не Дерини!

— Это было сделано по приказу Его Величества и с его полного согласия, — пробормотал Райс. — Кроме этого, я больше ничего не могу тебе сказать. Но даже если бы я мог, ты бы все равно ничего не вспомнил... не так ли?

Но Тавис вспомнил сейчас и снова почувствовал, что взор туманится, а защиты становятся все более хрупкими под действием наркотиков и открывают его мозг для Райса.

Теперь он знал, что изменил Райс, и знал, как вернуть это.

Но вернуть можно было совсем немного, потому что. беспмятство, вызванное Райсом, нельзя повернуть вспять. Нельзя вернуть память о том, чему не был свидетелем.

Оставалось только вернуть возможное и решить, что бы это могло значить. Когда Джеван вышел из транса и посмотрел на Тависа, его глаза расширились.

— Почему он сделал это? — пробормотал Джеван. — По какой-то причине он усыпил нас в ту ночь, а тебя заставил забыть об этом. — Он помолчал минуту, потом взглянул на Тависа, ужаснувшись своему подозрению. — Тавис, как ты думаешь, он мог знать, что мой отец умрет?

Тавис рассеянно посмотрел на принца, не отваживаясь довести предположение до логического заключения.

— Как он мог знать об этом, Джеван?

Задрожав, Джеван отвернулся и, не глядя на Тависа, прижал колени к груди и положил на них подбородок.

— Нет, это невозможно. Он Целитель. Целители не убивают людей.

— По крайней мере, не намеренно, — пробормотал Тавис. — А если Райс заранее знал, что Синхил умрет, то тут должно быть намерение. — Он раздраженно стукнул кулаком по диванной подушке. — Все это бессмысленно. Он сказал, что усыпил тебя и твоих братьев по приказу короля. Если бы он был участником какого-нибудь грязного заговора с целью убить твоего отца, зачем ему понадобилось, чтобы ты и твои братья проспали все это время? Наркотики, которые вам дали, были сильными, но не слишком.

Джеван задумался на несколько секунд, потом тяжело посмотрел на Тависа.

— Тавис, а тут могло быть задействовано волшебство?

— Волшебство? — Он удивленно покачал головой. — Что привело тебя к подобной мысли?

— Он дал нам деринийские наркотики, которые, как я понял, не должны действовать на людей.

— На самом деле это была смесь. Некоторые из них действуют на каждого.

— Все равно. И потом, мои защиты. Я получил их той ночью. Может быть... он и мой отец... сделали тогда с нами что-нибудь?

— Сделали что-нибудь? Что, например?

— Ох, я не знаю, — произнес мальчик, вытягивая ногу на подушке. — Ты Дерини. Ты скажи мне. Может, они собирались... я не знаю... дать защиты всем нам и не хотели, чтобы ты знал об этом.

— Зачем? И кто такие — они? Я думал, мы го-

328 ворим про Райса.

— Он ведь не мог сделать это один, так? Может быть, Ивейн помогала ему. Она его жена. Или епископ Элистер! — Мальчик выпрямился. — С ним Райс разговаривал в ту ночь, когда я услышал о том, что тебе что-то сделали. Так что Элистер должен знать! Может быть, он тоже замешан!

Тавис медленно кивнул.

— А это делает участником и Джорема, а возможно, и графа Джебедию. Когда регенты привели нас к телу отца, они все, кроме Ивейн, были там — Райс, Элистер, Джорем и Джебедия, и все, кроме Джебедии, были в комнате в ночь нападения. Здесь *должна* быть связь.

— Но какая?

— Не знаю. Да и они не горят желанием рассказать нам об этом.

Джеван задумался на мгновение.

— Каковы шансы, что я расскажу об этом?

— Что ты имеешь в виду?

— Что бы со мной ни произошло, — продолжал мальчик задумчиво, — я должен был быть при этом. Ты не можешь заставить меня вспомнить?

Тавис нахмурился, обводя спальню невидящим взглядом.

— Тебя усыпили. Не знаю, удастся ли мне справиться с этим.

— *Тебя* тоже усыпили, но ты с этим справился.

— Я Дерини, — заметил Тавис с отсутствующим видом. Джеван нахмурился.

— Не пытайся провести меня на этом, — пробормотал он. — Неужели ты не можешь хотя бы попробовать?

— Не знаю. — Тавис склонил голову. — Если только ты не пришел в сознание после того, как уснул, и до того, как Джебедия и регенты разбудили тебя, сомневаюсь, чтобы что-то получилось.

— Но должно быть... что-то, — его голос замер, и Джеван сосредоточенно сморщился. — Была... темная комната, мой отец... Черт побери!

— Не ругайся, — механически произнес Тавис.

— Ничего не могу поделать, — мальчик кипел от злости. — Здесь действительно что-то есть. Может быть, мне просто приснилось это, не знаю. Это длилось только секунду. Неужели нельзя попробовать разобраться?

— Прямо сейчас?

— Разумеется, прямо сейчас. Ты не причинишь мне боль.

— Знаю, что не причиню. — Тавис вздохнул. — Я не хочу изматывать тебя. Ты не привык к такому.

— Черт побери, ты прав, я действительно не привык!

— Если ты собираешься загнать себя совсем...

— Я ни капельки не устал! Я... — Внезапно он замолчал, опустил глаза, и на его губах заиграла несмелая улыбка. — Ты прав. Я *был* уставшим. Но неужели ты не можешь хотя бы попробовать?

Улыбнувшись такой же улыбкой, как и Джеван, Тавис оглядел оконный альков, где они сидели, взял подушку и положил ее между собой и Джеваном.

— Если это так важно, — сказал он, поглаживая подушку, — ложись и устройся поудобнее. Войди в состояние транса так же, как делал раньше.

С торжествующей улыбкой мальчик лег.

— Не думай, что все получил, — спокойно произнес Тавис, положив руку на лоб Джевана. — Просто я согласился с твоими доводами. Теперь закрой глаза и сконцентрируйся. Вернись к последней осознанной мысли той ночи.

Джеван повиновался. Он почувствовал тепло и уют старой кровати, он вернулся в Валорет и февраль. Когда впечатление стало более реальным, он повернулся на бок и потерся щекой о подушку, лишь малой частью своего существа сознавая, что рука Целителя все еще лежит у него на лбу. Потом он почувствовал, что начинает засыпать и видеть сны.

По крайней мере в первые минуты он думал, что это было во сне. Там были обычные ве-

щи, которыми он занимался холодной зимой. Но затем замелькали едва различимые образы чего-то совершенно другого: лица, знакомые, но какие-то странные; полупрозрачная дымка и золотистый, красный и зеленый свет; ощущение, что еще какого-то цвета не хватает; чаша, закрывавшая собой все остальное — цвета, чувства, звуки, легкое вращение и скольжение, и ничего, ничего...

Он выбрался из странной белой темноты, чтобы увидеть Тависа с удивленным лицом. Джеван сел, потрянул головой, чтобы освежить ее, и снова посмотрел на Целителя, он боялся своего вопроса.

— Что ты видел?

— Это было странно. Не могу сказать, сон или реальность, искаженная наркотиками.

— А на что это было похоже?

Тавис покачал головой.

— Если честно, то я не знаю, мой принц. Черт побери, если б я только знал!

— Не ругайся, — с ходу ввернул Джеван, вызвав у Тависа веселую улыбку. — Тавис, — продолжал принц, — мы должны узнать, что это было.

— Да-да.

— Тогда *сделай* что-нибудь.

На некоторое время Целитель задумался, потом посмотрел на Джевана.

— Ну, ладно. У меня есть одна идея, но ты должен пообещать не мешать мне, пока я буду работать над деталями.

— О чем это ты?

— Понимаешь, тебя усыпили, потом произошло нечто загадочное. Думаю, стоит потратить время и приготовить тот же наркотик, который тебе дал Райс, потом ты выпьешь его, и я попробую пробиться к твоей памяти. Но мне придется экспериментировать. Большинство компонентов мне известны, нужно только подобрать пропорции и правильную дозу.

Джеван наморщил нос.

— Что, еще одно «лекарство»?

— Да, и кстати, весьма похожее на оригинал. По правде говоря, мне не особенно нравится моя идея, но сейчас ничего лучшего я предложить не могу. Прежде чем я начну, я хочу спросить. Ты действительно хочешь этого?

Некоторое время поразмыслив, Джеван вздохнул, кивая головой.

— Действительно хочу.

— Именно это мне и хотелось услышать в твоем голосе — уверенность, — сказал Тавис, дружески потрепав мальчика по плечу. Он поднялся. — Я и не думал никогда, что ты согласишься позабыть об этой истории ...

— Вот так просто взять и позабыть про мои защиты? — недоверчиво переспросил Джеван.

— Именно. Ну, хватит, на сегодня мы довольно поломали себе голову, пора и передохнуть. Давай-ка пойдем побеспокоим повара, я что-то проголодался.

ГЛАВА 18

**Глас вопиющего в пустыне:
приготовьте путь Господу,
прямыми сделайте в степи
стези Богу нашему.¹**

Нето близилось к концу, жара и напряжение нарастали, но Тавис с Джеваном были не единственными, кто предавался неустанным раздумьям в это время. После насыщенных событиями дней, последовавшими за коронацией, наступило некое подобие затишья, но это было совсем не то спокойствие, к которому жители Гвиннеда привыкли за годы царствования Синхила. К регентам люди относились с настороженностью и не слишком полагались на малолетнего правителя, поэтому в народе нарастало ощущение близкой беды, особенно среди Дерини, хотя очень мало кто из них в действительности знал, что происходит вокруг.

Совет Камбера также действовал с удвоенной осторожностью. Джесс и Грегори по-прежнему патрулировали свои владения, стараясь поддерживать порядок, однако после нападения на Тависа Грегори все чаще хватывала мрачная задумчивость, из которой он никак не мог выйти. Ему не под силу было понять, как могли

¹ Исая 40:3

Дерини по собственной воле причинить зло одному из своих братьев. Он тщательно исполнял свои обязанности, исправно посещал заседания Совета, но при этом делался все более хмурым и раздражительным. Камбер случайно узнал, что Грегори приобрел небольшую усадьбу в Коннаите и собирался в ближайшее время отправить туда семью; у него не хватало духа осуждать друга за эту предосторожность.

Джеффрай также был неспокоен. Благодаря своему положению в Совете, он по-прежнему сообщал друзьям все придворные новости, а также поддерживал постоянную связь с Девином, который вовсю использовал теперь свои возвращенные способности, но когда двор окончательно перебрался в Ремут, он буквально разрывался на части. Как архиепископ он был обязан часть времени проводить в Валорете, и регенты умело использовали это, чтобы отстранить Джеффрая от участия в делах Совета. Между тем логические обобщения Джеффрая, его выводы и прогнозы стоили несравненно больше, чем отрывочные и нередко искаженные впечатления, добываемые Девином. Пока Джеффрай занимал более или менее устойчивую позицию в Регентском совете, у камберианцев по крайней мере была возможность заранее узнать о решительных шагах регентов.

Лихорадочная деятельность захлестнула и Джебедию, переезжавшего от одного михайлинского храма к другому и руководившего приготовлениями к переходу в подполье. И его помощник из расы людей Креван Эллин оценил наконец ситуацию и по-настоящему испугался очевидных признаков беды. Разбросанный по всему Гвиннеду Орден не решался на открытое противодействие, даже в деринийской его части подозрения только зрели. Когда в начале года гвиннедская армия была очищена от михайлинцев, была надежда, что анти-михайлинское движение понемногу спадет, однако к августу стало ясно, что их надежды были

напрасны. По надуманным причинам были арестованы и упрятаны за решетку несколько михайлинских рыцарей и воинов обеих рас. Действия других членов Ордена в защиту пленников могли еще больше распалить регентов.

Учитывая это, вывод михайлинцев из Гвиннеда нужно было провести еще более искусно, чем во времена правления Имре.

Военный лагерь в Аргоде, например, нельзя было закрыть, не вызвав подозрений, однако число его обитателей резко сократилось; оставшиеся братья и рыцари готовились к военному отпору в случае атаки. В стенах Кьюэлтейна, единственному равному Аргоду по мощи, осталось чисто символическое количество братьев и рыцарей, все их усилия шли на то, чтобы число михайлинцев казалось больше.

Многих рыцарей Джебедея отослал в крепости Ордена за пределами Гвиннеда — в Брустракию в Арьеноле, в храм святого Элдрона в Торенте и в пустыню Джелларду, там были корни Ордена.

Даже братьев-наставников отозвали и отправили в безопасные места, Лето близилось к концу. В немногих школах, где наставниками еще оставались михайлинцы, произошли новые назначения братьев и священников других Орденов, исключительно людей. Джеффрай, епископ Келлен и Трэй организовали быстрое перемещение братьев, а Дескантор умудрился еще и «потерять» записи нескольких маленьких, но стратегически выгодно расположенных баз, которые в случае нужды станут очагами сопротивления.

Сам же Камбер всё лето провел в Грекоте. Джорем продолжал споры с отцом Вилловином, пока Камбер, Эмрис и Кверон выясняли вместе с Райсом, как его талант можно передать другим Целителям. На практике никак не удавалось выявить механику этой способности, чтобы научиться ей. Несмотря на то, что Эмрис и Кверон были самыми опытными Це-

лителями из знакомых Райсу, они были бессильны стать ему поддержкой.

Не оставался без внимания и Реван. Его достаточно сложное положение у виллимитов заставляло поторапливаться с приведением плана в действие. Ни один член Камберианского совета не видел Ревана и не говорил с ним с тех пор, как он перебрался из Шилла, было известно лишь приблизительное его местонахождение. Все надеялись, что его не раскрыли, они услышали бы об этом, но никто не знал наверняка.

Ко всему прочему они понемногу утверждались в мысли, что для исполнения плана Райса он сам должен взяться за дело. Возможно, никогда не удастся найти Целителя, которого можно обучить этой необъяснимой способности, поэтому Райсу пора включаться в работу с Реваном.

И вот в жаркий августовский полдень Райс и Ивейн отправились в лагерь виллимитов на холмах над Вало-ретом. Приблизившись к границам владений отшельников, они присмирели и испуганно озирались по сторонам — ни дать ни взять парочка крестьян, пришедших увидеть святого отшельника. Это было рискованной затеей, потому что великомученик Виллим пал жертвой волшебства Дерини, и его последователи уверовали, что Дерини есть семя дьявола и заслуживают самой страшной участи, если не отрекутся от своего колдовского наследия.

Было известно, что в общине живут раскаявшимися грешниками несколько Дерини и что они считают мысли, проверяя каждого подозрительного. Поведение Райса и Ивейн не должно было ничем возбуждать подозрений.

— Прошу меня простить, добрый господин, — промямлил Райс, приподнимая шляпу, когда они приблизились к первому встречному. — Не подскажете ли мне, как найти святого отшельника, который, по слухам, живет в этих холмах?

Видавший виды худой виллимит оценивающе оглядел неприметную парочку, отметив их рваную одежду и уже заметную беременность женщины, расслабился немного и удостоил их натянутой улыбки и легкого поклона, благонравно сложив руки.

— Ты сказал, святого отшельника? Хорошо. — В его голосе слышался говор Муринского нагорья. — Скажи поточнее. Среди нас живут несколько святых людей, и все они поклялись бороться со злом безбожных Дерини, да будут они прокляты!

— О да, — пробормотал Райс, серьезно кивая и выражая свое согласие жестом. — Тот, кого мы ищем, по слухам, молодой человек. Он хромает при ходьбе точь-в-точь, как юный наследник. Говорят, что раньше он был слугой в доме Дерини, а потом убежал. Говорят, что у него бывают... видения... и что Господь покровительствует ему, а еще, что его прикосновение приносит удачу.

Виллимит многозначительно кивнул.

— О, это наверняка брат Реван. Говорят, его бывший хозяин убил его возлюбленную (а ведь его хозяин был Целителем!), после этого молодой человек стал немного странным. — Голос виллимита приобрел оттенок благоговейного трепета, — Но рука Господа коснулась его! Так говорят все. Он разговаривает с большим камнем на вершине горы, и камень рассказывает ему, что он должен донести людям. Он говорит, что Дерини ждет страшная судьба, что многие погибнут, а спасутся только те, кто отречется от своего зла. Он говорит, что Господь откроет, как можно освободить тех Дерини, которые приблизятся к трону Всевышнего со смиренными и очищенными сердцами!

Ивейн, притворившись, что с восхищением ловит каждое слово виллимита (что, впрочем, и делала), не преминула оглядеть окрестности в поисках возможной опасности. С напускной святостью на лице она принялась теревить его рукав.

— Хвала Господу, если это действительно так! Говорят, что он может даже отпустить грех тем, кого насильно заставили служить Дерини, что одно его прикосновение очищает!

— О да, это святой человек, — ответил виллимит, немного удивленный ее горячностью. — Он действительно дает благословение.

— Вы отведете нас к нему? — умоляла Ивейн. — Пожалуйста, добрый господин. Вы не знаете, какая тяжесть лежала на наших плечах все эти годы, что мы вынуждены были жить в деревне деринийского лорда. А теперь мы... мы задумали убежать! Но ради моего неродившегося ребенка я хочу, чтобы перед побегом мы были очищены от скверны. Я знаю, этот святой человек смоет пятно позора!

Райс смущенно откашлялся.

— Моя жена... она слишком волнуется в своем положении, — произнес он, отрывая пальцы Ивейн от рукава виллимита и виновато кланяясь. — Но если бы вы были так добры, нам бы очень хотелось получить благословение брата Ревана. Пожалуйста, ради моей жены...

Своим разговором им удалось привлечь к себе внимание еще нескольких мужчин и женщин из виллимитской общины. Одна из них, женщина со стриженными волосами и морщинистым лицом, почти наверняка была Дерини, однако она не пыталась проникнуть в их сознание.

Чтобы еще больше обезопасить себя, Райс проник в мозг Ивейн и сдвинул рычажок, блокировав все, кроме того, что могла знать женщина-крестьянка, роль которой она играла.

Держа ее под руку, Райс почувствовал, что Ивейн вздрогнула, затем он углубил свое сознание на несколько уровней, чтобы мысли виллимитки не коснулись его защит. Когда встретивший их мужчина вел их через лагерь, остальные, включая и женщину-Дерини, маленькой процессией следовали позади.

Они пересекли поселение виллимитов с пестрыми шатрами и навесами и стали подниматься в гору мимо пожелтевших и высохших кустов навстречу ветру, который дул все сильнее. Они достигли маленького плато на полпути к вершине. Ветер освежал их потные лица и приносил запах немывших тел и давно не стиранной одежды. На противоположном краю плато, у входа в небольшую пещеру, стоял почти неузнаваемый Реван, а рядом полукругом расположилась дюжина мужчин и женщин.

Он был одет в длинную, до лодыжек, домотканую ризу, поношенную и с множеством заплат, однако, значительно более чистую, чем одеяния тех, кто собрался вокруг; на локте левой руки Ревана было намотано нечто, похожее на кору оливкового дерева. Со времени их последней встречи его волосы отросли на несколько дюймов, а выросшая с той поры борода казалась почти русой в ярком солнечном свете. С первого взгляда они поняли, что Реван проповедует. По мере приближения стали доноситься слова.

— Приближается тот день, когда шедшие во тьме окажутся в кузнице времен и все несовершенное будет уничтожено пламенем. Как говорил наш Господь, зерно будет отделено от плевел, доброе семя от плохого. Но я говорю вам, что даже те, кто шел в крошечной тьме, смогут еще увидеть и познать Свет. Тому, кто искренне отречется от зла и тьмы навсегда, Господь дарует знак своей милости. Люди тьмы изменятся, пустая порода будет отделена от настоящего золота, и королевство испытает всю полноту Господней любви.

По слушателям прокатилось бормотание и смолкло, когда заговорила одна из женщин.

— Но, Учитель, как может случиться такое? Вы говорите, что даже проклятые Дерини могут быть спасены?

— Так мне дали понять, — ответил Реван так тихо, что Райс и Ивейн, по-прежнему приближавшиеся, едва расслышали его слова. Райс проверил,

были ли среди слушателей еще Дерини, единственной оказалась женщина, шедшая позади и все еще не пытавшаяся пустить в ход свое могущество.

— ...Сказали, как это случится, — говорил Реван, — но я верю, что, когда настанет время, мне скажут и как это сделать. Владыка над владыками сделает все так, как и было предсказано.

— Да будет благословенно имя Господне! — провозгласил один из слушателей, поднимаясь с колен и торжественно сжимая руки.

— Аминь! — воскликнул другой.

Третий, привалившийся к скале рядом с Реваном, упал на колени у его ног и со светлой надеждой запрокинул голову.

— Учитель, очистите нас своим благословением.

— Не моим, а благословением Господним, — пробормотал Реван, кладя правую руку на голову мужчины.

— Да благословит и сохранит вас Господь, — произнес он, переходя от одного к другому и поочередно возлагая руку на голову каждого. — Да подарит вам Господь мир, отдохновение и уверенность в том, что вы будете с Ним в день великих перемен. Да простит Он вам грехи ваши, да ляжет на вас Его благословение и милость, и да очиститесь вы от того, что тревожит вас. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Закончив, он осенил себя и слушателей крестным знаменiem, склонил голову, закрыл глаза и положил одну руку на посох, а вторую прижал к груди. Те, кто получил благословение, медленно поднялись, собрали пожитки и вереницей потянулись вниз по тропинке мимо Ивейн, Райса и их провожатых. Райс повел Ивейн вперед, но Реван, казалось, не замечал их, он развернулся и направился в пещеру.

— Брат Реван, эти люди пришли к вам, — ска-

340 зал виллимит, почтительно кланяясь, когда Ре-

ван обернулся к нему. — Они хотят убежать от своего хозяина-Дерини, но прежде просят благословить их.

Терпеливо выслушав, Реван перевел усталый взгляд своих бледно-карих глаз на них, и даже внимательный Райс не смог заметить, что Реван узнает их.

Он посмотрел, моргнул и кивком пригласил следовать за собой в чернильную темноту пещеры. Виллимит, удивленно взглянув на них обоих, последовал за Реваном и подтолкнул Райса и Ивейн к пещере. Остальные развернулись и пошли за теми, кто только что покинул плато. Можно было наконец снять блокирование с Ивейн, и, пока они шли в прохладной темноте, он передал ей все, что случилось, пока она не была Дерини.

Когда глаза привыкли к сумраку, они увидели, что Реван запалил глиняную масляную лампу и теперь знаком просит их присесть. На песчаном полу вокруг гладкой каменной глыбы, по вероятности, стола, лежало несколько серых овечьих шкур, Реван уселся на ближайшую.

— Брат Иохим, садитесь между нашим братом и нашей сестрой и помолитесь со мной за них, — смиренно сказал Реван, обращаясь к виллимиту. — Я чувствую, что они орудие Господне, хотя, возможно, сами пока не знают об этом. Мы будем молиться вместе.

По его поведению все еще было непонятно, узнал он их или нет. Райс заметил, что Реван своей спиной загородил от Иохима огонь в очаге, а свет, проникавший от входа, перекрывает Ивейн. Единственным источником освещения для виллимита был огонек масляной лампы, теплившийся перед ним.

Реван протянул руку Райсу, сидевшему слева от него, и Ивейн справа. С первого мгновения контакта они поняли, что Реван усадил их таким образом, чтобы Дерини могли с легкостью взять контроль над Иохимом. Когда он тоже взял их за руки и контакт стал полным, Райс и Ивейн расслабились.

— Помолимся Господу, — пробормотал Реван, запрокидывая голову и закрывая глаза. — Позволим Святому Духу спуститься к нам и направлять нас. В молчании ждите, когда Дух снизойдет к нам.

Настала тишина, нарушаемая только их дыханием. Из-под прикрытых век Райс наблюдал за сидевшим рядом Иохимом. В его сознание они с Ивейн проникли одновременно и так тонко установили контроль, что виллимит, ничего не подозревая, из молитвенной отрешенности соскользнул в глубокое забытие. Когда это было сделано и голова Иохима свесилась на грудь, Ивейн вздохнула и с улыбкой взяла руки Ревана в свои, глядя ему в глаза.

— Реван, прошло слишком много времени.

— Думаю, мы правильно поступили с Иохимом, — осторожно произнес он, переводя взгляд с одного на другого. — Я и не мечтал, что вы придете ко мне сюда. А когда он явился вместе с вами, мне показалось, что его присутствие можно использовать с выгодой. — Он с сомнением посмотрел на спящего виллимита. — Он ведь не может слышать нас?

Райс отрицательно покачал головой.

— Нет, а чтобы заполнить время пребывания здесь, мы наделим его какими-нибудь безобидными воспоминаниями. Не знаю, сколько у нас времени, пока не явился кто-нибудь еще. Тут есть по крайней мере одна Дерини, которая знает, что мы здесь, хотя и не знает, кто мы такие, так что стоит поторопиться.

— Разумеется. Чем я могу помочь?

— Прежде всего мы хотели рассказать тебе о прогрессе в наших делах и посмотреть, что сделал ты, — ответила Ивейн. — Мы слышали твою проповедь. Похоже, в этом отношении ты на правильном пути. Есть проблемы?

Реван кисло улыбнулся.

— Боюсь, два Дерини не могут помочь этому, если только вы не хотите стать нашими пер-

выми наглядными пособиями. — Он посмотрел на Райса. — Вы будете один или вам удалось научить этому кого-то еще?

— Пока еще нет, — ответил Райс. — Однако у нас остается надежда. Как думаешь, скоро ты будешь обязан предъявить первые реальные результаты? Если нет другого выхода, я стану жертвой. Но если можешь потянуть время, постараемся найти другого Целителя.

Тихо рассмеявшись, Реван покачал головой.

— Думаю, можно потянуть еще немного. Пути Господни не всегда прямые. Кроме того, я еще не сказал им, чего ждать, так что могу сделать что угодно. Только теперь моя известность начинает выходить за границы этой области. К зиме пойдет на спад. Когда выпадает снег, здесь становится мрачно.

— Мы постараемся держаться в зоне досягаемости, — сказал Райс. — Значит, ты полагаешь, что сможешь протянуть до весны?

— По-моему, да. А вы? Думаете, вы найдете кого-нибудь?

Ивейн вздохнула.

— Сейчас остается только гадать. Однако мы теряем драгоценное время. Райс, ты, кажется, собирался быстро проверить, все ли так, как должно, у Иохима. Наш друг не должен быть без сознания слишком долго.

— Верно. Посмотри за ним, пожалуйста, и приглядывай за входом.

Ивейн переключила внимание на все еще спящего Иохима, а Райс положил руку Ревану на плечо и кивнул. В ответ Реван закрыл глаза и глубоко вздохнул, входя в тесный контакт с Целителем. Обмен длился несколько секунд. Райс погрузился в сознание Ревана и прочитал все его воспоминания, осмотрел и защиты, которыми они с Ивейн вооружили его против случайной проверки других Дерини. Преграда была по-прежнему прочна и хорошо скрыта, если только не знать, где ее искать.

На вздохе Райс вышел из транса, прикосновением руки подбодрил молодого человека. Ивейн улыбнулась обоим и протянула руки, чтобы возобновить контакт.

— Там кто-то идет по тропинке, хотя это и не наша знакомая. Возвращайтесь в образ, брат Реван.

Кивнув, Реван склонил голову и полузакрыв глаза, чувствуя поддержку рук Райса и Ивейн.

— Хвала Господу нашему всеблаговому, ибо Он даровал вам смелость покинуть пути тьмы и искать новую жизнь, — забормотал он, глядя на них слегка безумными глазами проповедника. — Иохим, ты правильно сделал, что привел ко мне этих двух заблудших овец. — Услышав свое имя, Иохим, вздрогнув от удивления, пришел в себя и поднял голову. — Святой Дух говорил со мной и даровал вам прощение, дети мои.

— Значит, мы теперь свободны от позора Дерини, учитель? — прошептала Ивейн, уставившись на него остекленевшими глазами. — Мы можем получить ваше благословение?

— Благословляю не я, а Господь, — назидательно сказал Реван, возлагая свои руки на их макушки. — Склоните головы и молитесь о Его благословении и защите. Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

— Аминь, — прошептали в ответ муж и жена, снова превратившиеся в забитых крестьян. Иохим с благоговейным трепетом взирал на происходящее.

— А теперь ступайте с миром, дабы любить Господа и служить Ему во всем, — произнес преисполненный религиозного рвения Реван и высоко поднял лампу, чтобы гости ненароком не опрокинули ее.

Не двигаясь, он смотрел на пламя, тогда как Райс и Ивейн встали и в сопровождении Иохима покинули пещеру. Остальные дожидались снаружи, и Иохим велел им сесть и терпеливо ждать, объяснив, что сейчас Учитель немного устал, но скоро выйдет к ним. Ему не сиделось на месте, и он расхаживал среди едино-

344 верцев, все еще ощущая на себе отблеск свято-

сти благословенного Ревана, а тем временем Райс и Ивейн спокойно спустились вниз по тропинке и покинули лагерь виллимитов. Ни один Дерини не попался им на пути.

ГЛАВА 19

**Нет врачества для раны твоей,
болезненна язва твоя.¹**

Ивейн с Райсом удачно съездили к Ревану, но оптимизма это не прибавило. Хотя, на первый взгляд, Реван отлично справлялся со своей задачей, стал своим человеком среди внушающих страх виллимитов, и они весьма почитали его, но слишком уж легко юноша принял свою роль пророка-отшельника, и это не могло не вызывать тревоги. Он еще не отдавал себе отчета, какие силы теперь подвластны ему, но рано или поздно осознает это сполна. Выдержит ли он искушение властью – пугающей властью главного противника Дерини? И справятся ли с ситуацией те, кто «сотворил» нового мессию? Дай-то Бог, чтобы замысел их послужил во благо Дерини, но что если, подобно движению «святого» Камбера, он выйдет из-под контроля? Сумеют ли они вовремя обуздать свое детище?

Обо всех своих надеждах и опасениях Райс и Ивейн поведали Совету. Джеффрай и Девин, тем временем, продолжали наблюдать за регентами и придворными в

Ремуте. Судя по всему, лето не обещало никаких перемен к лучшему...

Не радовало также и происходящее в Ордене Святого Михаила, лишь усиливая предчувствие неминуемой беды, владевшее в эти дни всеми камберианцами. Уже в начале осени Джебедея был вынужден признать очевидное и сообщить своим соратникам печальную весть: Креван Эллин готовился распустить Орден. Большую часть братьев в тайне переправили в надежные убежища. Похоже, Аргод, который все эти тринадцать лет служил михайлинцам основной военной базой, доживал в этом качестве последние дни.

Окончательное решение приняли несколько недель назад. Когда в августе армия была разделена между Ремутом и Валоретом, даже для самых наивных михайлинцев стало очевидно, что регенты укрепляют военную мощь, чтобы держать в повиновении весь Гвиннед. Возводились укрепления, в городах ставились гарнизоны, новые крепости вырастали за ночь. Никакой видимой причины для такой активности не было, границам королевства никто не угрожал, но регенты еще весной ясно показали свое отношение к рыцарям михайлинского Ордена, изгнав их из армии.

Итак, в начале сентября Креван Эллин начал исход членов Ордена из Гвиннеда. Большинство монахов уже было вывезено из страны, теперь уходили рыцари, в большинстве своем перебирались в Джелларду на крайнем юге Форсинна. Один из принцев Форсинна страшно боялся муринского вторжения (на то была своя причина) и обещал защиту, земли и службу тем рыцарям Ордена, которые осядут на границах его владений. В каком-то смысле это было возвращением домой, ведь истоки Ордена шли именно отсюда, с окраины огромной пустыни, названной Божьей Наковальной. Когда михайлинцы получили приглашение от Гвиннеда, маленькая крепость была превращена в заграничное подворье Ордена, а штаб-квартира перемес-

тилась в Челтхем по приглашению короля Беренда. Вскоре Джелларде придется восстановить свой давешний статус.

В Гвиннеде оставалась лишь горстка михайлинцев. Кроме троих в составе Камберианского совета, это были люди, рассеянные по всей территории от Аргода до Кьюэлтейна, чтобы создать видимость Ордена, живущего под властью регентов. В конце лета Верхний Эйриал и Моллингфорд, так и не восстановившие былого процветания после падения Имре, были переданы местным епископам. А епископы, никогда не пренебрегавшие даяниями в виде земли или строений, разместили там общины монахов. Новые хозяева даже не заметили изменений, для них люди по-прежнему уходили и приходили. Когда настал праздник святого Михаила, членов Ордена и его последователей осталось совсем немного.

К концу лета михайлинцы оказались не единственными, к кому регенты явно выразили свое отношение. Дерини чувствовали на себе все более сильные удары, особенно трудным их положение было в городах. Дерини-дворяне не лишились своих земель и титулов, однако новые назначения делались исключительно из людей. Если Дерини, занимавший какой-либо пост, умирал, его место не наследовалось, а переходило к не-Дерини. Деринийские ремесленники и купцы, раньше находившиеся под покровительством короля, обнаружили, что больше не нужны стране. К началу сентября, пожалуй, единственными Дерини, которые занимали должности в государстве, оставались архиепископ Джеффрай и Тавис О'Нилл.

О Тависе регентам пришлось хорошенько подумать. Он мог быть смещен и мог остаться как пример другим: Дерини следовало сделать более стоворчивыми. Многие из них, например Целители, сделались бы чрезвычайно полезными, если бы можно было поручиться в их лояльности властям.

Не все регенты были сторонниками такой политики. Ран и Эван раззадоривали друг друга рассказами о тайных заговорах Дерини. Однако по здравом размышлении вынуждены были признать: если решить избавиться от опасности Дерини раз и навсегда, нужно научиться безошибочно распознавать и выявлять Дерини. Конечно, были наркотики, чтобы решить эту проблему, они выводили из строя или убивали Дерини, но не могли привести мятежную расу ни к покорности регентам, ни к добровольной службе у них. Необходимо было, чтобы Дерини обнаруживал себе подобных, умел принудить их, разумеется, только так, чтобы силовые методы не повлияли на способности Дерини.

В результате в начале сентября было решено начать работу по ограниченной «вербовке» Дерини. Миссия была возложена на Рана, так как регенты решили, что он, обладая исключительной подозрительностью ко всему, сможет повести дело наилучшим образом. Итак, однажды ночью он и его офицеры двинулись по деревушкам и городам и взяли в заложники несколько известных деринийских семей, используя женщин и детей для более глубокого взаимопонимания с мужчинами. Такие рейды повторялись еженочно, пока регенты не «завербовали» более пятидесяти «агентов». Несколько дней узников держали в заключении, разлучив с семьями и накачав их специфическими наркотиками, чтобы они не могли использовать свои способности и попытаться бежать. Затем им изложили условия службы у регентов.

Через неделю у каждого отряда и в каждом военном формировании, даже небольшом, появился «ищейка-Дерини», который подлежал немедленному уничтожению вместе со всей семьей, если с командиром что-то случится. При неповиновении мужчин связывали, опаивали наркотиками до беспомощности, а затем у них на глазах убивали всю семью, включая детей и грудных младенцев, после чего их самих пытали и убивали. О казнях незамедлительно узнавали

другие пленники и не могли не смириться. Оправдались и надежды Хьюберта — среди Дерини нашлись искатели наград или прощения, готовые служить по собственной воле.

О существовании предателей на службе регентов не было широко известно, но слухов и подозрений хватило, чтобы подтолкнуть Дерини к отчаянным поступкам. Возможно, одним из них было то, что произошло неподалеку от Ремута накануне Михайлова дня и крепко задело королевскую семью.

День выдался ясным, с утра был легкий морозец. Три принца собирались проехаться верхом и поохотиться с соколами, но утром в Ремуте открывался суд, требовавший присутствия Адроя, поэтому его не отпустили с братьями.

Итак, их было девять, в то утро покинувших замок:

Джеван и Райс Майкл, лакей при каждом, чтобы прислуживать на привале и составить партию в игре, четверо стражников, включая Девина, и Тавис О'Нилл. Единственной охотничьей забавой, доступной теперь Целителю, была охота с ловчими птицами, она его очень развлекала, и в тот день на плече Тависа сидел кречет. Джеван, которого положение обязывало иметь более представительную птицу, выбрал свою любимую пустельгу, которая была его первой действительно хорошо выученной. Райс Майкл не любил птиц — от них он начинал чихать, — поэтому просто воспользовался возможностью вырваться из замка. Он и Эйдиярд очень сдружились. Принц, чьей страстью были лошади, весь последний месяц упрашивал Эйдиярда дать ему уроки верховой езды, в которой стражник блистал мастерством.

Все утро они скакали. Райс Майкл забавлялся ездой наперегонки со слугами и охраной, а Джеван и Тавис с успехом пускали своих соколов. К полудню они нагуляли такой аппетит, с которым можно было уничтожить внушительные припасы, захваченные с

собой. После короткого обсуждения было выбрано удобное место на берегу ручья, и слуги начали раскладывать еду. Пока стражники расседлали лошадей, отвели их на водопой и отпустили пастись немного ниже по ручью, Корунд устроил птиц на удобной ветке, Джеван, извинившись, исчез среди деревьев и кустов на холме и через несколько минут вернулся. Его лицо горело от возбуждения. Принц подскочил к Тавису, едва дождался, пока тот снимет с плеча кожаный фартук для соколиной охоты, и потащил в сторону.

— Тавис, пойдем со мной, пожалуйста.

Он говорил тихо, чтобы другие не могли услышать, и что-то в его интонации заставило Тависа обеспокоиться сильнее, чем следовало.

— В чем дело, мой принц?

— Пойдем со мной. Ты увидишь, — настаивал мальчик, ухватившись за его рукав и увлекая его в том направлении, откуда появился.

Они прошли совсем немного вверх по тропинке между кустами и деревьями и вышли на открытую, поросшую травой площадку.

— Посмотри. Там маленькая пирамида, это очаг. Как ты думаешь, гномы могут приходить сюда?

Тавис раскрыл рот и попытался сделать все, что было в его силах, чтобы не засмеяться.

— Гномы?

— Прекрати смеяться и не смотри на меня так, будто я сошел с ума! — важно произнес Джеван. — Я слышал разговор солдат. Они точно танцуют в день смены времен года и зажигают костры на вершинах холмов? Посмотри же. — Он показал на другую сторону площадки, где холм спускался к равнине. — Огонь виден отсюда на несколько миль. Тавис, это правда? Гномы выходят и танцуют вокруг костров?

Чтобы скрыть удивление, Тавис подошел к костру, поддел носком сапога давно потухший уголь и наклонился над холодным пеплом.

Он знал, что среди населения деревень все еще сильны такие странные обычаи. Как было известно, в день смены времен года зажигались костры. Учитывая, что осеннее равноденствие было только неделю назад, было вполне возможно, что Джеван действительно наткнулся на остатки такого костра.

Кроме того, присутствовала сила, неопасная, но реальная. Тавис чувствовал ее остатки в пепле, незначительные, но неоспоримые. Любой, кто обладал внутренним зрением, не мог не заметить этого. Но у Джевана не было зрения. Как ему удалось заметить? И при чем тут гномы?

— Джеван, почему ты думаешь, что это нечто большее, чем просто костер пастуха? — наконец спросил Целитель, поднимая глаза на мальчика.

Джеван покачал головой.

— Это не костер пастуха. На прошлой неделе был день осеннего равноденствия. Тогда простые люди зажигают огни, а они... они танцуют вокруг костров. Я читал про это. Почему они так делают, Тавис?

— Ну, это связано с очень древними поверьями, — начал Тавис, удивляясь, как мальчик смог откопать такие сведения в библиотеках Валорета или Ремута, не отличавшихся ни величиной собрания, ни полнотой. — Это должно улучшать здоровье людей и скота. Говорят, что иногда селяне прыгают через огонь и заставляют делать то же самое своих коров и овец.

— Говорят... Это должно... Они так делают или нет? — требовал Джеван.

— Я действительно ничего не знаю про животных, — ответил Тавис, склоняя голову. — Это очень древние обычаи. Насколько известно, теперь они распространены только среди крестьян. Я помню кое-что о значении танцев, что-то связанное с плодородием... А почему ты спрашиваешь, Джеван? Почему это так важно?

Джеван пожал плечами.

— Волшебное? — Тавис улыбнулся и потрепал подбородок мальчика. — И как вы об этом узнали, мой маленький принц-человечек? Кто забивает тебе голову сказками о волшебстве?

— Это не смешно, Тавис, — обиделся Джеван. — Я что-то *почувствовал*. И теперь чувствую. После стольких раз, что я помогал тебе, я подумал, что и ты это понял!

Разгневанный Джеван развернулся на каблуках и захромал вниз с холма, раздраженно хлопая охотничьей рукавицей по бедру. Растерянный Тавис наблюдал за ним, не зная, что и думать, затем пошел следом. К месту бивака они подошли вместе, и для стражи и слуг мальчик изобразил на лице радость, но Тавис чувствовал — под маской все еще бушуют страсти.

Охотники привели одежду в порядок, очистив от пыли, плотно поели и устроились на послеобеденный отдых. Стражники расположились поближе к лошадям, скушающий Райс Майкл развалился под деревом, а слуги бродили вдоль ручья.

Джеван выбрал место так, чтобы его разговоры не долетали до ушей остальных. Чуть в сторонке он, прислонившись к валуну, кидал в ручей камешки. Посмотрев, где остальные, Тавис не спеша подошел к Джевану, опустился на колени и следил за кругами на воде.

— Мне очень жаль, я легкомысленно отнесся к твоему вопросу, — тихо сказал он, — и отвечал, не подумав. Ты же знаешь, я готов отдать за тебя жизнь.

— Жизнь, да. Но ты больше не доверяешь мне.

— Я... *Что?*

— Я помог тебе в ночь нападения или нет? — прежним тоном спросил Джеван, но теперь в его голосе слышалось больше силы. — Я помог тебе вспомнить, что случилось в ночь смерти моего отца, или нет? Ты обещал мне помочь вспомнить или нет?

— Джеван, ты же знаешь, я пытался...

— Не нужны мне эти отговорки взрослых!

Несколько недель я вел себя спокойно. Я сдер- 353

жал свое обещание, не приставал к тебе. Что хорошего из этого вышло? Тавис, я должен знать. Что случилось со мной в ту ночь, когда умер мой отец?

Подавляя дрожь, Тавис исподтишка огляделся вокруг. Робер был немного музыкантом, он достал свою лютню и теперь тихо наигрывал. Корунд дремал, Джейсон и Эйдиярд играли в кости. Слути Дорн и Томэйс ушли вверх по ручью, иногда ветер доносил обрывки разговора. На другом конце поляны лежал Райс Майкл и наблюдал, как у горизонта облака выстраиваются в подвижные фигуры. Следовало говорить потише, чтобы младший Халдейн ничего не услышал.

— Прости, Джеван, — зашептал Тавис. — Ты же знаешь, я работаю над этим. По-моему, осталось совсем немного. Я думал, ты понимаешь. Пока я не уверен, что нашел именно те компоненты, которые использовал Райс. Не хочу рисковать твоей безопасностью больше одного раза.

— Что тебя может убедить? — высокомерно спросил Джеван. — Понимаешь, я не могу ждать вечность.

— Знаю, — прошептал Тавис, склонив голову. — Я собирался поговорить с тобой об этом позже. Я полагаю, что придется снова возвратить тебя в тот вечер и снова прочитать твои воспоминания о запахе и вкусе. Я должен быть уверен, что все совпадает с моим рецептом. Возможно, нам удастся проделать это сегодня вечером.

— Зачем ждать до вечера? Давай сделаем прямо сейчас.

— Сейчас?

— Ну да, сейчас. Все остальные спят или чем-нибудь заняты. Войди в мой разум и посмотри. Мы довольно часто повторяли это. Не будет никакого шума.

— Но твой брат...

— Тебе мешает мой брат! — воскликнул Джеван, по-прежнему стараясь говорить тихо. — Если его

354 близость беспокоит тебя, усыпи его. Можешь

пойти принести мне вина, а на обратном пути остановись поговорить с ним. Другие ничего дурного в этом не усмотрят, да и он не узнает.

— Но Джеван ...

— Ты мне друг или нет? Ты сделаешь это?

С улыбкой (он надеялся, что она выглядела не совсем уж вымученной), Тавис кивнул и поднялся на ноги, направляясь к стреноженным лошадям. Когда он проходил мимо Райса Майкла, тот поднял на него глаза.

— Вы с Джеваном ссоритесь?

Тавис мгновенно остановился и присел рядом с мальчиком.

— Ссоримся? Нет, конечно, У него болит нога. Я собирался принести ему немного вина и поработать со ступней. Почему бы вам не поспать? — предложил Тавис мальчику, пожатием руки готовя его ко сну. — Вы, верно, устали за день. Вечером будете веселее, если сейчас немного поспите.

— Думаю, ты прав. — Райс Майкл зевнул, прислоняясь к дереву. — С ногой Джевана не будет проблем?

— Разумеется, — Тавис улыбнулся, погладил мальчика по лбу и встал. — Просто нужно немного поработать, вот и все.

На другом конце поляны молодой солдат с вьющимися светлыми волосами краем глаза видел, как Целитель поднял бурдюк с вином и направился к старшему принцу. Частью мозга Девин по-прежнему следил за костями, которые встряхивал его партнер. Но другую половину интересовало, о чем разговаривали Целитель и принц, когда Тавис дал мальчику вина, опустился на колени и снял ботинок с правой ноги. Девину хотелось воспользоваться своими способностями, но Тавис мог обнаружить это, особенно вступив в роль Целителя.

Ботинок был снят, Джеван облегченно вздохнул и улыбнулся, откупорил мех с вином и сделал не-
большой глоток. Когда Тавис стянул с него чу-

лок, Джеван отложил бурдюк, повернулся на левый бок и положил голову на согнутую в локте руку.

— Ты очень рискуешь ... — Целитель говорил, опустив полотенце в воду, он хотел вначале остудить большую ступню. — Кроме того, ты заставляешь меня сильно рисковать.

— Что ты делаешь такого, чего они не видели добрую дюжину раз? — возразил Джеван. — Они люди, Тавис. Что они знают?

— Разве ты не человек?

— Не такой, как они. У меня есть защиты. Ты сам знаешь.

— Это верно, — ответил Тавис, вытирая ногу и начиная массировать ее. — А если бы у тебя их не было? Я бы оказался перед искушением задать тебе хорошую трепку. Ты ведешь себя, как избалованное дитя.

— Как ты смеешь! — вскипятился мальчик. — Я прошу тебя о помощи, а ты... Тавис, ты поможешь мне или нет? Неужели ты не понимаешь? *Мне нужно знать!*

Тавис опустил глаза.

— Может, хватит? — с испугом прошептал он, сдерживая желание оглядеться. — От тебя расходятся энергетические волны по всей поляне. Да поможет нам Бог, если здесь окажется кто-то со скрытыми способностями...

— Ты имеешь в виду, что я посылаю свои мысли тебе? — прервал его мальчик, садясь и в удивлении хватая Тависа за руку.

— Прошу прощения, мой принц, — громко сказал Тавис, наклоняясь к ноге и начиная тщательно массировать ее. — Я не хотел причинить вам боль. — И продолжил шепотом: — Ты хочешь, чтобы сюда сбежались все? Ложись, я посмотрю, что можно сделать.

Утомившись, покорный Джеван лег, как было приказано.

Взглянув на стражников, Тавис начал окру-
356 жать сознание мальчика своим. Он испытал

странно знакомое манящее чувство и одновременно отметил, что, вероятнее всего, стражники не заметили ничего, выходящего за рамки обычного.

Но Девин заметил. Больше того, он уловил энергетические волны Джевана. Продолжая играть с Джейсоном в кости, он старался изготавиться для проникновения в мозг, хотя и опасался столкнуться с защитами Тависа. Некоторые люди имели врожденную способность сопротивляться изучению своего мозга, и Девин старательно имитировал это свойство, но и привлекать к себе чересчур много внимания было нельзя. Целитель остался единственным, кто сможет раскрыть его, если заподозрит что-то и заинтересуется мыслями солдата, известного под именем Эйдиярд.

Сейчас между Целителем и принцем происходило нечто, отличное от обыкновенного общения Целителя и пациента. У Девина появилось чувство, что уловленные им энергетические волны исходили от мальчика, а не от Тависа. Он наконец обнаружил то, зачем был послан сюда, и об этом нужно было известить друзей. Он послал вызов в комнату Совета, выяснил, что сейчас за ним наблюдает епископ Элистер, и заколебался. Было условлено, что Девин может вступать в контакт при первой необходимости, но сознание епископа Келлена в этот момент было сосредоточено на другом — он разбирал какой-то древний манускрипт — и Девин не стал ему мешать. С каждым днем епископ все больше нравился юноше. Старик был похож на деда, о котором он помнил так немного.

Девин отказался от контакта и снова обследовал лагерь. Джейсон был целиком поглощен жалкой кучкой медных монет — своим выигрышем у сослуживца (стража редко играла по-крупному), Робер тихо наигрывал песню пастуха, а Корунд продолжал дремать, привалившись к дереву.

Лошади паслись неподалеку. Райс Майкл тоже спал, только сомнительно, что его сморило и

он задремал по собственной воле. Слуги плескались в воде немного выше по ручью. Подошел его черед бросать, и Девин взял у Джейсона кости. В этот момент испуганно заржала лошадь.

Девин замер с костями на раскрытой ладони.

— Ты слышал? — спросил он своего партнера.

— Слышал что?

Девин пустил в ход свои способности, вглядываясь в стену деревьев на другом краю поляны и прислушиваясь. Его импульс столкнулся со спешно поднимаемыми защитами.

Дерини!

Он ударился не о защиты Тависа!

Он нагнулся и схватился за меч, когда первая стрела вонзилась в дерево за его спиной, а вторая принесла смерть так и не проснувшемуся Корунду. Выругавшись, Джейсон вытащил меч, разбросав кости и деньги, и увернулся от третьей стрелы, нацеленной ему в голову.

— К принцам! — крикнул Робер, когда из-за деревьев выскочили полдюжины хорошо вооруженных людей и бросились на них. Стрелы продолжали сыпаться во круг.

Тавис уже тащил Джевана за ближайшее дерево, но Райс Майкл выпрямился и застыл на месте, охваченный ужасом. В этот момент в четырех шагах от ребенка вырос из-за куста воин с обнаженным мечом. Девин бросился на помощь и оказался перед нападающим, прежде чем его меч вонзился в принца. Они сошлись, обмениваясь выпадами, оружие звенело, высекая искры. Девин мощно ударил слева и только тут спохватился (весьма своевременно), что у него не было щита.

Противник, к счастью, оказался не настолько опытным, чтобы извлечь выгоды из забывчивости Девина, и секундой позже он повалился с разрубленным черепом.

На его месте немедленно возник другой и стал

пить ни на шаг к сжавшемуся в комок Райсу Майклу, который весь исходил немым криком ужаса.

Кольцо битвы сжималось. Стрелы по-прежнему рассекали воздух, но теперь противники оказались лицом к лицу, и лучникам было куда труднее целить. В первые секунды схватки Робер своей любимой лютней остановил одну из стрел, а потом окончательно погубил инструмент, грифом отбив удар меча. Теперь они с Джейсоном отчаянно защищались, прыгая на останках лютни. За свою потерю Робер отомстил, отрубив руку одному из нападавших. Джейсон прикрывал их отход к седлам и другой поклаже — там был верный лук Робера.

Им удалось добраться до цели. Пока Робер доставал лук из чехла, одна из стрел едва не впиалась ему в руку. Джейсон рубился с наседавшим противником. Слуги, поспешившие на звуки сражения, оказались весьма кстати. Они напали на атакующих с кинжалами и охотничьими копьями, другого оружия у них не было. Дорн, младший из слуг, держал оборону против грузного мужчины чуть ли не вдвое больше себя, ему помогал борзой щенок величиной с ладонь.

Даже Тавис участвовал в стычке, хотя не обученный военному делу Целитель вступал в соприкосновение с противником только тогда, когда оборачивался на бегу, чтобы отмахнуться кинжалом от меча преследователя. Тем не менее ему удалось отвлечь нападающего от Джевана. Смертельно бледный принц с кинжалом в руке укрывался за деревом, более всего надеясь, что крепко зажмуренные глаза спасут его от удара меча или шальной стрелы. Верхом на лошади он мог оказать сопротивление, но пеший, без своего спасительного ботинка был небоеспособен.

Девин понял затруднительное положение принца и еще яростнее атаковал своего противника. Он должен пробиться к Джевану! Он нанес точный удар и оставил слугам добивать врага, но тут услышал за спиной отчаянный крик Райса Майкла и, обернув-

шись, увидел, что мальчик захвачен. Его держал воин с боевым топором, готовый в любую секунду пустить свое оружие в ход. Девин рванулся туда и с ходу почти перерубил бандита, прежде чем топор успел обрушиться на кричащего в смертной муке ребенка. Оружие лишь скользнуло по бедру Райса Майкла, и тот, плача, повалился рядом с мертвецом, зарывав еще громче, когда вокруг посыпались стрелы. Одна из них угодила Дорну в живот.

Девин сражался с новым врагом. Робер добрался-таки до своего лука и вслепую палил по кустам, надеясь убить или хотя бы спугнуть засевших там стрелков. Пока он не слишком в этом преуспел — град стрел не прекращался. Несколько отскочило от кольчуги Девина, а одна вонзилась в икру его противника.

Изрыгая проклятия, раненый, упал на колени, стараясь выдернуть стрелу, но он не принял в расчет Джевана, скрывавшегося за деревом. С криком, от которого стыла кровь, тот прыгнул на спину врагу, намертво вцепившись.

Обхватив одной рукой голову в шлеме, он запрокинул ее и с ловкостью, которая делала честь его учителям в военном деле, вонзил кинжал в незащищенное горло. Оба окровавленные, они рухнули наземь, а Девин метнулся на защиту Райса Майкла и принял на себя стрелу, предназначавшуюся принцу, Острие вонзилось в поясницу, отозвавшись мучительной болью во всем теле.

У него хватило сил ударить под колено и подрубить сухожилие противнику Джейсона, но его ноги уже плохо повиновались, и, хватая ртом воздух, он опустился на землю, прикрыв собой Райса Майкла. В кустах, куда продолжал стрелять Робер, кто-то вскрикнул, и ответная стрельба прекратилась. Легкий шорох листьев говорил, что другой лучник обратился в позорное бегство. Когда

Робер направил лук на двух оставшихся на ногах нападавших, один из которых все еще отби-

вался от охотничьего копья Томэйса, они бросили оружие и сдались.

— Ладно? Хватит! — кричал Джейсон, покалывая мечом последнего, с перерезанным сухожилием, пока и тот не попросил пощады.

Приподнявшись на локте, Девин услышал стук копыт удалявшейся лошади — без сомнения, это был вовремя сбежавший лучник. Корунд лежал бездыханным на том месте, где уснул. Дорн умер там, где поразила его стрела, четверо нападавших тоже были недвижимы. Пока Робер с помощью слуги вязал руки двух бандитов за спиной в локтях и запястьях, Джейсон управился со своим покалеченным пленником и пошел к кустам поискать убитого лучника. Райс Майкл, освободившийся из-под защиты Девина, смотрел на свою ссадину и тихонько скулил.

— Мой брат? Он ранен! — Джеван устремился к брату, забыв о своей хромоте. — Тавис, помоги ему! У него кровь!

Когда Джеван подбежал, Девин перекатился на бок, чтобы испачканный кровью принц не увидел торчавшей из спины стрелы. Над Райсом Майклом уже хлопотал Целитель. Из-за кустов появился Джейсон, волоча за собой лучника, который был еще жив, и передал его Роберу. Подойдя к Девину сзади и увидев стрелу, Джейсон побледнел.

— Эйдиард! О, Боже мой, мальчик!

— Это подождет, — прошептал Девин, однако приняв помощь Джейсона, устроившего его поудобнее.

Насколько Девин мог судить, его рана была тяжелой, даже очень тяжелой. Такому опытному Целителю, как Райс, придется немало потрудиться. Ниже обжигающего наконечника он ничего не чувствовал и, чтобы убедиться, что стрела сидит в позвоночнике, потрогал ее оперение. И понял, что не существует на свете Целителя, способного вернуть ему утраченную половину тела.

Теперь, когда бой был кончен, Девин уловил едва различимый вопрос Элистера. Облокотившись на колесо Джейсона, он закрыл глаза и позволил епископу увидеть его повреждения, а сам молился о том, что страх и боль его обманывают и он вовсе не безнадёжен.

Но ответ был неутешителен. Зазубренный наконец-ник стрелы не только пробил позвоночник, он достиг одного из важных кровеносных сосудов — артерии, получающей кровь прямо от сердца. Любое случайное движение может довершить дело. Нужна срочная помощь опытного Целителя, способного залечить раны и предотвратить опасность заражения и смертельной потери крови. Требовалась пара хороших рук, а не только опыт, у Тависа О'Нилла было только второе, но и этого шанса не было у Девина. Перед Целителем Дерини должен опустить все свои защиты, чтобы в исцелении можно было свободно обмениваться энергией.

Тогда Тавису откроется и то, кого он врачует, и вся подноготная графа Кулдского, но Целитель на службе регентов не должен знать ничего. Из-за того, что шальная стрела превратила одного из членов Совета в умирающего калеку, сам Совет и его планы не могут подвергаться опасности.

Когда Джейсон тронул стрелу, стараясь разглядеть рану, Девин едва сдержал крик, ощущая, как шевельнулось острие, приблизив его к порогу вечности. Теперь он знал, что ему делать, и сообщил о своем решении Элистеру. Ответ старика был исполнен скорби. Камбер вместе с Девином шел по пути печальных размышлений и тоже видел логическую точку. Зрению людей было недоступно происшедшее следом. Девин исповедался епископу Элистеру, получил отпущение грехов и благословение. Во время мирропомазания он чувствовал, что мирро проникает в его кожу так явственно, как будто епископ был подле него на лужайке и в самом деле чертил священными маслами знаки креста на его умирающем теле.

Когда Тавис закончил исцеление бедра Райса Майкла, поднялся с колен и перешел к Девину, обряд был уже совершен.

— У него в спине стрела, милорд, — выпалил Джейсон, прежде чем Тавис успел коснуться раненого.

Веки Девина приподнялись, и он увидел страх и внезапную бледность Джевана, когда они оказались лицом к лицу.

— О, Воже, Джейсон, почему ты молчал? — воскликнул принц, взглянув туда, куда указывал рыцарь. — Райс Майкл мог и подождать. Тавис, сделай же что-нибудь!

Целитель приблизился к его сознанию, и Девин стиснул его покалеченную руку.

— Нет! Лорд Тавис, если вы попытаетесь вытащить наконечник, я мгновенно умру. Ничего не поделаешь. Мои ноги уже отнялись.

Тавис снова постарался установить контакт, высвобождая руку.

— Может быть, ты разрешишь мне самому сделать заключение, Эйдиярд? Ты не Целитель и не Де... Ты — Дерини!

Ошеломленный, он отдернул руку. Лицо Джевана посуровело. Казалось, и принц определил в солдате Дерини. Джейсон стоял позади своего товарища, совершенно обескураженный. Девин удерживал его сознание — стражник еще мог понадобиться.

— Да, я Дерини, — прошептал он. — Но клянусь, что ко злу, приключившемуся с вами, не имею никакого отношения. Я не из числа тех свиней, которые пытались убить нас только что. Вы должны поверить мне.

— Кто ты? Как ты можешь быть Дерини? — удалось выдать из себя Тавису. — Я *проверял* тебя! Сразу после того как ты поступил, когда лошадь ударила тебя, я тебя исцелял! Готов поклясться, ты не был Дерини!

— Меня послали охранять принцев и наблюдать за вами, — Девин заторопился, чувствуя растущее желание Тависа проникнуть в его разум и зная,

что не должен этого допустить. Частью сознания он приказал Джейсону придвинуть одну из рук, поддерживавших его спину, ближе к стреле. — Поверьте, Тавис, я не из числа этих бандитов и не из мясников, которые отрубили вам кисть. Я друг...

— Ты обманул нас...

— Так было нужно, — ответил Девин, он намеренно тянул время, проверяя, все ли сделал, чтобы после разрушения защит по его мозгу ничего нельзя было прочесть. — Не будь меня здесь, никто не предупредил бы вас о нападении. А стрела, которая отправляет меня в могилу, поразила бы Райса Майкла.

— Ты лжешь, — негодовал Тавис. — Я уверен, что ты лжешь! Кто послал тебя? Зачем ты явился?

Тавис изо всех сил стремился проникнуть в его разум, всякий раз пасуя перед защитами, даже тогда, когда его рука и обрубок сжимали виски Девина. Защиты стояли, но Девин знал, что выдержит не долго.

В Твои руки, Господи, — зазвучала в его мозгу последняя молитва. И он заставил руку Джейсона тронуть стрелу.

Зазубренное острие сдвинулось, но боли он не ощутил, только теплоту, разлившуюся в животе, и пульсацию крови, заполнявшей все его тело.

Он беззвучно вскрикнул, взор его туманился, по лицу Тависа было видно — Целитель понимает происходящее и пытается бороться. Но его живительная энергия уже ничем не могла помочь Девину. Он снова закрыл глаза и в последний раз обратился к тому, кто сидел в комнате Совета и тщетно пытался передать свою энергию по затухающей связи.

Времени, отпущенного Девину, оставалось только на то, чтобы почувствовать эту заботу и в очередной раз удивиться, как епископ Элистер похож на его деда Камбера.

А потом прикосновение самого Камбера

364 пронзило все его существо и окутало любовью.

Его дед в слезах простира к нему руки. А потом было нечто, наполненное ослепляющим, невыразимо прекрасным светом, смешавшим в себе все краски времени.

Тавис осознал, понял, что раненый умирает, и хотел прочесть хотя бы последние вспышки сознания, но вдруг испуганно вскрикнул и в панике отпрянул. Меньше всего ожидал он столкновения со святым Камбером. Очень скоро Целитель оправился от шока, но было поздно. Девин скончался, его память умерла вместе с ним. Уничтожение воспоминаний было исполнено безупречно.

Тщетно сиюсь скрыть непрошеные слезы, причины которых он не знал, Тавис вышел из контакта, со злостью стукнул кулаком по земле и, испуганный, задержал дыхание — лицо покойника внезапно осветилось изнутри. Светлые волнистые волосы медленно выпрямлялись, делаясь еще светлее, подбородок увеличивался и выдавался вперед, лицо менялось ... и вот уже вскоре на земле лежал вовсе не Эйдиярд.

Тавис осторожно приподнял веко, радужка оказалась светло-серой, а у молодого стражника были карие глаза.

— О, Боже мой! — Джейсон, насмерть перепуганный, отодвинулся как можно дальше, вытирая руки о штаны. — Это не Эйдиярд!

— Я его знаю! — прошептал Тавис, прижав руки к груди, чтобы унять дрожь. — Я видел его прежде, но никак не могу вспомнить...

— Господи, да это же граф Кулдский! — в полном изумлении возопил Робер, только что присоединившийся к остальным. — Но почему на нем доспехи Эйдиярда и ...

А тем временем Джеван, потрясенный, стоял на коленях возле спящего брата, раскачивался и повторял единственные слова:

— За что, Тавис? За что?

ГЛАВА 20

Посмотрим, правда ли его слова и что случится с ним в конце.¹

А я вам объясню, за что! – клокотал от ярости епископ Хьюберт, когда они вернулись во дворец в Ремуте. – Он был одним из них! – Он в гневе ткнул пальцем в четверых стоявших на коленях пленников. – Они же все Дерини!

В парадном зале, как только освободились регенты и король, собрался весь двор. Принцы едва успели вымыться и сменить окровавленные одежды. Теперь мальчики заняли свои места в креслах по бокам от брата, олицетворявшего верховную власть. Обеспокоенный Тавис стоял за спиной у Джевана. Трое ремутских регентов сгрудились у трона. Епископ Хьюберт метался от Элроя к Джевану, тряся епископским посохом, словно тот мог защитить его от козней зловещих Дерини. Слева от юного короля возвышались графы Мердок и Таммарон в графских венцах и длинных придворных мантиях, отороченных дорогим мехом.

В зале присутствовали также архиепископы Джеффрай и Орисс, констебль граф Адаутский и целая толпа придворных рангом пониже, рассеявшихся вдоль стен.

Несколько писцов, скрипя перьями, старательно записывали все сказанное. Джеффрай – единственный из оставшихся во дворце Дерини, если не считать Тависа, который всецело владел своими способностями (ибо пленников, во избежание проблем, опоили особыми зельями), сейчас мечтал лишь о том, чтобы привлекать к себе как можно меньше внимания. Сегодня было достаточно одной только принадлежности к расе Дерини, чтобы превратиться в обвиняемого на процессе ...

Он жалел, что не успел как можно больше разузнать о происшедшем. До сих пор до него доносились лишь слухи и отрывочные сведения: якобы, на свиту короля было совершено нападение, часть нападавших захватили в плен, а среди убитых неожиданно оказался Девин, к которому после смерти вернулся его истинный облик. Отсюда мог следовать только один логический вывод: Девин – ключевая фигура Деринийского заговора. Иначе как объяснить, что Дерини столь высокого положения поступает на службу под видом простого солдата?

В том, что Девин умер, сомнений не было. Его безжизненное тело было представлено на обозрение двора. Оно лежало на носилках рядом с телами четырех мертвых бандитов, слуги и стражника. Рядом стояли на коленях захваченные живьем, связанные и накаченные наркотиками пленники, позади каждого стоял стражник. Они действительно *были* Дерини (Джеффрай убедился в этом, как только их ввели, хотя их защиты были изломаны наркотиками), но, кроме Девина, архиепископ Валоретский никого не знал.

– Из этого я делаю обоснованный вывод, – вещал Мердок, – что эти *Дерини*, – его негодование било через край, – помышляли убить братьев Вашего Величества и угрожали бы вашей жизни, если бы в последний момент неотложные дела не оставили вас в Ремуте. Ваше Величество изволит помнить, это не первый случай деринийского заговора против династии

Халдейнов. Теперь один из королевских охранников убит, а другой, которому доверили безопасность короны, оказался предателем.

Он отступил на шаг и злобно указал на тело Девина.

— Вот лежит граф Кулдский, который при помощи волшебства, несомненно нечестивого, принял облик другого и обманул вас и ваших братьев и который был раскрыт, только когда смерть воспрепятствовала продолжению его темных деяний.

— Он спас жизнь Райсу Майклу, — возразил Джеван. — Он принял на себя стрелу, предназначавшуюся моему брату.

Мердок в раздражении развел руками.

— Ваше Высочество, как могли вы так обмануться? То, что стрела угодила в него, чистая случайность, вот и все! — Он снова резко указал на тело. — Его сообщники просто промахнулись. Еще один был ранен таким же образом. В горячей битве не всегда удастся попасть точно в цель, в особенности если лучник трусливо скрывается среди кустов.

Он вытянул указательный палец с кольцом в направлении человека, которого убил Джеван, из его ноги все еще торчала стрела.

— Все эти Дерини в заговоре, — закончил он. — Ясно, кому они служат — черному повелителю проклятий и разрушения!

Джеффрай едва сдержал себя и остался на месте, он знал, что не решится бросить вызов Мердоку и отвлечь внимание регентов на себя. От последнего заявления Мердока Тавис побледнел, сжал губы и уставил горящие глаза в пол.

Алрой, на протяжении речи Мердока все более бледневший, сжимал позолоченный скипетр и смотрел на четырех пленников, повергнутых к его ногам.

— У вас есть что сказать нам? — тихо, но уверенно спросил он.

Узники утрюмо поглядели на него, от принятых наркотиков глаза их блуждали. Ни один не выказывал желания говорить.

— Мы не хотим, чтобы наш приговор сочли необоснованным, — продолжал Алрой почти умоляюще. — Ваше преступление доказано. Не делалось ничего, что могло бы спровоцировать ваше нападение. И все же, если у вас есть оправдания...

Епископ Хьюберт дважды ударил своим посохом о деревянный пол помоста. Для коленопреклоненных это был голос рока.

— Ни одно оправдание не может умалить вины того, кто поднимает руку на миропомазанного короля, ваша милость! — в гневе пророкотал он. — А удар, нанесенный братьям короля, есть удар, направленный против самого короля! Эти Дерини замыслили святотатственное убийство и измену родине. Их пример должен показать, что ни одна душа не сможет безнаказанно поднять руку на нашу королевскую династию!

От хьюбертовой речи Алрой несколько скособочился на троне, еще крепче вцепившись в свой скипетр, а Джеван казался готовым вот-вот упасть в обморок. Только Райс Майкл спокойно смотрел на пленников с окаменевшим лицом. Спустя несколько полных напряжения секунд Алрой повернулся к Тавису, готовому подхватить Джевана.

— Лорд Тавис, возможно, вам удастся пролить свет на мотивы поступков других Дерини.

Целитель несмело взглянул на короля, потом на пленников, поднялся и скрестил руки на груди так, что бы отсутствие кисти было скрыто здоровой рукой.

— Из просьбы Вашего Величества я делаю вывод, что сомнений в моей преданности короне нет, несмотря на мое деринийское происхождение, — начал он. — Если так, я могу утверждать, что Ваше Величество просит меня провести считывание мыслей этих пленников?

— Если ты сумеешь.

— С полным уважением к Вашему Величеству я прошу уволить меня от этого.

— Среди них могут оказаться нападавшие на вас, — предложил Мердок. — Неужели вы не желаете оказать такую маленькую услугу своему королю и себе, Тавис?

Тавис взглянул на Мердока и, тихонько вздохнув, отказался.

— Не заставляйте меня приказывать вам, Тавис.

На мгновение Джефффраю показалось, что Целитель снова бросит вызов Мердоку. Стиснув зубы, Тавис оглядел Джевана, Алроя, потом резко кивнул и спустился с помоста.

Даже в полузабытии пленники поняли, что их ждет, и отшатнулись в объятия стражников. Они были не в силах избежать прикосновения Целителя, он останавливался перед каждым, чтобы, положив руку на лоб, хорошенько обследовать его сознание.

Закончив, он снова взошел на помост и поклонился Алрою.

— Никаких особых причин у них не было, Ваше Величество. Они одни из тех юных дворян, банды которых с недавних пор появляются на наших дорогах. Они слишком молоды и глупы, чтобы быть заговорщиками, и не меньше нашего удивлены, что в свите принцев оказался граф Девин.

Джеван поднял голову, румянец возвращался на его щеки.

— В таком случае Девин не лгал. Его кто-то послал, чтобы охранять нас.

— Вот именно, кто-то послал, — насмешливо возразил Хьюберт, — но не за тем, чтобы защитить вас, Ваше Величество. Он обманул вас. Он обманул нас всех. Он принял обличие другого человека. А где теперь настоящий Эйдиярд Клюрский? Без сомнения, зверски убит, чтобы юный Мак-Рори смог заменить его и осу-

370 ществить свой план.

Джеван ничего не мог ответить на это, Тавис тоже. Спустя мгновение Адрой посмотрел на Целителя.

— Ты считаешь, что никакого заговора не было?

— Между ними, конечно, был сговор, потому что они были до крайности озлоблены, Ваше Величество. Но он не выходил за рамки банды, это не был обще-Деринийский заговор. Несмотря на все уверения графа Мердока, это не так. Я не могу судить о мотивах графа Девина, но все остальные оказались под влиянием обыкновенных человеческих слабостей.

— Они оказались под влиянием, — поджав губы, повторил Мердок. — В таком случае вы признаете, что может существовать такое обоснование их действий, о котором вам не удалось узнать?

Тавис пожал плечами.

— Я не могу читать в их душах, милорд, но, насколько мне удалось выяснить, нападавшие действовали против всех, кто олицетворял для них ограничение их возможностей и перспектив.

— А если попробовать что-нибудь посильнее, чем считывание мыслей? — спросил Таммарон.

— Они умрут.

— Что?!

— Они договорились между собой, что будут самоубийством противостоять более глубокому исследованию. Епископ Мак-Иннис помнит подобный случай в начале лета, когда пленник предпочел смерть моему обследованию. Теперь известны имена живых и мертвых, и того, который убежал. Большого не требуется.

Хьюберт кивнул, розовые губы на ангелоподобном личике сжались.

— Он прав. Я припоминаю.

— Понятно. — Мердок зацепился большими пальцами за кожаный пояс и стал раскачиваться на каблуках. — Значит, если кто-нибудь еще из вашей расы попытается бы читать по их мозгу, то все равно столкнется бы с тем же самым?

— Без сомнения, милорд.

— Даже архиепископ Джеффрай, — продолжал Мердок, — которому данные им обеты запрещают убивать?

Джеффрай затаил дыхание, молясь, чтобы ему не выпало это испытание. Тавис утвердительно кивнул.

— Можете сами попробовать, милорд. Несмотря на то, что Джеффрай не Целитель, он был моим учителем. Вполне возможно, у него есть способности, которыми я не обладаю, но я не думаю, что ему удастся обойти зону смерти.

Мердок повернулся к Джефффраю.

— Ну как, милорд архиепископ, вы готовы послушать королю?

Джеффрай поднялся.

— Ваше Величество. — Он поклонился Адрию, сидевшему с широко раскрытыми глазами, прежде чем обратиться к Мердоку. — Лорд Тавис действительно был моим учеником, и если он утверждает, что никто не сможет уклониться от этой зоны, то я уверен, это именно так.

— Я бы все-таки проверил, архиепископ, — ответил Мердок. — Однако не стану оскорблять ваш сан и не буду приказывать вам. Сэр Пайдур.

Капитан гвардии, стоявший у боковой двери неподалеку от Джефффрая и Орисса, повернулся.

— Ваше Превосходительство.

— Попросите лорда Ориэля предстать перед Его Королевским Величеством и не рассказывайте ему о том, что здесь только что обсуждалось.

— Сию секунду, Ваше Превосходительство.

— Мы подождем Ориэля, а вы, Тавис, пойдите к писцам и продиктуйте список имен, которые вы узнали.

Когда Пайдур вышел, а Тавис сошел с помоста, Джеффрай тяжело опустился в кресло и сложил руки.

Осуществились худшие из опасений Дерини —
372 Тавис отправился предавать своих собратьев. В

последний месяц архиепископу не раз приходилось слышать о вербовке регентами Деринийских агентов, использовании для этого посулов или угроз, и теперь он видел воочию — это были не сплетни. Разворачивалось великое противостояние — Дерини против Дерини!

Тавис заканчивал диктовать. Он стоял, мрачно сложив руки на груди, и не отваживался взглянуть на то, что записано с его слов. Зато Джеффрай через плечо писца отлично видел весь список и с тяжелым чувством узнавал на бумаге древнейшие фамилии Гвиннеда. Закончив диктовать, Тавис вернулся на помост и сел у ног Джевана. Изобразив на лице свою обычную мрачную полуулыбку, Мердок положил руку на спинку трона Алроя и по очереди обратился к Тавису и Джеффри.

— Мы благодарим вас, лорд Тавис, — слащаво произнес он. — Я думаю, вы помните лорда Ориэля по ночи нападения на вас?

Тавис коротко кивнул.

— Хорошо. А вы, архиепископ, вы знаете его? Как вы, наверное, поняли, он теперь работает у нас. У него, кажется, есть жена и маленькая дочурка, которых он просто обожает. Но я не слышу вашего ответа. Вы знаете лорда Ориэля?

— Только по слухам, — пробормотал Джеффрай. Он поднял глаза и увидел кривую усмешку Мердока, в это мгновение ему хотелось расквасить это важное, надменное лицо.

— Что ж, скоро вы его увидите, — сказал Мердок. — Но предупреждаю, вы с Тависом должны быть совершенно откровенны. Если вы попытаетесь повлиять на действия Ориэля или заставить избирательно осматривать бандитов, он скажет мне, и я узнаю, кому вы преданы на самом деле. — Усмешка сменилась мрачным оскалом. — Я достаточно ясно выразился?

Джеффрай покорно кивнул и увидел, что в зал возвратился Пайдур в сопровождении моло-

дого светловолосого человека с небольшой рыжей бородкой, который казался слишком юным, чтобы носить зеленую мантию Целителя. Описание Райса, сделанное на Совете, оказалось очень точным. Тавис, сидящий возле кресла Джевана, брезгливо сощурил глаза. Джеффрай догадывался: неразлучный друг принца не простил Ориэлю неумения приживить отрубленную кисть, хотя, видит Бог, это было не во власти Целителя.

Мердок снова кисло улыбнулся и благонаравно сложил руки, его локоть так и остался на спинке трона.

— Лорд Ориэль, сейчас мы столкнулись с важной государственной проблемой и необходимостью проверить кое-кого. — Он кивнул на четырех коленопреклоненных пленников. — Эти негодяи были схвачены за нападение на принцев Джевана и Райса Майкла во время охоты. Они убили охранника и слугу, которых вы видите здесь же, остальные убитые — из их банды. Еще один бежал. Нам известно, что они Дерини. Прежде всего я хочу знать имена заговорщиков.

Ориэль холодно посмотрел на пленников и снова повернулся к Мердоку.

— Можно задать лорду Тавису один вопрос?

— Задавайте. А я скажу вам, может он ответить или нет.

— Как пожелаете. Лорд Тавис, даже без глубокого осмотра ясно, что пленников поили наркотиками. Это обычная комбинация порошков?

Тавис дождался поощрительного кивка Мердока и обернулся к Ориэлю.

— Да, комбинация обычная, — неохотно признал он. — Дозировка — из такого расчета, чтобы обезопасить окружающих и ослабить защиты.

— Очень хорошо. Граф Мердок, у вас нет никаких пожеланий? Кого мне следует проверять, или вы хотите, чтобы я проверил всех?

— Вон того слева, лучника, — ответил Мердок, скрестив руки на груди .

Он больше ничего не собирался говорить, и Джеффрай догадался, что он намерено не сказал Ориэлю о зонах смерти. Хотел выяснить, сможет ли Целитель сам обнаружить их. Что произойдет дальше, было не предсказать, но Джеффрай верил — юноша не станет убивать даже по приказу регентов. В конце концов, он давал клятву Целителя.

Ориэль развернулся и оглядел четырех Дерини, потом медленно приблизился к лучнику. Из правого плеча у того все еще торчала сломанная стрела, но крови почти не было. Когда стрелок поднял глаза на Целителя, в них светилась мука. Ни наркотики, ни ослабленные способности Дерини не могли облегчить боль в накрепко связанных руках, ноющей ране и в мозгу от неизбежного грубого вмешательства. Ориэль поднял руки к вискам лучника, тот крепко зажмурил глаза и постарался уйти от прикосновения Целителя, но охранявший его стражник покрепче сжал его плечо и подтолкнул к рыжебородому.

Джеффрай не решался выяснять, что именно делает Ориэль, но вскоре пленник задрожал, и его веки задержались в нервном тике. Ориэль тут же открыл глаза, очевидно, частично прервав контакт, так как дрожь его жертвы прекратилась, и полуобернулся к Мердоку, одновременно приглядывая за лучником.

— Называйте, — приказал Мердок. — Писец, проверь по своему списку.

— Этого зовут Дензиль Кармайкл. Вот эти трое — Фулберт де Морриси, Рэнальд Джилстрачен и Иво Лорат, младший сын барона Фризелля. — Два писца сверялись со своими записями и, находя нужное имя, кивали, — Убиты Дилан эп Томас, Шау Фаркьюэрсон, Амиот и Трефор Морландские. Двое последних — двоюродные братья. Имя сбежавшего — Шолто Мак-Дугал.

Последний кивок старшего писца указал на верность списка, и Мердок прошептал:

— Превосходно.

— А что с графом Кулдским? — спросил Хьюберт.

Глаза Целителя устремились куда-то вдаль, он снова читал воспоминания. Потом он озадаченно покачал головой.

— Ваша милость, Кармайкл никогда прежде его не видел. По правде говоря, этот человек считал его стражником до тех пор, пока граф не... изменил облик?

С этими словами он поднял глаза, не прерывая контакта, но ища подтверждение только что прочитанному в лице Мердока. Мердок побагровел, а Джефффраю не было нужды использовать свое зрение, чтобы понять, что все регенты раздосадованы.

— Он лжет, — прошептал Мердок. — Он непременно лжет. Нам известно, что Мак-Рори был участником огромного Деринийского заговора против короны. Читай глубже!

Обеспокоенный их реакцией, Ориэль всмотрелся в лицо между своими ладонями, на мгновение закрыл глаза, задрожал и снова повернулся к Мердоку.

— Милорд, я не решаюсь двигаться глубже. У этого человека какая-то непреодолимая преграда. Если я еще сильнее нажму на защиты, это убьет его.

— Тогда убей его! — закричал Мердок. — Я хочу знать про заговор, и я узнаю!

— Но никакого заговора нет, по крайней мере, Мак-Рори в нем не участвовал, — прошептал Целитель. — Они задумали отомстить за смерть своего друга, упомянутый вами граф Кулдский не участвовал в этом.

— Читай глубже, Ориэль! — приказал Мердок, угрожаясь надвигаясь. — Если тебе дороги твоя жизнь и семья, подчиняйся мне!

На мгновение Джефффраю показалось, что Целитель откажется выполнить приказ. Ориэль зажмурил глаза, словно отгораживаясь от всего окружающего, но затем его плечи опустились, а лицо приняло выражение ледяного безразличия.

Это длилось всего лишь мгновение, Джеффрай не сомневался в результате. Когда лучник повалился на охранныка, Ориэль вздрогнул, отдернул руки и ухватился за плечо стражника, чтобы не упасть самому.

Мердок сморщился. На лицах Хьюберта и Таммарона было написано разочарование. Тавис взглянул на своего собрата с такой неприкрытой яростью, какой Джеффраю никогда прежде не приходилось видеть в его бледно-голубых глазах. Ориэль поймал этот взгляд и побледнел, не решаясь поднять глаза на Мердока.

— Он мертв, Ваше Превосходительство. Целитель Его Высочества, очевидно, знал еще до моего прихода, что глубокое проникновение опасно. Почему вы не сообщили мне?

— Я же сказал вам, это была проверка. Кроме того, не вам спрашивать нас, — процедил Мердок. — Что еще вы узнали?

— Очень мало, ничтожные проступки, ужас от сознания того, что раскрученный маховик не может быть остановлен. Никакого тайного заговора, кроме сговора этих девятерых, не было. Тот, кого звали Трефором Морландским, был их предводителем. Вряд ли они были хорошо организованы. Он приходился молочным братом... Дафиду Лесли, которого казнили этим летом.

Хьюберт озадаченно и несколько самодовольно фыркнул и жестом пухлой руки отпустил Целителя.

— Это уже лишнее, Ориэль. Вы можете идти.

Молчаливый Ориэль жалко поклонился Алрою и побрел за Пайдуром к выходу. Джеффрай не мог не видеть презрения во взгляде Тависа, когда тот смотрел вслед уходящим. Свое собственное отношение архиепископ еще не определил.

— Итак, Ваше Величество, — сказал Мердок, когда Пайдур возвратился в одиночестве. — По-моему, ясно, тянуть больше нельзя, и я хочу спросить вас, какое наказание вы назначите тем, кто пытался убить ваших братьев и уже убил двух преданных слуг?

Алрой судорожно глотнул и повернулся к стоявшему по левую руку канцлеру.

— Граф Таммарон, каково примерное наказание для тех, кто покушается на моих братьев?

Таммарон смотрел на ожидающих своей участи трех Дерини, и на лице его не было ни волнения чувств, ни сомнений.

— Такие преступники должны быть немедленно казнены, Ваше Величество. Более того, их имущество и земли, если таковые имеются, должны быть отчуждены в казну, а их наследники объявлены вне закона. Если они — младшие сыновья в семье, я предлагаю распространить то же наказание и на их отцов за то, что те не уделяли должного внимания выходкам своих детей.

— Казнь для них и объявление вне закона их фамилий? — переспросил Алрой.

— Именно.

— А каков способ казни? — нерешительно пробормотал Алрой.

— Повешение, колесование и четвертование, как и полагается изменникам, — ответил Таммарон с готовностью. — Части тела будут разосланы во все главные города Гвиннеда и выставлены напоказ.

Слушая о подробностях казни, Алрой побледнел еще больше. Джеван закрыл глаза. Только выражение лица Райса Майкла не изменилось даже тогда, когда Алрой поднялся объявить приговор.

— Посоветовавшись с нашим канцлером, — произнес он на удивление твердым голосом, — мы решили объявить приговор немедленно.

Три коленопреклоненных пленника-Дерини замерли. Мердок посмотрел на них, потом склонился к уху короля и прошептал ему что-то. Пальцы Алроя, сжимавшие скипетр, еще сильнее побелели, но он отрывисто кивнул.

— Тела остальных, — он кивнул на мертвых,

378 — должны подвергнуться тому же наказанию,

включая и графа Куддского. Поэтому графство Кудди конфискуется в пользу короны.

— Нет! Он спас жизнь Райсу Майклу! — закричал Джеван, приподнимаясь на стуле.

— Это приказ короля! — громко произнес Мердок. — Да будет так. Сэр Пайдур, вы соберете гарнизон замка для исполнения казни и совершения королевского правосудия.

Джеван рухнул в кресло, король развернулся и в сопровождении регентов, Райса Майкла, слуг и стражников покинул зал через боковую дверь. За ним последовали Орисс, Адаут и писцы, чтобы записывать каждое слово Дерини перед смертью. Джеффрай задержался, чтобы опуститься на колени возле мертвого лучника Дензиля Кармайкла. Когда он встал, стражники подняли тело и, подталкивая, уводили приговоренных. Вздохнув, Джеффрай вслед за остальными вышел в боковую дверь.

Когда в зале остались только два стражника у дверей в дальнем конце, Джеван наконец-то вышел из оцепенения и посмотрел на Тависа, все еще сидевшего у его ног.

— Тавис, тайный заговор существовал на самом деле?

— Не знаю, мой принц. Честно говоря, я так не думаю. Я говорю это не как Дерини, а как верный слуга и друг. Даже Ориэль, ставший теперь орудием регентов, не открыл признаков заговора. — Он горько засмеялся, — По правде сказать, я решил, что они охотились за мной за убийство Дафида Лесли и службу тебе, хотя убить заодно и двух братьев короля — это было бы мастерским ударом.

— А Девин Мак-Рори? Он был изменником? — робко спросил мальчик.

Тавис мог только удивленно покачать головой.

— Нет, не изменником. Хотя я никак не могу понять, кем он был на самом деле. — Он замол-

чал на мгновение, потом осторожно взглянул на принца. — Джеван, — прошептал он, — я не рассказал двору и тебе не успел рассказать, когда Девин умирал, мне показалось... Я почувствовал рядом с ним присутствие кого-то...

— Чье-то присутствие? Что ты имеешь в виду?

— Гм... — Он вздохнул и покачал головой, не находя слов, чтобы выразить свои чувства. — Прости меня. Ты слышал о святом Камбере, который был дедом юного Мак-Рори?

— Разумеется.

— Мне кажется, именно его присутствие я уловил. Девин узнал его. Камбер был с ним, я готов поклясться! Мак-Рори умирал, вокруг была такая благодать. Он как бы не мог принять ее. И Камбер взял его к себе.

Джевана округлил глаза.

— Ты думаешь, что в момент смерти святой Камбер пришел к нему?

Тавис вздохнул.

— Так мне показалось.

— О! А святые часто так поступают?

Тавис издал нечто похожее на нервный смешок и беспомощно пожал плечами.

— Если бы я знал. Но, по-моему, нет, — закончил он посерьезнее.

Джеван задумался на минуту, потом прочистил горло.

— Может быть, они приходят только к своей родне?

— Это возможно, как и всякое другое предположение. Но почему ты спрашиваешь об этом?

— У Девина ведь был младший брат, не так ли? Может, спросим у него?

— О святом Камбере? Анселя? — Тавис покачал головой. — Он давно спрятался где-нибудь.

— Спрятался? Почему? Откуда он знает?

— Они были братьями и Дерини, Джеван, — нетерпеливо объяснял Тавис. — Он узнал о смер-

ти Девина в тот самый момент, когда она произошла, и знал, что это за собой повлечет, так как ему должно быть известно о тайном смысле игры его брата.

— В таком случае как насчет отца Джорема? — настаивал Джеван. — Он приходился Девину дядей, и он священник. Если кто-то и знает что-нибудь о святом Камбере, так это он. Или леди Ивейн или Райс?

— Райс, мой принц? После того, что он сделал с нами в ночь смерти твоего отца? И другие замешаны в этом не меньше, я все больше убеждаюсь в этом.

— Но как бы нам узнать наверняка? Тавис, мы должны выяснить правду! Непременно должны!

Однако им не удалось довести спор до конца. На верхней галерее под сводами зала появилась королевская процессия. Казнь должна была состояться внизу, во дворе.

В зал через боковую дверь вошел сэр Джейсон с плащом для Джевана, ибо к вечеру стало прохладнее. Джеван вопросительно взглянул на Тависа, но Целитель покачал головой и, взяв принца под локоть, помог ему подняться. Джеван со страхом ожидал приближавшейся казни, свидетелем которой должен был стать, и Тавис не хотел ни на миг оставлять мальчика одного. По всей вероятности, четвертование казненных, проводимое для устрашения остальных приговоренных, уже началось. Пора было идти.

Накинув плащ на плечи принца, Джейсон благополучно удалился. С мрачным выражением на лице Тавис повел мальчика к еще одной узкой лестнице, которая вела на галерею, где уже собрались остальные.

— Наберитесь мужества, мой принц, — пробормотал он. — Обещаю, мы найдем возможность вызнать всю правду у моих друзей-Дерини. Дайте мне подумать денек-другой. В конце концов, Райс может оказаться той самой необходимой нам отмычкой. Ведь мы с ним оба Целители. Возможно, я сумею использовать против него его же собственные уловки.

ГЛАВА 21

**Сладкие слова звучали
из уст врага, но сердцем
он помышлял низвергнуть тебя;
его глаза будут лить слезы,
но если он найдет способ,
то не удовлетворится кровью.¹**

В мрачном подземелье, глубоко под основанием Керрори, Райс тщетно пытался утешить брата Девина Мак-Рори. Первым о гибели Девина узнал от Камбера Джорем, и с той минуты не знал покоя. Они с Джебедией ожидали Камбера в Аргоде, на празднование дня Святого Михаила. При первой же возможности, оба михайлинца воспользовались Порталом, чтобы присоединиться к Камберу, который и поведал им все подробности ужасающей трагедии. После этого Джорем отправился в Шилл за Райсом и Ивейн, а Джебедию попросили отыскать Грегори. Райсу же поручили доставить на Совет нового наследника рода Мак-Рори.

Ансель, конечно, уже знал обо всем. Райс обнаружил семнадцатилетнего юношу в отчаянии застывшем в комнате, где был выход из Портала. Когда скользнула в сторону панель в стене, давая проход Целителю, Ан-

сель в безмолвном горестном ожидании поднял на него залитое слезами лицо, а затем в рыданиях слепо бросился тому в объятия. Райс молча гладил его по серебристым, с золотым отливом волосам, но не торопился, давая выплакаться, хотя каждая секунда сейчас была на счету. Он знал, как прочны были узы, связывавшие юношу со старшим братом.

— Боже мой, Райс, — выдавил наконец Ансель. — Я это почувствовал... когда он уходил! Не знаю, каким образом, но я знал, что происходит! Мой конюх, кажется, решил, будто у меня какой-то припадок, или что-то в этом роде...

— Ничего, ничего, — шептал Райс, обнимая Анселя за плечи. Тот утер слезы промокшим рукавом.

— Что... Что случилось? — спросил Ансель, несколько раз вздохнув.

— Утром была охота с соколами, — тихо ответил Райс. — На принцев напали шесть или около того Дерини. Мы пока еще не знаем, кто они и почему атакowali, но Девин принял на себя стрелу, очевидно, направленную в Райса Майкла. Стрела попала в поясницу и засела в позвоночнике, задев при этом какой-то из кровеносных сосудов. Так говорит Элистер.

Ансель закусил губу, удержал стон, чтобы не прерывать Райса, и тот глубоко вздохнул и продолжал.

— Рана была очень тяжелой, и Девин знал это. Он обдумал свое положение и шансы выжить, оставшись неразоблаченным Тависом, и решил не давать Тавису возможности раскрыть его. После ранения твой брат, должно быть, почти не чувствовал боли. Он даже получил последнее причастие Элистера, прежде чем заставить ничего не подозревавшего стражника помочь ему избежать исцеления.

— Вы хотите сказать, что... он убил себя? — недоверчиво прошептал Ансель. Райс вздохнул.

— Ансель, попытайся понять. Он знал, что попытка вытащить стрелу почти наверняка бу-

дет смертельна. Он знал, что в этот момент Тавис узнает о его деринийском происхождении и попытается сломить защиты. Возможно, Целитель применил бы наркотики, чтобы вытянуть правду.

— О, Боже! — застонал Ансель.

— Поэтому он стер память, чтобы Тавис ничего не смог узнать после смерти, — мягко продолжал Райс, — а потом приказал поддерживавшему его стражнику слегка коснуться стрелы. Мне обязательно вдаваться в медицинские подробности того, что было после?

Ансель покачал головой, глотая слезы.

— Это было... быстро?

— Он потерял сознание через несколько секунд.

Ансель прикрыл трясущейся рукой заплаканные глаза и, отрицательно покачал головой, когда Райс собрался коснуться его висков, чтобы облегчить его душевное состояние.

— Все в порядке. Все будет в порядке. — Он шмыгнул носом и поднял на Райса уже более спокойное лицо. — Итак, что теперь? Мы сможем получить его тело и достойно похоронить рядом с отцом?

Райс вздохнул и покачал головой, вспомнив могилу Катана в ограде маленькой сельской церкви неподалеку.

— Сомневаюсь, Ансель. После смерти к нему вернулся его собственный облик. Те, кто там был, видели это. А теперь и регенты узнали. Если мое подозрение верно, они обвинят Девина в нападении.

— Но он не...

— Ты знаешь это, и я знаю, — согласился Райс, — и даже регенты могут знать об этом. Но неужели ты думаешь, что они упустят такую прекрасную возможность обвинить Дерини в государственной измене?

Ансель безнадежно вздохнул и ссутулился.

— Вы правы. Теперь они скорее всего начнут охоту за мной — братом и наследником предателя.

— Именно этого я и боюсь. — Райс уставился

384 под ноги, потом снова взглянул на Анселя. —

Сейчас собирается заседание Совета. Нам хотелось, чтобы и ты присутствовал. Это поможет немного отвлечься от случившегося.

Глубоко вздохнув, Ансель расправил плечи и поднял голову.

— Я иду.

* * *

В киилле собрались остальные, Ивейн и Джорем, скрестив ноги, сидели справа от Камбера возле белой глыбы на помосте. В центре каменной глыбы покоился серебристый шар, бывший для огромного помещения единственным источником света, не считая четырех зажженных факелов в бронзовых подставках.

С момента прибытия Джорема и Ивейн они вместе с Камбером еще раз проживали смерть Девина, вспоминая короткую, но героическую историю его жизни, и искали скрытый смысл в том, что он узнал перед своей гибелью.

Последнее подозрение Девина насчет непредсказуемого принца Джевана горько-сладким бальзамом лилось на их израненные сердца. Ивейн и Камбер всплакнули, но теперь слезы остались в прошлом. Джорем не уронил ни единой слезинки и не дал облегчения своей душе; оттого каждая клеточка его тела, укрытого тяжелым михайлинским плащом, содрогалась от горя и ярости. Его лицо, освещенное снизу, превратилось в маску, такую же холодную, как мрамор священного монолита.

Вскоре к Камберу и его детям присоединились Джебедия, Грегори и его сын Джесс. Все трое были измождены и мрачны, освещаемые багровым светом лампы, которую нес Джебедия. Михайлинец тихо сел справа от Джорема и потушил фонарь. Он понимал, как велико было горе Камбера от потери внука и юного, но многообещающего единомышленника.

Но Грегори не сознавал глубины скорби троих. В нем говорил только гнев.

— Райс уже пошел за Анселем? — спросил он. Ивейн коротко кивнула.

— А Джеффри? — продолжал Грегори.

— Пока еще в замке, — ответил Джорем.

Немного смущенный краткостью ответов, Грегори уселся на свое обычное место между Джоремом и Ивейн, уперев руки в бока. Джесс молча занял место справа от отца.

— Мне очень жаль, — угрюмо произнес Грегори. — Я знаю, как смерть Девина поразила вас. Не хочу показаться бесчувственным, но меня интересуют обстоятельства. Элистер, ты видел, что случилось?

Камбер кивнул и протянул руку.

— Посмотри сам, — прошептал он, открывая ему сознание Элистера. — Мы потеряли и других из нашего племени.

Грегори, взявшийся за протянутую руку, вдруг отдернул свою, словно от раскаленного железа.

— Нет, не из нашего! Они не такие, как мы! — Он резко мотнул головой. — Дерини — да, но... Джебедия рассказал мне кое-что из того, что случилось. Они похожи на тех негодяев, которые напали на вас с Джоремом на дороге этой зимой.

— Нет! — сказал Камбер. — Те были несчастные бездельники-мальчишки. А эти — убийцы, целившие в принцев, кровавые мясники вроде тех, что покалечили Тависа О'Нилла!

— По-моему, вы оба неправы, — резко прервала их Ивейн. — Те были дети-садисты, их никто не остановил, и они превратились в убийц, готовых уничтожить тех, кто, по их разумению, мешал вести привычную для них жизнь, и только одного они не смогли понять, что династия Халдейнов и те, кто ей служит, не враги.

Джорем был не согласен, но прежде чем возразить, напрягся всем телом, сдерживая себя:

— Насколько я помню, многоуважаемые регенты тоже служат Халдейнам. Если наши юные скучающие соотечественники ищут виновников, почему бы им не обратиться к себе самим?

— Джорем, Джорем, желчностью ничего не добьешься, — вздохнул Камбер, снова протягивая, руку Грегори. — Давай, Грегори, прочти. А потом посмотрим, останется ли в тебе сострадание к тем, кто стал причиной смерти Девина.

Грегори вошел в контакт, закрыл глаза и узнал все, что послал Элистеру Девин, все, за исключением самых последних секунд. Когда Грегори вышел из транса, его узкое лицо помрачнело. Реальность, открывшаяся ему, больно задела его отцовские чувства.

Мгновение он сидел, склонив голову на руки. От необходимости говорить Грегори спасло прибытие Райса и Анселя. Когда они поднимались на помост, юношу покачивало. Все встали, и в этом мальчике Камберу привиделся Девин. Вошедшие остановились слева от Камбера.

— Я бы хотел, чтобы этот день не был праздником святого Михаила, — запинаясь, произнес Ансель. — Я... — Он замолк и проглотил подступивший к горлу комок, чтобы снова не расплакаться, потом, когда ему удалось восстановить некое подобие самоконтроля, поднял глаза на Камбера. — Епископ Элистер... — На мгновение в его глазах промелькнула нерешительность, и он продолжал: — Я... Дядя Райс сказал мне; что вы были... что вы...

— Прочти мои воспоминания, сынок, — пробормотал Камбер, протягивая обе руки навстречу внуку. — Давай же, — поторопил он, когда Ансель в нерешительности оглянулся на остальных. — Остальные знают, и ты должен. Он был твоим братом.

Когда Ансель установил контакт, Камбер опустил свои защиты Элистера и упрочил возникшую связь. Он не раскрыл юноше всей полноты сво-

их чувств, потому что знал, что ни Ансель, ни Девин не хотели бы этого. И отдал все, кроме последней исповеди и вмешательства Камбера.

Когда Ансель вышел из транса, по его не знавшим бритвы щекам катились слезы. Камбер нежно обнял его, как прежде Райс, проверяя, чтобы на этот раз горе ушло. Юноша снова поднял голову, слез больше не было, осталась только память о человеке, который был его братом и отдал жизнь за дело, в которое они верили.

Все расселись вокруг мраморной глыбы в ожидании Джеффрая. Вскоре он, разгневанный и печальный, присоединился к ним и тоже опустился на колени. Он поставил на глыбу рядом с лампой-шаром черный кожаный сундучок. Крышка его была запечатана золотыми крестами.

— Скорее, я просто не мог, — в голосе Джеффрая звучали горе и крайняя усталость. — Когда Девина привезли в Ремут, оказалось, что они еще не разобрались. — Он тяжело вздохнул. — Элистер, я должен выговориться, иначе забуду то, что осталось во мне, несмотря на злость и страх. Нам нужно все подготовить. Ты не позаботишься об этом?

Он придвинул черный сундучок, и Камбер стряхнул с себя оцепенение, во власти которого находился, и решительно потянулся за кубиками стражи, которые носил за поясом. Вынул знакомый мешочек из черного бархата, потянул и развязал пурпурный шнурок.

Намеренно отвлекаясь от рассказа Джеффрая, он вспомнил другое далекое время и другое место. До того, как они нашли кииль, и даже до того, как наверняка узнали, что любая из многочисленных способностей сложных фигур куба безопасна. Среди них были и самые обыкновенные, но ни разу они не пытались разбудить магические силы, запертые в очертаниях алтаря Грекоты.

Пустой мешочек Камбер на всякий случай заткнул за пояс и, по очереди вынимая кубики

из кучки, стал выкладывать фигуру на мраморной глыбе. Гладкость и прохлада магических тел несколько успокаивали разбушевавшиеся в нем страсти.

— Что было в Ремуте, Джеффрай? — спросил Джебедея. Джеффрай глубоко вдохнул, словно стараясь набраться сил и решительности.

— В плен взяли четырех живых пленников, все они были Дерини. Вам наверняка знакомы их имена. Один умер прямо на допросе, когда лорд Ориэль коснулся точки смерти.

— Ориэль? — воскликнул Райс. — Он помогает регентам?

Джеффрай кивнул.

— Элистер и Джебедея долгие годы предупреждали нас, что Дерини встанут против Дерини, теперь именно это и происходит. Я не хотел верить слухам, ходившим при дворе, но видел это собственными глазами. Регенты создают предателей. В случае с Ориэлем они держат в заложниках его жену и крошку-дочь. У меня нет оснований надеяться, что это единственный случай.

— О, Господи, — прошептал Джорем. — И Ориэль сдвинул этот смертельный рычаг, зная о нем? Он намеренно убил человека?

— Не совсем. Тавис сначала нашел его и предупредил регентов, что случится. Он же назвал регентам имена убитых и захваченных нападавших, кроме того, который сбежал, а потом они привели Ориэля проверить Тависа. К чести Ориэля, он делал это не по собственной воле.

Пока Джеффрай излагал детали, Камбер заставил свое сознание отгородиться от того, что рассказывал архиепископ, положил палец на левый верхний кубик квадрата, выставляя его.

Prime.

Он произнес это про себя, но в тот же момент кубик осветился изнутри и засверкал холодным белым светом.

Seconde.

Правый верхний кубик замерцал, как и первый.

Tierce.

То же самое стало с кубиком, лежавшим под первым.

Quarte.

Приведение в действие последнего кубика сделало из четырех отделенных квадрат, мягко сверкавший холодным белым светом, который был еще белее мрамора под квадратом.

На мгновение Камбер остановился, чтобы сдвинуться на другой конец баланса, от белого к черному, затем коснулся черного кубика, лежавшего рядом с *Prime*. Голос Джеффрая доносился до Камбера едва слышным жужжанием, когда он назвал имя первого черного кубика:

Quinte.

И в кубике вспыхнула жизнь, загоревшись темным, черно-синим матовым огнем, а Камбер перешел к следующему.

Sixte.

Огонь переметнулся от первого черного кубика через его палец к только что названному, а потом к двум оставшимся.

Septime. Octave.

Когда загорелся последний кубик, Камбер глубоко вздохнул и позволил себе вернуться к речам Джеффрая.

— Когда Ориэль обнаружил точку смерти, он почти прервал контакт, — говорил Джеффрай. — Он сказал им, что случится, если он слишком сильно нажмет. Но они заставили его продолжать, угрожая безопасности его семьи. Я не знаю, возможно, он думал, что проскользнет мимо, но не сумел. Того мужчину звали Дензиль Кармайкл. По-моему, я знал его деда. Однако его смерть по крайней мере была самой легкой.

— А что случилось с остальными? — спросила

390 Ивейн, как будто замороженная страхом.

— Трех оставшихся пленников казнили во дворе замка как изменников и убийц.

— Колесованы и четвертованы? — пробормотал Грегори с видом знатока.

— Да, а перед этим повешены, но не до смерти, — прошептал Джеффрай. — Перед казнью регенты даже не позволили им встретиться со священником. Бедные Алрой и Джеван...

Покачив головой, Камбер снова поднял защиты и отгородился от Джеффрая, мгновенно восстановил баланс между белым и черным и положил два пальца на *Prime* и *Quinte*.

Prime et Quinte inversus. Он поменял кубики местами.

Quarte et Octave inversus. — Снова перемена позиций, и он положил пальцы на *Septime* и *Prime*.

Prime et Septime inversus.

Sixte et Quarte inversus. — И вновь соединились слова и действия.

Теперь кубики образовывали крест святого Андрея, одна диагональ мерцала на белом фоне мрамора. Камбер вновь вернулся к остальным, их слова застучали в его сознании, заставляя вздрагивать.

— ...Ужасное зрелище для детских глаз, — говорила Ивейн, положив руку на живот. — Матерь Божья, неужели это кровавое правление будет длиться вечно?

— Боюсь, пока регенты у власти, дела пойдут только хуже, — ответил Джеффрай. — Их жажда мести неутолима. Они уже объявили вне закона всех родственников нападавших. Ансель, твой смертный приговор я видел собственными глазами.

— Значит, они считают моего брата одним из изменников! — горько произнес Ансель.

— Вот именно, хотя Тавис и Ориэль доказывали обратное. Но, разумеется, они оба Дерини и поэтому тоже под подозрением.

— А что... что с телом Девина? — спросил Ансель, выдавливая из себя слова.

Джеффрай склонил голову.

— Регенты решили показать, что станет с изменниками и убийцами. Части... части их тел приказали разослать по главным городам Гвиннеда. А головы теперь выставлены на воротах Ремута для устрашения. То же самое они сделали с телами тех, кто был уже мертв, — закончил он.

— И с Девином тоже? — прошептал Ансель.

Джеффрай мог только кивнуть.

Стон сорвался с губ Ивейн, остальные покачали головами, а Джесс пытался скрыть выступившие слезы. Райс обнял жену и опустил глаза. Джорем еще крепче стиснул зубы, его глаза стали еще более холодными.

Камбер старался справиться с нахлынувшими чувствами, разум говорил ему, что участь тела Девина не играет никакой роли. Пытаясь скрыть слезы, он запрокинул голову и стал смотреть на высокий сводчатый потолок. Оставалось только не сопротивляться ужасу и благодарить Бога за то, что Девину не пришлось разделить мучений других, и молиться за покой всех умерших Дерини.

Наконец, снова взяв себя в руки, Камбер взглянул на конфигурацию кубиков, затем на Джеффрая, посылая молчаливый вопрос. Джеффрай не ответил, оставаясь в плену собственных переживаний, и Камбер решил сам выполнить работу. Намеренно громко вздохнув, он простер правую руку над фигурой. В конце концов ему удалось привлечь к себе внимание.

— Для некоторых из вас это будет новым делом, — сказал он твердо, — Ансель, Джесс, вы увидите несколько конфигураций второго уровня, которые мы решились испытать, а также одну из совсем немногих, которые мы заставили работать. Похоже, их применение ограничено, мы еще изучаем его. За эти знания мы должны быть благодарны исследованиям Ивейн.

Камбер осторожно поднял кубик *Septime* и положил его на *Quinte*, черное на черное.

Quintus, — мысленно произнес он, на мгновение почувствовав, что его пальцы окутывает энергия, затем он положил *Quarte* на *Seconde*, белое на белое.

Sixtus.

— С первой волной энергии свивается вторая, — пояснил он, давая им возможность убедиться в этом самим.

Камбер поставил *Prime* на *Tierce*, *Sexte* на *Octave*, ощущая поддержку и растущее любопытство Анселя и Джесса.

Septimus. Octavus.

Он не знал, были ли важны сами слова (хотя подозревал, что нет), но он знал, что были важны волны энергии, скрытые за ними, и чувствовал, как они оплетаются вокруг его пальцев, когда его рука замирала над выстроенной фигурой. Эту фигуру Джорем, увидев ее впервые, назвал «колоннами храма». Это напоминало им всем обломки алтаря, найденного под храмом Грекоты.

Камбер положил правую руку на вершину фигуры.левой рукой он знаком велел всем немного отодвинуться назад. Потом он смешал волны энергии.

И почувствовал, как они щекочут его кисть и руку до локтя, словно рука и магический ток составляют единое целое. Он начал медленно поднимать левую руку. Двинулась вверх и фигура... А вслед за ней оторвался от помоста и поплыл мраморный монолит. Все происходило беззвучно, только в движении камня чудился легкий шорох.

Притягиваемая четырьмя кубами (черными и белыми попеременно), каменная глыба продолжала подниматься, словно это был не мрамор, а легкое перышко. Камбер поднялся вместе с остальными, все еще наклоняясь над меньшим кубом, чьей энергией он сейчас управлял. Затем начала проявляться вторая позиция черных и белых кубиков, противоположная первой, и в конце концов открылась черная плат-

форма того же размера, как *mensa*, на вершине. В четырех углах развернувшегося куба стояли колонны величиной с человеческую руку, после белой колонны следовала черная, затем опять белая, повторяя сочетание разрушенных колонн под Грекотой.

Когда черная масса приобрела ту же плотность, что и фигура, находившаяся на вершине, вся система стабилизировалась.

Едва слышно вздохнув, Камбер приблизил руку к грани меньшего куба и попытался согнуть пальцы, затем сгреб кубики и вернул их в мешочек.

— Когда закончим, это опустится под собственным весом, — веско произнес он. — Эти кубики нужны для того, чтобы поднимать что-нибудь. — Он вопросительно посмотрел на архиепископа. — Джеффрай?

— Да. Ансель, мне бы очень хотелось привезти тело твоего брата, но коли не смог, то решил принести тело нашего Господа. Я подумал, что таинство святого причастия успокоит всех нас.

Ансель склонил голову, не в силах выразить свои чувства словами. Руки Джеффрая так сильно дрожали, что он не мог справиться с застежками кожаного сундука.

Камбер подошел, взял его у Джеффрая, сам открыл и откинул крышку. Внутри оказалось все необходимое для евхаристии.

— Это прекрасная идея, Джеффрай, — пробормотал он, почтительно касаясь маленького золотого потира и диксоса. — Мне следовало бы подумать об этом самому. Это поможет нам собраться с мыслями, чтобы обдумать наши планы.

Джеффрай с сомнением покачал головой.

— Сейчас я не уверен, Элистер. Может быть, это и не было такой уж прекрасной идеей. Я даже не захватил облачения, так спешил удалиться от этой кровавой бойни. Ты думаешь, он простит нам это?

Джорем очнулся от оцепенения и принял покровец, протянутый отцом.

— Но мы не знаем наверняка, можно ли служить на этом жертвеннике, — продолжал Джеффрай. — Мы даже не знаем, служили ли эйрсиды мессу такой, какой мы ее знаем сейчас.

Видя его нерешительность, Ивейн подошла к архиепископу сзади, положила руки на плечи и прижалась щекой к спине.

— О, Джеффрай, я уверена, все было именно так, как теперь. — Райс взял сундучок и лампу, чтобы Джорем расстелил покров на жертвеннике. — Но даже если и нет, по-моему, этим стенам давно пора услышать слова мессы. Это станет обрядом памяти Девина.

Даже Джеффрай со своей нерешительностью ничего, не мог возразить, он просто смотрел, как Джорем положил распятие, поставил две полусторевшие свечи в простых деревянных подсвечниках, провел над ними руками, воспламеняя их, и потушил лампу.

Камбер вынул и поставил на алтарь потир и дискос, затем извлек из сундучка плоскую металлическую коробочку, а из нее — четыре просфоры и осторожно положил их на плоскую золотую тарелку — дискос. Джорем достал обтянутые кожей стеклянные кувшины с водой и вином и поставил их рядом.

Камбер встряхнул изрядно помятую узкую пурпурную епитрахиль и с легким поклоном положил ее на дрожащие руки Джеффрая. Несколько мгновений Джеффрай смотрел на епитрахиль, затем покачал головой.

— Не могу, Элистер, — прошептал он. — Да простит мне Бог. В первый раз с тех пор, как принял священный сан, не могу. Я *видел*, Элистер! Мне пришлось смотреть, как они четвертовали его! В моем сердце не осталось милосердия к ним. Господи, я любил этого мальчика как родного сына!

— Я тоже, — прошептал Камбер.

С этими словами он принял епитрахиль из негнущихся пальцев Джеффрая, коснулся ее губами, надел, словно лунатик, отошел к западу и ждал, пока остальные соберутся вокруг него. Он указал Джеффраю на место слева от себя, поставив Райса между ним и Анселем. Справа встали готовые прислуживать ему Ивейн и Джорем. Внешне спокойный Джебедия встал напротив, присоединившись к ошеломленному Грегори и Джессу.

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen*, — прошептал Камбер в то время, когда его рука очертила знак его преданности, знакомые слова обряда придавали ему мужества. — *Introibo ad altare Dei*

— *Ad Deum qui laetificat juventutem meam*, — отозвались остальные.

«Я взойду к алтарю Господнему и к Господу, который дает мне радость в этой жизни...»

— *Judica me, Deus...* — продолжал Камбер. — Воззрись на меня, о Господи, и уведи меня от тех, кто несправедлив и лжив.

— *Quia tu es, Deus...* В Тебе, о Господи, моя сила. Почему Ты выделил меня? И почему печаль переполняет меня, — отвечали остальные.

Они служили в память о Девине. Они хотели, чтобы значение каждого слова пересилило их горе и возродило их для борьбы. В ту ночь у них не было книги, по которой можно было бы читать, поэтому каждый сказал то, что помнил и что имело для него какое-то значение в их общей печали, что-то для надежды, силы и мужества, для движения вперед.

Камбер служил по обычаям Ордена святого Михаила, подавая причастие каждому участнику обряда. Он опускал священный хлеб в благоговейно протянутую руку, за ним следовал Джорем с чашей. Когда они закончили, Камбер обрел покой, позволивший почти забыть о горе. Теперь по крайней мере он знал, что смерть Девина не была напрасной.

Той же ночью Ансель вернулся в Грекоту вместе с Камбером и Джоремом. Теперь, когда указ регентов был разослан, в Гвиннеде не осталось места, где последний граф Куддский мог бы показаться, не опасаясь за свою жизнь. А появление нового монаха в большом доме епископа останется незамеченным. После того как в его волосах была выстрижена тонзура, а сами они были перекрашены в светло-каштановый цвет, Ансель был представлен общине Грекоты как брат Лоркэн, пи-сец-михайлинец в штате епископа Элистера. Смены одеяния и цвета волос оказалось достаточно, чтобы спрятать Анселя и без помощи волшебства.

Отец Вилловин и остальные члены братства оказали новому писцу теплый прием. Никого не смутило приглашение новичка уже на следующий день после праздничной мессы в капитуле в епископские покои для праздничного обряда в честь дня святого Михаила в обществе Элистера Келлена и его секретаря. Всем было известно, что михайлинцы держатся вместе, особенно в такой важный день. Камбер же и Джорем с выгодой использовали это время для того, чтобы посвятить Анселя в тонкости монашества и устава Ордена, членом которого он притворялся. В несколько дней он узнал достаточно, чтобы свободно общаться со священниками и монахами, не вызывая подозрений.

Остальные участники поминовения вернулись в свои дома, в следующие дни и недели они более старались не привлекать внимания. Теперь, когда отпала необходимость наблюдать за Девином, Грегори в Эборе начал потихоньку готовить переезд своей семьи из Гвиннеда. Сам он был намерен возвращаться по всем делам Совета. Джебедия вернулся в Аргод, чтобы попрощаться со своими братьями. Райс и Ивейн провели праздник святого Михаила в Шилле со своими детьми, омрачив торжественный день сообщением о

смерти Девина. Тиэг был еще мал, чтобы понять, что случилось, а восьмилетняя Райсил все время плакала.

Джеффрай был в Ремуте, чтобы на следующее утро вместе с архиепископом Ориссом служить в соборе святого Георгия. Однако ночью он выскользнул из своих апартаментов в резиденции Орисса и пробрался в мало кому известный Портал в ризнице собора, откуда перенесся в аббатство святого Неота в свой старый Орден.

Всю ночь отец Эмрис и старейшины гавриилитов обсуждали нападение на принцев и суд короля Алроя. Когда Джеффрай предстал перед Камберийанским советом на следующей неделе, он рассказал о растущем беспокойстве братии. Гавриилиты считали, что если заговор дня святого Михаила (как его теперь называли) подвел людей к решающей черте, то Деринийские религиозные общины должны одними из первых испытать на себе гнев регентов. Кроме того, Ордена станут главной мишенью как центры обучения и развития Деринийских способностей.

Следовало побеспокоиться и о других — Варнаритской школе, Хлентиете неподалеку от Коннаита и недавно образованной школе рядом с Найфордом, которая уже была однажды сожжена, и Совет проследил, чтобы все были предупреждены. Камбер и Джеффрай, пользуясь епископским саном, помогли религиозным общинам разработать планы бегства. Оставалось только надеяться, что, прежде чем случится самое худшее, останется время на исполнение этих планов.

Почти месяц удача не покидала их. Но в конце октября, когда ушедшее лето в последний раз напомнило о себе, шаткое равновесие рухнуло.

Вновь вернулась невероятная для поздней осени жара и опять принесла деринийскую чуму, поразившую Гвиннед летом. В Валорете толпа разбушевавшихся горожан и фермеров растерзала семейство торговца, которое сочли разносчиком болезни и по-

дозревали в принадлежности к расе Дерини. Беспорядки начались, когда городская стража пыталась вывезти предполагаемых жертв болезни, и солдатам пришлось призвать на подмогу гвардию архиепископа.

Это случилось в один из его теперь нечастых визитов в Валорет, и Джеффрай, в белом плаще поверх кольчуги и шлеме с опущенным забралом, лично повел отряд. Единственным оружием был епископский посох в руке, а к шлему прикреплено бронзовое распятие — он, как и все Гавриилиты, был связан клятвой: не применять силу ни при каких обстоятельствах. Джебедия, навестивший собрата на обратном пути из Аргоды в Грекоту, ехал рядом с Джеффраем в доспехах рыцаря-михайлинца.

В полуденном свете на городских улицах два десятка хорошо вооруженных мужчин не видели опасности. Кого могла испугать толпа ремесленников и поселян, размахивающих чем попало? Воины теснили противника, топтали лошадьми и разили мечами.

Один Джебедия оценил, как опасны были мотыги, вилы и камни, свистевшие вокруг и бьющиеся о стальные щиты и шлемы. Слишком поздно он попытался перестроить солдат и сомкнуть ряды, слишком поздно — один из людей Джеффрая с криком свалился с лошади и был погребен под ногами орущей, визжащей, вопящей толпы. В то же мгновение сборище взвинченных, но еще способных повиноваться людей обратилось в ненасытного зверя, готового пожрать все на своем пути.

Быстрый меч Джебедии на этот раз оказался недостаточно скор, и лезвие мотыги, которую не успел отбить старый воин, вонзилось в щель для глаз на шлеме Джеффрая. Архиепископ Валорета был мертв прежде, чем его тело грянулось о мостовую.

Ошеломленные кощунственным убийством духовного главы Гвиннеда, участники стычки отшатнулись от неподвижного тела в белом. Казалось,

вот-вот небеса разверзнутся над ними и молния поразит нечестивцев.

Однако Божья кара никого не постигла, и это не отрезвило, а вдохновило бунтовщиков. Выходило, что люди могут не только чинить расправу над обыкновенными безбожными Дерини, но и убить примаса всего Гвиннеда, если он Дерини, и не страшиться гнева Невес.

Теперь их не могли остановить ни кони стражников, ни мечи, ни смерть. В последовавшей резне погибла вся семья торговца, множество горожан и треть усмирявших бунт. Михайлинское одеяние Джебедии делало его готовой мишенью, к счастью, мало уязвимой. Тем не менее он выбрался невредимым благодаря удаче и инстинктам старого вояки, повинаясь которым, он действовал в схватке, совершенно потрясенный ужасной гибелью Джеффрая. Позже он утверждал, что его спасло участие в кортеже с траурной ношей. Толпа наступала перед горсткой рыцарей, везущих тело Джеффрая, смиряя свою ярость при виде мертвого тела в белом, похожего на трагический призрак.

Джебедия проводил рыцарей до ворот епископского дворца, постарался успокоиться хоть немного себе, чтобы вернуть себе способность здраво рассуждать, а затем покинул их и стал выбираться из города. Со смертью Джеффрая в Валорете не осталось ни одного высокопоставленного Дерини. А реакция толпы на смерть Джеффрая и присутствие Джебедии лишний раз показала, что Валорет для Дерини перестал быть безопасным местом. Об этом девять месяцев назад предупреждал Торквилл де ла Марч. Проезжая мимо отряда, спешившего на помощь воинам епископа, Джебедия размышлял лишь об одном: осталось ли для него и его собратьев хоть одно безопасное место в этом мире ...

ГЛАВА 22

**Пусть верховный священник служит,
как положено, а священникам
их место уже указано.¹**

Весть о гнусном убийстве архиепископа Джеффрая в ту же ночь облетела весь Валорет, а затем разнеслась и по всему Гвиннеду. В сплетнях и слухах, передававшихся из уст в уста, почти ничего не осталось от истины: стражники герцога Эвана, подоспевшие на помощь гвардейцам и разогнавшие нападавших, были убеждены, что сражались с Дерини, Джебедию обвиняли в тайном подстрекательстве к бунту, а иные даже уверяли, что именно он прикончил архиепископа. Начались погромы и охота на Дерини, и армия хотя и не участвовала в этом, но и не пыталась остановить зачинщиков. В первый же день насчитали не меньше пятидесяти убитых, и далеко не все среди них были Дерини, некоторые пали жертвой ложных обвинений. Все захваченные Дерини были повешены, якобы в целях «самозащиты», пока вмешательство Эвана не прекратило беззакония.

К счастью, барон Ран, встревоженный нарастающими беспорядками, снял с учений половину валоретского гарнизона и направил на помощь Эвану, которому

¹ 1-е Клементий 18:18

иначе ни за что было бы не совладать с обезумевшей толпой. В тот же день был введен комендантский час, и после наступления темноты удалось навести в городе относительный порядок, однако понадобилось еще несколько дней, чтобы страсти окончательно улеглись.

Камбер с остальными членами Совета, разумеется, узнал о гибели Джеффрея незамедлительно, а подробности поведал им Джебедия, который прибыл в кииль, воспользовавшись Порталом в Шилле, вместе с Райсом и Ивейн. Теперь им всем предстояло обсудить сложившуюся ситуацию и решить, что делать дальше. Вот уже двое близких им людей пали жертвами слепой, бессмысленной ярости, словно бы овладевшей всеми разом в Гвиннеде, и направленной против всех без разбора.

О беспорядках в Валорете вскоре узнали и в Ремуте. Герцог Эван приказал одному из своих деринийских агентов отослать гонца через Портал. Ремутский двор получил известие как раз в конце ужина. Гонец докладывал коротко и испуганно; регенты, король и принцы ловили его слова с жадностью, у каждого был к этому особый повод. Мальчики приняли известие с неподдельным ужасом и горем, все они любили архиепископа Джеффрея, в особенности Джеван. Регенты притворно сожалели о потере члена Регентского совета. Хьюберт даже прочитал молитву за упокой его деринийской души. Однако скоро на смену благочестивым речам пришла оживленная беседа о возможных претендентах на высокие посты покойного.

На целый час Джеван и Райс Майкл были забыты — регенты перебирали имена всех епископов Гвиннеда. На Алроя тоже не обращали никакого внимания, если бы не имели намерения заручиться поддержкой короля в выборе кандидата, которого они в конце концов представят епископскому синоду. Нового главу церкви избирали особы духовного звания, но предлагал

Только когда выбор удалось сузить и Хьюберт остался единственным приемлемым кандидатом, регенты снова удостоили вниманием молодого короля. Используя все свое влияние, они очень скоро убедили его, что избрание Хьюберта более всего соответствует интересам королевства, и потребовали от мальчика обещания подписать официальную рекомендацию, как только документ будет подготовлен.

Далее было решено, что двор как можно скорее должен перебраться обратно в Валорет, чтобы регенты могли проследить за выборами. Условия жизни там были куда более приемлемы — Ремутский замок так и не приобрел роскоши, которую любили регенты. Поэтому зимой в Валорете будет много удобнее, а особенно хороши будут там рождественские праздники.

В приподнятом расположении духа регенты призвали мажордомов и гофмейстеров, чтобы сделать необходимые распоряжения по сборам к переезду. Тихий уход Джевана и Тависа остался незамеченным. К этому времени Райс Майкл уже заснул в своем кресле, так что Тавис взял на руки посапывавшего принца и следом за Джеваном вышел из холла. Что же до Алроя, то он ничего не мог поделать. Ему не разрешат идти спать до тех пор, пока королевская подпись не скрепит все необходимые документы.

Однако Джеван только изображал усталость, Тавис заметил это, когда они поднимались по винтовой лестнице на предпоследний этаж, где располагались апартаменты мальчиков. Уложив Райса Майкла в постель, Тавис вошел в комнату Джевана и застал его сидящим с единственной свечой у окна.

Джеван не противился, когда Тавис завернул его в меховой плащ, укрывая от холода, сквозившего в оконные щели. Мальчик молча грел замерзшие пальцы над пламенем свечи. Он весь был в своем горе. Тавис накинул плащ и опустился на подушку напротив принца. Он хотел было коснуться лба мальчика,

чтобы снять исходившее от него напряжение, но Джеван не позволил, покачав головой, и еще больше замкнулся в себе.

— Пожалуйста, не надо, — пробормотал он, плотнее заворачиваясь в плащ. — Больно — я хочу, чтобы так было. Мне не избежать того, что я должен тебе рассказать.

— О чем ты говоришь?

Мальчик вздохнул.

— Тавис, я не хочу, чтобы епископа Хьюберта избрали архиепископом.

— Я безоговорочно с тобой согласен, — сказал Тавис. — Но почему ты не хочешь его избрания?

— Потому что он... *лжет*, — прошептал Джеван, полуоборачиваясь к окну, отражавшему пламя свечи. — Лгать некрасиво. Ты слышал обсуждение кандидатов в архиепископы. Я даже не знаю большинства из них, но я знаю, что Хьюберт лгал, чтобы продвинуть самого себя. Служитель Бога никогда не должен делать такого, Тавис.

Долгую минуту Тавис смотрел на профиль принца, потом опустил глаза, почти боясь высказать вслух свое подозрение.

— Джеван, мне показалось, что ты не столько обеспокоен ложью Хьюберта, сколько тем, что ты узнал об этом. — Джеван кивнул. — Ты ищешь способ сказать, что ты... не понимаешь, как ты узнал.

Джеван беспомощно кивнул.

— Я замечаю это за собой уже несколько недель. Как будто я слышу его настоящий голос, но он противоречит тому, что Хьюберт говорит вслух. С другими происходит так же.

— Считывание мыслей, — выговорил Тавис еле слышно.

— Что?

Тавис вздохнул и положил руку на плечо мальчика.

— Это похоже на считывание мыслей, мой принц. Это... еще одна способность Дерини.

— О, Боже! — Джеван закрыл лицо руками, но потом снова поднял голову. — Это как защиты?

— Отчасти. Но эффект обратный. И более выгодно. Значительно более выгодно.

— Но это работает не всегда! — слабо возразил Джеван.

— Зато, готов поспорить, на это стоит положиться.

Джеван неохотно кивнул, а Тавис вздохнул и с раздражением хлопнул себя ладонью по бедру.

— О, Боже, я бы все отдал за то, чтобы узнать, что случилось с тобой в ночь смерти твоего отца, — прошептал он. — Здесь *должна* быть связь! — Он снова вздохнул и положил руку на руку Джевана. — Они с тобой что-то сделали, Джеван. Я все больше и больше убеждаюсь в этом, хотя нам не удалось узнать ничего. Это было нечто странное, секретное, мистическое и... — Он сжал руку мальчика и отпустил ее. — И у меня нет ни малейшего представления, что это было. Ты развиваешь некие умственные способности, но не должен. Это почти так, как если бы ты был Дерини.

Джеван вздрогнул, стиснул руку, уперев большие пальцы друг в друга, и внимательно изучал их, прежде чем снова взглянуть на Тависа.

— Ты помнишь, после смерти Девина мы разговаривали о Райсе, и ты сказал, что вы с ним оба Целители и что, возможно, удастся заставить его говорить — его же собственными методами?

— Я помню.

— Я просто подумал, а почему бы ему не наведаться в Валорет, раз епископ Элистер будет заседать в синоде. Ты знаешь, они с леди Ивейн живут в Шилле. Это недалеко. Епископу Элистеру может понадобиться Целитель, ведь он становится старым. И если Райс приедет в Валорет, может быть, мы пригласим его навес-
тить нас?

Тавис поднял бровь.

— Просто *навестить* нас, мой принц?

— Не совсем, — Джеван посмотрел на пламя свечи. — Это ведь обычная вежливость — предложить человеку освежающего питья, когда он заехал в гости. Особенно когда на улице холодно и он долго пробыл в седле. А если в напиток подсыпать какой-нибудь порошок...

— То он сразу определит это, — ответил Тавис. — Последнее время мы относились к нему враждебно, и он сразу заподозрит неладное, когда его пригласят сюда.

— Это если нам не нужен Целитель, — возразил Джеван. — Предположим, что ты послал известие о моей болезни и о том, что тебе нужна его помощь. Думаешь, тогда он тоже не придет?

— Может быть, и придет.

— А что если ты дашь мне вина, а потом предложишь и ему, как бы невзначай?

— То же самое питье, что и тебе?

Джеван кивнул.

— Оно подействует и на тебя, ты же знаешь, — осторожно предупредил Тавис.

— Но ты сможешь прочесть его память, — прошептал Джеван. — Стоит и потерпеть, чтобы ты выяснил, что он со мной сделал в ту ночь. Я не могу так больше жить. Иметь защиты, знать, что люди лгут, и не знать, откуда это взялось и почему!

Тавис на мгновение закрыл глаза, задумался, затем снова посмотрел на Джевана.

— Самым трудным будет заставить его принять нужную дозу, достаточную, чтобы сломить сопротивление, но недостаточную, чтобы он перестал быть Целителем. Он этого не заслуживает. Когда он тоже выпьет наркотики, я сниму их действие с тебя, но потом, возможно, будет страшная головная боль.

— Мне совершенно все равно, если удастся раздобыть ответы. Ты правда можешь сделать так, что

он ничего не поймет?

Тавис кивнул.

— Думаю, да. То, что я придумал, не имеет ни запаха, ни вкуса. Смесь не бесцветна, но в темном вине ее нельзя будет заметить. — Он взглянул на Джевана. — Придется подумать, как вызвать в тебе симптомы болезни, чтобы он не распознал мнимый их характер, и в то же время не слишком серьезные, чтобы реально угрожать тебе. В любом случае это будет довольно неприятно. Какое-то время ты действительно будешь болен.

— Я же говорил, мне все равно, лишь бы узнать правду. Итак, мы попробуем? — Джеван схватил здоровую руку Тависа и заглянул в глаза.

— Да, мой принц. Мы попробуем.

* * *

После смерти Джеффрая минуло несколько недель, и все епископы Гвиннеда были приглашены собраться в Валорете для выборов его преемника. В День всех святых Джеффрая похоронили рядом с его другом и предшественником Энскомом под собором, где покойный имел кафедру последние двенадцать лет. На похоронах присутствовали Камбер, Джебедия и Райс, последние двое уехали сразу после погребения. Беременность Ивейн задержала ее в Шилле с детьми. Там был и Кверон, приехавший поработать с Райсом, а Грегори вывозил семью в Коннаит.

Двор Адроя, как и предполагалось, вернулся в Валорет, однако, к огорчению Джевана, только на следующий день после похорон Джеффрая. Разумеется, регенты выразили подходящие соболезнования. И Хьюберт немедленно отправился приветствовать уже прибывших епископов.

Епископ Эйлин Мак-Грегор, который только год назад стал помощником Джеффрая, играл роль хозяина, распределяя комнаты между приезжими епископами и их прислугой в резиденции архиеписко-

па, а затем занялся свитой и охранниками, которых нужно было определить на постой. Епископы не особенно чинились, почти каждый из них надеялся, что еще до конца года вся резиденция будет принадлежать ему. И только Хьюберт, на правах регента живущий в замке, и Ориос, которому Хьюберт, отвечая на его гостеприимство в Ремуте, нашел помещение в замке, пользовались настоящим комфортом.

К середине второй недели ноября, за несколько дней до дня святого Камбера, в Валорете собрались все прелаты и пять епархиальных епископов, два помощника и пять странствующих епископов, не имеющих вотчин. Только трое из двенадцати были Дерини, и в сложившихся обстоятельствах ни один из них не мог рассчитывать на сан архиепископа. Ниеллан Трэй, неохотно вернувшийся из своего уединения в святом городе-храме Дхасса, мог не опасаться регентов, потому что за свою долгую жизнь только и делал, что ни во что не вмешивался.

Многострадальный Кай Дескантор, с которым регенты так круто обошлись после смерти Синхила, приехал лишь по настоятельной просьбе Камбера. Лето он провел в Келдуре, где влияние регентов сказывалось совсем мало, да и то стараниями графов Грорика и Сигера, братьев Эвана, которые обращали внимание на Валорет и Ремут только тогда, когда было выгодно. Келдур слишком долго был независимым графством, почти княжеством, чтобы склонять голову перед сыновьями покойного Сигера, даже если старший был теперь регентом. Однако епископства в Келдуре еще не было, и у Кая было полно забот.

Разумеется, кандидатура Элистера Келлена была наименее желательной из всех, раз его уже изгнали из Регентского совета. Камбер прибыл в Валорет за несколькими днями до погребения Джеффрая в сопровождении

Джорема, небольшого эскорта и Ансея. С отпущенной бородкой, тонзурой и перекрашенны-

ми волосами *брат Лоркэн* не имел ничего общего с графом Анселем Куддским, которого все еще разыскивали регенты. И где еще можно было найти такое укромное место, как не у них под носом? В Валорете, под неусыпным наблюдением Камбера и Джорема, Анселью будет куда безопаснее, чем заточенному в Грекоте среди тех, кто даже не узнает, когда ему будет необходима защита. Кроме того, под именем брата Лоркэна Ансель мог большую часть времени находиться в комнатах своего наставника, выполняя всяческие поручения.

Собрание возглавлял Роберт Орисс, архиепископ Ремутский. Ему помогали епископы Найфордский и Кашинский, Улием эп Лай и Дермот О'Бирн, оба — старейшины синода, выбиравшие Джеффрая архиепископом и двенадцать лет назад канонизировавшие Камбера, и оба возможные кандидаты в архиепископы, хотя Дермот был по-прежнему молод для высшего сана.

Трое из пяти странствующих епископов также были давними членами синода: Давит Ниван, смешливый Юстас Фэрлийский и, конечно, Кай Дескантор. Турлог, не участвовавший в последнем синоде, на этот раз прибыл одним из первых. Зефрам Лордасский, бывший настоятель *Ordo Verbi Dei*, во время последнего собрания синода не был епископом, но присутствовал на канонизации Камбера, и именно его избрали на место, освобожденное Джеффраем после избрания в архиепископы. Камбер не знал, какого мнения держались Зефрам и Турлог, но, по мнению Юстаса, Зефрам был склонен поддержать Хьюберта.

Разумеется, Хьюберт Мак-Иннис не присутствовал на том знаменитом синоде. В те поры он был бедным неприметным священником тогда еще барона Мердока Картанского. Он поднялся вместе с вошедшим в милость Мердоком. Возвращение Мердоку земель, издавна принадлежавших его семье, и графского титула принесло Хьюберту сан странствующего епископа. А за год до смерти Синхила он стал еписко-

пом Ремутским, тогда Роберт Орисс отказался стать регентом, сославшись на возраст, и порекомендовал Хьюберта.

А теперь епископ-регент Хьюберт Мак-Иннис восседал в здании капитула в Валорете на первом троне, по правую руку от архиепископа Орисса. Следом за Хьюбертом сидел Ниеллан Трэй, занимая это место скорее по старшинству, между Хьюбертом и Дерини Ниелланом не осталось приязни. Далее, справа от Ниеллана, расположились Дермот О'Бирн и трое странствующих епископов с Каем посередине. В противоположном конце комнаты стояли пять кресел. Первое за пустующим креслом примаса занимал Айслин, далее Уллием, Юстас, Камбер и Турлог, слева от каждого на скамеечке помещался секретарь-помощник.

Первый день заседания был посвящен рутинным делам: разработке правил, перечислению предшествующих событий, увеличению Совета епископов за счет назначения трех новых странствующих епископов. Назначение двух первых из них Камбер предвидел, но третье было совершенной неожиданностью. Несомненно, дело не обошлось без Хьюберта.

Альфред Вудбурнский, долгое время бывший духовником Синхила и его семьи, был первой очевидной кандидатурой, и против него Камбер ничего не имел. Единственное, что по-настоящему беспокоило Камбера, так это излишнее приближение Альфреда к регентам, которые не преминут, манипулировать им, толкуя о благе принцев.

Вторым по списку шел Арчер Аррандский, еще один священник *Ordo Verbi Dei*, снискавший славу теолога. Камбера настораживали его разговоры на тему сомнительной набожности Дерини как расы. Несколько раз Камберу приходилось слышать его проповеди, после которых он чувствовал, что ему не очень нравились выводы, к которым приходит Арчер. Если этот

дует, то очень легко может стать орудием в руках регентов. Поэтому Хьюберт, скорее всего, уже считает будущие ходы этой фигуры.

Но даже Арчера можно было вытерпеть, если бы не третий, неожиданный кандидат. Полин Рамосский получил отличные рекомендации со стороны регентов, и одного этого было достаточно, чтобы Камбер еще пристальнее пригляделся к нему. Около пяти лет назад Полин организовал маленький, но неуклонно растущий Орден под названием «Маленькие братья святого Эркона». Орден этот нашел себе пристанище на реке в родном Рамосе Полина, чуть южнее Валорета. Святой Эркон был ученым, историком и, как утверждает легенда, братом святого Виллима. Эркониты, посвятившие себя по большей части обучению других, не были так явно настроены против Дерини, как виллимиты, однако они и не осуждали виллимитов. По слухам, связь между двумя этими религиозными группами была куда более прочной, чем просто родство их святых, но доказать ничего было нельзя. Камберу хотелось бы полагаться на нечто большее, чем просто недоверие к тому, кого регенты хотели видеть рядом с собой.

Возражения Камбера не помешали одобрить все три кандидатуры, и следующий день увидел их посвящение в епископы со всей церковной пышностью. Когда синод наконец обратился к своей главной цели, в его состав входили уже пятнадцать, а не двенадцать епископов, а Дерини было по-прежнему только трое. Для избрания нового примаса кандидату необходимо было набрать десять голосов.

Они заседали ежедневно, кроме воскресений. Первой задачей было разобраться в состоянии дел в королевстве и с теологической точки зрения решить, какого курса следует держаться в будущем. Наступило время оценить действия Джеффра. Камбер и двое других Дерини с большим трудом умерили гнев, когда Хьюберт в первый раз заявил претензию на

власть, объявив Джеффрея лишь амбициозным Дерини, который использовал свое положение ради собственной выгоды в ущерб интересам государства. Только епископ Уллием отважился возразить ему, да и то только в общих чертах, а затем предложил сменить тему обсуждения. Каждый из титулованных епископов сделал отчет о состоянии дел во вверенной епархии, а странствующие епископы доложили о своих деяниях, предпринятых со времени последнего собрания синода. Обсуждение деринийского вопроса, не сговариваясь, старались отложить.

Но это не могло продолжаться вечно. Хьюберт вернулся к щекотливой теме, получив в противники епископа Альфреда, который этим немало удивил регента, никак не ожидавшего таких речей. Альфред присутствовал на допросе изменников-Дерини и на казни, и его поразило то, что Дерини натравливают друг на друга, а осужденным отказывают в исповеди и последнем причастии. /

Это, разумеется, еще больше распалило Хьюберта. Укорив Альфреда, «очень молодого епископа», за сомнения в правильности методов регентов, Хьюберт открыто обрушился на Дерини.

Уже доказано, подчеркнул Хьюберт, Дерини дважды пытались убить принцев Джевана и Райса Майкла. Деринийские банды продолжают разъезжать по дорогам страны и нападать на мирных жителей и офицеров короны, исполняющих свои обязанности. Дерини, безусловно, представляли огромную опасность, и поэтому любые средства для раскрытия их заговоров были оправданы.

Это вывело дискуссию на обсуждение сосуществования магии и церкви, тему, которую три Деринийских прелата предпочли бы обойти стороной и о которой другие знали слишком мало, чтобы обсуждать ее. Ничего хорошего не вышло из попытки объяснить,

412 что большинство способностей Дерини вовсе не

волшебство, а только особая форма сознания, вид психической энергии, не доступной людям.

Епископ Ниеллан прервал хранимое им до этих пор молчание и остаток дня провел в попытке растолковать остальным, сколь велика духовность Дерини в самозерцании и молитве. Кое-кто удивлялся, но значительно больше епископов насторожились и ощутили зависть оттого, что Дерини, даже миряне, могут оказаться ближе к Богу, чем они сами. К несчастью, Ниеллан этого не понимал и своей речью принес больше вреда, чем пользы.

Разумеется, в синоде не прозвучало ни слова о таком могуществе Дерини, которое было подлинным волшебством.

То, чему Камбер стал свидетелем в ночь смерти Синхила, не объясняло ничто, кроме магии. Можно было привести немало подобных явлений.

Но было ли это волшебство или это была религия? Или это одно и то же?

Синод собрался в не самое удачное время — на целую неделю отвлек праздник святого Камбера. Самого Камбера торжества смущали, они порождали все новые вопросы у других. Обсуждение синодом канонизации Камбера пока не состоялось, но даже обычно доброжелательный Юстас заметил, что с течением лет движение Камбера отчасти утратило первоначальный блеск в глазах простых людей. Полин Рамосский поспешно согласился и добавил, что невмешательство Деринийского святого во время чумы не осталось незамеченным в народе.

Камбер и двое его соплеменников промолчали. В результате никакого решения относительно канонизации Камбера синод не принял; успокоились на отнесении в будущем преподобного Камбера к разряду второстепенных местных святых, культ которых — частное дело каждого. Хьюберт выступил более жестко, однако поддержки не получил — слишком мно-

гие его коллеги имели свидетельства очевидцев святости Камбера.

К началу рождественского поста епископы едва добрались до цели своего собрания — выборов главы церкви. Регенты наконец огласили королевскую волю о персоне, желательной на высоком посту. Во вторник первой постной недели в большом зале замка король обратился к епископам с тщательно затверженной речью.

— Ради будущего благосостояния нашего королевства, — Адрой говорил свое (или регентов) последнее слово, — мы предлагаем вам нашего преданного слугу Хьюберта Мак-Инниса и именем вашей любви и повиновения нам как вашему монарху рекомендуем избрать его архиепископом и примасом нашего королевства.

В продолжение речи и после ее окончания Хьюберт изображал самую скромность. До возвращения в здание капитула епископы говорили мало. Но там Дермот О'Бирн, сам мечтавший об этом сани, опрометчиво высказался за несоответствие Хьюберта такому посту; сторонники Хьюберта и он сам принялись возражать, и словопрения закончились только тогда, когда все разошлись на ночь.

Камбер получил несколько приглашений от епископов, обеспокоенных столь активным нажатием регентов. Если еще до голосования страсти накалились, то каков шанс на разумный выбор?

На следующее утро волнения поулеглись, и каждый получил возможность предложить синоду себя в качестве претендента. Ниеллан ошарашил всех, заявив, что снимает свою кандидатуру, потому что епископ Дхасский должен оставаться нейтральным и продолжать служить на своем ответственном и независимом посту. Более того, он откажется стать примасом Гвиннеда, даже если на этом будут настаивать другие, и полагает, что регенты правильно оценят такое решение. При упоминании регентов Хьюберт приободрился.

Голосование состоялось следующим утром, за каждого кандидата было подано не более трех голосов. Раздражения Хьюберт не скрывал — он надеялся на большее. Однако ярость не поколебала отношения к нему. Повторная баллотировка лишь едва-едва приблизила к цели Хьюберта: он получил пять голосов. У Дермота О'Бирна — четыре, у Уллиема — два, у Орисса, Эйлина Мак-Грегора, Юстаса и Кая — по одному. Чтобы стать примасом, требовалась поддержка десяти епископов.

Была сделана третья попытка, но положение не изменилось, а те, кто раньше отдал свои голоса за Эйлина, Юстаса и Кая, поддерживали Орисса. Он этого, кажется, уже не хотел, но ничего не мог поделать. Результаты следующего голосования заставили Камбера покачать головой: за Хьюберта снова пятеро, за Орисса и Дермота — по четыре, и два голоса за Уллиема. Еще трижды баллотировка подтверждала эту расстановку сил.

Необходимо было что-то предпринять. Каждый день синода начинался с мессы, а каждое голосование вместе с речами и молитвами занимало почти полдня, а значит, в день могло состояться в лучшем случае два голосования. Рождественский пост близился к концу, а епископы с начала декабря так и не сдвинулись с места. Регенты нервничали, Хьюберт все более раздражался. Ему стало ясно, что стать примасом будет нелегко.

На третьей неделе поста Уллиема припугнули и заставили снять свою кандидатуру, но его голоса перешли к Дермоту и Ориссу. В течение шести длинных дней и двенадцати напрасных голосований за Хьюбертом, Дермотом и Ориссом оставалось по пять голосов.

В ночь накануне Рождества Камбер и Джорем молились в маленькой часовне в покоях, где Камбер жил еще канцлером. Ансель уже ушел спать в соседнюю комнату. В заключение ночных молитв отец и сын замкнулись в глубоком контакте. Легкий стук в наружную дверь прервал медитацию, и они удивленно посмотрели друг на друга.

— Мы кого-то ждем? — проворчал Камбер. Поднявшись и направляясь к двери, Джорем пожал плечами.

— Слишком поздно. Вечерняя месса окончилась.

Камбер остался в часовне и вновь опустился на колени, но мысленно следовал за сыном. Джорем подошел к двери, проверил, кто за ней, и с удивлением обнаружил, что у двоих из пришедших есть защиты. Дверь распахнулась, и Джорем, а через него и Камбер, узнали четырех епископов — Ниеллана, Кая, Дермота и Орисса. Уловив посланное ему удивление сына, Камбер распорядился впустить посетителей, затем на мгновение повернулся к маленькому алтарю, прочел короткую молитву, перекрестился и поднялся на ноги. Четверо вошли в гостиную и встали у камина.

— Добрый вечер, милорды, — тепло приветствовал их Камбер, подходя. — Джорем, принеси, пожалуйста, стулья для наших гостей. Господа, я боюсь, что удобства не ахти какие, но все наше гостеприимство в вашем распоряжении. Садитесь, пожалуйста.

Пока гости рассаживались по креслам и стульям, которые принес Джорем, Камбер попытался проникнуть в их сознания. От Ниеллана и Кая он ничего не узнал, кроме легкой скрытой нерешительности Кая, во власти которой тот пребывал после своего удаления из Королевского совета. Орисс казался просто испуганным, но умело обуздывал свои страхи. Дермот выглядел покорным исполнителем чего-то. Камбер не мог понять, чего, и в присутствии Ниеллана и Кая не решался читать глубже.

— Спасибо, Джорем, — сказал Камбер, усаживаясь на принесенный Джоремом сундук, так как остальные места были уже заняты. — Итак. Чем обязан, милорды? Мне попросить Джорема уйти? Судя по позднему часу, у вас какое-то важное дело?

Орисс, который по возрасту и положению должен был быть предводителем, сцепил пальцы, собираясь с духом, но потом шумно вздохнул.

— Лучше вы, Ниеллан. Я не могу.

Вздыхнув, епископ-Дерини поднял бровь, посмотрел на Орисса, потом поджал губы и повернулся к Камберу.

— Думаю, отец Джорем может остаться, — он кивнул Джорему, стоявшему за спиной отца безмолвной серой тенью. — Скажите, Элистер, не можете ли вы выставить защиту этой комнаты без лишней суеты и не пугая наших коллег-людей?

Сердце Камбера оборвалось. Теперь он понял, зачем они пришли.

Не меняя выражения лица, Камбер глубоко вздохнул и закрыл глаза, мысленно касаясь всех рычагов, которые они с Джоремом и Анселем установили в день прибытия в этой комнате.

Теперь, когда регенты используют Дерини на службе, это было необходимо, хотя они все еще надеялись, что нужды в этом не будет. Защиты успокаивали и поддерживали его, невидимые снаружи (он не хотел, чтобы о них знали), но достаточно сильные, чтобы отменить любое вмешательство. Когда он открыл глаза, Ниеллан одобрительно кивнул. Кай тоже оценил защиты. Двое других смотрели на него со смесью любопытства и страха от того, как стремительно Элистер проделал все, что требовалось.

— Это пойдет? — осведомился Камбер. Ниеллан еще раз кивнул.

— Великолепно проделано. Кай боялся, что вы не приготовились заранее. О вас говорят, что вы не часто пользуетесь своими способностями.

— Вот уже много лет назад я убедился, что наше искусство не стоит выставлять напоказ, — возразил Камбер. — Это не мой стиль. Существует свое место и время для тех даров, что мы получили. — Он перевел невозмутимый взгляд с Кая на Орисса и Дермота. — Но, по-моему, в столь поздний час вы пришли сюда не затем, чтобы обсуждать мои способно-

сти ... по крайней мере, в том, что касается способностей Дерини?

— Совершенно верно.

Ниеллан, сидевший в одном из кресел, сложил руки и постучал указательными пальцами по губам. Серо-стальные глаза взирали неподвижно на лице, обрамленном серо-стальными волосами и бородой.

— Элистер, в обмен на некоторые уступки, Дермот и Роберт согласны снять свои кандидатуры и на завтрашнем собрании проголосовать за вас.

ГЛАВА 23

**И будут они насмехаться
над королем и презирать принцев.¹**

Камбер предчувствовал, что скажет Ниеллан, однако когда слова эти прозвучали, он не сумел совладать с мгновенным головокружением. Джорем, он видел, также был потрясен, но постарался не выказать собственного изумления.

— Domine, non sum dignus, — только и пробормотал он, опуская глаза.

— Ничего подобного! — возразил Дермот. — Вы достойны этого куда больше, чем любой из нас! — Он указал пальцем на себя и Орисса. — И уж куда лучше, чем этот негодяй Хьюберт Мак-Иннис, которого стараются продвинуть регенты!

— Чистая правда, — согласился Ниеллан, и Орисс с Каем согласно кивнули.

Камбер подошел к камину и покачал головой, потирая рукой подбородок, одновременно стараясь мысленно успокоить сына.

Эта мысль внушала ему еще более сильное отвращение, чем необходимость стать Элистером Келленом, или святым. Разумеется, такое положение могло бы открыть ему огромные возможности. Он вновь войдет в

¹ Габаккук 1:16

регентский совет, и теперь уже его никто не вправе будет изгнать оттуда, и сможет влиять на остальных регентов и на юного короля. Господь свидетель, сейчас это особенно необходимо! Возможно, таким образом они сумеют возместить то, что было утрачено с гибелью Джеффрея и Девина.

Но здравый смысл говорил иное: регенты никогда не примут его в роли архиепископа и примаса Гвинедского. Им прекрасно известны были его взгляды и происхождение — по крайней мере, в том, что касалось Элистера Келлена. И если избран будет именно он, а не Хьюберт, то регенты объявят это очередными происка-ми Дерини, несмотря на то, что большинством из тех, кто проголосует за Келлена, будут люди.

— Полагаю, вы понимаете, к чему это приведет, — наконец промолвил он со вздохом. — Регенты желают, чтобы этот пост занял Хьюберт, а как они относятся ко мне, вы отлично знаете. Один раз им уже удалось выставить меня из регентского совета ...

— Потому что у них была такая возможность, — ответил Кай раздраженно. — На этот раз им не удастся. Архиепископ Валоретский входит в состав Регентского и Королевского совета по праву, которого никто не может оспорить. Это преимущество сохранялось за архиепископами Валоретскими со времен короля Авгарина. А что касается выборов, то король (или Совет регентов, как в данном случае) может только давать рекомендации синоду. Мы не обязаны следовать рекомендациям. Кроме того, я буду рад увидеть, как они подавятся своей гордостью и примут еще одного примаса-Дерини.

Остальные согласно закивали, и Камбер улыбнулся и покачал головой.

— Возмездие, Кай? Это не подобает вам. Кроме того, мне кажется, вы недооцениваете Хьюберта. Он ни за что не станет подчиняться примасу-Дерини, особенно такому Дерини.

— В таком случае вы воспользуетесь своим правом и отстраните его. Я, например, достаточно насмотрелся на этого самодовольного лицемера.

— Я тоже, — согласился Орисс, — Кроме того, — добавил он более деловито, — вы единственный кандидат, на которого согласны мы все. Некоторые из тех, кто поддержал меня, не поддержат Дермота и наоборот. Раз за Хьюбертом пять голосов, ясно, что кто-то из нас должен изменить свое решение, и кто бы ни вознамерился одолеть Хьюберта, он победит только при твердой поддержке всех остальных.

— Вот теперь все вырисовывается. — Камбер снова улыбнулся. — Я — ваш единственный компромисс. Скажите, пожалуйста, почему вы решили, что остальные примут меня, если не приняли вас? Я Дерини, а следовательно, по определению Хьюберта, моя духовность находится под сомнением.

— Вы Элистер Келлен, которому выпало на долю быть Дерини, — ответил Дермот. — Мы знаем вас, Элистер, знаем, что вы никогда не станете злоупотреблять своим влиянием. Мы знаем, что вам можно доверить честь церкви и ее паствы. То, что вы Дерини, не имеет для нас никакого значения.

— Но с регентами потом забот не оберешься, — сомневался Камбер. — Нам известно, каково отношение Хьюберта к окружающим, а его отношение к Дерини и вовсе не нуждается в комментариях. Герцог Эван вполне цивилизованный и даже достойный уважения человек, по-моему, реакция его не будет слишком буйной. Но с Мердоком совсем другое дело. Таммарона хватит апоплексический удар. А Ран... Господи, я даже не хочу думать, что может учинить Ран.

— Они ничего не смогут сделать, — ответил Кай. — И если они откажутся принять вас, то вы можете отлучить их от церкви!

— Отлучить от церкви? За их политические взгляды? Вот это да! — произнес Камбер. — А

ведь Дермот только что уверял, что я никогда не буду злоупотреблять своим могуществом. Подозреваю, тогда он имел в виду мое могущество Дерини, но отнес это и к власти пастыря.

Кай пожал плечами.

— Ладно, вы не станете отлучать их от церкви. И все равно у них не будет выбора, принимать вас или нет. Точно так же, как это было с Джефффраем.

— А что если его постигнет участь Джефффрая? — спросил Джорем, впервые решивший вмешаться. — Прошу меня извинить, милорды, но не приходило ли вам в голову, что смерть архиепископа Джефффрая была инсценирована регентами?

— Довольно, Джорем, — остановил его Камбер, стараясь успокоить сына движением руки. — И все-таки он прав, господа, — обратился он к остальным. — С ночи смерти короля Синхила все мы знали, что пока Джефффрай останется при дворе, он будет в постоянной опасности. Если вам хочется поскорее покончить с выборами, то, возможно, удастся найти более подходящую кандидатуру. Как насчет Уллиема? У него есть твердые сторонники.

— Отдавшие за него только два голоса, — подхватил Ниеллан. — Элистер, вам не удастся вывернуться. То же самое вы пытались проделать, когда вас выбирали в епископы. Боюсь, придется смириться с неизбежным. Что скажете на это?

Камбер сразу ничего не мог ответить. Положив голову на сцепленные руки, он снова и снова взвешивал аргументы и искал логические просчеты. Думать мешали защиты Ниеллана и Кая, слишком близкие к его собственным, и сомнения Джорема.

Он резко поднялся на ноги и вернулся в часовню, где опустился на колени, спрятал лицо в ладонях и постарался сосредоточиться. Поднял взгляд на маленького вырезанного в стене Христа, призывая мир и покой в свою душу.

Стать архиепископом Валоретским и примасом всего Гвиннеда, видит Бог, он никогда не хотел этого! Конечно, он никогда не хотел сделаться святым или Элистером Келленом.

До сих пор ему не удалось отыскать ни одного отсутствующего звена в их логической цепочке. Они, правда, не знали всех фактов, а он не решался рассказать.

Но сомнений не оставалось: он единственный, кто может набрать необходимые десять из пятнадцати голосов. Но быть избранным и стать главой церкви было совсем не одним и тем же. Джорем затронул действительно важную проблему. Что если регенты обагрили руки в крови Джеффрая?

Камбер снова прижал руки ко лбу, пытаясь разобраться в обстоятельствах убийства архиепископа. Смерть Джеффрая могла иметь связь с действиями регентов, а могла и не иметь. Однако нынешним правителям это было очень удобно. Большую часть года Джеффрай был для них колючкой в боку.

А теперь заменить его еще одним Дерини, который к тому же был прежде канцлером...

По закону, если епископы проголосуют, регенты ничего не властны изменить. Но кто мог поручиться, что регенты последуют букве закона? Ведь законы нарушались и прежде.

Камбер тяжело вздохнул и покачал головой. Ниеллан и остальные ждали его ответа. Спросив свой разум и душу, он понял, что для отказа у него не находилось веских причин. Факт оставался фактом, никто другой не сможет победить на выборах. Камбер станет претендентом, Элистер Келлен займет трон примаса Гвиннеда, а Камберу придется вновь испытывать судьбу.

Поднявшись, он перекрестил себя отяжелевшей рукой, повернулся и шагнул к ним. Епископы встали, и, увидев утвердительный кивок, все четверо опустились на колени и поцеловали его руку.

После недолгого обсуждения деталей епископы ушли. Только тогда Камбер отважился взглянуть на Джорема. Глаза его сына выдавали страсти, бушевавшие внутри.

— Я знаю, ты не одобряешь моего решения, — произнес Камбер.

— Чем сегодняшняя ночь отличается от остальных? — спросил Джорем. — Ты сделал свой выбор. Очевидно, на то у тебя есть веские причины, даже если они сведут тебя в могилу.

Камбер вздохнул.

— Да, возможно, ты прав. Но что еще оставалось делать? Это продолжается, Джорем, не так ли? Сначала одна ложь, потом другая, и так до тех пор, пока мы уже не в силах избежать своей участи. — Он пожал плечами. — Что ж, новый день расскажет о многом. Может быть, кто-то решит, что не хочет голосовать за архиепископа-Дерини. Это утешит, не так ли?

Джорем не мог удержать горделивой улыбки.

— Тебя, может, и так, но не Гвиннед. С совершенной объективностью...

— А ты, разумеется, объективен, — с улыбкой прервал Камбер.

— С совершенной объективностью, — повторил Джорем, отвечая улыбкой на улыбку Камбера, — ты действительно — самая подходящая кандидатура. Остается только надеяться, что у тебя достанет времени исполнить свой долг.

— Хотелось бы, — Камбер опустил глаза, потом посмотрел на Джорема более серьезно. — Я был бы рад, если бы Райс был здесь. Не хочу разлучать его с Ивейн на Рождество, особенно когда у них скоро должен родиться ребенок, но я уже не так молод, каким привык себя сознавать. Даже если все пройдет удачно (а мы знаем, как нечасто это бывает), следующие несколько дней обещают быть жаркими. Когда рядом Райс, мне

424 как-то спокойнее.

Джорем кивнул.

— Думаю, они с Ивейн согласятся. Кверон останется в доме на случай, если понадобится помощь. Мне привезти Райса?

— Нет, разбуди Анселя и пошли его с поручением. Еще одна причина, почему я хочу видеть Райса здесь, — это то, что Анселю будет лучше там. Он может помогать Кверону приглядывать за Ивейн, Отведи его к Порталу в соборе. Если вас увидят, можно сказать, что вы идете на молитву.

Джорем взял свой плащ михайлинца и накинул на плечи.

— Когда ты хочешь видеть Райса здесь?

— Пусть Ансель велит ему ехать верхом, — ответил Камбер. — Не хочу лишний раз показывать наше деринийское происхождение, используя Порталы. Даже если ему еще несколько часов поспать, он будет здесь до полудня. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь здесь заметил отсутствие Анселя. Они слишком заняты наблюдением за мной.

— По-моему, ты прав, — сказал Джорем, взявшись за дверную ручку комнаты Анселя.

Камбер благодарно посмотрел на сына, и Джорем вышел. Еще несколько секунд Камбер стоял и смотрел на закрывшуюся дверь, потом опустился в кресло у камина. Он долго любовался игрой пламени, и ко времени возвращения Джорема успел отчасти примириться со сложившимся положением дел.

* * *

На следующее утро епископы собрались по третьему колоколу — в тот час, когда Святой Дух сошел к апостолам в Троицын день. После мессы и уже привычных молитв о согласии было проведено голосование, как делалось изо дня в день в течение почти месяца. В круглой комнате присутствовали только

пятнадцать епископов. Через цветные стекла над их головами тускло светило декабрьское солнце. От выложенного плитками пола тянуло холодом, а мороз в сердце Камбера был еще сильнее.

В тишине каждый прелат подошел к серебряной чаше на алтаре и опустил свой сложенный бюллетень. После этого Зефрам Лордасский и Ниеллан, которые считали голоса на этот раз, достали все листки. Когда имя Элистера Келлена было упомянуто в первый раз, реакция Хьюберта была вполне ожидаемой.

— Один голос за Хьюберта Мак-Инниса, — продолжил Зефрам, готовый к скучной процедуре.

Ниеллан достал из чаши следующий бюллетень и ровным голосом огласил:

— Один голос за Хьюберта Мак-Инниса.

— Один голос за... Элистера Келлена! — едва удалось выговорить Зефраму.

Хьюберт приподнялся и, открыв рот, смотрел, как Ниеллан достает из чаши листок и разворачивает его уверенной рукой.

— Еще один голос за Элистера Келлена, — кивнув, произнес Ниеллан с совершенно непроницаемым лицом.

— Это невозможно, — забормотал Хьюберт, застывший в положении полусидя-полустоя, когда Зефрам в третий раз прочел:

— Элистер Келлен.

Ниеллан взглянул на бюллетень, который вынул и развернул Зефрам, и на имя, занесенное на лист.

— Хьюберт Мак-Иннис.

Когда он положил листок в первую кучку, Хьюберт едва заметно кивнул и присел на краешек кресла.

— Хьюберт Мак-Иннис, — прочитал Зефрам.

— Хьюберт Мак-Иннис, — повторил Ниеллан. А потом:

— Элистер Келлен... Элистер Келлен... Элистер Келлен... И так до тех пор, пока чаша не

опустела. Все бюллетени лежали двумя стопками, причем у Хьюберта было явно меньше.

— За Хьюберта Мак-Инниса — пять голосов, — мягко произнес Ниеллан, еще раз пересчитывая. — За Элистера Келлена... — Он перебрал бюллетени, потом еще раз, и все, находившиеся в комнате, считали вместе с ним.

— Десять голосов за Элистера Келлена, епископа Грелотского, — наконец произнес Ниеллан, поднимая глаза и обводя взглядом присутствующих. — Святой Дух помог нам. Возблагодарим Бога, мы избрали нового примаса Гвиннеда!

— Не может быть!

Возглас Хьюберта потонул в голосах восьми других, приветствовавших заявление Ниеллана. Когда архиепископ Орисс поднялся и сошел с помоста, чтобы первым преклонить колени перед Камбером и поцеловать его руку, остальные, отдавшие свои голоса за Камбера, тоже поднялись и присоединились к Ориссу, чтобы выразить свою преданность примасу.

Они закончили и встали по обе стороны нового архиепископа, а Хьюберт не покинул своего места. Зефрам и трое новоизбранных епископов присоединились к нему и теперь нервно переминались с ноги на ногу. На их лицах менялись оттенки неуверенности, беспомощности, разочарования.

Камбер медленно опустил руки на то, что было отныне его троним примаса, направив свой ледяной взгляд на поверженного соперника.

— Епископ Мак-Иннис, поверьте, я не стремился к этому сану, — примирительно сказал он. — Много недель прошло впустую. Прошлой ночью четверо наших братьев, включая и двух ваших бывших конкурентов, нанесли мне визит. Они сказали, что я единственный, кто может сплотить наше братство, и ради королевства и благосостояния нашей матери церкви просили меня принять их поддержку. Я не хотел соглашаться, зная ваше отношение ко мне и волю Его Вели-

чества, но в противном случае дело не сдвинулось бы с мертвой точки. В конце концов, я согласился принять их предложение, если Господь не пошлет другого решения. Очевидно, он не счел это нужным, и теперь я ваш законно избранный архиепископ и примас. Если вы не можете смириться со мной как с личностью, не отрицайте по крайней мере мое положение.

— Ни за что! — закричал Хьюберт, вскочив на ноги и глядя на Камбера и тех, кто поддержал его. — Вы не подчинились воле короля! Король и его регенты выбрали *меня* преемником Джеффрея, и вы знали это. Вашей *обязанностью*, обязанностью вас *всех* было поддерживать желание короля! Мы пятеро выполнили свой долг. А теперь мы удаляемся, чтобы сообщить о вашем выборе!

С этими словами Хьюберт, злобно расталкивая своих сторонников, выбежал из комнаты, четверка неуверенно последовала за ним.

Ниеллан повернулся к Камберу и почтительно поклонился.

— Итак, милорд архиепископ, — произнес епископ Дхасский, в первый раз обращаясь к Камберу официально, — по-моему, наиболее мудрым решением в сложившихся обстоятельствах было бы не откладывать церемонии восшествия на престол. Вы согласны, братья?

Остальные закивали и согласно забормотали, хотя многих нервировали угрозы Хьюберта. Ниеллан обернулся к Камберу и вопросительно поднял бровь.

— Элистер?

— Согласен.

— В таком случае, — сказал Ниеллан. — Сегодня канун Рождества. Я бы советовал провести церемонию завтра утром, собрав как можно больше свидетелей. Нельзя давать регентам время для размышлений. В собор набьется полно народу на рождественскую мессу, когда все услышат об избрании Элистера Келле-
428 на новым архиепископом, придет еще больше.

Камбер позволил себе слегка улыбнуться.

— Благодарю за уверенность в моей популярности. Однако следует отметить, что открытие собора повлечет ответные действия регентов, у которых все-таки будет время подумать и которые не обрадуются, узнав о моем избрании. Нелегко будет и удержать контроль над огромной толпой.

— Так же, как выступить против вас и остаться незамеченным, — произнес Дермот. — Даже регенты дважды подумают, прежде чем предпримут попытку воспрепятствовать вашему возведению на престол примаса при таком стечении народа.

Замечание Дермота было встречено одобрительным шепотом и кивками, и он продолжил.

— Нам следует принять меры предосторожности. Если бы я оказался на вашем месте, то вызвал бы графа Джебедию Алкарского и поручил ему охрану дома. По-моему, вы должны вызвать его в Валорет как можно скорее, если, конечно, знаете, где его найти. Мне кажется, никто другой не обеспечит вашу безопасность лучше и надежнее.

— Согласен с вами, — ответил Камбер. Он обвел взглядом остальных и обратился к Дескантору. — Кай, обычно я не прошу епископов быть моими посыльными, но не сообщите ли моему секретарю о случившемся и попросите его связаться с Джебедией? Он знает, как.

Он не собирался открывать секреты Деринийской связи, все и так знали, что секретарем Элистера Келлена был сын Камбера Кулдского. Более того, он просил епископа-Дерини передать послание. Его слова вызвали сначала улыбку, а потом тихий одобрительный смех Ниеллана. Камбер обвел всех взглядом Элистера Келлена, но необычно мягким, и задержался на Ниеллане.

— По-моему, я не должен был делать этого, не так ли? Что ж, господа, вы знали, что выбираете Дерини.

— Знали, ваша милость, — ответил Дермот с действительно теплой улыбкой. — Если хотите, я пойду и передам Джорему, хотя он, возможно, уже знает.

— Спасибо, — Камбер вздохнул. — А теперь, Роберт как единственный среди нас, кто был рукоположен в архиепископы, расскажите, что будет. Нам лучше заранее распределить роли в завтрашней церемонии.

Роберт Орисс поклонился и сел на указанный Камбером стул, остальные придвинулись ближе.

* * *

Остальные регенты восприняли новость об избрании Элистера Келлена еще агрессивней, чем Хьюберт. Ран, чьих ответных действий больше всего опасался Камбер, все еще был на учениях на Лендорском нагорье, испытать его ярость только предстояло. Однако Мердок и Таммарон с лихвой восполнили отсутствие Рана. Только Эван принял новость с известным достоинством и выдержкой, хотя и был недоволен.

Перед прибытием Хьюберта три регента и юный король в большом зале принимали прошения. Разумеется, присутствие Алроя было более формальностью, чем необходимостью. Дела решали регенты, а Алрой лишь безусловно подтверждал. Но присутствие короля было важно для создания образа правителя. Он был Халдейном, потомком великих королей династии Халдейнов. Просители должны знать, что встретят короля в замке и будут выслушаны. Значит, королевство находится в надежных руках.

Истинные же правители страны были тут же. Мердок и Эван важно восседали за украшенным богатой резьбой столом справа от Алроя, нарочито многозначительные в своих коронах и отделанных мехом одеждах. Таммарон в оплечье канцлера из золотых букв «Х» стоял слева от трона. Далее, по левую руку Алроя, уже не на возвышении, находился второй стол,

за которым писцы с выстриженными тонзурами склонялись над кипами пергаментных свитков и бумаг. Трое герольдов, одетых в ливреи, поддерживали порядок среди толпящихся просителей, ожидавших своей очереди.

Петиция, разбиравшаяся в тот момент, была самой заурядной, той, с которыми было принято ходить к королю на рождество; за утро было выслушано уже около полудюжины подобных прошений. Голос герольда, зачитывавшего петицию, звучал нудно. Король и регенты слушали жалобу Гилберта, серебряных дел мастера, на своего соседа Дикона Томпсона, пекаря, чей сын, не послушав наказов родителей, отважился ухаживать за дочерью Гилберта. Положение девушки, сложившей руки на округлившемся животе, было очевидно. Дело было самое рядовое. И решением короля молодые люди были обязаны пожениться.

В дальнем углу залы, у окна, выходящего на запорошенный снегом замковый двор и старую башню за ним, сидел принц Джеван со своим Целителем, они внимательно слушали все, хотя с виду казались равнодушными к делам. Тавис будто дремал, сидя на скамье у стены. Внимание Джевана было поглощено красным кожаным недоуздом, который он мастерил.

Однако и он, и Тавис использовали эти занятия, чтобы скрыть истинные намерения, — регентам не нравилось присутствие Джевана и Райса Майкла на судах или заседаниях Совета, если это не диктовалось необходимостью. Они считали, что незнание лучше всего может держать вспыльчивых принцев поодаль до тех пор, пока они не понадобятся.

Чтобы разгадать такую тактику, Тавису и Джевану не понадобилось много времени, еще меньше времени ушло на то, чтобы научиться бороться с политикой регентов. Поняв их игру, они не стали высказывать протестов. Они стали искать внешне невинные причины, чтобы быть там, где происходило нечто

важное, и обиняками давали понять окружающим и особенно тем, кто этого с нетерпением ожидал, как Джевана беспокоит его нога, и то, что принц недалек и простоват. Джевану это было не по вкусу, но в конце концов они с Тависом решили, что лучше способа не обращать на себя внимание регентов и продолжать набираться ума просто не придумать.

Поэтому они с Тависом по утрам, а порой на целый день уединялись в оконном алькове главного зала, наслаждались неярким светом зимнего солнца и выжидали, когда начнется что-нибудь интересное. Акустика в алькове была прекрасной, и тому, кто собирался просто слушать, а не смотреть, можно было не высовываться на обозрение всего двора.

Теперь Джеван и Тавис, как обычно, расположились у окна, нарочито безразличные к тому, что происходило в противоположном конце зала. Тавис оставался недвижим.

Джеван как раз приладил последний из нескольких тонких серебряных дисков к недоуздку. В этот момент двери распахнулись, и в зал влетел Хьюберт, сопровождаемый епископом Альфредом и тремя другими прелатами, чьи лица Джевану были знакомы, но по именам он их не знал. Джеван глазами показал Тавису на маленькую процессию, торопливо пересекавшую зал, не глядя по сторонам.

— Посмотри, здесь епископы, — шепнул Джеван, придвигаясь поближе к Тавису, чтобы иметь возможность подольше видеть их, прежде чем вошедшие скрылись за выступом стены. — Как по-твоему, они наконец выбрали архиепископа?

— Если так, то это явно не Хьюберт, — ответил Тавис, непроизвольно углубляясь в сознание епископа, в надежде прочесть кое-что. — О, Боже, да он зол. Я не стану уходить еще глубже, вдруг шпионы регентов наблюдают, но не желал бы, чтобы его гнев был направлен против меня.

Когда Хьюберт и его спутник скрылись из вида, Джеван пересел ближе к выходу из алькова и осторожно выглянул. По крайней мере несколько минут людям в зале будет не до них. Если подглядывать осторожно, его наверняка не заметят.

— Ваше Величество, — Хьюберт махнул головой Алрою, его спутники тоже кивнули. — Прошу меня простить за вторжение, но я должен переговорить с остальными регентами.

Свита Хьюберта осталась стоять на месте. Епископ знаком подозвал Таммарона, а сам перешел к Мердоку и Эвану.

Несмотря на хорошую акустику, ни Джеван, ни Тавис не могли разобрать слов Хьюберта, но Джеван видел, как он тряс головой, лицо Таммарона багровело, а Мердок почти зарычал:

— Они ... что?

Последовало бессвязное бормотание, потом Таммарон вернулся к Алрою и зашептал на ухо. От слов Таммарона у Алроя открылся рот, но затем он кивнул и снова сжал свой скипетр, обращаясь к просителям, все это время ожидавшим очереди и заинтересовавшимся происходящим.

— Господа, мы просим извинить нас, только что возникло обстоятельство, требующее нашего немедленного совещания с регентами. Если вы, уходя, оставите свои имена герольду, мы постараемся рассмотреть ваши петиции на следующий день после Рождества в должном порядке.

С этими словами король встал, а герольды стали подталкивать людей к выходу. Джеван быстро спрятал голову обратно в альков и широко раскрытыми глазами посмотрел на Тависа. Мимо их тайника уходили просители.

— Ты знаешь, что...

— Тс-с, — Тавис прижал палец к губам и на мгновение закрыл глаза. — Да, по-моему, имен-

но это я и слышал, но я хотел убедиться. — Он открыл глаза и посмотрел на Джевана. — Остальные епископы избрали Элистера архиепископом Валоретским,

Джеван сложил губы так, словно собирался присвистнуть. Теперь посторонние ушли, и они услышали, как Мердок и Эван вылезли из-за стола, и ноющий голос Мердока заговорил что-то насчет того, чего он не потерпит.

— Так давайте что-нибудь сделаем, — отвечал Хьюберт. — Давайте вызовем Ориэля и пошлем его за Раном...

— Не будем говорить об этом здесь, — раздался отрезвляющий голос Таммарона в гулкой тишине пустого зала. — Охранник, сходи за лордом Ориэлем. Ваше Величество, думаю, вам лучше вернуться в свои апартаменты. Это дело для взрослых.

Они слышали, что Алрой соглашается (неохотно, судя по интонации), а потом звук легких шагов. После этого затихли и голоса регентов, также покинувших зал. Когда Джеван снова решился выглянуть из-за угла своей ниши, в комнате были только писцы и два герольда.

Заинтригованный, принц повернулся к Тавису и произнес, испугавшись звука собственного голоса:

— Как по-твоему, что они собираются делать?

— Не знаю, — прошептал Тавис, — но я почти уверен, что мне это не понравится. — Он подумал секунду. — Хочешь, чтобы я попытался выяснить это?

— Ты можешь?

— Наверное. Если они, собираются поручить Ориэлю связаться с Раном, я смогу выведать у него побольше об их планах, но сам Ориэль не узнает об этом. Это будет хорошей тренировкой для общения с Райсом. Ты знаешь, он в Валорете, приехал сегодня рано утром.

— Правда? А почему ты ничего не сказал

— Вылетело из головы. Раньше я не видел связи. Теперь начинаю подозревать, что прошлой ночью Элистер знал, что его выберут, и послал за Райсом.

— Понятно, — задумчиво произнес Джеван. — Но давай пока оставим Райса. Что с Ориэлем? Ты действительно считаешь, что можешь читать в его памяти без его ведома?

— Не совсем «читать», а... ладно, не забивай себе голову. Когда-нибудь я попытаюсь объяснить тебе. — Он встал, заглянул за угол, поправил тунику, завернулся в плащ и посмотрел на Джевана. — Иди в свою комнату и оставайся там. Сошлись на нездоровье. Я присоединюсь к тебе, как только получится. Если не вернусь до наступления темноты, постарайся осторожно выяснить, почему. Это может означать, что меня раскрыли, и тогда только ты сможешь спасти меня.

— Я понял, — прошептал Джеван. — Будь осторожен.

— Хороший совет, — Тавис улыбнулся. — Я постараюсь следовать ему.

С этими словами он поклонился и не спеша зашагал через зал, раскланиваясь с писцами. Джеван взял плащ и недоуздок, медленно захромал в другую сторону и через парадные двери попал в крытый переход, ведущий в его комнаты.

Войдя с общую комнату, он застал там своего младшего брата и двух слуг, игравших в солдатики. Джеван остановился, поговорил с ними несколько минут, притворно не умея разобраться в смысле их игры, и показал самодельный недоуздок с серебряными дисками. Потом выдал свое нервное состояние за головную боль и отправился в свою комнату якобы вздремнуть.

Он стоял, привалившись спиной к резной дубовой двери, отделявшей его от брата и слуг, и дрожал, пока вдруг не понял, что его дрожь скорее от холода, чем нервной природы. Джеван отбросил страхи, затопил камин, устроился рядом, завернувшись в меха, и в самом деле задремал. Уже в темноте быстрый

стук в дверь возвестил о возвращении Тависа. Когда Целитель вошел и закрыл за собой дверь, Джеван приподнялся и сел на колени.

Лицо Тависа было многозначительно и несло следы напряженных трудов и усталости. Его бледно-голубые глаза горели, как аквамарины.

— Что ты выяснил? — спросил Джеван.

— Что регентов не очень волнуют архиепископы-Дерини.

Джеван озадаченно посмотрел на него, а Тавис опустился рядом с мальчиком и сел по-турецки.

— Спрятавшись, я ждал прихода Ориэля, — начал он устало. — Явился он мертвенно-бледным, казался лишившимся надежд и покоя. Они заставили его прямо там связаться с Дерини из отряда Рана. Ему часто приходится работать через связного, чтобы сохранить силы.

— Откуда ты знаешь? Он тебе сказал?

— Не в столь многих словах. Но я видел лицо Ориэля, когда он покидал комнату. А уловив его в коридоре, я узнал еще больше. В общем-то, в этом, не было ничего сложного. Разумеется, его защиты сразу же стали прочнее, но ему не удалось скрыть от меня всего, проблем у него хватало. — Он отвел глаза. — Хотел бы я вообще не читать в сознании Ориэля...

— Почему? Что ты узнал? — прошептал Джеван, а когда Тавис не ответил, в нем шевельнулось подозрение. — Тавис, что они заставили его передать Рану?

— Они передали ему смертный приговор, — ответил Тавис.

— Смертный приговор? Епископу Элистеру?

— Не совсем, хотя они говорили о такой возможности. Скажи, к какому Ордену принадлежит епископ Элистер?

— Ордену святого Михаила, — с готовностью ответил Джеван. — Но ты знаешь это!

— Да, — Тавис устало кивнул. — А к какому

436 Ордену принадлежал покойный Джеффри?

— Ордену святого Гавриила, — снова отозвался Джеван. — Тавис, что ты стараешься мне сказать?

— Еще один вопрос, — произнес Тавис, потирая лоб рукой, словно желая зачеркнуть воспоминания. — Подумай о главных крепостях этих Орденов, их расположении, а потом скажи, где теперь Ран и его войска.

— На Лендурском наго... — Голос Джевана сорвался, и ужасная догадка осенила мальчика. — Тавис, они ведь не станут разрушать монастырь святого Неота и Верхний Эйриал!

— По-моему, именно так они собираются поступить. У меня есть основания полагать, что Ран и его люди находятся в нескольких часах езды от каждой крепости, и все было спланировано заранее. Именно поэтому Ран так задержался на учениях — регенты предвидели результаты выборов и, возможно, ожидали этого предлога, чтобы разрушить ненавистные Деринийские крепости. Джеффрай был гавриилитом. Кроме того, гавриилиты учат других Дерини. Что же касается михайлинцев, то им и до этого приходилось туго, особенно после того, как Элистера лишили поста канцлера.

— Но мы не можем позволить им совершить это! — прошептал Джеван. — Это вопиющая несправедливость. Не Дерини выбирали Элистера. Нужно было десять голосов, так что семеро из них *не могли быть* Дерини. А винить во всем деринийские Ордена — это... это... это просто возмутительно!

— Я согласен. Однако они — хорошая мишень, если ты умеешь ненавидеть так же люто, как регенты. Подумай. Джеффрай мертв, значит, они ничего ему сделать не могут, но они могут сделать кое-что с его Орденом. Это месть определенного рода. А Элистер...

— Забудь об Элистере! Регенты собираются уничтожить оба Ордена, — прошептал Джеван. — Мы не можем просто так смотреть, как убивают ни в чем не повинных святых людей. Мы должны предупредить их!

Тавис задумался на минуту, потирая губы глянцевой кожей покалеченной руки, потом посмотрел на Джевана.

— Хорошо. У меня есть идея, которая может сработать, в то же время она разрешит еще одну проблему. Как ты себя чувствуешь?

— Что? Да, вроде бы, отлично.

— Нет, — ответил Тавис, взяв перо и пергамент, — ты чувствуешь себя ужасно. — Он коснулся лба мальчика, воскликнул громко и покачал головой. — Да тебя трясет в лихорадке или будет трясти к тому времени, когда это попадет по назначению, — добавил он, слегка улыбнувшись. Он обмакнул перо в чернильницу и начал писать.

— В самом деле, я очень обеспокоен твоим здоровьем, Джеван, хотя ни за что не сообщил бы этого нашим драгоценным регентам. Боюсь, они во всем обвинили бы меня. Но если я пошлю Райсу информацию, которую мне удалось собрать сегодня, прежде чем я вернулся и нашел тебя тяжело больным, ты думаешь, он откажется прийти на помощь?

Джевана осенило, и он неспешно кивнул.

Когда часом позже королевский слуга принес послание Тависа, Райс сидел, запершись с новым архиепископом и его секретарем. Там же были Джебедия и епископы Ниеллан и Кай. Вечерняя месса только что закончилась, и шестеро Дерини, легко поужинав, принялись за обсуждение нового сана Камбера и необходимых мер предосторожности.

К этому моменту возмущение регентов результатами выборов стало очевидным. К вечеру доверенное лицо епископа Эллина сообщило о событиях в большом зале. А все дальнейшее они легко могли представить. Следующие двадцать четыре часа станут решающими. Если им удастся обеспечить безопасность Элистера при вступлении на престол примаса и водворении в

438 Регентский совет в соответствии с законом, весь

деринийский народ получит дополнительный шанс спастись или по крайней мере оттянуть развязку.

Они были увлечены своей дискуссией, защищенные от вторжения человека или Дерини преградами Камбера, и не заметили приближения гонца, только осторожный стук в дверь прервал обсуждение.

— Кто бы это мог быть? — Камбер говорил со страхом и раздражением. Одновременно он поднял свои защиты, проверил, что его собеседники сделали то же самое, и мысленным приказом убрал преграды.

Когда Джорем пошел открывать, Камбер не встал и даже не повернулся, но использовал свои способности, чтобы установить, кто пришел. За дверью чувствовался мозг человека знакомого, но не связанного с какой-то конкретной личностью. Джорем открыл дверь и отступил в сторону.

— Райс, он хочет говорить с тобой.

Райс направился к двери, где ждал королевский слуга.

— Берtrand, не так ли? — спросил Райс. Берtrand нервно кивнул.

— Да, милорд. Священник внизу сказал, что я могу найти вас здесь. Надеюсь, я не помешал. Прошу меня извинить, ваши милости, — добавил он, обращаясь к трем епископам, повернувшимся взглянуть на него.

Райс подбодрил юношу улыбкой.

— Все в порядке, Берtrand. — Он заметил, что юноша держит свернутый и запечатанный пергамент. — Это послание для меня?

— Да, милорд. Меня прислал лорд Тавис от имени своего хозяина принца Джевана. — Он посмотрел на остальных и смущенно опустил глаза. — Его Высочество очень болен, сэр, — продолжал он тише. — У него лихорадка. Лорд Тавис услышал, что сегодня утром вы прибыли в Валорет, и надеется, что вы придете к Его Высочеству. Он поручил мне отдать вам вот это. — Он протянул пергамент. — Он очень просит вас прийти.

— Он *очень* просит меня? — спросил Райс, беря юношу за плечи и проверяя его сознание.

В тот же миг Камбер присоединился к зятю и увидел лицо Тависа, принца, бьющегося в лихорадке и в бреду раскидывающего одеяла, Тависа и юношу, вытирающих горящее тело Джевана водой из растопленного снега, Джевана, мечущегося и стонущего под руками Тависа.

Господи, что-то случилось с Джеваном!

Мгновение спустя Райс выхватил пергамент, который слуга все еще неуверенно держал в руках, пробежал пальцами по печати, убеждаясь, что послание было действительно от Тависа.

Камбер окинул взглядом остальных и установил с ними контакт, чтобы все могли узнать содержание письма, — сначала посмотрел на Джорема, потом — на Джебедию и после секундного колебания — на Ниеллана и Кая. Глазами Райса они видели, как разворачивается пергамент, и с растущим беспокойством прочли первые неровные строки послания.

«Из самых достойных доверия источников мне стало известно, что регенты планируют двинуться против гавриилитского и михайлинского религиозных общин на Лендорском нагорье. Сейчас там находятся барон Ран и его войска, которым отдан приказ начать действовать после избрания Элистера Келлен; детали мне не известны. Его высочество так ужаснула мысль о Возможном убийстве святых людей, что у него началась лихорадка, с которой я не могу совладать. Пожалуйста, предупредите архиепископа Келлена, пусть позаботится о своем Ордене, и поспешите мне на помощь. Жизнь принца Джевана зависит от вас».

Послание было подписано: Тавис О'Нилл.

ГЛАВА 24

Они грабили храм Божий, словно и не было мстителя.¹

 Господи! — прошептал Райс, сворачивая пергамент и в изумлении глядя на Камбера.

Мысленно он повторял слова послания, ненавязчиво подталкивая Бертранда к выходу.

— Пожалуйста, подожди меня за дверью, — попросил он. — Сейчас я к тебе приду. — Он затворил дверь и на несколько мгновений прижался лбом к полированной поверхности, затем отвернулся и подошел к камину.

— Мне кажется, Элистер, — промолвил он, опускаясь на колени у огня и вновь заглядывая в письмо, — нам лучше опять установить защиту. Если регенты узнают, откуда мы получили эти сведения, то Тавису О'Ниллу грозит большая опасность.

— Если только это письмо не их рук дело, — возразил Джорем.

Камбер покачал головой.

— Нет, едва ли. Вспомните, что говорил нам Джеффри о том, как вел себя Тавис после гибели Девина. Перечитай послание еще раз, может быть, увидишь там что-то новое, чего не заметил в первый раз?

¹ Псалмы 8:10

С этими словами он прикрыл глаза и усилием воли воздвиг защиту. Затем вновь оглядел комнату. Джорем с Джебедией встали по бокам от Райса, чтобы собственными глазами прочитать письмо Тависа; Ниеллан и Кай застыли в неподвижности, выжидая косясь на Камбера.

Когда Камбер поднялся с места, они подошли ближе, и Райс, обведя взором всех троих, произнес, обращаясь, большей частью, только к Камберу:

— Вы думаете, это ловушка?

Камбер скрестил руки на груди и медленно качнул головой.

— Сомневаюсь, чтобы он подверг риску жизни стольких наших людей, — промолвил он негромко. — Боюсь, он говорит правду о намерениях регентов, и в этом отчасти есть и моя вина. Мне не следовало принимать предложение и становиться архиепископом. — Он шумно вздохнул и посмотрел на Джорема. — Вот Джорем думает, что ничто на свете теперь не исправит содеянного, и он прав. Разрушение уже необратимо, но мы должны уменьшить его последствия. Ниеллан и Кай, вы поможете нам?

Старший из двух епископов быстро кивнул.

— Что мы должны делать?

— Пока, если возникнет необходимость, просто прикрывайте меня, — ответил Камбер. — Джорем и я отправимся в аббатство святого Неота и предупредим отца Эмриса. Джебедия, ты идешь в Верхний Эйриал и убедишься, что там никого из наших людей не осталось.

Джебедия кивнул.

— Там и так никого нет, но я проверю. Когда мы ушли, аббатство заняла другая община. Войска Рана могут и не обратить внимание на различие между михайлинцами и другим Орденом, если они хотят только крови. После Верхнего Эйриала я отправлюсь в

442 Моллингфорд. Это поблизости.

Пока Джебедия говорил, Джорем нацепил на себя меч, которого обычно не носил в относительно безопасном жилище Камбера.

Теперь он в возбуждении покусывал нижнюю губу, его серые глаза превратились в холодную сталь.

— Милорд, прошу меня извинить, но кое-что пока не ясно. Послание звучит не вполне убедительно.

— Вы думаете, это простая уловка?

Кая Дескантора прервал Ниеллан.

— Мне кажется, Кай, я понимаю нерешительность Джорема. Весьма выгодно вынудить Элистера двинуться против регентов...

Камбер обвел взглядом двух епископов и своего сына, вопросительно поднял пушистую бровь.

— Тебя это беспокоит, Джорем?

— Что-то похожее, ваша милость.

Райс покачал головой и бросил пергамент в камин, глядя, как тот сворачивается и занимается огнем.

— Я не слишком осведомлен о планах регентов, но точно знаю, что принц Джеван сильно болен. Какие бы ни были у Тависа мотивы, чтобы отправить мне это послание, Берtrand не может обмануть меня в этом. Вам самим решать, как поступать. А мое место сейчас возле Джевана.

— Я тоже так думаю, — согласился Камбер, поднимая плащ Райса и протягивая его ему. — Когда мальчик будет вне опасности, передай ему мои наилучшие пожелания, Райс. А мы будем молиться за то, чтобы болезнь оказалась просто детской, лихорадкой.

— Надеюсь, вы правы, — ответил Райс, взявшись за свою сумку, и направился к двери. Однако такой Целитель, как Тавис, не станет поднимать панику из-за ерунды. Может быть, он более обеспокоен тем, что узнал. Или, может быть, он в конце концов вспомнил, что он тоже Дерини. Преграды?

Когда он остановился у двери, Камбер улыбнулся и снял защиту.

— Удачи, сын мой. Наши молитвы будут с тобой.

— По-моему, вы в них нуждаетесь больше меня, — с улыбкой ответил Райс. — Я могу не вернуться до утра. Не ждите меня.

Когда он открыл дверь, Камбер увидел, что Берtrand взволнованно взглянул на Райса, но потом выражение на его лице сменилось облегчением, когда Целитель что-то тихо сказал ему. А затем дверь закрылась за обоими.

Пока Джорем и Джебедия прицепляли свои мечи, а Камбер возился с тяжелой, шитой золотом мантией, Ниеллан и Кай бесстрастно наблюдали, как их архиепископ накинул на плечи свое тяжкое одеяние и расправляет его.

— Элистер, что вы конкретно хотите от нас во время вашего отсутствия? — спросил Ниеллан.

— Если я не вернусь вовремя, отслужите за меня раннюю мессу, — ответил он. — Скоро начнется ночная служба. Если вам придется прикрывать меня скажите, что я нездоров и отдыхаю до утра. Мне говорили, что архиепископ Энском однажды использовал подобную отговорку, когда таким же рождественским вечером венчал Синхила и его королеву.

Он заметил улыбку Джорема: его сын вспомнил, что Камбер слышал об этом от самого Энскома.

Ниеллан согласно кивнул.

— Я понял. Мы сделаем все, что в наших силах. Я правильно понял, вы идете к Порталу?

— Да, он в комнатах Джеффрея, и о нем мало кто знает, — ответил Камбер. — К счастью, Эйлину не пришла в голову мысль поселить там кого-нибудь — это, знаете ли, было бы слишком бесцеремонно, — так что дело лишь за тем, чтобы отпереть замок и пройти незаметно. Если нас все-таки заметят, я скажу, что мы пришли помолиться в часовню Джеффрея, прежде чем занять его место. Если повезет, необходимости

444 оправдываться не будет.

— Надеюсь, вы правы, — пробормотал Ниеллан, когда Джорем открыл дверь и они с Джебедией выскользнули наружу. — Все же будьте осторожны, Элистер.

— Именно так я и собираюсь поступить, — ответил Камбер, криво улыбнувшись. — И пусть это будет нашим общим намерением. Да поможет нам Бог, друзья мои.

Он хотел было обнять обоих мужчин за плечи, но Ниеллан ловко поймал его руку и, опустившись на колени, прижал ее к губам. Кай сделал то же самое. На это Камбер ничего не мог ответить, он только положил руки на склоненные головы и благословил их.

В комнату заглянул Джорем, позвал его, и Камбер вышел. Они быстро и бесшумно шли по коридору, навстречу никто не попался. Подойдя к апартаментам Джеффрая, Камбер склонился к замку, а двое других оглядывались по сторонам. Им никто не мешал. Несколько секунд спустя они оказались в покоях архиепископа, и Джорем зажег маленькую лампу, освещая темную и холодную комнату. Камбер сделал то же самое и велел своим спутникам следовать за ним.

Часовня помещалась в довольно просторном алькове, выходившем в спальню, от нескромных взглядов ее скрывала занавесь. Отодвинув ткань, Камбер увидел, что алтарь был по-прежнему пуст, так как после смерти Джеффрая святые дары были перенесены в собор. Тонкий слой пыли покрывал пол, скамью у алтаря и сам алтарь, но слабый запах ладана еще витал в воздухе.

Камбер нечасто бывал здесь, но то место вызывало в нем самые живые воспоминания. Задолго до того, как он стал Элистером Келленом, Камбер приходил сюда на помощь Энскому Тревасскому, предшественнику Джеффрая, умершему двенадцать лет назад. Энском спрятал его в этой самой комнате, велел другому священнику выполнять его обязанности, пока они с Камбером будут венчать Синхила и Меган, родителей нынешнего короля и его братьев.

Камбер мысленно вернулся по длинному коридору лет и вздохнул. Джебедия стоял на квадрате Портала между скамьей и алтарем, его темные глаза тревожно светились.

— С вами все в порядке? — беспокоился он.

— Все хорошо, — ответил Камбер, сжимая руку Джебедии и уверенно кивая. — Просто вспомнил былые времена. Договоримся, что тот, кто вернется первым, будет ждать остальных?

— Хорошо. Вы оба будьте осторожнее!

— Смотри, сам выполни свой совет, — улыбнулся Камбер. — Да поможет тебе Бог, Джеб.

— И вам тоже. Надеюсь, Тавис не сыграл с нами злую шутку.

Согласно кивнув, Камбер отступил и смотрел, как Джебедия положил руку на рукоять меча и закрыл глаза. Через мгновение Джебедии уже не было. Вздохнув, Камбер повернулся к Джорему.

— Райс и я уже проделывали такое путешествие, только из другого Портала. Мы вышли в ризнице аббатства святого Неота. — Он заметил стоявший у алтаря посох Джеффрая и осторожно поднял его. — Как ты думаешь, Джеффрай не будет против?

— Почему он должен быть против? Это твое, — ответил Джорем, взяв расшитую митру и протягивая ее Камберу. — Кроме того, если понадобится, посох станет прекрасным оружием. А теперь нагнись, я надену на тебя митру. Когда мы без предупреждения явимся к отцу Эмрису и его братьям, тебя ни с кем нельзя будет спутать.

— А почему ты решил, что в этом я не стану желанной целью для людей Рана? — поинтересовался Камбер, ступая на квадрат Портала вместе с сыном, который потушил лампу, жутким сиянием освещавшую их приготовления.

Они вошли в давно знакомый контакт и мгновение спустя стояли уже в другой темноте,

тускло освещаемой мерцающей лампадой под красным стеклянным колпаком.

Было совершенно тихо, и они не спеша огляделись, встречая знакомые, очертания и вдыхая знакомые запахи. Не было никаких признаков сражения, но не было и ощущения ужасной тишины свершившегося злодеяния. Это скорее было похоже на покой молитвы с беззвучным шепотом голосов, вызывающих к Богу.

Облегченно вздохнув, Камбер направился к открытой двери ризницы, сопровождаемый Джоремом. Он немного пригнулся, чтобы митрой не задеть деревянный косяк двери, вышел в коридор с мозаичным изображением святого Гавриила на стене и остановился. Если не считать тусклого света лампад и свечей, алтарь ничем не освещался. Повернувшись к храму в неф, Камбер увидел спину отца Эмриса у нижней ступени хоров. Где-то перед ним располагался источник серебряного сияния, освещавшего ряды скамей позади Эмриса.

Вечерняя служба завершила уставные часы молитв, и две ровные цепочки монахов, священников, Целителей и нескольких старших учеников потянулись с хоров к центру, чтобы выразить свое почтение аббату и затеплить свечи. Камбер и Джорем видели, как каждый возвращается с зажженным огоньком в ладонях и опускается на колени: молящиеся все полнее уходили в самоотрешение, и серебристые огоньки в руках меняли цвет, у каждой свечи все заметнее становился собственный, неповторимый оттенок. Это была уникальная способность Дерини, но сейчас Камберу было не до любования волшебной картиной, и он нетерпеливо шагнул к Эмрису. Неужели все эти хорошо обученные Дерини не заметили его прибытия?

Камбер увидел, что один из священников наконец-то заметил его и что-то шепнул Эмрису на ухо. Старый Дерини кивнул, но не повернулся и продолжал подавать огонь своим духовным де-

тям, словно появление епископа Грекотского, а теперь и архиепископа Валоретского на вечерней мессе в Рождество было будничным делом.

Камбер ждал, размышляя, солгал или сам обманулся Тавис, сообщив о нападении. Из-за стен часовни доносились неясные звуки, но предчувствия чего-то враждебного, рокового не было, хотя где-то на краю сознания шевелилась тревога. Возможно, это был лишь плод воображения.

Он дождался, пока последний гавриилит зажжет свечу от огня своего наставника, и с облегчением вздохнул, когда Эмрис обернулся и низко поклонился. Подгоняемый нетерпением, Камбер подошел, быстро преклонил колени перед лампадой и позволил Эмрису поцеловать свое кольцо.

— Вы все в большой опасности, — произнес он, знаком веля остальным подойти поближе и собраться на ступенях вокруг. — Барон Ран и его люди идут сюда, чтобы разрушить аббатство и убить тех, кого найдут. Мы подозреваем, что Верхний Эйриал и Моллингфорд тоже в опасности, а возможно, и другие крепости. Вы должны немедленно уходить.

Эмрис кивнул, казалось, не ведая ни волнения, ни растерянности.

— Я опасался, что вы принесете такие новости, ваша милость. В течение нескольких недель мы видели солдат поблизости от обители и удивлялись, почему люди короля так долго задержались на учениях. Теперь все ясно.

— Значит, Тавис не солгал, — пробормотал Камбер. — Отец Эмрис, вы готовы защищаться?

— Защищаться? Нет. Несмотря на любое сопротивление, барон Ран уничтожит центр Деринийского обучения, если уж он вбил это в свою голову. — Он обернулся к братии. — Мы уходим немедленно, дети мои.

Каждый знает, что ему делать. Идите в ризницу

448 и уходите. Порядок вы знаете.

Когда он замолчал, люди начали строиться по двое, учителя и ученики, все еще со свечами в руках. Три священника быстро подошли к алтарю, отодвинули завесу из венецианской парчи и стали выносить обрядовую священную утварь.

Через западные двери в церковь ворвался ученик в сопровождении кучки послушников и мирян и бросился к хорам.

— Отец настоятель, нас атакуют! Там около пятидесяти рыцарей и вдвое больше вооруженных людей. Они ломают внешние стены. Брат Гиллис и лорд Дов убиты!

— Да поможет нам Бог, мы опоздали! — прошептал Камбер, до боли в пальцах сжимая свой посох.

Эмрис был готов действовать, однако лицо старика стало бледнее его кипенной сутаны.

— Не так уж и поздно для кое-чего. Стивен, — обратился он к ученику со своей обычной выдержкой, — пусть братья опустят решетку на воротах, а потом возвращаются в храм. Через Портал должно уйти как можно больше людей.

Юноша побежал исполнять приказ, а Эмрис встал между Камбером и Джоремом и взял их под руки, направляясь к двери ризницы. Камбер, ошеломленный только что услышанным, взглянул на Эмриса.

— Вы не станете сопротивляться?

— Чего мы этим достигнем? Только покажем, что Дерини используют свое могущество, чтобы убивать людей? — ответил Эмрис. — Ваша милость, мы Орден наставников, Орден Целителей. Мы поклялись не причинять зла даже в целях самозащиты.

Теперь в церковь дюжинами входили монахи и мирские слуги, странно спокойные для мужчин, вынужденных безоружными противостоять силе.

— Идемте, ваша милость, — Эмрис настойчиво стиснул руку Камбера. — Мы готовы исполнить то, что должны, но солдатам нельзя видеть здесь

вас. Еще некоторое время высокий сан сможет вас оберегать, и еще многое вы успеете совершить, но только если будете живы и на свободе.

— Они всех перережут, как ягнят! — воскликнул Камбер.

— Некоторых — да. Но, возможно, только убийство части из нас сохранит чистое имя Ордена святого Гавриила в истории. Ни один член нашего Ордена не причинил человеку вреда своим могуществом. Мы должны показать, что так будет и теперь, когда угрожают нам. А теперь, пожалуйста, идите! Ваше присутствие задерживает тех, кто может спастись, потому что они не станут пользоваться Порталом прежде вас.

Большинство младших учеников уже прошли мимо Камбера, присоединяясь к другим монахам, Целителям и священникам. Несколько дюжин остались баррикадировать двери, уже затрещавшие под натиском с другой стороны. На западе небо полыхало багряным заревом, ярким, как закат. Камбер понял, что солдаты подожгли замечательное здание аббатства святого Неота, превратив его в факел.

Подавив вздох, Камбер позволил отвести себя в ризницу, где его ждал Джорем, стоя у Портала и нервно поигрывая рукоятью меча, — в отличие от гавриилитов, михайлинцам не запрещалось убивать, если это делалось в целях обороны. Приближаясь, Камбер видел, как расступаются гавриилиты, освобождая для них с Джоремом путь к Порталу.

В глазах Камбера стояли слезы, когда он занял место рядом с сыном и поднял свой посох в прощальном благословении тем, кого, вероятно, никогда больше не увидит. Потом закрыл глаза, склонил голову и позволил Джорему перенести их обратно через головокружительную пустоту Портала. Первые крики прорвавшихся внутрь храма солдат мгновенно оборвались, они снова оказались в безопасных апартаментах Джеф-

А там, в ризнице святого Неота, старый и слабый деринийский аббат готовился предстать перед солдатами, убивавшими его учеников и братьев. Соединяя руки и мозг с Целителем Кенриком, Эмрис оградился прочными защитами, препятствуя тем, кто сейчас крался вдоль нефа. Он чувствовал, как братья спешат мимо, чтобы затем исчезнуть в Портале по двое, по трое сразу, и знал, что никогда больше не увидит их, для него не будет спасения.

До его ушей донесся сильный шум и звон бьющегося стекла. Эмрис слышал, как вокруг с грохотом ударялись о пол камни и лопались стекла окон. Он уловил хруст тонкой деревянной резьбы, уничтожаемой солдатами, и сквозь закрытые веки почувствовал красные сполохи — храм святого Неота был подожжен. И все же деринийские защиты Эмриса и Кенрика действовали, продолжали поддерживать иллюзию, которая заставила солдат верить, что они пробираются козьими тропами и воображаемая липкая грязь вынуждает с трудом поднимать ногу для каждого шага.

Гром разрушений тем не менее приближался. Эмрис открыл глаза, и иллюзия пропала, Теперь захватчики были в середине нефа, встречаемые лишь безоружными учениками и наставниками, своими телами преграждавшими путь солдатам. Эмрис огляделся по сторонам, увидел, что большинство братии ушло через Портал, и подтолкнул к нему Целителя.

— Иди в Портал Дхассы, Кенрик. Отец Юрис будет держать его открытым, пока ты не попадешь туда. Потом Портал нужно превратить в ловушку. А у меня осталась последняя задача.

— Хорошо, отец настоятель. Да поможет нам Бог, — пробормотал Целитель, и слезы стекали по его щекам, когда он целовал руку старика.

— И тебе тоже, сын мой. А теперь иди!

Как только Целитель вошел в Портал и исчез, Эмрис опустился на колени рядом с ним,

нащупывая камень под ковром. Он слышал тяжелые шаги за стеной, крики людей, бегающих по храму, лязг оружия. Эмрис не поднимал головы, собирая все жизненные силы, чтобы разрушить Портал. За мгновение до того, как топор рассек ему затылок, он был уже мертв, а задача его выполнена.

Ещё от порога забрызганный кровью Ран Хортнесский увидел, что старый священник мертв, и скомандовал отбой — аббат сделал свое дело, а он опоздал. Ран хотел через Портал догнать хотя бы нескольких из ушедших Дерини, а также связаться с Валоретом.

Даже если бы солдатский топор удалось задержать, все равно было уже поздно. На квадрате Портала сломанной куклой лежало безжизненное тело старого аббата, и тонкая струйка крови стекала на ковер, указывая плиту Портала. Позже, когда его люди убили всех, кого смогли отыскать, и приступили к методичному разрушению самого аббатства, Ран убедился, что Портал окончательно выведен из строя. Был приведен один из двух деринийских пленников, которые путешествовали с ними в цепях. Этот Дерини смирился со своей участью, потому что его жена и сыновья оказались в заложниках, но, проверяя состояние Портала, он ползал по окровавленному ковру и плакал.

Следующий час захватчики ломали, крушили и грабили. Несмотря на все свои старания, они не смогли свалить огромный главный алтарь, но сломали тонкую резьбу по его бокам, разбили каменную глыбу жертвенника, пополам и бросили на нее изуродованное тело убитого монаха, и снежно-белый мрамор оросила кровь.

Негодяи не пощадили часовни Богоматери с ее прохладными сверкающими панелями синего стекла по стенам и богатыми украшениями, не пожалели и часовни святого Камбера в северо-восточном углу нефа. Статую деринийского святого сбросили с пьедестала и обезглавили, откололи руки, выламывая

украшенную драгоценными камнями корону Гвиннеда, символизирующую прозвище Камбера — «Взраститель королей». Даже по выложенной мозаикой полусфере, на которой стояла статуя, прошли дубины и булавы. Позолоченная резьба алтаря испытала особо неистовую ярость вандалов, потому что имя святого Дерини Камбера надлежало стереть, если не из памяти, то хотя бы с лица земли. Военные топоры и дубины до тех пор крушили алтарь, пока только изображение могло подсказать, что раньше там было написано «*Jubilate Deo + + + Sanctus Camberus*». Изящные деревянные створки, которые вырезались годы, пылали; скоро в угли должно было обратиться все, что не было уничтожено оголтелой солдатней.

Храм полыхал, как огромный факел, а разрушители, взглянув на дело рук своих, взобрались на лошадей и двинулись. Искры летели в полночное небо. До самой зари буйствовал пожар в аббатстве святого Неота.

Двое Дерини, закованные в кандалы, ехали вместе с Раном и его воинством. В одном из этих двоих, в отличие от всех его братьев, кроме негодования и ужаса, жила в ту ночь и мстительная радость. Пленник Рана никогда не расскажет своему ненавистному хозяину о послании мертвого аббата на разрушенном Портале, о предупреждении Эмриса, которое будет жить до тех пор, пока жива эта земля.

«Берегитесь, Дерини! Впереди опасность! Из сотни братьев остался я один, чтобы своими слабыми силами попытаться разрушить этот Портал, прежде чем он будет осквернен. Скройтесь, братья. Защитите себя, Дерини. Люди уничтожают то, чего не могут понять. Святой Камбер, спаси нас от страшной злобы слепцов!»

ГЛАВА 25

**«День нашего царя!» —
говорят князья,
разгоряченные до болезни вином,
а он протягивает руку свою
к кощу нам.¹**

Хотя позже сам Камбер сочтет это недостаточной победой, все же в какой-то мере Святой Камбер сумел помочь братьям из обители Святого Неота в минуту губительной опасности, ибо если бы не своевременное предупреждение Элистера Келлена, из монахов мало кто уцелел бы в тот день. Когда спустя несколько часов Камбер все же решился навестить в Портал аббатства, то обнаружил там лишь прощальное послание последнего настоятеля и вновь убедился в правоте его слов: *люди уничтожают то, что неспособны понять.*

В Верхнем Эйриале и в Моллингфорде Джебедеи довелось убедиться, что непонимание это еще глубже, чем им казалось. Судя по всему, прежде чем напасть на монастырь Святого Неота, Ран разделил свои войска и совершил бросок против двух михайлинских обителей, нанося таким образом удар по Элистеру Келлену. И там, и там предупреждение Тависа пришло слишком поздно.

Правда, оба аббатства давно уже не принадлежали михайлинцам: те передали их другим Орденам, однако солдаты Рана не знали этого, или не придали никакого значения.

Несчастные монахи, с радостью занявшие обители своих собратьев, приняли смерть от рук солдатни прямо во время работы или молитвы, не успев даже осознать, в чем их вина. Когда Джебедия оказался там, то обнаружил лишь дымящиеся развалины и горы трупов, но не рискнул предать их земле их страха, что его обнаружат случайные мародеры, бродившие по окрестностям.

В Валорет он вернулся вскоре после полуночи и сразу встретился с Камбером, который дожидался его. Джорем, покуда доступ к Порталу еще оставался свободен, отправился в Шилл, чтобы предупредить Ивейн и Анселя о последних событиях. Камбер, пока они ждали его возвращения, коротко поведал о гибели аббатства.

Ивейн ожидала рождения дочери в конце января, и потому была вынуждена остаться дома с Квероном, Анселем и двумя младшими детьми, хотя ей очень хотелось поехать с мужем, когда она узнала об избрании Камбера. Дюжины слуг, как считали они с Райсом, хватит, чтобы обеспечить ее безопасность.

Но теперь Камбер сомневался в этом, а еще больше тревожился за Эйдана, первенца Райса и Ивейн — Эйдана, который жил у внука сестры Камбера в Трурилле. Если безумие этой ночи продолжится, любой Дерини, а особенно родственник святого Камбера, станет желанной целью регентских войск.

— И, к несчастью, с Эйдрианом Мак-Лином можно связаться только обычным способом, — объяснил Камбер, меряя шагами маленькую молельню. — Моя сестра Айслин никогда не была замужем за Дерини, поэтому в Трурилле не построили Портал.

— Ее мужу не нравилась такая идея? — спросил Джебедия.

— Нет, просто не было необходимости, Когда мы были молодыми, она пользовалась старым Порталом графства Кулди, если хотела навестить нас в Керрори, но она бывала у нас не часто. У нее была своя жизнь, трое подрастающих сыновей и обязанности графини и жены Иаина Мак-Лина. Но в любом случае Портал в Кулди больше недоступен. Ты знаешь, что земли семьи Мак-Рори переданы брату Хьюберта Мак-Инниса, не так ли?

Джебедия открыл рот и покачал головой.

— Я не знал о графстве Кулди, даже не думал об этом. Достаточно и того, что они забрали Керори. — Он задумался, потом продолжал. — А ваша сестра, она еще жива?

— О да. Она была младшей из нас пятерых, на пять лет младше меня. У меня есть еще одна сестра, которой под восемьдесят. Она аббатиса в монастыре святой Нильды в Картмуре. Прости, но я думал, ты знаешь.

Джебедия снова покачал головой, озадаченная улыбка тронула его губы.

— Вы забываете, я не слишком хорошо знал Камбера Мак-Рори, пока он не стал Элистером Келленом. А эта Айслин, она не может быть женой нынешнего графа Кирнского?

— Нет, это ее старший сын, его тоже зовут Иаин. Двое братьев ее мужа мертвы, но у них остались дети.

— Значит, она живет со своим сыном и его семьей?

— Нет. Со своим внуком Эйдрианом и его семьей. А сына Эйдриана, который на год старше моего внука, тоже зовут Камбер. Все зовут его Камлин, сокращенно от Камбера Эллина.

— Понятно. — Джебедия задумался на мгновение и опять посмотрел на Камбера. — Вы хотите, чтобы Ивейн забрала только Эйдана, или уйдет вся семья?

— Надеюсь, они все уйдут, — ответил Камбер. — Я бы не стал утверждать, что в Трурилле, особенно

456 так близко от Кулди, будет безопасно.

— А где *будет* безопасно?

Камбер устало опустил на колени на скамью перед алтарем и потер глаза.

— За Кудским нагорьем есть монастырь. Он называется монастырь святой Марии-на-Холмах. Более века назад слуги нашей семьи, не-Дерини, основали его. Я наказал Джорему послать их туда. Обитель находится в епархии епископа Грекотского, так что я мог официально следить за делами в ней. Новый епископ о ней знать не будет. За оградой монастыря мало кто знает о его существовании.

— Ясно. — Джебедея задумчиво потер подбородок. — А вы не боитесь за Ивейн? Путешествовать зимой по Гвиннедской равнине в ее положении...

— Конечно, я беспокоюсь, Джеб, — он вздохнул. — Но пусть уж лучше они будут там на свободе, чем останутся здесь мишенью для регентов. Кроме того, Ансель и слуги будут оберегать Ивейн и детей, Кверон может разрешить акушерские проблемы, а дороги Гвиннеда вполне сносны. Другого выбора нет. Эйдриан и Мэйри ни за что не отпустят Эйдана ни к кому, кроме члена семьи.

— Это одновременно и успокаивает, и сулит известные неудобства, — произнес Джебедея, снова покачав головой. — А как насчет Джорема и Райса? Если уж дело дойдет до этого, разве и они не станут мишенями?

— А разве каждый из нас — не цель, если дело дойдет до беды? — возразил Камбер. — Нет, придется смириться со своей судьбой. Кстати, о Райсе, по-моему, лучше вернуться в мои комнаты, на случай, если он уже вернулся. Меня волнует принц Джеван. Кроме того, я подозреваю, что теперь Ниеллан и Кай уже закончили мессу и им не терпится узнать о происходящем. Жаль, не в нашей власти принести им хорошие новости.

— А как же Джорем?

— Я уверен, что он остался проследить за отъездом Ивейн и остальных. Как только сможет,

он присоединится к нам. Сейчас меня больше волнует Райс. Надеюсь, ему больше повезло, чем нам.

* * *

Покинув комнаты Камбера, Райс следовал за Берtrandом к боковому выходу из резиденции архиепископа. Держась замковых стен, они дошли до маленькой калитки в огромных южных воротах, у юноши был ключ от нее. Оттуда они попали в заснеженный замковый двор, пройдя который, оказались у перехода, соединявшего западную стену большого зала с королевской башней. После чего оставалось только миновать узкие переходы и подняться по лестнице к комнатам Джевана. Когда паж отворил нужную дверь, бледное лицо Тависа, склонившегося над бившимся в лихорадке мальчиком, обратилось к Райсу.

— Когда это началось? — спросил он, положив руку на горячий лоб Джевана.

— Около трех часов назад. Он весь горит. Рвота, судороги. Пару раз мне казалось, что он близок к смерти. Если бы я знал наверняка, то сказал бы, что его отравили.

Райс тщательно осмотрел мальчика и покачал головой.

— Нет, прослеживается нарушение баланса, но это не отравление. Что он ел?

Тавис ополоснул тряпицу в чаше с холодной водой, которую держал слуга, и стал вытирать содрогающееся тело.

— Ничего необычного, все, как в другие дни. Прошлой ночью у него были симптомы простуды, но утром он казался вполне здоровым и даже тогда, когда я оставил его в зале сегодня днем.

— Сейчас он даже слишком нездоров, — произнес

Райс, исследуя руками тело Джевана и качая головой.

— Берtrand, подай, пожалуйста, мою сумку.

С этими словами Райс приподнял сомкнутые веки Джевана и заглянул в зрачки, потом порывлся в сумке.

— Итак, прежде всего нам нужно сбить лихорадку. У вас найдется немного вина, чтобы высыпать туда вот это?

— Берtrand, налей, пожалуйста, — приказал Тавис, указывая на графин и небольшие бокалы на маленьком столе рядом с камином. — Это сладкое вино, именно такое он пьет обычно. Если хочешь, я могу принести другого.

— Нет, это совершенно все равно. Это всего лишь талисил. Я удивлен, почему ты еще не давал его.

— Я давал, — ответил Тавис, наблюдая, как Райс открывает пергаментный пакетик и высыпает содержимое в протянутый Берtrandом бокал. — Хотя, очевидно, мало. К некоторым лекарствам он особенно чувствителен. Боялся переборщить.

Покачав головой, Райс взболтал вино в бокале, обмакнул палец, облизнул, сморщившись, и велел Тавису приподнять голову Джевана.

— Оно горькое. Но попробуем. С талисилом трудно переборщить. Вот так, малыш, — произнес он, когда Джеван машинально осушил бокал. — Хороший парень. А теперь его нужно укрыть. Посмотрим, сможем ли мы сбить лихорадку. По-моему, он скоро начнет потеть.

Следующие несколько минут ушли на то, чтобы укрыть Джевана кипой одеял. Почти час оба Целителя ухаживали за больным, передавая свою энергию для борьбы с недугом. В конце концов на лбу и верхней губе мальчика выступили первые капельки пота, потом он взмок весь и наконец заснул сном выздоравливающего. Когда Райс и Тавис сменили влажные простыни и завернули мальчика в более легкие одеяла, Тавис усталым взмахом руки отпустил слугу спать и опустился в кресло рядом с кроватью.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Райс, — сказал он, покачав головой и проводя рукой по глазам. — Я не скрываю, что был напуган. Не припомню, чтобы когда-нибудь раньше так беспокоился за него.

Слегка улыбнувшись, Райс занял кресло возле Тависа и со вздохом облегчения стал разминать шею.

— Ты просто не привык иметь дело с детскими болезнями. Моего старшего сына нередко так же вот лихорадило. Теперь он это перерос, хотя немного младше Джевана.

Тавис недоверчиво фыркнул.

— А вот у Алроя, несмотря на его слабое здоровье, никогда не бывает такого. — Он потянулся, зевнул, взял кувшин с вином и открыл крышку. — Чувствую себя так, будто я из *себя* выгонял лихорадку. Хочешь вина? Обычно я не пью сладкого, но сейчас нет сил посылать за другим.

— Пойдет и сладкое, — сказал Райс, кивая Тавису и вспоминая другой вечер. Тогда вино пили принцы, слуги и Тавис, причем последний не по своей воле.

Он помнил, что и тогда вино было сладким фианнским. Размышляя, он смотрел, как Тавис отставил свою чашу и поднялся, чтобы проверить Джевана. Райс выбрал именно это вино отчасти, чтобы угодить детям, а отчасти, чтобы скрыть запах и цвет наркотиков, которые он подмешал в вино. Возможно, у этого вина букет даже богаче и тоньше, решил он, делая глубокий глоток, потом еще один.

После второго глотка, продолжая смаковать вино во рту, он обратил внимание, что Тавис сел, но к своей чаше не притронулся. Он, кажется, вовсе не собирался пить. Сидел, откинувшись на спинку кресла, и довольно поглядывал на Райса.

Райс опустошил чашу и только теперь заметил едва ощутимый металлический привкус в этом фианнском вине. Внезапно он понял, чем был так доволен

460 Тавис.

— Что ты мне дал? — прошептал он, поставив чашу на подлокотник кресла, и сделал неудачную попытку справиться с легким шумом в затылке.

Тавис приподнял бровь, встал на ноги, подошел к своему плащу, достал маленький стеклянный пузырек и склонился к Джевану.

— Это причинит тебе не больше вреда, чем то, что ты дал мне однажды, — произнес он, приподнимая голову спящего Джевана и выливая содержимое флакона ему в рот.

— А что я дал тебе? — едва выговорил Райс, зная, что Тавис имел в виду ночь смерти Синхила, и опасаясь предполагать, что Тавису слишком многое стало известно. — Что ты имеешь в виду? И что ты даешь Джевану?

— Это частичное противоядие тому, что пил ты, — ответил Тавис. — К несчастью для тебя, это все, что у меня было. Как раз достаточно, чтобы избавить его от того, что мы... что *ты* имел неосторожность однажды дать ему. — В конце концов он сел на край кровати. — Я помню, что случилось в ночь смерти Синхила, Райс. Я не помнил раньше, но помню сейчас. И этот мальчик помог мне.

Он указал на Джевана, веки которого начинали подрагивать: он приходил в себя.

— И теперь принц хочет знать, что случилось тогда с ним. Я помогаю ему в этом.

— Ты, должно быть, сошел с ума! — прошептал Райс, стараясь выбраться из кресла, но только опрокинул свою чашу — ноги не держали его.

Чаша разлетелась на куски, а он упал на четвереньки, перед глазами все плыло. Теперь он удивлялся, как не понял этого раньше.

Болезнь Джевана была подделкой, выдумкой Тависа, чтобы заманить его сюда. Райсу уже трудно было мыслить связно, тело отказывалось повиноваться. Добравшись до целительных точек в сознании не удавалось.

Райс чувствовал, что его защиты рассыпаются даже без вмешательства Тависа, и знал, что очень скоро все его существо будет открыто для досконального осмотра Тависа. Он был не в силах сдвинуть секретную информацию на более глубокие уровни, одним из первых наркотики Тависа разрушили механизм сообщения между уровнями.

Воспоминания о смерти Синхила были спрятаны, но не слишком глубоко для Тависа, знающего, что искать. Вероятно, личности членов Камберианского совета было не установить, но нельзя было скрыть факт его существования. А информация о новом таланте Целителя была вообще наверху. Из всех его секретов, возможно, только правда о Камбере была похоронена так надежно, что Тавис не отыщет ее.

Изо всех сил стараясь удержаться и продолжая следить за Тависом, Райс увидел, как тот склонился над Джеваном, который застонал и попытался сесть, ухватившись за тунику Тависа. Когда он встретился взглядом с холодными, обретающими ясность глазами принца, то понял, что обречен. В этом ребенке не было жалости. Райс чувствовал, что мышцы все менее послушны и он не в силах сохранять ясность в голове.

— Тавис, ты сделал это, — прошептал Джеван, стараясь сесть повыше и глядя на Райса. — Он засыпает?

Тавис закутал мальчика в меховую накидку, подошел к Райсу и принялся втаскивать его обратно в кресло.

— Он не совсем спит, это больше похоже на полубессознательное состояние. Он слышит нас, но реагировать не может. Его защиты разрушены.

Заинтригованный, Джеван просунул руки в рукава и придвинулся к краю кровати. Тавис с сомнением посмотрел на мальчика, свесившего с кровати ноги, но оказалось, он мог довольно твердо держаться на ногах.

Джеван добрал до кресла, осторожно протянул

462 руку и коснулся левой руки Райса.

— Он совсем холодный, Тавис. С ним все в порядке? Я не хочу причинять Райсу вреда.

— Наркотики немного понижают температуру, — ответил Тавис, стягивая с кровати одеяло и укрывая им беспомощного Райса. — Я постараюсь быть как можно осторожнее, но, видимо, *придется* причинить боль, если мы хотим выяснить все, что ты желал узнать. Усаживайся в кресло напротив него. Уверен, что с тобой все в порядке? Разумеется, наркотики на человека действуют не так сильно, но...

— Беспокоиться не о чем. Меня совсем немного мутит. — Джеван забрался в кресло и наблюдал, как хлопочет Тавис, он приподнял веко своей жертвы, и одобрительно кивнул сам себе, — Теперь ты сможешь читать его память?

— Да, думаю, он уже готов.

Тавис, не торопясь, обошел кресло и остановился за спинкой, поддерживая затылок Райса. Он потрогал лоб Целителя, прижал голову к своему животу, а покалеченную руку положил на шею с левой стороны.

Под действием наркотиков ровный пульс стал реже. Тавис уверенно установил контроль Целителя над телом Райса, не испытывая никакого сопротивления. С глубоким вздохом он ушел из обыденного сознания и начал поиск в мозгу Райса.

Обычно неодолимые защиты разлетались, как клоузы тумана, и он все глубже и глубже уносился в лорда Райса Турина.

События той ночи Тавис нашел по своему присутствию в них, вызвав к жизни историю с вином по собственным воспоминаниям о ней. На поверхность всплывали подробности и рецептура снадобья Райса. Тут Тавис обругал себя за то, что пропустил один важный компонент.

При этом он был все-таки более Райсом, чем Тависом. Открылся и еще один существенный факт. Оставив Тависа спящим у камина и проверив

принцев, Райс пошел к гардеробу, где за потайной дверью скрывался Джорем Мак-Рори!

Тавис увидел, как Джорем поднял Джевана, а Райс — Алроя, и последовал за священником по узкому темному коридору, освещенному единственным зеленоватым огоньком, плавившим перед ними. Они вошли в личную часовню Синхила, где Райс опустил спящего Алроя на келдишский ковер, лежавший в центре комнаты возле маленького столика. Он узнал, что Джорем, положив Джевана у стены, снова исчез в потайном коридоре, но он не видел этого, потому что в то время Райс с закрытыми глазами стоял на коленях возле Алроя, положив руку ему на голову, и касался контрольных точек, которые были неизвестны Тавису. Когда Райс открыл глаза, Ивейн протягивала ему влажную губку, распространявшую резкий знакомый запах. Протерев мочку Алроя и проткнув ее иглой, переданной Ивейн, он вдел знакомую рубиновую серьгу, которую подал... Синхил!

Теперь Райс был на коленях возле Джевана и делал то же самое, только серьга была из золотой крученой проволоки, ее Джеван не снимал. Странно, что раньше Тавис не обращал внимания на то, откуда она взялась...

Со спящим Райсом Майклом все было проделано в третий раз. После этого Райс вернулся к Алрою, положил руку на его лоб и передал контроль над ним Джорему.

Епископ Элистер тоже был в центре комнаты и, подойдя совсем близко, обменялся несколькими словами с королем. Однако в это время Райс был самоуглублен и не обращал внимания на то, о чем они говорили. Спустя мгновение Алрой открыл сонные, помутневшие глаза, а Райс и Джорем помогли ему сначала сесть, потом подняться.

Райс быстро подошел к Ивейн, стоявшей со свечой в руке, она поцеловала его и отпустила к двум спящим мальчикам. Когда Райс уселся между ними, Та-
464 вис понял, что теперь события в центре комна-

ты воспринимались Райсом через какой-то барьер, это Джорем замкнул магический круг вокруг тех, кто был в центре комнаты.

Ошеломленный, Тавис едва не потерял контакт. Раньше он никогда не думал, что в ту ночь могло произойти вмешательство волшебства. Ему никогда не приходило в голову, что другой Целитель может иметь иной, отличный от его собственного взгляд на применение магических ритуалов.

Однако, наблюдая за тем, что случилось дальше, он понял, что это было не обычным магическим ритуалом, но высшим деринийским волшебством. Четверо Дерини, Синхил и его сыновья собрались той ночью именно с этой целью, и мальчиков заставили забыть именно об этом. Не удивительно, что они с Джеваном не могли восстановить память!

Над каждым принцем поочередно внутри магического круга совершалось какое-то странное действие, и каждому мальчику Синхил клал руки на лоб, словно благословляя, и делал... что-то. После этого его сыновья теряли сознание, и их выносили из магического круга к Райсу.

Джеван вторым прошел обряд, но о нем Тавис узнал не больше, чем о совершенном над его братьями. С каждым разом Синхил становился слабее, и Райсу приходилось вливать энергию в его тело, они оба знали, что приближают кончину короля. Синхил в третий раз упал без сил, и Райс уже ничем не мог помочь. Король умирал и хотел, чтобы только Элистер и Джорем были рядом.

Когда в круге остались два священника и умирающий Синхил, епископ и Джорем отслужили последний обряд. Элистер и Синхил говорили недолго, и Элистер приказал Джорему прорубить в круге ворота, а потом круг исчез, и он понял, что Синхил мертв.

Эта последняя часть была какой-то странной, словно в дымке. У Тависа появилось чувство, **465**

что не хватало чего-то очень существенного. Он вышел из сознания Райса и покачал головой, встревоженный и испуганный странностью того, что ему удалось узнать. Все это было волшебством и все-таки...

— Что это было, Тавис? — прошептал Джеван. Тавису пришлось прочистить горло, прежде чем он вымолвил только одно слово.

— *Магия.*

— Магия? — воскликнул принц. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — произнес Тавис, глубоко и осторожно вдыхая, — что те, кого мы подозревали, — Райс, Ивейн, Джорем и епископ Элистер — вместе с твоим отцом совершили магический ритуал в ночь его смерти. — Он снова глубоко вдохнул. — В этом участвовали все: ты, Алрой и Райс Майкл. Поэтому вам и дали дурманящее снадобье, чтобы вы стали более восприимчивыми и забыли об этом до тех пор, пока не придет время.

Джеван с шумом проглотил слюну и еще более испуганно взглянул на Тависа.

— Время для чего?

Вздыхнув, Тавис пожал плечами.

— Не могу сказать тебе этого. Даже в *его* памяти я не сумел отыскать значения всего совершенного с вами. Другие проделывали это, Райс находился вне магического круга, присматривая за тобой и твоими братьями. — Он посмотрел на спокойное, неподвижное лицо Райса, чье сознание пребывало во сне под действием наркотиков, и снова покачал головой. — К сожалению, что-то не верится, чтобы нам удалось узнать у него дополнительные подробности.

— А почему нет? Ты не можешь проникнуть глубже?

— Только с риском для нас обоих. Читать воспоминания — это одно, а искать ответы, принципы, идеи — совсем другое. Ты же говорил, что не хочешь, чтобы зло, причиненное ему, было необратимо.

— Нет, не хочу. Но как мы узнаем, что случилось со мной, если он не может или не хочет сказать этого? — раздраженно спросил Джеван.

Тавис задумчиво потер подбородок покалеченной рукой.

— Возможно, воспоминания Райса не так уж важны, — ответил он. — Разве ты не видишь? Я прочитал *его* воспоминания, но *ты* один из тех, с кем это случилось. Он находился вне круга и был занят другими вещами. Он не видел подробностей...

— Но, Тавис, я не могу вспомнить...

— Теперь нет, — ответил Тавис. — Но, может быть, сейчас я догадываюсь, как помочь вспомнить. Кто лучше тебя самого знает, что произошло.

Джеван устался на Целителя, потом выбрался из кресла и схватил Тависа за руку.

— Когда, Тавис? Когда мы сможем сделать это? Сейчас?

— Нет, позже. Через несколько дней, когда наркотики выйдут из твоего организма.

— Но с Райсом наркотики помогли тебе, — пробормотал Джеван, снова опускаясь на край кресла, и надул губы. — Я не понимаю.

— Для этого нужны твои осознанные усилия и контроль. Я обеспечу поддержку тебе, когда придет время, но это совсем другая работа. А теперь посиди спокойно. Я хочу проверить еще кое-что, прежде чем его защиты снова поднимутся.

Снова погружаясь в сознание Райса, Тавис обратился к его воспоминаниям о Девине Мак-Рори, который приходился Райсу племянником со стороны жены, и выяснил, что Райсу было известно о смене ролей Девина. Однако, как Тавис ни старался, он не узнал, кто еще участвовал в этом.

Зато именно Райс сделал Девина непохожим на Дерини! Райс нашел способ блокировать деринийские способности в любом Дерини!

Тавис выяснил все о многочисленных попытках обучить этому других и столь же многочисленных неудачах, а потом... Ухватил неуловимый ключ!

Он вышел из контакта и опробовал находку, подбирая необходимое усилие. Он обнаружил нужный рычажок у себя в мозгу и, еще не коснувшись его, понял: он может повторить то, что умел только Райс.

Однако еще важнее была причина, по которой Райс хотел обучить других своей способности. Он узнал о Реване, живущем с виллимитами в ожидании Целителя, который сможет осуществить план Райса и... каких-то других, неясных; план, возникший после смерти Синхила: спрятать хотя бы часть расы Дерини от преследований, начавшихся разгромом Деринийских религиозных Орденов. Тавис сам дал знать об этом Райсу. Епископ Элистер, Джорем и Джебедия должны были передать остальным. Только ни Райс, ни Тавис еще не знали, успела ли кому-то помочь эта горькая весть.

Оставалось еще многое сделать, так многое...

Но вот в конце концов Тавис окончательно покинул сознание Райса, оставив его во власти сна. Открыв глаза, он увидел Джевана, стоящего босиком возле него. Ухватив его за локоть, мальчик своими серыми глазами с тревогой вглядывался в лицо друга.

Тавис в изнеможении опустил руки. На вопрос Джевана он толком не смог ответить, а только заверил, что все удалось, и велел мальчику ложиться спать, оставив объяснения на утро.

Сам он провел ночь в кресле рядом с Райсом, пристально наблюдая за Целителем.

ГЛАВА 26

**И сказал: возложите на голову его
чистый кидар, — и возложили
чистый кидар на голову его
и облекли его в одежду;
Ангел же Господень стоял.¹**

Рассвет рождественского дня 917 года был серым и промозглым; почти над всей гвиннедской равниной сыпался легкий снег. Камбер встретил зарю у окна своих покоев при валоретском соборе, весь во власти тревоги за дочь, которая сейчас, в эту самую метель, пробиралась в обитель Святой Марии на Холмах, к безопасности.

Утешало хотя бы то, что с ней были Кверон и Ансель, готовые в любой момент защитить женщину и оказать ей медицинскую помощь, и все же в ее положении решиться отправиться в путь, да еще в такую погоду, было сущим безумием — вот только у них не было иного выхода! Вот если бы она разрешилась от бремени, прежде чем двинуться в дорогу, если бы бегство могло подождать до весны!..

Если бы, если бы ... Он поймал себя на том, что раз за разом перебирает все те же глупые мысли и сожале-

¹ Захария 3:5

ния. Если бы Синхил протянул подольше ... если бы король выбрал в наставники сыновьям не таких алчных и недалеких людей ... если бы регенты были более терпимы ...

Но ничего этого не произошло, и теперь Камберу и его соратникам не оставалось ничего другого, кроме как пытаться станцевать свою партию в этой мрачной пляске смерти, постоянно сознавая неотвратимость столкновения лицом к лицу, в котором победу неминуемо одержат регенты, на стороне которых законная сила и народ, в массе своей настроенный против Дерини. Начало было положено в аббатстве Святого Неота и в двух других обителях. Возможно, были и другие жертвы, но о том знает только Бог и регенты. А вдруг он ошибался, понадеявшись, что все давно позабыли о существовании монастыря Святой Марии, и тот был разрушен, подобно святому Неоту? Что если Камбер послал дочь и внуков на верную смерть?

Отгоняя прочь эти бесплодные опасения, он мысленно вернулся к положению здесь, в Валорете. Несмотря на ранний час, на соборной площади стояла внушительная толпа. Людские ручейки втекали под своды храма. Следы множества ног пятали снег, превращали его в грязь. Гвардейцы архиепископа, возглавляемые теперь Джебедией, заняли места у входа в резиденцию и по обе стороны дороги от главных ворот до собора. Где-то там был и новый начальник стражи. Джорем тоже проверял охрану собора, он занялся этим, как только вернулся из Шилла.

Райс еще не вернулся, хотя Камбер и Джорем ждали его к заутрене. Камбер заставил себя вздремнуть в последние предрассветные часы, Деринийской тренировкой восполнил то, чего не принес короткий сон, и все же не обрел хорошего самочувствия. Он ждал, что Райс пошлет хотя бы весточку, если сказал, что не следует его ждать. Неужели Джеван был так болен? А ведь
470 он наследник престола.

Качая головой, Камбер отвернулся от окна, причиной опоздания Райса могли быть и враждебные происки и его захват. До полуденной мессы у архиепископа не было официальных обязанностей — Роберт Орисс и Дермот О'Бирн предложили провести две первых службы, как это сделал Ниеллан в полночь, — но он не решился начать розыски. Апартаменты наследника престола недоступны для деринийского епископа, который занял место, предназначенное Хьюберту.

В соседней комнате послышался шорох, и вскоре появился Джорем с кипой документов, требовавших подписи перед возведением на архиепископский трон. После этого они с Джоремом должны были заняться утренним туалетом без помощи слуг — Анселя теперь не было, а внимание посторонних они не хотели привлекать.

Все время находились какие-то дела, время близилось к полудню, а известий от Райса так и не было. Камберу становилось все более не по себе. Райс никогда прежде не был легкомысленным. Он знал, что Камбер и Джорем будут беспокоиться. Почему же не подал о себе весть?

В то время когда Камбер любовался рассветом, Райс начинал медленно приходить в себя — это было какое-то туманное, двухмерное состояние, прежде не знакомое и тревожное. Его шея не гнулась, а голова тяжело клонилась на грудь и набок. Когда он постарался поднять ее, одновременно поднимая руки, ничего не получилось. Запястья были прижаты к креслу, в котором он сидел, и словно невидимая веревка привязывала его на уровне груди. Воспоминания о прошлой ночи вернулись так быстро, что он едва не застонал от ужаса, однако стон удалось подавить.

Притворяясь спящим и стараясь дышать размеренно, Райс приказал телу расслабиться и начал оценивать свое состояние. Он сразу понял, что еще не избавился от действия наркотиков, которые дал

ему Тавис. В голове шумело, внутри все болело, но он больше не был во власти зелья. Если только Тавис очень не постарается, защиты снова нерушимы, однако это вовсе не значило, что Райс в состоянии предпринять активные действия. И, разумеется, если Тавис даст новую дозу...

Обуздав моментальную вспышку паники, он постарался как можно точнее определить, что Тавис с ним сделал. Его способности Целителя первыми исчезли под действием наркотиков и восстановятся последними, для них требовался особенно прочный баланс. Он знал также, что на время его способность двигаться была потеряна, зато восстановились простые уровни сознания. Но Райс не мог выяснить, к каким воспоминаниям обращался Тавис, и это пугало. Учитывая то, что другой Целитель проник в его мозг с единственной целью — читать его память, Райсу приходилось признать, что попытка удалась, и Тавис узнал всю историю с вином и наркотиками, а значит, и о ритуале в часовне.

Об этом он беспокоился меньше, из всех участников событий той ночи Райс был единственным, кто не точно представлял себе происходившее в круге. Разумеется, он догадывался, но защитная дымка почти скрывала то, что творилось внутри, и не пропускала звуков. Еще большее облегчение принесло ему сознание того, что Тавис, вероятно, не понял огромного значения действий, увиденных в памяти Райса, хотя участие Джевана в конце концов подтолкнет его искать ответы на свои вопросы в принце. Райсу потребовалась вся сила воли, чтобы признать — сейчас он во власти Тависа, решавшего его участь.

Неожиданно он почувствовал прикосновение к виску и даже в своем сумеречном состоянии понял, что это Тавис, Райс не реагировал на прикосновение, притворяясь спящим, но знал, что не сможет обмануть Целителя. Веселый смешок Тависа известил, его

472 притворство раскрыто. Райс открыл глаза и при-

поднял голову. Оказалось, смотреть прямо на Тависа труднее, чем он предполагал.

— Я рад, что ты решил не играть со мной, — произнес Тавис. — Как самочувствие?

Облизывая губы языком, который казался непомерно большим, Райс смотрел на Тависа, казавшегося таким далеким; во рту была отвратительная сухость, его тошнило.

— Черт бы побрал тебя и твое вино! — с трудом выдавил Райс. Его внезапная бледность заставила Тависа поднести чашу с водой к его подбородку, предупреждая приступ рвоты.

На мгновение Райс потерял сознание, придя в себя, он почувствовал прикосновение салфетки, которой Тавис вытирал его рот. Он сидел с закрытыми глазами, стараясь справиться с тошнотой и ужасным металлическим привкусом во рту. Наконец Райс ощутил уверенную руку Тависа на своей шее и что-то прохладное у губ.

— Что это? — Райс открыл глаза и отстранился от протянутого бокала.

Бледные глаза, двумя аквамаринами сверкали на усталом лице королевского Целителя, его губы шевелились, складывая неожиданно добрые слова.

— Это просто средство от тошноты и ничего больше. Даю слово.

— Ну, разумеется, — прошептал Райс. — А ночной напиток был просто вином.

— Я ничего не обещал тебе насчет того вина. А если ты не станешь пить это по собственной воле, я применю те отличные приемы, которым научился у тебя, чтобы заставить. И мне даже не придется для начала бить тебя в живот. Ну, что ты выбрал? У меня вовсе нет настроя вытирать за тобой еще раз.

Тавис был готов выполнить свое обещание, в этом Райс не сомневался. Новый спазм в желудке подсказал, что умнее всего подчиниться, поэто-

му он едва заметно кивнул, подался вперед и заставил себя выпить содержимое бокала четырьмя решительными глотками. Слегка мятный привкус показался знакомым, эти травы издавна применялись Целителями.

Райс закрыл глаза и сосредоточился, заставляя желудок усвоить выпитое.

Когда он снова открыл глаза, обнаружив, что вздремнул, Тавис и Джеван стояли у окна. Принц, видимо, недавно проснулся, волосы его были взлохмачены, а глаза, выглядывавшие из меховой накидки, в которую он кутался, были еще сонными. Тавис что-то выразительно доказывал ему, но слов еще не отошедший от наркотиков Райс не разбирал. Мальчик оценивающе поглядывал на Райса.

Спустя несколько минут Джеван, а за ним и Тавис подошли к нему. Принц взглянул на Райса с безразличием совсем не мальчика, словно за одну ночь он повзрослел. От этого взгляда Райсу стало не по себе.

— Итак, в ту ночь вы и остальные совершили надомной магический ритуал, — сказал Джеван.

Райсу не было нужды спрашивать, какая ночь имеется в виду. Он только надеялся убедить мальчика в отсутствии злого умысла и в том, что со временем тот поймет их побудительные причины.

— Неужели это так плохо? Мы не хотели ничего дурного. Ваш отец никогда бы этого не позволил.

— А что он позволил? — мягко произнес Джеван. — Тавис сказал, что вы были вне круга, и он не смог прочитать, что там творилось и зачем. Я... стал другим, Райс. Я считаю, к этому причастны Джорем, Ивейн и Элистер.

— И ваш отец, — напомнил Райс, не решаясь отводить взгляд от лица мальчика, чтобы не потерять тот неполный контроль над собой, который ему удалось обрести.

Мгновенная вспышка нерешительности мелькнула на лице Джевана.

— Мой отец. Да, я знаю, он был там. Но мне интересно, он действовал по собственному желанию или по вашему?

Райс не понял, что насторожило Тависа, но тот внезапно указал Джевану на дверь. Принц подошел к ней, ни о чем не спрашивая, постоял, прислушиваясь, и кивнул, когда слышался звук приближающихся шагов.

В то же мгновение Тавис сжал виски Райса руками, глядя ему прямо в глаза.

— Прости, что приходится так поступать с тобой, но у меня нет выбора. Если Райс Майкла хочет войти сюда, я не могу запретить этого, а тебе не могу позволить поднять тревогу. Я научился и этому твоему умению и использую его против тебя, согласишься, такого ты не ожидал.

Райс понял Тависа, и одна часть его существа застыла от ужаса, а другая сделала бесстрастный логический вывод — перед ним еще один Целитель, овладевший прежде неуловимой способностью.

В одно мгновение все деринийское, что с таким трудом восстанавливал Райс все утро, пропало, и он стал обыкновенным человеком. Оцепенев, он чувствовал, как его тонкий высокоорганизованный мозг покрывает короста. Сознание Райса среагировало на еще одно прикосновение Тависа, а потом погрузилось в состояние, похожее на сон, но со способностью слышать происходящее вокруг.

Невидимые веревки соскользнули с его запястий и груди, а тело еще глубже провалилось в кресло. Он не мог понять, почему Тавис сохранил ему слух, почему выбрал сходство с нормальным сном, вместо того, чтобы лишить сознания. Если бы только удалось закричать, если бы он мог двигаться, видеть. Его зрения не было.

— Джеван, тебе лучше? — зазвенел голосок. —
Доброе утро, лорд Тавис.

Голос принадлежал Райсу Майклу. Райс услышал «тс-с» старшего принца и шаги на цыпочках его брата.

— Да, все прекрасно. Лорд Райс пришел прошлой ночью помочь Тавису, они вылечили меня. Сейчас он спит, постарайся не беспокоить его. Тавис говорит, что он просидел со мной всю ночь.

— О, знаешь, мы подумали, что ты все еще нездоров, и сходили на утреннюю мессу без тебя, а потом позавтракали. Ты знаешь, что они творят?

— Кто это они?

— Епископ Хьюберт и другие регенты. Они не стали говорить об этом со мной, но Алрой сказал после завтрака, что как только начнется полуденная месса, солдаты окружают собор. Если епископа Элистера будут возводить на престол, Алрой и регенты возьмут всех в плен и заставят провести новые выборы. А меня туда не пустят. Алрой говорит, я еще маленький. Если регенты узнают, что он рассказал мне, то сойдут с ума. — Он вздохнул. — Они никогда ничего мне не позволяют.

Следующие несколько минут Райс Майкл болтал о пустяках, но Райс почти не слышал его. Он старался решить, как отсюда выбраться и предупредить Камбера. Перед уходом Райса Майкла Джеван предусмотрительно сообщил, что чувствует себя не очень хорошо и весь день пробудет в постели. А уставший мозг Райса отказывался думать и не подсказал никакого выхода.

— Ну что, Райс, ты слышал? — Тавис коснулся его лба, позволил открыть глаза и вернул ограниченную способность двигаться, хотя Деринийских способностей не возвратил.

Райс осторожно приподнялся в кресле и посмотрел на второго Целителя. Джеван тоже смотрел на своего друга, словно не был уверен в его планах. Внезапно Райсу пришло в голову, что его страдания нелепы, — он, обыкновенный человек, мучается от отсутствия способностей Дерини, которых у человека никак не может быть. Это было похоже на бред.

— Тавис, не играй со мной. — Он старался говорить как можно ровнее. — Я правильно понял, регенты собираются атаковать собор во время провозглашения Элистера архиепископом?

— Я так понял.

— И ты собираешься позволить? Неужели ты не понимаешь, что это значит?

Джеван нахмурился.

— А что еще это может значить, кроме того, что епископы должны исполнять волю короля? Мой брат дал понять, кого желает видеть архиепископом. Епископы не смели идти против.

Райс покачал головой и сразу же пожалел об этом, стараясь преодолеть волну головокружения, вызванную неосторожным движением.

— О, Боже, как они вас вышколили, — произнес он. — Джеван, если регенты сказали так, то они солгали. Король высказывает пожелание, и очень часто епископы принимают предложения короны, но ни королевский, ни церковный закон не обязывает синод. Вы тоже считаете, что Хьюберт Мак-Иннис должен стать новым примасом Гвиннеда?

— Нет! Я ненавижу его, — прошептал Джеван. — Но король имеет право...

— Это не право короля! — с отчаяньем в голосе прервал Райс. — Регенты могут заставить вас поверить в это, но только ради своей личной выгоды, а не в интересах королевства. Обратитесь к *закону*, Джеван!

Джеван опустил глаза, потом нерешительно взглянул на Тависа.

— Он говорит правду? Таков закон?

Тавис смотрел на Райса. Королевский Целитель, должно быть, считывал мысли в мозгу собрата, но Райс не чувствовал этого. Так вот каково быть слепым. Слава Богу, он говорил правду.

— Он так и думает, — ответил Тавис. — А вопрос с епископом Хьюбертом довольно важен.

Несколько недель назад ты сам сказал, что не хочешь, чтобы его избрали архиепископом.

— Но слово короля...

— Пусть прозвучит оно для того, кто избран, — преврал его Райс, впервые с тех пор, как он очнулся, перед ним забрезжила надежда. — Хьюберт Мак-Иннис вовсе не сдержанный человек, Вы знаете это. Я догадываюсь, чья то была идея — громить деринийские религиозные дома, и сильно удивлюсь, если Хьюберт не имеет к ней отношения. Если сегодня вы позволите регентам переступить закон, то не сможете воспрепятствовать тому, что случится завтра. Если король, обладающий всей полнотой власти в мирских делах, не приемлет решений духовенства в делах церковных, наша вера очень скоро превратится в пустую скорлупу, маску, которая будет прикрывать деспотию.

— Мой брат не деспот! — горячо возразил Джеван.

— Нет, но регенты таковы. И еще больше года они будут держать бразды правления в своих руках. Если Алрою улыбнется удача, то королевство сохранится до его совершеннолетия.

Джеван посуровел.

— Тавис, это правда?

Во время всей речи Райса Тавис был сосредоточен. Он протянул руку и, закрыв глаза, коснулся лба Райса. Он снова считывал мысли, забираясь на этот раз еще глубже.

Райс не шелохнулся под рукой Целителя, только горячо молился о том, чтобы не осталось в тайне его искреннее желание открыть истину, важную для каждого из них. Тавис открыл глаза, скрестил руки на поясе и резко вздрогнул.

— О, Боже, как бы я хотел, чтобы он лгал, но он не лукавит, Джеван. Если регентов не остановить сейчас, то в будущем их уже ничто не остановит. Райс считает, что они намерены уничтожить всех Дерини до последнего. Прошлая ночь даже не была нача-

лом. Перед этим они предпринимали более тонкие маневры.

— Мы можем остановить их? — спросил Джеван. Тавис покачал головой.

— Я не знаю, как.

— Я знаю, — ответил Райс. — По крайней мере я знаю, как попробовать.

— Как? — выпалил Джеван, даже не давая Райсу договорить.

— Разрешите мне пойти и предупредить Элистера, — произнес Райс, подаваясь вперед. — Возведение на престол нельзя остановить, но можно устроить так, что народ узнает правду и регенты не отважатся открыто выступить против Элистера. Епископы выбрали полуденную мессу, потому что она самая многочисленная. Если епископов предупредить заранее, мы сможем выиграть.

Джеван поджал губы.

— Вы просите слишком многого, Райс Турин. Фактически вы хотите, чтобы я предал своего брата.

— Это не предательство, — возразил Райс. — Алрой не виноват. У него скверные советчики. Если Элистер получит возможность взойти на престол архиепископа Валоретского и примаса Гвиннеда, он займет место в Регентском совете, и другие четверо не посмеют этому воспрепятствовать. Ваш отец хотел, чтобы он был регентом. Неужели вы забыли, как его вышвырнули? Элистер был канцлером при вашем отце. Вы считаете, что он будет хуже служить вашему брату?

— Как услужил при помощи магии? — вмешался Тавис. — Райс, я все еще хочу знать, что в действительно-сти произошло в ночь смерти короля Синхила.

— Ты же видел...

— Нет! Я видел твои воспоминания. Я все еще не могу судить, чему стал свидетелем и зачем это было нужно. Если бы ты рассказал нам...

— Почему бы просто не выжать это из моего сознания? — воскликнул Райс, негодуя от дотош-

ности Тависа. — Напичкай меня наркотиками, которые ты клялся применять только для лечения, а потом смело ныряй в мой мозг! Возможно, ты найдешь, что ищешь!

Райс понимал, что с этой минуты ему нечего рассчитывать на милосердие того, кто убил в нем Дерини, но ничего не мог с собой поделать. Джевана ошеломила метаморфоза их пленника. А Тавис молчал, и бесполезно было надеяться прочесть что-то в его лице.

Только одним мог утешиться Райс: если взбешенный Тавис последует его совету и грубо вторгнется в разум, лорд Турин очень скоро покинет этот опасный и жестокий мир. Но он недооценил Тависа. Королевский Целитель, оставаясь незаметным Райсу, неотрывно читал в его сознании и не видел расхождения слов и мыслей.

Спокойно, словно ничего не случилось, Тавис обернулся к Джевану и церемонно, как подобает царедворцу, обратился к нему:

— Мой принц, до сегодняшнего дня я вводил вас в заблуждение. Райс говорит правду. С вашего позволения я освобожу его и отпущу предупредить епископов.

— Прямо так и поступишь? — прошептал Джеван.

— Так и сделаю.

Джеван сдержанно кивнул, а Тавис повернулся к Райсу и протянул к нему руки. Райс устало откинулся в кресло и позволил коснуться себя.

— Надеюсь, ты знаешь, как все вернуть на свои места, — пробормотал он, закрывая глаза. Райс падал в темноте.

Внутри возник голос Тависа. Казалось, он шел откуда-то издалека.

— Сейчас мы это проверим, не так ли?

А потом внезапно появилось внутреннее зрение, восстановилось до прежнего уровня. С недоверчивой улыбкой, которая переросла в смешок, он от-
480 крыл глаза и увидел, что Тавис в испуге отступа-

ет назад. Джеван наблюдал за ними, и выражение его лица описывалось лучше всего словом «потрясение».

— Все в порядке? — вымолвил принц. Кивнув, Райс выпрямился и начал вставать, потом, подумав немного, уселся обратно.

— Мне пока далеко до нормы. Не худо приготовить противоядие вчерашним порошкам. Ты не обманывал меня, Тавис, когда поил им Джевана? Больше не осталось?

— Нет, но я успел смешать еще порцию. Хотя разом это снадобье не исцелит.

— Но состояние улучшит. Сделай все, что можешь. Кстати, сколько сейчас времени?

— Третий колокол отзвонил, — ответил Джеван, с интересом наблюдая, как Тавис роется в своей сумке. — Значит, около одиннадцати. По-моему, прежде чем зайти к нам, Райс Майкл слегка передохнул после мессы и завтрака.

— Но еще не полдень?

— Я уверен, что нет. — Джеван покачал головой.

Повисла тишина, нарушаемая звяканьем бутылочек Тависа, работавшего со своими порошками. Закончив, он подал готовую смесь Райсу.

Используя все свои стесненные наркотиками способности, Райс постарался проверить лекарство, но убедился, что пока ему придется полагаться на Тависа. Одним жадным глотком он осушил чашу и, сморщившись, отдал Тавису.

— О, Боже, это просто отвратительно. Неужели ты не мог сделать ничего лучше?

— Прости, это замешано на воде. Мне не хотелось посылать за вином, а то, что здесь есть, совершенно не подходит. Ты вроде говорил, оно пришлось не по вкусу тебе прошлой ночью.

Средство Тависа уже действовало, возвращая в голову легкость, разгоняя туман в сознании. Это был прямо-таки чудодейственный препарат. Райс

исцелился настолько, что смог оценить последнюю шутку Тависа.

— Пожалуйста, налейте воды, надо запить это, — сказал Райс, протягивая чашу.

Джеван до краев наполнил ее из графина, а потом, когда Райс проглотил первую, налил вторую порцию. Тавис сидел на краю постели и наблюдал за ними. Увидев, что Райс уже достаточно окреп, он предусмотрительно закрыл свое сознание от проникновения. Джеван поставил графин и подошел к креслу, где сидел его недавний пленник, растирая лоб и собираясь с мыслями. Когда Райс поднял глаза, ему показалось, что принц хочет спросить о чем-то.

— У вас есть вопрос, мой принц?

— Райс, я... Я прошу извинить нас за то, что мы сделали с тобой сегодня. Но, черт побери, ты так и не сказал нам, что случилось в ту ночь!

— Я не могу, Джеван. Я дал слово.

— Кому? — настаивал принц. — Моему отцу? Если я никогда не узнаю, что хорошего это принесет? Мне никогда не узнать об этом?

Райс протянул руку, провел кончиками пальцев по лбу мальчика и обрадовался, увидев, что тот не отстранился.

— Возможно, когда-нибудь узнаете. Если так, то, по-моему, все вышло к лучшему, даже прошлая ночь и это утро.

— Но вы не можете рассказать прямо сейчас?

— Нет.

Райс снова попытался встать с кресла, на этот раз удачно. Пока ему было трудно сохранять равновесие, стены вокруг покачивались, но теперь он чувствовал себя гораздо лучше.

— Ладно, по крайней мере, я снова держусь на ногах. Кто-то должен мне помочь выбраться из замка. Тавис, ты не пойдешь со мной?

482 — Я пойду! — вызвался Джеван.

Тавис покачал головой.

— Нет, пойду я. Ты слишком заметная личность. Я не хочу, чтобы ты был рядом, если случится стычка.

— Я согласен, — кивнул Райс и осторожно наклонился, чтобы поднять свой плащ Целителя. Тавис удержал его.

— На твоём месте я бы обошелся без плаща. В это утро Дерини будут желанны в соборе, как волки в овечьем стаде.

Тавис раскрыл сундук, стоявший у кровати Джевана, и достал два тяжелых шерстяных плаща, один чёрный, а другой темно-синий. Оставив чёрный себе, он бросил синий плащ Райсу. Плащи обтягивали плечи и едва доставали до колен, но все же были менее подозрительны, чем зелёные мантии Целителей.

— Пошли, — сказал Тавис, направляясь к двери. — Джеван, жди здесь. Или держись поблизости, не покидай верхних этажей центральной башни и поменьше попадайся на глаза. Если регенты тебя заподозрят, мы все пропали.

* * *

Рождественский полдень был не ярче рассвета. Снег повадил ещё гуще, но не остановил верующих, собравшихся на праздник Рождения Царя Царей и возведение на престол их нового архиепископа. Новость быстро облетела все закоулки Валорета, вспышка зла и враждебности, смерть Джеффрая — все это отступило в прошлое. Те самые люди, что пламенели ненавистью к Дерини, избрание ещё одного Дерини архиепископом встретили как искупление своих грехов. У Элистера Келлена была прочная репутация одного из наиболее здравомыслящих и притязательных представителей его расы, он был верным и мудрым канцлером. Если король Синхил столько лет находил нужным

держат его возле себя, значит, его советы были не так уж плохи.

Ненастный день внутри собора Всех Святых оборачивался сумраком. Храм был стар, немногочисленные окна высоко от пола, с темными цветными стеклами, пропускали совсем немного света. Теперь строили иначе, особенно ярким был контраст между этим старым собором и более поздним в Ремуте. Свечи, во множестве зажженные по случаю праздника в шандалах и паникадиле, отбрасывали густые тени, скакавшие в боковых нефках и хоронящиеся по углам. Стечение народа было необыкновенным. Пожалуй, никогда прежде в провозглашении главы церкви не виделся так явно перст Божий.

Находившийся за хорами алтарь был единственным пятном яркого света. Полчаса назад на помост поднялся новый архиепископ Валоретский и примас Гвиннеда, известный миру под именем Элистера Келлена. Сидя на троне, принадлежавшем Джефффраю и Энскому, Камбер получил кольцо и митру из рук архиепископа Роберта Орисса и с молитвой поднял большой крест — символ своего сана — и передал на хранение верному Джорему.

Сидя на троне, он принял выражения почтения и верности от девяти поддержавших его епископов, еще надеясь, что по крайней мере некоторые из оставшихся отцов церкви сумеют вырваться из-под власти Хьюберта и присоединятся к своим собратьям.

Рождественская месса служилась под руководством Камбера. Орисс и Эйлин прислуживали ему. Все это время он не переставал беспокоиться о Райсе, который не вернулся и не дал о себе знать. Прежде чем покинуть свои покои, Камбер пытался с помощью Джорема дотянуться до мозга Целителя и попробовать вызвать его на контакт. Ничего не вышло, только добавилось уверенности его предчувствиям об опасности, грозившей зятю. Если только Райс не заглушал на-

меренно распространение своих мыслей. Это могло понадобиться, например, для лучшего взаимодействия с Тависом и Джеваном и Бог весть для чего еще.

Но оставалась вероятность того, что случилось нечто страшное, нет, скорее всего не смерть, но что-то немногим лучше. В прежние времена Камбер не сомневался бы, что Тавис не представляет никакой опасности для Райса, но теперь времена были далеко не прежние.

Камбер снова опустился на трон примаса, пока священники и служки уносили обрядовые предметы, а монахи пели рождественский антифон. После того как закончится движение у алтаря, оставались только архипастырское благословение и обращение к верующим. Оглядывая хоры и неф, Камбер видел коленопреклоненных людей, лица, обращенные к нему в ожидании его первого слова к прихожанам. Все затихли, даже обычный в людском скоплении шорох шагов, кашель и шепот не нарушали возвышенной гармонии песнопения.

Джорем подошел к отцу с украшенной драгоценными камнями митрой, которую новый архиепископ снял на время мессы, и Камбер слегка нагнул голову, чтобы Джорем мог надеть ее. В левой руке Камбер держал архиепископский посох, прекрасный образец мастерства человеческих рук, украшенный золотом, слоновой костью и редкими жемчужинами неправильной формы, обрамлявшими миниатюры, резанные по кости, с изображениями жития святых. Стоя справа от трона, Джорем держал на украшенном золотыми листьями желе крест примаса. Не желая дополнительно испытывать чувства людей к Дерини, Джорем надел белый стихарь вместо синего михайлинского. Для одного дня было достаточно и архиепископа-михайлинца.

Джебедия проталкивался сквозь толпу, облаченный в темно-серый плащ, он тоже на время отказался от вызывающего синего. На добродушном лице была тревога. Взглянув на сына, Камбер понял, что и

Джорем заметил Джебедию. У старавшегося не слишком привлекать внимание Джеба уйдет несколько минут на то, чтобы добраться до помоста. Неужели что-то случилось? Может быть, Джебедия имеет известие от Райса? Камберу хотелось использовать способности, но он знал, что не осмелится сделать это — собор не комната Камберианского совета. Придется ждать Джебедию.

А в соборной ризнице возникли над Порталом Тавис и Райс. В первый раз за последние сутки удача сопутствовала Райсу; ризница была пуста. Покачнувшись на пушистом келдишском ковре, он ухватился за руку Тависа, чтобы не потерять равновесие, и с опаской огляделся вокруг.

— Должно быть, мы сошли с ума! — проворчал Тавис. — Что если бы здесь кто-нибудь был?

— Но ведь никого нет, — ответил Райс, глубоко вздыхая и направляясь к двери. — А другого способа попасть сюда вовремя не было.

Узкий коридор за дверью ризницы был пуст, звуки, долетавшие сюда из базилики, подтверждали, что времени осталось в обрез. Монахи пели последние евангельские строки. После этого все поднимутся и, получив благословение и напутственное слово нового архиепископа, попадут прямо в раскрытые объятия регентов и солдат.

У дверей толпились священники и диаконы, так что Райсу пришлось изрядно повертеть головой, прежде чем он увидел Камбера на троне. Тот был поглощен тем, что высматривал кого-то в глубине нефа. Райс продвинулся еще на шаг к дверям, если бы Камбер посмотрел в его сторону, то обязательно заметил бы. Архиепископ по-прежнему не переводил взгляда. В отчаянии Райс поднял руку и стал медленно махать из-за спин священников, надеясь в конце концов привлечь внимание Камбера или Джорема. Наконец Джорем посмотрел в его сторону.

Райс облегченно вздохнул, увидев, что Джорем наклонился к Камберу и шепчет ему на ухо. Архиепископ Валоретский неторопливо повернул голову и наконец-то посмотрел туда, куда указывал Джорем. В глазах Камбера сверкнуло облегчение, но не пропала тревога. Он еще раз взглянул на кого-то в нефе и снова на Райса, искоса, вопросительно.

Райс, что случилось? Ты невредим? — мысль стучалась в мозг Райса, едва ли не причиняя боль.

В ответ Райс только покачал головой и закрыл глаза, не в силах противостоять настойчивости Камбера и ответить. Когда он снова открыл глаза, Камбер, казалось, был готов вскочить со своего трона и броситься прямою к нему.

Он должен делать совсем не то! В отчаянии Райс тряс головой, не зная, как добраться до Камбера, не привлекая всеобщего внимания. Тавис опередил его в этом и сдернул с него короткий плащ.

— Что ты делаешь? — прошептал Райс и заметил висевшую на левой руке Целителя белую ткань.

— Вот, надень, — ответил Тавис, бросив плащ на пол и поднимая церковное облачение над его головой. — В общей сумятице ты сойдешь за клирика. Торопись.

Без лишних слов Райс, как рубаху, поспешно натянул стихарь, не отрывая глаз от Камбера, и Тавис подал ему орать. Теперь оставалось пересечь храм.

Но прежде Райс хотел быть уверен, что Тавис благополучно выберется из собора.

— Послушай, ты не должен оставаться здесь, — прошептал он. — Тебя не должны видеть и узнать, если хочешь в будущем быть полезным Джевану.

— Но я не могу оставить тебя вот так, без защиты, — обиделся Тавис. — Ты еще не восстановил силы. Как ты справишься?

— Если я доберусь до них, со мной будут Элистер и Джорем, — ответил Райс. — Если попадемся, так по крайней мере вместе. А теперь обещай уб-

раться в безопасное место. Ты знаешь, где в апартаментах Джеффрая находится Портал. Отправляйся туда и постарайся как можно скорее вернуться к Джевану.

— Хорошо, — мрачно буркнул Тавис.

— Дай слово! — настаивал Райс.

Сняв руку Райса со своего плеча, Тавис стиснул ее здоровой рукой.

— Хорошо, даю слово. А теперь ступай и предупреди их, пока еще не поздно.

Райс кивнул, снова повернулся к двери, прочел короткую молитву, глубоко вздохнул и сложил руки на животе. Священники и диаконы расступались, пропуская его, но духовенство уже покидало хоры, и встречный поток мешал продвижению. Райс остановился, чтобы поклониться алтарю, подошел к трону Камбера, опустился на колени, взял его правую руку обеими руками и горячо поцеловал, пряча лицо.

— Снаружи ждут регенты, чтобы захватить вас, — прошептал он. — Я не мог предупредить раньше.

Камбер, казалось, не слышал, так напугало его состояние зятя, когда он поспешно установил контакт.

Бог мой, что случилось? — мысленно спросил он, глядя туда, откуда появился Райс, и на Тависа, притаившегося в тени. — *Это Тавис сделал с тобой такое?*

Да, но сейчас нет времени на объяснения, — Райс уже не прибегал к помощи слов. — *Как ты собираешься вытравиться?*

Процессия уже выстроилась на ходу, и архиепископ Орисс, епископы Дермот и Ниеллан направлялись к Камберу, чтобы сопровождать его. Растерянный, Камбер вошел в сознание Райса, опустившего защиты и готового перелить в другой мозг все известное в мгновение ока.

В сложившихся обстоятельствах для осторожного обдумывания у них не осталось ни минуты. И когда

Камбер прервал контакт, ужасаясь тому, что узнал, Райс пошатнулся, по-прежнему стоя на ко-

лениях. Камбер быстро подхватил Целителя под правую руку, помог ему подняться и встал сам. Он был так обеспокоен состоянием Райса, что с трудом мыслил здраво. У Джорема, тоже получившего информацию Райса, так же не появилось идей.

Следовало немедленно переломить ситуацию. Если регенты осмелятся войти в собор, чтобы захватить примаса, народ все увидит. Пока Камбер не обнаруживал никаких признаков вторжения в стены храма.

Люди стояли плечом к плечу, ожидая благословения, когда процессия пойдет по собору. Снова опустившись на трон, поддерживаемый с одной стороны Райсом, а с другой стороны — архиепископом Ориссом, он увидел, что Джебедея наконец-то поднимается по ступеням хоров. Под звуки заунывного псалма ход начался. Камбер и Джебедея поравнялись посредине хоров. Голова процессии уже сошла со ступеней, по которым только что взошел Джебедея, и ступила в центральный проход нефа. На лице Джебедеи при виде Райса в облачении диакона отразилось удивление.

— Элистер, весь двор полон вооруженных людей, — произнес он так громко, чтобы услышали стоявшие рядом епископы. — С ними Мердок, Таммарон и Эван на лошадях, несколько офицеров. Мне кажется, я видел Хьюберта и короля. Прости, но нам не удалось остановить столько сразу.

— Значит, противостояние, — тихо сказал Камбер, еще крепче сжал свой посох. — Райс говорит, они собираются взять в плен всех епископов и заставить их провести новые выборы.

— Скорее всего, убить вас всех, — шепнул Джебедея. — По крайней мере я не удивлюсь, что этим людям дали приказ не церемониться с некоторыми епископами. Епископ Ниеллан, Дермот, по-моему, вы, как и Элистер, входите в число главных целей.

На речь Джеба каждый реагировал по-своему, Камбер мрачно кивнул.

— Боюсь, ты прав. Полагаю, это требует от нас решительных действий. Милорды епископы, — произнес он, возвышая голос и посох, — остановите процессию и следуйте за мной. Быстрее.

После его слов те, кто был ближе, толчками в спины шествовавших перед ними передали приказ архиепископа, и наконец вся процессия остановилась. Шепот удивления и любопытства прокатился по толпе, стройный порядок нарушился, священники и миряне сгруппировались вокруг архипастыря на ступенях хоров. Епископы расположились по обе стороны от него. Те, кто не слышал предупреждения Джебедии, с удивлением взирали на нового примаса, недоуменно восклицая, а те, кто слышал, просвещали толпу. Наконец новый архиепископ поднял руку, требуя тишины. Джорем встал справа от Камбера с крестом примаса, подчеркивая его сан. Камбер начал говорить:

— Добрые жители Валорета, я прошу у вас несколько минут внимания.

Почти мгновенно в храме воцарилась тишина.

— Сегодня меня возвели на трон архиепископа и примаса. Как вы, без сомнения, знаете, выбор преемника Джеффрея Керберийского был делом непростым. После многих недель безуспешного голосования, когда я даже не был претендентом, двое из кандидатов на пост пришли ко мне и попросили стать соискателем сана. Они сказали, что и они, и те, кто голосовал за них, поддержат меня, обеспечив число голосов, достаточное для избрания нового архиепископа. Я не хотел принимать предложение, зная, что другие наши братья ни за что не поддержат мою кандидатуру. Но в конце концов я обещал, что если следующее голосование подтвердит их слова, я приму миссию, которую они и Святой Дух возлагают на меня.

Со двора донеслись крики и перестук подкованных копыт по каменной мостовой, и Камбер понял, что в его распоряжении не остается времени.

— Я не отступаю от моего пастырского долга, готовый как и прежде служить народу Гвиннеда. Но сейчас, собираясь благословить вас и покинуть собор, я узнал, что нашлись те, кто собирается оспорить право ваших епископов выбирать примаса.

В храме нарастал испуганный ропот, но Камбер поднял руку и повысил голос, перекрывая шум.

— Они не только оспаривают это право, они хотят принудить епископов Гвиннеда избрать своей главой того, кого назначили они.

— Кто это сделает? Кто? Кто? Назовите имена! — раздался крики.

В тот момент главные двери храма распахнулись, и в проеме Портала появились всадники, черные на белом фоне.

У передних были цвета дома Халдейнов, а следом въехали люди Мердока Картанского.

— Элистер Келлен, выходите! — закричал Мердок, осаживая лошадь, скользившую на плитах пола.

— Вот мой ответ, люди добрые! — воскликнул Камбер и указал на Мердока.

В запале Мердок не мог справиться с конем, крутившимся на месте.

— Епископы Гвиннеда, именем короля приказываю вам схватить этого безумца! Ваш король будет милостив, если вы покоритесь его воле!

— С каких пор синод епископов обязан выполнять волю короля в делах духовных? — закричал в ответ Дермот. — Или скорее волю регентов! Элистер Келлен — наш законно избранный и возведенный на престол архиепископ. Регенты не имеют права...

— Регенты имеют все права защищать королевство именем своего короля! — прервал его Мердок. — Со своим деринийским могуществом и деринийскими наклонностями в управлении делами государства Элистер Келлен представляет угрозу для спокойствия в стране. Он неприемлем для короны!

Юстас, обычно такой веселый и добродушный, выступил вперед.

— Это король так сказал? По-моему, нет!

— Значит, он *скажет* так! — ответил Мердок, не давая Юстасу продолжать. Он направил свою лошадь к дверям. — Дорогу его королевскому величеству! Вы все, расступитесь! Дорогу королю!

Солдаты позади Мердока расступились, и в собор на белом коне въехал облаченный в пурпур король Алрой. На голове покоилась уменьшенная в размерах корона из переплетенных крестов и листьев, накидку украшал геральдический лев Халдейнов, на шее и запястьях выглядывала кольчуга. У седла висел вложенный в ножны меч Гвиннеда, за королем следовал конный оруженосец с развернутым королевским знаменем.

Волной страха обдало всех в соборе, и Камбер понял, что проиграл. Он никак не ожидал, что Алрой будет заодно с регентами. Присутствие короля узаконивало действия его советников, народ привык безотчетно верить предкам этого мальчика, тут была, наверное, какая-то древняя халдейнская тайна.

— Жители Гвиннеда, — произнес Алрой чистым звонким голосом, — наш регент говорил истинную правду. Элистер Келлен был избран на высший церковный пост вопреки нашему желанию. Поэтому мы объявляем выборы незаконными. Мы повелеваем нашим епископам собраться снова и на этот раз принять во внимание наше пожелание. Если и на этот раз кто-то не подчинится, того мы повелеваем нашим регентам и солдатам взять под стражу и ожидать нашего суда.

На несколько секунд после речи Алроя все оторопели. Затем Дермот О'Бирн выступил вперед, его темные глаза гневно сверкали.

— Сир, вы не можете так говорить! — воскликнул он, усиливая значение своих слов стуком окованного железом посоха о мраморные ступени. — Это
492 противозаконно и не соответствует древним

обычаям. Выборы архиепископа Келлена были проведены по всем правилам. Даже король не...

— Король, — прервал его Мердок властно, — может делать все, что пожелает! Ваше упрямство очень опасно, епископ О'Бирн!

— А если вы посоветовали королю принять такое решение, то еще опаснее ваш Совет, граф Мердок! Народ не потерпит...

— Народ не потерпит неуважения к своему королю! — вступил Мердок снова. — А те, кто продолжает противиться королевской воле, будут объявлены изменниками!

Последнее слово звучало особенно веско. Мердок рассчитано бил наповал. Удар был точен, епископы растерянно переглядывались, но Камбер, высоко подняв голову, в упор смотрел на Мердока — именно этот своим гнусавым голосом или знаком подаст сигнал к избиению. За графом Картанским теснились конные рыцари и солдаты, готовые в любую секунду обнажить мечи. За их спинами снаружи еще сотни вооруженных людей ожидали приказа ворваться в храм. Перед лицом неисчислимого противника он один не должен был смириться. Ради достоинства Матери-Церкви он обречен стоять на своем и заплатить за несокрушимость духа жизнями своей паствы, своих братьев и собственным земным существованием.

— Милорд граф, — Камбер поднял руку. — Под этим святым кровом, тем более среди моих братьев епископов, нет изменников. Каждый из нас принес клятву верности его величеству на коронации и готов неукоснительно следовать королевской воле и быть оплотом своему монарху. Ни один из нас ни в чем не преступил своей клятвы.

— В таком случае покоритесь! — рявкнул Таммарон.

— Не смею. Это противоречит закону. Мы дали клятву покорности королю в мирских делах. В свою очередь его королевское величество и вы, 493

его советники и наставники, поклялись быть опорой нашей святой церкви и уважать ее законы. Так почему же теперь вы требуете отменить законное решение церковных иерархов по избранию своего примаса?

Камбер отыскал самое слабое место в позиции регентов. Несколько секунд Мердок яростно скрипел зубами, лицо его пунцовело, Таммарон и Хьюберт тоже откровенно злились, только Эван, отличный солдат, ничем не выдавал истинных чувств.

На какое-то мгновение Камберу показалось, что победа склоняется на его сторону и регенты отступятся хотя бы на время. Однако в это самое время Мердок повернулся в седле, нагнулся к Алрою и принялся что-то нашептывать ему. Юный король побледнел, потом сдержанно кивнул и, высоко подняв голову, замер. Лицо, осененное крестами и листьями короны, было величественно и бесстрастно.

— Взять их! — произнес он негромко, но голос его разнесся, слышимый всем в соборе.

ГЛАВА 27

**Их магия стала причиной захвата,
а мудрость их была оспорена.¹**

На мгновение все, кто слышал это, остолбенели, но шок вскоре прошел, когда Мердок с Элро-ем расступились, давая дорогу рыцарям и конной страже, которые устремились на своих огромных боевых лошадях по центральному проходу. Перед церемонией главный неф собора был устлан коврами, словно нарочно, чтобы копыта не скользили по мраморным полам. Всадники и ринувшиеся следом за ними пешие солдаты преодолели уже около четверти пути, когда толпа наконец начала осознавать чудовищность происходящего. Люди с криками разбегались по сторонам, спасаясь из-под копыт конников.

— Боже правый, никогда не думал, что они на такое решатся! — выдохнул Дермот, устремившийся вместе с Камбером и остальными епископами назад, на хоры. — Элистер, спасайтесь! Нельзя допустить, чтобы они схватили вас!

— Ниеллан! — окликнул Камбер. — Ты сможешь дать нам убежище?

¹ Притчи 17:7

Ниеллан, проталкиваясь к дверям ризницы, коротко кивнул в ответ.

— Да, только мне придется пройти первым. Вы же знаете, сейчас Дхасский Портал работает как ловушка ...

— Позвольте и мне с вами, — попросил Дермот. — Не знаю, что тут будет дальше, но после моих сегодняшних речей они уверены, что я — на вашей стороне. Все равно, они отнимут мой приход в Кашинне. Так уж лучше быть на свободе, пусть и в изгнании!

— Тогда пойдемте, — кивнул Ниеллан, уже в дверях ризницы.

Войска, тем временем, уже были на полпути к алтарю, и крики перепуганных и раненых людей раздавались среди колонн и арок величественного собора. Перепуганный Тавис О'Нилл, прячась в ризнице за кипами облачений, увидел, как в помещение вбежали епископы Дермот и Ниеллан и застыли у Портала. Стоявший позади Ниеллана Дермот заметил его и прошептал что-то на ухо Деринийскому епископу, но Ниеллан только взглянул в последний раз на эти древние стены, крепче обнял Дермота... и оба исчезли.

Тавис, дрожа, выбрался из своего укрытия и направился к Порталу. Он и так слишком здесь задержался. Пора было выбираться, пока кто-нибудь не заметил его.

Он на всякий случай выглянул за дверь и едва не столкнулся с Джебедией. Меч старого вояки был обнажен, на лице застыла гримаса ужаса, он схватил Тависа за руку и встряхнул, как щенка.

— Черт возьми, что ты здесь делаешь? Немедленно ступай к Джевану!

— Я уже иду, — кое-как пробормотал Тавис. — Я... я только хотел рассказать Джевану, что случилось. И вам, вам мог потребоваться Целитель!

— У нас есть Райс! — отрезал Джебедия. — Не мешкай. Если тебя схватят, Джевану ты больше не

— Но сейчас Райс не может исцелять! — чуть не плача выкрикнул Тавис. — И я виноват в этом!

— Если Джеван останется один, ты будешь виноват и в этом. Уходи сейчас же, иначе я так ударю тебя, что ты лишишься сознания, и унесу тебя!

Услышав о такой возможности, Тавис больше не сопротивлялся. Торопливо кивнув и испуганно оглядываясь на дверь, он ступил на квадрат Портала, Джебедия оставил Целителя и отвернулся к двери, его внимание снова приковывал храм, там всадники и пехотинцы уже хватали священнослужителей. Некоторые сдавались добровольно, среди них оказались и самые нерешительные епископы — Турлог, Джавет и Уллием, остальные продолжали сопротивляться.

В полуоткрытую дверь из-за спины Джебедии можно было увидеть немного. Тавис вытянул шею. Джорем наносил удары направо и налево тяжелым крестом, а новый архиепископ ткнул своим посохом в морду лошади, которая с испугу вздыбилась, поскользнулась и упала, сбросив своего седока.

Тут же появился другой всадник, наехал прямо на Райса и толкнул его своим боевым конем. Скользя в кровавой луже, Целитель не удержался на ногах, оступился и упал навзничь, ударившись о мраморный выступ алтаря.

Тавис вскрикнул и хотел броситься в собор, но побелевший Джебедия поднял свое оружие с намерением пустить его в дело, если Тавис моментально не исчезнет. Всклипнув, крепко обхватив себя руками и закрыв глаза, королевский Целитель через силу послал себя в безопасный Портал в апартаментах епископа.

А в соборе, у самого входа в ризницу, Камбер увидел падение Райса и услышал тупой звук удара. Орудуя своим посохом, как алебардой, он атаковал кавалериста, сбившего Райса, и опустился рядом с телом, которое оберегал Джорем. К ним сквозь беспорядочные стычки прорывался Джебедия, Джорем ру-

бился архиепископским посохом, а Камбер силился отогнать жуть, которую испытывал с момента падения Райса. Он нежно тронул рукой лоб Целителя, отбросив посох, снял белую ризу, шитую золотом, завернул в нее Целителя и поднял на руках. На обратном пути Камбера и его ношу с двух сторон защищали Джорем и сумрачный Джебедия.

В ризнице скрывалось около полудюжины священников и диаконов, хотя каждый понимал, что рано или поздно солдаты доберутся и сюда. Святые отцы расступились, как пучина вод, не решаясь подать помощь или о чем-то спросить. Камбер нетвердо шагнул на квадрат Портала.

— Все уходите! — удалось произнести ему, сгибаясь под тяжестью своей ноши.

Когда в комнате никого не осталось, он опустил Райса на пол у своих ног, прижимая к себе его бессильно виснувшее тело в складках архиепископской ризы, и мысленно перенесся в Дхассу.

В маленькой боковой часовне в Дхассе к нему потянулись руки, желая принять его ношу, но Камбер только покачал головой, сделал несколько шагов за выложенные мозаикой границы Портала, опустился на колени перед алтарем и осторожно положил Райса на ковер. Через мгновение Джорем и Джебедия стояли на коленях возле него, Джебедия успел снять свой серый плащ, чтобы подложить его под голову Райса.

— Для этого им даже не потребовалось оружие, — печально прошептал Камбер, сжимая голову Райса руками. — Он упал и ударился головой о ступеньку.

— Он все еще дышит, но совсем слабо, — встрепелся Джорем, погружая пальцы в рыжие волосы и закрывая глаза. — О, Господи, да у него такая вмятина, что в нее можно положить яйцо!

Не в силах справиться с растущим отчаянием, Камбер ощупал голову там, куда показывал Джорем, и нашел чудовищную вмятину. Кожа не

была повреждена, не было и крови, но он чувствовал под кожей изломы раздробленных костей. Признаков жизни не было, в еще недавно блестящем мозгу Камбер увидел безнадежно поврежденные каналы исцеления и способности, подавленные наркотиками. Теперь он знал, чего стоила Райсу встреча с Тависом О'Нилом, кроме того, что отныне их карты раскрыты. Камбер, как ни пытался, не смог даже подключиться к целительным ресурсам слабеющего мозга. Теперь единственной надеждой Райса был другой Целитель.

— Ниеллан! — закричал он через плечо криком, скорее похожим на рыдание. — У тебя есть поблизости Целитель?

Второй епископ-Дерини опустился на колени рядом с Камбером и покачал головой.

— Я уже справлялся. Мой домашний Целитель на вызове. Я послал за ним, но не знаю, успеет ли он.

Дыхание Райса прерывалось, а пульс слабел, Камбер в отчаянии вошел в его мозг, чтобы уменьшить напряжение в области ранения. Вмятина под его пальцами становилась меньше, но под черепом бурлила жидкость, создавая непереносимое, смертельно опасное давление. Райс дышал все реже.

Джорем наполнял легкие Целителя своим дыханием, когда-то он делал это для Камбера, Джебедея старался поддержать работу сердца.

Несмотря на все старания, Райс умирал, хоть Камбер и не мог в этом себе признаться. Его сознание механически отметило уход отца Ниеллана и спустя некоторое время его возвращение; в полном, кроме митры, епископском облачении преподобный опустился на колени, открыл флакон со священным миром и начал приготовление к совершению последнего обряда. У Камбера не хватило сил участвовать в нем. Он только смотрел и слушал в оцепенении, все еще предпринимая попытки удержать жизнь в том, кто был ему сыном в этом мире.

Пока Ниеллан читал молитву, Камбер взывал к небесам, в который раз кляня судьбу, наделившую кого-то, но не его, или по крайней мере Элистера Келлена, даром исцеления. Это всколыхнуло воспоминания о совсем другой смерти — гибели Элистера — и о его убийце, прекрасной и коварной Эриелле. О том, как она, получив роковой удар теряющего силы Элистера, попыталась избежать смерти, прибегнув к древнейшему заклинанию, о котором кое-кто из Дерини знал понаслышке, но неизменно считал поэтической легендой.

У него проснулась надежда. Он-то знал, почему попытка Эриеллы не удалась, по крайней мере в теории знал. Рисковать стоило, любой риск был оправдан теперешним состоянием Райса. Если бы удалось ненадолго вернуть хоть проблески сознания, он бы помог ему сделать работу. Заклинание даже не требовало наличия способностей Целителя. Позже он позаботился бы о том, как вывести Целителя из стаза заклинания. Это он тоже знал в теории.

Но Райс не приходил в сознание, и если бы и пришел, возможно, не согласился бы на такой отчаянный шаг. Целитель вовсе не был ярым консерватором, как Джорем, и тем не менее тут была этическая проблема. Имел ли Камбер право принять решение даже за такого близкого ему человека, как Райс?

Он все-таки решил попробовать. В конце концов это лишь немногим больше, чем обычное заклинание, накладываемое на тело, чтобы остановить его разложение, только и требовалось — сохранить в нетленном теле душу... всего-навсего. Прервав бесплодные споры с самим собой, Камбер сделал осторожную попытку проверить, можно ли применить заклинание к бессознательному Райсу. Он понял, что опоздал, жизнь навсегда покинула это тело. Мерно звучали голоса Ниеллана, Дермота и незнакомых Камберу священников, читавших отходную. Вокруг стояли фигуры в белом, михайлинцы, гавриилиты... В душе было пусто.

Райса не стало. Камбер ждал, пока Ниеллан закончит обряд, запустив руки в рыжие волосы, скрывавшие ранение. Он знаком велел Джорему и Джебедии оставить тщетные попытки, и теперь они сидели, неподвижно глядя перед собой. Камбер взял тело на руки и прижался к щеке Райса.

— О, Боже, почему? — шептал он, глотая горькие старческие слезы. — Сорок лет, чтобы вырастить такого человека, а теперь вот это! Смерть не должна приходить так просто!

Регенты были скоры на расправу, особенно заторопились, узнав, что их главному противнику удалось скрыться. К концу дня в плену оказались только пятеро из десяти непокорных епископов. Трое избежали печальной участи при помощи Портала, а двое — приняв смерть. Давита Нивана лягнул в грудь огромный боевой конь, он умер прежде, чем к нему подбежали, Кай Дескантор был найден бездыханным на полу в центре ризницы. Позднее Ориэль сообщил регентам, что прежде на месте смерти епископа под ковром находился Портал, и высказал предположение, что Кай умер, разрушая его после того, как его собратья бежали.

Но для исполнения намерений регентов хватало и оставшихся епископов. Пленников отвели в подземелье, заковав в цепи, и оставили размышлять над результатами своего неповиновения. Регенты приказали вести розыск тех, кому удалось сбежать. Были изданы указы, объявляющие вне закона Элистера Келлена, некогда епископа Грекотского (отстранен), Ниеллана Трэя, некогда епископа Дхасского (также отстранен), отца Джорема Мак-Рори, графа Джебедию Алкарского, лорда Райса Турина, а также Дермота О'Бирна, бывшего епископа Кашинского, который хоть и не Дерини, но бежал вместе с ними, а ранее участвовал в противозаконном избрании Элистера Келлена архиепископом.

Позднее регенты приказали также задержать жену Райса, его детей и любого из родственни-

ков, кого удастся захватить, так как имелись подозрения, что все члены клана, связанного с так называемым «святым Камбером», состояли в заговоре против короны.

Барону Рану Хортнесскому, отныне именовавшемуся графом Шиллским за мужество и отвагу в делах рождественской ночи, предписывалось начать осаду Дхассы — единственного островка сопротивления мятежного архиепископа. Морозы и зимнее бездорожье, готовое вскорости смениться распутицей, затягивали предприятие, делали его долгим и утомительным. Тем не менее войскам удалось полностью прервать связь засевших в стенах Дхассы с внешним миром. Только монастырский Портал мог служить этой цели, если в Гвиннеде оставался хотя бы еще один целый Портал.

Пришел черед заняться церковными делами. Через несколько дней после Рождества в городке Рамосе, неподалеку от Валорета, был вновь собран синод, пятеро епископов прибыли туда в цепях. Однако вскоре выяснилось, что кандалы и тяготы заключения не сломили непокорных. Только один — Турлог — прельстился епархией в Марбури. Тогда Хьюберт и его сторонники немедленно рекрутировали в синод еще шестерых странствующих епископов — минимальный перевес в голосах они как-никак получили. В компании новоизбранных оказался даже племянник Хьюберта, сын его брата Манфреда — молодой человек двадцати двух лет и с недавних пор граф Кулдский.

В первом же голосовании, после того, как Уллием принял его сторону, Хьюберт получил тринадцать «за». Кому принадлежат три оставшихся голоса, было отлично известно; послушниками были Роберт Орисс, архиепископ Ремутский, Эйлин Мак-Грегор, помощник епископа Валоретского, и единственный оставшийся странствующий епископ — Юстас Фэйрлийский.

Хьюберт был провозглашен архиепископом
502 уже на следующий день. Церемония на сей раз

была значительно скромнее — нового архиепископа целиком поглощали государственные дела. В день интронизации в Рамосе собрался совет по устранению Дерини из всякой государственной службы и мерам против их тайного проникновения в дела Гвиннеда. Кипучей деятельности Хьюберта не было никаких преград — ни у кого в королевстве не было в руках такой громадной власти.

Первым делом все священники и другие духовные лица из числа Дерини были низложены, чтобы вера очистилась от магического зла. Подумывали даже о том, чтобы не допускать Дерини к шести святым таинствам, да вовремя спохватились. Отлучение Дерини от религии грозило стране действительным возмущением, куда более страшным, чем все преступления, которые им до сих пор приписывали. Лучше было держать среднего Дерини поближе к церкви, чем прогнать это капризное дитя, а потом мучиться, не зная, где оно и что может натворить.

Элистер и Ниеллан, разумеется, были низложены первыми. Джорем, приходившийся сыном «святому» Камберу, получившему теперь дурную славу в народе, также лишался своего сана. Регенты лишили поста и Дермота О'Бирна, однако за ним оставался священный сан, так как он не был Дерини. Кашинская епархия перешла к Зефраму Лордскому. Прежняя епархия Элистера — Грекота — досталась новому епископу Эдварду Мак-Иннису, а епархия Ниеллана — Аркеру Аррандскому, которому пока не удалось навестить свою вотчину — Ран не добыл ее своим мечом, Дхасса не сдавалась.

В делах о низложении Деринийских священников вслед за Джоремом Мак-Рори вспомнили и о его отце. Теперь со святым Камбером не церемонились. Даже его имя было запрещено произносить вслух: пойманных на этом впервые секли кнутом, во второй раз отрезали язык. Для уничтожения всех записей о нем самом и его семье был создан целый Орден. Тот

же, кто осмелится писать новые истории о жизни бывшего святого, рискует потерять руку.

Но даже это регенты сочли недостаточным. Магия и всякое волшебство предавались анафеме и объявлялись ересью. Опаснейшим еретиком был отныне признан и Камбер. Если бы его прах был найден, он подлежал бы сожжению на костре. Правда, со времен канонизации было известно, что тело бывшего святого чудесно вознеслось, но нынче в этом виделся явный обман. Епископ Зефрам полагал, что на деле тело было похищено сыном Камбера. И он, и остальные члены синода не надеялись, что появится шанс отыскать его. Камбер не мог быть примерно наказан за ересь, ответить должны были те, кто до сих пор распространял ее. В День избивения младенцев врагов церкви из Долбана — гнезда приспешников «святого» Камбера — постигла заслуженная кара. Прямо во дворе аббатства были сожжены схваченные наугад несколько мужчин и женщин. Дерини среди них, кажется, не было.

Только одно послабление против Деринийской магии позволили себе правители — Целителям было разрешено продолжать свою деятельность. Перед епископами тут возникла теологическая проблема: Деринийские магия и волшебство были от Лукавого, но всякое исцеление — от Бога. Целителям надлежало воспретить использование в лечении влияния дьявольских сил, но как за этим проследить, отцы церкви не знали. На всякий случай над Целителями был учрежден духовный надзор, этим и ограничились. В конце концов, Деринийских лекарей было не так уж много, лечили они исключительно знатных особ обеих рас, в том числе и регентов и епископов. Стоило ли усердствовать в борьбе за спасение души, позабыв о болезнях своего тела. Кроме того, преследования Дерини только разворачивались, и совсем не лишне всегда иметь под рукой послушных представителей этой зловредной расы как свое секретное оружие.

Положив предел Деринийской магии, епископы начали размышлять об анти-деринийских мерах в целом. Правда, даже Хьюберт не решался выступить за полное уничтожение Дерини как расы, однако считал, что ее следует хорошенько обуздать. Все Дерини-дворяне должны быть лишены своих званий и титулов. Отныне им не разрешалось владеть землей, за это будут отвечать особые надзиратели. Дерини более не могли занимать государственных постов, жениться или вступать в права наследования без ведома своего сюзерена. Каждый Дерини, уличенный в обучении других своим навыкам, подлежал казни на месте.

Совет в Рамосе собирался ежедневно, игнорируя святочные забавы. Епископы возвращались в столицу только для сна. Примас Хьюберт по-прежнему занимал апартаменты в центральной башне, каждый вечер ужинал с другими регентами и вкратце сообщал о принятых за день решениях. Чтобы дать почувствовать юному королю, что и он участвует в управлении государством, ему позволяли присутствовать на ужине и официальной части отчетов Хьюберта. Но от обилия вина, подававшегося к ужину, мальчик начинал клевать носом задолго до обсуждения по-настоящему серьезных тем, и слуги уводили его в спальню. Джеван и Райс Майкл с правителями никогда не ужинали.

Такая изоляция все больше тревожила Джевана и Тависа. О решениях синода ходили неясные слухи, и Джеван стал опасаться за безопасность Тависа. Вне комнаты Джевана Тавис каждую секунду чувствовал, на себе чей-нибудь пристальный взгляд. Кроме него и Ориэля, в замке оставалось еще несколько Дерини-коллаборационистов. Большую часть дня Тавис старался проводить в комнате Джевана, но по ночам часто исчезал, оставляя Джевана в неведении относительно целей отлучек, однако мальчик всегда покрывал его. Целитель же занимался тщательным обследованием стен и переходов центральной башни. Спустя неделю

после Рождества удалось разрешить кое-какие загадки и сделать несколько интересных открытий. В этот вечер у Тависа состоялся трудный разговор с другом.

— Дживан, я просто не знаю, чем их можно остановить, — сказал он, закончив рассказ о действиях епископов. — Хьюберт одурел от власти, и он будет использовать ее против каждого Дерини, которого сможет отыскать. Я удивляюсь, каким чудом мне разрешено остаться с тобой. Напрашивается единственный вывод — это простая оплошность, потому что регентам не до меня, а за остальными Дерини в замке, даже за Ориэлем, ведется неусыпное наблюдение. Если мое предположение ошибочно, то они просто не готовы успокаивать тебя после моего удаления.

Дживан поднялся на ноги, вышел из оконного алькова, где они сидели, и начал расхаживать по комнате. Длинный меховой халат почти совершенно скрывал его хромоту. С осени он подрос больше чем на дюйм, и стал выше своего близнеца.

— Ты же знаешь, я никому не позволю забрать тебя, — торжественно произнес он. Тавис покачал головой.

— Я знаю, ты не хочешь, чтобы устранили меня, но может так случиться, что у тебя не будет выбора. По-моему, нам нужно решить, что будем делать, если они все-таки попытаются так сделать. Дать ли им увести себя или сбежать? В любом случае, я оставляю тебя в их не слишком нежных лапах, а этого я хочу меньше всего.

— И я тоже. Найди другой вариант. Знаешь, я не могу... Подожди-ка минуту! Ты сказал сбежать, ты хотел сказать — убежать из Валорета? Но как?

— Через Портал.

На осмысление слов Тависа мальчику потребовалось всего мгновение, в следующий момент он уже снова сидел возле Тависа, взяв его здоровую руку в обе руки, и оживленно глядел на него.

— Портал? Но тогда убежать можем мы оба! О, Тавис, ты правда думаешь, что нам это удастся?

— Нам? — Тавис ошарашенно взглянул на мальчика. — Мой принц, ты не можешь исчезнуть. Ты наследник престола. Если мне придется уйти и ты пойдешь со мной, регенты примут это за отречение от престола, то есть кончится тем, чего они более всего хотят. Они справились с Райсом Майклом, но с тобой им никак не справиться. Знаю, сейчас это не кажется важным, но задумайся. Кто, кроме тебя, в состоянии разобраться с тем, что заварили епископы и регенты? Думаешь, Райс Майкл сможет?

Джеван поник и покачал головой, а Тавис, положив свою покалеченную руку на его плечо, продолжал:

— Значит, этот вопрос мы уладили. Независимо от того, могу ли я остаться с тобой или нет, твое место здесь. Когда ты станешь королем или хотя бы совершеннолетним, ты сможешь вернуть меня. А если мне придется уйти, я постараюсь иногда возвращаться, до тех пор, пока не будет разрушен Портал.

— Ты пойдешь по собственной воле? — прошептал Джеван. — Если они убьют тебя, я не вынесу.

— Да, я уйду добровольно. Но не раньше, чем в этом появится необходимость.

— И я не могу пойти с тобой?

— Нет.

Вздыхнув, Джеван коснулся лбом их соединенных рук, потом поднялся и, не глядя на Целителя, подошел к окну. Несколько минут он неподвижно стоял, положив обе руки на каменные узоры и глядя в темноту, потом опустил руку и повернулся к Тавису, по-прежнему не глядя на него.

— Ты хоть чуть-чуть представляешь себе, как трудно быть принцем? — тихо спросил он.

— Совсем немного, — ответил Тавис. — Хотел бы я, чтобы тебе не довелось узнать это в столь юном возрасте.

Принц посмотрел на пол, на искалеченную ногу в специальном ботинке, выглядывавшую из-под полы халата, и обернулся к Тавису. Теперь его лицо было спокойным, как пристало настоящему принцу.

— Портал, о котором ты говоришь... Как я понял, он находится не в апартаментах архиепископа, тот сейчас недоступен, ведь там теперь хозяйничает Хьюберт. И ты говорил, что епископ Кай разрушил тот, что был в соборе. Где...

— Под Королевской башней, — ответил Тавис. — Возможно, в других частях замка есть другие Порталы, которые построили во времена Междоусобия, но мне удалось отыскать только этот. Рассказывали, что в ночь, когда Имре был захвачен в башне, его беременная сестра убежала потайным ходом из королевских апартаментов и благополучно скрылась от преследователей. В то время мне было столько же лет, сколько сейчас тебе, но, помню, я решил, что она ушла через Портал. Всю неделю я искал то, что было похоже на укромное место. Не знаю, нашел ли я то, что выручило Эриеллу, но это самый настоящий Портал. Я сначала не хотел говорить тебе о нем.

— Почему?

— Потому что в эти дни им опасно пользоваться. Я узнал местонахождение еще нескольких Порталов, но не знаю, каковы они — могут не работать, могут быть превращены в ловушки. Пользоваться ими небезопасно, можно попробовать и назад не вернуться.

— Что это значит — «ловушка» и «не вернуться»? — удивился Джеван.

Тавис вздохнул.

— Понимаешь, ты можешь войти в него, но не можешь выйти или вернуться туда, откуда пришел, до тех пор, пока кто-то не освободит тебя. Мне приходилось слышать истории о том, что Порталы можно настроить так, что ты вообще исчезнешь. Никто не знает,

куда деваются души этих несчастных.

— Именно так поступили с Порталом в Дхассе, а может, просто разрушили? — после некоторого раздумья спросил Джеван.

— В Дхассе? Почему ты спрашиваешь?

— Ты не ответил, — уклончиво сказал Джеван. — В Дхассе сделали то же самое?

— Нет. По крайней мере не уничтожили. Ни один достойный уважения Дерини не сделает такого. Но я почти уверен, что его перестроили в ловушку. Вероятно, после того как туда ушли Райс и остальные во время побоища в соборе. И теперь Дхасса в осаде.

Они помолчали. Тавис пытался и не мог обойти прочные защиты Джевана. Неповторимый взгляд серых халдейских глаз принца отливал серебром.

— Тавис, я хочу попасть в Дхассу, — вдруг сказал Джеван. — Ты отведешь меня туда?

Тавис едва не согласился, но потом, заморгав и встряхнув головой, он с трудом освободился от власти гипнотического взгляда своего друга и удивленно взглянул на него.

— Как это у тебя получилось?

— Что получилось?

— То, что сейчас... Ладно, не обращай внимания. — Он глубоко вздохнул и сменил тему разговора. — Зачем ты хочешь в Дхассу? Разве я не говорил тебе, как это опасно? Ты понимаешь, о чем просишь?

— Я понимаю, о чем прошу.

— Но, Джеван, видит Бог, ты больше, чем человек, но ты и не Дерини! Ведь ты никогда не пользовался Порталом. Если Дхасский Портал — ловушка, нам придется ждать очень долго, и это может оказаться очень неприятным.

— Это не будет долго, — уверенно произнес Джеван. — Дерини им слишком часто пользуются. А теперь расскажи мне о неприятностях ожидания.

Тавису нечего было возразить. Он привлек все свое воображение, чтобы нарисовать Джева-

ну такую картину, которая произведет впечатление на принца, учитывая его неопытность.

— Ты помнишь, что чувствовал в ту ночь, когда я вызвал у тебя болезнь? Не физические ощущения, а то, что творилось в мозгу, хотя самочувствие тела тоже было не из приятных.

Джеван слегка вздрогнул.

— Так вот, может быть еще хуже, это зависит от того, что именно сделали с Порталом. Кроме того, зачем тебе в Дхассу?

Джеван сплетал пальцы и смотрел на них.

— Прежде всего я хочу принести извинения архиепископу Элистеру, — тихо сказал он. — Думаю, мы ошибались на его счет. Я хочу, чтобы он знал, что теперь мы знаем, что он, Райс, Джорем и остальные пытались делать все это время. А еще хочу убедиться, что с Райсом все в порядке. С тех пор как ты рассказал мне о его падении, я беспокоюсь.

— Я понимаю твои чувства, Джеван, мне и самому хотелось бы того же. Но это действительно опасно. Нас могут поймать, мы не знаем, в каком состоянии сейчас Портал, и когда мы достигнем обители (если только вообще туда попадем), нам могут не обрадоваться. Не забывай о том, что мы сделали с Райсом.

— Знаю, но это уже дело прошлое, и поправить ничего нельзя, но именно поэтому мне так важно попасть в Дхассу.

— Предположим, я пойду, — понемногу сдавался Тавис. — Возможно, я несколько сгустил краски, говоря о Портале-ловушке. Они не рискнут сделать его слишком опасным, опасаясь, как бы их сподвижники не пострадали, скрываясь от преследователей. В худшем случае они возьмут меня в плен, что несравненно приятнее, чем оказаться за решеткой у регентов. Тебе не придется...

— Нет! Я никогда не пошлю тебя в такое место, куда бы не пошел сам, — перебил Джеван. —

Принцы так не поступают. Я хочу пойти, Тавис. И если архиепископ зол на нас за то, что мы сделали с Райсом, нам просто придется перетерпеть его гнев. Но мы скажем, что отныне мы на его стороне и ни за что не поступили бы с Райсом так, если бы знали, что сражаемся за общее дело, против общего врага. — Он печально вздохнул. — И если они не хотят, чтобы я знал, что случилось в ночь смерти моего отца ... ну что же, полагаю, мне просто придется подождать, пока не придет пора.

— Но ожидание можно ведь и сократить, — испытующе заметил Тавис. — Мы можем узнать сами. У тебя есть на это право.

— Возможно, такого права у меня и нет. В любом случае сейчас не время обсуждать этот вопрос, да и не в этом дело. Я хочу попасть в Дхассу. Сейчас. Сегодня. Ты возьмешь меня туда?

ГЛАВА 28

**И будет ранен храбрый воин,
но заживет его рана.¹**

Через полчаса, насколько возможно подстраховавшись, чтобы их отсутствие прошло незамеченным, Джеван и Тавис, счастливо избежав встречи со стражниками, проскользнули в тайный, скрытый в стене проход и спустились по лестнице, ведущей в недра Королевской Башни. Там, пройдя извилистым коридором они наконец уперлись в нечто похожее на самый обычный чулан. Тавис чуть замешкался у входа, и Джевана начала бить дрожь, но когда Целитель подал ему знак, он отважно шагнул внутрь.

— Ты уверен, что это Портал? — недоверчиво переспросил он у Тависа, который с факелом в руках подталкивал мальчика глубже во тьму.

— Ну, конечно, не такой роскошный, как в соборе, но Портал. Я сейчас потушу факел. Не шевелись.

Огонь тлел еще несколько мгновений, затем погас окончательно. Тавис выпрямился и обнял Джевана сзади, положив правую руку ему на шею. Культей левой руки он также коснулся горла мальчика с другой сторо-

ны, и тот напрягся, сознавая, что сейчас все будет совсем по-другому, чем во время сеансов целительства.

— А теперь вспомни, как я тебя учил: надо совершенно расслабиться, чтобы я мог перенести тебя с собой, — прошептал Тавис прямо в ухо Джевану. — Вдохни поглубже пару раз и медленно выпусти воздух, как мы делали раньше. Опusti защиту и плавь по воле волн. Ну же, давай, у тебя получится!..

Джеван старался, но слишком нервничал, чтобы все получилось как надо. Протянув руку, он провел пальцами по влажной стене, словно чтобы набраться уверенности, затем глубоко втянул воздух и медленно выдохнул, и еще раз — чувствуя, как Тавис пытливо касается его сознания, скользит по его защитам. И все-таки у него по-прежнему ничего не получалось.

— Тавис, по-моему, я не смогу, — прошептал он, тряхнув головой. — Может, ты и прав. Лучше тебе пойти одному. Я тут подожду. Обещаю, я не буду шуметь.

— Нет, не получится, — терпеливо возразил Тавис. — Давай попробуем немного иначе. Не сопротивляйся, просто позволь этому произойти. Я сильнее тебя, и ты не сможешь уйти, даже если захочешь.

С этими словами Тавис стал все сильнее нажимать на шею мальчика, а тот, поняв, что делает Целитель, напрягся еще больше.

— Расслабься! — приказал Тавис. — Это только мгновение, просто чтобы пройти через Портал. Сознание вернется через несколько секунд. Поверь, будет легко.

Джеван еще мог дышать, но он чувствовал, как под пальцами Тависа бьется артерия, в глазах, несмотря на темноту, что-то мелькало.

Он заставил себя вдохнуть как можно глубже, безвольно опустил руки и даже подался навстречу Тавису, чтобы облегчить его задачу. Человеческий инстинкт подсказывал Джевану совсем другое, но сейчас принц не верил ему. В одно мгновение темнота комнаты сменилась полным мраком и странным чув-

ством головокружительного беспорядочного падения. Руки Тависа обнимали его.

* * *

В Дхассе Камбер неторопливо накинул плащ, протянутый Джоремом, и чередой бесконечных коридоров и галерей вслед за сыном и Ниелланом направился в часовню. Там, вокруг пурпурного сияния над плитой Портала, стояли лучшие воины-Дерини Ниеллана во главе с Джебедией. В фиолетовой дымке Камбер разглядел Тависа О'Нилла и принца Джевана. И Целитель, и принц были напряжены и боязливы, приближение Элистера Келлена их еще больше напугало. Из Портала-ловушки не было выхода. Черную одежду они надели скорее всего случайно, но траур лучше всего подходил к их положению.

Взмахом руки Камбер приказал освободить пленников и отпустил стражу. Когда пурпурное сияние растаяло, Тавис облегченно вздохнул, дождался, пока стражники выйдут и затворят за собой дверь, потом поклонился Камберу.

— Благодарю вас, ваша милость. Прежде чем вы упрекнете меня в том, что я привел сюда Его Высочество, позвольте сказать, что он сам на этом настоял. Нам удалось добыть кое-какие сведения, и мы подумали, что они вам пригодятся. А где Райс?

При упоминании этого имени Камбер сжался, чувствуя, как ударил вопрос в сознание Джорема и Ниеллана, и видя глубокую нескрываемую скорбь на лице епископа Дхасского.

В последние дни они очень сблизились, общение с Ниелланом хоть как-то заполняло в душе Камбера опустошение после потери.

Принц и Тавис тоже заметили реакцию незнакомца на свой вопрос. Тавис подался вперед, Джеван шагнул за ним и схватил его за руку.

— Что-то не так, — прошептал мальчик. — Что случилось?

— Райс... умер, — просто ответил Камбер, не умея смягчить страшные слова. — Вскоре после того, как мы покинули собор, он умер почти на том месте, где стоите вы.

— *О, Боже!* — беззвучно произнес Джеван. Тавис недоверчиво покачал головой.

— Но он *не мог* умереть. Не мог. Просто не мог! — снова и снова повторял Целитель.

Джеван повернулся к Тавису. Его глаза стали бездонными от ужаса, губы подергивались, наконец он сумел выговорить:

— О, Господи, Тавис, мы убили его! Не нужно было давать ему наркотики! Из-за нас он не смог исцелить себя. Он *умер!*

Камбер не сдержал утвердительного кивка, а принц забился в истерике в объятиях своего друга. Это было слишком жестоко; конечно, слабость Райса осложнила его положение после ранения, но ни один здоровый Целитель, так жестоко поранив свой мозг, не сумел бы исцелиться. В том, что его сбили с ног, никого из присутствующих нельзя было винить. Произошел ужасный, бессмысленный несчастный случай!

Камбер так и сказал, прибавив, что единственной надеждой Райса на выживание было бы присутствие другого Целителя. Но Тавис стал винить себя за то, что оставил Райса после падения и вернулся к Джевану, хотя мог остаться и помочь.

Джебедия напомнил, что когда Тавис уходил, он не знал, насколько серьезной была рана Райса, и он подчинился мечу Джебедии. Сомнения в своей виновности у Тависа отчасти рассеялись.

Камбер ронял слова в разговоре и силился не показывать свои истинные чувства, уверенность, что Райс мог остаться жив, если бы Тавис не дал ему зелья, а потом не оставил его. Вскоре ему удалось пода-

вить и последние вспышки горьких сомнений. Райс простил Тависа и Джевана. Камбер узнал об этом, когда Райс стоял перед ним на коленях в соборе и передавал свои ночные страхи и примирение в стремительном порыве глубокого контакта, последнего в его жизни. По крайней мере, его смерть не была напрасной: он принес предупреждение, дал своим собратям двух новых деятельных союзников — Тависа О'Нилла, Целителя, способности которого только росли, и на удивление талантливого сына Синхила.

Даже в недолгом общении с Джеваном выяснилось, что не в коронованном Алрое, а в его брате можно найти помощника в восстановлении нормальных отношений между людьми и Дерини и торжество здравого смысла. Они понимали, что принц не станет предавать своего брата, впрочем, камберианцы и не рассчитывали на это, но он мог быть должным образом подготовлен, чтобы, когда придет пора, занять место Алроя. Нет, они не станут причинять зло этому болезненному подростку, но нельзя же отдавать страну в руки зарвавшихся регентов, у которых Алрой под пятой.

Убедившись, что Джеван понял, они преклонили перед ним колени и перед алтарем поклялись всемерно поддерживать его. Разумеется, эта клятва не была присягой на верность королю, но это были слова благородных дворян, которые немало стоили в Гвиннеде. Джеван торжественно принял их уверения и после этого почти не говорил, но замкнутость принца не создавала натянутости. Теперь главной заботой оставался Тавис.

— Мне бы хотелось знать, ты задумывался о том, чему научился от Райса? — напрямик спросил Камбер. Тавис насторожился.

— О чем вы, ваша милость?

— О новой способности Целителя, — ответил он, избегая углубляться в тему, имеющую касательство к магии, хотя знал, что и Тавис и Джеван желают поговорить именно об этом. — Он передал мне,

что ты научился этому. Если так, ты окажешь нам даже большую помощь, чем можешь предположить.

Тавис, и раньше строго следивший за собой, от вопроса Камбера прямо-таки окаменел.

— Это правда, — он помолчал в нерешительности, затем продолжил. — Но я не понимаю, чем могу помочь вам. Дерини нам не враги... за исключением некоторых, — добавил он и кивнул на свою пустую манжету. — Это сделали не друзья.

— Верно, — согласился Камбер. — И все-таки покажи, как ты это делаешь. А потом я скажу, чему это может.

Тавис пожал плечами.

— Хорошо. — Он обвел взглядом присутствующих и снова посмотрел на Камбера. — Хотите сами кого-нибудь выбрать?

— Как насчет Ниеллана? — мягко поинтересовался Камбер. Он согласился на испытание с неохотой, но то, чему О'Нилл успел научиться, следовало выяснить незамедлительно. Маловероятно, чтобы Тавис использовал этот талант как оружие против них. Правда, он применил его против Райса, но тут не покои принца Джевана.

Тавису было неизвестно, что находившийся за ним Портал по-прежнему не давал вернуться обратно, а снаружи часовня охранялась. Ему ни за что не справиться с охранниками-Дерини и не заставить их опустить преграды, чтобы он смог убежать. Только мысленный приказ мог сделать это, а значит, способностям Ниеллана ничто не угрожало.

Камбер еще раз взвесил все «за» и «против», не отдаваясь от сознания Тависа. Он почувствовал, как Целитель открывается перед Ниелланом, в его мозгу не угадывалось злого умысла, просто Тавис чувствовал эмоции других и сам держался настороже. Ниеллан криво усмехнулся и смело вышел вперед. Тавис снова посмотрел на Камбера.

— Никаких подвохов?

Камбер покачал головой.

— Я бы мог спросить тебя о том же самом, но нам придется доверять друг другу. Я просил тебя продемонстрировать свой талант на Ниеллане потому, что он никогда не испытывал подобного. Ты бы выбрал кого-нибудь другого?

Раздумывая, Тавис нервно сжал пальцы, в поисках поддержки оглянулся на Джевана, покачал головой и придвинулся к Ниеллану.

— Я только однажды проделывал это, — пробормотал он, волнуясь, поднял обе руки к голове Ниеллана, но вдруг отдернул левую, словно впервые заметив отсутствие кисти. — Тогда мой пациент выпил наркотики. Но постараюсь не причинять боли.

— Давайте, — шепотом поторопил Ниеллан, внешне спокойный, однако вздрогнувший от прикосновения.

Как будто ничего не произошло, но Ниеллан неожиданно вскрикнул и сделал несколько шагов назад, бессмысленно хлопая глазами и суматошно озираясь, Джорем и Джебедия взяли его под руки.

— О, Боже, он сделал это! — только и удалось выговорить Ниеллану, Тавис отошел и ожидал в нерешительности, Камбер посмотрел на остальных.

Ушло? — послал он Джорему и Джебедии.

Джорем едва заметно кивнул.

Совершенно.

— Хорошо, — произнес Камбер вслух. — А теперь, Тавис, сними, пожалуйста, блокирование.

— Ладно.

Тавис снова коснулся лба Ниеллана, на этот раз он держался куда увереннее. В мгновение ока способности Ниеллана были восстановлены. Его широкая, радостная улыбка была достаточным подтверждением, большего не требовалось Камберу.

Следовательно, оставался единственный вопрос: можно ли Тавису доверять, как они сами

себе не доверяли. Разговор возобновился. Рассказывая о наблюдениях за действиями регентов и епископов в последнюю неделю, Тавис казался откровенным, но нервничал сильнее, чем просто взволнованный человек.

Это настораживало Камбера. Он боялся, что нервность может впоследствии привести к опасным неожиданностям. В продолжение разговора он пытался разобраться, что скрывается за взвинченностью гостя. В конце концов Камбер понял: Тавис всегда держался особняком, еще до нападения и травмы, теперь он предпринимал неумелые попытки быть открытым и понимал, как неуклюж в своих стараниях. Камбер сразу успокоился, теперь он подбадривал Тависа, управлял течением беседы, помогая обрести уверенность. Воспользовавшись паузой в разговоре, трое Дерини отвели Джевана в другой конец часовни якобы затем, чтобы переговорить с Джебедией по военным вопросам, а на самом деле, чтобы предоставить Камберу и Тавису подобие уединения. Целитель все еще чувствовал неловкость и оценил деликатность.

— Вы знаете, что есть еще кое-что, не так ли, ваша милость? — Целитель скрестил руки на груди так, чтобы пустая манжета не была видна. — Не знаю, как попросить, нет, не попросить — предложить. Проклятье, я не знаю, как это сказать!

— Почему бы тебе для начала не попробовать называть меня просто Элистером, — мягко сказал Камбер. — Иногда, когда кто-то хочет обратиться ко мне как к другу, я считаю титулы только помехой.

— Но вы архиепископ... — начал было Тавис.

— Нет, ты сам сообщил мне, что в этой часовне нет епископов, — с улыбкой возразил Камбер. — Так заявил Рамосский синод. Однако, независимо от нового архиепископа, здесь *есть* священники. Если это поможет, смею заверить тебя, что все, чем бы ты ни поделился со мной, будет сохранено в строжайшей тайне — тайне исповеди, если угодно.

Тавис теребил складку рукава большим и указательным пальцами.

— Нет, не то. В этом я вам доверяю.

— В этом, но не в другом? — мягко спросил Камбер. — Недоверие мне понятно. Полная открытость требует определенного времени.

— Нет, мне кажется, я верю вам. — Тавис искоса глянул на собеседника. — Я ошибался на ваш счет, насчет вас всех. Джеван тоже. Райс не лгал, говоря, что мы все сражаемся под одним знаменем, но я не верил, пока не стало почти совсем поздно, а для Райса слишком поздно.

Он остановился, чтобы перевести дух и собраться с мужеством, и продолжал.

— Видит Бог, я заплатил за мою самонадеянность и жалкие подозрения и заставил платить других, но думаю, что теперь действительно могу помочь вам, несмотря на все преграды. Я хочу помочь, но я просто не знаю, Элистер...

Медленно, чтобы не нарушить появившуюся возможность контакта, Камбер отошел от алтаря и сделал осторожный шаг к Тавису, потом еще один, пока не очутился совсем близко от него. Целитель почувствовал, что произойдет дальше, но он не мог заставить себя сделать встречное движение.

Камбер тут же немного ослабил контакт, и на его губах появилась легкая улыбка.

— Боюсь, Тавис, ты находишься в невыгодном положении. Мы, михайлинцы, выучены в старых традициях и формулах общения в контакте, равно как и гавриилиты, и иногда мы ошибочно полагаем, что и все остальные хорошо тренированные Дерини тоже. Но твое обучение Целителя проходило вне Ордена святого Гавриила, не так ли? И уж конечно, не в братстве святого Михаила.

Тавис согласно кивнул.

— Да.

— Ага. Это многое объясняет. Подход скорее прагматичный, чем философский, для искусства исцеления вполне приемлемый, — добавил он, заметив на лице Тависа готовность выступить в свою защиту, — однако при этом довольно часто опускаются более тонкие нюансы, которые были бы так полезны в нашей ситуации. Ты научен стандартным подходам Целителей, но не вспомогательным навыкам. Правильно? Не удивляйся, после стольких лет работы с Райсом я знаком с вашей терминологией.

Тавис неохотно кивнул.

— Так я и думал. Прошу тебя, дай мне минуту.

Не дожидаясь согласия Тависа, он развернулся и зашел за алтарь, остановился, чтобы поклониться, и вынул одну свечу из подсвечника. Вернувшись, он приказал Джорему держать остальных подальше. Камбер снова встал перед Тависом, держа незажженную свечу в левой руке и глядя Целителю в глаза.

— Я хочу показать тебе одно упражнение, которое многие Дерини проделывают в очень раннем возрасте. Джорем и Джебедея научились этому от своих отцов, а Ниеллан, по-моему, от своего. Однако я не умел этого, пока не стал послушником-михайлинцем. Но, как мне кажется, новому никогда не поздно учиться. Итак, это упражнение может попасть в разряд заклинаний, но тебе уже пора узнать, что за этим названием не скрывается ничего страшного. — Он поднес свечу к Тавису. — Положи руку на мою так, чтобы мы вместе держали свечу.

Тавис мгновение колебался, потом подчинился. Его пальцы были просто ледяными, но Камбер выдержал прикосновение, не моргнув. Он дал Тавису несколько секунд, чтобы сделать дыхательные упражнения для подготовки и обретения спокойствия.

— Хорошо, — прошептал Камбер, сделав несколько вдохов. — Заметь, что сейчас *ты* будешь

контролировать ситуацию. Твоя рука лежит на моей, я тебя не держу. Если ты начнешь бояться, что не хочешь этого, можешь убрать руку, когда пожелаешь. Я не обижусь. По некоторым твоим ответным реакциям я понял, что в прошлом тебе причинили боль. Видит Бог, я не хочу вызывать новой боли.

Тавис судорожно глотнул.

— Как вы узнали об этом?

— Попал в точку? — улыбнулся Камбер. — Значит, тебе все-таки причинили боль, не так ли? Возможно, во время обучения?

— Да. Я...

— Сейчас нет нужды копаться в этом. — Голос Камбера успокаивал, он, в такт речи покачивая головой, поднял правую руку вровень с левой и повернул ладонью к Тавису. — Посмотрим, удастся ли нам легко пройти это. С тех пор боли было много, не так ли? — продолжал он. — Ты еще не смирился с потерей, не правда ли? Не отстраняйся! — добавил он резко, но не повышая голоса, когда Тавис понял, что его покалеченная рука остановилась рядом с рукой Камбера, и в смущении отдернул ее.

— Нет, не могу.

— Входи в контакт, — шептал Камбер, пристально глядя на дрожащую руку Тависа, стыдливо прижатую к груди.

Несмотря на то, что в часовне было холодно, по лицу Тависа струился пот. Рука Целителя на руке Камбера, державшей свечу, сжалась, как тиски.

— Давай же, Тавис. Входи в контакт, — мягко повторил Камбер. — Ты думаешь, мне будет неприятно твое прикосновение? Ты думаешь, твоя душевная красота потеряла что-то с потерей кисти? Тавис, думай, что ты можешь сделать с тем, что у тебя осталось. С одной рукой и обрубком тебе под силу совершить невозможное для людей с двумя здоровыми руками, для целого войска!

Камбер почувствовал, как сжался Тавис при слове «обрубок». Ему было жаль Целителя, но, не замечая увечья, потерянного не вернешь. Тавису пора примириться с этим. Глядя ему в глаза, Камбер почти не дышал, желая, чтобы Целитель раскрепостился. Помощь была бесполезной, если Целитель не хотел ее принять.

Наконец Тавис начал отзываться сознанием. Он по-прежнему крепко сжимал зубы, его глаза были устремлены в одну точку, но его рука, дрожа, поднималась к руке Камбера. Было видно, как напрягались мышцы в культе, там, где рукав свободно свисал с запястья. Это Камбер заметил краем глаза, неотрывно смотря в немигающие глаза Тависа.

Казалось, движение руки длилось целую вечность, но в конце концов Тавис вошел в контакт, соединив свой обрубок с раскрытой ладонью Камбера, закрыл глаза и облегченно вздохнул. Несколько минутами позже Целитель почти перестал дрожать и снова открыл глаза. Камбер по-прежнему ласково смотрел на него.

— Знаю, — прошептал он. — Это было очень трудно, не так ли?

Непринужденно пожимая гладкое полушарие увечной руки, он только придерживал ее, но не удерживал. Тавису наконец-то удалось унять дрожь. Камбера обрадовал первый успех. Его ученик кивнул, дыхание становилось свободнее, он понемногу расслаблялся. И Камбер позволил себе легкую улыбку Элистера.

— Тебе лучше?

Тавис проглотил слюну и кивнул.

— Немного устал, но уже не так испуган, как раньше, и только одному Богу известно, почему. Встревожен, но не испуган по-настоящему.

— Хорошо, — Камбер кивнул, — бояться действительно нечего. По-моему, это не слишком отличается от контакта во время исцеления, разве что в данном случае партнеры равноправны, а при исце-

лении один из них под контролем. Может показаться, что этот контакт более интенсивный, но тут все зависит от тебя. — Он поднял бровь. — Итак, теперь ты готов научиться детскому заклинанию?

— По-моему, да.

— Хорошо. В таком случае несколько глубоких вдохов и выдохов и сосредоточение, словно ты готовишься к исцелению. Правильно. Когда будешь готов (если, конечно, будешь, потому что у некоторых это никогда не получается), закрой глаза, чтобы еще больше собраться. Суть в том, чтобы контакт нарастал постепенно, новичок должен изучить себя и выбрать подходящую скорость. Глубина контакта будет в твоей власти, но контролируй ее пассивно — пусть все идет своим чередом.

Говоря так, Камбер видел, как веки Целителя стали подрагивать, взгляд сделался рассеянным, Тавис впадал в обычный для Целителя транс. Уровень контроля был превосходен.

— Вот так, хорошо. Позволь себе следовать за мной так далеко, как сочтешь нужным. Когда будешь готов, повтори заклинание: «Друг мой, соедини свою руку с моей и свой разум с моим. И пусть огонь запылает между нашими руками». Разумеется, для этого нужно соответствующим образом настроиться. Слова сами по себе ничего не значат. Их внутренняя сущность — вот что важно. Заклинание подействует только тогда, когда наши умы соединятся, и знаком этого будет огонь, вспыхнувший между нашими руками. И это обязательно произойдет...

Ресницы Тависа смыкались и размыкались. Его дыхание стало ровным и легким. Моргнув очередной раз, он больше не открыл глаз. Убедившись, что он не собирается этого делать, Камбер тоже закрыл глаза и стал нащупывать мостик к сознанию ученика.

Он сразу же столкнулся с защитами Целителя, но, к его радости, они начали опускаться — сначала

524 медленно и осторожно, а потом, когда уровни

подсознания Тависа приняли вторжение Камбера, все более откровенно. Камбер осторожно проник в мозг Тависа, скрывая часть своего существа, принадлежавшую Камберу, за рамками контакта и открывая себя как Элистера. Чтобы не пугать новичка, приходилось скользить в его сознании, тщательно готовя каждый следующий шаг вглубь.

Но затем, к его удивлению, в необъяснимом порыве беззаветной откровенности Тавис совершенно отказался от защит и сопротивления. Повинуясь инстинкту, Камбер двинулся за опустившиеся защиты, готовый отступить, если Тавис запаникует, но потом целиком слился с мыслями, воспоминаниями и ощущениями Тависа.

Вспоминая свой первый контакт с Джебедией, тогдашний порыв мысленной связи с тем, кто не был его родственником, контакт по всем меркам превосходный, Камбер подумал, что сейчас столкнулся с совершенством, о котором можно было только мечтать. То, о чем он узнал, настораживало, а от развития способностей Джевана просто перехватывало дыхание.

Свеча, которую они держали сообща, вспыхнула сама по себе. Когда контакт еще более углубился, Тавис начал слегка покачиваться, Джорем, до этого времени наблюдавший, подошел и подхватил свечу, чтобы они случайно не обожглись, — в этот момент вспыхнувшее пламя занимало последнее место в их сознании.

Джорем вовремя подоспел — у Тависа затряслись колени, и совсем ослаб телесный контроль. Это было вполне естественно для новичка в такой степени взаимодействия, когда открываются не только мысли, но и глубины подсознания. Большинство впервые заходивших в такие дали инстинктивно отталкивались, но Тавис не оробел перед еще не ясной ему силой заклипания и не прервал контакта. Камбер подхватил Целителя, опустил на пол и сам сел рядом. Встревоженный Джеван попытался было подойти, но Дже-

бедия остановил его и постарался растолковать, что сейчас испытывал Тавис, вспоминая свой собственный первый контакт с Камбером. Разумеется, друг Джевана не знал, что под обликом Элистера Келлена скрывался деринийский святой, но и Элистера было достаточно, чтобы Тавис никогда не забыл того, что он сейчас испытывал.

Камбер поделился с ним всем, чем мог, рассказывая об Элистере Келлене и его связях с остальными — Джоремом и Джебедией, Райсом и Ивейн и даже Джеффраем, Эмрисом и Квероном. Новый брат узнал о миссии, которую они выполняли последние двенадцать лет, и даже о Камберианском совете и его работе. Он почему-то уверился, что Тавис окажется в их числе, и прямо сказал об этом.

Не стал раскрывать ему всей правды о событиях в ночь смерти Синхила и правду о самом себе, но во всем остальном предоставил свой мозг настолько, насколько позволял его епископский сан. Даже боль от смерти Райса была открыта, раскаяние искупило вину, а горе схоронилось в тайниках души.

Оставался еще один важный вопрос. Тавис был пока единственным наследником открытого Райсом таланта блокирования Деринийских способностей, королевскому Целителю было необходимо включаться в игру «пророка» Ревана. Нельзя сказать, чтобы Тавис вызвался на это. Преданный Джевану, он не решался расстаться с единственным другом и понимал, как много может сделать вместе с Реваном для защиты расы Дерини от истребления.

Пока он согласился работать с Квероном над совершенствованием своих способностей и поиском других Целителей, которым можно будет передать дар Райса, и только если ни одного так и не найдется, примкнуть к Ревану, когда оставаться с Джеваном станет опасно.

Слишком многое в этом замысле держалось на
526 «если», но Тавис просто не мог принять реше-

ние без совета с Джеваном. И Камбер вынужден был согласиться.

Открыв глаза, Тавис обнаружил, что лежит на полу. Рядом сидит ласково улыбающийся архиепископ, а обеспокоенный принц склоняется к нему. Позади Джевана располагался Джорем с горящей свечой, на губах играла улыбка. За ним стояли Ниеллан и Джебедия, последний казался особенно довольным.

— Как... как я очутился на полу? — спросил Тавис.

— У тебя ослабли ноги, — просто ответил Камбер. — Обычное явление. Вот, например, Джорем может опуститься на любой уровень, оставаясь на ногах и следя за нормальной работой тела. Другие, как Джебедия, входя в транс, не могут устоять на ногах. Не знаю, зависит это от выучки или нет. Вероятно, это индивидуальная особенность, нечто вроде разной реакции пациентов на приказы Целителя погрузиться в сон. Работая с Райсом, я заметил это.

Обдумывая слова Элистера, Тавис не вздрагивал, вспоминая о Райсе, как до контакта. Его защиты вернулись на место, но пока недостаточно упрочились. Соприкосновение сознанием сохранялось, и Камбер мог следить за ходом мыслей Тависа, как это бывало с Джоремом и Джебедией в минуты откровенности. Он почувствовал, что Тавис размышляет над тем, что только что произошло, и улыбнулся, когда Целитель недоверчиво поднял на него глаза.

— Элистер, мы правда делали то, о чем я думаю? — прошептал он.

Камбер не спеша кивнул, его огорчало, что такой Дерини до этой ночи ни разу не испытал контакта высокого уровня. Теперь он понял, как много досталось от жизни ему и сколько еще было таких, как Тавис, не знавших этого, немного страшного поначалу и сладостного ощущения, данного им при появлении на свет.

— Вне сомнения, ты справился с этим, Тавис, — с улыбкой произнес он. — Просто не

представляю, как удавалось не замечать тебя все эти годы, думаю, ты станешь нам хорошим помощником.

— Я попробую, — с готовностью отозвался Тавис. — Мне очень жаль, что я так долго боролся против вас.

— А как же я? — вмешался еще немного встревоженный Джеван, придвигаясь поближе. — Я тоже хочу помочь! Вы же знаете, я могу.

— Джеван! — упрекнул его Тавис, усаживаясь с помощью Камбера.

— Нет, он прав, — сказал Камбер, спрашивая себя, действительно ли он хочет после эмоциональных потерь с Тависом работать еще и с Джеваном. Тот обмен был очень важен, нельзя было упускать такую возможность, но сейчас его равновесие было слегка нарушено, как всегда после первого контакта. И все-таки, если Джеван готов довериться, готов открыть перед ними свои защиты, такой шанс нельзя было упускать. Мгновенное совещание с Джоремом и Джебедией окончательно убедило — они разделяют его надежды и уверенность.

— Джеван, вы понимаете, что происходило между мной и Тависом? — поинтересовался он.

— Мне кажется.

— Ну и что же случилось?

— Вы оба... опустили свои защиты, и... каждый вошел в сознание другого?

Камбер кивнул.

— В общем правильно. Но это поверхностное объяснение. Тавис доверился мне, он предложил мне все свои мысли и все свое существо, я взаимно сделал то же. Это самый ценный дар общения, дар доверия и дружбы без условий и оговорок. Не всякому стоит доверяться, но если пошел на это, ничего не тай или потеряешь контакт. Вам это понятно? — Джеван выслушал с широко открытыми глазами и осторожно кивнул.

— У меня есть защиты, отец Элистер. Тавис говорил вам об этом?

— Да. А также и то, что вы умеете опускать и поднимать их по своему желанию, как это делаем мы. Вы, правда, это умеете?

Джеван неуверенно посмотрел на Камбера, перевел взгляд на Тависа и снова на Камбера. На мгновение Камберу показалось, что он готов отказаться от того, что начал, но принц потупил глаза и спросил:

— Вы хотите посмотреть? Я... никогда не делал это для других, только для Тависа. Но если нужно, я попробую.

Он понял отца Элистера и был внутренне подготовлен, но явно робел, боясь оконфузиться, а Камбер не был убежден, что сам сможет наилучшим образом мобилизоваться для контакта. Тавис очень своевременно взял дело в свои руки.

— Есть предложение, Элистер.

— Да?

— Джеван не бывал в контакте. Если даже я со своей деринийской подготовкой устал от этого, то ему будет тяжело вдвойне.

— Ты хочешь сказать, что он не готов? — спросил Камбер.

— К вашему прикосновению — вероятно, но с моим уже знаком, — ответил Целитель. — Он опустит защиты с моей помощью, а потом вы установите связь через меня.

— Хорошая мысль.

Джеван явно обрадовался такому повороту. Когда он сел, скрестив ноги, перед Целителем, Камбер знаком велел Джорему подойти. Джорем задул свечу, которую все еще держал, передал ее Ниеллану, расположился между Джеваном и Камбером и опустил руку на колено отца. Джебедия устроился сзади, руки покоились на плечах Камбера и Джорема.

Целитель и принц начали очень быстро, после нескольких негромких слов веки мальчика задрожали. Спустя еще мгновение рука Тависа оказа-

лась на лбу мальчика, и он одобрительно кивнул сам себе, опускаясь на рабочий уровень связи, и знаком пригласил Камбера присоединиться. Контакт пока был легким, Джевану еще не удалось полностью убрать защиты, они у мальчика действительно были — прочные, непреодолимые защиты, которыми мог гордиться любой Дерини.

В первые секунды контакта Камберу открылись несколько уровней мозга Джевана, и он увидел яркое, искрящееся *нечто* с расходящимися во все стороны тончайшими нитями, потом взаимодействие ослабело.

Выйдя из контакта, Тавис оглянулся на Камбера, удивленный появлением сверкающего сгустка.

— Вы знаете, что это было? — спросил он. Камбер кивнул.

— Знаю. К сожалению, я не могу рассказать тебе, что именно.

— Не можете... Это имеет какое-нибудь отношение к тому, что случилось в ночь смерти его отца? — догадался Тавис, в ожидании подаваясь вперед, Джеван сделал то же самое.

Камбер поднял бровь. Как быть? Он обратился за советом к Джорему и Джебедии. Он не мог рассказать Целителю и принцу всего, что случилось той ночью. С другой стороны, судя по рассказам Тависа о мальчике и его собственным наблюдениям, тот вел себя не так, как они ожидали. У него не должны были появиться защиты, он не должен был овладеть искусством считывания мыслей, а спящий зародыш пробуждавшихся способностей Камбер не рассчитывал обнаружить до того, как Джеван станет королем.

— Я не должен рассказывать вам, что конкретно случилось, — ответил он. — Я, как и все, кто там находился, обещал это Синхилу. Однако, раз уж вы знаете кое-что, я могу сказать: то, что произошло, связано с наследственностью. Синхил решил, что... определенные

530 результаты должны проявиться сначала в Алрое.

Отчасти это удалось. Без сомнения, у короля есть потенциал. К несчастью, регенты слишком крепко держат вашего брата. Сомневаюсь, чтобы когда-нибудь он использовал то, что ему дано. И слава Богу, ведь он — орудие в руках регентов.

— Это не его вина! — в сердцах бросил Джеван. Камбер успокаивающе коснулся плеча принца.

— Я знаю, что это не его вина, сын мой. Но факт остается фактом: Алрой действует не по своей воле и скорее всего обречен на это. Вероятно, нашему королю не суждено стать взрослым. Райса беспокоило его здоровье.

— Вы хотите сказать, что он может умереть? — воскликнул Джеван. — Тавис, это правда?

Вздыхнув, Тавис опустил глаза.

— Ты же знаешь, он очень хил. Кроме того, помимо, регенты пичкают его успокоительным сверх всякой меры. Ты видел, что иногда он начинает клевать носом ни с того ни с сего. Мы не можем помочь ему, поэтому я не говорил тебе об этом. Я не хотел, чтобы ты беспокоился раньше времени.

Растерянный, Джеван переводил взгляд, встречая подтверждение слов Тависа в каждом лице, даже в добрых глазах Ниеллана.

— Они... будут повинны в его смерти? — наконец спросил мальчик. — Регенты намерены убить моего брата?

Камбер покачал головой.

— Нет. В интересах регентов поддерживать в Алрое жизнь. Они могут контролировать его действия, но насчет вас не уверены. Это еще одна из причин поскорее избавиться от Тависа. Он заставляет вас думать и не позволяет им превратить вас в такую же марионетку, какую они сделали из Алроя. Когда Тависа вынудят уйти, вы должны быть предельно осторожны. Ни на минуту не допускайте мысли о том, что они обманулись вашей деланной простоватостью.

Джеван долго смотрел на них и молчал, потом устался в пол.

— Вы сказали, то, что со мной произошло, имеет отношение к наследственности.

— Да.

— Значит, мои защиты и то, как смотрю, чтобы узнать, лгут ли люди...

— ...является частью того, чем вы могли овладеть, только став королем, — подхватил Камбер. — Думаю, ясно, почему. Если бы все шло, как задумал ваш отец, вы трое не изменялись бы до восшествия на престол. Но даже тогда вы узнали бы об этом только в момент действительной необходимости. По-моему, ваш отец думал о будущем: только один наследник династии Халдейнов должен наследовать то, что приобрели вы, причем в свой черед.

— Почему же тогда это случилось со мной? — спросил Джеван.

— Возможно, по той самой причине, о которой мы говорили раньше, — вмешался Тавис. — На совершенно одинаковые действия люди откликаются по-разному. — Он задумчиво посмотрел на Камбера. — Элистер, по-моему, мы не можем больше... продолжать обходить стороной то, что случилось, раз уж он знает кое-что.

— Ты действительно думаешь, что он готов к такой ответственности? — возразил Камбер.

Тавис поджал губы.

— Разумеется, он очень юн, но, тем не менее, много знает.

— И, вне всякого сомнения, еще многое узнает, но пусть уж все идет своим чередом. Если хочешь, можешь продолжать работать с ним, посмотрим, что тебе удастся обнаружить, — сказал Камбер с легкой улыбкой. — Мне будет интересно знать, насколько искажены намерения Синхила. Кроме того, это будет прекрасной тренировкой для Джевана, имеющего защиты и пытающегося считывать мысли.

Они еще долго говорили, но Камбер больше не распространялся о судьбе Джевана. Следовало условиться о плане и обсудить возможные действия по сохранению безопасности Джевана и Тависа. К тому времени, когда Камбер уже был готов отпустить Целителя и принца обратно в Валорет, настроение его немного улучшилось. Пока юность Джевана представляла некоторую преграду, но годы исправят такое положение вещей, с каждым днем Джеван все ближе к совершеннолетию и почти наверняка — к короне. А пока друзьям нужно по возможности держаться в тени, особенно Дерини Тавису, и стараться не спровоцировать регентов на жесткие меры. Тавис начнет изучение приемов работы с Квероном, а потом с Реваном.

Когда принц и Целитель ушли и Портал снова стал ловушкой, Камбер, Джорем, Джебедия и Ниеллан принялись за обсуждение дальнейших планов.

— Эта новость о приказе нас арестовать тревожит меня больше, чем я показал Тавису, — сказал Камбер, меряя шагами кабинет Ниеллана, — Сейчас я особенно встревожен безопасностью Ивейн. Плохо, что возле нее не оказалось по-настоящему близкого человека, к которому она могла бы обратиться, когда ее душу пронзила весть о смерти Райса... она не могла ее не почувствовать. А если ее начнут преследовать...

— Элистер, мне кажется, ее невозможно догнать, — сказал Ниеллан, — Она уехала из Валорета пять дней назад. Кроме того, с ней Ансель и Кверон.

— Знаю. И возможно, вы правы. Но ведь она не знает, что теперь стала фактически беглянкой. А это кое-что да значит.

Ниеллан покачал головой.

— Что значит? Это заставит ее бежать быстрее? Элистер, у нее на руках двое детей, которых нужно защитить, и еще один неродившийся. Неужели вы думаете, что она не хочет сохранить их свободу? Джорем, она ваша сестра. Вероятно, вы знаете ее

лучше, чем любой из нас. Объясните Элистеру, что она знает, что делать.

— Она знает, — повторил Джорем, грустно улыбнувшись и кивнув. После смерти Райса ни он, ни отец были не в состоянии мысленно связаться с ней, хотя, вероятно, и потрясение, и расстояние были тому причинами. Они были уверены, что Ивейн жива...

— Должно быть, с ней все хорошо, — согласился Джебедея. — Если она узнает об ордере на арест, может только еще больше разволноваться. Помешать Ивейн невозможно при всем желании, из Валорета в Трурилла ведет около полдюжины дорог, она выбрала одну, а из Труриллы в монастырь святой Марии еще больше путей. Это значительно затруднит ее поиски — и наши, и возможных преследователей. Кроме того, если кто-то догадается, что она едет в Трурилла за сыном, откуда им знать, что она не отправится в монастырь святой Марии?

Он покачал головой.

— Вы хорошо потрудились, роясь в архивах епархии, Элистер. Сомневаюсь, чтобы кто-то за пределами самой обители помнил, что существует такой монастырь святой Марии-на-Холмах, и знал о его местонахождении.

— Вероятно, вы правы. И Дхасса, к сожалению, слишком далеко, чтобы можно было установить надежный контакт, даже если Ивейн ожидает этого. Вероятно, кто-то из нас должен был бы находиться в монастыре, чтобы встретить ее. Если бы удалось найти доступ к Порталу в том районе, проблем с этим не возникло бы. Джорем, ты лучше остальных знаешь район Кор Кулди. Сомневаюсь, чтобы брат Хьюберта испортил Портал, даже если бы знал, где его искать. Предположим, что он этого не сделал. Сумеет ли кто-нибудь пройти через тот Портал и остаться в живых?

— Я бы сумел, — ответил Джорем неуверенно. — Ты этого от меня хочешь?

Камбер кивнул.

— Думаю, да. Мне очень не хочется посылать тебя в одиночку, но кто-то все-таки должен туда отправиться. К тому же нам нужен Портал в самом монастыре, чтобы можно было попасть в киилль еще одним безопасным путем. Как только приедут Ансель и Кверон, будешь помогать им в его сооружении. Не думаю, что можно рассчитывать на помощь Ивейн до рождения ребенка. Но вас троих будет вполне достаточно, не так ли?

— Да, и мы могли бы черпать силу у Эйдана, Камли-на и наиболее надежных из братии. Мальчики уже достаточно взрослые для этого.

— Хорошо. Я полагаю, отправляться нужно прямо сегодня. От Кор Кулди до монастыря Святой Марии два дня пути, так что придется поторопиться, если хочешь приехать раньше нее. Джеб, ему нужны самые не-приметные доспехи, какие сможешь найти, лучше чер-ные. Ниеллан, постарайтесь собрать провизии, чтобы поменьше весила и занимала места, но чтобы у него не было нужды по дороге заглядывать на постоялые дворы за пропитанием. Джорем, пока они все готовят, давай обговорим, в какое время мы с тобой будем устанавли-вать связь и поработаем немного над этим. Жаль, мы не сделали этого с Ивейн перед ее отъездом... ну да ладно, неважно. Ты готов?

Джорем улыбнулся, сознавая, что отец намеренно погружается с головой в заботы, чтобы хоть немного облегчить гнет беспокойства.

— Ты, как всегда, умудряешься подумать обо всем.

ГЛАВА 29

**Но внезапно в один день
придет к тебе то и другое —
потеря детей и вдовство:
в полной мере придут они на тебя,
несмотря на множество чародейств
твоих и на великую силу
волшебств твоих.¹**

Для Ивейн время тянулось невыносимо медленно, и всю эту неделю, за исключением первых нескольких часов, она чувствовала лишь опустошенность и мрак на душе, и боль потери. Она знала, что Райсу грозит опасность, когда уезжала из Шилла в Сочельник. Она тревожилась за него, когда Джебедия поведал о разрушенном аббатстве Святого Неота и велел собирать вещи. Райс отправился помочь Джевану, но Ивейн знала, что он не доверяет Тавису. Похоже, кризис нарастал и стремительно приближался к развязке. Одному Богу ведомо, уцелеют ли они.

Но она не могла позволить, чтобы страх и сомнения парализовали ее волю. Не могла она и предоставить отцу, брату или мужу, чтобы они вызволили ее из этого кризиса. Это было настоящее чудо, что Джорему

удалось лично прийти и предупредить ее, особенно после того, что им с отцом довелось лицезреть в обители Святого Неота. Они старались как могли, чтобы защитить тех, кто был вверен их покровительству; а ей надлежит позаботиться о тех, кто находится под ее защитой.

Она решила, что их челяди в Шилле небезопасно долее оставаться на службе в Дерини, и потому расплатилась и отпустила большинство из них, а самым преданным передала в дар усадьбу, потому что была совершенно уверена, что никогда не вернется назад. При себе она оставила лишь четверых стражников – все они были холостяками, ибо Ивейн не желала подвергать опасности чьи-либо семьи. Детей закутали в самые теплые одежды, а все ценное спрятали у подножия Портала, включая и несколько древних рукописей, за которыми она намеревалась рано или поздно вернуться; потом она заперла Портал ото всех, кроме кровных родичей. Сменных лошадей нагрузили провизией на всю дорогу, зная, что не рискнут останавливаться в пути.

Кроме того, не ставя в известность Джорема, она отравила Кверона, чтобы тот предупредил Ревана и рассказал ему о последних событиях, ибо невозможно было допустить, чтобы ее старый друг маялся в неизвестности, в ожидании вестей и приказов, которых ему никто никогда уже не передаст. Она заверила аббата, что остается в безопасности, а ребенок не родится раньше, чем через месяц. Кверону очень не хотелось уезжать, но в конце концов он уступил, полагая, что Джорем одобрит это решение.

Всю ночь страхи за Райса не отпускали ее, но потом ей почему-то показалось, что дела у него пошли на лад. Позавтракав, она, весело смеясь, ехала на своем любимом гнедом жеребце возле Райсил, которая, сияя от счастья, скакала рядом с юным стражником. Малыш Тиэг сидел в седле перед Анселем, скрывшим церковное облачение под кольчугой. Мальчик

весело щебетал, пытаясь сосчитать выючных лошадей, следовавших кавалькадой, и на счете «три» постоянно сбивался. В солнечный рождественский полдень Ивейн была меньше всего готова к прикосновению смерти.

Она поняла, что конец Райса не был мгновенным, знала только, что он умирает. Это было как громовой удар — в легких Ивейн больше не было ни глотка воздуха, и она не могла вздохнуть. Она едва не вывалилась из седла, натянула поводья и склонила бескровное лицо к бархатной луке седла. Ансель тотчас пересадил Тиэга, несмотря на его протесты, на лошадь ближайшего слуги и оказался рядом.

— Что случилось? Ребенок?

— Нет... Райс! — удалось выговорить ей.

Обезумевшая от горя, она ушла в транс, стараясь выяснить положение мужа, обнаружить причину его беспамятства. Жизнь угасала, и он ускользал в темноту, куда она не могла добраться.

Это было странное чувство разъединения навсегда, Ивейн потянулась из последних сил... и перестала ориентироваться. Он был очень далеко... в Дхассе?.. Но их разделяли не только многие мили. Ивейн могла чувствовать отзвуки дальних страданий ее отца, брата, Джебедии, но только не *его*, Райса.

Она заморгала и подняла глаза, удивленная, что солнце по-прежнему блестящей монетой сияло в зимнем небе, и по тому, как потрясен Ансель, поняла, что и он почувствовал. Ивейн спрятала лицо в ладонях и заплакала.

О нескольких следующих днях она мало что помнила. В памяти осталась только бесконечная дорога, безвкусная еда, которой ее кормили, и тревожный ночной сон.

Временами, особенно вначале, они мчались по заснеженной дороге, высекая копытами осколки льда и замерзшей грязи, а иногда по несколько часов

538 кряду неподвижно стояли в лесной тишине, и

Ансель делался очень беспокойным, если кто-нибудь кашлял или лошади ржали.

Несколько дней спустя с безумной скачкой и прятками в лесу было покончено. Почти каждую ночь выпадал снег, затруднявший передвижение беглецов, зато остальных не выпускал за ворота. В первые дни Ивейн не могла ни говорить, ни двигаться и не делала бы ни того, ни другого, если бы ее не тормозил Ансель. Юношу заботили безопасность Ивейн и ее будущего ребенка, а в забытии она в любую секунду могла свалиться с коня. Племяннику удалось где-то раздобыть пароконную повозку с крытым верхом, и это избавило его от необходимости неотлучно быть у седла своей тети. На закате понедельника последнего дня года Ивейн вернулась к действительности, стала осмысленно воспринимать происходящее.

За ужином она извинилась за свое состояние, поиграла с детьми и, когда они задремали, принялась расспрашивать Ансея и охранников о событиях последних дней, сидя у костра, надежно укрытого от чужих глаз.

Узнав, что до Трурилла и встречи с сыном осталось четыре часа езды, она упросила немедля ехать. Взяв детей в повозку, она баюкала их песней и укачивала, расплела свои золотые косы и распустила по плечам — Эйдан любил видеть ее такой. Стражники прихватили с собой головни от костра, и факелы отбрасывали на свежевыпавший снег мерцающие багряные отблески.

Когда показался Трурилл, до рассвета оставался всего час, и на востоке горизонт уже розовел. Они, прищпорив лошадей, приближались к цели и вначале не обратили внимания, что заря занялась не там, где положено, а прямо перед ними. На въезде в ложину, ведущую к замковым воротам, Ивейн отдернула занавеску своей повозки и с ужасом увидела языки пламени, чуть колыхавшиеся на легком ветерке раннего утра.

Замок Трурилл горел!

Ивейн вскрикнула и свесила ноги наружу, собираясь выпрыгнуть.

Ансель, подскакавший к повозке, смотрел на пожар в полной растерянности, потом спохватился и подал руку Ивейн, помогая выйти из остановившейся повозки.

Она покачнулась и, чтобы не упасть, ухватилась за кожаную накладку его доспехов, факелы освещали ее безжизненное лицо, окруженное, словно нимбом, золотыми волосами, стелющимися по ветру.

— Там внизу Эйдан! — сквозь рыдания кричала она. — Ансель, мы должны найти его! Они ведь не причинили ему вреда? Он просто маленький мальчик!

В Ивейн говорило отчаяние матери: дочь Камбера знала, что юность жертвы — не помеха для убийц. Если они взяли заложников, оставался шанс, что Эйдан еще жив, хотя она не могла уловить его присутствие. Набег мог быть карательной экспедицией, и тогда не возьмут пленных и не оставят свидетелей.

Они стояли, и время, казалось, остановилось. Ивейн и Ансель пытались внутренним зрением обнаружить в округе солдат и мародеров. Томас, родственник Анселя, взял у одного из своих товарищей факел и молча стал спускаться в долину.

Какое-то время он отсутствовал, а когда вернулся, его лицо было бледно, обувь и штаны перепачканы, его, видимо, стошнило. Он натянул поводья и остановился рядом, не поднимая глаз.

— Ну? — прошептала Ивейн. — Они ушли? Вниз можно спускаться без опаски?

Юноша судорожно глотнул, и его едва не опять не вырвало.

— Миледи, не ходите туда. Это неподходящее место. Там вам не на что смотреть.

У Ивейн сердце оборвалось, она не отваживалась задать следующий вопрос, но не спросить тоже не могла.

— Ты нашел моего сына? Видел Эйдана?

— Прошу вас, миледи, не ходите. Те, кто побывал в Трурилле, были настоящими мясниками.

— А Эйдан? — настаивала Ивейн, подошла к его лошади, взялась за повод и твердо посмотрела в глаза молодого слуги. Юноша склонил голову, к горлу подкатил комок.

— Не знаю, миледи. Слишком темно, чтобы разглядеть лица. К счастью, темно.

Всклипнув, она ухватила Томаса за сапог, стаскивая с седла.

— Слезай. Дай твою лошадь. И оставайся здесь с детьми, пока не увидишь знак, что все спокойно.

Юноша прыгнул на землю с другой стороны. Ансель подъехал вплотную и, не зная, как поступить, взглянул на Ивейн.

— В вашем положении это не самое разумное решение. Ребенок...

— А как же другой мой ребенок, первенец? — возразила она, стараясь взобраться на лошадь и наконец усаживаясь в седле, — Эйдан может быть внизу. Если он там, он может быть жив. Я должна узнать это.

Покачив головой, Ансель взял у одного из стражников факел и встал перед ней.

— Хорошо. Томас, ты и Арик останетесь здесь с повозкой и лошадьми. Как только станет светлее, можете спускаться вниз, но не входите с детьми за замковые стены, пока я не подам сигнала.

Томас, у которого не было никакого желания снова видеть замок, усердно закивал.

— Да, милорд. Вы не хотите, чтобы эти крошки видели, что творится внизу.

Заспанные дети — семилетняя Райсил и малыш Ти-эг — выглянули из повозки, и Ивейн послала им воздушный поцелуй.

— Оставайтесь здесь, милые, — сказала она. — Очень скоро они приведут вас к маме.

Золотоволосая Райсил, слишком развитая для своих семи лет, простодушно спросила:

— Мама, ты хочешь найти Эйдана? По-моему, его нет внизу.

— Посмотрим, Райсил, — Ивейн удалось сохранить тон, хотя дочь подтвердила то, что говорило и ее внутреннее зрение.

Помахав детям, она разобрала поводья цепенеющими от холода пальцами и пустила лошадь в долину. Ансель поспешил оказаться впереди на случай, если лошадь поскользнется. Позади них ехали двое охранников, каждый с факелом. Вся группа — кусок черноты в сумраке рассвета, ограниченный точками огня, — исчезла в низине с поспешностью, неразумной на такой дороге в иных обстоятельствах.

Когда они подъехали к воротам, первый свет нового утра блеснул на небесах, открывая детали чудовищного зрелища. Под замковой стеной лежали шесть или семь мертвых тел, уже припорошенных снежком, видимо, их сбросили со стен, и они обрели смерть на камнях внизу. В воде крепостного рва среди ледяных обломков плавало еще несколько тел. Вздвнувшееся лицо мертвеца смотрело из-под льда прямо в зенит. Ивейн задрожала, плотнее завернулась в плащ и направила лошадь на опущенный замковый мост.

После бойни все, что могло гореть, было подожжено. Деревянные стойки смотровой площадки над башней ворот все еще тлели, некоторые обвалились, загордив собой почти половину ворот. В самом замке огонь тоже сделал свое дело. Крыши центральной башни и большого зала дымились, а от деревянных служб, выстроенных вдоль стен, не осталось ничего, кроме обгоревших бревен, бывших прежде конструкцией кровли. Дверь хозяйственной клетки уцелела, она была заперта снаружи, участь тех, кто остался за ней, была еще страшнее, чем у павших от меча. Двор был усе-

542 ян трупами, снег милосердно прикрывал уби-

тых, щадя зрение. Тошнотворный запах горелого мяса и крови висел в воздухе.

Мрачный Ансель решительно спрыгнул с коня и осматривал лежащие поблизости тела. До боли в пальцах стискивал он рукоять меча, склоняясь над каждой новой жертвой.

Многие тела были изуродованы. Некоторых привязывали к лошадям, которых пускали вскачь, на этих несчастных не осталось ни кусочка кожи, только кровавое месиво. Почтенному седовласому священнику отрубили ладони и ступни, выкололи глаза и бросили умирать на снегу от потери крови. Возможно, это была тоже легкая смерть.

Во двореике, у кухни, Ансель обнаружил двух девушек-служанок, изнасилованных, со вскрытыми грудными клетками. Одна из них была беременна, теперь плод лежал в луже замерзшей крови рядом с матерью.

У него началась рвота. Он захватил пригоршню чистого снега и тер лицо, чтобы прийти в себя; самое ужасное он уже увидел. Вдруг он заметил фигуру мальчика, почти прямо стоявшего у конюшни. Несмотря на расстояние и неяркий свет, Ансель узнал в нем Эйдана.

Он стянул плащ и завернул в него хрупкое обнаженное тело, прежде чем это увидела Ивейн, снял мальчика с кола и положил на островок чистого снега. Лицо оставалось открыто, легкий утренний ветерок играл с золотистыми волосами мальчика, когда Ивейн тяжело опустилась на снег рядом с сыном. Его глаза были закрыты, тело Эйдана заоченело в том положении, в котором он принял свою ужасную смерть. На белой коже груди остались рубцы от бича, которым убийцы истязали мальчика, прежде чем зверски казнить. Ансель не сразу сообразил пересесть, чтобы закрыть от Ивейн орудие убийства ее сына. И она побелела, увидев окровавленный деревянный кол и замерзшую лужу крови у его основания.

Было невыносимо смотреть, как Ивейн припала к Эйдану, и ее волосы, точно светлая металлическая завеса, окутали их, она сжала прекрасное юное лицо и заглядывала в закрытые глаза. Борясь с душевной болью, Ансель пытался понять, почему Эйдана подвергли такой мучительной смерти здесь, во дворе у конюшни?

А потом в темноте конюшни он увидел ответ на вопрос. Потрясенный, он сжал зубы, чтобы сохранить самообладание, поднялся и медленно подошел к двери. Теперь он знал, что случилось с Эйдрианом Мак-Лином.

Все, что он видел прежде, было не более чем жестокостью в сравнении с мучениями, доставшимися хозяину замка.

Раздетого Эйдриана секли и жгли каленым железом, его веки срезали, чтобы он видел совершаемые над ним злодеяния до самого конца. За запястья и лодыжки его привязали к стойкам ворот, подвесив в нескольких футах от земли. До или после того, как ему вспороли живот, его кастрировали.

Ужасное прозрение наступило: они приняли Эйдана за сына хозяина замка. Им показалось мало истязать Эйдриана перед смертью, его заставили смотреть на пытки и мучения мальчика, которого сочли за Камбера Мак-Лина. Сыновья Райса и Эйдриана были так похожи, что их можно было бы принять скорее за родных братьев, чем за двоюродных. Камбера Мак-Лина Ансель не видел среди убитых.

Со сдавленным криком ярости он бросился к Эйдриану и стал мечом разрезать веревки, связывавшие его запястья и лодыжки. Когда последняя веревка была рассечена, замерзшее тело упало на забрызганную кровью землю. Ансель развернулся и пошел туда, где Ивейн по-прежнему сидела возле своего мертвого сына, прижимая его к себе, и мечом рубил окровавленный кол до тех пор, пока тот не разломился и не упал в месиво из щепок и пропитанного кровью снега.

Потом он упал на колени и заплакал, опираясь на меч и горестно склонив голову.

Когда Ансель поднял голову, Ивейн оглядывалась вокруг затуманенным взором. Бартоломью, старший из их охранников, накрыл тело Эйдана своим плащом. Второй стражник Дамон разглядывал два трупа, лежащие в развалинах у ворот, но потом Ансель увидел, как тот задрал голову к поднятой башенной решетке и застыл. После всего увиденного сегодняшним утром что-то над ним вызвало новый прилив ужаса.

— Лорд Ансель! — раздался сдавленный крик Дамона.

Ансель вскочил на ноги, подбежал к Дамону и проследил его взгляд, устремленный в дымящиеся останки смотровой площадки. Там виднелись две окровавленные ступни, пальцы судорожно шевелились. Еще выше Ансель разглядел маленькую белую руку, странно вывернутую, сведенную судорогой.

Ансель приказал Бартоломью подойти, а сам стал пробираться наверх сквозь груды дымящихся бревен. Наконец он смог перебраться на решетку, используя поперечины в качестве лестницы. Когда он приблизился к тому, что видел с земли, то едва не упал вниз от возбуждения.

Ансель знал, что Дамон и Бартоломью следят за ним снизу, что к ним присоединилась Ивейн, напряженно глядя в темноту, но ему сейчас было не до них — в теле, которое он нашел, еще была жизнь, едва-едва держалась.

Убийцы распяли Камбера Мак-Лина, сына Эйдриана. Если бы Анселю не случилось близко сойтись с юным Камлином, как его звали в родне, и часто навещать этот дом, он ни за что не узнал бы его. Изуверы пробили гвоздями тонкие запястья, потом подняли решетку и подожгли надвратную башню. Перед этим Камлин прошел свой круг мучений, о которых Ансель мог лишь догадываться.

Убийцы оставили его умирать, едва касаясь кончиками пальцев ног одной из поперечин решетки, чтобы он из последних сил удерживал себя пальцами ног, а потом повис на пробитых руках и умирал от удушья в пожаре или холода, если дым его не убьет.

Убийцы не приняли в расчет разрушительного действия огня, заставившего сыпаться деревянные балки, к счастью, пощадившие жертву, и силы воли юного Мак-Лина, его жажды жизни. На одно из рухнувших бревен он изловчился поставить ногу, о другое опираясь коленом. Должно быть, боль была просто невыносимой, пришлось раскачиваться на пронзенных руках до тех пор, пока он не смог дотянуться до балок.

Пожар тоже пощадил мальчика. Он не задохнулся в дыму, а пламя не достигло его и даже спасало от мороза. Каким чудом оказались все эти совпадения, сохранившие по крайней мере одну юную жизнь среди этого смертельного запустения!

Ансель добрался до мальчика и коснулся его лба в рубцах и синяках, чувствуя слабый ответ затуманенного сознания. Он послал Бартоломью за инструментом, которым можно было бы вынуть гвозди из запястий мальчика, тем временем Дамон добрался до механизма решетки и начал осторожно опускать ее. Ансель оттолкнул балки, которые могли помешать движению решетки, потом, держась одной рукой, другой подхватил тело.

Когда ноги Камлина лишились опоры и вся тяжесть тела припала на руки, он застонал и потерял сознание, но Анселя это обрадовало. Около четверти часа ушло на то, чтобы освободить мальчика. Его завернули в плащ и отнесли к стене, укрывая от ветра. Он медленно приходил в себя. Пока Ансель и стражники хлопотали, Ивейн разорвала свою рубашку на полосы и перевязала его раны, бинты напитались кровью. Бартоломью согревал тело на своей груди, а Ансель и

546 Дамон растирали ноги и руки Анселя, возбуж-

дая ток крови. Ивейн осторожно коснулась лба мальчика, но тот мотнул головой, сбрасывая ее руку.

— Вы можете помочь ему? — спросил Ансель, укрывая Камлина еще одним плащом.

— Не знаю, — ответила Ивейн. — Воля к жизни у него велика, но я не Целитель. Камлин, ты слышишь меня? Камлин, послушай, — настаивала она, когда опухшие веки открылись, мучительная боль отразилась в глазах и веки опустились.

Дамон откупорил фляжку с водой и протянул ее Ивейн.

— Попей немного, Камлин, — шептала она, проникая в его сознание и ограничивая боль, пока мальчик несколько раз глотнул через силу.

Камлин стонал, понемногу расслаблялся от прикосновения Ивейн, в нем были жизненные силы, и он пытался откликнуться на попытку исцеления. Она еще крепче ухватила за краешек живого сознания и одобрительно кивнула, когда Камлин опустил защиты.

— Камлин, ты слышишь меня? — прошептала она. — Боль стала меньше?

Медленно, через силу, мальчик открыл глаза (такие похожие на глаза Эйдана), от перенапряжения он дышал шумно и прерывисто, но, кажется, теперь мог противостоять боли, сотрясающей тело.

— Тетя Ивейн, — удалось выдать ему. — Вы можете сделать так, чтобы не болело? А дядя Райс здесь?

Ивейн печально покачала головой.

— Нет, Камлин, его здесь нет. Я попытаюсь сделать для тебя все, что смогу. Как ты думаешь, тебе удастся уйти в транс? Нам нужно очистить раны, а это будет очень больно, если я не смогу контролировать тебя в контакте. Ты позволишь мне это сделать?

Мальчик едва кивнул и закрыл глаза. Ивейн вошла в контакт, чувствуя, как послушно опускаются его защиты. Она погрузила его в глубокий обезболивающий сон, какой умели вызывать не-Целители

при помощи партнера. Затем Ивейн осторожно освободила от бинтов одно из запястий, кровь хлынула из раны, и Бартоломью, поддерживавший мальчика, отвернулся.

Ансель отвязал от седла походную лекарскую сумку и открыл флакончик с резко пахнущей зеленой жидкостью, которой Райс обычно очищал раны. Передавая Ивейн смоченный лоскут, он покачал головой.

— Это, правда, поможет? — спросил он безнадежно. — Он выживет или превратится в беспомощного калеку? Взгляните, что с его рукой. Гвозди просто разорвали ее надвое.

Прикусив губу и не желая признавать его возможную правоту, Ивейн протирала раны на запястье, осторожно погружив в них пальцы. Кровотечение долго не удавалось остановить. Только истратив все бинты, Ивейн решила, что помочь больше ничем не может. В это время в контакте с Камлином она почувствовала чье-то призрачное присутствие. Обернувшись, она увидела за своим правым плечом трехлетнего Тиэга.

— Ради Бога, Тиэг, ты же должен спать!

Взглянув на Дамона, все еще растиравшего руки и ноги Камлина, она вздохнула и попыталась зажать раны, ладони стали мокрыми, кровь текла и по ее рукам.

— Дамон, отведи его обратно. Он слишком мал для этого.

— Нет! Я не маленький! — запротестовал Тиэг, хватая мать за руку и сжимая ее с неожиданной силой, когда Дамон попытался оторвать его. — Нет! Тиэг поможет!

Ивейн снова почувствовала странное покалывание в голове, присутствие кого-то, *похожего* на Райса.

Тиэг?

Удивленная, она остановила Дамона и внимательнее посмотрела на Тиэга. Мальчик тотчас перестал пищать и, обвив пухлыми ручонками шею матери, поцеловал ее в щеку.

— Тиэг поможет мамочке, — серьезно объявил он, его ореховые глаза заглянули в ее голубые. — Мы вылечим Камлина, да, мамочка? Мы вылечим его, как папа. — В то же мгновение возник поток энергии Целителя, ненаправленный, неумелый, но Ивейн почти поверила, что у них действительно получится.

Неужели это действительно было?

Ивейн задержала дыхание и медленно выдохнула. Попытаться стоило.

— Хорошо, дорогой. Ты можешь помочь мамочке. Крепко возьми маму за руку, смотри на Камлина и думай о том, как сильно ты хочешь помочь ему. Договорились?

— Я понял, — просто ответил он, выглядывая из-за ее плеча, и рассеянно положил подбородок на ее плечо.

Ивейн искала и устанавливала целительные пункты вне всякой логики и правил, но у нее все получилось. Она вошла с сыном в более тесный контакт и испытала те же самые ощущения, что во время работы с Райсом. Совершенно не понимая, как это удалось, она направила поток целительной энергии.

Все было привычно, все, как с Райсом. Только сейчас Тиэг давал силы, которые она направляла. Она была соединительной нитью, по которой поступала целительная энергия. Они могли это сделать!

Ивейн знала, что Ансель и стражники во все глаза смотрят на нее, но не обращала внимания. Она подняла руку Камлина, смело сжала пальцами сквозную рану, почувствовав, как увеличился поток энергии, несущей с собой тепло жизни к разорванным костям, мышцам и сухожилиям. Через ее пальцы в рану вливался поток целительной энергии, которая раньше принадлежала Райсу, а теперь их сыну.

Ивейн ощупала запястье другой рукой и заметила, что кости возвращаются в нормальное положение, мышцы и сухожилия срастаются, а затем, когда она отняла руку, рана затянулась. Она осмотре-

ла запястье Камлина с тыльной стороны, там тоже было все гладко. О пройденном мальчику будут напоминать едва заметные шрамы на руке и рубец в душе, для исцеления которого нужен другой Целитель, у нее недостаточно мастерства, чтобы заживить душу так, как это сделал бы Райс. Но по крайней мере кости срослись, и тело выздоравливало.

Во время первой части операции Ансель с удивлением наблюдал за ней и Тиэгом, но, поняв, что именно они делали, тотчас развязал второе запястье и постарался как можно лучше очистить. Теперь Ивейн перешла к этим ранам и тоже исцелила их. Затем положила окровавленные руки на грудь мальчика, снимая напряжение готовых разорваться мышц, и наконец заживила следы побоев.

Ивейн чувствовала, что силы ее истощены так же, как и силы Тиэга, но сын с упреком взглянул на нее. Тогда она попросила Бартоломью поднять лежавшего в беспамятстве Камлина, чтобы осмотреть его спину.

С усталой улыбкой Ивейн заживила рубцы на спине, тонких сильных ногах, смыла с рук кровь и, собрав оставшиеся силы, обратилась к его памяти о том, что было до того, когда они пришли на помощь. Когда она закончила, Камлин, завернутый в несколько плащей, мирно спал. Тиэг тоже уснул, свернувшись калачиком, засунув большой палец в рот, с блаженной улыбкой на усталом лице. Осторожно выбравшись из сознания сына, Ивейн взяла его на руки, в безотчетной благодарности прижала к себе и передала Дамону. Бартоломью поднял мирно посапывавшего Камлина, а Ивейн снова присела на колени, вздохнула и потеряла поясницу. Ослабив контроль над собой, она почувствовала сначала едва ощутимый, потом более сильный толчок в животе. Ивейн напряглась, и боль быстро ушла.

— С вами все в порядке? — спросил Ансель, увидев пробежавшую по ее лицу гримасу боли, и взял

550 ее руку. Она овладела собой и кивнула.

— Вроде бы да. Мне кажется, еще одному Целителю не терпится появиться на свет. Такие схватки были и раньше. Когда Тавис потерял кисть, я была беременна всего несколько месяцев, но и тогда мне пришлось уйти из комнаты. По-моему, дитя не любит дисгармонии.

Ансель знаком велел Томасу и Арику подогнать повозку, послал Дамона и Бартоломью поискать, не осталось ли в башне живых людей, а сам вновь принялся осматривать замковый двор.

Некоторое время спустя Бартоломью и Дамон вернулись. На своих плащах они несли завернутое в одеяло тело худощавой седовласой женщины, одетой просто, но изысканно. Облик ничего не говорил о ее положении и достатке, выражение ее лица было таким безмятежным, что могло показаться, будто она умерла во сне. Когда Дамон положил женщину на расстеленные Бартоломью одеяла, Ивейн стояла перед нею.

— Тетя Айслин, сестра моего отца, — тихо сказала она. — Где вы ее нашли, Дамон?

— На верхнем ярусе башни, миледи. В комнате все поломано, но ее никто не трогал. Остается предположить, что она задохнулась в дыму пожара, прежде чем они ворвались.

— Или ее сердце просто остановилось, — пробормотала Ивейн. — Она могла избрать именно этот путь, зная, что смерть близка и какой она может быть. — Она покачала головой и натянула одеяло на лицо старой женщины. — Она была вдовой графиней Кирнской, Дамон, бабушкой хозяина замка и очень знатной особой. Ты уверен, что внутри больше не осталось дам? Раз Айслин и дети были здесь, то жена и сестра Эйдриана тоже должны быть в замке.

— Мы никого не обнаружили, миледи. Вы хотите, чтобы я продолжил поиски?

Да, она хотела, но прежде чем сказать об этом, Ивейн оглядела двор, решая, нужен ли Дамон Анселю. Ансель возился рядом с повозкой, по-

ставленной так, чтобы дети после пробуждения не увидели, что творилось вокруг. Арик, Томас и Бартоломью сносили к центру двора несгоревшие доски и другие легковоспламеняющиеся материалы. Несколько секунд она смотрела, не понимая, что они собираются делать.

— Ансель, что вы делаете? — воскликнула Ивейн, бросившись к нему с живостью, небезопасной в ее положении, и ухватила его за руку.

— Это я приказал, Ивейн. Мы не можем увезти мертвых с собой, не можем похоронить их в промерзшей земле и не можем оставить здесь на милость волков и стихии. В сложившихся обстоятельствах это лучший выход.

Ивейн знала, что он был прав, и не могла сдержать выступившие на глазах слезы. Покачиваясь, она машинально подошла к телу ее первенца, все еще завернутому в плащ Анселя, опустилась на колени и открыла его по-прежнему прекрасное лицо, чтобы убрать волосы с гладкого, воскового лба. В это мгновение, когда тело ее мальчика было скрыто, а ее взору предстало только ангельское лицо, Ивейн почти верила, что Эйдан скончался так же мирно, как и Айслин.

Она сложила руки и взмолилась, взывая к помощи отца или брата, чтобы их совместные молитвы помогли Эйдану совершить его неземной путь, и страстно желая отметить переход жертв бессмысленной жестокости в мир иной чем-то большим, чем погребальный костер, но это было невозможно. На этот раз была только ее панихида. Но кто может проводить ее сына лучше, чем та, которая родила, растила, учила, любила его, а теперь должна отпустить? Она не сетовала на то, что Камлин остался жив, а ее собственный сын умер, — любой, кто прошел через то, что довелось пережить Камлину, заслужил право остаться в живых.

Она молилась и просила помощи у Бога, и когда Ансель пришел, чтобы забрать мальчика и отне-

чуть поодаль, глядя, как ее племянник поднял маленькое, завернутое в одеяло тело, и знала, что это всего лишь разбитая оболочка, что Эйдана в ней уже нет.

По разные от Эйдана стороны положили Эйдриана и Айслин, бывших родственниками Мак-Рори, Ивейн и Ансель соединили руки и сознание, чтобы зажечь погребальный костер.

У нее снова начались схватки, и она почувствовала знакомое тепло отходящих вод... а Ивейн-то казалось, что она держит себя в руках! Снег у нее под ногами порозвел.

Она удивленно вскрикнула, хотя прекрасно знала, что это, и испуганная женщина-человек начала подавлять в ней рассудочную деринийскую колдунью. Ребенок должен был появиться в течение ближайших часов, почти на месяц раньше, и она не могла предотвратить этого. Теперь им придется оставаться в этом ужасном месте смертей и пыток до тех пор, пока она не разрешится от бремени. В этот раз рядом не будет Райса, чтобы облегчить ее труд и боль, не будет даже повивальной бабки. Она подумала, видел ли Ансель или кто-то из стражников, как рождаются дети.

Мужчины же не теряли времени даром, подыскивая для нее крышу над головой. Она не захочет пойти в то, что осталось от конюшни, с полом, залитым кровью Эйдриана, а оставаться возле погребального костра с его удушающим дымом они и сами не могли. Наконец нашлась каморка под кухонной лестницей, которую можно было занавесить одеялами и сделать относительно недоступной для холода.

Во дворе был сделан небольшой очаг, лошадей выпрягли, а повозку откатали. Райсил проснулась от голода, и ей не терпелось как можно скорее выбраться наружу. Разумеется, Ивейн не могла позволить этого и, пока дочь завтракала, сидела рядом с ней. Ансель разбудил и Камлина с Тиэгом, чтобы те тоже перекусили, а потом погрузил всех троих в сон.

После этого Ивейн приступила к своему нелегкому труду, теряя ориентацию во времени, боль внутри непрерывно нарастала, а солнце двигалось к полудню. Большую часть времени Ансель находился возле Ивейн. Охранники продолжали исполнение своей тяжелой обязанности, принося к погребальному костру все новые и новые трупы. Все утро Ивейн слышала треск пламени, принимавшего очередную жертву.

Около полудня голоса стражников зазвучали вдруг по-другому, а потом в каморку ворвался Арик, даже не спросив разрешения.

— Миледи, миледи, посмотрите, кого мы нашли! Они прятались в мусорной куче!

Ивейн едва не заплакала, от радости, увидев грязных женщин, вошедших следом. Это были две ее родственницы. Фиона, маленькая, темненькая, шустрая, вскрикнула и бросилась в объятия Ивейн, плача и смеясь, словно не могла поверить в то, что видела. Мэйри, жена убитого Эйдриана, молча стояла рядом с Бартоломью, опираясь на руку стражника. Ее взгляд блуждал где-то далеко, даже тогда, когда Фиона вернулась и осторожно подвела ее к маленькому стулу возле Ивейн. Ивейн ни о чем не спрашивала Мэйри.

Мужчины вышли, чтобы продолжить свою работу, а Ивейн и Фиона проводили время в разговорах. Пока Фиона смывала с себя и безропотной Мэйри грязь мусорной ямы и переодевалась в сухие одежды, которые вскоре принес Ансель, она рассказала Ивейн, что они с Мэйри видели вчерашнюю бойню из окна своей комнаты под крышей, и, прежде чем нападавшие подожгли башню, им удалось спуститься по вентиляционной трубе уборной. Отважная старая графиня Айслин, слишком слабая, чтобы последовать за ними, вызвалась остаться и скрыть их отсутствие, если убийцы доберутся до комнаты раньше огня; они слышали крики людей, пойманных в ловушку огнем, и знали, что рано
554 или поздно огонь доберется и до них. Вдвоем

они просидели в выгребной яме всю ночь, молясь, чтобы их не обнаружили. В эти ужасные часы Мэйри замкнулась в своем горе.

Родовые муки Ивейн продолжались весь день. Пока Ансель и стражники охраняли их снаружи, Фиона занимала Ивейн болтовней об исцелении Камлина, своей любви к Райсу и всем прочим, лишь бы отвлечь роженницу от приступов боли. Прежде рядом с Ивейн всегда находился Райс, облегчавший ее задачу, теперь природа сама должна была сделать свое дело. Когда новорожденная появилась на свет, и мать, и дитя были измучены. Ансель позволил Ивейн отдохнуть и подкрепить силы едой, но потом настоял на продолжении пути.

Они тронулись из Трурилла — Ивейн в повозке с Тиэгом и младенцем, Райсил на пони, а Камлин и две женщины на лошадях под охраной Анселя и стражников. Они ехали всю ночь и весь день, дважды ускользнув от патруля графа Кулдского и останавливаясь только затем, чтобы покормить и напоить лошадей и немного отдохнуть самим. Однако на закате Ансель обнаружил, что далеко позади появились преследователи.

Он ничего не сказал об этом Ивейн, но она и так поняла. Она почувствовала их холодное, тупое присутствие, понимая, что они из числа тех, кто пытал и убил ее сына. Она ненавидела их всей душой и была бессильна в своей ненависти. Ансель продолжал вести беглецов, но вокруг сгущались сумерки, а дорога становилась все хуже, и он всерьез беспокоился. Их преследователи приближались, медленно, но неуклонно, а повозка ощутимо замедляла их передвижение. Когда они еще более придержали лошадей, чтобы повозка не опрокинулась на оледеневшем склоне, Ансель подъехал к их жалкому экипажу и руками удерживал его на дороге. Лицо Ивейн, отодвинувшей занавеску и посмотревшей на него, было бледным и изможденным.

— Они догоняют нас? — спросила она.

Ансель мрачно кивнул.

Глубоко вздохнув, она изучила свое состояние и решила пересечь на лошадь. Это казалось единственным способом избавиться от преследователей и, вероятно, единственной возможностью. Если все они поедут верхом и немного поднажмут, то, выбрав одну из незаметных тропинок, они смогут добраться до монастыря к рассвету или немногим позже. Но сначала нужно было избавиться от преследователей и риска раскрыть врагам свое единственное пристанище.

— Значит, я поеду верхом, — сказала она, отнимая младенца от груди, заворачиваясь в плащ и опуская ноги с повозки, — Бросив тележку, мы выиграем время, особенно в темноте.

Ансель тотчас спрыгнул, чтобы поддержать ее, пока Ивейн пыталась выпрямиться, а вместо того едва не упала.

— Это глупо! Ехать верхом в вашем положении! Вы хотите убить себя?

Знаком она подозвала Дамона, чтобы выпрячь тянущих повозку лошадей.

— Нет, конечно. Но я не хочу, чтобы нас догнали, и не хочу привести наших преследователей к нашему убежищу. Мы видели, как поступают с Дерини в этой стране. Дамон, ты и Томас отцепите повозку и наденьте на лошадей седла. Я и дитя поедem с Фионой.

— А не лучше ли вам, по крайней мере, ехать со мной или с кем-нибудь из мужчин? — спросил он. — Не знаю, сможет ли Фиона удержать вас, если вы станете падать.

Сойдя с лошади, на которой она ехала вместе с Ариком, Фиона подбежала, чтобы поддержать Ивейн под руку и взять младенца.

— Она не упадет, — сказала Фиона, — я не позволю. Лошади легче везти двух женщин, чем женщину и мужчину. Это логично.

Ансель был в нерешительности, зная, однако,

556 что, если Ивейн решила, ее не переубедить. Они

действительно выиграют время, отказавшись от повозки. Осмотрев лошадей, которых они теперь имели, Ансель выбрал самую большую и легкую на ходу для Ивейн и Фионы, попросив Арика отдать им свое седло, так как знал, что Арик может ехать и без седла. Дети сели рядом с ними, Дамоном и Ариком, а Мэйри посадили на вторую лошадь из повозки, Томас должен был сопровождать ее. Бартоломью и Райсил на пони замыкали караван.

Сначала они ехали неторопливым шагом. Но когда выяснилось, что Ивейн относительно хорошо переносит скачку, перешли на рысь. С наступлением темноты начавшийся легкий снежок запорошил их следы, а вскоре после этого они миновали несколько развилок на дороге, появилась надежда, что их преследователи сбиты со следа.

Через некоторое время Ивейн стало плохо, и с каждой пройденной милей ее силы все убывали. Но она не решилась говорить об этом Анселю, остановка или потеря скорости могли отдать их во вражеские руки. Лучше умереть на дороге, чем испытать на себе то, что выпало обитателям Трурилла.

Наступил второй день нового года. Мороз стал сильнее, но в длинном ночном переходе беглецы оторвались от преследователей. Они скакали и скакали сквозь темноту, только дважды останавливаясь, чтобы дать отдых лошадям. Ивейн поторапливала спутников.

На втором привале она осталась на лошади — во время первой остановки она видела кровь на обивке седла (однако ни Фиона, ни Ансель не заметили этого) и знала, что остальные не должны ни о чем догадываться. Она, сидя в седле, покормила девочку, плотно завернувшись в тяжелый плащ; нетаявшие снежинки лежали на густых золотистых волосах, выбивавшихся из-под капюшона и окружавших личико ее дочери.

Когда они продолжили путь, Ивейн погрузилась в состояние, близкое к трансу, решив, что

это лучший способ не потерять сознание от слабости. Она с трудом помнила последние часы и милые путешествия. В монастырь святой Марии-на-Холмах они прибыли как только рассвело.

Когда беглецы въехали во двор аббатства, Ивейн удалось вернуться в сознание, всем своим существом возликовав при виде Джорема, бегущего ей навстречу по чистому снегу. Она передала новорожденную подошедшему монаху, почувствовала руки Джорема на своей талии, и перед глазами все закружилось.

Очнувшись, она обнаружила себя в теплой и сухой постели закутанной в мягкие одеяла. Правую щеку согревало тепло веселого огня. Запах чего-то вкусного щекотал ноздри. Пока она была без сознания, ее вымыли и переодели (Ивейн подозревала, что не обошлось без Фионы). Все еще не открывая глаз, она осторожно шевельнула ногой и сразу вспомнила о жестоких страданиях своего тела в последние несколько дней. Быстро обследовав себя, она убедилась, что кровотечение остановилось, а общее состояние было значительно лучше того, что она ожидала.

Возвращение порядка в мыслях возбудило воспоминания, и Ивейн открыла глаза. Она обнаружила, что лежит на узкой кровати возле весело потрескивающего камина. Потолок и стены комнаты были оштукатурены и выбелены, доски натерты маслом до блеска. Справа от нее сидел облаченный в черное монах, помешивая содержимое чашки, от которой и исходил вкусный запах. Позади стоял еще один монах, она догадалась, что это аббат. С другой стороны кровати коленапреклоненный Джорем, одетый в черную, вместо привычной синей, ризу, и в епитрахили, молился, опустив голову на грудь. Позади него Ивейн увидела Фиону, выносившую таз с грубыми серыми полотенцами.

Увидев внутренним зрением, что она очнулась, Джорем поднял голову. Прежде чем она успела от-
558 крыть рот, Джорем приподнял ее голову, и мо-

нах стал ложкой вливать мясной бульон. Игнорируя ее сопротивление, монах подтолкнул ложку к ее губам. Ивейн сдалась, послушно глотая теплую пахучую жидкость. Когда она доела, монах поднялся и, не говоря ни слова, вышел в сопровождении аббата. Джорем уложил сестру обратно на подушки, Ивейн с любовью глядела на него.

— Можно подумать, что кто-то умирает, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Эта епитрахиль не очень-то бодрит.

— Если ты пообещаешь, что тебе она не понадобится, я сниму ее, — ответил Джорем, беря руку Ивейн и нежно целуя. Она кивнула и снова улыбнулась.

— Я никогда не знала наверняка, шутишь ли ты или нет, ты делаешь это так редко, — произнесла Ивейн. — Но ты все-таки снимешь ее?

— Только после твоего обещания, — повторил он прямо.

— Обещаю.

— Так-то лучше. — Он стянул епитрахиль свободной рукой, коснулся ее губами и положил на укрывавшие Ивейн одеяла, словно священное облачение должно защитить его сестру. Потом он взял ее руку обеими своими и прижал к подбородку.

— Господи, Ивейн, как я боялся за тебя! Когда вы приехали, ты была такой бледной. Фиона сказала, что роды не были тяжелыми, но ты потеряла слишком много крови! Тебе не следовало так поспешно взбираться на лошадь и ехать так далеко.

— Это было необходимо, — сказала она.

— Теперь ты должна поправиться. Но если бы ты не вышла из беспамятства, то могла умереть. А где Кверон?

— Прежде чем покинуть Шилл, я отправила его к Ревану.

— К Ревану? В твоем состоянии, когда скоро должен был родиться ребенок?

Она слегка пожала плечами, вздрогнув от напряжения слабых мышц.

— Тогда я еще не знала, что это случится скоро. Как там девочка, с ней все в порядке?

Джорем кивнул.

— Сейчас все спят. Пока Фиона и брат Доминик мыли тебя, Ансель рассказал, что произошло.

— Брат Доминик?

— Тот, что кормил тебя супом. Он работает в лазарете. Разумеется, у них нет ни одного Целителя.

— Мне тоже так кажется. — Она глубоко вздохнула. — Как Элистер? — мягко спросила она, используя это имя по привычке, хотя в комнате никого не было.

— Пока что в Дхассе, — прошептал Джорем. — Сегодня вечером я свяжусь с ним и передам, что вы добрались. Кстати, ваше желание во что бы то ни стало уйти от погони было оправдано. На следующий день после Рождества регенты объявили нашу семью вне закона. Подозреваю, именно поэтому Трурилл подвергся нападению, свою руку к этому приложил и клан слишком уж рьяных Мак-Иннисов. Но в любом случае Элистер и Джебедея ждут новостей о новом синоде в Рамосе, прежде чем присоединиться к нам. Новый архиепископ и его прихлебатели уже лишили сана всех священников-Дерини, устранили епископов, не пожелавших пойти на сотрудничество с ними, и запретили Дерини вступать в духовное сословие.

Ивейн взглянула на епитрахиль, лежавшую поверх одеял, и снова на брата.

— Кажется, ты не принял низложения.

— А как ты думаешь? — ответил он.

Его крепко сжатые зубы и мрачный огонек, тлевший в серых глазах, рассказали Ивейн все то, что она хотела знать.

Ивейн улыбнулась.

— Понятно. Ты сказал что-то про нового архиепископа. Хьюберт?

— А кто же еще? Ниеллан и Дермот бежали с нами в Дхассу, но Хьюберт наверняка знает, где мы, потому что он приказал Рану осадить город. Кай и Давит Ниван убиты в соборе на Рождество, так же как и...

Он склонил голову, голос его сорвался. Джорем во все не собирался говорить на эту тему, особенно с ней, но Ивейн уверенно сжала его руку.

— Я уже знаю, Джорем. Все в порядке, можешь говорить и об этом.

— Мне очень жаль, Ивейн, — прошептал он. — Видит Бог, мы пытались спасти его, но не имея под рукой Целителя... Это было ужасным, бессмысленным, трагическим...

— Я знаю, — пробормотала она. — Вы не виноваты в этом. Неужели ты думал, что мне не известно об этом? Неужели ты думал, что я ничего не почувствовала, когда он умер?

Она часто заморгала, чтобы скрыть выступившие слезы, и смотрела в потолок до тех пор, пока не смогла продолжить.

— Нам не удастся пребывать здесь вечность, — произнесла она, немного отойдя от переживаний. — Нельзя подвергать опасности добрых монахов, предоставивших нам кров. У тебя есть какие-нибудь идеи, кроме того, чтобы собраться здесь всем вместе?

Джорем кивнул, вновь возвращая спокойствие духа.

— Нам с Анселем поручили начать возводить здесь Портал. Как только сможем, отправимся в старый михайлинский храм, куда мы водили Синхила. Он пустует, но давние запасы все еще там. Превратив Портал в храме в ловушку, мы будем в безопасности, по крайней мере какое-то время.

— Бывают куда худшие места изгнания. А тут мы почти как дома. Ты сказал, что вы собираетесь соорудить здесь Портал. Вам одним не управиться...

— Даже и не думай предлагать свою помощь, — мягко произнес он. — Мы собирались попро-

силь Кверона, но можно найти и других. Насколько я помню, Фиона знакома с этим делом. Можно будет привлечь и Камлина, если он поправится к тому времени.

Ивейн вновь подняла глаза к потолку, до боли закусив губу.

— Тебе рассказали о тете Айслин, Эйдриане и... Эйдане? — прошептала она дрожащим голосом.

Джорем кивнул.

— А также о том, как ты исцелила Камлина. Это было чудо, Ивейн!

— Нет, это все Тиэг, — поправила она, снова поворачиваясь к брату. — Он тоже Целитель, как и его отец. Он... — Она с трудом сглотнула, упорно стараясь справиться со слезами. — О, Джорем, его отец так гордился бы им!

Не в силах больше сдерживаться, зарыдала в объятиях Джорема, гладившего ее по голове, бормотавшего глупые слова и в конце концов установившего с ней контакт, чтобы каждый из них узнал, что случилось с другим со времени их последней встречи. Когда она наконец взяла себя в руки и открыла глаза, Джорем сидел рядом, здесь же был и брат Доминик со второй миской похлебки.

— Я не могу, — она попыталась протестовать. — Еще столько дел впереди.

Но Джорем был непреклонен.

— Единственное дело у тебя на ближайшие несколько дней — это поправляться, — сказал он. — А теперь, прошу, не перечь брату Доминику и поешь. Мы с Анселем позаботимся обо всем, пока ты не окрепнешь.

ГЛАВА 30

**Для дерева есть надежда, что оно,
если и будет срублено, снова оживет,
и отрасли от него выходить
не перестанут.¹**

Для Камбера новый год начался не лучше, чем для его детей, ибо еще до того как он получил безрадостные вести от Джорема, его настигли печальные сообщения из Валорета. Камбер вместе с епископом Дермотом помогали Ниеллану служить полуденную мессу, что вошло у них в обычай со дня бегства в Дхассу. Сложив руки на груди, они ожидали, пока епископ дочитает последний отрывок из Евангелия:

«In principio erat Verbum, et Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum. Hoc erat in principio apud Deum. Omnia per ipsum facta sunt; et sine ipso factum est nihil, quod factum est...»

«Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово был Бог...»

Пока Ниеллан читал, над Порталом часовни замерцал и сгустился воздух, а затем возникла темная фигура в окружении пурпурной дымки – ибо этот Портал по-прежнему был заряжен как ловушка. Ниеллан лишь мельком покосился в ту сторону, ибо месса уже подхо-

¹ Иов 14:7

дила к концу, но Джебедея вместе с епископскими стражниками немедленно заняли позицию вокруг выложенного мозаикой участка, отмечавшего местонахождение Портала. Камбер незаметно присоединился к ним. Он сомневался, чтобы кто-то в часовне опознал эту фигуру в черном, но у него сомнений не было: это Тавис — и один, без Джевана.

Он кивнул Джебедеи и стражникам, чтобы они прикрыли новоприбывшего от взоров паствы, на коленях ожидавшей епископского благословения, и осторожно шагнул в пурпурный туман. Ловушка была расставлена таким образом, чтобы ментально оглушить любого, кто попадет в нее, до прихода Ниеллана, но Камберу не терпелось расспросить Тависа хотя бы на словах.

— Что стряслось? Где Джеван? — торопливо спросил он, схватив Тависа за плечи и вперившись взглядом в светло-голубые глаза.

Целитель вздохнул.

— Он сидит со своими братьями в Совете и слушает, как регенты подтверждают законность рамосских эдиктов.

— Рамосских эдиктов? Сегодня? Всех?

— И даже больше того.

Тут к ним приблизился Ниеллан, рассеял туман ловушки и положил руку на руку Тависа. Дермот по-прежнему находился у алтаря, задувая свечи. Джебедея и его воины пошли провожать последних утренних посетителей часовни. Пока комната пустела, Камбер поблагодарил Ниеллана и полностью обратил свое внимание на Тависа, предпочитая мысленный контакт словам. Значимость той информации, которая в следующее мгновение мощным потоком потекла в его сознание, было трудно переоценить.

Ночью Джеван узнал, что скоро будут обнародованы новые законы. Следом за этим должно начаться массовое истребление Дерини, потому

что сохранение хоть некоторых избранных не входит в планы регентов. Регенты утвердили все предложения епископов, а потом внесли собственные дополнения.

Джевану после того, как он сообщил все это Тавису, волей-неволей пришлось приказать своему Целителю скрыться в безопасном месте. Остаток ночи и раннее утро Джеван и Тавис провели в обсуждениях планов и даже придумали способ связи после бегства Тависа.

Этот момент наступил, Джеван взял себя в руки и, как подобало принцу, предстал перед двором. Тавис, разрывавшийся между своими желаниями и необходимостью, пробрался к потайному Порталу в арсенале без происшествий. А остальное Элистер знает.

— Что ж, могло быть и хуже, — прошептал Камбер, когда их с Тависом соединяла только тонкая нить контакта, затем поделился тем, что узнал, с двумя остальными Дерини. — По крайней мере у тебя было время поговорить с Джеваном. Ну а то, что ты ушел в день обнародования планов регентов, позволит тебе заручиться поддержкой во всем, что бы ты ни решил принять дальше. Законы вступают в силу немедленно?

Тавис устало покачал головой.

— Джеван не знал этого. Однако скорее всего — да. Он видел неподписанные указы о том, что все земли, находящиеся в собственности у Дерини, поступают в распоряжение короны, а также список объявляемых вне закона дворян. Там было несколько специально оговоренных исключений — для тех нескольких наследниц-Дерини, которые выйдут замуж за высокопоставленных людей. И тем не менее, мне кажется, каждый Дерини, независимо от ранга, попал в их списки. Послушайте, мы можем где-нибудь присесть? Я не спал всю ночь, едва стою на ногах от последних новостей.

— Мы можем пойти в мою комнату наверху, — предложил Ниеллан, подталкивая их к двери. Пока они шли по коридорам, Камбер засыпал Целителя вопросами.

— А как насчет обучения Дерини? За это будут казнить смертной казнью?

— По сути дела, да. Состоялся разговор по поводу того, что для Дерини следует запретить *любое* обучение. Но Джеван говорит, что в конце концов это приостановили — слишком трудно провести в жизнь. Но самим Дерини не позволяют обучать ничему, регенты боятся, что они смогут учить и магии. — Он вздохнул. — По крайней мере, нашему народу не придется оставаться неграмотным.

Усевшись за столом в комнате Ниеллана, они обсудили последствия рамосских решений, мрачно заключив, что новые законы могли бы оказаться еще хуже. Далее обсуждались детали связи между Тависом и Джеваном. Мальчик находился среди враждебно настроенных людей, поэтому требовалась тщательная разработка способов обмена информацией и, если положение Джевана станет совершенно невыносимым, возможно — побега. Камбер и его собеседники решили встречаться с принцем каждые пять дней у Портала в арсенале. Но Тавис должен предупредить Джевана, что один из четверых Дерини будет его связным, и, если мальчик захочет поговорить с кем-то лично, а не оставить сообщение, он должен прийти к Порталу сразу после вечерней мессы в один из установленных дней. Его присутствие будет указывать на то, что можно без опасений появиться в зоне и забрать его для личной встречи, однако не следует встречаться слишком часто — его могут выследить или заметить его отсутствие.

— По крайней мере до тех пор, пока он играет роль трусливого простачка, сохранится его относительная безопасность, — сказал Ниеллан. — А как вы, Тавис?

Тавис пожал плечами, а Камбер слегка улыбнулся ему.

— Во многом это зависит от Джевана, не так ли, друг мой? Мы не ожидали тебя так скоро, но

566 раз уж ты здесь, мы используем это с выгодой.

Ты исполнишь то, о чем мы говорили раньше, и соединишься к Ревану?

— В этом я согласен с точкой зрения Райса, Элистер, — ответил Целитель. — Если никого другого не найдет-ся, я сделаю это. Я бы солгал, сказав, что хочу этого. Меня будут узнавать. — Он поднял покалеченную руку. — Даже смена облика не поможет мне вернуть кисть.

— Нет, но когда мы обеспечим тебе прикрытие, твоя внешность и явное увечье станут вполне подходящими, — ответил Камбер. — Все знают, что это сделали с тобой Дерини. Ты уже покинул двор. А если Джеван будет играть свою роль хорошо, показывая злость и обиду на тебя за то, что ты бросил его, то к весне ты сможешь найти Ревана. Разумеется, попытаемся найти другого Целителя, но тебе придется посетить несколько крупных городов и подготовить почву. К марту, когда ты «наткнешься» на Ревана, ты должен быть готов дать убедительный спектакль.

Камбер положил руку на плечо Тависа.

— Я знаю, что будет нелегко, сын мой. Если тебя это немного успокоит, ты будешь не один. Ниеллан, вы не поможете нашему юному другу? Нам хотелось бы переселиться в старый михайлинский храм как можно скорее. Но, возможно, нам с Джебедией придется сначала отправиться в монастырь святой Марии, если возвести там новый Портал не удастся без нашей помощи. В ближайшие дни мы ожидаем сообщения от Джорема по этому поводу.

— Я позабочусь о нем, — согласился епископ. — Кроме того, пока я буду работать с Тависом, у Дермота появится прекрасная возможность узнать о нас побольше. — Он взглянул на епископа-человека. — Вы согласны, Дермот? Вы готовы сотрудничать с еретическими и проклятыми Богом Дерини?

Дермот ответил на улыбку Ниеллана, смущенно улыбнувшись.

— Мне кажется, я уже сотрудничаю.

Весь остаток дня и большую часть следующего они провели в обсуждении плана действий. Вечером третьего дня, извинившись, Камбер удалился готовиться к контакту с Джоремом. Джебедея последовал за ним до спальни, где он должен был стоять на страже, пока Камбер находится в состоянии полного расслабления, необходимого для контактов на расстоянии. Контакт был обычным, однако Камбер узнал нечто совершенно необыкновенное.

Он принял сообщение Джорема и оцепенел в бездействии, совершенно потрясенный жестокостью изуверов в Трурилле. Инстинкт подсказывал ему привлечь к контакту Джебедею, чтобы ужас не разрушил разум, Джебедея мог поддержать и смягчить удар.

Камбер с трудом осознавал реальность этой чудовищной катастрофы. Он никогда не был особенно близок со своей сестрой Айслин и ее детьми. Эйдриана он встречал всего несколько раз, но что это меняло, здравому человеку не понять тех, кто мог заставить живые существа пройти через такое. Убийства, пытки, надругательства... и боль от смерти Райса, чуть забывшаяся в вихре последних событий, вспыхнула с новой силой при известии о смерти его первенца. За последние полгода Камбер терял уже второго внука, но гибель Эйдана не была быстрой и безболезненной, как смерть Девина. Даже чудо спасения из ужасов Трурилла блекло перед дьявольским всесилием и беспощадностью палачей.

Вскоре они с Джебедеей передали новость Джорема тем, кто собрался к ужину. После вспышки гнева за столом было решено, что Элистеру и Джебедеи следует, не теряя времени, отправляться в аббатство святой Марии, закончить строительство Портала, чтобы все могли скрыться в безопасном месте. В полночь двое одетых в черные дорожные костюмы из кожи и

отделанные мехом плащи ступили на круг Портала в часовне Ниеллана. К их поясам были пристегнуты простые солдатские мечи, а меховые шляпы надвинуты на глаза. Кольчуги, надетые под кожаные куртки, постепенно нагрелись. Кроме архиепископского кольца, скрытого перчаткой, и небольшого золотого креста на груди, у Камбера не было никаких признаков его сана.

Перед уходом Камбер и Джебедея опустили на колени перед алтарем часовни, чтобы получить благословение и напутствие Ниеллана. Оно было немногословным. Старые друзья вошли в пурпурную дымку Портала, чувствуя, как она рассеивается по мысленному приказу Ниеллана. В молчании Камбер вошел в контакт с Джебедией, и они исчезли, появившись в темноте руин под Грекотой.

Они не решились открыто выйти из Портала в башне Элистера и взять лошадей в епископских конюшнях. В прежние времена это было бы законным правом бывшего епископа Грекотского. Но Камбер и Джебедея не знали, вступил Эдвард Мак-Иннис во владение своей новой епархией или нет. Кроме того, Хьюберт мог послать войска к своему племяннику, предвидя появление Дерини Келлена в своей бывшей резиденции. А Камберу и Джебедии совсем не хотелось оказаться лицом к лицу с многочисленными врагами.

Поэтому они решили использовать Портал в руинах и большую часть ночи провели, расчищая завалы в коридорах в свете огня, зажженного от рук. Пришлось немало попотеть, прежде чем перед рассветом они наконец выбрались на воздух. Затем они замаскировали свои следы и дождались, пока проснется город. Лошадей два бывалых солдата похитили точно в момент открытия городских ворот и под прикрытием шумной и пестрой толпы, спешившей на рынок и отвлекавшей внимание стражи, безопасно покинули город.

Скоро выяснилось, что их никто не преследует. От Грекоты до монастыря оставалось не

более трех дней пути. Они несколько раз меняли лошадей и выбирали глухие дороги и тропы, когда пришлось пересекать Хортнесс и Картан — земли своих главных и опаснейших врагов, нынешних хозяев Валорета. Встречаться с конными патрулями им приходилось по несколько раз на дню, но внимания Камбер и Джебедея к себе не привлекли. В своих черных кожаных костюмах, угрожающе надвинутых шляпах, с простыми мечами они мало чем отличались от воинов, спешивших с поручением.

Только при ближайшем рассмотрении могло выясниться, что один из них был явно стар для военной службы, да и другой лишь немногим моложе.

Путники миновали Пурпурную Марку и поднялись к холмам, лежавшим ниже аббатства святой Марии, не встретив никаких осложнений. Действуя достаточно осторожно, постарались объехать стороной Кор Кулди и руины Трурилла.

Лишь необходимость переждать буран вынудила их остановиться в маленькой гостинице в Кулди. Это была единственная ошибка. Камбер и Джеб очутились в одной комнате со множеством людей, среди которых выделялись четверо рыцарей грубого вида в форме и со знаками отличия графа Кулдского — *нового* графа Кулдского, разумеется. Когда Камбер и Джебедея устраивались перекусить в дальнем углу, из-под откинутой полы плаща сверкнул нагрудный крест Камбера. Служанка принесла и поставила перед гостями кружки с пивом, Камбер машинально спрятал крест под плащ и думать забыл о нем. Это была не ошибка, а так, нелепое стечение обстоятельств.

Вероятно, крест не вызвал бы у рыцарей особенного интереса. Хотя украшение было слишком дорогим, и большинство солдат не могли позволить себе иметь такое, но его нынешний обладатель, вполне вероятно, мог украсть его у незадачливого священника,

570 скорее всего аббата. Один из рыцарей, напри-

мер, несколько дней назад снял дорогое кольцо с пальца убитого.

Однако во время еды двое одетых в черное незнакомцев не сняли свои отороченные мехом шляпы, и это удивило рыцарей. Вполне возможно, странники не снимали шляп просто от холода. Но, с другой стороны, головные уборы могли скрывать, например, тонзуры. А зачем священникам путешествовать переодетыми в воинов?

Это так заинтриговало рыцарей, что они решили поближе рассмотреть странную пару. Не находилось никакого логического объяснения причин, заставивших двух священников путешествовать зимой в этой части страны, скрывая свой сан, если только эти двое не были Дерини! На прошлой неделе граф Манфред говорил, что все епископы по-прежнему в Рамосе — разрабатывают план действий против проклятых Дерини. Он как следует растолковал все, прежде чем послать их в Трурилл.

Трурилл. Там было действительно весело! И они послужили церкви! Брат графа Манфреда, нынешний архиепископ и примас Гвиннеда, благословил каждого, кто принимал участие в набеге на Трурилл. А юный епископ Эдвард, сын графа, также обещал молиться за них.

Некоторое время они по-прежнему сидели над своими кружками, вспоминая подробности удачного дня, но потом, не имея лучшего занятия до окончания бурана, приступили к выяснению того, кто все-таки сидит в дальнем углу. Солдаты или священники? Люди или Дерини? Оба были намного старше, чем поначалу казалось рыцарям, может быть, около пятидесяти. И почему они не сняли шляпы? В корчме было вовсе не холодно!

В течение следующего получаса каждый рыцарь нашел предлог разглядеть незнакомцев поближе: один подходил к стойке, чтобы снова наполнить

кружки пенистым играющим элем, другой шел во двор, третий — на кухню, чтобы заказать себе еще мяса (рыцари на службе у графа Кулдского на безденежье не жаловались). Затем они снова собрались за столом, чтобы высказать свои мнения.

Обменявшись впечатлениями, они заключили, что младший из двоих скорее всего был, как и они, солдатом, возможно, благородного происхождения и, вне всяких сомнений, настоящим воином. Огонек решимости, сверкавший в его темных глазах, был хорошо знаком всем четверым, а его подвижные, в шрамах пальцы всегда находились около рукоятки меча или кинжала.

Тот, что был постарше, оказался более интересным объектом наблюдения, хотя и в его глазах светился тот же огонек. Черты лица старика показались очень знакомыми одному из рыцарей, подвизавшемуся при дворе пару лет назад.

А когда он понял, что предмет, казавшийся обыкновенной золотой полоской, был на самом деле изысканным перстнем с повернутым внутрь камнем, картина начала выстраиваться.

Перстень скорее всего был символом власти. Аметистовое кольцо — знак епископства. У этого еще и нагрудный крест. А тонзура под шляпой! А вдруг это Элистер Келлен, бывший канцлер Гвиннедский и епископ Грекотский? До назначения в епархию Грекотскую Келлен был михайлинцем. Поэтому и роль солдата дается ему легко. Если так, перед ними Дерини, укрывающийся от правосудия.

Но для чего этот вероотступник выбрал именно Кирни и взял себе в спутники только одного? Теперь они догадались, что и второй незнакомец был михайлинец, но кто конкретно? Не Джорем Мак-Рори, сын Камбера-еретика и бессменный секретарь Келлена.

Мак-Рори светлее и моложе.

— Может, Джебедея Алькарский? — догадался один из рыцарей. Граф Манфред говорил что-то насчет того, что Алькара сбежал на Рождество вместе с Келленом и Мак-Рори. Неужели это действительно был бесславный граф Джебедея, наставник объявленных вне закона михайлинцев?

Настойчивые не в меру изыскания поставили прохвостов в трудное положение. Вооруженное столкновение с двумя Дерини, да еще михайлинцами — это никого из четверых не вдохновляло. Можно без особых хлопот усилить отряд, но тогда придется делиться вознаграждением, а денежки дадут немалые, в особенности если Келлена удастся взять живым. Кроме того, один из рыцарей вовремя вспомнил, что обитатели Трурилла не слишком сопротивлялись. Они умерли так же, как люди, не выказывая признаков своего волшебства. Если эти Дерини не отличаются от тех, стоит ли бояться? Разве благословения архиепископа Хьюберта и епископа Эдварда не оберегают их по-прежнему?

А то, что они михайлинцы, тоже не беда. Они старики, и их только двое. Им не устоять против четверых отличных рыцарей.

Расхрабрившись, негодяи занялись разработкой стратегии. Если эти двое действительно были Келленом и Алькарой, один вопрос оставался невыясненным: зачем они приехали в Кирни? Вне всякого сомнения, хозяину будет очень любопытно узнать ответ. Может, это часть заговора, о котором графа Манфреда предупреждал его брат неделю назад, когда в Кор Кудди получили известие об объявлении Келлена вне закона.

Вероятность того, что эти двое направлялись на встречу с сообщниками, еще больше распалила жадность рыцарей. Указав графу Куддскому дорогу к Деринийскому гнезду, они получают большее вознаграждение, чем за поимку Келлена и Алькары. А если удастся взять их живыми, какое наслаждение получит их хозяин, пытая Дерини перед казнью. В то же время, **573**

если им удастся проследить за передвижением этой пары после бури и выяснить их намерения, то они смогут управиться и сами. Так что награду не придется делить ни с кем.

Итак, бравая четверка решила до поры не нападать на путников. Они только следили по очереди, чтобы парочка не ускользнула без их ведома, когда буря утихнет.

И Камбер, и Джебедия, ничего не подозревавшие о тайном заговоре против себя, приближались к цели своего путешествия, не заподозрив ничего злонамеренного в том, что незадолго до рассвета следующим утром на дорогу вместе с ними выехали четверо рыцарей.

Около полудня они остановились у небольшого придорожного храма над закованными льдом ручьем и прудом. Пока Джебедия поил лошадей, пробив каблук корку льда у берега, Камбер отправился по выпавшему за ночь снегу к храму, оставляя за собой глубокие следы. От монастыря святой Марии их отделяло всего несколько часов езды. Стоило попытаться установить контакт с Ивейн и Джоремом, в гостинице не было такой возможности.

Храм — собственно, миниатюрная часовенка с остроконечной крышей, защищающей от непогоды деревянную фигуру Богоматери, и открытая с одной стороны. У подножия фигуры намело небольшие сугробы, и прежде чем склонить голову в короткой молитве, Камбер разгреб их затянутыми в перчатки руками. Стояла молитвенная тишина, лишь изредка нарушаемая пофыркиванием лошадей, звяканьем уздечки.

Камбер услышал приближение всадников, когда они подъехали совсем близко, — он пребывал в глубоком трансе, а свежавыпавший снег заглушал стук копыт. Даже Джебедия не удостоил верховых особым вниманием, когда они выехали из-за поворота и свернули к пруду. Норовистый жеребец Камбера изда-

574 ли почуял чужих коней и разволновался. Джеб

приглядывал за ним, но конь так резко развернулся с намерением лягнуть, что старый воин едва избежал удара. Камбер обернулся на шум, прервав контакт, когда только что коснулся сознания дочери, Джебедия был поглощен умирением жеребца и не заметил, что четверка взялась за мечи.

Камбер слишком поздно узнал прибывших и понял их намерения. Должно быть, его и Джебедию узнали, проследили за ними и дождались, пока обстоятельства обернутся им на руку. Вряд ли эти четверо могли заставить двоих Дерини в более невыгодном для последних положении.

Камбер предостерегающе закричал и, на бегу вынимая меч, ринулся к пруду. Четверка окружила Джебедию, и один из рыцарей едва не нанес смертельный удар по голове, Джебедия вовремя увернулся.

Лошадь упала, едва не сбив Джебедию с ног, но он успел ухватиться за поводья второго коня, спрятаться за ним и выиграть время, чтобы обнажить меч.

Он выскочил с другой стороны и рубанул по ноге нападавшего. Кровь умирающей лошади и раненого человека смешалась на снегу, и всадник, изрыгая проклятья, попятился назад, но его место уже занял следующий и атаковал. Пока Джебедия справлялся с ним, третий рыцарь подкрался к нему сзади и нанес удар в левое плечо. Прорезав кожу и кольчугу, меч вошел в плоть.

Джебедия, вскрикнул, выпуская поводья, которые все еще держал, и в тот же момент тяжелое копыто ударило его в грудь с силой, способной переломать ребра. Его спасла кольчуга, однако, широко разевая рот, он не мог вдохнуть. Джебедия оказался перед четвертым всадником, обманул его ложным выпадом и сдернул его на примятый снег, затем развернулся, чтобы парировать выпад своего второго противника. Раненые лошади ржали и лягались, представляя не меньшую опасность, чем мечи нападавших.

Тут подоспел Камбер, ослепил лошадь одного из атакующих, бросив в морду свой плащ, и вонзил меч в другого. Ослепленная лошадь попятилась назад, сбросив своего седока на другого и внеся еще большую сумятицу. В это время Камбер обменивался ударами с одним из рыцарей, оставшихся в седле. Он не видел, как Джебедию ранили во второй раз, но слышал его вскрик и ругательство, когда он отступил. Сам Камбер не без труда уходил от меча собственного противника, Ему удалось избежать еще одного удара и принять следующий. Меч рыцаря оставил кровавый след от бедра до колена, но в пылу битвы он не обратил внимания. Он должен был добраться к Джебедии и защитить его!

Теперь двое нападавших остались без лошадей, один из них был недвижим. Но Камбер понимал, что если они с Джебедией хотят получить шанс выиграть, им нужно стащить на землю двоих оставшихся. Джебедия отбивался от всадника и пешего рыцаря, а конный противник Камбера строго выдерживал дистанцию, на которой его было не достать мечом. При сближении приходилось помнить и о подкованных сталью копытах его коня, Камбер их уже хорошенько рассмотрел. Он отчаянно бросился к лошадиной морде, схватил за поводья и что было сил дернул, конь не устоял и рухнул, сначала на колени, а потом и на бок.

Однако ее седок оказался искусным, может быть, слишком искусным для Камбера с его раной. Всаднику удалось соскочить, прежде чем лошадь упала; очутившись на земле, он перепрыгнул через своего упавшего друга и оказался перед Камбером. Камбер почувствовал опасную вялость начавших уставать мышц, подчинявшихся куда менее охотно, чем когда-то. Он вскрикнул, когда противник рассек ему руку и поразил бедро как раз там, где заканчивалась кольчуга.

Боже, этот человек был слишком быстр!

Камберу удавалось держаться на ногах, но
576 сколько осталось сил, он не знал. Меч врага сно-

ва достал его, теперь правую руку, он сумел перебросить оружие в другую руку и отразить выпад. И даже ранил своего противника. Похоже, рыцарь никак не ожидал, что этот старик опасен и с мечом в левой руке.

Возраст все-таки был отнюдь не преимуществом — Камбер и Джебедия это все больше ощущали. Джебедия выглядел худо, надежды у него уже не осталось, он, весь в крови, защищался от пешего воина и, казалось, забыл о коннике, заезжавшем ему за спину. Оставшиеся без седоков лошади металась и ржали, возбужденные запахом крови и лязгом металла. Каждый раз, когда Камбер пытался подобраться поближе, к Джебедии, его противник все сильнее прижимал его.

У них в самом деле почти не осталось шансов. Сбив врага с ног движением, которому Элистер не мог научиться ни в одной из рыцарских школ михайлинцев, он развернулся к последнему всаднику и, собирая последние силы, обратился к самому острому моменту в земной жизни Элистера Келлена.

Внезапно вспышка света полыхнула перед Камбером, озарила поляну, и он упал на колени.

Больше не повинаясь себе, метнулся к всаднику и перерезал ему горло прежде, чем тот успел понять, что произошло. Отбросив еще продолжавшее сражаться, но уже мертвое тело, Камбер вдруг понял, что наступила тишина. Он слышал, как лошади пробираются через кусты, окружающие поляну, и испуганно фыркают, но вокруг не было ни звуков, ни движения. Спустя несколько секунд глаза стали привыкать к обычному свету.

Потрясение последних мгновений было чересчур велико, чтобы точно определить, насколько тяжело он ранен. Джебедия скорчился, зарывшись в снег, меч, зажатый в его окровавленном кулаке, странно поблескивал. Его жертва пала рядом. Чуть дальше лежал рыцарь, убитый с помощью заклинания, с мечом Камбера в груди. Рукоять почернела, меч поворачивался, **577**

ему случалось видеть такое только раз — на поляне при Йомейре.

Камбер подумал было, не могло ли заклинание подействовать и на Джебедию, но другая часть сознания возразила:

Джебедия все еще жив. Бездыханным лежал прежний противник Камбера, хотя серьезных ран видно не было. Его глаза застыли в удивлении и ужасе.

Протянув к убитому трясущуюся окровавленную руку, Камбер уловил остатки заклинания и внезапно понял, откуда они. Потрясенный, он тряхнул головой и, пошатываясь, направился к едва шевелившемуся Джебедии.

— Что ты сделал? — пробормотал он, подхватывая его седеющую голову.

Дымясь на морозе, кровь толчками выбрасывалась из раны в бедре. Камбер в отчаянии сжал рану руками.

— Боже, Джебедия! Ты слышишь меня?

Джебедия едва слышно застонал, а Камбер одной рукой стянул с себя пояс и дважды перетянул бедро выше раны. Это ему далось непросто — дыхание стало шумным и прерывистым. Черная кожа костюма побархоталась, а из бедра его друга кровь струилась по-прежнему.

— Отвечай, Джеб! — умолял Камбер, поднимая слабого друга, и с болью в сердце нащупал рукой еще одну рану в спине. Меч Джебедии погрузился в снег, подтаявший вокруг лезвия. Он и сейчас наверняка еще не остыл.

— Боже мой, что ты сделал? — прошептал Камбер.

Джебедия вдохнул, не разжимая зубов, и, собрав последние силы, улыбнулся, взглянув на Камбера.

— Только не говорите, что мое волшебство вам не знакомо, — пробормотал он. — Боюсь, получилось небезупречно, но в противном случае ваш дружок убил бы вас.

— Небольшое перемещение энергии. Беспокоиться не о чем. Важно, что вы живы. Если одному из нас суждено было... О, Боже, как неприятно умирать! — воскликнул он, когда волна боли прокатилась по нему.

— Нет! Не говори так! — приказывал Камбер, теснее обнимая раненого. — Ты не умрешь! Я не позволю!

Джебедея закрыл глаза, облизнул губы и выдавил сардоническую улыбку.

— Вы не часто ошибаетесь, мой друг, но на этот раз...

Он вздохнул и обмяк на руках Камбера, хотя сознания не потерял. Камбер хотел было положить руку на лоб Джебедеи, но, взглянув на нее, вытер о куртку, еще больше испачкался, теперь в собственной крови, и воспользовался полкой плаща. Погладил лоб Джебедеи, перерезанный морщинами боли, и вошел в давно знакомый контакт, свойственный только им.

Запал боя понемногу проходил, и Камбер почувствовал, как тают силы, но это не имело значения — у него на руках лежал умирающий друг.

Он уловил мысленное присутствие Ивейн и Джорема, но закрыл доступ для них. Сейчас на это не было времени. Джебедея умирал, и только Камбер мог облегчить его муки.

— Элистер, — после мгновений молчания удалось прошептать Джебедеи. — Элистер, нет, *Камбер*, выслушай... мою исповедь... пожалуйста...

— О, Господи, Джеб, не заставляй меня делать этого...

— И умереть, не исповедавшись? — Михайлинец слегка вздрогнул, то ли от боли, то ли от ужаса, доверчиво посмотрел на Камбера и сжал его золотой крест, снова выбившийся наружу. Слабеющей рукой он поднёс крест к губам, поцеловал его и решительно взглянул на Камбера.

— Благословите меня, святой отец, я совершил грех. Со времени своей последней испове-

ди ненависть скопилась в моем сердце, и я убил человека, использовав магию. Я молю о прощении.

От застывших глаза слез и головокружения Камбер ничего уже не видел, но чтобы совершить с Джебедией церковное таинство, ему и не нужно было видеть. Перекрестив лоб, Камбер отпустил грехи. Затем закрыл глаза и углубил контакт.

У него снова появилось легкое чувство необъяснимого. Серебряная ниточка развязывалась, и связывавшие с землей узы стали слабеть. Сейчас не было магического круга, но внутренним зрением Камбер увидел едва различимый, бесплотный образ молодого Джебедии, поднимающегося над телом, обмякшим в его руках, — образ доброго, полного жизни юноши.

Михайлинец не смотрел на него. Его взгляд был устремлен к часовне за поляной. Оттуда брызнул холодный серебряный свет. Сверкающая искорка превратилась в фигуру кого-то очень знакомого, облаченную в голубые одежды Ордена святого Михаила, фигура медленно плыла к ним, едва касаясь ногами недавно выпавшего снега. На лице, которое столько лет смотрело на Камбера из зеркала, светилась широкая молодая улыбка, навстречу Джебедии распахнулись объятия.

Затаив дыхание, Камбер смотрел, как молодой Джебедия поднялся с земли и шагнул к призраку. Они обнялись, как давно разлученные братья, их радость ощущал даже Камбер. Они обернулись и посмотрели на Камбера, сначала Джебедия, а потом призрак, и раскрыли объятия для него, приглашая присоединиться. Как он желал этого! И согласно помахал рукой... Но приступ боли застлал слезами глаза, возвращая в телесный мир. Он снова обратился к зрению и ничего больше не увидел.

На руках лежало мертвое тело Джебедии. Он одновременно скорбел и ликовал. Казалось, время остановилось, давая ему шанс обдумать свою собственную судьбу. Камбер чувствовал, что тоже уми-

рает, кровь сочилась из его ран и застывала на притоптанном снегу, но это было неважно. Другое занимало его, он только не вполне понимал, что именно.

Тело Джебедии выскользнуло из его рук, и он лег, положив голову на плечо мертвого друга. Солнце уже миновало зенит и теперь клонилось к горизонту. Он повелел вернуться своему прежнему облику, ощущая странное чувство обратного перевоплощения после стольких лет. Но это было необходимо, особенно после того, как он увидел призрак, встречавший Джебедию.

Камбер знал, что поступил правильно, вернув себе обличие. Оказалось, что это превращение снова открыло его разум для Ивейн и Джорема.

Он замечал их едва различимое присутствие где-то на краю своего сознания, но у него не было желания устанавливать контакт. В отчуждении от их нетерпеливых вопросов и суетных опасений он спокойно и беспристрастно передал суть случившегося и сообщил, как найти место, где он теперь лежит. Он касался их душ, восхищаясь красотой сознания своих детей и наполняясь любовью, но, изложив все, решительно закрыл свой разум.

Оставалось сделать еще что-то, что-то важное, чего он никак не мог понять. Тело дрожью напомнило Камберу, что оно слабеет, и он опустился в подсознание. Он точно знал, что у него останется время, чтобы сделать то, что он должен.

Боль и мороз овладевали его телом. Солнце опустилось ниже, и легкий снежок закружился над поляной.

Он находился на грани сознания и беспамятства, и в своих размышлениях Камбер снова вернулся к тому, чье тело коченело рядом с его, еще теплым, и к тому, кто пришел встречать освободившуюся душу. Об Элистере, настоящем Элистере, которого знал много лет назад. Элистер умер смертью воина, вот так лежа на поляне. Вместе с кровью из его ран вытекла жизнь. Элистер... Элистер...

Течение мыслей замедлилось. Камбер чувствовал это, но не мог помочь себе. Плавая в странном полузабытии, он вспомнил Эриеллу, прекрасную, коварную, умную Эриеллу, ее мертвые пальцы, сжатые силой волшебства. Ее затея не удалась, и Камбер знал, почему. Он едва не использовал это заклинание для Райса и был уверен в успехе, сейчас он понял, что тогда не следовало привлекать магию. Никто не вправе решать за других.

Но заклинание все-таки существовало. Снова и снова его мысли описывали один и тот же круг — Джебе-дия, Элистер, Эриелла и заклинание. Он был не в силах вырваться.

Тот, кто произносил заклинание, действительно не умирал? Или только получал доступ к миру, который Камбер уже дважды видел? Однако просто сдаться смерти, по крайней мере сейчас, значит не получить ответа, хотя он никогда не боялся умереть, считая, что в свое время будет готов к ней. Существовал еще один вопрос: есть ли какая-то определенная причина, по которой ему дарован доступ в иной мир?

В минуту озарения он все понял. Понял, почему попытки Эриеллы окончились неудачей, понял большую часть плана Создателя, в котором он сам был только звеном. Он понял и причины того, почему может быть дарована милость не умереть, а войти в иное, призрачное королевство, где можно служить Господу и человеку иным способом. И именно ему было ниспослано знание того, где можно совершить этот переход, чтобы впоследствии служить силам Света.

Это было так просто, Это было так прекрасно. Ему всего лишь нужно было открыть свой мозг, вот так...

* * *

На закате один из мертвецов на поляне зашевелился под своим снежным одеялом, чих-

нул, стиснул голову руками и застонал, пытаясь сесть. Его звали Рондел, он был одним из рыцарей Манфреда, графа Кулдского. Последней мыслью, сохранившейся в его памяти, была собственная ярость на михайлинца, схватившего его за ногу, вывернувшего ее и столкнувшего его с лошади. Как он ударился о землю, Рондел уже не помнил.

В его памяти всплыла картина сражения, и, встав на четвереньки, он огляделся в поисках опасности, сжимая в руке кинжал. Все было спокойно, и только мягкий снег медленно падал с темнеющей высоты небес. Едва заметные в тени на краю поляны, полуиспуганные лошади глодали оголенные зимой ветки и пили из замерзшего пруда. Вокруг в сгущающихся сумерках виднелись пять припорошенных снегом тел, и, леденея от ужаса, Рондел понял, что в живых остался один.

Однако затем расчетливость взяла в нем верх. Его товарищи мертвы, а значит, он один получит награду за поимку Келлена и Алькары, ибо у Рондела не было никаких сомнений насчет того, что именно тела этих двоих лежали там, поодаль. Если бы он только смог поймать лошадь или двух...

Когда ему наконец удалось подманить к себе коня, уже сгустились сумерки. Несколько минут Рондел гладил пойманную лошадь по шее, успокаивая ласковыми словами, а потом медленно подвел к двум мертвецам в черных одеяниях. От падения и холода мышцы болели, глаза видели все как-то смутно, но задерживаться дольше он не решался. Рондел находился в нескольких часах езды от гостиницы, в которой останавливался с товарищами прошлой ночью, другого пристанища на этой дороге не было. Он должен погрузить трупы на лошадь и убраться отсюда, пока снег не повалил еще сильнее и не появились волки, частые гости в этих местах.

Он склонился над одним из покойников, чтобы перекинуть его через седло, как вдруг за-

метил меж мертвых деревьев свет факелов, приближавшихся со стороны, противоположной той, куда он направлялся. Он не слышал стука копыт, но, судя по количеству факелов, сюда направлялось не менее дюжины всадников, и они будут здесь уже через несколько минут.

Терзаемый алчностью и страхом, он стал торопливо искать, что бы такое прихватить с собой в качестве доказательства. Может быть, перстень? В любом случае, главное убраться подальше, пока не появились всадники ... У первого из погибших никакого кольца не оказалось, зато одеревеневшие пальцы сжимали золотой крест, который они с приятелями заметили еще в гостинице.

Он сумел вырвать драгоценность из рук мертвеца и разорвать цепочку на шее второго, чтобы забрать крест себе. Он торопился, да и вокруг было уже темно, поэтому он не заметил, как переменился внешне старик, которого он в первый раз видел под ярким полуденным солнцем. Увидел он только кольцо, епископский перстень с аметистом, украшенный гравировкой в виде крестов. Но снять его никак не удавалось снять, а стук копыт доносился все более отчетливо.

Медлить было больше нельзя. В качестве доказательства сойдет и крест. В любом случае, у Рондела не было сомнений, что один из убитых никто иной как епископ-вероотступник Элистер Келлен... Впрочем, если креста им окажется недостаточно, так и само золото кое-чего стоит. Спрятав украденную драгоценность на груди, Рондел вскарабкался на лошадь и поскакал прочь, и вскоре растворился в сумеречной мгле.

И вскоре на поляну выехали всадники, озарив ярким светом факелов это место скорби.

ЭПИЛОГ

**И застроятся потомками твоими
пустыни вековые: ты восстановишь
основания многих поколений,
и будут называть тебя
восстановителем развалин,
возобновителем путей
для населения.¹**

На заре следующего дня, в ледяном предрассветном покое, оглушенная горем Ивейн в одиночестве вошла в часовню Святой Марии, что на кирнийских холмах. Она присела на молитвенную скамеечку спиной к алтарю, почти опираясь о него и запрокинув голову. На ней был неприметный черный шерстяной плащ, какие носили все в обители, и черное монашеское одеяние. Она обхватила колени руками, пытаясь хоть немного согреться; а когда повернула голову направо — из-под капюшона выскользнули пряди волос и ярко блеснули в свете свечей у алтаря.

По крайней мере, подумала она, скользя взором по деревянной загородке, отделявшей северный трансепт, — Портал будет закончен, как он того хотел. Там, за этой перегородкой, Джорем с Анселем, и еще несколь-

¹ Исая 58:12

ко монахов, трудились, как проклятые, снимая пласты земли вплоть до голой скалы, пока не образовался колодец диаметром в размах рук взрослого мужчины. Несколько часов назад на дне его Джорем мелом изобразил восьмиугольник, а теперь готовил тех, кто должен дать энергию для создания Портала: Анселя, Фиону, Камлина, Райсил и даже, по его настоятельной просьбе, малыша Тиэга. Посопротивлявшись немного, Джорем позволил и Ивейн поучаствовать, но ей следовало сохранять силы до последнего момента. И без того прошлой ночью скачка подорвала ее силы, а ведь с рождения Джеруши прошло так мало времени ...

Эта скачка... Со вздохом она медленно повернула голову и взглянула на темные очертания двойного гроба, что вырисовывались слева, в центральном проходе. Ей не нужно было подниматься с места, чтобы разглядеть мертвецов; у того, что лежал ближе к ней, был профиль Элистера Келлена — ради Анселя и остальных они сохранили ему эту маску. Рядом лежал Джебедия, и оба от шеи до пят были укрыты темным дамастом.

Она вернула отцу внешность Элистера в первые же мгновения, едва только они с Джоремом добрались до залитой кровью поляны, пока не подоспели остальные. И теперь краешком сознания она продолжала удерживать эту иллюзию — постоянное, зудящее напряжение, — пока они не переправят тела для погребения вместе с прочими михайлинцами в ту древнюю часовню, с которой было связано столько воспоминаний ... Райс сделал бы это с куда меньшими усилиями, но Райс тоже был мертв, и сколько бы она ни скорбела, ей не вернуть ни его, ни отца. Скоро Камбер упокоится рядом с Райсом, и, если не считать Джорема и детей, она останется совсем одна. Закончилась эпоха.

Они с Джоремом — и, возможно, кто-то еще — будут продолжать борьбу, потому что так хотел Камбер, но теперь все будет иначе. Ей казалось, будто у

586 нее вырвали сердце, а грудь набили соломой.

Конечно, она не умрет, но, похоже, и оживет тоже не скоро ...

Она вновь тяжело вздохнула и, поднявшись с места, приблизилась к гробу, сознавая, что для прощания осталось не так много времени. Черты Элистера Келлена, ставшие за эти годы почти столь же родными, как и то лицо, которое они скрывали, были невозмутимы; свечи отбрасывали золотистые отблески на седые волосы и на запавшие глазницы. Склонив голову, она накрыла ладонями его руки, скрытые под покрывалом, затем убрала иллюзорную личину, молча глядя на любимое лицо, ибо слез у нее давно не осталось. Так прошло несколько минут, пока Ивейн наконец не осознала, что было нечто странное в том, как у отца сложены руки.

Она моргнула, затем внимательно сосредоточилась на их очертаниях, с любопытством покосилась на руки Джебедии — но нет, те были сложены, как положено, аккуратно, почти не выделяясь под тканью. Ивейн отогнула дамаст, чтобы разобраться, в чем дело. Странно... у Камбера ладони чуть повернуты на груди, словно он удерживает некую драгоценную вещь. Сперва робко, затем решительнее, она попыталась разгладить ему руки, но те не поддались, и дело тут было не только в трупном окоченении, и не в холоде.

В этот миг странное воспоминание скользнуло в глубине сознания, и, озадаченная, Ивейн прикрыла глаза и погрузилась в себя. Почти сразу ей удалось ухватить искомое: давным-давно они общались на мысленном уровне с отцом, он поведал ей о последнем бое Элистера Келлена... о том, как он принял смерть на поляне в Йомейре, и о прекрасной, но смертельно опасной женщине, что пала, пронзенная мечом, успев перед гибелью сложить руки вот также, в попытке применить заклинание, которое большинство Дерини считали легендой, без малейших шансов на успех; и Камбер сказал тогда, что он знает, *почему заклинание ей не удалось!*

С тихим возгласом Ивейн вернулась в настоящее, и голова у нее закружилась от внезапного открытия. Надежда вспыхнула ярким пламенем, и она дрожащими пальцами коснулась отцовской руки. Неужели возможно такое, что Камбер вовсе не мертв — что он просто во власти таинственных чар, и его можно вернуть в мир живых?!

Негромкие шаги за спиной прервали ее раздумья.

Она вернула отцу чужие черты, и обернулась виновато, словно ее застали на месте преступления. Но это был всего лишь Джорем, усталый и изможденный. Он приобнял сестру за плечи в жалкой попытке утешения.

Она на миг опустила голову ему на грудь, не зная, стоит ли поделиться с братом своей догадкой. Собрав всю свою решимость, Ивейн искоса взглянула на Джорема и прошептала:

— Посмотри на его руки.

Он, похоже, заметил лишь откинутую ткань.

— Ну и что? Что там у него с руками?

— Вспомни Йомейр, — прошептала она в ответ. — Ты же был там. Йомейр и Эриеллу ...

Воспоминания нахлынули в его сознание, словно бесшумный взрыв. Пошатнувшись, он ухватился за край гроба, чтобы не упасть, раздираемый самыми противоречивыми чувствами: восхищением перед отцовской отвагой, страхом от святотатства человека, бросившего вызов смерти ... и шальной надеждой, что это могло бы оказаться правдой. Образ Йомейра ярко пылал в его сознании.

Несколько мгновений спустя, он вновь натянул покров обратно, скрывая руки, и опустился на колени, затем, весь дрожа, с закрытыми глазами уперся лбом о край гроба. Ивейн обняла брата за плечи и прижалась к нему, стараясь мысленно оградить от потрясения, эхом отдававшегося на всех уровнях сознания.

— А ведь это возможно, ты знаешь, — прошептала она. — Я не вполне уверена, и все-таки,

это возможно. Он не слишком со мной откровенничал, но, по-моему, он часто рылся в древних архивах в Грекоте. Записи хранятся в нескольких тайниках, но их можно собрать воедино.

Джорем с шумом вдохнул и выдохнул несколько раз, явно сияясь взять себя в руки, а потом вновь поднял голову, не сводя глаз с неподвижного тела отца.

— Полагаешь, тебе под силу вернуть его к жизни? — спросил он чуть слышно.

— Я даже не вполне уверена, что он, действительно, пытался применить это заклинание, и уж тем более — удалось ли оно ему. Ведь он был тяжело ранен, помнишь? Если это все же какие-то чары, то нам понадобится опытный Целитель, а это будет не так-то просто. В любом случае, первым делом нужно установить, сработало ли заклинание, а уж затем думать, как изменить его ход. — Она вздохнула. — Если же я ошиблась, и никакого волшебства не было, значит, он просто умер, и тут уж мы бессильны.

Она не могла знать наверняка, что случилось с отцом, но была твердо намерена узнать истину, и если получится вернуть его в мир живых, то исцелить все раны и вызволить из сумерек небытия, которые не были смертью, но не были и жизнью в обычном понимании. Если это возможно, то они с Джоремом сделают все необходимое, пусть даже на это уйдет целая вечность.

Однако вдвоем им не удастся достичь цели, хотя если и придется звать на помощь посторонних, им они не откроют всей правды. Из ныне живущих лишь ей с Джоремом была в полной мере ведома тайна Камбера-Элистера, и они никого не должны посвящать в этот секрет. Нельзя допустить, чтобы погибла легенда о Святом Камбере. Когда Портал будет готов, они с братом заберут тело отца в убежище, в то самое, о котором поведал епископам Джорем во время канонизации Камбера, и по крайней мере, эта ложь обратится в истину. Элистер Келлен наконец упокоится бок

о бок со своим другом Джебедией, а рядом будут лежать принц-младенец Айдан... и Райс. Все они будут похоронены, хотя бы на время, в тайной часовне михайлинцев, ныне охраняемой магией, где столько лет тому назад и началась вся эта история ...

Но то, что было начато тогда, должно быть продолжено. Теперь, когда тело Святого Камбера можно наконец явить его почитателям, найдется дело для небольшой группы Дерини и людей, то самое, чем до недавнего времени занимался Кверон Киневан со своими последователями. Отныне даже Джорем, невзирая на все сомнения и колебания, сможет с открытой душой поддерживать их; ибо в эти дни, когда кровавое безумие регентов несло все больше бед народу Гвиннеда и расе Дерини, перед угрозой преследований и полного истребления всей их расы, даже брат Ивейн осознал, сколь важна для всех них была святость Камбера. И пока они с братом будут пытаться вернуть отца к жизни, тайный Орден, созданный ими, станет хранителем сего источника, поддерживая веру народа в то, что Святой Камбер не покинул их, сколько бы регенты ни твердили обратное, и что даже из загробной дали он вовеки пребудет защитником всего Гвиннеда.

Вздохнув, она еще крепче обняла брата и улыбнулась, ощущая, как мятущееся сознание понемногу успокаивается под ее нежным мысленным касанием.

Теперь он вновь стал прежним — невозмутимым, уравновешенным, и готов был принять то будущее, что она предлагала ему. Разум Ивейн и Джорема слился воедино, и оба черпали уверенность из взаимной поддержки ... как вдруг на краткое мгновение им почудилось, будто рядом оказался кто-то третий, близкий и родной, кто коснулся их с лаской и любовью — точно чья-то рука потрепала ее по щеке, а его по затылку, то ли в приветствии, то ли в благословении... но это касание было слишком мимолетным, чтобы в него поверить.

И тут же ощущение присутствия исчезло, даже раньше, чем они успели вполне осознать его, и брат с сестрой лишь обменялись взглядами, полными изумления и благоговения. Вместе они поднялись, крепко держась за руки, молча уставились на такое родное и одновременно незнакомое лицо человека в гробу.

Он был с ними, теперь они в этом не сомневались — и не только в том смысле, что мертвые никогда не покидают тех, кто любил их при жизни, хотя бы в воспоминаниях. Нет, не только. Воображение или реальность, иллюзия или ощущение ... теперь это не имело значения. Пятнадцать лет назад Камбер и его дети вместе положили начало важнейшим свершениям. Они вместе пережили все эти годы, принося огромные жертвы; и вместе продолжают свои начинания в будущем, насколько хватит сил. Ивейн и Джорем — не последние в этой цепи, а лишь ее начальные звенья. В свою очередь, им суждено стать опорой для тех, кто придет позже, дабы пронести идею мира и порядка над бушующими волнами Хаоса. Новое поколение — Ансель, Райсил, Тизг и, да, даже юный Камлин — вот кто станет воплощать в жизнь мечты Камбера. Им, молодым, — а ведь даже не все они будут Дерини, — целителям, мечтателям, хранителям наследия таких людей как Камбер, принадлежит грядущее. В них — единственная надежда.

За спиной слышались шаги. И когда Ивейн обернулась, чтобы приветствовать тех, кто вошел в часовню, она готова была поклясться, что заметила улыбку на устах своего отца.

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Камбер-еретик

Художественные редакторы О. Адашкина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: Л. Андреева
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать 21.02.01. Формат 84х108^{1/32}.
Усл. печ. л. 31,08. Тираж 10.000 экз. Заказ № 3667.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения не читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «меча и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-006491-8

9 785170 064915